

А л е к с е й И в а н о в

БРОНЕ ПАРО ХОДЫ

Р О М А Н

18+

Annotation

В 1918 году речными флотилиями обзавелись и «учредилловцы» в Самаре, и Троцкий в Нижнем Новгороде, и повстанцы Ижевска, и чекисты в Перми. А в мире бушевала инженерная революция, когда паровые машины соперничали с дизельными двигателями, и в российское противостояние красных и белых властно вторгалась борьба лидеров нефтедобычи — британского концерна «Шелл» и русской компании братьев Нобель.

Войну вели и люди, и технологии, и капиталы. В кровавой и огненной круговерти речники оказывались то красными, то белыми. Их принуждали стрелять в товарищей по главному делу жизни, принуждали топить пароходы — славу и гордость речного флота. Как сохранить совесть посреди катастрофы? Как уберечь тех, кого ты любишь, кто тебе доверился? Как защитить прогресс, которому безразличны социальные битвы? Там, на палубах речных буксиров, капитаны искали честный путь в будущее, и маленький человек становился сильнее, чем огромный и могучий пароход

-
- [Алексей Иванов](#)
 - [Часть первая](#)
 - [01](#)
 - [02](#)
 - [03](#)
 - [04](#)
 - [05](#)
 - [06](#)
 - [07](#)
 - [08](#)
 - [09](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

○ [Часть вторая](#)

- [01](#)
- [02](#)
- [03](#)
- [04](#)
- [05](#)
- [06](#)
- [07](#)
- [08](#)
- [09](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

○ [Часть третья](#)

- [01](#)
- [02](#)
- [03](#)
- [04](#)
- [05](#)
- [06](#)
- [07](#)
- [08](#)
- [09](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

- [16](#)
- [17](#)

- [Часть четвёртая](#)

- [01](#)
- [02](#)
- [03](#)
- [04](#)
- [05](#)
- [06](#)
- [07](#)
- [08](#)
- [09](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [Часть пятая](#)

- [01](#)
- [02](#)
- [03](#)
- [04](#)
- [05](#)
- [06](#)
- [07](#)
- [08](#)
- [09](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

- [17](#)
- [Часть шестая](#)
 - [01](#)
 - [02](#)
 - [03](#)
 - [04](#)
 - [05](#)
 - [06](#)
 - [07](#)
 - [08](#)
 - [09](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
- [Часть седьмая](#)
 - [01](#)
 - [02](#)
 - [03](#)
 - [04](#)
 - [05](#)
 - [06](#)
 - [07](#)
 - [08](#)
 - [09](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- Часть восьмая

- 01
- 02
- 03
- 04
- 05
- 06
- 07
- 08
- 09
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17

- Часть девятая

- 01
- 02
- 03
- 04
- 05
- 06
- 07
- 08
- 09
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17

- Финал

- [01](#)
 - [02](#)
 - [03](#)
 - [04](#)
 - [05](#)
 - [06](#)
 - [07](#)
 - [08](#)
-

Алексей Иванов
Бронепароходы

Часть первая
СПАСТИ

Божья колесница с дороги не сворачивает, и весна не замечала истории. Светлые дожди сыпались на взрытые окопы германского фронта, как веками сыпались на мирные пашни; сквозь грохот эшелонов прорастало пение птиц, и густой дым паровозов бесследно растворялся в зыбкой зелени перелесков; на городских площадях многолюдные митинги тысячами ног расплёскивали солнце из луж, но не могли погасить его сияния. Однако летом восемнадцатого года смертоносная революция медленно всплыла из обломков прежней жизни, словно уродливое чудовище из обломков кораблекрушения.

...Раньше эти щегольские фаэтоны возили чистую публику из гостиниц и губернских присутствий в рестораны или в театр, на пристани или на вокзалы; заносчивые извозчики брезговали стоять даже у синемаатографа. Но Губчека реквизиовала у поверженного класса избыток собственности, и теперь лаковые борта фаэтонов были исцарапаны, в полотне складных крыш зияли дырки, а бархат диванов затёрли крепкие зады пролетариата.

У экипажа Великого князя Михаила побрякивало отскочившее крыло над колесом. Михаил тревожился: почему его, поднадзорного ссыльного, забрали из гостиницы ночью и тайно? И ещё неприятно было соседство угрюмого черноусого милиционера Жужгова. Милиционер не понимал дистанции, которую всегда соблюдают воспитанные люди; он уселся в экипаж рядом с Великим князем, надвинул козырёк мятой фуражки, скрывая тёмные глаза, и на ухабах лесного тракта бесцеремонно толкал Михаила своим твёрдым плечом. Лошадью правил другой чекист. Его спину пересекал узкий ремешок портупей, на бедре оттопыривалась кобура с торчащей рукояткой браунинга.

Михаил оглянулся — не отстал ли фаэтон с Джонсоном?

— Не гоношися, — недовольно буркнул Жужгов.

— Долго ещё ехать? — спросил Михаил.

— Скоко надо.

В дверь его гостиничного люкса чекисты забарабанили уже в первом часу. Михаил ещё не разделся и не лёг, потому открыл сразу.

Чекистов было четверо. Топчась в гостиной, они сунули князю вместо ордера какой-то мандат и приказали собираться: ссыльного гражданина Романова решено перевезти в другой город. Фэтоны стоят у крыльца, поезд ждёт на разъезде.

Михаилу жаль было покидать Пермь. Здесь жизнь его наладилась славно, а в номере ещё витал запах Наташиных духов. Но с большевиками Великий князь не спорил. Василий, камердинер, принялся складывать ему саквояж. На шум сразу явился верный Джонсон, и милиционер Жужгов не стал возражать, чтобы спецссыльного сопровождал секретарь. В коридоре Михаил пожал руки своим добровольным товарищам по изгнанию — шофёру, делопроводителю и полковнику Знамеровскому; Веру Знамеровскую он поцеловал.

— Хорош мурыжить, — сказал кто-то из чекистов. — Скоро снова съедетесь.

Два фэтона, подняв крыши, покатались от Королёвских номеров куда-то во тьму. Слепо блеснули оконные стёкла в нобелевской конторе, проплыла громада театра, замелькали плотно составленные здания с подворотнями, карнизами и кирпичными кружевами. Кое-где в арочных окнах ещё горел свет. Здесь, в Перми, под властью большевиков ещё жил тот мир, который Россия так мало ценила и так легко потеряла — с чаепитиями на летних верандах, с рукоделием под абажурами, с биржами, операми и сахарными фруктами в сочельник. Вернётся ли прежнее благополучие?.. Белея, поднялась и исчезла старая церковь; за ней толпились крепкие бревенчатые дома Разгуляя; затем деревянным настилом прогремел клёпаный стальной мост через большой лог, густо заросший ивняком, начался подъём, и на горе брусчатка закончилась.

Михаил сидел молча и размышлял: куда его отправляют? На восток — в Екатеринбург? Там Ники, Аликс, племянницы и Алексей, бывший наследник престола... Нет, вряд ли Великого князя повезут за Урал. Газеты писали, что от Пензы и Самары до Иркутска и Читы восстали эшелоны с военнопленными. А железная дорога, вдоль которой шёл гужевой тракт, вела не только на восток, но и на север. Неужели спецссыльного упекут в глушь, в Соликамск?

— Где наш поезд? — Михаил посмотрел на Жужгова.

— Не твоё дело.

За деревьями внизу под склоном горы замерцала длинная россыпь острых электрических огней сталепушечного завода — они бессонно горели с начала Великой войны; в цехах что-то устало погромыхивало, курились белые дымы. Фаэтоны, не останавливаясь, устремились вниз и протарахтели колёсами по мощёным улицам Мотовилихи. Затем грунтовую дорогу обступил лес.

Стало жутковато, но Михаил сидел прямо и сохранял бесстрастный вид. Сдержанность давно вошла у него в привычку. Пускай он Великий князь, но его роль и в государстве, и в жизни — подчиняться, а не повелевать. За него всегда всё делали другие, сделают и сейчас. Следует спокойно подождать.

Жужгов вытащил из штанов коробку с папиросами и прикурил от серной спички. Михаил покосился. Дорогой табак Месаксуди. Экспроприированный товар, который прежде простым рабочим был не по карману.

— А ты правда царь? — вдруг спросил Жужгов, глядя на огонёк папиросы.

— Неправда, — неохотно ответил Михаил.

Он вспомнил, как от Ники, низложенного императора, в Гатчину пришла телеграмма для брата, адресованная «Его Величеству Михаилу Второму». Вспомнил мучительную ночь у Павлуши Путятинна в квартире на Миллионной — ту единственную ночь, когда он, пусть и не вполне по праву, мог считаться государем. Сколько тогда было споров, терзаний, кофе, коньяка и сигар... Вспомнил, как утром в гостиной Павлуши собралась взволнованная депутация думцев, и он, Великий князь, сообщил: «Господа, я отрекаюсь от трона в пользу Учредительного собрания». И он никогда не жалел об этом решении.

Милиционер Жужгов хмыкнул, плюнул в ладонь и загасил окурочок.

В ночном июньском лесу причудливо заливались, щебетали и щёлкали соловьи. Сквозь кружевную вязь птичьих голосов где-то вдали на железной дороге длинно и прямо простучал одинокий поезд. Было холодно, и лошадь бежала резво, мягко топала копытами по колеям; поскрипывали крепления фаэтона. Под зелёной русалочьей луной в еловых и осиновых завалах тьмы вдруг призрачно вскипали цветущие черёмухи. Что готовит грядущее?..

«Всё будет хорошо», — подумал Михаил Александрович.

Жужгову было совершенно плевать, кого он везёт — царя или не царя. Он спросил просто так — показалось, будто Михаил задремал, но арестованный не должен дремать. Арестованный должен бодрствовать, чтобы сполна ощущать огромную разницу между собой и конвоиром — милиционером Жужговым.

В этом и заключалась суть. Арестованный мучается от неизвестности, переживает, мечется мыслями, а конвоир спокоен. Он насмешливо молчит. Он знает, что случится дальше. Он преисполнен своим знанием, следовательно, умнее, важнее, значительнее арестованного, как заряженный наган тяжелее пустого. Такое превосходство пьянит больше, чем водка.

Жужгову не особенно-то нравилось расстреливать: это дело быстрое — как чурбак расколоть. Жужгову нравилось возить на расстрел. Мотовилихинская Чека приговаривала саботажников и вредителей к высшей мере, а Жужгов исполнял. Приговорённых загоняли на военный катер «Шрапнель», стоящий у стенки заводского причала, и катер, тарахтя бензиновым мотором, плыл к длинному и плоскому острову напротив завода. Ветер с Камы трепал волосы и одежду приговорённых. Эти люди не верили, что их сейчас убьют, — но ведь знали, куда их переправляют. Одни потрясённо молчали. Другие, которые попроще, спрашивали о чём-то, пытались понравиться, заискивали. Жужгов не отвечал; он стоял и курил, рассыпая искры папиросы. Каждые новые приговорённые вели себя точно так же, как и предыдущие, а потому в глазах Жужгова все они выглядели ничтожными — не поднимались над натурой человека. Катер вылезал носом на песок. Жужгов сталкивал пассажиров. Кто-то из них поднимался и впивался взглядом, кто-то кричал, проклиная, кто-то пытался убежать. Не спускаясь с палубы, Жужгов стрелял из нагана. Эти люди, похожие друг на друга, для него превратились в одинаковых тараканов, и Жужгов истреблял их как тараканов, уравнивая окончательно в виде раскиданных по острову трупов. Они стали никем, а он — всем.

Кончить Великого князя Михаила — без суда и без разрешения губкома — придумал неугомонный баламут Ганька Мясников. Для этого Ганька — член ВЦИКа! — устроил себе перевод из мотовилихинской Чека в губернскую. Но струхнул стрелять сам. Поручил привычному к делу Жужгову.

Вдали — за лесом и за Камой — небо уже начало синеть. Фаэтоны проехали мимо безлюдного разъезда. В рассветной блёклости на путях забыто чернели цистерны, облитые мазутом, и двухосные платформы с какими-то грузами под рваным брезентом. Будка стрелочника была пуста. Отсюда железнодорожная ветка уходила к берегу Камы, к нобелевскому городку с нефтехранилищами.

— А где поезд? — со сдержанной тревогой спросил Великий князь.

Жужгов успокоился. Он уже начинал злиться, что лощёный буржуй не выдаёт своего нерва, и теперь всё сделалось как положено.

Разъезд остался позади. Фаэтоны двигались дальше. Ещё через версту тот чекист, что сидел на козлах, потянул вожжи и свернул с тракта на просёлок.

Просёлок сквозь густые кусты вывел на обширную поляну.

Здесь до Великой войны мотовилихинские большевики устраивали свои маёвки. Чтобы не цеплялась полиция, молодые рабочие тащили с собой девок, выпивку и гармошки — дескать, у них гулянка, а не политическая сходка. Ради девок и дармовой водки Жужгов сюда и ходил. Говорильня агитаторов его не интересовала — но потом всё же как-то увлекла. Агитаторы убедительно и ловко расписывали, что те, кто живёт богаче пролетария Николая Жужгова, — гады. Их надо бить. Обязательно придёт такое время, когда примутся бить. Жужгов записался в партию. И вот трах-бах — и время избиения пришло.

Фаэтоны остановились, как и было условлено.

— Вылазь, — хмуро велел Великому князю Жужгов.

— А... что тут? — немного растерялся Михаил.

— Вылазь, говорено.

Михаил пожал плечами, схватился за край кузова и по-спортивному энергично выпрыгнул из фаэтона. Жужгов завозился, вытаскивая наган.

В синеватой дымке, полной холода оседающей росы, Михаил увидел, как из второго фаэтона, качнув всю коляску, выбрался Джонсон, коренастый и грузный. Он недоумённо оглядывал поляну и поправлял ремень. Вокруг в кущах ивняка щебетали утренние птицы. И внезапно из фаэтона оглушительно бабахнул выстрел. Джонсон споткнулся, сронив фуражку, а из ближайшего куста с шумом рванулись вверх перепуганные птицы. Ноги у Джонсона подломились, и он упал. Великий князь Михаил бросился к своему секретарю.

Жужгов вскочил с дивана, схватившись за плечо возницы, и выстрелил Михаилу в спину. Великий князь кувыркнулся в мокрую короткую траву. Жужгов второй раз нажал на спуск, но его наган только щёлкнул в осечке. Возница под рукой Жужгова тоже выдернул браунинг. Михаил в траве нелепо поднимался на четвереньки, и возница, оттолкнув Жужгова, пальнул в князя. Михаила словно прихлопнуло. Он растянулся в двух шагах от Джонсона и застыл. Грохот выстрелов сменился мёртвой тишиной — все птицы молчали.

— Сука! — выдохнул Жужгов то ли про князя, то ли про свой наган.

Он знал, что после расстрела охватывает странное изумление: неужели это всё? Быстрый гром, нутро ещё дрожит, а перед тобой уже ничего нет — ни шевеления, ни взлетающих душ, ни божьего лика в небесах. Кажется, что дело было не по-настоящему, и нужно заполнить пустоту. Лучше всего — выпить.

Четыре чекиста подошли к убитым с разных сторон и замерли.

— Закапывать будем? — помолчав, спросил один из чекистов.

— Да к бесу, — с досадой ответил Жужгов. — Светает уже. Ещё кто заметит, что мы тут пластаемся... Снимем часы и кольца, стащим за ивняк, а к ночи вернёмся и зароем.

— Ганька велел сразу...

— Сам бы и ехал! — огрызнулся Жужгов. — А нам приять надобно, мужики.

— Ну, как скажешь, Коля, — покладисто согласились чекисты.

Косте срочно требовались билеты на пароход. После национализации флота в городе закрылись все конторы и кассы, но Косте подсказали, что билеты можно купить на пристани, и он торопливо пошагал в сторону Камы.

С высоты Соборной площади открывался вид на вереницу дебаркадеров. К одному из них подходил двухпалубный товарно-пассажирский пароход. Дул ветер, широкая Кама густо искрилась на стрежне. От солнца кучевые облака слепили белизной, и по крашеным железным крышам складов ползли тени.

На берегу всё было загажено, разломано, завалено мусором. Раньше здесь между дебаркадерами и складами сновали грузчики — крючники и катали, у самоваров чаёвничали артели, караулившие клиентов, вертелись контрагенты мелких торговых компаний, а теперь в многодневном озлобленном ожидании тут жили одичавшие орды мешочников — крестьян из прикамских уездов. Они привозили на пермские базары хлеб, масло и свежую убоину и увозили домой мануфактуру, бидоны с керосином, граммофоны, слесарные инструменты и швейные машинки — то, что выменяли или купили в городе.

Пароход, который причалил у дебаркадера, назывался «Перун». Он еле успел ошвартоваться. Матросы ещё укладывали просмолённые канаты на чугунные кнехты, а толпа мешочников уже обрушила деревянные решётки в проходе дебаркадера и ринулась на посадку. «Перун» мог принять тысячу пассажиров, с перегрузом — полторы, а у сходней сбилось тысячи три крестьян.

Вперёд рвались бородатые мужики в поддёвках и картузах: они смяли слабый заслон из милиционеров. Тёмная человеческая лавина покатила по нижним галереям парохода, вскипела и полезла по трапам на верхнюю палубу. Следом за мужиками пёрли широкозадые бабы в кофтах и пёстрых платках, навьюченные тюками и коробами. Под мостком, ведущим на дебаркадер, трещали стойки-прострелины. Ругань, вопли... Из давки в воду бултыхались сброшенные люди и узлы с добычей; разворачиваясь, полетел рулон ситца.

Костя наблюдал за штурмом парохода с ужасом и состраданием. После национализации пассажирское движение по Каме почти прекратилось, но деревня и город не могли жить без товарообмена. Мешочники брали редкие пароходы с боем, как вражеские крепости. «Мешочники», «спекулянты» — это всё обидные слова большевиков. Конечно, невежественные крестьяне были звероподобны, и торговали они без совести, наживаясь на бедствиях горожан, однако же — «кто виноват?», как давным-давно вопрошал господин Герцен.

Костя понял, что никаких билетов больше не существует. Билеты — это его кулаки. Сам он сумел бы пробиться на борт, но нежную Лёлю ему никак не протащить. А оставаться в Перми Лёля не может. Ей надо бежать, иначе — арест и тюрьма. Что же делать? Как добраться до Самары?..

Костя Стрельман с детства знал, что он хороший, а хорошим — говорила мама — помогает бог. Бог помог и сейчас. На обратном пути возле погрузочной эстакады дровяных складов Костя заметил Якутова. Совсем недавно Дмитрий Платонович был владельцем огромного Соединённого пароходства «Былина».

— Здравствуйте, Костя! — улыбнулся Якутов. — Рад встрече. Помню вас в Петербурге худеньким студентом, а сейчас — просто не узнать!

Дмитрий Платонович выглядел, как всегда, безукоризненно: белые брюки, светлый пиджак, лёгкая шляпа дачника. В чёрной бороде блестела седина.

— Как здоровье Сергея Алексеевича?

Сергей Алексеевич, Костин отец, долгие годы возглавлял сталепушечный завод. Десять лет назад он вышел в отставку. Пока Костя учился в Институте инженеров путей сообщения, семья Стрельман жила в столице. Прошлым летом Якутов убедил Стрельмана-старшего вернуться в Пермь и преподавать в университете, только что учреждённом усилиями Дмитрия Платоновича. Стрельманы переехали обратно — и зимой Сергей Алексеевич подхватил тиф.

— Папа, слава богу, поправляется. А мама при папе неотлучно.

— Передавайте им поклон от меня.

— Дмитрий Платонович, вы должны мне помочь, — прямо заявил Костя.

— А что случилось? — Глаза у Якутова стали строгими и цепкими.

— Вы слышали о муже моей сестры Ольги? Подполковник Владимир Каппель. Уверяю вас, Володя — человек, который не поступается идеалами.

Костя всегда восхищался избранником сестры, впрочем, Лёля — лучшая девушка на свете — и должна была выйти замуж за самого достойного.

— Не слышал о нём, но не сомневаюсь в вашей оценке, — сказал Якутов.

В Пермь к Лёле и детям Володя приехал в октябре. Его демобилизовали по болезни. Весной Володю как военного специалиста призвали в Красную армию и отправили в Самару. Вскоре Самару захватили части мятежного Чехословацкого корпуса. Красные постыдно бежали прочь, и в городе было сформировано белое правительство — Комитет членов Учредительного собрания. Володя перешёл к белым.

Перешёл — и возглавил вооружённые силы Комитета. Три дня назад его маленькая армия отбила у красных Сызрань. Это был жестокий удар для большевиков. А вчера Лёлю вызвали в Губчека. Там, на допросе, Лёля и услышала от чекистов о делах своего мужа.

— Я знаю Володю, — говорил Якутову Костя. — Он не сложит оружия. Он талантлив и будет побеждать. А большевики возьмут Лёлю в заложницы. Пока не поздно, я обязан увезти её отсюда в Самару — к Володе.

— Большевики запретили рейсы в Самару, — сухо сообщил Якутов.

— Мне это известно, — кивнул Костя, — однако суда ещё ходят до Казани. Нам нужно добраться всего лишь до Чистополя, оттуда до Самары меньше трёхсот вёрст. Там я найму лодочника или экипаж. Деньги у меня есть.

— Авантюра, милый друг. — Якутов покачал головой.

От несогласия Костя выпрямился и посмотрел на Якутова с укором:

— Нет, не авантюра, Дмитрий Платонович. И я не стал бы обременять вас просьбой, если бы мог сам провести Лёлю на пароход. Но ей не преодолеть столь безумного столпотворения! — Костя кивнул

через плечо на пристань и «Перун». — Помогите нам попасть на борт, Дмитрий Платонович!

Костя искренне полагал, что все честные люди должны содействовать правому делу. А спасти от Губчека ни в чём не повинную Лёлю — дело правое.

— Мои судокompании национализированы, — напомнил Якутов.

— Но вас уважают! — нажимал Костя. — Простите мою бестактность, но вы работаете в большевистском министерстве пароходов — уж не знаю, как оно именуется! У вас остались некие возможности! А у Лёли остался только я!

«Перун» дал басовитый гудок. С шумом завертелись колёса за решётками «сияний», труба задымила гуще, из-под обносков по волнам поползла пена, и судно медленно отодвинулось от дебаркадера. На берегу гомонила обозлённая толпа — те, кому не хватило места. Вслед пароходу полетели камни и поленья.

— Хорошо, — спокойно произнёс Якутов. — Я придумаю, как поступить.

Дмитрий Платонович поправил белую шляпу. Он выглядел таким же сильным и уверенным, как во времена, когда его называли хозяином Камы.

Над дымящей трубой буксира медленно проплыл длинный решётчатый пролёт железнодорожного моста, и волны зашлёпали в камень высокого устоя. Справа на берегу начиналась Пермь. Катя уже дважды бывала здесь у отца и выучила местную топографию. Там, где баржи и краны, — товарные причалы Заимки, за ними — механический завод и склады, на холме — Слудская церковь, доходные дома по Набережной улице, колокольня Кафедрального собора со шпилем, пристани... В солнечном небе лепились пухлые груды облаков.

Не считаясь с Великой войной, Катя каждый год на vacation приезжала в Россию. Одна, без матери или гувернантки, — так поступали европейские девушки-эмансипе. Первый раз Катя решилась на это в шестнадцать лет, и отец ничего не возразил. Он был человеком прогрессивных взглядов. Мама на своей вилле в Бель-Оризон, конечно, от ужаса теряла сознание, и над ней хлопотал доктор Ноэль, её любовник; впрочем, мама была хорошей актрисой и быстро освоилась с новой ролью. Катя любила маму снисходительно, без осуждения, и давно уже поняла, что мама — яркая пустышка, не способная на усилия души. Поэтому отец её и оставил. Правда, он оплачивал и расходы бывшей жены, живущей в Каннах, и обучение дочери в Англии на пансионе.

В Нижнем Новгороде у отца были новая жена и сын Алёша — Катин единокровный брат. Для Кати и Алёшки отец каждый год покупал круиз от Нижнего до Астрахани и обратно. Катя с братом располагались в люксах на лайнерах «Кавказа и Меркурия» или Общества «По Волге». С пароводных галерей Катя смотрела на Россию — на поля и перелески, на уездные городишки с церквями и дебаркадерами, на монастыри и фабрики, на старинные кремли и караваны нефтебарж. Алёшка, негодяй, курил, считая себя уже взрослым. Командиры пароходов знали, что везут детей Дмитрия Платоновича Якутова. В ресторанах Катя и Алёшка всегда сидели за столом с капитанами или первыми помощниками. И Роман Горецкий был первым помощником на роскошном «Витязе»... Не потому ли он

стал ухаживать за Катей?.. Нет, Роман Андреевич не такой... Где он сейчас? Как им найти друг друга во взорванной стране?..

В мае мама не смогла приехать к дочери на аттестацию в «Шерборн скул гёлс» — у мамы кипели бурные объяснения с Ноэлем, который опять проиграл её деньги в казино и хотел сбежать. И Катя тоже не поехала к маме в Канны.

Трудно было добраться до Петрограда, когда вдоль берегов Ютландии Северное море бороздили германские броненосцы, но Катя добралась. Она отправила отцу телеграмму. Отец тотчас телефонировал управляющему своей петроградской конторой, чтобы тот проводил Катю на курьерском до Нижнего. Там её встретил Алёшка. Он посадил сестру на буксир «Лёвшино» к дяде Ване Нерехтину, капитану и папиному другу. Буксир возвращался из Нижнего в Пермь. В прибрежных сёлах и городах творилось чёрт знает что: стреляли, грабили, захватывали пароходы. Дядя Ваня не рисковал причаливать, и Катя не смогла навестить в Сарапуле тётю Ксению Стахееву, мамину подругу по театру, которая тоже выскочила замуж за состоятельного коммерсанта. Но бог с ней, с тётей Ксенией. Катя стремилась к отцу. Это было важнее всего.

Катя стояла у фальшборта в лёгком твидовом пальто и обеими руками, чтобы не сдул ветер, держала за поля шляпку, какую носили в «Шерборн скул гёлс». Дебаркадер приближался. Над его галереей дугой выгибалась вывеска: «„Былина“. Соединённое коммерческое пароходство Д. П. Якутова».

В утробе буксира шумно и мощно, как слон, дышала паровая машина. В рубке дядя Ваня звякал машинным телеграфом и командовал штурвальному:

— Ещё на четверть доверни, Гришка, не бойся.

За время плавания Катя узнала, что дядя Ваня тихо гордится машинным телеграфом — новым устройством, заменившим старую переговорную трубу, и паровым приводом к штурвалу от малого агрегата — камерона, а деревенский простак Гришка Коногоров не может приноровиться к лёгкости управления.

На носу матрос готовился бросать швартовочный конец.

Катя увидела отца. В праздничном белом костюме, заметный издали, он спускался к пристани с эстакады от какого-то большого склада. Катя смотрела на Дмитрия Платоновича со странным

волнением в душе. Отец, которого не было в её детстве... Сильный и решительный мужчина... А хищная природа мужчин и притягивала её, и отталкивала. Любит она отца или ненавидит? И то и другое. Это называется ревность. Катя ревновала его — но к кому?.. Уж точно не ко второй жене. И конечно, не к Алёшке. Она ревновала его к жизни. Хотела сделать так, чтобы отцу не хватало её, как ей самой не хватало его.

Подвижная громада буксира мягко сомкнулась с неподвижной тушей дебаркадера, заслонившей солнце. Матросы вытягивали швартовы. Лязгнула дверка фальшборта, брякнул длинный трап. Отец вдруг оказался рядом — такой живой и настоящий, и Катя, зажмурившись, ощутила его поцелуй на щеке.

— С прибытием, Катюша! — услышала она.

Катя не ответила на поцелуй. Она не терялась с людьми, но поневоле как-то отступала перед отцом. Он всегда словно был больше её и свободнее.

Дядя Ваня, капитан Нерехтин, спустился на палубу из рубки. — Дмитрий Платоныч... — Иван Диодорыч!..

Нерехтин и Якутов дружески обнялись.

— Вот — доставил в сохранности, — улыбаясь, дядя Ваня кивнул на Катю.

Дмитрий Платонович глянул Кате в глаза.

— Боюсь, тебе придётся задержаться в Перми, — сказал он. — Вокруг — смута, и отсюда не вырваться. Когда ещё наладят пристойное сообщение?

— Я и не собираюсь уезжать, — твёрдо ответила Катя. — Я хочу поступить в твой университет, папа. На медицинский факультет.

Она внимательно следила за реакцией отца. И Дмитрий Платонович, для всех в любое время энергично готовый к действию, будто потеплел изнутри.

— Прекрасный подарок для меня, милая, — признался он.

Возле фальшборта стояли Катины вещи: два чемодана и саквояж. После прекращения пассажирского судоходства носильщики исчезли с пристаней. Дмитрий Платонович сам подхватил чемоданы. Нерехтин притормозил его, взяв за локоть, и закричал своим матросам, уже перешедшим на дебаркадер:

— Скрыгин, Краснопёров, пособите донести!

Расстрел Великого князя Ганька Мясников распланировал сам, и место тоже выбрал сам, однако на дело не поехал. Он — заместитель председателя Губчека, и его присутствие насторожило бы Михаила. Ганька поручил дело Жужгову и всю ночь ждал чекистов в Мотовилихе, в отделе милиции. Команда Жужгова вернулась уже утром. Вместо доклада Жужгов чиркнул пальцем по горлу — всё, князя порешили. Чекисты разобрали багаж расстрелянных и поделили вещи; френчи и сапоги покойников сожгли в бурьяне у забора.

Вечером, отоспавшись, Ганька отправил Жужгова с его подручными закопать тела, оставленные в лесу, и покатил из Мотовилихи в Пермь. Губчека располагалась в небольшом особняке на углу Петропавловской и Оханской. Во дворе стояли реквизированные телеги спекулянтов с барахлом, туда-сюда ходили чекисты в портупелях и милиционеры с винтовками, к стенам жались какие-то чинно одетые господа — просители за арестованных; в комнатах было многолюдно и накурено, трещали «ундервуды», звенели телефоны.

Ганька лихо уселся на стол прямо перед Малковым, председателем ЧК.

— Слышал я, что Мишка-царь у вас удрал? — весело спросил он, оглядывая тех, кто был в комнате, — машинисток и оперработников. — Контрреволюцию прозевал, товарищ Павел? А я давно заявлял — надо Романова к стенке!

Малков прекрасно знал, что Ганька сам устроил ночью расстрел Великого князя. Малков не одобрял этой затеи, но предпочёл не спорить с Мясниковым: всё-таки Ганька — член ВЦИКа. Да и вообще он сучий хвост, от которого одни только напасти. Цельный месяц Ганька кричал на митингах, будто бы рабочие возмущаются, что Великий князь жирует в гостинице, гоняет на авто и плавает за Каму на моцион, да ещё и бабу свою к себе вызвал. Рабочим на князя было начхать, а вот Ганька надоел своими нападками на исполком и Губчека.

— Выйдем потолковать, Гаврила Ильич, — мрачно сказал Ганьке Малков.

Во дворе он отвёл своего заместителя подальше от раскрытых окон.

— Не бреши про наши споры при чужих ушах, — мрачно предупредил он. — Завтра в газете пропечатают, что Мишку и секретаря увезли белые офицеры.

Дать фальшивое объявление в местных «Известиях» придумал тоже Ганька. Расстрел Великого князя он решил держать в тайне — опасался мятежа монархистов. Ганька убедил Малкова представить исчезновение Михаила как похищение: дескать, князя увезли заговорщики из офицеров. По слухам, они укрывались на подворье Белогорского монастыря под крылом архиепископа Андроника. Похищение князя можно использовать как повод для разгрома подворья и ареста архиепископа. А бабы-салоппницы — купчихи и мещанки, почитающие Андроника, — не вооружённые офицеры, они мятеж не поднимут.

— Дело, что не забыл про газету! — одобрил Ганька. — Завтра надо готовить облаву на подворье. Прищемим рясу святому отцу.

Малков — кряжистый и медлительный — туповато молчал, размышляя. Быстрый и сообразительный Ганька смотрел на него снисходительно.

— А прислуга Мишкина где?

— В каторжную всех посадил, куда же их ещё.

— ВЦИКу про наше дело ты не телеграфируй, Паша, — приказал Ганька. — Телеграфисты всё растреплют. Мы лучше нарочного к Свердлову пошлём.

Ганька был необыкновенно доволен собой. Он совершил то, что хотел, — убил Великого князя, хотя ни ЧК, ни партия его на такое не уполномочили. А тугодум Малков не мог справиться с неукротимым Ганькой и всегда тащился вслед за его выкрутасами, лишь ворчал и бессильно грозился, как старая баба.

Дымя папирской, Ганька Мясников отправился прогуляться. Он ощущал себя повелителем города. Ладный и ловкий, он шёл разболтанной походочкой уголовника. Встречные бабы поневоле косились на него — было что-то лихое и необычное в этом молодом и большеротом мужике с чёрной неряшливой щетиной и хитрыми глазами. Красный свет заката летел вдоль длинных улиц, вдоль сомкнутых фасадов. Над головой у Ганьки проплывали ржавеющие

вывески торговых домов, контор, галантерейных магазинов, ресторанов, аптек и фотографических салонов. Большие окна пассажей были заколочены досками. На замусоренных тротуарах лежали тени телеграфных столбов с решётками перекладин. Мимо кирпичных арок катились крестьянские телеги. В театральном сквере паслись козы. С улиц исчезли чиновники в сюртуках и дамы с белыми зонтиками; возле афишных тумб, заклеенных декретами, бойкие работницы в косынках лузгали семечки и пересмеивались с солдатами.

Ганька вспоминал свою единственную встречу с Великим князем. Ганьке любопытно было посмотреть на Романова, и Мишку привезли на допрос. Ничем не примечательный тип: всё среднее — и рост, и телосложение. Волосы уже редкие, а лицо как у стареющего подпоручика из губернского гарнизона.

— Какую на будущее программу располагаешь, гражданин Романов? — лукаво спросил Ганька, наслаждаясь неведением князя.

— Уеду в Англию с женой и сыном, — сухо ответил Михаил.

Ганька проницательно прищурился.

— Как сшибли корону, значит, простой человек ты оказался?

Михаил молча пожал плечами.

— А в простых людях непрым быть уже не смог?

— Что вы имеете в виду? — не понял Михаил.

Конечно, Ганька ничего не стал ему объяснять.

И вот теперь заурядный человек Мишка был свергнут незаурядным — Ганькой. Он, Ганька Мясников, словно бы сделался равновелик революции.

Ночевать Ганька остался в Чека. Устроился на стульях, сунув под голову кожаную подушку с кресла. А под утро его грубо растолкал Жужгов.

— Слышь, Ганька, — негромко прошептал он, — а князя-то нету.

— Ты чего городишь?! — подскочил Ганька.

В лесу возле расстрельной поляны Жужгов и его команда нашли только один труп, труп Джонсона, — там, куда его и оттащили. А второго трупа не было. Валялись срубленные ветки осины, которыми чекисты забросали тела, но Великий князь Михаил исчез. Лишь чернели пятна крови на траве.

— Колюня, как это нету? — Ганька попытался заглянуть в тёмные глаза Жужгова, спрятанные под надбровными дугами. — А ты его

точно шлёпнул?

— Вдвоё стрельнул! — буркнул Жужгов. — Что я, кончать не умею?

В полумраке кабинета белое лицо Жужгова было будто у мертвеца. В окно светил месяц — ясный, как приговор трибунала. За изразцовой печью тихо трещал сверчок. Ганька принялся бешено скрести кудлатую башку.

— Значит, так, Колюня, — разъярённо сказал он, — хватай своих мазуриков и гони обратно! Обшаривай там всё на десять вёрст! Ищи на железке и на разъезде, ищи у Нобелей! Убить Мишку нам можно, а выпустить — нельзя!

— Иван Диодорыч, — приоткрыв дверь в каюту, осторожно позвал Серёга Зеров, старший помощник. — Пора, тебя общество ждёт.

Нерехтин лежал на койке и глядел в потолок. Корабельные часы на стенке нащёлкали девять с четвертью вечера. По-настоящему же исполнилось десять. На всех пароходах и пристанях Волги, Камы и Оки время было установлено нижегородское. От местного, пермского, оно отличалось на 46 минут.

Нерехтину не хотелось идти на разговор. Ему нечего было сказать. Буксир «Лёвшино» выгрузил в Мотовилихе ящики с деталями прессов и вернулся в Нижнюю Курью — в якутовский затон. Команда желала получить расчёт. А денег у Нерехтина не было. Биржу в Нижнем упразднили, купцы прекратили все дела, заводы еле дышали, и потому Иван Диодорович сумел добыть в Сормове только дюжину ящиков, хотя даже за них Мотовилиха не выплатила фрахт. Бухгалтер сталепушечного завода пообещал, что заплатит — но в июле; парходную же кассу Нерехтин давно потратил на мазут и провизию.

На корме парохода под буксирными арками собрались обе команды — и верхняя, и нижняя. Старпом, боцман, матросы, буфетчик с посудником — и машинисты с кочегарами и маслёнщиком. Семнадцать человек. Семнадцать дырявых карманов и пустых животов.

Семнадцать голодных семей.

— Что я сделаю, ребята? — спросил Иван Диодорович и устало уселся на крышку мазутного бункера. — Никто ни гроша не даёт. Ничего нету.

Павлуха Челубеев, кочегар, задёргался всей своей здоровенной тушей, словно рвался из пут, и обиженно закричал:

— Одолжись у Якутова! Ты же с ним обнимался на пристани!

— Он теперь беднее меня, — невесело усмехнулся Нерехтин.

Якутов, хозяин огромного пароходства, и вправду потерял всё, что имел, но у большевиков не дотянулись руки до мелких собственников, владеющих каким-нибудь буксиром с баржей или парой пригородных

судов. Большевики объявили в феврале, что национализируют весь флот до последнего дырявого баркаса, — и погрязли в зимнем ремонте сотен пароходов. Они запорили навигацию, поэтому крохотные буржуйчики вроде капитана Нерехтина ещё незаконно суеились самостоятельно, худо-бедно добывая себе пропитание.

— Что делать-то, Иван Диодорыч? — плачуще спросил Митька Ошмарин.

Митька, маслёнщик, никогда не знал, что делать.

— Речком хоть харчами пособляет! — дёргаясь телом, крикнул Челубеев.

— Так ступай к большевикам, — зло посоветовал Нерехтин.

Для руководства захваченным флотом большевики учредили Речной комитет. Работникам там выдавали паёк. Но Речком с весны никого не брал на довольствие — на мёртвых судах не было работы. К тому же вся Кама знала: Нерехтин — из тех капитанов, которых называют «батей». Он за свою команду жизнь положит. От таких не уходят по доброй воле. Тем более в какой-то Речком — в казённую контору.

— Слышь, братцы, — виновато улыбаясь, влез Гришка Коногоров, молодой матрос-штурвальный, — не мы одни здесь кукуем, весь плавсостав без гроша! Я тут по затону потёрся, и народ говорит, что на пристанях тыщи мешочников сидят. И жратва у них есть, и деньги. А Речком всех нас держит взаперти, вроде как в Елабуге иль бо Сарапуле по реке шастает банда Стахеева на судах. Ребята прикидывают самовольно угнать пароходы из затона и возить мешочников. Думаю, братцы, надо нам вместе с народом леворюцию делать!

Речники, сидевшие на трюмном коробе, оживлённо загудели.

— Ты, Гришка, дурень молодой, — неохотно проворчал Нерехтин. — Видно, не сумел я из тебя глупый азарт выколотить.

— Ну, дядь Ваня... — обиделся Гришка, будто его не пустили на гулянку.

— А мазут где взять? — спросил матрос Краснопёров.

Гришка заулыбался ещё шире, довольный своим замыслом:

— У откоса две наливные баржи стоят. Нобелевские. Полные под пробку.

— Негодная затея, — негромко возразил Осип Саныч, старший машинист. — На баржах караул из мадяров, с ними не договоришься.

А на плашкоутном мосту большевики поставили пулемёт. Или не увидел, когда заходили?

Осип Саныч Прокофьев — маленький, плешивый и в круглых железных очках — считался лучшим машинистом на Каме. Он всегда был аккуратным и основательным. Он рассуждал так же, как и работал, прикладывая слово точно к слову, будто собирал из деталей механизм.

— Да пугала они! — отмахнулся Гришка. — Не будут стрелять по своим!

— На сталепушечном стреляют, — возразил Осип Саныч.

— Забудьте об этой блажи, — подвёл итог Нерехтин.

Боцман Панфёров деликатно откашлялся.

— Вдовецкому твоему горю, Иван Диодорыч, мы премного сочувствуем, — вкрадчиво заговорил он, — хотя с другой же стороны, ты ныне птица вольная и одинокая, а нам семьи кормить надобно.

— «Лёвшино» — мой пароход, — веско напомнил Нерехтин.

— Не обессудь, капитан, — старпом Серёга Зеров от неловкости даже снял фуражку, — но Гриня правду говорит. Спасение для нас — только мешочки, значит, надо поднимать бунт и прорываться из затона. Команда как считает?

— Да верно, чего уж там, верно, — нестройно ответили речники.

— Ежели ты несогласный, то придётся нам твой буксир социализировать.

Иван Диодорович знал: социализировать — значит взять в собственность работников, а не государства — как при большевистской национализации. Работники и станут решать, что делать буксиру. Нерехтин угрюмо молчал. Старпом Зеров был мужиком прямым и справедливым. Он старался для команды. Однако Нерехтин всё равно ощутил горечь, будто его предали.

— А ежели ты останешься капитаном, так для нас это честь, — виновато добавил Зеров. — Мы все тебя уважаем.

Затон, заставленный буксирами, брандвахтами и пассажирскими судами, освещало багровое закатное солнце. Пустые дымовые трубы чернели как на пепелище. Тянулась к небу стрела землечерпалки. Колодезными журавлями торчали вдоль берега оцепы — самодельные подъёмные краны. Возле судоямы с поднятым путевым пароходом застыли на огромных воротах два снятых гребных колеса без плиц. В

краснокирпичных мастерских на дамбе звенели молотки кузнецов. Над водой, над судами и над вербами носились и верещали стрижи. Жизнь тихо текла сквозь проклятый богом восемнадцатый год.

Подворье Белогорского монастыря окружал бревенчатый, как в Сибири, заплот. За ним находились четыре больших деревянных дома на каменных подклетах, сад, разные службы и церковка Иоанна Златоуста с куполом и шатровой колокольней. Церковка была обшита тёсом и побелена. Весь город знал, что монахи на подворье укрывают офицеров, которые пробираются на юг — в Челябину к восставшим белочехам и в Тургайские степи к атаману Дутову.

Облаву устроили утром. По Петропавловской улице, переваливаясь как утка, ехал грузный броневик «Остин» с круглой башней и тонкими колёсами; за ним на пролётках — чекисты Малкова. Взрыв динамитной шашки распахнул оба прясла могучих ворот. «Остин» вкатился во двор. Пулемёт из его башни лупил по стенам и резным крылечкам, сыпалось колотое стекло, летели щепки, носились перепуганные куры из курятника. Офицеры выпрыгивали из окон и разбегались кто куда, лезли на заплоты, прятались за поленницами. Чекисты били по ним из револьверов. В подклеты и погреба сразу бросали бомбы.

Тех, кто сдался, согнали к стене церкви. Офицеры выглядели жалко: рубахи порваны, галифе без ремней обвисли мешками, ноги босые.

— Да здравствует Учредительное собрание! — нелепо закричал толстый и лысый офицер с расцарапанной щекой.

— Пли! — Ганька стукнул рукоятью нагана в клёпаный борт броневика.

В башне опять загремел пулемёт. Офицеры повалились друг на друга.

— Надо бы и монахов тоже... — задумчиво сказал Малков.

— Успеем ещё, — бодро заверил его Ганька.

Ганька был доволен. Всё идёт, как он и планировал. Убитые офицеры уже не расскажут, что не имели отношения к исчезновению Великого князя Михаила. Но куда же этот сукин сын подевался после расстрела?..

До Мотовилихи ему, раненому, не дойти. В Нобелевском посёлке стоит охрана. Может, Мишка приковылял к железной дороге и зацепился за какой-нибудь поезд?.. Но патруль снял бы его в Лёвшино или на Чусовском мосту, где досматривают все эшелоны... Нет, скорее всего, Романов уполз в лес и сдох под валежником, а Жужгов со своими подручными его просто не нашёл. И хрен с ним, с Мишкой. Главное — чтобы Малков об этом не пронюхал.

Ганька и сам не очень понимал, почему ему так хотелось убить Великого князя. Неприязни к Михаилу он не испытывал. Классовой ненависти — тоже. Видимо, дело в том, что Ганька всегда стремился быть особенным.

Оказалось, что это сложно. Девкам он не нравился — на цыгана похож. Играть на гармошке не получалось. В ремесленной школе он учился хорошо, бойко, но его, неряху, не любили. Ганька поступил на сталепушечный завод слесарем в снарядный цех. А на заводе особенными людьми считались мастера — из тех, что управляли гигантским паровым Царь-молотом или сваривали металл электрической дугой, как изобрёл инженер Славянов. Однако у Ганьки для вдумчивой и кропотливой работы никогда не хватало терпения.

На заводе он познакомился с большевиками — и наконец-то понял, как стать особенным без особенных усилий. Большевики готовили мировую революцию, устраивали стачки, запасались оружием, печатали прокламации, сидели в тюрьмах. Тюрьма Ганьку не пугала — он везде сумеет поставить себя. А человек, пострадавший за убеждения, неизбежно обретал уважение и славу.

С делами подполья Ганька помотался по державе от Перми до Баку, изрядно помыкался по тюрьмам и ссылкам от Тюмени до Ленских приисков. Ко времени революции он уже числился в испытанных бойцах партии. Рабочая Мотовилиха двинула его во ВЦИК — к самой верхушке советской власти. Однако на многолюдном съезде в Таврическом дворце Ганька понял, что здесь он — опять один из равных. А равенство ему всегда было против шерсти. Как же выделиться из серой толпы депутатов в солдатских шинелях и рабочих тужурках? Изворотливое воображение Ганьки быстро отыскало вполне подходящий способ. В Перми, в ссылке, маялся от скуки Великий князь Михаил. Надо его расстрелять. Вот такого уж точно никто не

делал! И весной Ганька ловко перебрался из мотовилихинского Совета в Губчека.

Он не сомневался, что Свердлов одобрит его дерзость. С ним, с Ганькой, «товарищ Андрей» был одного поля ягода, только сумел выскочить наверх. Облава чекистов на Белогорское подворье растолкует пермским обывателям, как Мишка Романов смылся из-под надзора. Оставалось решить вопросик с архиепископом Андроником. Умный поп наверняка проведал, что офицерье тут не при деле: большевики сами без всякого повода шлёпнули Великого князя. Архиепископ мог объявить об этом в храме. Попа надо было заткнуть.

Андроник давно уже раздражал Совет заступничествами за арестованных и требованиями не трогать храмы. По слухам, он призывал паству молиться о возвращении старых порядков. Конечно, он понимал, что за ним придут, и каждый вечер причащался перед сном как перед гибелью. И за ним пришли. Он, гадина, встретил чекистов в облачении странника, в клобуке и с посохом.

Допрашивать попа было, в общем, не о чем — Андроник и без ареста не таил своих деяний. Но Ганьке хотелось поспорить, и он сказал Малкову, что сам проведёт допрос. Андроник сидел у стола в тёмных и длинных одеждах.

— Ты и вправду веришь, что не помрёшь после смерти? — спросил Ганька.

— Душа бессмертна, — скупое уронил архиепископ.

Ганьку всегда недобро подзуживало чужое превосходство: ему тотчас хотелось стать хоть в чём-то умнее умного и главнее главного. — Душа-то бессмертна, — насмешливо согласился Ганька, — только не у таких, как ты, отступник! Ты же против бога! Ты нашему вопросу заклятый враг, а мы строим царство справедливости на земле! Божье царство!

Ганька всегда легко ухватывал идеи соперников и говорил с ними на одном языке. Он был уверен, что переспорит попа. А поп не пожелал спорить.

— Чушь ведь несёшь, — неохотно ответил он.

Малков решил не тянуть канитель с архиепископом. Ганька поигрался — и всё, хватит. Попа надо убирать, пока Совет ещё ничего не знает.

Во дворе Губчека Андроника посадили в фаэтон рядом с милиционером и подняли крышу, чтобы случайные прохожие никого не заметили. Правил экипажем Жужгов. С Оханской улицы фаэтон свернул на Екатерининскую, потом на Сибирскую. Когда проехали Солдатскую слободку и пересыльную тюрьму на тракте, Жужгов оглянулся. Поп, ясное дело, увидел, что его везут вовсе не в тюрьму, — значит, должен испугаться, заёрзать. Но сидел спокойно.

Жужгов потихоньку разозлился. В пяти верстах от города он остановил фаэтон. Попу сунули в руки заступ и приказали копать себе яму на обочине тракта. Андроник был ещё не старым мужиком, крепким. Он выбрасывал землю без спешки, но и не медлил. Чекисты топтались рядом и курили. Наконец Жужгов не выдержал и отобрал у Андроника лопату.

— Тебе хватит, — сказал он про неглубокую могилу. — Лягай в неё сам.

Андроник лёг на дно и перекрестился. Он смотрел на вечеряющее небо за кронами сосен, а не на палачей. Жужгов почувствовал себя уязвлённым и принялся сноровисто закидывать архиепископа комьями суглинка. Андроник закрыл глаза. Суглинок быстро завалил лежащего в могиле человека. Там, под слоем земли, Андроник ещё был жив, но не шевелился, не бился в судорогах или в ужасе, будто взял да и умер сам, лишь бы досадить чекистам своим бесстрашием. Тогда Жужгов вытащил наган и начал стрелять в могилу.

— Неделю назад провиант обещали, и где он? — гневно крикнули из рядов.

— Не шуми, выдадим, — ответил Демидов. — На работника — фунт муки в день, на члена семейства — полфунта. Советская власть от слов не отступает.

До революции Демидов был помощником капитана на пароходе «Ярило». Судно принадлежало пароходству «Былина». Начальство знало, что Демидов — большевик; однажды в Сызрани жандармы взяли его за провоз прокламаций, и Дмитрий Платонович распорядился внести залог для освобождения своего служащего. Якутов считал, что убеждения сотрудников его не касаются.

Три опытных речника — Демидов, Рогожкин и Батурин — составляли коллегия Пермского Речкома. До революции сложные взаимодействия речного флота с промышленностью и торговлей регулировали биржи и сами судокомпании, но большевики смело взвалили всё на плечи государства. Дмитрий Платонович искренне интересовался новой организацией работы, хотя и сомневался в ней.

Коллегия заседала в зале собраний дирекции. В Перми на берегу Камы — прямо над пристанями — Дмитрий Платонович построил настоящий дворец с колоннами и садом. Впрочем, коммерция требовала, чтобы Якутов жил в Петербурге, Москве или Нижнем Новгороде — рядом с банками и биржевыми комитетами, поэтому свой дворец Дмитрий Платонович отдал под контору Соединённого пароходства, а себе оставил только квартиру в мансарде.

В зал стащили все стулья, что нашлись. Зал был забит людьми — бывшими судовладельцами и коммерсантами, капитанами, представителями затонных комитетов и Деловых Советов, которые контролировали работу пароходств. Стоял гомон, к лепным карнизам поднимался табачный дым, на паркете под ногами хрустели мусор и шелуха от семечек. Коллегия помещалась за столом, покрытым красным сукном. Батурин курил, Рогожкин перекладывал бумаги.

В толпе поднялся старик с белой бородой и в картузе.

— Товарищ, верни мне «Внучека»! — взмолился он. — Это ж грабительство!

— Какого внучека? — не понял Батурин.

— Буксир мой, я его в честь Федюнюшки назвал! — пояснил старик. — Куды купцу без буксира? Это как мужику без лошади! Не губи, товарищ!

— У тебя машина сколько сил? — сердито прищурился Батурин.

— Сорок пять, дак это индикаторных!

— Если машина больше тридцати сил — всё, национализируем. Хоть на старости лет, отец, работай честно, сам, не эксплуатируй чужой труд!

— Демагогия, — негромко сказал Якутов сидящему рядом Нерехтину. — Как мощность машины связана с эксплуатацией труда? Любая машина нуждается в обслуживающем персонале, то есть хозяин использует наёмных работников.

— В старину подати за дым брали, — ответил Нерехтин. — А теперь печку отнимают. Я про себя и не заикаюсь. У «Лёвшина» машина в пятьсот сил.

Дмитрий Платонович присутствовал на заседании коллегии как советник Речкома, а Иван Диодорович приехал из затона, чтобы узнать положение дел.

Дмитрий Платонович не верил в идеи большевиков. Маркс утверждал, что всё зависит от собственности на средства производства, а Якутов по опыту знал, что всё зависит от качества этих самых средств. То есть от прогресса. Чем прогрессивнее технологии, тем богаче компании, а богатые компании заинтересованы в социальной справедливости. Так было у «Самолёта», у «Кавказа и Меркурия» и общества «По Волге», у Нобелей и у него, Якутова.

Прогрессу Дмитрий Платонович и был обязан своим капиталом. На флот он пришёл тридцать лет назад. Сын разорившегося тверского купца, он служил в товариществе «Самолёт» коммерческим агентом. Товарищество перевело агентов на процент с доходов, и Митя Якутов заработал первые неплохие деньги. Ему было двадцать лет.

Он арендовал буксир, а через год уже выкупил его. Так началось восхождение к славе «пароходного короля» всей Камы.

Он не жалел средств, перенимая новое. Судовладельцы стали переводить паровые машины с дров на мазут — и Митя тоже перевёл.

Появились наливные суда — он заказал себе такие же. Коломенский завод начал выпуск дизелей — Якутов был среди первых покупателей. Дмитрий Васильевич Сироткин придумал гигантские баржи — и Якутов последовал его примеру. Технический прогресс превращал большой расход в огромную прибыль. А прибыль Якутов вкладывал в том числе и в работников своего Соединённого пароходства. Эту политику он заимствовал у Генри Форда, когда съездил в Америку и увидел, как устроен завод Хайленд-парк, на котором потерпели крах профсоюзы. И революцию большевиков Дмитрий Платонович расценивал как ошибочное решение проблем. Но с историей он не спорил, как не спорил с прогрессом.

— Товарищи! — перекрывая гомон, заговорил Демидов. — Речком ещё не получил полную номенклатуру национализированных судов. Что я Главкому доложу? Почему затонные комитеты тянут? Саботажничают?

— А социализированные пароходы считать? — спросили из рядов.

Рогожкин, третий член коллегии, поднялся с места.

— Никакой социализации большевики не признают! — объявил он. — Это анархо-синдикализм! Если кто не соображает, вышибем из партии!

— Мои баламуты мой буксир сдуру социализировали, — негромко сообщил Якутову Нерехтин. — А я не спорил. Сгорел амбар — гори и хата.

— Лучше скажите, когда суда из затонов выпустят? — закричали в рядах.

— Когда надо, тогда и выпустят! — ответил Демидов. — Сами видите: обстановка сложная. Белочехи, Дутов, бандиты на Каме. В городе окопалось офицерское подполье — похитили Михаила Романова. Не время для навигации. Занимайтесь ремонтом, доделывайте то, что зимой не успели. А потакать мелкобуржуазным пережиткам советская власть не будет. И наш флот не будет обслуживать спекулянтов. Проявляйте сознание, товарищи!

— Они доведут народ до греха, — прошептал Нерехтин Якутову. — В затоне буйны головы готовят бунт, чтобы вырваться. И мои баламуты с ними хотят.

— Надеетесь их остановить, Иван Диодорыч?

— Кто меня там теперь слушает? — горько вздохнул Нерехтин.

За большими окнами зала заседаний синела мучительно пустая Кама — ни пассажирских пароходов, ни буксиров с баржами или плотами. Дебаркадеры пристаней были заколочены, а сотни судов бессильно ржавели в затонах.

Этот сквер на Монастырской улице горожане называли Козьим загоном. Сквер красиво стоял над крутым откосом камского берега. В густых липах скрывалась старинная деревянная ротонда с колоннами и куполом.

— К чему такие предосторожности, Ханс Иванович? — спросил Якутов.

Кама синела в темноте тускло и просторно, а поперёк движения реки через небосвод простиралась дымно светящаяся полоса Млечного Пути.

— Вы слышали о побеге Великого князя Михаила? — ответил Викфорс.

— Разумеется, слышал.

— Никакого побега не было. Михаила просто расстреляли, но не добились.

— Поясните, — с тревогой потребовал Якутов.

Ханс Иванович был управляющим Нобелевским городком. Товарищество братьев Нобель построило на Волге, Каме и Оке около десятка перевалочных пунктов — городков. У Нобелей всё делалось тщательно и вдумчиво. Сутью любого городка были огромные клёпаные баки для нефти и мазута; участок с баками был огорожен противопожарными рвами. На реке сооружали затон и пирсы, ставили плавучую нефтеперекачку. В стороне от баков располагались кирпичные дома аккуратного посёлка для работников с обязательным садом, клубом, маленькой школой, лазаретом и электростанцией. От ближайшего разъезда подтягивали железнодорожную ветку. Освещённые электричеством игрушечные нобелевские городки казались поселениями из будущего. Всю навигацию к ним безостановочно шли караваны нефтебарж и наливных судов с продукцией бакинских промыслов и заводов компании «Бранобель».

— Тринадцатого числа наш сторож наткнулся на человека, лежащего без сознания в противопожарном рву, — сказал Викфорс. — Это был Великий князь. Ему навывлет прострелили правое лёгкое и пулей разбили затылок. Однако он дополз до нас после расправы. Анна

Бернардовна, конечно, промыла ему раны и перевязала. Вы же знаете, какая женщина моя жена, Дмитрий Платонович.

Якутов кивнул. В нобелевской фирме почти все руководящие должности занимали шведы. Их жёны не сидели дома, а предпочитали иметь собственное занятие, и чаще всего устраивались учителями или сёстрами милосердия. Анна Бернардовна Викфорс работала младшим акушером в родовспомогательном отделе мотовилихинского заводского госпиталя.

— Газеты сообщали, что Великий князь бежал из-под надзора, — сказал Якутов. — В причастности к его побегу обвинили архиепископа Андроника.

— Ложь, — отмёл Викфорс. — Михаил Александрович и его секретарь были похищены и тайно казнены в лесу за Соликамским трактом. А потом палачи обнаружили, что Великий князь выжил. И сейчас чекисты ищут его, не придавая это огласке. Утром пятнадцатого у нас в городке провели обыск. Мы с Анной Бернардовной еле успели вынести Великого князя к бакенщику.

— Он не способен передвигаться самостоятельно? — сразу спросил Якутов.

— Еле ходит. Его нужно спрятать, Дмитрий Платонович. И спрятать так, чтобы его мог наблюдать врач. Я прошу вашей помощи. Поэтому и явился к вам ночью. Хотя понимаю, что обрекаю вас на чудовищный риск. Большевики беспощадны. Однако я не представляю, кому, кроме вас, мне довериться.

Якутов молчал, размышляя.

— Если большевики схватят Великого князя, то затем расстреляют меня и мою жену, потому что нам известна правда, — добавил Викфорс.

С Хансом Ивановичем Якутов был знаком почти двадцать лет — столько, сколько сотрудничал с компанией Нобелей. Эмануил Людвигович Нобель, глава компании, стал для Якутова и хорошим другом, и даже наставником. Он первым понял, что двадцатый век будет веком нефти и моторов. Дмитрий Платонович много беседовал с Нобелем — и в его дворце на Сампсониевской набережной в столице, и на «Вилле Петролеа» в Баку. Эмануил Людвигович убедил его работать вместе. Фирме Нобелей не хватало судов, и нефтешотел якутовского Соединённого пароходства «Былина» превратился в некое

подразделение товарищества «Бранобель». Две трети своих прибылей Якутов получал от перевозок нефти из Баку, а не от буксиров и пассажирских судов.

В некошеной траве Козьего загона стрекотали цикады. Под склоном прошумел полуночный поезд. Город не спал, а просто затих, прислушиваясь к опасной темноте своих улиц, к лаю собак и стуку подков по мостовым.

— Где сейчас Великий князь? — по-деловому спросил Якутов.

— В лодке у вашей пристани. Я сам его привёз. У него горячка.

— Возвращайтесь к нему, Ханс Иванович, — распорядился Якутов. — Ждите меня. Я приду с человеком, который заберёт Великого князя и лодку.

Подняв воротник короткого тренкота, Дмитрий Платонович шагнул в сторону Ямской площади. Он считал себя обязанным помочь Викфорсу и Великому князю уже по той причине, что он — опытный коммерсант и умеет выходить из безвыходных положений. Он всегда побеждал там, где другие проигрывали. Значит, ему нужно вступить. Он же порядочный человек.

В деятельном уме Дмитрия Платоновича сам собой быстро составилась план. Нельзя помещать Великого князя в городскую больницу или на квартиру к какому-нибудь доктору — сёстры или прислуга не сохранят тайны. Но в Нижней Курье, в затоне Соединённого пароходства, имеется фельдшерский пункт. Речники, рабочие люди, вряд ли знают Великого князя в лицо; им следует сообщить, что князь — обычный офицер. Фельдшер окажет помощь, а речники не выдадут того, за кого просил сам Якутов. Но это ещё не всё.

Пароходы желают вырваться из затона. Пускай Нерехтин возьмёт князя к себе на буксир или пристроит на судно, которое, скорее всего, уйдёт из Перми. Чекисты не догадаются искать Михаила в Осе, Сарапуле или Елабуге. Тем более — в Нижнем. А сопроводит раненого князя Костя Стрельман. Он ведь тоже хотел уехать из Перми с сестрой — женой подполковника Каппеля. Стрельман-младший должен прямо сейчас на лодке доставить Великого князя в затон и там условиться с Иваном Диодоровичем о последующем бегстве.

На углу Сибирской и Пермской улиц, осторожно оглядевшись, Дмитрий Платонович негромко постучал пальцем в окно деревянного

двухэтажного дома, в котором жили Стрельманы.

Костя и Нерехтин осторожно уложили Великого князя на кушетку.

— Благодарю, — сказал фельдшер, убирая деньги в медицинский шкафчик. — Идите, господа, и будьте покойны за пациента.

Он укрыл князя заштопанной простынёй. Его испитое лицо с трёхдневной щетиной выражало профессиональную недоступность; застиранный халат он туго завязал на спине, как хирург во время операции. Князя сейчас трудно было узнать: голова до глаз обмотана бинтами, скулы обострились, а короткая и неровная борода сделала Михаила Александровича похожим на разночинца.

— Спирт ещё не весь выпил, Егорыч? — спросил Нерехтин.

— На его благородие хватит, — с достоинством ответил фельдшер.

Лазарет занимал три каморки в большом казённом доме из бруса. Ещё в этом доме находились квартиры начальника затона и караванного капитана. Караваном назывались все суда, помещённые в затон; караванный капитан командовал их передвижением по акватории и распределял стоянки. Двор казённого дома был огорожен штакетником и тоже разделён на три части. На своей части фельдшер вскопал грядки и засеял их аптекарскими травами.

От казённого дома с верхотуры берега был виден весь затон, освещённый ярким утренним солнцем. Дамба с липами и тополями, мастерские и целый город из пароходов: палубы, крыши, дымовые трубы, мачты с такелажем, изогнутые шлюпбалки, стеклянные коробочки рубок... Длинные и ажурные ящики лайнеров с протяжными галереями прогулочных веранд и обыденные туши товарно-пассажирских судов; широкоплечие буксиры с надстройками, крепко собранными воедино; мелкие винтовые катера; «фильячки» лёгких пароходств с полотняными навесами на стойках; красный пожарный ледокол; растопыренная землечерпалка; невероятные лохани железных и деревянных барж... Странно подумать, что это скопище разнообразных судов ещё совсем недавно принадлежало Якутову. Он выкупил половину камских компаний, в том числе и старейшую из них — пароходство братьев Каменских, а Каменские

сорок лет назад и соорудили из курьи, речного залива, этот огромный затон.

— Какая красота! — искренне восхитился Костя.

— Да, большое дело, — кивнул Нерехтин.

Костя был воодушевлён как-то по-юношески. Он поступал правильно — и у него всё получалось! И люди вокруг были замечательные, даже пьющий фельдшер. Честное слово, это весьма романтично — спасти Великого князя! Дмитрий Платонович не сказал, кем является офицер, которого Костя в лодке переправил ночью из Перми за шесть вёрст в Нижнюю Курью. Но Костя сразу узнал Михаила Александровича. И был глубоко взволнован благородством и доверием Якутова. Конечно, он сохранит тайну Дмитрия Платоновича!

По съезду, вымощенному булыжником, Костя и Нерехтин спустились к наплавному мосту на плашкоутах — не такому большому, как в Нижнем на ярмарке, а только для пеших. Мост перехватывал горловину затона. Возле вкопанной ручной лебёдки, с помощью которой отводили цепь плашкоутов, из мешков с песком была выложена стрелковая ячейка; в ней дежурили красногвардейцы с пулемётом. Костя и Нерехтин перебрались на дамбу.

В Перми под запрет навигации угодил знаменитый лайнер «Фельдмаршал Суворов». Пассажирские суда стояли у причалов, а не форштевнем в берег у пронумерованных столбов, как буксиры; Костя и Нерехтин прошли вдоль громады парохода со старомодно острым носом и небольшими окнами. На белом кожухе гребного колеса по-прежнему скрещивались торговые флаги империи — это был символ компании «Кавказ и Меркурий», хотя компания исчезла уже четыре года назад, растворившись в гигантском тресте КАМВО. Впрочем, какие теперь тресты? Большевики всё национализировали.

Матрос в синей форменке открыл перед визитёрами дверку в фальшборте, и Нерехтин указал Косте на главный трап. Возле главного трапа на втором ярусе всегда располагались богатые двухкомнатные каюты капитанов.

Капитан — сухопарый старик в белом кителе, плотно застёгнутом на все пуговицы, — молча смотрел на Костю, будто не понимал смысла его слов.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Мне несложно оказать такую услугу господину Якутову. Пароход пустой. Можете выбрать

любой люкс, молодой человек. Оплату извольте внести кассиру банкнотами имперского образца.

— Понимаете, моя сестра не очень организована, — вежливо пояснил Костя, — поэтому я хотел бы уточнить у вас время отплытия. И тут капитан не выдержал.

— Я не знаю времени отвала! — загремел он. — Я жду свою команду, которая рыщет по окрестным деревням в поисках хлеба!..

Чёрт-те что! Я командую судном уже четверть века! «Суворова» встречали на пристанях с губернскими оркестрами! Он ставил рекорды! Его пассажирами были граф Лев Толстой, Столыпин и Менделеев! А сейчас большевики заперли пароход в затоне, как собачонку в будке! Мои матросы побираются, будто нищенки!.. Позорище!

— Не кричи, Аристарх Палыч, — поморщился Нерехтин. — Значит, это ты подбил здешних остолопов на мятеж?

— Я никого не подбивал! — отрезал капитан «Суворова». — Я просто хочу вернуться к себе — в Спасский затон! Там хотя бы кормят!

— Спеси у вас много, у пассажирских начальников, — заметил Нерехтин. — Белая кость. Всё вам по чину подавай. А кто-то потом лоб под пулю подставит.

— Не надо вот этого социализма, Иван Диодорыч! — обиделся капитан.

Нерехтин вывел Костю с парохода обратно на дамбу. В бледной дымке над далёкой Пермью висело свежее, ещё нежаркое солнце. За тополями ярко искрился простор Камы. В затоне громоздились пароходы; блестели их окна, отражаясь в тихой воде; голубые тени лежали под скулами и обносами.

— За лазаретом начинается дорога, — сказал Нерехтин, — через версту будет разъезд. Там поезда идут медленно, можно зацепиться, и через мост на Заимку прикатите, прямо на станцию. И поторапливайтесь, Константин Сергеич.

Костя ей не помогал — сидел в кабинете отца и торопливо писал какие-то прощальные письма. Ольга металась по комнатам, распахивала гардеробы, выхватывала то платье, то кофту, бежала к открытым чемоданам, лежащим на полу в гостиной, а потом уносила вещи обратно и в слезах засовывала их на полки как придётся. Нет, это невозможно — оставить Кириюшу и Танечку!.. Конечно, Кики уже большой, ему почти пять лет, но Танечке нет и годика!..

Через гостиную Ольга бросилась в детскую, где светилась только лампада перед иконой, и в темноте упала на колени возле кровати, в которой спала Таня. Ольгу душили слёзы. Пускай её убьют, но она не покинет детей!.. Елена Александровна вошла вслед за Ольгой, мягко подняла дочь на ноги и вывела в гостиную. Сергей Алексеевич бессильно сидел в кресле.

— Папа, сделай же что-нибудь! — шёпотом закричала Ольга.

— Собирайся, Лёлюшка, — тяжело ответил Стрельман-старший.

Сергей Алексеевич и Елена Александровна долго не доверяли мнению Костика и сомневались в необходимости бегства, хотя Стрельман-старший слышал о расстрелах в Мотовилихе. Всё изменилось после казни Андроника. Стрельманы хорошо знали архиепископа. Тот был прекрасным человеком и не заслуживал смерти, даже если помог Великому князю. Большевики устроили террор. И жалости они не ведали. Что им Лёлюшка? Жена врага. К тому же она всегда была у большевиков под рукой — работала в штабе Третьей армии машинисткой. Её могли арестовать прямо за пишущей машинкой.

Ольга вдруг обняла Елену Александровну и принялась жарко целовать.

— Мамочка, милая, не гоните меня, я не поеду от детей!..

Елена Александровна еле оторвала Ольгу от себя.

— Всё будет хорошо, Олюшка, — увещевала она. — Кормилицей Танечке я возьму Анисью, за Кики сами с отцом доглядим... Так надо, родная!

— Только Володя тебя защитит, — тяжело сказал Сергей Алексеевич.

Строльманы-старшие приняли Володю Каппеля не сразу. С Олей Володя познакомился на благотворительном вечере в Дворянском собрании. И сразу сказал ей: ты будешь моей женой. Он был честным и целеустремлённым, а Оля никогда не умела управлять собой. Но Строльманы-старшие указали Володе на дверь — неимущий поручик не пара дочери инженера, который командовал гигантским сталепушечным заводом с двадцатью пятью тысячами рабочих. Володя украл Олю, увёз в какую-то деревню, и сельский поп обвенчал молодых.

Дерзкому офицеру Строльманы этого не простили.

А Володя продолжал служить. Поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. И в конце концов на войне стал помощником начальника разведотделения Юго-Западного фронта. Не бог весть какая карьера, однако Сергей Алексеевич и Елена Александровна увидели, что у поручика Каппеля характер откован из булата. Костя, младший брат Ольги, просто влюбился в мужа сестры.

И Володя постепенно стал в семье Строльман главным.

Ольга ворвалась в кабинет Кости.

— Куда ты меня тащишь?! — шёпотом закричала она. — Что ты затеял?! Что ты вообще можешь сделать?! Ты — не Володя! Ты сам ещё ребёнок, Котька!

В кабинете горела керосиновая лампа, её огонь отражался в тёмном окне.

Костя встал из-за стола и тщательно прикрыл дверь.

— Прекрати безобразие, Лёлька! — ответил он. — Я скажу тебе по секрету, чтобы ты успокоилась и не терзала маму с папой! Это не я всё организовал! Это сделал сам Дмитрий Платоныч Якутов! Ему то ты доверяешь?

— Якутов? — изумилась Ольга. — При чём здесь он?

Костя поколебался — говорить или нет?

— Дмитрий Платоныч вывозит из Перми Великого князя Михаила, — почти беззвучно сообщил он. — Князь жив! И тебя спасают вместе с ним, поняла? Я буду сопровождать вас обоих до Володи!

Так что уймись, ради бога!

Ольга обомлела от ужаса, а потом вцепилась брату в грудь:

— Котька, дурак, вас с Якутовым расстреляют, как отца Андроника!

Костя отнял её руки.

— Через два часа нас в Перми уже не будет! Только ты сама не мешай!

Дверь в кабинет приоткрылась.

— Костя, там в дом стучат, — испуганно сказала Елена Александровна.

— Это извозчик, — пояснил Костя. — Я велел ему прибыть в полночь.

— На станцию поедете или на пристань?

— Вам с папой не надо знать этого, мама, — мягко ответил Костя.

Ольга словно преобразилась от слов Костика. Она кинулась в гостиную.

— Я сама отворю, папа! — шепнула она и выскочила в прихожую.

Костя снова сел за стол и придвинул недописанное письмо.

Накинув на плечи платок, Ольга в прихожей долго возилась с засовом. Потом потянула тугую дверь на себя. Из тёплой темноты на улице в проём вдруг вдвинулись рослые плечистые фигуры.

К лицу Ольги поднесли бумагу.

— Чека! — произнёс незнакомый грубый голос.

Ольга забилась, будто уже вырывалась, и отчаянно закричала в дом:

— Котька, беги!..

Чекистов было четверо, и возглавлял их Ганька Мясников. Он уже давно намеревался взять под арест жену подполковника Каппеля — просто так, без повода, на всякий случай. До дела дошло только сегодня. На обратном пути от Успенской женской обители чекисты завернули грузённые мануфактурой пролётки к деревянному особнячку Стрельманов. И оказалось, что не зря!

Отшвырнув бабу, чекисты ломанулись в гостиную. Лампа под абажуром. На полу — раскрытые чемоданы с барахлом. Пожилая женщина, схватившись за сердце, ошарашенно прижалась к изразцам голландской печи. Барин гневно вздымается из кресла — усы и бакенбарды раздуты, как у Александра Второго. В кабинете — тоже свет. И звякает стеклом второпях распахнутое окно.

Ганька пронёсся через комнаты, выдёргивая наган из кобуры, высунулся в окно и несколько раз выстрелил в неясные тени Сибирской улицы. В доме завизжали женщины и заплакал младенец. Темнота не отозвалась на пальбу.

Раздосадованный, Ганька вернулся в гостиную к Стрельманам-старшим, пнув по дороге резной стул.

— Какое вы право имеете!.. — начал было Сергей Алексеевич.

— Помолчи, папаша! — оборвал его Ганька.

Чекисты уже втолкнули в гостиную Ольгу — бледную и растрёпанную.

— Одевайся, мамзель, — зло сказал Ганька, взглядываясь ей в лицо. — Растолкуешь нам, куда собралась и что за хахали у тебя тут из окон сигают.

Оба они увлекались разговором и нынче опять засиделись до рассвета. За окном исчезли бабочки-ночницы, а небо над Камой пронзительно посинело. Дмитрий Платонович прикрутил фитиль пятилинейной керосиновой лампы.

— Не понимаю, папа, как ты мог отказаться от собственности?

Катя смотрела требовательно и даже осуждающе. Якутов, усмехаясь сам себе, подумал, что влюбляется в свою дочь, как когда-то влюбился в её мать.

— Ты ведь тоже отказалась от Сорбонны и Кембриджа и поехала в Пермь.

— Ты шутишь, а я говорю серьёзно! И речь не про меня!

Она и вправду была серьёзной. Внешне очень похожей на Ангелину — и не похожей ничуть по натуре, потому что Ангелина, актриса, всегда пребывала в некоем драматическом изломе духа, словно жила на экране синемаатографа.

— Если серьёзно, Катюша, то я согласен с необходимостью социальных изменений в России. И согласен пострадать от них.

Серые глаза Кати сделались непримиримыми.

— Ты веришь в химеры большевиков?

— Нет, не верю. — Якутов покачал головой. — Но власть — у большевиков.

— Это не значит, что ты должен их поддерживать!

— Я поддерживаю не большевиков. — Якутов старался формулировать как можно точнее. — Я поддерживаю хозяйство в работоспособном состоянии.

Кате хотелось задавать острые и неудобные вопросы. Хотелось искать ошибки в рассуждениях или поступках отца и опровергать его. Отец был статным и сильным мужчиной с чёрно-седой бородой и высоким лбом. Всегда доброжелательный, тем не менее он не пускал к себе в душу. Такие не нравятся женщинам — но если уж понравились, то на всю жизнь. Не случайно мама брала в любовники каких-то светских хлыщей или истеричек с апломбом. Из обиды и ревности она искала противоположность отцу. Катя давно поняла, что мама ему —

не пара. А вот сама она вполне достойна Дмитрия Платоновича. У неё такой же твёрдый характер. И она могла быть рядом с отцом — но только на равных. Неудобные вопросы и служили объявлением о равенстве.

— Мама говорила, что до революции ты давал большевикам деньги и ходатайствовал за них перед полицией и судом.

— Да, верно, — кивнул Якутов. — Содействие большевикам оказывали многие промышленники. Но этим мы работали против революции, а не за неё.

— Каким же образом? — удивилась Катя.

— Для полноценного развития страны мы хотели получить подлинный парламент, в котором рабочие имели бы справедливое представительство. Социал-демократы выступали от пролетариата, эсеры — от крестьянства.

За окном вдали патриархально запел утренний петух. В провинции птицу и скотину держали даже в центре губернского города.

— Не знаю, как повели себя эсеры, — со сдержанным гневом сказала Катя, — но социал-демократы мобилизовали на революцию не столько рабочих, сколько люмпенов! Уголовников, дезертиров, батраков и бродяг!

Дмитрий Платонович тихо гордился, что дочь у него такая умная и волевая. Он разговаривал с Катей честно и без всяких скидок.

— Ты права, Катюша. И я впечатлён твоим знакомством с марксизмом. Да, социал-демократы оказались подлее, чем мы думали. Они ловко использовали пролетариат для расшатывания режима. И мобилизация деклассированного сословия для классовой борьбы означает их стремление к абсолютной власти, а вовсе не к демократии.

— Значит, надо бороться с большевиками!

Дмитрий Платонович смотрел на Катю с нежностью и уважением. Эта английская девочка ещё многого не понимала — в жизни, а не в политэкономии.

— Не думаю. Конечно, я осознаю неизбежность гражданской войны, но полагаю, что война только ухудшит ситуацию. При отсутствии сопротивления большевики сами были бы вынуждены вернуться к частной собственности, потому что государственное управление экономикой нерационально. Дело государства —

фискальные функции. Маркс — утопист. Я надеюсь, Катюша, что через пару лет большевики всё равно придут к некоему квазикапитализму. Новыми собственниками станут люди, облечённые доверием их партии, или коллективы. То есть изменятся лица, но прежние основы восстановятся.

Но Кате утопистом казался не Маркс, а отец. Он надеялся на чудо.
— Ты веришь, что вернёшь своё прежнее положение, папа?

Дмитрий Платонович усмехнулся.

— Возможно. Однако меня волнует не это, Катюша. Меня волнует то, что в годы твоей учёбы я буду не в состоянии содержать тебя должным образом.

— Не беспокойся, — с достоинством ответила Катя. — Я сама смогу себя прокормить. Я не боюсь работы. Я могу давать домашние уроки, я хорошо освоила лаун-теннис, наконец, я занималась на курсах сестёр милосердия.

Домашние уроки? Лаун-теннис? Для кого это здесь? Для детей из рабочих и солдатских слободок? Но Дмитрий Платонович не стал разубеждать дочь.

— Ты прекрасна, Катюша. И я очень сожалею, что не я тому причина.

Они сидели в гостиной небольшой квартиры Якутова в мансарде здания Речкома. Свою спальню Дмитрий Платонович уступил дочери и ночевал в кабинете. Восход окрасил скошенный потолок в буржуазный розовый цвет. Самовар давно остыл. За окном над Камой плыл тонкий туман.

Где-то в глубине здания раздались невнятные голоса, потом за стеной на лестнице закрипели тяжёлые шаги, и дверь в квартиру Якутова без стука распахнулась. В гостиную по-хозяйски бесцеремонно вошли незнакомые Дмитрию Платоновичу люди в солдатских гимнастёрках и кожаных куртках.

— Гражданин Якутов, — сказал кто-то из них, — вы арестованы.

— И за что же? — спокойно спросил Дмитрий Платонович.

Один из вошедших, небритый и большеротый, победно улыбнулся:

— Да ведь и сам, небось, знаешь.

— Поди-ка сюда, любезный. — Ганька толкнул створку грязного окна.

Якутов подошёл и остановился, стараясь не соприкоснуться с Ганькой плечами. Окно кабинета снаружи закрывал «намордник» — короб из решётки. Сквозь прутья Дмитрий Платонович разглядывал двор тюрьмы.

Во дворе ждали отъезда пятеро арестованных. Дмитрий Платонович их уже видел. Это были сопровождающие Великого князя Михаила: камердинер, шофёр, делоправитель Гатчинского дворца и полковник Пётр Людвигович Знамеровский с женой Верой Михайловной. Они держали в руках чемоданы.

— Жужгов, валяй! — весело крикнул из окна Мясников.

Охранники сидели в тени ворот на каких-то брёвнах. Нехотя поднимаясь, они доставали револьверы. Выстрелы забабахали дружно, звонко и быстро — арестованные ничего не успели понять и повалились на камни вымостки. Вера Михайловна даже не выронила из руки маленький дамский саквояж. Дмитрий Платонович смотрел, как чекисты ходят над упавшими и добивают их.

— Конец вашим порядочкам, гражданин Якутов, — сказал Ганька. — Мы не брехнёй руководимся, а вот этим революционным правосознанием! — Ганька с назиданием постучал себе в лоб вытянутым пальцем. — Чего ты мне твердишь «докажи» да «докажи»! Я и так знаю, что это ты спрятал Мишку Романова!

— Ольга Сергеевна Стрельман-Каппель неправильно истолковала слова своего брата, — холодно повторил Дмитрий Платонович.

— Тьфу на тебя! — искренне обиделся Ганька. — Ну чего ты как мальчонка-то, Митрий Платоныч? Всё ведь, уцепил я тебя. Хорош ломаться!

Ганька упивался своим превосходством над знаменитым парходчиком.

— Я тебя терзать не буду, я не зверь, — великодушно пообещал он. — Но у тебя же дочка есть. И я её под арест посажу. А чего в

тюрьме бывает, ты сам только что посмотрел. Думай, Платоныч, думай. Вспоминай, где князь.

Ганька похлопал Якутова по плечу и крикнул в дверь:

— Рябухин, проводи барина в опочивальню!

Дмитрий Платонович молча шагал по длинному обшарпанному коридору тюрьмы, а молодой чекист-конвоир нелепо топал сзади и вздыхал как баба, у которой пригорела стряпня. За поворотом парень страдальчески спросил:

— Дак как же это так, Митрий Платоныч?..

Якутов угрюмо оглянулся.

— Мы знакомы?..

— Моё семейство к вам в ноги кланяется... В девятьсот двенадцатом после стачки на сталепушечном нас с братом начальство хотело в Сибирь упечь, а вы двокату заплатили, и нас помиловали... А теперь что же я делаю, гнида?..

Конвоир завёл Дмитрия Платоновича в камеру, запер за ним железную дверь и тотчас всунулся лицом в окошечко-волчок.

— Ежели чего попить-поесть надобно, дак вы только шумните, Митрий Платоныч. Я тут в коридоре караулю. Сенька Рябухин я.

Якутов сидел на откидной койке, прикреплённой к стене тонкими цепями, и щурился на закат за решёткой в узкой и глубокой амбразуре. Ему всё было предельно ясно. Костя Стрельман разболтал о князе Михаиле сестре; сестру арестовали; на допросе она всё рассказала. Что же теперь делать?

Можно выдать Великого князя. Дмитрий Платонович думал об этом без подлости — будто о коммерческом вопросе. В Чека Михаил, конечно, не сумеет умолчать о тех, кто ему помогал, — о Хансе Ивановиче и Анне Бернардовне Викфорс в Нобелевском городке, о капитане Нерехтине в затоне. Чекисты арестуют их и расстреляют, потому что хотят сохранить в тайне бессудную казнь Романова. Расстреляют и его, Якутова... Он тоже свидетель. А можно и не выдавать Великого князя. Но тогда чекисты арестуют Катю. В обмен на дочь он, Якутов, разумеется, уступит князя Михаила. И результат будет тем же самым, только погибнет ещё и Катя... Что ж, всё дело упирается в него — в Дмитрия Платоновича. Он — ключ к этому замку.

Дмитрий Платонович смотрел на закат. Он желал дожидаться завершения дня. Дня, который начинался так счастливо — честным разговором с дочерью... Дмитрий Платонович вспоминал Катюшу, вспоминал её мать... Глупый был брак. Тогда почему-то модно было промышленникам жениться на актрисах... Зато теперь есть Катя... Какая она славная!.. А вот Алёшка совсем не такой. Но всё равно он молодец. Да и Настасья, Алёшкина мать, последняя и самая острая любовь, — женщина деловая, не ровня Ангелине с её томлениями духа и позами. Алёшка... Катюша... Его дети... Он, пароходчик Дмитрий Якутов, умел принимать непростые решения, потому и стал «королём Камы». Всё у него в жизни было правильно. Пускай и сейчас будет правильно. Закат угас.

Дмитрий Платонович встал и постучал в дверь камеры.

— Ась? — сунулся в «волчок» Сенька Рябухин.

— Зайди, — велел Дмитрий Платонович.

Сенька вошёл, опасливо затворил дверь и вытянулся перед Якутовым, как перед командиром.

— У тебя есть револьвер? — спросил Дмитрий Платонович.

— Есть.

— Дай мне.

— Не положено арестантам... — обмирая, прошептал Сенька.

— Я не сбегу. От вас не сбежишь.

Сенька всё понял, и по его румяным щекам вдруг потекли слёзы.

— Помилуйте, Митрий Платоныч... — прошелестел он.

Дмитрий Платонович не обратил внимания на его мольбу.

Во мраке камеры трудно было что-либо разглядеть. Дмитрий Платонович провернул барабан нагана, проверяя патроны.

— Мою дочь зовут Катя, сообщи ей обо мне, — сухо попросил он Сеньку. — А Мясникову скажи, что я напал на тебя и отобрал оружие.

— Христом богом!.. — обречённо прорыдал Сенька. — На колени встану!..

Якутов присел на койку, неудобно развернул наган в ладони, положив большой палец на спусковой крючок, прижал ствол к сердцу и выстрелил.

После казни архиепископа большевики запретили в Перми колокольный звон, и Всехвятская церковь была так же безмолвна, как чугунные кружевные кресты и надгробные каменные плиты. Вместо колокольного звона с пустого неба сыпалось чириканье птиц — кладбище привольно заросло берёзами и липами. Для Дмитрия Платоновича выкопали отдельную могилу на главной аллее, а других покойников увезли в телеге на окраину погоста — в общую яму возле оврага. Все шесть гробов заколотили ещё в тюрьме, пометив якутовский бумажным образком, прищипленным на обойные гвоздики, но Катя не потребовала снять крышку. Она не хотела видеть отца мёртвым.

— Крепитесь, голубушка, — сказал ей Сергей Алексеевич Стрельман.

Это ему Катя была обязана похоронами. Без вмешательства Стрельмана тюремная команда зарыла бы Дмитрия Платоновича тайком и где попало.

Сергей Алексеевич утром пришёл в тюрьму на свидание с дочерью и от охраны услышал о смерти Якутова. Наряд красногвардейцев уже готовился вывезти телегу с мертвецами куда-нибудь за город. Стрельман прорвался к начальнику тюрьмы и обрушил на него всю тяжесть генеральского гнева:

— Убили — так перед богом ответите, но похоронить надо по-человечески!

Сам же Сергей Алексеевич и отправился на квартиру к Якутову.

Вчера Катя ещё смогла убедить себя, что отца действительно арестовали — и это не бред, однако поверить в его гибель была уже не в силах. Умом она понимала, что чья-то бестрепетная воля перевернула её судьбу как песочные часы, и отныне в этих часах текла уже другая жизнь, но ошеломление отбило чувства. Катя тупо смотрела, как поп ходит вокруг гроба и бубнит, раскачивая в руке кадило, как красногвардейцы опускают гроб в яму, и всё казалось Кате скучным и обыденным, словно её пригласили в гости — а хозяев нет дома.

На похоронах присутствовали только Стрельман, два незнакомых Кате речника из Речкома и какие-то старушки-побирушки, всегда обретающиеся при храмах. Сергей Алексеевич мягко приобнял Катю за плечи.

— У вас есть в Перми близкие люди, Катерина Дмитриевна? — спросил он. — Если нужно участие, мы с Еленой Александровной вас приютим.

— Благодарю, — бесцветно ответила Катя. — Мне... Мне, наверное, надо поехать в Сарапул, меня там примут... Или в Нижний... Там у папы семья.

— Я помогу вам. — Стрельман взял её за локоть, словно она могла убежать.

Красногвардейцы закидали яму, охлопали лопатами земляную насыпь и полезли в телегу. Стрельман перекрестился и мягко потянул Катю за собой. На боковом выходе с кладбища у калитки он замер и негромко позвал:

— Костик! Костик!

Из кустов выбрался молодой человек в тужурке путейского инженера.

— Это мой сын, — пояснил Стрельман. — А это Катерина Дмитриевна.

Костя молча наклонил голову в знак сочувствия. Прошедшие полтора дня он прятался у Анисьи — кухарки Стрельманов, и всё знал о сестре и Якутове.

— Костик, возьми Катеньку вместо Лёли, — сказал Сергей Алексеевич.

— Куда? — глухо спросила Катя.

— Костик пробирается в Самару к восставшим. Сарапул ему по пути.

— Честные люди должны подняться на борьбу с большевиками, — заявил Костя. — Преступления Советов ужасны. Россия не простит нам бездействия.

Среди воробьиного чириканья эти слова звучали странно и нелепо.

— Я вот принёс тебе, что собрали... — Сергей Алексеевич достал портмоне и вытащил деньги. — И мама от себя прислала... Это

приданое Ленушкино... Ты уж постарайся сохранить его, Костик, но ежели нужда будет, не осудим.

На ладонь Косте легло старинное золотое кольцо с бриллиантом.

— Папа... — растроганно прошептал Костя.

Сергей Алексеевич поцеловал его и смущённо расправил бакенбарды.

— Катерина Дмитриевна, буду ждать вас в полночь с вещами на пристани Любимовского завода, — сказал Костя. — Это на Заимке.

Не опоздайте.

— Сохрани вас господи. — Сергей Алексеевич перекрестил сына и Катю.

С кладбища Катя вернулась домой — в здание Речкома. У запертой двери квартиры на полу сидел румяный парень-красноармеец.

— Что вам угодно? — спросила его Катя.

Парень вскочил, сдёрнул картуз и прижал к груди.

— Мне Митрий Платоныч велели прийти...

— Дмитрий Платонович умер, — бесчувственно произнесла Катя.

— Христом богом клянусь, я их не убивал! — почти заплакал парень.

— Оставьте меня! — потребовала Катя.

Но парень топтался перед ней, не отступая.

— Я ж караульным в тюрьме-то был, — торопливо заговорил он. — Митрий Платоныч сами велели мне леворьверт им выдать и прямо в сердце себе стрельнули! Не знаю — почто, почему... Жуть-то какая! Но не я это!

— Он сам? — не понимая, переспросила Катя.

— Сами они!

Катя сдвинула парня с дороги, вошла в квартиру и закрыла дверь.

Её мысли и мутные впечатления разваливались, как мокрый хлеб. Она бессмысленно ходила по комнатам, перекладывала какие-то вещи, пыталась разжечь примус. Отчаявшись собрать в голове всё воедино — арест отца, его самоубийство, Стрельманов, красноармейца, тётю Ксению из Сарапула, — Катя просто легла на постель и заснула. За окном сияли облака над Камой, где-то вдали разгоралась гражданская война, а на зелёном кладбище за Всехсвятской церковью по свежей земле могилы прыгали галки и клевали червей.

Проснулась Катя уже в сумерках.

Она вышла из дома только с одним чемоданом — самым лёгким из всех. Перекладывая его из руки в руку, она миновала Козий загон, пересекла Соборную площадь и спустилась к железной дороге. Впереди виднелись цеха и склады завода купца Любимова. За ними на реке стоял дебаркадер.

Костя Стрельман помог ей забраться в лодку и оттолкнулся веслом от чугунного битенга на углу понтона. Лодка заскользила по тихой воде вдоль длинных и безлюдных товарных причалов Заимки. Катя молча глядела вперёд — на грозно угасающее небо. В багровой и обжигающей полосе заката угольно чернели решетчатые арки высокого и длинного железнодорожного моста.

Катя вспомнила, как совсем недавно она проплывала под этим мостом на буксире. Отец тогда был ещё жив, ждал её на пристани в белом пиджаке, и мир был стройным и цельным, и ничто не предвещало беды. Катя сидела у лодки в носу. Она согнулась и вцепилась в борта. Горе забилося в ней, как холодная и сильная рыба в пустом ведре. Это очнулась ошеломлённая душа. Катя не рыдала, даже не всхлипывала — она глухо молчала, и её колотило. Костя почувствовал, как лодка дрожит. Закидывая распашные вёсла, он был обращён лицом к удаляющейся Перми, над синими крышами которой краснел шпиль собора; он посмотрел на Катю через плечо — и ничего не сказал.

Иван Диодорович был ровесником Дмитрия Платоновича, и начинали они вместе: Нерехтин работал капитаном на первом судне Якутова. Но Якутов желал владеть пароходством, а Нерехтин — пароходом. Якутов добился своего, а Нерехтин — нет, и через много лет Дмитрий Платонович сам исполнил мечту друга: уступил Ивану Диодоровичу свой буксир «Лёвшино» за полцены.

— Я с Митей от юности в товарищах, — сказал Нерехтин Кате. — Кремень-человек. Он не за-ради себя застрелился. Видно, так надо было. И я понимаю, Катерина, каково тебе сейчас. Никто тебя не утешит и на вопросы не ответит.

Иван Диодорович знал, что говорил. Саша, его единственный сын, тоже покончил с собой. Причина была известна, однако она не объясняла, как жить дальше. Самоубийца оставлял близких в ощущении вины. Со временем можно было избыть горе, но вина терзала вечно, и объяснить её не выходило. Порой Ивану Диодоровичу казалось, что сын убил не себя, а его самого — отца. Мать — уж точно.

И Нерехтин не хотел, чтобы Катя тоже испытала всё это на себе.

Они сидели в каюте Нерехтина. Горела свечка, озаряя стенки и низкий потолок. Остывал самовар — на пароходе иметь самовар позволялось только буфетчику и капитану. Катя смотрела в темноту открытого окна. Изредка под бортом вдруг плескала вода, и пароход едва уловимо вздрагивал.

— Оставайся у меня, Катерина, — предложил Нерехтин. — Я тебе ту же каюту дам, в которой ты сюда ехала. Мои охламоны порешили буксир до Рыбинска сгонять, так что привезу тебя прямо в Нижний к Настасье и Лёшке.

— Не могу, дядя Ваня, — отказалась Катя. — Слишком напоминать будет...

— Ну, всё ясно. Тогда провожу тебя до «Суворова».

По пружинящей сходне они перебрались на дамбу, и Нерехтин повёл Катю к той части затона, где стояли пассажирские суда.

В широком, синеватом от воды пространстве затона скопище пароходов громоздилось призрачными прямоугольными объёмами

надстроек. Под луной взблёскивало стекло и лоснились задранные трубы. Кое-где в рубках тлели тусклые керосинки вахтенных. Пахло ночной свежестью огромной реки.

«Фельдмаршал Суворов» почему-то не спал. По галерее бегали матросы, из ресторана долетали голоса. Ивана Диодоровича едва не сбил с ног Гришка Коногоров — штурвальный с «Лёвшина». Нерехтин цапнул его за локоть:

— Ты чего на чужом пароходе ошиваешься, Григорий?

После социализации «Лёвшина» Гришку выбрали командиром буксира. То есть от имени команды — владельцев судна — он отдавал приказы капитану.

— Дядь Вань, «суворовцы» вернулись! — увлечённо сообщил Гришка. — Давай со мной на жеребьёвку, очередь к баржам займём!

Нерехтин понял, что пришли матросы, которых капитан «Суворова» посылал по окрестным деревням за провизией. Это означало, что утром можно будет заправить цистерны судов мазутом и ускользнуть из затона на свободу. Обычно суда в затонах заправлялись из плавучей нефтеперекачки, но сейчас вместо неё из Нобелевского городка просто пригнали наливную баржу.

— Ты — командир, и забота твоя, — отказался Нерехтин. — Идём, Катерина.

В бессмысленно большом люксе измученная Катя, не раздеваясь, легла на койку, и Нерехтин прикрыл её одеялом. Когда-то он так укладывал сына...

От «Суворова» Иван Диодорович двинулся по дамбе обратно в сторону своего буксира и присел на ржавый адмиралтейский якорь, косо торчавший из песка. По камскому стрежню рассыпалась лунная рябь. Кама казалась дикой и первобытной, потому что на всём протяжении створа в эту большевистскую навигацию не поставили ни единого бакена. Нерехтин думал о Якутове. Митя всегда стремился жить в общем движении времени, держаться на гребне — и не удержался. Потому что волны переменчивы, а неизменно только течение.

...Когда Иван Диодорович поднялся на буксир, вся команда ждала его на длинной корме. Речники развалились на палубе где попало, курили, дремали.

— Ты куда сгинул? — закричал Гришка. — Пора машину заводить!

Нерехтин догадался, что старший машинист Осип Саныч Прокофьев не желает приниматься за дело без указания капитана.

— Заводи, — разрешил Прокофьеву Нерехтин.

— Нижняя команда — за мной! — сразу распорядился Прокофьев.

Вслед за Прокофьевым помощники машиниста, кочегары и маслѐнщик направились к дверке, за которой находился трап в машинное отделение. Вскоре в недрах парохода раздалось глухое звяканье задвижек-клинкетов на трубопроводах, скрежет топчного люка и сопение помпы при подаче топлива.

Иван Диодорович ещё раз оглядел людей на корме буксира.

— Одумайтесь, ребята, пока не поздно, — сказал он. — «Суворову» деваться некуда, а мы-то дома. Большевики не спустят непокорства. Они на каждую пристань телеграфируют, и нас везде с пулемѐтами встречать будут.

— Чай не станут они по людям стрелять! — возмутился Челубеев.

— Станут, — заверил Нерехтин.

— Не сей панику, дядь Вань! — обиженно крикнул Гришка Коногоров.

Внезапно за кормой брякнула сходня. На буксир влез Федька Подшивин, матрос из новеньких. Вместе с матросами «Суворова» и других мятежных судов он ходил на захват барж и стрелковой ячейки возле наплавного моста.

— Ну что, взяли красных? — вскинулся к нему Гришка.

— А некого брать! — по-детски рассмеялся Федька. — Драпанули красные! Ячейка пустая, а на баржах токо по сторожу! Расписку от нас ждали! Умора!

— Дурачок ты! — разъярился Иван Диодорович. — С бакинцами не знаком!

Наливные нобелевские баржи с мазутом пригнали с Каспия — с местными шкиперами. Подпольщики Баку, устраивая экспроприацию — «экс», обычно выдавали ограбленным расписку. Разных подпольщиков было много: эсеры, большевики, мусаватисты, дашнаки. Чтобы жандармы не карали тех, кто не виноват, и не ссорили подпольщиков между собой, грабители всегда называли себя. Если сейчас большевики убрали с барж мадыарскую охрану, а бакинские

шкиперы по привычке ждут расписку за «экс», значит, красные уже знают о мятеже. И обязательно что-нибудь предпримут. Красные упрямы и жестоки.

— Ребята, худой признак — что никого нет! — убеждённо заявил Иван Диодорович. — Добром прошу — не надо мятежа!

Гришка Коногоров покровительственно обнял Нерехтина:

— Не трусь, дядя Ваня! Пойми: старый ты уже! Теперь наше время! Воля!

Нерехтин раздражённо освободился от объятия.

— Убьют кого, Гришка, — на твоих руках кровь!

Высокие рубки и трубы пароходов в затоне окрасило мягким светом зари.

Катя проснулась от упругого толчка — это пароход стукнулся привальным брусом своего борта в кранцы пристани. Каюта была погружена в розовую и голубую утреннюю тень. Снаружи слышались голоса матросов и плеск воды. Из глубины парохода доносился тихий шум машины, работающей на малом ходу. Катя поднялась с постели и посмотрела в окно: «Фельдмаршал Суворов» причалил — но не к пристани, а к длинной, плоской и ржавой железной барже с большими люками, густо заляпанными мазутом, и цистерной-мерником.

Катя умылась под краном с бронзовым барашком и расчесала волосы. Она не выспалась, однако чувствовала себя бодрее, чем ночью. Почистив одежду мокрой платяной щёткой, Катя направилась на прогулочную веранду.

«Суворов» ещё не покинул затон — стоял у баржи на бункеровке, то есть закачивал топливо. Над баржей и лайнером зеленела на солнце заросшая ивами береговая круча. К мернику на барже от «Суворова» тянулась, провисая, толстая брезентовая труба. Сопела помпа, стучала вспомогательная машина-камерон. Суетились матросы в грязных рукавицах. За бункеровкой наблюдал первый помощник в тёмно-синем кителе и фуражке. Катя увидела, что к нему подошёл Костя Строльман, и сама тоже подошла поближе.

— Илья Никитич, мне нужен матрос, — вежливо объяснял Костя. — Человек лежит в лазарете без сознания. Я ведь не донесу его один.

— Извините, господин... э-э...

— Константин Строльман, — подсказал Костя.

— ...господин Строльман, но сейчас обстоятельства исключительные, — так же вежливо ответил помощник. — Судно может отвалить в любой момент. Капитан не желает рисковать членами команды или ожидать опоздавших.

— Уверяю вас, у меня вопрос жизни и смерти!

Первый помощник молча коснулся двумя пальцами козырька фуражки.

В такое яркое утро гибель отца показалась Кате ещё более невероятной, чем вчера. Катя не соглашалась с ней, Кате хотелось противоречить всему.

— Я помогу вам, Костя, — заявила она. — Не беспокойтесь, я сильная!

— Не советую, барышня, — предостерег её первый помощник. — Впрочем, как вам угодно. За минуту до отвала мы дадим гудок. Поторапливайтесь.

С парохода Катя и Костя перебрались на баржу, с баржи — на пирс, потом на берег. На верхотуру вела деревянная лестница.

— Нести обратно придётся по съезду, — предупредил Костя. — Это дольше.

— И кто же ваш таинственный больной? — любопытствовала Катя.

— Не больной, а раненый, — нехотя сказал Костя. — Я не вправе открыться, Катерина Дмитриевна, однако не могу утаить, что его и спасал ваш отец.

— Отец?! — обомлела Катя. — Он ничего мне не говорил!

— Я не вправе судить о ваших взаимоотношениях. Могу сообщить лишь то, что я обязался сопровождать этого офицера в Самару. Ради него Дмитрий Платонович и устроил мне с сестрой место на пароходе.

Катя никак не ожидала, что у отца были столь важные секреты от неё, и она почувствовала себя обманутой. Мог ли отец обманывать — даже из лучших побуждений?.. А почему бы и нет? Отец всегда жил своими делами и своей жизнью, в которой она, Катя, участия не принимала. И в целом... Отец ведь бросил жену с ребёнком... и со второй женой судьбу не соединил...

Наверху Катя увидела домики небольшого посёлка речников. Костя уверенно пошагал к самому длинному дому, огороженному штакетником.

В тесной палате лазарета стояли две кушетки. На одной лежал офицер, за которым явился Костя, а на другой храпел фельдшер.

Костя выругался:

— Мерзавец! Я вручил ему деньги на медикаменты, а он всё пропил!

А Катя замерла над офицером. Она сразу его узнала.

Она встретила его пять лет назад на пароходе, когда возвращалась от мамы в Англию. Пароход шёл из Биаррица в Борнмут. Пассажиры шептались, заметив на борту главного претендента на российский престол — Великого князя Михаила Александровича, изгнанного из страны за морганатический брак с княгиней Брасовой. Опальные супруги жили в замке Небворт под Лондоном. И в русских домах Канна, и даже в строгой «Шерборн скул гёлс» все девушки обсуждали дерзкий и красивый поступок Великого князя, который пожертвовал своим положением ради любви. И Кате было отчаянно интересно посмотреть на Великого князя. Она подкараулила Михаила на прогулочной палубе. Великий князь сидел в шезлонге, курил папиросу с мундштуком и, щурясь, задумчиво смотрел на волны Бискайя. Лицо у него было очень приятное — доброе и с достоинством. И сейчас Катя вновь увидела этого человека — в глубине России, на Каме, в камерке лазарета... Великий князь был без сознания: фельдшер сорвался в запой, и больной впал в беспамятство.

И Катя мгновенно поняла поведение отца — и его молчание о Михаиле, и самоубийство. Чекисты разыскивали недобитого Великого князя, а выстрелом в себя отец защищал и Михаила, и всех, кто был связан с ним, — в том числе и свою дочь. Понимание словно распоролу душу, как нож распарывает живот.

А издалека, из затона, донёсся тревожный гудок «Суворова».

— Мы же не успеем дотащить! — заволновался Костя.

Кате не понравилось его беспокойство.

— Надо постараться, — холодно ответила Катя. — Или останемся с ним.

— Я не могу! — Костя недовольно дёрнул плечом. — Меня ищет Чека! И я намерен добраться до Володи и сражаться с большевиками!

Катя ощутила в себе странную решимость. Её же никто нигде не ждёт. В «Шерборн скул гёлс» она получила навыки сестры милосердия. Она сумеет выходить Великого князя. Может, это станет искуплением вины за недавние дурные мысли об отце. А может, ревностью и мстью отцу: он ей не доверился, не счёл её взрослой и готовой к жизни, однако его дело завершит именно она.

— Бегите на пароход, Костя, — сказала Катя. — Я сама позабочусь о князе.

Костя даже не заметил, что Катя узнала Михаила.

— Надеюсь, вы не принимаете меня за труса? — В голосе Кости прозвучал вызов. — Борьба с большевизмом важнее, чем спасение одного человека!

— Бегите, — спокойно повторила Катя.

Костя помедлил, внимательно глядя на неё. Он не испытывал неловкости, ведь понятно, что его место — в строю бойцов, а князь — обуза. Но понимает ли это Катя? Катя ответила твёрдым взглядом. Кажется, да — она понимает. Костя повернулся и выскочил из лазарета. Катя подошла к окошку и отодвинула занавеску. Костя, как ему и велели, бежал к лестнице на берег. Двор опустел.

Катя всё стояла у окна, ожидая неведомо чего, а потом вдруг услышала голоса и завывание автомобильного мотора. Мимо штакетника, покачиваясь, проехал клёпаный броневик «Остин» с несуразно большой башней и хищно прищуренными бойницами. За броневиком быстро шли красногвардейцы.

Большевики не успели перегородить горло затона плашкоутным мостом, да это и не помогло бы. Машина «Фельдмаршала Суворова» — длинная, белая, сложно устроенная, — двигалась к выходу прямо и точно, с неуклонностью природной силы. Грозно дымили две чёрных трубы с красными полосками. На полукруглом «сиянии» перекрещивались торговые флаги погибшей империи, яростно вращались гребные колёса, и под широкими обносами клочкотала пена.

Броневик, такой маленький в сравнении с лайнером, торчал на съезде и лаял как бульдог — бил из пулемёта: его башенка медленно поворачивалась вслед за судном. Вокруг рассыпались красногвардейцы и тоже гвоздили по «Суворову» из винтовок. Пули дырявили белые стены надстройки, летела щепка; будто взбесившись, на прогулочной галерее прыгали и кувыркались плетёные кресла; бешено полыхая на солнце, лопались оконные стёкла.

Нижняя команда укрывалась от пуль за машиной и котлом. Матросы лежали на полу в кубрике, в трюме на решётках стлани; с матросами был и Костя Стрельман. Пароход казался пустым, только в рубке у штурвала стоял капитан Аристарх Павлович — красногвардейцы видели его с берега. Белое плечо кителя у капитана было окрашено кровью. Первый помощник сидел в углу рубки мёртвый. Аристарх Павлович поднял руку и потянул за стремя на тросике: покидая затон, «Суворов» дал низкий тройной гудок — знаменитый гудок компании «Кавказ и Меркурий». Впереди свободно блистала Кама.

Вслед за «Суворовым» как за вожаком примерялись ускользнуть и другие пароходы — два пассажирских гиганта и пять буксиров. Огонь из броневика охладил мятежников, и они испуганно сворачивали с кильватера флагмана, беспорядочно вырубивая по затону. Но Гришка Коногоров выдерживал курс.

Гришка сжимал рукояти штурвала, а Иван Диодорович за спиной у него в бинокль смотрел совсем в другую сторону — на реку за тополями дамбы. Там, на реке, дымил трубой ещё один буксир. Нерехтин сразу опознал его: это «Медведь» из Королёвского затона.

Иван Диодорович давно водил дружбу с капитаном «Медведя», у которого и фамилия была подходящая — Михайлов.

— Гришка, твоей затее конец, — сказал Нерехтин. — «Медведь» идёт.

— Ну и хрена ли? — сквозь зубы огрызнулся Гришка.

— Михайлов за большевиков. На буксире — красные.

— «Суворов» же не сдрейфил.

Иван Диодорович тоже не трусил. Его злила очевидная глупость мятежа. Он слишком долго командовал сам, чтобы сейчас вытерпеть дурь от неуча.

— «Суворов» шарашит двадцать две версты. Мы — семнадцать. «Медведь» — на версту больше. Нас он догонит, а «Суворова» — нет.

Правь к берегу!

«Суворов» мог выдать и большую скорость. Как-то раз нижегородский губернатор отчаянно спешил в Казань, и господин Тегерстедт, тогда — капитан «Суворова», разогнал пароход до двадцати пяти вёрст. Его дымовые трубы раскалились, и матросы поливали их водой, а волна от парохода выбрасывала на берег рыбачьи лодки.

Тот рекорд «Суворова» никому не удалось превзойти.

— Да всё, дядь Вань, получится! — с тупым упрямством ответил Гришка.

Нерехтин, обозлившись, перекинул рукоятку машинного телеграфа на положение «стоп». Телеграф жалобно звякнул.

— Ты чего? — изумился Гришка, сдвигая рукоятку на «малый вперёд».

Тогда Нерехтин выдернул деревянную пробку из жерла старомодной переговорной трубы и закричал в трюм:

— Прокофьев, глуши машину!

— Эй!.. — гневно завопил в ответ Гришка.

Нерехтин с силой оттолкнул его в сторону и повернул штурвал.

Гришка всё понял и рванулся обратно, но Иван Диодорович обхватил его, не подпуская к управлению. Они сцепились и оба повалились. Гришка бился и лягался, выдираясь, а Нерехтин держал его за форменку. Гришка орал:

— Сука ты, дядя Ваня!.. Гнида!..

Он ударил Нерехтина в скулу, но Нерехтин не разжал рук. Гришка ударил снова, потом снова. Они ворочались в рубке на полу, хрипели от ненависти, колотили локтями и пятками в настил, в стенки и в стойку парового штурвала, выбили дверку, а буксир плавно отклонялся от выхода из затона и нацеливался носом на берег. Машина ещё работала — её невозможно было остановить мгновенно, но клапаны уже истошно свистели сброшенным паром.

— Бе... беги... с борта! — под ударами в лицо выдохнул Гришке Нерехтин.

Буксир ткнулся форштевнем в отмель и грузно выехал носом на песок.

«Суворов» таял в блестящем просторе Камы, а «Лёвшино» бессильно грёб колёсами под берегом, поднимая донную муть. От броневика к буксиру с винтовками наперевес мчались красногвардейцы, впереди — Ганька Мясников.

На подавление бунта в затоне Губсовет направил чекистов. Отряд Пашки Малкова с пулемётами погрузился на буксир «Медведь», а Ганьке дали ненадёжный «Остин». Броневик закатили на железнодорожную платформу и перевезли на правый берег, от разъезда он добирался до затона своим ходом.

Ганька быстро сообразил, что случилось с этим судном — с «Лёвшином». Команда хотела юркнуть за «Суворовым», но наложила в штаны. Чекисты вскарабкались на пароход, принялись распахивать двери и люки. Смущённые и оробевшие речники поднимали руки и выбирались на палубу. Чекисты столкали всех на корму. Впереди стоял пожилой капитан — рожа в крови.

— Контрреволюцию затеяли, да? — спросил Ганька. — Кто зачинщик?

Иван Диодорович видел, что разболтанному командиру чекистов весело. Да и прочие бойцы пересмеивались, довольные лёгкой победой.

— Я — капитан, я и главный, — мрачно ответил Нерехтин.

— Герой выискался! — широко улыбнулся Ганька. — Георгиевский кавалер! А чего у тебя люминатор вдребезги? Кто бил? За что?

Речники молчали. Над затоном летали чайки, взбудораженные пальбой.

— Вы, братцы, устроили бунт против советской власти!

— Да мы не против власти! — загомонили матросы. — Мы же токо на хлеб заработать! Мы без оружия! Какой бунт?! Мы буксир социализировали!..

— Советская власть приказала вам сидеть тихо, — назидательно пояснил Ганька. — А вы её приказ нарушили! Это бунт! И за него к стенке прислоняют!

Ганька напоказ вытащил наган и помахал в воздухе стволом.

— Сдурили ребята, — буркнул Нерехтин, пытаясь уменьшить вину.

— Всё одно кто-то первым гавкать начал, — напирал Ганька. — Кто?

— Да все болтали... Весь затон гудел... На «Суворове» зачинщики!..

Но Ганька не купился на отговорки. Ему хотелось насладиться властью.

— Нет главного — значит, все главные!

Ганька играючи наставил наган на Федьку Подшивина и выстрелил.

Федька рухнул. Речники шарахнулись в разные стороны. Чекисты тотчас вскинули винтовки. Ганька жеманно сдул дымок со ствола нагана.

— Или ты главный? — Ганька наставил наган на кочегара Челубеева.

— Да что же оно?.. — побелел и задёргался Челубеев.

Иван Диодорович понял суть глумливого чекиста: петрушка из балагана. Такой будет убивать, пока не натешится превосходством. Пока не сломает.

— Гриша Коногоров заводилой был, — глухо произнёс Нерехтин.

Ему было уже наплевать на грех. Просто хотелось скорей прекратить это невыносимое измывательство. А Гришка заслужил своё. Его предупреждали.

— Я?! — охнул Гришка и скомкал пятернёй форменку на своей груди.

Ганька перевёл наган на Гришку и снова выстрелил.

Гришка упал на палубу с дробным стуком, будто развалился на части.

— Вот это и есть диктатура пролетариата! — удовлетворённо заявил Ганька.

Речники потрясённо смотрели на Федьку и Гришку, лежащих на палубе у них под ногами. Как же так? Только что были живы! Этого не может быть! Так не делается! Мятеж — его же как бы не всерьёз затевали, не до смерти!..

— Имеются ещё недовольные? — победно осведомился Ганька.

— Больше нет, товарищ командир, — ответил Нерехтин.

Часть вторая
ВЕРНУТЬ

На пароходах они уходили от мести, от смерти — от обречённого города Вольска вверх по Волге к Самаре. Со станции по городу из всех орудий бил бронепоезд большевиков. Пыльные разрывы взлетали на улицах и площадях, осколки секли по колоннам и фронтонам зданий, валялись афишные тумбы и телеграфные столбы, опрокидывались брошенные пролётки извозчиков. На Плетнёвской дороге к штурму города готовились красногвардейские тачанки. Но Вольск никто не оборонял. Те, кто остались, сидели в подвалах и погребах.

Два десятка пароходов ожесточённо дымили. Обтекая пеной, работали гребные колёса. На мачтах вились чёрно-жёлтые флаги КОМУЧа. Пароходы были разные: буксиры и скоростные товарно-пассажирские суда, пригородный «фильячик», громоздкие старые «американцы», длинный и плоский танкер. Беженцы заполнили все каюты и палубы. Дамы с багажом, купчихи с узлами, дети, старики, чиновники в сюртуках, коммерсанты, инженеры с цементного завода и рабочие с электростанции, врачи, попы в рясах, офицеры и солдаты, перепуганные девицы, лавочники, учителя, крестьяне и железнодорожники.

Флотилию возглавляли четыре самых мощных буксира. На хлебных пристанях их наспех блиндировали досками и мешками с песком и вооружили полевыми пушками. Буксиры готовились к сражению с красными. Наверняка на Сызранском мосту большевики выставят пулемёты, и своей артиллерией буксиры должны подавить огневые точки врага, чтобы флотилия прорвалась под пролётами. Убьют кого, потопят судно — что ж, это гражданская война.

Хамзат Мамедов плыл на буксире «Вандал». Он не задумываясь выбрал пароход своей фирмы — Товарищества братьев Нобель. Сработала привычка. Мамедов сидел на корме под буксирной аркой, а рядом лежал раненный в живот парень, боец нелепой Вольской Народной армии КОМУЧа — армии мятежа.

— Дай ещё... — пошептал он.

Мамедов достал фляжку с водой и поднёс к сухим губам раненого.

— Я умираю? — сипло спросил парень.

— Да, — кивнул Мамедов. — Помолыс, друг, и умырай, нэ бойса.

Вольский мятеж вспыхнул в базарное воскресенье. Крестьяне приехали в город с товарами, а красноармейцы не пустили их, спекулянтов, на торговую площадь. Крестьяне полезли в драку. Красноармейцы принялись стрелять. Озлобленные мужики взломали оружейный склад. И началось побоище.

Красных в то время в городе было совсем мало: их отряды отправились в Балаково на подавление тамошнего восстания. Мятежники Вольска перебили всех, кого нашли; яростно оборонялся только председатель ревкома — строчил с балкона из пулемёта. Разгул крестьянского гнева в бушующем Вольске сразу использовали местные офицеры. Они объявили город территорией КОМУЧа — Комитета членов Учредительного собрания. Но КОМУЧ, подчинивший своей власти Самарскую губернию, ничем не мог поддержать мятежников Вольска: Самара была слишком далеко, да и Волгу красные перекрывали в Сызрани. Окружённый Вольск продержался десять дней. Потом большевики двинулись в наступление. И половина жителей Вольска бросилась к пароходам.

А Хамзат Мамедов, оперативный агент компании «Бранобель», оказался в Вольске случайно. Он пробирался с Кавказа в Самару.

Эмануил Нобель не боялся гражданской войны: его компания поставляла третью часть всей российской нефти, и Нобель полагал, что нужен и красным, и белым. Лето восемнадцатого года Эмануил Людвигович решил провести, как обычно, на минеральных источниках в Ессентуках, где предпочитали отдыхать промышленники, коммерсанты и финансисты. С собой он взял Гению, жену младшего брата Йосты, и её детей с гувернанткой. Гения любила дамское общество в Кисловодске. Из Петрограда на Кавказ по взбаламученной стране семейство сопровождал Хамзат Мамедов — он один стоил взвода охраны.

В Ессентуках Эмануил Людвигович и получил неприятное известие из Главной конторы в Петрограде. Управляющий телефонирует, что из Николо-Берёзовки на Каме пришла депеша от господина Турберна, геолога Арланской экспедиции. Турберну не доставили буровое оборудование, хотя баржу с нужным грузом Самарская контора отправила ему уже три недели назад. От

результатов бурения под Арланом зависела судьба всей компании. И Эмануил Людвигович спешно командировал Мамедова на поиски баржи. Вот так Хамзат Хадиевич и попал в Вольск, а потом на борт буксира «Вандал».

На закате вольская армада бросила якоря у берега — в эту навигацию никто не выставил на фарватерах бакены, и бакенщики не зажигали на ночь огни. С рассветом армада снова двинулась в путь. И вскоре впереди на бледном небе тонкими линиями обрисовался длинный Александровский мост у Сызрани.

Мамедов, разминая плечи, поднялся в штурвальную рубку. На судне его уже знали и везде пропускали — как-никак, доверенное лицо самого Нобеля. В Мамедове была какая-то снисходительная восточная повелительность, и люди безотчётно подчинялись ему, хотя никаких особых прав он не имел. В рубке рядом с матросом-штурвальным стояли капитан «Вандала» в чёрном кителе, старпом и пожилой артиллерийский офицер — начальник флотилии. Офицер оглянулся на Мамедова и молча поприветствовал, коснувшись пальцами козырька фуражки. За «Вандалом» по реке рассыпались дымящие пароходы.

А под пролётами моста появились два буксира. Перед носом «Вандала» вдруг с плеском взметнулся водяной столб, а потом донёсся хлопок выстрела.

Пассажиры на носу «Вандала» забеспокоились. Заплакал разбуженный ребёнок. Матрос у штурвала застыл. Капитан поднял бинокль.

— Без паники, Телегин, это наши! — сказал он. — Вижу флаги КОМУЧа!

— Наши! Наши! — загомонили внизу пассажиры. — Бог милостив!

Два буксира уверенно подходили всё ближе. У переднего парохода на мачте рядом с флагом КОМУЧа полоскался длинный вымпел командующего. На передней стенке капитанской рубки было написано название — «Вульф».

На колёсном кожухе «Вульфа» появился моряк с рупором.

— Кто такие? — крикнул он.

Артиллерийский офицер тоже взял рупор и вышел из рубки.

— Мы — речной отряд Вольской Народной армии КОМУЧа! Отступаем в Самару! Я — командир отряда штабс-капитан Соколов!

— Я — командующий Речным боевым флотом КОМУЧа мичман Мейерер! — ответил моряк, судя по голосу — совсем мальчишка. — Готовьте швартовы!

Вспенивая воду, «Вульф» начал разворот, чтобы сойтись с «Вандалом» так, как полагается при швартовке на реке, — против течения. Мичман Мейерер оставался на кожухе, рассматривая вольские суда. А Мамедов рассматривал мичмана. Вот кто ему будет нужен в Самаре. Вот у кого он потребует пароход.

Новая железная дорога, нацеленная на Екатеринбург, оборвалась возле Сарапула недостроенным мостом через Каму, и Сарапул оказался конечной станцией. Казанский поезд прибыл в середине дня. Из заплёванных вагонов на дощатый перрон повалили крестьяне, рвущиеся в богатый город за хлебом; из теплушек вяло выбирались разномастные красноармейцы, и командиры орали, собирая своих бойцов. С подножки длинного пульмана соскочили два моряка с вещевыми мешками и солдат; моряк с короткой интеллигентной бородкой и усиками помог сойти высокой красивой девушке в тёмном дорожном платье.

— Николь, а где встречающие? — требовательно спросила девушка.

Коля Маркин — моряк с бородкой — огляделся.

Из распахнутых окон низкого деревянного вокзала уже доносился гвалт — там покупатели сошлись с продавцами. За сквером началась злобная толкотня вокруг извозчиков: от станции до города было пять вёрст, кто первый попадёт на базар, тому и выгода. Паровоз с шипеньем спустил пар и окутался белым облаком. Июльское солнце лупило с неба, точно главный калибр.

— Не маячит никто, — легко сказал Маркин. — Да хрен с ними, Михаловна.

— Им же телеграфировали, что едет жена члена Реввоенсовета фронта, — недовольно заметила девушка. — Они должны соблюдать субординацию.

— Я тоже, знашь, не окуроч, — поддакнул Маркин, сразу поменяв мнение.

Маркин был комиссаром Волжской военной флотилии, а девушка — Ляля Рейснер — женой Фёдора Раскольниковца, заместителя наркомвоенмора. Федю вчера ввели в состав Реввоенсовета, и Ляля тотчас затеяла поездку в Сарапул за беглым пароходом «Межень». Ляля желала, чтобы штаб флотилии — её штаб — разместился на судне, которое называли императорской яхтой. Раскольников не умел спорить со своенравной женой, а Маркин для Ларисы был согласен на

всё. Уже вечером Ляля, Маркин, Утёмин и Волька Вишневский загрузились в пульмановское купе. От Казани до Сарапула поездом была только ночь пути.

В Сарапуле располагался штаб Второй армии, отступающей под нажимом чехов из Самары и Уфы. Три командарма друг за другом переметнулись к белым, а четвёртый увяз в делах. Может, ему вообще не принесли телеграмму Раскольникова. В любом случае командарму сейчас было не до Ляли Рейснер.

Волька Вишневский, рослый и плечистый, распихивая толпу, двинулся к какому-то шарабану. Вольке ещё не исполнилось восемнадцати, а он выглядел мужиком, и на его солдатской гимнастёрке блестел Георгиевский крест.

— Не кипятись, дядя, — улыбаясь, заговорил Волька, вытаскивая из повозки толстяка в сюртуке. — Уступи даме экипаж. Тебе полезно пешочком гулять.

— Я уполномоченный банка! — гневно сопротивлялся толстяк.

— То-то и весишь как золотой телец, — согласился Волька.

На германский фронт он сбежал из гимназии и кое-что ещё помнил.

— Эй, братишки! — крикнул Волька своим. — Карета подана!

Извозчик, покосившись, помрачнел, но промолчал. Понятно, что матросы не заплатят, но с ними лучше не связываться. Маркин заботливо посадил Лялю в шарабан. Ему нравилось прикасаться к Ляле и обслуживать.

Мягкая дорога тянулась через елово-осиновые перелески и крестьянские выгоны, огороженные жердями. Сарапул начался порожними сеновалами, щелястыми овинами, приземистыми избами и штабелями брёвен. По широким деревенским улицам окраины шли бабы с коромыслами, на пустырях детишки пасли коз, в пыли кувыркались куры, сквозь заборы лаяли собаки.

Впереди появился всадник — паренёк в синей косоворотке. Он поравнялся с шарабаном, увидел моряков, сразу осадил лошадь и развернулся.

— Товарищи балтийцы! — крикнул он. — Я военком Ваня Седельников!

— Куда же ты запропастился, сучье вымя? — ответил ему Маркин.

— Да у нас тут всё вразнос... Извозчик, к Стахееву правь!

Сарапул — городок ладный и живший в достатке — сейчас был расхлёстан революцией и завален мусором. Витрины магазинов и окна первых этажей были выбиты или заколочены. Всюду сновали красноармейцы. На Соборной площади жутко чернели сожжённые торговые ряды и чей-то особняк.

Возле арки в кирпичной ограде юный военком Седельников спрыгнул с лошади и растолкал створки ворот. Шарабан свернул во двор.

— Речком у нас тут, — пояснил Седельников. — Купец наш Стахеев поднял бунт и угнал буксир, а мы его хоромину реквизировали.

По-хозяйски сойдя с шарабана, Маркин подал руку Ларисе — и уловил восхищённый взгляд Седельникова. Ясное дело, Лялька — что твоя царица.

— Не оступись, Михаловна, — сказал Маркин Ляле и через плечо бросил парнишке: — У речняков, Ваньша, заместо речкомов теперь стали рупводы.

Маркин намеренно говорил «речняки» — так звучало пренебрежительнее.

Анфиладу безлюдных комнат сквозь голые окна наискосок пронзало солнце. Обыватели и солдаты разграбили дом: ободрали шторы, растащили посуду, бельё и стулья, выпотрошили шкафы, кое-где вскрыли паркет.

— Делать-то речкому нечего, — виновато сказал Седельников. — Пароходы на приколе, где кто от команды остался — пьют. Ни лоцманов, ни капитанов.

Утёмин поднял брошенную книгу, вырвал страницу и начал скручивать «козью ножку». Волька Вишневский весело рассматривал чёрную чугунную скульптуру императрицы Екатерины, стоящую в углу на чугунной колонне.

— Славный балласт, братишки, — сказал он, шлёпнув Екатерину по заду.

— Из управы я сюда перевёз лоции и архивы судоходной дистанции, чтобы при деле состоять, — продолжил Седельников. — Нас, большевиков, в Сарапуле всего-то меньше сотни, да и тех Красная армия от власти отстранила.

— Показывай, где нефтекараван могли спрятать, — распорядился Маркин.

Караван ускользнул из Самары, когда туда нагрянули белочехи, и пошёл в Пермь, но по пути внезапно исчез. Потом до Нижнего доползли слухи, что нефтебаржи захвачены сарапульским пароходчиком Стахеевым. Возвращение беглой «Межени» Маркин хотел совместить с освобождением каравана.

— Пойдёмте в кабинетную, — сказал Седельников. — Лоции там.

В кабинете хозяина — разорённом, как и весь дом, — растопырился массивный письменный стол с вывернутыми ящиками. На столешнице, покрытой зелёным сукном, Седельников разложил лоцманские карты.

— Баржи, я думаю, в Дербешке, это стахеевский затон пониже устья Белой. — Седельников прижал карту. — В Челнах, Елабуге или Чистополе караван давно бы заметили. У Стахеевых есть ещё малая стоянка возле Святого Ключа.

Ляля подошла к стене, на которой в рамке висела большая фотография. Красивая дама в длинном платье и шляпке сидела в кресле, а за ней стояли, видимо, сын и муж: важный мужчина во фраке и мальчик в матросской форме.

— Вот этот белобандит, да? — Ляля постучала пальцем по мужчине.

Седельников близоруко прищурился на фотографию.

— Нет, не он. Этот уже помер. А буксир увёл, который младший.

Вольские пароходы швартовались к другим парходам, стоящим возле дебаркадеров самарских пристаней, — какой где пристроился. Хамзат Мамедов перебрался на берег, на улицу, огляделся и махнул рукой извозчику.

— На Щепновку, друг, — сказал он, влезая в рессорную коляску.

Мамедов казался грузным, как матёрый медведь, но, подобно медведю, двигался неспешно и ловко. Мясистое лицо его обросло чёрно-седой щетиной. Толстый нос делал Мамедова похожим на безобидного деревенского увальня, однако тёмный взгляд персидских глаз давил с какой-то непреклонной силой.

Коляска катилась по Набережной улице вдоль Волги мимо причалов, купален, плотомоев, штабелей брёвен, рыбных садков, лодок и складов. Навстречу попадались ландо с дамами под зонтиками, офицеры, мальчишки-лоточники, чиновники с семействами на моционе и провинциальные щёголи — будто не было никакой революции и большевистского простонародья.

Нобелевский городок располагался на стрелке реки Самары, на месте бывшей деревни Щепновки. Мамедов издали увидел огромные клёпаные цилиндры резервуаров, выкрашенные в белый цвет, и кирпичную башенку водокачки. Городок был обнесён аккуратной деревянной оградой. Мамедов смотрел с ясным чувством правильности того, что здесь сделано.

Карл Петрович Нюстрём, управляющий Самарским отделением, принял гостя в своём просторном кабинете с готическими часами.

— Мы здесь отрезаны от новостей компании, — сказал он, усаживаясь в кресло. — Что происходит в Баку? Нефтепромыслы национализированы?

— Да, любэзный, — усмехнулся Мамедов. — Там совсэм плохо. Деватсот скважин с дэбетом, а большевики нычего нэ могут взять. Рабочие на мытингах. Пэрегонные заводы стоят. Пароходы стоят. Нэфт сначала слывали в ямы, потом нэкуда стало, льют в морэ.

А вас, я вижу, нацьонализация пощадыла?

— Повезло, — подтвердил Нюстрём. — Ленин подписал декрет двадцать пятого мая, а пятого июня совдеповцы уже бежали из Самары от чехословаков. Словом, не успели ничего у нас растащить или разрушить.

— И как под учредыловцами жить, Карл Пэтрович?

— Отношения у нас нейтральные. КОМУЧ признаёт частную собственность. Но проблема, Хамзат Хадиевич, в другом. КОМУЧ сам занимается вопросами сбыта, а это для коммерции неприемлемо.

Мамедов поворочался, устраиваясь в кресле удобнее.

— Прочная лы власть у КОМУЧа?

— Он держится на штыках чешского легиона, — пояснил Нюстрём. — И в обществе поддержки у него нет. У всех свои претензии. Буржуазия недовольна тем же, чем и мы. Офицерство не принимает демократию. Рабочие до сих пор одурманены идеями коммунизма.

Крестьяне обозлены мобилизацией.

— Жал, — заметил Мамедов. — При всём недостатках КОМУЧ неплох.

— Судьба КОМУЧа решится на фронтах, а там у него пока успех. Красные отступают. Сызрань теперь наша, Уфа наша, вся железная дорога от Самары до Челябинска тоже наша. В Оренбурге и Уральске казачьи правительства.

Мамедов в сомнении покачал головой.

— Заволжья мало, — сказал он. — Я видел Россию. Большевики победят.

— Давайте будем оптимистами, — возразил Нюстрём.

— Эманьил Людвигович считает, что надо перестраиваться под власт Совэтов. Потому я и здэс, дорогой.

Советская власть после долгих колебаний национализировала нефтяную промышленность, однако на время оставила её под управлением прежних хозяев. Мамедов знал, что Нобель надеется отыграть собственность обратно.

Мамедов трезво осознавал значение товарищества «Бранобель». В любом уездном городе России и в любом затерянном селе имелись керосиновые лавки «Бранобеля»: керосиновые лампы освещали всю страну. Нобелевские дизели крутили станки на сотнях российских фабрик. На мазуте и бензине Нобелей работали двигатели пароходов,

автомобилей и аэропланов. Россия не могла обойтись без Нобелей. Но большевики выкинули их вон. А Нобели не хотели отречься от дела, в которое они вложили столько упорства и веры.

Нюстрём извлёк из портсигара папиросу, всунул в мундштук и закурил.

— Слушаю вас, Хамзат Хадиевич.

— Эманьил Людвигович жэлает вынудить болшевиков вэрнуть ему «Бранобэль» на прэжных основаньях. Йили хотя бы заключить концессию.

— Большевики понимают только язык силы.

— Ещэ они должны понять размэн.

— Что вы имеете в виду? — прищурился Нюстрём.

— КОМУЧ отрезал болшевиков от Баку. Нэфтаные караваны по Волге нэ пройдут. У болшевиков нэт нэфти. Нобэль может прэдложить йим Арлан.

Башкирское село Арлан находилось в низовьях Белой недалеко от Камы.

— Нефтеносен ли Арлан? — усомнился Нюстрём.

— Доказатэлства должна добыть экспедиця Турберна. А Турберн до сых пор нэ получил баржу с буровым оборудованьем. Так что судба компани, Карл Пэтрович, зависит от этой баржи. Я должен доставить её Турберну. Болшевики мнэ нэ помогут. Но учредиловцы должны помочь.

— Это же против их интересов! — удивился Нюстрём.

— У них тоже нэт нэфты. Убэдите их, мой друг, что Арлан достанэтся йим. От Уфы до Арлана по Белой только дэнь пути на пароходе.

— Сарапул ближе, — возразил Нюстрём.

— Но красные просто забэрут всё. А бэлые соблюдают частное владенье.

Нюстрём размышлял.

— Что ж, Хамзат Хадиевич, — сказал он, — будем спасать нашу баржу!

Мамедов встал, подошёл к окну и отодвинул занавеску. Яркое солнце, ухоженные дома служащих, тополя, столбы с проводами, рельсы с вереницей цистерн, причалы — правда, без остроносых наливных барж, слепящий простор Волги, белое облако. Здесь, в

государстве Нобелей, был мир, в котором всегда что-то строили — буровые вышки, заводы, моторы, дороги, суда. Здесь был разумный порядок. Достаток. Справедливость. Он, Хамзат Мамедов, не умел изобретать новые машины или руководить промышленными предприятиями. Зато он умел убивать ради тех, кто созидает.

Затон не вместил всех судов, и пассажирские пароходы выстроились друг за другом вдоль пристаней Сарапула — «поволжской», «самолётовской» и КАМВО; компаний Курбатова, Якутова, Любимова и Сироткина. При взгляде с другого края широкой Камы пароходы сливались в общую светлую полосу.

Лёгкая прогулочная лодка поворачивала в воложку за островом. Военком Ваня Седельников держал румпель руля, Волька и Утёмин гребли, а Маркин и не порывался сесть к веслу — он же командир. Ляля улыбалась: Николь думает, что она, Ляля, допустит к себе только мужчину из начальства, поэтому изображает начальника. Смешной он, Николь. Хороший, но смешной.

Беглая «Межень» стояла на двух якорях у Девятовской мельницы. Ляля внимательно рассматривала судно. Чёрный корпус, широкая дуга колёсного кожуха, белая надстройка с многооконной рубкой и чуть склонённой трубой. На носу — крамбол с якорем, на мачте — красный флаг, вместо буксирных арок — длинный пассажирский салон, за кормой — задранная шлюпка на шлюпбалке. Впрочем, угловатой лёгкости большого парохода Ляля не почувствовала.

— Помню, как на «Межени» к нам Столыпин приплывал, — уважительно сказал Седельников. — Великая княгиня Елизавета Фёдоровна тоже...

На борту парохода замелькали моряки — это команда заметила гостей.

— Эй, на шканцах, прими швартов! — повелительно крикнул Маркин.

Моряки на «Межени» посовещались, а потом подцепили лодку багром.

На невысокий борт парохода первыми вскарабкались Волька и Утёмин. Маркин посадил Лялю, влез сам и подал руку Ване Седельникову.

По причине жары моряки на «Межени» были в одних тельняшках или голые до пояса, но все — в бескозырках с названиями балтийских

кораблей. На загорелых телах угрюмо синели татуировки с якорями и штурвалами.

— Сдай наганы, — надменно потребовал долговязый матрос, видно вожак.

На переносице у него сидело непривычное для флотского пенсне, из-под бескозырки с лентой «Гангут» свешивались длинные, как у попа, волосы.

— Это шиш вам, братишки, — весело ответил Волька. — А ты кто такой?

— Я командир. Фамилия моя Рехович. Теперь вы назовитесь.

Маркин, не желая ссориться, назвал всех своих спутников.

— Баба! — внятно раздалось в толпе моряков.

В кратком слове прозвучали сразу и приговор, и удовольствие.

Моряки «Межени» заухмылялись.

— Я вам не баба, — дерзко и спокойно ответила Ляля. — Для нормальных мужчин я товарищ женщина. А для вас — флаг-секретарь флотилии.

Она сама ещё в Нижнем придумала себе такую должность.

— И голосистая! — добавили в толпе с издёвкой.

Ляля ожидала такого отношения. Она сразу почувствовала, что эти, на «Межени», трусят — а потому и напоказ глумятся над тем, кого считают слабее. Но она-то не слабее — она и сильнее, и храбрее.

И подомнёт их под свою волю.

— Айда в кубрик, — погасил раздор Маркин. — Потолкуем про ваш бунт.

«Межень» не поднимала бунта, она просто сбежала. Бунт подняли левые эсеры. Ляля с Раскольниковым были на том съезде Советов в Большом театре, когда чекисты арестовали всю левоэсеровскую фракцию. В ответ на арест восстал Михаил Муравьёв, командующий Восточным фронтом. Он находился в Казани. На пароходах он отправил два полка в Симбирск. Сам главком и его матросская охрана загрузились на «Межень», прихватив кафешантанный оркестр и певичек. Но веселье длилось недолго. В Симбирске, объявив свою республику, Муравьёв сунулся в губернский исполком, в бывший кадетский корпус, а там большевики устроили ему засаду. Муравьёва застрелили. Быстро протрезвевшая «Межень» немедленно дала дёру до Сарапула и затаилась.

Кубриком на «Межени» считалась императорская салон-столовая. Ляля увидела измызганные занавеси на окнах, изящные стулья в стиле Людовика XV, оттоманку и банкетный стол с грязными стаканами. Пахло табачным дымом, жареной рыбой и «балтийским чаем» — водкой с кокаином. Матросы и Рехович уселись по одну сторону стола, Маркин со своими — по другую.

— Большевики — узурпаторы, — холодно изрёк длинноволосый Рехович. — Партия эсеров — за народоправие. Нам не по пути.

— Да плюньте на эсеров, — благодушно ответил Маркин. — Их шалману всё одно амба, а на вас, братва, у советской власти зуба нет. Ну, сдурили. Бывает. Однако ж вы дунули не в Самару и не в Уфу к белочехам — значит, наши. Короче, давайте назад на базу. Я — комиссар, я за вас заступлюсь.

Но Лялю не устраивал мирный исход. Она ощущала злое возбуждение. Ей хотелось подвига, яркой победы, о которой потом будут рассказывать.

— А если среди вас идейный враг, так мы его здесь и шлёпнем, — прямо заявила Ляля. — Нам для такого дела полк не нужен, сами справляемся.

— Ну, Михаловна... — изумлённо замялся Маркин.

А Ляля смотрела на Реховича. Этот самозванный капитан ей не нравился. Догматик. Умничает, полагает себя равным с ними — командирами флотилии.

— Вы, я вижу, ценная. — Рехович блеснул на Лялю стекляшками пенсне. — Только женскому полу на флоте делать нечего. Жениха, извиняюсь, ищете?

Ляля была довольна, что Рехович не удержался, свернул на тему баб.

— Товарищи интересуются вопросом о браке? — Ляля с вызовом обвела яркими глазами ослабившихся матросов «Межени». — Могу просветить.

— Исключительно взволнованы, — процедил Рехович.

— Не о бабах речь, — вклинился Маркин, но на него не обратили внимания.

— А давай, товарищ агитатор, для почину поженимся, — с наглостью вдруг предложил полуголый и татуированный матрос. — Любовь — дело почтенное.

Военком Ваня Седельников покраснел — то ли от гнева, то ли от стыда.

— Позаботься о нуждающихся, товарищ женщина! — влез другой матрос.

Ляля не боялась этих людей. Под рукой у неё был браунинг, да и свои не должны подвести. Утёмин стреляет быстро и метко, и у него нюх на опасность. Волька Вишневский тоже не лопух: бывший разведчик, сейчас он не ощущает угрозы и с удовольствием ждёт, как острая на слово Лялька разделает всех противников. А Николь — вот размазня! — улыбается матросам заискивающе.

Рехович медленно встал и сдёрнул с окна грязную занавеску.

— Поспешите, товарищ представитель из центра, — сказал он. — Нас тут много, друг друга торопим. Вот вам и простынка для прелюбодеяния.

Рехович с презрением бросил занавеску на стол перед Лялей.

Это было оскорбление, и Ляля его ждала. Она царственно простёрла руку с уже приготовленным браунингом и выстрелила в Реховича. Она знала, что выглядит прекрасной и смертоносной, как эриния с факелом. Но зазвенело разбитое окно — Ляля промахнулась даже с расстояния в пять шагов.

Матросы «Межени» шарахнулись от стола, сваливая посуду, а Рехович, пошатнувшись, цапнул кобуру на бедре. И тотчас грянул второй выстрел — это военком Ваня Седельников раньше остальных выхватил свой военкомовский маузер. Реховича отбросило на простенок, он уронил пенсне и сполз на пол. А юный Ваня побледнел, испугавшись своего поступка.

Утёмин, Вишневский и Маркин уже стояли, направив на матросов наганы.

— Ша! — предупреждая, рявкнул Волька.

А Лялю не смутило, что она промахнулась.

— Ну, есть ещё охотники советскую власть на излом взять? — громко и торжествующе спросила она.

До революции в больших речных городах состоятельные семейства летом завтракали на пароходах: каждый день — на новом. По утрам торжественные белые лайнеры ожидали гостей у резных дебаркадеров. Судовые рестораны состязались друг с другом в изысканности убранства и разнообразии блюд. Блестели столовые приборы. Солнце нежно сияло сквозь занавеси двусветных окон, обещая благополучный и добропорядочный день... А в июле 1918 года Самара оказалась последним городом России, где ещё сохранилась добрая традиция пароходных завтраков. Только рестораны позволяли пассажирским судам зарабатывать хоть какие-то деньги, когда все рейсы упразднили.

«Витязь», знаменитый лайнер общества «По Волге», был пришвартован к пристани напротив пивоваренного завода фон Вакано. С борта парохода открывался вид на краснокирпичные заводские корпуса с мансардными окнами и высокими трубами, над которыми вертелись флюгеры. В ресторане, украшенном пальмами в кадках, за круглым столом сидели трое: Мамедов, Георгий Мейер — командир боевой флотилии и Василий Филипповский — начальник отдела торговли и промышленности в правительстве КОМУЧа.

— Не считите за неучтивость, господа, но я и вправду голоден как волк, — признался Филипповский и махнул рукой официанту: — Человек, подойдите!

Официант со злорадной улыбкой положил Филипповскому — министру — карту кушаний, где многие блюда были вычеркнуты карандашом.

— Филе соте, битков, лангетов и дичи желать не извольте, — сказал он.

— Просто гурьевскую кашу, — ответил Филипповский.

— Французских фруктов нет-с.

— Значит, без фруктов.

— Иди, любезный, — отослал официанта Мамедов. — Господа, нэ тяните.

— Ваша идея, Мамедов, — самоубийство! — резко заявил мичман Мейрер.

Ему было чуть за двадцать. Длинноносый, ушастый и худой, по виду гимназист, а не моряк, Мейрер изо всех сил старался выглядеть суровым. Мамедов догадался, что этот юнец просто смущается перед Филипповским — лейтенантом флота, который на броненосце «Орёл» прошёл через грохочущие водопады Цусимы и японский плен, а потом сделался ярым революционером.

— Не преувеличивайте, — сказал Филипповский.

Мамедов предпочёл отнестись к Мейреру серьёзно. Да, мальчишка, да, горячий и самолюбивый, но судить надо по делам, а не по годам. Едва чехи вошли в Самару, Мейрер сам, без всякого поручения, принялся формировать боевую речную флотилию. Вместе с товарищем, таким же зелёным мичманом, на моторном баркасе-рыбнице Мейрер объехал самарские затоны, пароходные стоянки и зимовки и перегнал в город несколько брошенных буксиров. Каким-то образом он убедил чехов дать ему артиллерию и на двух своих пароходах установил по орудию — получились канонерки. Они-то и встретили под Сызранским мостом армаду беженцев из города Вольска.

Мамедов решил успокоить мичмана:

— Опасность есть, уважаемый, но мы будем осторожны. Нам ведь только, слушай, мимо Симбирска пройти. А на Каме красные ночью спят.

— Рейд вполне возможен, — добавил Филипповский. — Вы сами, Георгий Александрович, ходили на пароходе в тыл большевикам.

Мичман недовольно засопел, но возражать не стал.

Из полумрака буфета за веерами пальм снова появился официант.

Теперь он бережно держал завёрнутую в полотенце бутылку вина.

— Вам подарок от капитана, Василий Николаич. Прикажете откупорить?

— Не надо, оставьте. — Филипповский посмотрел на Мейрера. — Георгий Александрович, вы должны понимать значение нефти для нашей борьбы...

— А я прекрасно понимаю! — Мейрер ответил надменным взглядом. — К вашему сведению, господин Филипповский, мой отец руководил астраханской конторой Восточного общества!

Восточное общество было учреждено управляющими Рязано-Уральской железной дороги; их нефтекараваны ходили от Баку до Саратова, где на реке при станции располагались причалы для наливных барж и плавучие перекачки. Караваны обслуживали бакинские промыслы Манташевых, Лианозовых и Гукасовых. Пять лет назад коммерческие банки, кредитовавшие пароходства, в угаре создания синдикатов соединили общество с компанией «Кавказ и Меркурий» в трест КАМВО — самое большое речное предприятие империи.

— Извините, если задел, — сказал Филипповский. — Но я ответственно прошу вас проявить должное уважение к моему требованию. Официально ваши суда числятся во временной собственности Комитета. И Комитет решил оказать содействие господину Нюстрёму и товариществу «Бранобель». Вы должны передать одно судно господину Мамедову. После прибытия вольской флотилии беженцев у вас, Георгий Александрович, вполне достаточно пароходов для ваших дивизионов верхнего и нижнего плёсов.

Объявив денационализацию, КОМУЧ возвращал суда бывшим владельцам, но далеко не все владельцы находились в Самаре. Судами без хозяев КОМУЧ распорядился по своему усмотрению, обязавшись оплатить возможный ущерб от своих действий, если хозяева найдутся. Нюстрём уведомил правительство КОМУЧа, что принимает выплаты за один буксир на счёт «Бранобеля».

— Предупреждаю, что лучшие суда не отдам, — ревниво сказал Мейер.

— Лишь бы пароход нэ тонул и колёса крутились, — согласился Мамедов.

Скорее всего, буксир, взятый у Мейрера, не вернётся в Самару — потому Нюстрём и не пожелал выделить Мамедову пароход из флота «Бранобеля».

— И пулемёты хочу, — мягко напомнил Мамедов.

Мейер пристально поглядел на этого вкрадчиво-самоуверенного азиата, больше похожего на грузчика-амбала с пристаней Баку, чем на агента фирмы Нобелей. Не много ли он о себе думает?

— Поделитесь трофеями, взятыми после тарана, — сказал Филипповский.

Недавно в ночном рейде буксир «Вульф», на котором шёл Мейерер, смял и потопил разведывательную «горчицу» красных. «Горчицами» на Волге называли небольшие и вёрткие винтовые катера для работы в порту.

— Хорошо, — недовольно смирился Мейерер. — Я уступлю вам «Русло», буксир купца Чкалова. Он сейчас на смене баргоута у стенки Журавлёвского завода. Пришлю два пулемёта и боезапас. Надеюсь, это вас удовлетворит?

— Вполне, дорогой, — слегка поклонился Мамедов.

Конечно, «Межень» не была императорской яхтой. Она была разъездным судном управляющего Казанским округом. Под царя «Межень» перелицевали в тринадцатом году, когда праздновали трёхсотлетие Романовых. Николай II с семейством плыл от Нижнего до Костромы, до Ипатьевского монастыря. Ляля видела в «Ниве» фотоснимки императорской флотилии: пароходы, увешанные гирляндами флажков. А теперь своя флотилия будет у неё, у Ларисы Рейснер, и она, Лариса, уже взяла себе «Межень». Кто был никем, тот оказался всем.

Пулемётная очередь с «Межени» выбила цепь белых фонтанчиков перед носом «Фельдмаршала Суворова», и лайнер тотчас сбросил пар. Два судна неповоротливо сблизилось посреди широкой реки и громоздко счались, почти соприкасаясь «сияниями»: «Межень» полностью погрузилась в синюю тень большого парохода. Маркин и Ляля выбрались на колёсный кожух. Они ждали капитана «Суворова». А на галерею лайнера встревоженно высыпали пассажиры — крестьяне-мешочники и прилично одетые господа.

Пожилой и седоусый капитан спустился из рубки, придерживая китель: правая рука у него висела на перевязи, и китель был просто наброшен на плечо.

— Почему на ходу? — строго спросил Маркин. — Навигация запрещена!

— Домойдвигаемся, господин моряк, — устало пояснил капитан, — в Спасский затон. У команды там семьи, кормить надо. Войдите в положение.

— А пассажиров зачем набрал? Капитализм обратно разводишь?

— У людей тоже нужда, — просто ответил капитан. — А нам заработок.

Разумеется, капитан был прав, но Маркин хотел придраться.

— Кто тебя в рейс выпустил?

— В Осе уездный комиссар просто отогнал от пристани.

— Бумагу разрешительную дал?

— Не дал, — покорно признался капитан.

Аристарх Павлович уже понял, что с большевиками спорить нельзя. Да, он увёл пароход из Перми, но чего добился? При прорыве погиб старпом, а комиссары послали на камские пристани телеграммы, что «Суворова» надо задержать. И в городе Осе пароход задержали. Команду посадили в подвал уездного Совета. Его, знаменитого капитана Фаворского, гноили в каталажке, будто базарного карманника!.. Семнадцать дней с квашеной капустой, вшами и парашей!.. А затем случилось что-то непонятное. В Перми — или в Нижнем, или в Москве — большевики упразднили речком, который занимался делами пароходств, и все распоряжения речкома отменились. В том числе и приказ об аресте «Суворова». Команду выпустили и приказали проваливать. Рупвод — новое управление пароходствами — «Суворовым» не заинтересовался.

Из толпы пассажиров на галерее за переговорами Аристарха Павловича с командиром «Межени» внимательно наблюдал Костя Стрельман. Он пытался вспомнить: красивая девушка рядом с командиром — где он её видел?..

Ляля была уверена, что пассажиры «Суворова» любят её. Она и сама с удовольствием разглядывала пароход — огромный и такой белый на ярком солнце, что мелкие волны вокруг сверкали отблесками. Ляля думала, что сейчас она подобна флибустьеру — в её власти беспомощный и богатый фрегат. О флибустьерах писал стихи Гумилёв. Честолюбивый до бешенства, храбрый до безумия и неверный как бог. Великий поэт. Благородный подлец. Её первая отчаянная любовь. Она звала его Гафиз, а он её — Лери. Знал бы бессердечный Гафиз, что его милая Лери сейчас — словно Мэри Рид, королева пиратов!

— Пароход надо обыскать, — беспощадно распорядилась Ляля сразу и для Маркина, и для капитана «Суворова». — Оружие и ценности реквизируем.

Маркин не возразил против обыска. Он чувствовал себя виноватым — не он застрелил Реховича, который оскорбил Лялю, — а потому хотел угодить.

— Как прикажете, господа товарищи, — глухо ответил Аристарх Павлович.

Ляле нравилось ощущать демоническую природу силы. Важен был не результат, а месмерическая энергия, наполняющая душу свежестью. Ляля молча и торжествующе смотрела, как матросы

«Межени» сгоняют пассажиров и команду «Суворова» точно стадо на верхнюю палубу и переворачивают всё в каютах. Бабы-торговки орали, мужики ругались, а люди образованные были поумнее и подчинялись безропотно. Матросам даже стрелять не пришлось.

— Михаловна, оно ведь разбой, — не вытерпев, тихо сказал Ляле Маркин.

— Николь, а ты почувствуй, что такое революция, — мечтательно ответила Ляля. — Не как передел собственности, а как стихия нового сотворения!

Маркин только вздохнул. Лялька — девка совсем шальная.

С галереи «Суворова» Волька Вишневский вытолкнул на колёсный кожух «Межени» молодого человека в потрёпанном мундире путейского инженера.

— Лариса Михайловна, ваш знакомец, — весело представил его Волька.

Молодой человек сердито смотрел Ляле в глаза.

— «В упругой грации жеманного Кановы, в жестокой наготе классических камней...» — вдруг процитировал он, и Ляля вскинулась: звучали её стихи!

А Костя Стрельман вспомнил, где видел эту красногвардейскую девушку. В столице, на творческом вечере в «Академии стиха» при журнале «Аполлон».

— Мы знакомы, сударь? — величественно спросила Ляля.

Костю нисколько не трогала её красота. Костя кипел от обиды, потому что матросы отобрали у него всё, что при нём было.

— В Петрограде я слушал вас на поэтических чтениях, — ответил Костя. — Вы должны сохранить высокие сердечные порывы тех времён. Я требую вернуть мне кольцо моей матери. Его изъяли незаконно.

Ляля вспыхнула, а потом заледенела.

— Понадеялись моими стихами выкупить своё имущество? — Ляля окатила Костю презрением. — Вы банальный мещанин. Убирайтесь на свой пароход.

Настроение у Ляли испортилось. Она не стала дожидаться развязки с «Суворовым» и спустилась с кожуха вниз в салон-столовую, который теперь служил ей каютой. Она чувствовала себя очень одинокой. Люди вроде этого путейца поработаны материализмом,

точнее, потерей благополучия. А те, кто делает революцию, слишком просты. Кто её поймёт? Раскольников? Да, он сложный, но по натуре — ловкий царедворец. Гумилёв? Холоднопламенный Гафиз слишком жаден до впечатлений жизни — до сражений, женщин, дальних стран и стихов. Ему мало одной Лери. И он далеко. Они никогда не соединятся.

В салон осторожно вошёл Маркин и деликатно постучал в стенку. Ляля не оглянулась. Маркин невесомо положил на стол что-то мелкое.

— Ежели понравилось, так бери, — заботливо сказал он. — Тебе можно, Михаловна. Ты царицей рождена, всё твоё.

— Николь, ты добрый, но пошлый, — ответила Ляля.

Маркин ничего не понял, вздохнул и убрался прочь.

Снаружи донеслись голоса и пароходный гудок. Салон качнулся, в окнах по правому борту посветлело — это освобождённый «Суворов» отодвинулся от «Межени», открывая склоняющееся к закату солнце. Ляля поднялась на ноги. На столе блестело золотое колечко с бриллиантом. Ляля взяла его и накрутила на палец, изящно помахала рукой, разглядывая обнову. Что ж, красиво.

Ляля откинула занавеску. В свете заката уходящий по реке белый лайнер казался розовым и янтарным, ветер сбивал набок дымовой хвост. А на стекле окна чуть заметными линиями был начерчен вензель — переплетённые «аз» и «фита». «АФ» — значит, «Александра Фёдоровна», императрица. Порезать стекло мог только алмаз. И алмаз у Ляли тоже был. Поверх вензеля «АФ» Ляля принялась выцарапывать буквы «люди» и «рцы»: «ЛР» — «Лариса Рейснер».

Из-за мятежа белочехов Федя Панафидин застрял в Самаре на три недели. Деньги, собранные сельским сходом, у него закончились, и Федя попросил помощи у Перхурова. Знаменитый богомаз Перхуров, старообрядец, дал в долг, но не пустил никонианца на постой, и Федя ночевал в конторе на полу. Переносной кивот с иконой, завёрнутый в рогожу, он совал под голову.

Контору казённая лоцманская служба арендовала у Дмитрия Василича Сироткина в здании его пароходства «Волга». Пароходы не ходили, и лоцманы сидели без работы. Федя вместе со всеми терпеливо ждал оказии. И дождался этого перса — господина Мамедова: он искал вожатого от Самары до Перми. Самарская казённая дистанция имела в распоряжении только волжских лоцманов среднего и нижнего плёсов, единственным камским оказался Федя.

— Вы магометанин, Хамзат Хадиич? — наивно полюбопытствовал Федя.

— А для твоёй работы есть разныща? — удивился Мамедов.

— Положено молиться за людей на борту.

— Ну йи молысь, дорогой, однако мэль нэ прозевай.

Мамедов раздобыл старый-престарый буксиришко «Русло» с железными заплатами на бортах. Но корпус не тёк по швам, и машина пыхтела исправно.

Капитана звали Роман Горецкий. Чуткий Федя сразу уловил, что капитан сомневается в нём. Понятно почему. Такие, как Роман Андреич — молодые, красивые, самоуверенные, — служили на пассажирских пароходах и лайнерах. Они привыкли к другим лоцманам: солидным, бородатым, в красных рубахах. А тут совсем отрок, похожий на послушника, отправленного за милостыней.

— Я лоцман родовой, из Николо-Берёзовки, — с достоинством сказал Федя. — И тятя мой, и дедушка суда по Каме водили. Мы, Панафидины, у судоводцев всегда в чести, и у начальства при дистанции сорок лет состоим.

Федя попросил у капитана разрешение повесить в рубке свою икону.

— Здесь не алтарь, — возразил Горецкий. — А «Русло» — не «Святитель».

«Святитель Николай Чудотворец» был плавучей церковью, переделанной из буксира «Пират». Этот пароход окормлял рыбаков на каспийских рейдах. Вся Волга потешалась над нелепым судёнышком с луковками и звонницей.

— У меня образ Николы Якорника. Он наш, исконно навигацкий.

Образ был ещё времён Ивана Грозного. Главная святыня храма в Николо-Берёзовке, он совсем почернел. Иконы дониконова письма поновляли мастера из раскольников, и год назад Николу Якорника передали богомазу Перхурову. А юного Федю в этом году общество послало привезти образ обратно домой.

Горецкий скептически хмыкнул, но решил не спорить.

Отвал Мамедов назначил на раннее утро. По тихой воде стелился тонкий туман. Оставляя длинную растрёпанную полосу дыма, буксир двинулся на стрежень. Купола, крыши и заводские трубы Самары скрылись за поворотом. Федя стоял в рубке рядом со штурвальным матросом Бурмакиным и смотрел на мягкие горбы Жигулей. Он наскучался по своему делу, по реке, по родным изгибам сказочных круч Девичьей горы и Молодецкого кургана... Колёса парохода рыли волжскую гладь, словно горстями прижимали воду к сердцу.

К Ветляному острову Горецкий уже убедился, что Панафидин — лоцман толковый, хоть и с блажью в голове. Горецкий кивнул на икону.

— И почему же вашего Николу называют Якорником?

— Он судно своей волей может оковать, — простодушно поведал Федя.

По преданию, однажды в старину по Каме шёл соляной караван господ Строгановых, и вдруг с берега донёсся оклик. Судовщики не обратили на него внимания и правили дальше, и тогда все ладьи внезапно замерли на месте, будто бы дружно выскочили на мель — но никакой мели там отродясь не было.

— Судовщики-то не сразу поняли, что дело в божьем духе. — Федю всегда трогала эта история. — А потом сплавали на берег и нашли на берёзе в развилке веток явленный образ Николы. Это он людей к себе призывал и суда держал. Для образа срубили часовню. Так и началась наша Николо-Берёзовка.

— А пароходы икона тоже останавливает? — улыбнулся Горецкий.

— Как бог пожелает, — уклончиво ответил Федя.

Граница с красными пролегла перед Сенгилеем. Горецкий рассчитывал миновать Симбирск на закате. Мейерер предупредил, что в Симбирске красные вооружили несколько буксиров. Надо быть наготове. Волгу в Симбирске разделял надвое широкий и плоский остров Чувич. Пристани находились в протоке у правого берега, и Горецкий приказал двигаться левой воложкой.

— Полный ход! — скомандовал он в переговорную трубу машинисту.

— Докудова пар подыматься будет? — спросил Федя у капитана.

— Перед мостом достигнем максимального давления.

Федя повернулся к штурвальному Бурмакину и негромко пояснил:

— Как поравняемся с верстовым знаком, руль на третью долю посолонь.

Подрагивая корпусом и стуча машиной, «Русло» вспахивал воложку.

Красные заметили незваных гостей. В бинокль Горецкий увидел, что возле дебаркадеров один из пароходов задымил трубой и отвалил в сторону.

— Вот и погоня, — сказал Горецкий.

В рубку вошёл Мамедов, огляделся и понял, что вмешиваться не следует.

В протоке между Чувичом и островом Часовенный «Русло» выскользнул наперерез пароходу красных. С него тотчас бабахнула пушка. Водяной столб взметнулся по правому борту «Русла». Звук выстрела проскакал как тугой мяч.

— Совсэм, слюшай, цэлиться нэ хотят, — хмыкнул Мамедов.

— Береговатее надо податься, — деловито сообщил Федя. — На стрежне река надавит красному в скулу, и он от нас поотстанет. Стрелять покудова не будет, чтобы в мост не попасть. А за мостом побежим над песками, там тяга меньше.

Мамедов одобрительно похлопал Федю по острому плечу.

Впереди всю волжскую пойму пересекал длинный железнодорожный мост с решётчатыми арками; несколькими опорами он наступил на низменный Часовенный остров. «Русло» по дуге

прокатился точно в пролёт, словно сквозь огромные ворота. Пароход красных дымил на полверсты ниже по течению.

— «Делсовет», — в бинокль прочитал его название Горецкий. — На носу — полевое орудие.

Закат догорал, Волгу заволакивали синие сумерки. «Русло» быстро грёб через короткий плёс под крутобокими Ундорскими увалами, а в створе уже темнело охвостье следующего острова. «Делсовет» упорно не отставал. Миновав мост, он снова открыл огонь. Над плёсом звонко хлопали выстрелы, светлые пенно-водяные столбы то и дело выскакивали слева и справа от «Русла». Штурвальный Бурмакин испуганно косился на них, как лошадь на удары кнута. Феде некогда было отвлекаться, а Мамедов и Горецкий смотрели на разрывы спокойно. В тёплой истоме просторного июльского вечера с борта парохода обстрел казался каким-то ненастоящим, а гибель — невозможной.

— Панафидин, попроси-ка ты своего Николу Якорника, чтобы остановил красных, — вдруг насмешливо сказал Горецкий.

— Давно попросил, — буркнул Федя.

«Делсовет» вдали наконец сбросил струю пара и завалился на разворот.

— Неужели чудо свершилось? — всё поддевал Федю капитан.

Федя обиженно насупился и молчал.

— Просто красные боятся впотьмах сесть на мель в Ундорской воложке, — объяснил Горецкий. — Нет ни чудес, ни богов, мой юный лоцман.

Федя поколебался.

— Мне дедушка ещё говорил, — всё-таки ответил он, — думай что хочешь, но тайну не отрицай.

По реке без бакенов идти ночью было опасно, и «Фельдмаршал Суворов» пришвартовался к маленькой пристани купцов Стахеевых — будто слон присел на крохотную скамеечку. Пристань называлась «Святой Ключ». Чуть поодаль виднелся небольшой затон с товарно-пассажирскими пароходами и буксирами. Над пристанью, затоном и крутым берегом летали и кричали вечерние птицы.

Хозяева прислали на лайнер лакея и пригласили капитана отужинать. Дом Стахеевых — двухэтажный терем с тремя кружевными фронтонами — прятался в кудрявом парке. От спелого заката крутые кровли и резьба подзоров были малиновыми. В столовой Фаворскому представили другого гостя — Джозефа Голдинга, агента компании «Мазут». После ужина Ксения Алексеевна велела подать чай на веранду — на широкий балкон. Горничная вынесла самовар. Всё имение Стахеевых — дача, парк и село — освещалось электричеством, и над шёлковым абажуром настольной лампы беззвучно порхали мотыльки. — Аристарх Палыч, мистер Голдинг, чего же нам ждать от будущего?

Ксения Алексеевна глядела на гостей так умоляюще и так беспомощно, словно от них зависела её жизнь. Рядом с Ксенией Стахеевой, милой и уютной, женственно пухленькой, любой мужчина сразу ощущал себя сильным.

Капитан Фаворский хотел сказать, что большевики с их ресурсами, увы, непобедимы, а старая Россия обречена, однако сказал другое: — Борьба предстоит долгая, дорогая Ксенья Алексеевна.

— Но не на Кавказе, — возразил Голдинг. Он сидел в лёгком камышовом кресле, вытянув длинные ноги. — Бакинская коммуна, последний оплот Советов, падёт через месяц. В Баку придут англичане. Или турки. Это точно.

— И начнут денационализацию, — утвердительно заявил Иннокентий.

Ему было девятнадцать. Студент Московского коммерческого института, он носил форменную серую тужурку и фуражку с синим

околышем. Чтобы казаться солиднее и старше, он тщательно выговаривал каждое слово.

— Безусловно, мой друг, — кивнул Голдинг. — Кстати, недавно консулы Англии, Швеции, Дании, Голландии и Персии предъявили советскому правительству протест против национализации нефтяной промышленности.

— Мама, я хочу, чтобы ты поняла суть. — Иннокентий взял мягкую руку Ксении Алексеевны и поцеловал. — Ты ведь наследница папиного капитала.

— Да что ты, Кешенька, — виновато засмеялась Ксения Алексеевна. — Это всё твоё. Я же и самовар-то раздуть не смогу, куда мне пароходами управлять.

— Волга знает немало дам-пароходчиц, — галантно заметил Фаворский.

В Перми он услышал от большевиков, что молодой Иннокентий Стахеев угнал из Сарапула буксир и захватывает все пароходы на Каме. Однако суда в затоне возле пристани принадлежали сплошь обществу «По Волге»: Аристарх Павлович узнал их по голубоватым надстройкам и вифлеемским звёздам на «сияниях». Это были суда Стахеевых. Ксения Алексеевна, вдова Ивана Сергеевича, год назад унаследовала большой пакет акций общества.

— Господин Голдинг, прошу. — Иннокентий пригласил гостя к разговору.

— Концерн «Шелль» делает вам предложение, госпожа Стахеева, — тонко улыбнулся Голдинг. — После всех денационализаций в Самаре и Баку наши комиссионеры и представители бирж оценят новую стоимость общества «По Волге» с оставшимися судами, а затем мы согласны обменять ваш пакет акций общества на равный по курсу пакет «Русского Грозненского стандарта». Вы много потеряете, но по вине большевиков, а не по нашей, зато потом ваша собственность и дивиденды будут защищены всей силой Британской империи.

— А что всё это означает? — растерялась Ксения Алексеевна.

— Мы продаём наше пароходство «Шеллю», — пояснил Иннокентий.

— А это хорошо? — наивно спросила Ксения Алексеевна.

— Большевики убили наше дело, мама. «Шелль» оказывает нам услугу. Теперь мы будем не русские пароходчики, а британские нефтедобытчики.

— Твоя воля, Кешенька. — В голосе Ксении Алексеевны звучала покорность слепой любви. — Папа в тебя очень верил!

— Аристарх Павлович, — обратился Стахеев к капитану. — Вас уважает вся Волга. Оцените сделку как третейский судья. Хочу, чтобы мама была покойна.

Фаворский распрямился в кресле. Голдинг продолжал улыбаться.

— Формально, милая Ксенья Алексеевна, общество «По Волге» и без того принадлежит «Шеллю». В двенадцатом году «Шелль» купил себе компанию «Мазут», а через два года ваш покойный супруг объединил свою компанию с «Мазутом». Обменять акции «По Волге» на акции «Стандарта» для вас весьма выгодно. «Стандарт», видимо, вскорости восстановит прибыли от промыслов, а ваше пароходство возродится только после изгнания с Волги большевиков.

— Вы не должны принимать мои слова в расчёт, дорогая хозяйка, но я не могу умолчать, что барон Ротшильд, бывший владелец «Мазута», поступил именно так, как мы сейчас предлагаем вам, — добавил Голдинг. — Он обменял акции «Мазута» на акции «Шелль». Доверьтесь опыту Ротшильда.

Ксения Алексеевна смутилась, будто Ротшильд был её любовником.

— Кешенька, спаси меня от этих мужских премудростей!.. Господа, я вам всем доверяю — ну что ещё мне ответить? Давайте пить чай. Мистер Голдинг, у вас в Англии есть крыжовник? Вы пробовали варенье из крыжовника?

Когда самовар прогорел и почти опустел, Ксения Алексеевна позвонила в колокольчик, вызывая горничную.

— Не желаете прогуляться в парке, пока обновляют стол? — спросила Ксения Алексеевна у Фаворского. — Я покажу вам свой розарий.

— Почту за честь! — Капитан поднялся, придерживая руку на перевязи.

На этом чаепитии он отдохнул душой после пережитых унижений, как-то взбодрился, и ему нравилась Ксения Алексеевна,

жаждущая покровительства. Капитаны лайнеров, люди светские, умели и любили ухаживать за дамами.

— Без мамы можно и покурить, — сказал Иннокентий, будто гимназист.

Стахеев и Голдинг закурили у перил. Внизу в кустах стрекотали ночные кузнечики, пахло жасмином и дымом дровяной печи. Прямая аллея вела от дома к реке и распаивалась на широкий чёрный плёс, в котором отражалась сливочно-жёлтая луна. Над линией дальнего берега мерцал Волопас. Тягучий и глубокий покой этой тёплой ночи был создан для любви, а не для вражды.

— У вас прекрасный дом и прекрасная матушка, Иннокентий, — заговорил Голдинг, — но с рассветом наш буксир должен вернуться на стоянку к баржам. Опасно бросать их без присмотра. Как вы слышали от капитана Фаворского, к нам идёт вооружённый пароход большевиков.

— Мы защитим суда, господин Голдинг, — ответил Стахеев. — Я знаю, что наша сделка — не благотворительность, и выполню то, что пообещал компании «Шелль» в обеспечение обмена акций. На кону — благополучие моей семьи.

— Когда в вашей местности следует ждать подъёма воды в реках?

— Со второго августа, это Ильин день по новому стилю, начнутся дожди, и я смогу провести нобелевскую баржу по Белой до Уфы. Надеюсь, агенты «Шелль» нас встретят? Я не хочу, чтобы меня увидели с чужой баржей.

Голдинг выбросил окурок и по-русски сплюнул через перила.

— Репутация будет вам ни к чему, если мы аннулируем сделку. Просто пригоните баржу — и чёрт с ней, с репутацией. У вас ведь гражданская война.

Возле большого села Пьяный Бор Кама разъезжалась протоками вдоль зелёных островов, и в разгар лета, когда вода упала, извилистые фарватеры занесло бродячими песками. Путьская служба теперь не работала: никто не выставлял бакенов, не поднимал «доски» и «шары» на сигнальных мачтах водомерных постов. А балтийцы не умели прокладывать курс по указаниям створных знаков и не догадались нанять лоцмана, который знает «ворота» всех отмелей, и потому, потеряв судовой ход, «Межень» застряла на перекате.

Село виднелось вдалеке на высоком берегу: в сиянии неба таяли крестики ветряных мельниц и спичка колокольни. В былые времена на Пьяноборской пристани пассажиры пересаживались с крупных камских судов на малые парходики Белой, их называли «мышами». Маркин отправил своих матросов в село, в парходную контору, чтобы нанять лошадей и коноводов. После встречи с «Фельдмаршалом Суворовым» у Маркина имелось чем заплатить.

Пьяноборские мужики пригнали целый табун, привезли в телеге особую «судовую» упряжь и деревянные лопаты. Лошадей как бурлаков впрягли в бечеву, закреплённую на кнехтах. Погрузившись по брюхо, лошади медленно потащили парход через перекат, а моряки, ворочаясь в грязной воде выше пояса, лопатами отгребали песок, который судно собирало перед носом.

— Ежели братва узнает, как лихо мы реки на конной тяге бороздим, то затравит насмерть, — натужно прокряхтел кто-то из матросов.

— Сенечка, не отвлекайтесь, парходом ножку прищемит, — отвечали ему.

Пылало солнце июля. Вода журчала в колёсах пархода, остановленных, чтобы не поломать плицы. Лоснились спины лошадей и голые плечи матросов. Над «Меженью», чирикавая, с острова на остров заволошно перелетали мелкие птички. На качающийся буксирный трос, блестя, опускались стрекозы.

Но Лялю не трогали старорежимные пасторали с деревнями и перекатами. Ляля лежала в жарком салоне на оттоманке. Маркин сидел

у неё в ногах.

— Николь, у тебя — пулемёты! Ты — комиссар бронеплотилии! — устало выговаривала ему Ляля. — Приказал — и все должны подчиниться! Так какого же дьявола ты заплатил этим мужикам?

— Трудовому народу подмога. Для него же революцию-то делали, — оправдывался Маркин. — Ладно тебе, Михаловна.

— Глупейшее обращение, Николь! — злилась Ляля. — Будто я у тебя в избе!

Ляля давно поняла, что моряк Маркин так и остался крестьянином.

Они познакомились примерно полгода назад в Петрограде. Ляля тогда работала секретарём Луначарского, и Анатолий Васильевич отправил её на помощь заместителю Троцкого. Заместителем и был унтер-офицер Маркин.

Лев Давидович часто хватал первых попавшихся людей и поручал им самые неподходящие дела. Он был уверен, что случайным выбором выявит неожиданные способности. По его мнению, таким образом стихия революции порождает своих героев. Маркину Троцкий дал задание прошерстить архив Министерства иностранных дел и разыскать секретные соглашения царского правительства со странами Антанты, чтобы потом опубликовать их, вскрывая предательский характер прежней власти. А у Маркина просто не хватило ума. И к нему приставили образованную и решительную Лялю. Там, в высоких кабинетах Главного штаба в сером свете зимнего петроградского дня матрос Николай Маркин и влюбился в дерзкую поэтессу Ларису Рейснер. Маркину тогда было двадцать четыре года, а Ляле — двадцать два.

Она не сомневалась, что Маркин в неё влюбится. В неё все влюблялись. Коля не лез к ней с признаниями и всякими предложениями, здраво осознавая неравенство, однако смешные его чувства оказались глубже, чем Ляля думала. Когда весной Рейснеры переехали в Москву, в гостиницу «Лоскутную» на Тверской, Маркин почти каждый вечер вместе с Фёдором Раскольниковым приходил в гости — в штаб «товарища Ляли». Фёдор беседовал с отцом Ларисы, профессором-юристом, а Коля в другой комнате с Лялиной мамой

чистил картошку и лук. Он словно бы не замечал сближения Ляли и Раскольниковца.

Ляля и Фёдор поженились в мае. Поженились по-новому буднично: подписали бумаги и стали спать вместе. А для Маркина ничего не изменилось. Коля был подобен верному псу, для которого замужество хозяйки не играет никакой роли. Рейснерам-старшим честный Коля Маркин нравился больше напыщенного Фёдора Раскольниковца, но Ляле было с Колей скучновато. Коля — обычная дворняга. А ей нужен королевский дог. Или полудикий волкодав.

«Межень» волокли через пережат мягкими рывками. Дно парохода ползло по дресве, и Лялин салон наполняло странное широкое шуршание вперемешку с тихим скрежетом и скрипом. Эти звуки и лёгкое подрагивание корпуса наводили на что-то интимное, тайное, любовное. Маркин придвинулся ближе и положил руку Ляле на грудь. Ляля смотрела испытующе и лукаво.

— Я жена твоего командира, — негромко напомнила она.

Маркин нравился ей своей понятностью, простонародным здоровьем.

— Я не в шутку... — смущённо прошептал он. — Брось Фёдора...

Ляля улыбнулась, ожидая продолжения. Брак ничем её не ограничивал. Не Раскольниковцу определять, как ей жить. Всё зависело от самого Коли.

— Я же с тобой хоть под венец!.. — Коля не знал, что ещё добавить.

Ляля вздохнула. Маркин смотрел на неё собачьими глазами.

— Тебе жена нужна или женщина? — снисходительно спросила Ляля.

Коля окончательно запутался.

— Ты, Маркин, со всеми стремишься договориться. — Ляля убрала его руку со своей груди и приподнялась на оттоманке, опираясь на локоть. — В тот раз с Реховичем договаривался, теперь — с этими мужиками из Пьяного Бора...

— Ну, гнида Рехович... — покорно согласился Маркин. — Маху я дал...

— А со мной ты не договоришься, — беспощадно отрезала Ляля. — У меня тебе ничего не выпросить. Я жадная. И злая — со

мной миром не сладить.

Ляля очень нравилась себе сейчас: она необузданная и вожденная!

— Иди давай, Маркин, отсюда. У тебя команда без надзора.

Маркин сник.

— Ну, извиняюсь премного... — виновато промямлил он. — И вправду пойду... Что они там творят? Так дёргают — баллер погнут.

Он встал, оправил форменку и вышел из тёмного салона на яркий свет.

На Волге и Каме война выморила судоходство, будто холера. С борт а «Русла» Горецкий видел брошенные у берегов буксиры с разбитыми окнами, полузатонувшие пассажирские пароходы, часто разграбленные и обглоданные пожарами, бесхозные баржи. На перекатах торчали застрявшие плоты. Затоны словно подавились и задохнулись, переполненные мёртвыми судами.

В сумерках, немного не дойдя до Чистополя, Горецкий заметил большой пассажирский пароход, точнее, лайнер, вставший на ночлег у песчаной косы возле села Жукотино. Это был «Фельдмаршал Суворов». Горецкий оживился.

— Давайте причалим, — сказал он Мамедову. — Хотелось бы поздороваться с Аристархом Палычем. Когда-то он экзаменовал меня в речном училище.

Горецкий с юности мечтал о красивой карьере — вроде карьеры капитана. Отец его, ссыльный поляк, заведовал земской школой в городишке Кологрив Костромской губернии. Местный помещик Фёдор Егорыч Крепиш учредил небольшое пароходство; как уездный предводитель дворянства, он радел душой за учителей, теряющих работу на летних вакациях, и устраивал их на свои суда боцманами и капитанами. Так Роман и попал на речной флот.

Практика у Крепиша позволила ему поступить в Нижегородское речное училище, попечительский совет назначил стипендию. А после учёбы Романа приняли в общество «По Волге». Третьим помощником капитана он ходил на пароходе «Боярин», вторым — на «Императрице Александре», первым — на лайнере «Витязь». Блистательные близнецы «Витязь» и «Баян» были лучшими судами общества. Если бы не революция, Роман Андреевич Горецкий стал бы капитаном следующего флагмана своей компании. Но не сложилось.

Обшарпанный буксир пришвартовался к царственному борту лайнера. В синих сумерках горел длинный ряд жёлтых окон пассажирского яруса, озаряя ржавую крышу и щелястую палубу низенького судёнышка. На галерее лайнера негромко разговаривали пассажиры, будто всё было как в прежние времена.

Фаворский принял Горецкого и Мамедова в своей двухкомнатной каюте с дорогой венской мебелью. В электрическом свете на столе блестел самовар.

— А вы, Роман Андреич, теперь капитан буксира? — удивился Фаворский.

Командиры пассажирских пароходов редко уходили на рабочие суда.

— Временно, Аристарх Павлович, — заверил Горецкий. — Только до Перми.

В числе полезных связей у Романа была дружба с семейством Александра Александровича Мейрера, главы астраханского отделения синдиката КАМВО. Месяц назад в Самаре Горецкий встретил Георгия Мейрера, сына Александра Александровича. Георгий, выпускник Морского корпуса, возглавлял речную военную флотилию КОМУЧа. Он и предложил Горецкому стать капитаном «Русла».

Буксир шёл в Пермь. А Горецкому очень надо было в Пермь.

— Расскажите, уважаемый, как дэла на Каме? — поинтересовался Мамедов.

Фаворский задумался, вспоминая события прошедшего месяца.

— Должен предупредить, господа, что вам надо быть бдительными. Выше по Каме разбойничает «Межень», её захватила красная матросня. У них два пулемёта. Остановили меня и ограбили пассажиров.

— У этих матросов какая-то цэл? — насторожился Мамедов.

— Во время грабежа мой машинист услышал, что красные разыскивают нефтекараван общества «Мазут». Полагаю, что караван попал в руки молодого Стахеева, акционера компании «По Волге». Этот юноша собирает суда своей компании, рассчитывая на скорую победу белых. При нём находится некий англичанин из «Шелля», а в Святом Ключе на даче у Стахеева живёт матушка.

— Вэсма благодарю за такие свэденья! — искренне сказал Мамедов.

— Знаете ли вы что-нибудь о Дмитрие Платоновиче Якутове? — спросил Горецкий: для него это было важнее любых других новостей.

Фаворский глянул исподлобья и поправил кран самовара, чтоб не капало.

— Дмитрий Платонович погиб.

Горецкий был изумлён. Конечно, он слышал о жестокости большевиков, но считал, что люди вроде Якутова надёжно защищены своим авторитетом.

— А как Екатерина Дмитриевна? Она ведь уехала к отцу.

Горецкий задал вопрос тоном вежливого участия, но Фаворский понял, ради чего честолюбивый Роман Андреевич вдруг решил командовать жалким буксиром, прорывающимся в Пермь. Не ради же товарищества «Бранобель».

— Среди моих пассажиров есть молодой человек, который ближе меня знаком с этой историей. Поговорите с ним, Роман Андреич.

С Катей Якутовой Роман познакомился в 1915 году на «Витязе». Дмитрий Платонович отправил сына и дочь в круиз от Нижнего до Астрахани и обратно. Как помощник капитана, Роман обедал с самыми важными пассажирами — и таковыми были дети знаменитого пароходчика. Роману очень понравилась Катя — умная и строгая. Они много разговаривали, прохаживаясь по галерее, Роман приводил её в рубку. Ему показалось, что они сдружились. Катя тогда была ещё девочкой. Роман много вспоминал её зимой, когда Катя уехала на учёбу в «Шерборн скул гёлс», и даже хотел послать ей почтовую карточку.

А через год Катя чудесным образом превратилась в красивую девушку. Якутов опять выкупил детям каюты на «Витязе», и Роман понял: с Катей у него — не дружба. Возможно, даже не любовь. Сложно сказать что. Какая-то непреклонная необходимость иметь Катю Якутову подле себя, иначе собой он будет не полностью. Только эта девушка могла оценить в нём то, что он ценил в себе больше всего, — желание получить от жизни самое лучшее.

Горецкий нашёл Костю Стрельмана в каюте и вытащил на галерею.

— Простите. — Костя зевнул и помотал головой. — Я уже спал...

С просторной и тёмной реки веяло свежестью. Гладкий плёс чуть мерцал из непрозрачной глубины. Лёгкие лохматые облака, подсвеченные по краям луной, неуловимо перемещались в небе невесомо-объёмными кружевами.

— Я хочу узнать о Катерине Дмитриевне Якутовой.

Костя огляделся по сторонам — не слышит ли кто.

— Я не могу открыть вам всего, — ответил он очень тихо, — но Дмитрий Платонович и Екатерина Дмитриевна спасали весьма

знатного человека. Увы, Дмитрия Платоновича арестовали чекисты. А Екатерину Дмитриевну с этим человеком я сумел вывезти в относительно спокойное место. Надеюсь, у них всё благополучно. Хотя сложно утверждать ответственно.

— Что это за человек?

— Прошу вас, Роман Андреевич... — замялся Костя.

— Здесь нет большевиков, — напирал Горецкий. — Кто рядом с Катей?

Костя сдался:

— Великий князь Михаил Александрович.

Горецкий ощутил мягкий и тяжёлый удар по самолюбию. Не ревность, а именно удар по самолюбию: для ревности Горецкий был слишком уверен в своём превосходстве. Что ж, юная Катя Якутова и вправду оказалась такой же, как он: Катя тоже принимала от жизни только самое лучшее.

Ксения Алексеевна Стахеева понимала, что господин Мамедов ничем ей не угрожает — как агент «Бранобеля», он на её стороне. И всё же чувствовала в нём какую-то опасность, а потому обращалась больше к Роману Андреевичу.

— Эту дачу Иван Сергеевич построил для меня, когда Кеше исполнился годик, — рассказывала Ксения Алексеевна. — Здесь я провожу каждое лето. Я очень люблю нашу Россию, господа. Мне за границей неуютно. Даже языка французского я не выучила — чем мне заниматься на Ривьере или в Париже?

— Но сейчас вам и вправду лучше быть во Франции, — возразил Горецкий.

Они сидели в полумраке гостиной на низких диванах. Медово светился китайский абажур настольной лампы. В открытые окна, качая занавеси, влетал прохладный ветерок с Камы. Откуда-то доносилось ночное пение лягушек.

— Кешенька тоже считает, что мне надо уехать, — грустно сказала Ксения Алексеевна. — Он такой заботливый... Но я не могу покинуть Отечество, пока здесь остаётся мой сын. А он жаждет сражаться с большевиками. Боже, они ведь ужасны, эти большевики! Они расстреливают людей!

— А гдэ сэчас ваш сын? — спросил Мамедов.

— Он превратился в настоящего пирата. В Сарапуле он отнял у красных наш буксир, теперь плавает по Каме и нападает на корабли.

— Зачем? — спросил Мамедов.

— Забирает те, которые принадлежат нам. Высаживает пассажиров перед Елабугой и приводит корабли сюда. Вы же видели, господа: за пристанью у него целый флот, будто он адмирал Нельсон! Кешенька хочет сохранить наше пароходство до того времени, когда армия наведёт порядок.

— У вашего сына эст другие затоны кроме этого, в Сьвятом Клуче?

— Не знаю, господа, — беспомощно улыбнулась Ксения Алексеевна. — Дела вёл Иван Сергеевич, мой покойный муж. Я не

умею пользоваться деньгами.

Двадцать лет назад купец Иван Стахеев стал основным собственником общества «По Волге» — самого первого российского пароходства.

«По Волге», «Кавказ и Меркурий» и «Самолёт» были триадой главных судокомпаний страны. К концу прошлого столетия «поволговские» пароходы устарели, и общество почти разорилось, однако упразднить столь славное предприятие было бы позором для купечества. Вот тогда и появился Иван Сергеевич. Обширный род Стахеевых разбогател на хлеботорговле; огромные стахеевские элеваторы словно рыцарские цитадели поднимались над крышами Бирска, Сарапула, Елабуги, Чистополя и Набережных Челнов. Иван Сергеевич выкупил долги пароходства «По Волге». А теперь сын спасал то, что осталось.

— Капитан Фаворский сообщил нам, что пры вашем сыне находится некий аныгличанин, — продолжал допрос Мамедов. — Кто он?

— Наверное, друг, — ответила Ксения Алексеевна. — У Кеши много друзей.

Мамедов понял, что Ксения Алексеевна почему-то боится его.

Когда Ксения Алексеевна вышла отдать распоряжение о комнатах для ночлега, Горецкий наклонился к Хамзату Хадиевичу и прошептал:

— Мамедов, вы не умеете говорить с дамами. А я умею.

Горецкому была симпатична эта милая и пикантная женщина. Разница в возрасте его не смущала. В Ксении Алексеевне он увидел глубокую и зрелую чувственность, обострённую одиночеством вдовы. — Я не прочь прогуляться по вашему парку, — сказал Роман, когда хозяйка вернулась. — Не составите мне компанию, если ещё не слишком поздний час?

В тёмной аллее под ветерком с тополя на тополь перелетал высокий и таинственный шум. Под ногами чуть скрипел песок дорожки.

— Можно пройтись до нашего святого источника, — предложила Ксения Алексеевна. — Помню, я провожала к нему отца Иоанна Кронштадтского...

— Я не религиозный человек, — мягко отказался Роман. — Но мне кажется, что и вы, Ксения Алексеевна, отнюдь не религиозны.

— Почему же вы так решили? — лукаво удивилась Ксения Алексеевна.

— Потому что свою слабость люди прячут, а ваша всем очевидна. В её слабости был явный призыв, и призыв к мужчине, а не к богу.

— Вы — мальчишка дерзкий, — заметила Ксения Алексеевна.

— Вы тоже ставили себе весьма высокие цели, — улыбнулся Роман.

Ксения Алексеевна поняла намёк. Двадцать лет назад весь Петербург обсуждал две свадьбы: миллионщики Якутов и Стахеев женились на актрисах. Ксения Алексеевна принуждённо засмеялась. Да, современные капитаны — уже не романтики, а циники, теперь это в моде. Однако Роман Горецкий ей нравился: высокий, красивый и опытный мужчина с твёрдой линией рта.

— Я уже не та юная актриса, — вздохнула Ксения Алексеевна.

— Думаю, вы не изменились.

Горецкий был прав: ей по-прежнему хотелось быть желанной. Она одна и хороша собой, а положение в обществе у неё совсем не то, что было раньше, — вряд ли кто осмелится её осудить. Летняя ночь такая тёплая, а мужчина такой самоуверенный... И ничто никогда не повторится: ни юность, ни этот миг.

Горецкий осторожно взял её за плечо и склонился к лицу.

— Давайте вернёмся, — негромко пригласил он.

— Возможно, пора... — прошептали полные губы Ксении Алексеевны.

Спальня находилась на втором этаже. Ксения Алексеевна бросила перед дверью веточку шиповника — знак для горничной, что не надо входить или стучать. Тёмного времени им не хватило, и последний нежный вскрик слился с пением петухов на подворье. Потом Ксения Алексеевна затихла. Горецкий немного полежал и бережно высвободил руку из-под её головы. Воздух в спальне светился — окно смотрело на раннее низкое солнце. Сдвинув тяжёлые кудрявые волосы Ксении Алексеевны, Горецкий поцеловал спящую женщину в тёплую щеку и выбрался из постели. Ему надо было спешить на пароход.

Лоцман Федя стоял на кормовом подзоре, измеряя уровень воды шестом-наметкой. Машина поднимала пары, и судно подрагивало. Мамедов встретил Горецкого в рубке. Штурвальный зевал в кулак.

— Надеюсь, лубэзный, ночь прошла нэ напрасно? — усмехнулся Мамедов.

Горецкий поглядел на берег, на парковую балюстраду под тополями.

— У молодого Стахеева есть ещё и парходная зимовка в десяти верстах выше по течению, — ответил он. — Наша баржа там. Захватить её мальчишку надоумил агент компании «Шелль». Компания пообещала купить у Стахеевых активы их парходства, если Стахеев приведёт нашу баржу в Самару или Уфу. Путь в Самару перекрыли красные, а в Уфу — мелководье. Мальчишка ждёт.

Мамедов недобро прищурился:

— А как зовут агента «Шелль»? Дьжозеф Гольдинг?

— Это «Межень», — сказал Роман, глядя в бинокль. — Мы опоздали.

Пароход красных, о котором сообщил капитан Фаворский, преграждая путь, стоял вдали прямо посреди блестящего створа. Из склонённой трубы «Межени» стелился лёгкий дымок — машина работала вхолостую.

— Бросил станковое железо на перевале ходовой, — определил лоцман Федя.

Романа раздражала народная лексика лоцманов. Неужели нельзя выучить общепринятые термины судоходства?

— Отдал оба якоря, носовой и кормовой, и занял фарватер на его повороте от левого берега к правому, — объяснил Горецкий Мамедову.

— Друг, я нэ новичок на рэке, — ответил Мамедов.

От солнца в рубке было жарко. Горецкий в бинокль долго изучал створ.

— Судя по мачтам за кустами на косе, этот Стахеев собрал штук восемь разных барж. Его буксир — там же: вижу торговый флаг компании на топе. А «Межень» караулит добычу возле выхода из акватории зимовки.

Сбавив обороты, «Русло» медленно приближался к «Межени».

Вскоре на «Межени» простучал пулемёт, и перед носом «Русла» взбурлила линия белых фонтанчиков. Красные приказывали остановиться.

— Боятся нас, — усмехнулся Мамедов. — Подойду к ним на лодке.

— Возьмёте с собой? — спросил Горецкий. — Мне любопытно.

На кормовом якоре буксир медленно развернуло по течению. Матросы спустили на воду лёгкую лодку, закреплённую на шлюпбалке.

Мамедов и Горецкий дружно гребли распашными вёслами и смотрели, как удаляется «Русло». Вода в Каме была тёмная, глиняная, и на лопастях вёсел отливала краснотой. А волжская вода, песчаная, всегда казалась жёлтой.

— Думаете, Мамедов, большевики разрешат нам забрать нашу баржу?

— Почему бы и нэт? У нас производствэнное дэло. Болшевикам наша баржа нэ нужна. А вот Гольдингу — нужна.

— По какой причине? — тотчас спросил Горецкий.

— «Шелль» тоже добывает нэфт, а на барже — буровое оборудованье новэйшего образца.

На борту «Межени» толпились разморённые зноем моряки в тельняшках и бескозырках. Мамедова и Горецкого вытащили из лодки и в первую очередь бесцеремонно обыскали, затем провели в полутёмный салон.

Как волжанин, Роман не раз встречал на реке «царский пароход», однако бывать на борту ему не приходилось. Роман с интересом разглядывал салон — мебель, дорогую обивку переборок, занавеси на окнах. На оттоманке сидела с ногами красивая девушка. За столом расположился моряк с бородкой клином.

— Кто таковы? — сурово произнёс он.

— Я агэнт завода «Лудвиг Нобэл», а он, — Мамедов кивнул на Горецкого, — капьитан буксыра... Слюшай, друг, у нас промысел за Николо-Бэрозовкой. Вышка стоит, рабочие ждуть, а баржа с оборудованьем пропала. Мы искали её. Баржу этот Стахэев, дурной человек, экспропрыировал и на зимовку загнал.

Стараясь смутить, Маркин сверлил Мамедова недоверчивым взглядом.

— Чем докажешь?

— Так баржей и докажу! Кому ещчэ-то наши насосы и лэбёдки нужны?.. А ты, я вижу, прыжал Стахэева, да? Ай, молодец моряк!

Маркин был польщён, хотя вида не подал, — но Мамедов это понял.

— Отдай мнэ баржу, дорогой, — проникновенно попросил он. — Эсли нэ вэришь — пойдём со мной до промысла, кланус, сам увыдишь, что нэ вру!

Горецкий удивлялся преображению Мамедова из холодного и умного командира в какого-то льстивого торговца с восточного базара.

— Стахеева ещэ выкурить надобно, — поддавшись на уловку Мамедова, открылся Маркин. — Щенок-то огрызается.

Мамедов выдвинул из-за стола стул и уселся как для дружеской беседы.

— Уйми его, брат. Мнэ бэз баржи нэльзя возвращаться.

Горецкий тоже осторожно опустился на диванчик у двери. Он наблюдал за девушкой. Что она делает на пароходе? Чем так явно недовольна?

— Легко свистеть-то, — вздохнул Маркин. — А у Стахеева два «виккерса».

Девушка вдруг резко перебила Маркина:

— Стахеева мы уймём!

Мамедов быстро обернулся к ней:

— Он и ваши суда захватил?

— Это никого не касается! — отрезала девушка.

— Прости! — Мамедов хлопнул по груди растопыренной пятернёй. — Нэ в свою компетенцию сунулся! Думал, может, помогу чем...

— Да чем ты поможешь? — с досадой поморщился Маркин.

Мамедов покашлял в притворном смущении.

— У Стахеева, слушай, в Сьвятом Клуче мать живёт, — сказал он.

Горецкий даже выпрямился. Он был впечатлён — но не столько низостью этого намёка, сколько готовностью Мамедова применять любые средства для достижения цели. Горецкий никогда не верил в благородство конкуренции: в гонках пароходов самые достойные капитаны выпихивали суда соперников на мель, и машины ударом срывало с крепёжных болтов, а пассажиры летели кубарем. Однако с такой беспощадностью борьбы Роман ещё не сталкивался. Это был урок от опытного специалиста. Урок гражданской войны в экономике.

— Мы не используем женщин как оружие! — зло заявила Ляля Рейснер.

Мамедов поджал толстые губы. Ляля сама себе являлась опровержением.

Маркин размышлял, ни на кого не глядя.

— Пригрозить-то не грех... — уклончиво заметил он. — И Стахеев уйдёт...

— Мы его затопим без всяких подлостей! — Ляля еле держала себя в руках.

Мамедов не вмешивался. Он забросил наживку и просто ждал. Он видел, что эта огненная девка подмяла морячка — не даром же она тут сидит. Морячок надеется уладить дело без хлопот, а девке такое против шерсти. Чего она хочет? Красивой войны с пальбой? Битвы пароходов? Мамедов внимательно рассматривал Лялю: бывают женщины, у которых внутри — чёрт. А морячок елозит задом... Ему и девка нужна, и под пулями рисковать неохота.

Маркин так и не принял никакого решения.

— Вали с борта, — раздражённо сказал он Мамедову. — Без вас разберёмся.

Зимовками речники называли никак не оборудованные места на реке, где суда укрывались на зиму, не опасаясь, что весной их сметёт ледоходом. Стахеевская зимовка располагалась в тесной глухой протоке между берегом и песчаной косой, заросшей густым тальником. На мысу возвышалась тренога облупленного створного знака. Стахеев загнал в протоку семь разных барж, два буксира — считая и свой, и старый товарно-пассажирский пароход. Ржавые суда выглядели безотрадно, будто отощавшие коровы в истоптанном загоне.

Лодка Вольки Вишневого скользила вдоль вешек, обозначающих узкий фарватер. Волька грёб распашными вёслами и оглядывался через плечо. На подмытом обрезном берегу виднелся окоп пулемётного гнезда, из которого торчал рубчатый ствол «виккерса». Стахеев держал фарватер под контролем.

— Эй, не балуй! — крикнул Волька людям в окопе. — Я парламентёр!

Он направил лодку к буксиру Стахеева. Лодка брякнула штевнем в борт.

— Хватай фалинь! — скомандовал Волька матросам на буксире.

Иннокентий Стахеев встретил посланника с «Межени» в рубке. Волька одобрительно оглядел туго застёгнутый студенческий мундир Стахеева с тёмно-синими петлицами и двумя рядами гербовых пуговиц.

— Коммерц-инженер? — угадал он. — Из Алексеевского, да?

Московский коммерческий институт носил имя цесаревича. Выпускник Стахеев был всего на пару лет старше простого солдата Вишневого.

— К делу, — сухо распорядился Иннокентий.

— Короче, братишка, нам нужны твои баржи. Комиссар Маркин передаёт тебе, что либо мы баржи забираем, либо твою мамку. Решай сам до вечера.

Вольке нравилось быть бесстыжим. Это как-то пореволюционному.

Стахеев поправил форменную фуражку с синим околышем.

— Я понял, — мёртво произнёс он. — Можешь идти.

— Дай пожрать на дорожку, — попросил Волька и задорно подмигнул.

Над сонной протокой, ивняком и тихими судами висело знойное марево. В мутной небесной голубизне проступало мятое жёлтое облако. Заложив руки за спину, Кеша Стахеев с высоты колёсного кожуха смотрел на пароходную стоянку и думал о маме. О доброй и ласковой маме, которая жила безмятежно в своей дачной уютной глуши с малиновым вареньем и розариями. Она верила, что все беды проплывут мимо, потому что она никому не причиняет зла.

Вскоре Стахеев постучал в каюту Голдинга. Англичанин лежал на койке, задрав на стену длинные ноги, и читал старый журнал «Русское судоходство».

— Господин Голдинг, у меня был переговорщик от большевиков. Они нашли маму в Святом Ключе и угрожают арестом, чтобы я покинул зимовку.

— А вы? — Голдинг опустил журнал.

— А я подчинюсь. — Стахеев отвернулся. — Вы должны меня понять.

— Я ничего не должен, Иннокентий, — спокойно ответил Голдинг. — Если бросите нобелевскую баржу, то не получите от «Шелль» ни пенса.

Об этом они условились ещё три недели назад в Сарапуле, где Джозеф Голдинг, агент концерна «Шелль», отыскал сына Ивана Сергеевича Стахеева. Иннокентий нуждался в деньгах, чтобы вывезти мать из России и обеспечить её жизнь в Европе. Голдинг и Стахеев-младший заключили сделку.

— В борьбу я вступил ради мамы. Ради неё должен и выйти из борьбы.

Голдинг скинул ноги, сел и посмотрел на Стахеева холодными глазами.

— Захват безоружных судов — ерунда. У вас мощный буксир и пулемёты. Атакуйте «Межень», вот это будет настоящая борьба.

Кеша отрицательно покачал головой:

— Россия для вас — джунгли, Джозеф, и вы здесь на охоте. Но я не могу разделить ваше упоение.

— А ваш отец мог бы, — заметил Голдинг с презрением и сожалением.

В Иване Сергеевиче действительно была непонятная дерзость. Жениться на актрисе. Спасти пароходство. Затеять самоубийственное соперничество...

Иван Стахеев, главный акционер компании «По Волге», в 1904 году начал войну с компанией «Кавказ и Меркурий». Чтобы переманить великосветскую клиентуру конкурента, он построил три роскошных лайнера. «Меркурьевцы» всполошились; против стахеевской идеи богатства они выдвинули идею прогресса и построили сразу четыре лайнера на дизелях. Стахеев продолжил игру и поднял ставки: заложил ещё два парохода с невиданными удобствами. «Кавказ и Меркурий» пошёл ва-банк и заказал ещё десять теплоходов.

На биржах тогда гадали: у кого раньше «лопнут жилы»? Жилы лопнули у обоих соперников. «Меркурьевцы» залезли в долги к столичным банкам, и кредиторы во избежание убытков соединили «Кавказ и Меркурий» с большим пароходством «Восточное общество». Получился речной синдикат КАМВО. «Кавказу и Меркурию» в нём оставили только название и атрибуты — торговые флаги на «сияниях» и тройной гудок. А компания «По Волге», привлекая дополнительный капитал, выпустила большой пакет новых акций, и этот пакет купило буксирное пароходство «Мазут» — подразделение концерна «Шелль». Отныне судьбу компании «По Волге» определяли «Мазут» и «Шелль», а не Иван Стахеев. Иннокентий знал: это надломило дух отца, и отец умер.

Голдинг вытащил из нагрудного кармана серебряный брегет на цепочке.

— Когда вы уведёте свой буксир? — поинтересовался он.

— Мне нужно четыре часа, чтобы поднять пары и забрать пулемётчиков.

— Я останусь здесь, на зимовке. — Голдинг спрятал брегет обратно. — А вы снимите с судов все команды и даже шкиперов.

— Вы хотите затопить нобелевскую баржу?

— Это бессмысленно. — Голдинг снисходительно усмехнулся. — Под судами тут не больше двух футов воды. Баржа осядет на дно и

останется доступной. А я предотвращу саму возможность перегрузки на другое судно.

— Хорошо. Я буду ждать вас в Святом Ключе.

— Не ждите. Моя миссия исчерпана. Отсюда я уйду на лодке в Елабугу.

Стахеев печально кивнул:

— Как угодно... Прощайте, Джозеф. Помните, что я считал вас другом.

— Вы заблуждались, — ответил Голдинг.

Вечером буксир Иннокентия Стахеева двинулся по узкому изогнутому фарватеру из протоки на Каму. По бортам стояли матросы и пожарными баграми выдёргивали вешки, обозначающие границы судового хода. Стахеев вышел из рубки на кожух колеса и смотрел в бинокль. На алой от заката реке чернел вдали красивый и зловещий силуэт парохода «Межень».

Мамедов видел, как стахеевский буксир, недовольно дымя, выбирается из протоки. Значит, план сработал: Стахеев бросился к матери. Исхлестанный ветвями Мамедов упрямо ломился через тонкий и густой лес-жегольник вдоль заливного берега. Баржу с оборудованием нельзя оставлять без присмотра.

На топком пяточке Мамедов разделся, связал одежду в узел и вошёл в прогретую мутную воду. Поддерживая узел над головой, он доплыл до баржи и ухватился за якорную цепь, спущенную с кормы. Рывок — и он на борту.

Пока солнце не село, он быстро и тщательно осмотрел трюмы.

Он искал закладку динамита или адскую машину — всё, чем можно взорвать эту баржу. Заряд должен быть сравнительно большим, иначе посудину не затопить; опытный человек сумеет найти эту закладку даже в тесных проходах между ящиков и длинных связок обсадных труб. Но Мамедов ничего не обнаружил.

Странно. Голдинг не допустит, чтобы груз попал к Турберну. Что же он задумал? Мамедов сидел в замусоренной рубке и разглядывал стоянку. Закат. Безлюдье. Шесть плоских и широких барж. Брошенный буксир — все двери в надстройке распахнуты. Старый товарнопассажирский пароход... Похоже, он так плотно застрял на мели, что немного накренился. Ветерок чуть покачивает тросы такелажа на мачтах. Носятся птицы. Изредка где-то бултыхает рыба.

Про Голдинга Мамедов узнал в 1905 году. В стране разгорелась смута, и донецкий синдикат «Продуголь» использовал её для борьбы с «Бранобелем». В Баку большевики подожгли вышки на промыслах Балаханов и Сабунчей. Над сотнями скважин с рёвом взвились чудовищные факелы, изрыгающие адский дым. В зареве пожаров появились персидские муллы; они подстрекали азербайджанцев, и те шли резать армян. Чёрный кир на промыслах — грунт, пропитанный нефтью, — от крови стал бурым. А власти не вмешивались.

Главари армянских банд в Баку назывались «кочи». Некоторые из них были осведомителями Мамедова. И один из «кочи» сообщил, что злодеяния большевиков, проповеди мулл и бездействие губернатора,

князя Никашидзе, оплачивает синдикат «Продуголь». Взятки привозит агент Джозеф Голдинг.

До Голдинга Мамедов тогда не добрался — но сам начинил взрывчаткой бомбу, которую дашнак Дро, армянский боевик, метнул в фэтон губернатора у гостиницы «Метрополь». Князь погиб. После этого жандармы уладили Баку. Однако «Продуголь» всё равно победил. Планы Нобелей потерпели крах: железные дороги и морской флот России в качестве топлива предпочли нефти уголь. На нефть «Бранобель» сумел перевести только речные пароходы.

Большой пакет акций синдиката «Продуголь» принадлежал Ротшильдам. И Голдинг тоже принадлежал Ротшильдам. Когда те продали свои нефтяные активы концерну «Шелль», Голдинг стал тайным оружием концерна.

Мамедов просто лежал на носу своей баржи и ждал, что будет. Закат угас, но разогретая железная палуба ещё долго оставалась тёплой. Подсвеченные яркой жёлтой луной суда в протоке превратились в угловато-бесформенные нагромождения бледных и тёмных объёмов. Блещущая вода чуть подрагивала течением. В спутанной гриве тальника на косе пробегали тонкие шорохи.

С протоки донёлся плеск. Глянув сквозь шпигат в фальшборте, Мамедов увидел рядом с дальней нефтебаржей лодку и человека. Это мог быть только Голдинг. Прячась за фальшбортом, Мамедов принялся снова стаскивать одежду. Из оружия у него имелся один лишь узкий персидский нож пешкабз.

Соскользнув в воду, Мамедов поплыл вдоль своей баржи, а потом и по открытому пространству. Он подгрёбал очень осторожно, чтобы не спугнуть человека в лодке ни звуком, ни колебаниями лунного отражения. Казалось, что течение тащит кусок дёрна или ком травы. Но человек в лодке всё же заметил, что к нему подбирается враг. Выпрямившись во весь рост, человек достал револьвер и выстрелил. Тогда Мамедов шумно вывалился из воды и рванулся в ближайшую тень — к борту пассажирского парохода. Он заколотил руками и ногами, взбивая брызги, чтобы спутать стрелка мельтешением блеска и мрака. Грохнули ещё несколько выстрелов. Мамедов нырнул под обнос парохода. Хватаясь за кронштейны над головой, он переместился к корме судна, а там, уже вне поля зрения противника, ловко вскарабкался на борт.

Человек в лодке сел на вёсла и быстро погрёб к пароходу.

— Не сомневаюсь, что это вы, Хамзат! — весело крикнул он.

— Рад встрече, Дьжозеф! — ответил Мамедов из глубины парохода.

Голдинг тотчас выстрелил на голос.

Это означало, что кто-то из них сегодня должен умереть.

Голдинг причалил к борту судна за кожухом колеса и перебрался из лодки в сквозной проём багажного отсека. Он понимал, что Мамедов нападёт — для этого «нобелевец» сюда и явился. Сверху, с пассажирской палубы, слышались удары и треск: Мамедов вышибал двери. В тесных и тёмных помещениях парохода револьвер был не лучшим оружием; Голдинг переложил его в левую руку и вытянул из ножен солдатский нож. А затем поднялся по лестнице.

Он обходил каюты одну за другой, в любой момент готовый к броску врага из темноты. Мамедов поджидал его под столом в ресторане первого класса. Сперва он хотел по лунной тени на полу посмотреть на руки Голдинга.

Голдинг намеревался пройти через ресторан в салон, однако стол слева от него внезапно взбесился — подпрыгнул и ударил по локтю. Револьвер отлетел в сторону. Перед Голдингом оказался Мамедов — в мокрых подштанниках, с голым волосатым брюхом и с кинжалом-пешкабзом. Голдинг мгновенно занял оборонную позицию, выставив клинок. Мамедов сразу оценил нож Голдинга — французский траншейный «Мститель». Тяжёлая игрушка европейцев.

Грузный Мамедов странно затанцевал перед Голдингом, будто переливал своё тело из сосуда в сосуд. Руки его безостановочно двигались, заполняя всё пространство. Голдинг нанёс удар. Уклоняясь от выпада, Мамедов определил: англичанин тренировался в морских спортивных клубах и воспринимал своё оружие как кортик. А «кочи Хамзата» ножевому бою обучали беспощадные торговцы гашишем в Баку и подлые сутенёры в портовых притонах Батума.

Расшвыривая столы и стулья, Мамедов и Голдинг закружились по залу ресторана. Голдинг атаковал — напористо и хищно. Мамедов отступал, уходил от клинка, настраивая врага на ритм, и затем сбил его, вынуждая спутаться. Голдинг раскрылся и потерял защиту. Отведя пролетающий «Мститель», Мамедов пригнулся и несколько раз быстро ткнул Голдинга в живот и грудь.

Голдинг выронил нож и упал на колени, зажимая раны. Мамедов присел рядом, обхватил врага за плечи и приложил пешкабз к его яремной вене.

— Глушков — твоё дэло? — спросил он.

Инженер Иван Глушков, главный российский специалист по бурению нефтяных скважин, погиб в Ревеле полтора года назад. Погиб нелепо: зрелый и здравомыслящий человек, он просто угорел насмерть в своей комнате, будто пьяница в бане, когда ночью работал над чертежами. А чертежи исчезли.

— Да, — прохрипел Голдинг.

Глушков проектировал технологию небывало глубокого бурения. Такой не имелось ни у «Шелль», ни у «Стандарт ойл». Оборудование, что сейчас лежало в трюме баржи, инженеры «Бранобеля» изготовили в царицынских мастерских по идеям Глушкова — насколько, конечно, это было возможно без участия разработчика. Мамедов уже понял, что бумаги Глушкова похитителям так и не пригодились — видимо, те не сумели разобраться в эскизах и подсчётах Ивана Николаевича. Иначе «Шелль» не охотился бы теперь за нобелевской баржей — за готовым образцом оборудования по проекту Глушкова.

Тогда в Ревеле Мамедов опоздал всего на полдня — и проиграл. Нобели проиграли. А сегодня проиграли Джозеф Голдинг и «Шелль».

— Ыван Ыколаич хорошее дэло дэлал, а ты эму помешал, собака, — с сожалением сказал Мамедов и поцокал языком.

А потом перерезал Голдингу яремную вену.

Построенная как буксир, царственная «Межень» предназначалась для разъездов начальства и не могла тянуть баржи — не имела арок на корме и рамы с укреплённым гаком. Балтийцам с утра пришлось заняться машиной другого буксира, брошенного Стахеевым на зимовке. Лишь днём этот буксир взял первую баржу и, неспешно вращая колёсами, осторожно двинулся к узкому выходу из протоки.

Маркин и Ляля наблюдали за ним с кожуха «Межени».

Нефтекараван общества «Мазут», изловленный Стахеевым, состоял из трёх наливных барж старой конструкции — с острыми носами и пароходными обводами. Их называли «ножовками». Два матроса в рубке баржи с натугой поворачивали огромный двойной штурвал с цепной передачей.

...Голдинг рассчитал всё точно. С остывшим буксиром красные будут возиться долго; за это время солнце разогреет баржу, и сырая нефть начнёт дышать горючими газами — англичанин заранее заткнул тряпками и ветошью вентиляционные трубы под колпаками дефлекторов. Когда баржа пойдёт по главному изгибу фарватера, штурвальные переложат руль на максимум; плечо румпеля дёрнет за тросик, проложенный к нефтяному баку, и тросик приведёт в действие самодельный запал. Его искра воспламенит нефтяной газ, что скопится в цистерне. Баржа взорвётся и затонет, загородив путь из протоки.

Баржа взорвалась как бутылка шампанского, выбив крышку люка. Взрыв разворотил в трюме стенки коффердамов — предохранительных отсеков, и вслед за первой цистерной взорвались и вторая, и третья. Рубку смело с кормы, а мачта рухнула. Из вспоротых бортов на воду хлынула горящая нефть. Под полуденным солнцем огонь казался прозрачным, однако чёрно-смоляной тяжёлый дым завалил собою фарватер, словно сошёл клубящийся оползень.

— С-сука!.. — ошарашенно выдохнул Маркин.

У Ляли был вид человека, убедившегося в своей полной правоте.

— Вот теперь Стахеев заберёт свою мать, а оставшиеся баржи нам отсюда не вытащить, — холодно произнесла она. — Я сразу

сказала тебе, Николь, что этого беляка надо топить без жалости. Но ведь ты со всеми договариваешься.

Маркина обдавало то жаром, то холодом. Он чувствовал себя даже не обманутым, а жестоко оскорблённым. Его оскорбил Стахеев, который ответил коварством, хотя он, комиссар Маркин, отпустил этого барчука по-людски. Оскорбляла Лялька, которая называла нежелание зверствовать слабостью. Да он и сам оскорблял себя, потому что в Лялькиных глазах выглядел не грозным военачальником, а жалким просителем. Таких бабы не любят и не уважают.

— Ты не боец революции, а купчик деревенский. И тебя объегорили.

— Да не долби в башку! — яростно рявкнул Маркин.

Он хлопнул за собой дверь рубки и решительно перекинул рукоять машинного телеграфа на сектор «полный вперёд».

— Поворачивай! — скомандовал он штурвальному. — Идём в Святой Ключ!

Десять вёрст вниз по течению «Межень» пролетела за полчаса. Колёса её вертелись так, что кожухи внутри забило пеной, будто в прачечной. Изображая разочарование, Ляля держалась в стороне от осатаневшего комиссара, но на самом деле впервые в жизни она побаивалась Маркина.

«Межень» приткнулась у стахеевской пристани. Маркин сразу прыгнул на причал и, не оглядываясь, зло свистнул своим спутникам. За комиссаром пошли Волька Вишневыский, Утёмин и два матроса. В душе у Маркина всё не утихал гнев. Шагая по пятнистой от солнца аллее к дачному терему, Маркин вытащил из кобуры наган и проверил патроны в барабане.

Пинком распахнув двойную дверь в гостиную, Маркин увидел молодого Стахеева — тот удивлённо поднялся с дивана с книгой в руках. Студенческая тужурка у него была расстёгнута на груди.

Вощёный паркет пылал от солнца.

— Этот, — сказал Волька Маркину.

— Я к тебе заместо трибунала!.. — Маркин поднял наган.

— В чём дело?.. — не понял Стахеев.

Маркин выстрелил, и Стахеев пошатнулся, но устоял на ногах.

На грохот в гостиную ворвалась Ксения Алексеевна — растрёпанная, в домашнем платье, с лёгкой кружевной шалью на

плечах.

— Нет! — отчаянно закричала она. — Нет, господа!..

Стахеев механически запахнул тужурку, скрывая кровавое пятно на груди — словно прятал от мамы рубашку, испачканную земляничным соком.

— Нет! — кричала Ксения Алексеевна, раскидывая руки и загромождавая собой сына. — Он не виноват!..

Утёмин молча выстрелил ей в лоб. Красивое лицо Ксении Алексеевны странно исказилось в какой-то капризной гримасе. Стахеев подхватил мягко оседающую маму, и Маркин снова выстрелил в него, теперь тоже в лоб.

Стахеевы нелепо повалились у дивана, точно споткнулись друг о друга.

Маркин зачем-то назидательно потряс наганом, развернулся и вышел.

Через десять минут пятеро балтийцев уже были на борту «Межени».

Мерно работала машина, пароход ровно двигался по стрелю, и Маркин стоял в рубке возле штурвального. Только что они прикончили парня и бабу — а ничего в мире не изменилось. Не омрачилось синее небо, по-прежнему валил дым из трубы, над кормой металась чайки, увязавшиеся за судном.

Маркин думал: как всё это, оказывается, просто. Бах, бах, бах — и он уже не виноват в потере нефтекаравана. Команда ему подчиняется. Лялька сидит у себя в салоне и не высовывается. И грех не жжёт, не гложет душу — надо только не вспоминать, как убитые упали на пол. Он, Коля Маркин, сгубил себя? Он — злодей? А вот нет! Он такой же, как был. Он может любить, может дружить, и совесть у него никуда не делась — он хочет поступать правильно, по-доброму. В его жизни будто вынули палку из колеса: жизнь покатила, как ей и должно.

Он ощущал себя освобождённым, ему было легко. Он спустился из рубки, миновал коридор и открыл дверь в салон. Лялька полулежала на оттоманке и что-то писала карандашом в маленькой книжке. Маркин присел рядом.

— До Нижнего, Лялька, нам дня три шуровать, — сказал он.

Ляля с таинственной улыбкой отложила книжку и карандаш.

Маркин бережно потрогал пальцем её налитые губы, затем придвинулся ближе, обнял и начал целовать. Ляля не возражала.

Нобелевская баржа угодила в ловушку, будто большая рыба в старицу. Казалось бы, чего проще: разгрузить посудину, протолкнуть её через мели на верхнем конце протоки и снова загрузить.

Но оборудование для буровой было громоздким и тяжёлым. Требовалось в двух местах на берегу соорудить два крана-оцепа, а между ними протянуть канатную самоходку. Для такой работы нужна была артель в полсотни человек. И дело заняло бы слишком много времени: на Арлане геолог Турберн уже не успел бы наладить бурение до конца сезона. Поэтому Мамедов искал другой способ освобождения баржи.

Лоцман Федя Панафидин по облупленным доскам вскарабкался на самую верхушку створного знака и долго изучал очертания фарватера. Вода, журча, бежала по песчаным гривам. В небе плыли редкие кучевые облака, их тени ползли через дремотные отмели, и река искрила пятнами. Мамедов и Горецкий ждали внизу, смотрели вверх и шурились. Федя осторожно спустился.

— Можно попробовать с двумя пароходами, — подытожил он. — Посадим их на дно, как я укажу, и соберём все струи воедино. Дня через три с божьей помощью река сама промоет ложбину. Тогда вытянем баржу без распаузки.

— Пароходы возмем у Стахэева, — сразу решил Мамедов.

«Русло» был пришвартован к чёрному остову развороченной взрывами нефтебаржи. Иззубренными листами обшивки нефтебаржа врезалась в дно, точно плуг. Разъятые трюмы ещё дымили, комья мазута качались на волнах.

— Снимай швартовы, — скомандовал матросам Горецкий.

«Русло», пыхтя, зашлёпал плицами к Святому Ключу.

— То, что ты задумал, называется водотеснением, — в рубке сообщил Феде Горецкий. — Устаревшая техника пробивания перекаатов. Слышал о снарядах господина Клейбера? О гидродинамической теории профессора Тимонова?

Роману хотелось поддеть лоцмана. Ему всегда были крайне сомнительны эти славянофильские самородки, мастеровившие прогресс

из лыка и прутьев.

— О господине Клейбере все слышали, — ответил Федя. — Да и видели все, как его суда работают. А про другого господина ничего не знаю.

Профессор Тимонов вычислил законы движения водотоков. На их основе инженер Клейбер малым числом плавучих землеройных машин прокладывал глубокие фарватеры сквозь самые непролазные мели. Громыхающие агрегаты Клейбера обеспечили судоходство на всём огромном протяжении Волги.

— Но у вас-то нету землечерпалки, — добавил Федя.

Горецкий хмыкнул. Мальчишка огрызается!

— Вот объясни-ка мне, Панафидин... Река — это божья тайна?

— Конечно, — уважительно согласился лоцман.

— Ты говорил, что божью тайну отрицать нельзя. А разве Тимонов с Клейбером не отрицают её, когда сами течение реки исправляют?

Федя перекрестился на икону Николы Якорника, словно просил терпения.

— Тайна-то не в беге воды, Роман Андреич.

— А в чём? — не унимался Горецкий.

— Ну, не знаю...

Горецкий недовольно хмыкнул. Следует как-то упростить разговор.

— Федя, а бесы есть?

— Есть, — убеждённо кивнул Федя.

— Ты сам-то их видел?

— Навроде да. Козлоногие такие и тощие.

Штурвальный Бурмакин опасливо покосился на Федю.

Горецкий не ожидал подобного аргумента.

— Про бесов, значит, ты всё понял, а про божью тайну — ничего?

— Да почто её понимать-то? — не выдержал Федя. — Она ведь не паровая машина! Её чинить не надо! Коли понимаешь её, значит, отрицаешь!

Роман не успел расколупать хитроумное невежество молодого лоцмана — буксир приближался к пристани Святого Ключа.

С берега Мамедов и Горецкий знакомым уже путём направились к даче. Мамедов захватил Федю с собой — на тот случай, если им

придётся объяснять Стахееву практически, зачем нужны два парохода и что с ними сделают.

У крыльца топтались крестьяне и дворня. Из дома доносился речитатив священника. В гостиной все окна были закрыты и задёрнуты шторами, зеркала завешаны тканью. Посреди зала на лавках вытянулись два гроба. Иннокентия одели в студенческий мундир, Ксения Алексеевна лежала в строгом платье. Поп ходил вокруг усопших с кадилом; пахло дымом ладана; горничные тихо плакали, садовники, повара и лакеи сжимали в руках горящие свечи.

Романа странно поразил вид мёртвой Ксении Алексеевны. В памяти, в ощущениях она была ещё слишком живой для него — обнажённая и нежная. Падала ветка шиповника у двери... И кудрявые волосы темнели на подушке... И вдруг эта невыносимая неподвижность, страшное изъятие сути женщины...

— Просто вошли и застрелили, — прошептала Роману горничная.

— Не убоишься от страха ночного, от стрелы летящая во дни, от вещи по тме преходящая, от сряща, и беса полуденного... — заунывно читал поп.

На обратном пути Мамедов не думал о Стахеевых. Что о них думать? Всё ясно. Красногвардейская барышня с «Межени» всё-таки согнула мягкотелого комиссара в бараний рог. Или же комиссар догадался, как ему прорваться в постель к своей возлюбленной. И Стахеевы погибли. Не они первые, не они последние. На Биби-Эйбате или в Сабунчах он, Хамзат Мамедов, не раз видел глинобитные армянские дома, заваленные телами женщин и детей. Причиной резни называли и веру, и нацию, и общественный класс, но Мамедов знал, что главная, предельная причина — нефть. Потому что нефть — это кровь.

Горецкий догнал Мамедова и с нервной усмешкой спросил:

— Как полагаете, есть в этом наша вина?

— Со своей душевной организацье́й разбирайтесь сами, — отсёк Мамедов.

Горецкий умолк. Безжалостная целеустремлённость Мамедова невольно вызвала в нём уважение. Но Ксению Алексеевну жалко.

А Федя Панафидин приотстал. Душа его изнемогала. Как любой лоцман на Каме, он водил суда Стахеевых и был знаком с хозяевами — и с барыней, и с молодым наследником. Речники относились к ним

уважительно. Хорошие были господа — вежливые и не хапуги. И гибель их — вовсе не та божья тайна, о которой Федя говорил капитану. Их гибель — как удар дьявольского хвоста по цветам на лугу, только одуванчики летят. А ворота дьяволу из его загона отворили вот эти двое. Может, не со зла, но это они выпустили зверя на луг.

Низкое солнце навывлет пронзало зелёную аллею красным светом заката. Мамедов и Горецкий отбрасывали длинные тени — длинные и козлоногие.

В трюмы двух товарно-пассажирских пароходов закачали воды, и суда легли на близкое дно у поворота в протоку — там, где определил Федя. Глубина была столь мала, что казалось, будто пароходы по-прежнему на плаву. Сжатое их тушами течение сразу ускорилося, промывая фарватер. Через два дня Федя прощупал его намёткой и сказал, что можно попробовать вытащить баржу.

«Русло» подобрался как можно ближе к началу протоки, удерживаясь на якорях-рыскачах. Баржу подцепили длинным тросом с оттяжками-клёвками. Горецкий встал за штурвал буксира, а Федя управлял рулём баржи. Буксир мощно заработал колёсами. Баржа заскрипела всем корпусом и медленно, как во сне, двинулась вперёд. Под днищем зашуршали зыбкие пески. Баржа тихо проползла мимо притопленных пароходов и очутилась на просторе плёса.

До цели оставалось сто пятьдесят вёрст, не больше.

Река Белая перед устьем расслаивалась на множество рукавов.

В одном из них и располагалась временная пристань экспедиции Турберна: причальные мостки, краны-оцепы, склады и сарай с локомотивом.

Баржу задвинули в небольшой залив. На борт буксира поднялся Фегреус Турберн — пожилой и сухопарый. На буровых вышках он загорел докрасна, а его белые норвежские усы пожелтели от русского табака-самосада. С геологом Турберном Мамедов был знаком уже много лет — с экспедиции на реку Эмбу в степях Туркестана, где «Бранобель» тоже завёл нефтедобычу.

Мамедов и Турберн крепко пожали друг другу руки.

— Какие у вас достыженья, дорогой? — спросил Мамедов.

— Биттер открывать ещё рано, — ответил Турберн, — однако мой скептицизм относительно воззрений господина Губкина изрядно пошатнулся.

Мамедов почувствовал себя польщённым, ведь это он с отрядом горцев сопровождал геолога Ивана Губкина по нобелевским промыслам и вообще по Апшерону — по его холмам с жёсткой травой, по солончакам и булькающим грязевым ямам. В тех путешествиях

Губкин нашёл своё объяснение нефти, её появлению в недрах земли, а вечером у костра Мамедов с искренним интересом расспрашивал Губкина, потому что ценил беседы с инженерами и учёными.

— Я передам Эманьилу Людвиговичу эту приятную новость, — пообещал Мамедов. — Мы уходим в Пэрм, а оттуда я поездом поеду в Пётроград.

— Поклонитесь от меня Хансу Иоганну и Анне Луизе. Скажите, что их одичавший друг Фрегеус грозитя превратить Пермь в Баку, и тогда скромная резиденция Викфорсов станет второй «Виллой Петролеа».

«Виллой Петролеа» в Баку назывался роскошный городок «Бранобеля».

Горецкий тоже внимательно слушал Турберна и смотрел по сторонам: тихая река, заводь, заросший тальником пойменный остров, крутой травяной бережок с хибарами и кранами-журавлями, сосновый бор. Стук дятла и голоса мастеровых, разгружающих баржу. Дымок работающего локомотива. Вышки «Бранобеля» находились где-то далеко отсюда, в густых лесах. Трудно было поверить, что эти привычные русские пейзажи могут породить какое-то другое чувство, кроме вечной и безысходной печали земледельцев.

«Русло» заночевал у причала Турберна и отвалил уже утром.

А Федя Панафидин решил в этот день бежать с буксира. От устья Белой до его родной Николо-Берёзовки было совсем близко — пятьдесят пять вёрст. Когда «Русло» поравняется с селом, Федя быстро спустит лодку и угребёт. Он был уверен, что его не догонят, да и догонять не станут.

После Святого Ключа какая-то сила точно отодвинула Федю от Мамедова и Горецкого. Эти двое теперь пугали его. Их души оказались хищными, Федя не чуял в них божьего ограничения. Когда Мамедову потребовалось, он взял и скормил дьяволу несчастных Стахеевых, а Горецкий ему помог. Наверное, Мамедов не ожидал, что молодой Стахеев заминирует нефтебаржу и потом поплатится за это, но никакого раскаяния Федя в Мамедове не заметил. Оба они, Мамедов и Горецкий, даже не вспоминали убиенных.

Однажды на Нижегородской ярмарке Федя видел пожарный пароход. Красивый, яблочно-красный, с водяными пушками. А из носа у него торчал страшный кованый таран, чтобы топить горящие суда.

Умом Федя понимал, что горящее судно может поджечь всю флотилию на рейде, и его надо пустить на дно, однако душой принять такое не мог никак. Нельзя топить пароходы. Нельзя убивать людей. А Мамедов с Горецким были как тот пожарный убивец.

Но планы Феде не сбылись. Вёрст за десять до Николо-Берёзовки в рубку явился Мамедов и аккуратно отцепил кивот с иконой от гвоздика.

— Подэргу у сэбя, — сказал он. — В Пэрми отдам, нэ пэрэживай, дорогой.

— Почто творите такое? — спросил Федя, наливаясь гневом и стыдом.

Он понял, что недалёкий с виду Мамедов легко разгадал и чувства его, и замыслы. А для лоцмана сбежать с полпути считалось позором.

— Мнэ, друг, по работе полагаэцца лудэй выдеть. А до Пэрми ещё ой много пэрекатов. Без лоцьмана нэльзя. А тебе, смотрю, без йконы ныкуда.

Федя отвернулся, глядя на простор реки. В глазах его набухли слёзы.

А Горецкий удивился пронизательности Мамедова. Да, Мамедов — знаток своего дела... Выходит, юного лоцмана так впечатлила смерть Стахеевых, что мальчишка затеял дать дёру домой — прочь от бездушных людей на борту... Однако же он, Роман Горецкий, не был бездушным. Просто он думал о другом.

Гибель Ксении Алексеевны словно бы обозначила для него то, над чем не скорбят при посторонних, — крах любви. Он рвался в Пермь, рвался к Кате Якутовой, а мысли Кати, оказывается, были заняты другим мужчиной... И пускай между Катей и её спутником не было никаких отношений, эту связь невозможно оставить без внимания. Невозможно принять. Невозможно.

Избегая соблазна, Мамедов приказал вести «Русло» правой протокой, чтобы Краснокамский остров отгородил собою Николо-Берёзовку от буксира. За покосами острова проплыли крыши и тополя деревни, колокольня церкви. А выше створных указателей и водомерного поста на реке вдруг появился маленький паровой баркас. На его мачте трепыхался красный флажок. На корме толпились люди, вооружённые винтовками.

Баркас решительно сблизился с «Руслом». На палубу буксира перескочил паренёк в синей косоворотке и рабочей фуражке со звездой. С ремня у него свисала большая, как сапёрная лопатка, деревянная кобура маузера.

Мамедов и Горецкий по лесенке спустились с надстройки.

— Я сарапульский военком Седельников! — звонко представился паренёк, покраснев от смущения. — Ваня зовут. А вы кто такие?

— А мы — пароход компании «Бранобэл», — ответил Мамедов. — У нас буровые вишки под Арланом. Я — начальник экспедиции, а это вот капитан.

Ваня Седельников прищурился с подозрением.

— Все пароходы национализированы! Никаких компаний больше нету!

Мамедов развёл руками: ну, нету — так нету...

— Ваш буксир приказом Рупвода я изымаю! — заявил Ваня и положил руку на кобуру маузера. — Имею полное революционное право!

Мамедов усмехнулся. Судно ему не требовалось. Его задача — вернуться к Нобелю. Можно уехать в Петроград не из Перми через Вятку, а из Сарапула через Казань и Москву. Не резать же этого юнца, не воевать с баркасом.

— Изымай, родной, — кивнул Мамедов. — Революция — вопрос серьёзный.

Военком Ваня Седельников явно ободрился.

— А капитана и машиниста беру под арест! — добавил он.

— За что же это? — удивился Горецкий.

Ваня надвинул козырёк фуражки на глаза.

— Командный плавсостав мобилизуется в Казань для военной флотилии!

Горецкий посмотрел на Мамедова. Мамедов вздохнул:

— Поступай как угодно, Роман Андрэич. Дёло своё мы сдэлали.

Горецкий пожал плечами. Хорошо. В Пермь он уже не стремился. Кате Якутовой есть чем заняться, кроме бывшего жениха.

— Я тоже подчиняюсь, господин военком, — сказал Горецкий.

Мамедов ласково взял Седельникова за рукав.

— Слушай, родной, — попросил он, — арэстуй и мэня! Я тоже в Казань хочу!

Часть третья
ВОЗДАТЬ

— Товарищи китайцы! — с чувством произнёс Ганька.

Он вложил в обращение всю свою волю, чтобы словом прожечь скорлупу непонимания и проникнуть в разум этих чужих и загадочных людей.

— Я буду по-нашему товарищ Гавриил, фамилия моя Мясников, служу в Чрезвычайной комиссии по городу Перми.

Ганька внимательно оглядел публику. Товарищи китайцы аккуратными рядами неподвижно и бесстрастно сидели на скамьях среди станков токарного цеха. Никто не осмелился взгромоздиться задом на пустой верстак или на подоконник: дали скамейки — значит, на них и надо сидеть. Большие арочные окна с ячеистыми рамами рассыпали свет летнего вечера на квадраты.

— Среди народа я уже потёрся, — продолжил Ганька, — и скажу вам прямо, что революционная сознательность у нас не на высоте, а политическое зрение близорукое. Объясню наглядно в полном масштабе.

Ганька начал агитацию издалека — кто ж разберёт, что этим хунхузам известно о России и пролетариате, а что для них тёмный лес? На кожух, закрывающий колесо ременной трансмиссии, Ганька водрузил школьный глобус, реквизированный им из магазина наглядных пособий на Покровке.

В Россию китайцев завезли ещё до мировой войны как самую дешёвую трудовую силу. В Перми они работали крючниками на пристанях, таскали грузы на железной дороге, кидали уголь в кочегарках, подметали улицы, рыли канавы, сжигали мусор и пилили брёвна на лесопилках в затонах. За пять лет китайцы вполне освоили русский язык, да выглядели они словно обычные босьяки: все в грязных парусиновых штанах и замасленных робах; на головах, обритых потатарски, — картузы или широкополые шляпы от солнца.

— Карл Маркс учит, что по Европе бродит призрак коммунизма, — сообщил Ганька. — А коммунизм, скажу вам, товарищи китайцы, давно не призрак не только по Европе, но и по всему шару Земли. Извольте наблюдать сами...

Ганька вытащил из кармана пиджака обломок химического карандаша, послунял грифель и принялся рисовать на глобусе кривые круги:

— Вот Европа, вот наша Советская республика, а вот реки Волга и Кама!

Ганька поднял глобус в ладонях и показал направо и налево.

— Что мы имеем? — риторически спросил он. — Германия! — Ганька прижал глобус к груди и карандашом начертил на Германии крест. — Тут всё давно ясно, до революции рукой подать. А вот Франция. — Ганька пометил Францию другим крестом. — Тут Парижская коммуна была, значит, жив дух классовой борьбы. Антанта, считай, расколота!

Ганька старался нарисовать бодрую картину мира, однако дела у красных шли очень плохо. Самара и Уфа лежали под белочехами, а вчера в исполком доставили телеграмму, что подполковник Каппель захватил Казань. Ганька счёл это оскорблением. Жена Каппеля содержалась в заложницах у чекистов, но её хлыщ всё одно не унялся. Бабу нужно было кончить, вот только Малков, председатель Чека, не позволял — надеялся, что Каппельша ещё потребуется.

А на город надвигался голод. Мешочников придушили, и кормить людей стало нечем. Чека принялась рассылать по окрестностям продовольственные отряды, которые выколачивали из крестьян провиант и при необходимости давили мятежи. Памятуя о злополучном расстреле Великого князя, Малков решил отправить Мясникова подальше от Перми и поручил ему сформировать свой продотряд. Ганьке негде было взять бойцов, но он придумал, что сделать: надо мобилизовать бесхозных китайцев. Китайцы — они послушные, к тому же чужаки, им русских крестьян не жалко. И Ганька созвал китайцев на митинг в бездействующем токарном цеху судомеханического завода «Старый бурлак».

— Империалисты окопались в Британии и Японии, но это всё острова, и оттуда не спрыгнешь, — увлечённо просвещал Ганька. — В Австралии всякий уголовный элемент. Нижняя Америка и Африка — дело тёмное, мы пока туда не суёмся. А в верхней Америке была война негритянских рабов за свободу. Ежели негры там перекроют войну на гражданскую, как мы у себя учинили, то будет мировая революция. К ней большевики и гнут свою программу.

Ганька сделал передышку, удивляясь своим открытиям на исчёрканном глобусе, и уверенно повернул к насущным вопросам:

— А теперь к нашим делам! Вот Китай, обвожу его чертой. Замечаете — он в аккурат между Волгой и Америкой. И потому понимаете, товарищи: вам буржуазную гидру бить всё едино где: либо у нас, либо в Америке, путь-то равный. Ловите мысль? Это и значит «пролетарии всех стран, соединяйтесь»! Так что призываю вас вступать в наш речной краснофлотский отряд!

Ганька удовлетворённо водрузил глобус обратно на козлах. Китайцы безмолвствовали. На станках блестели под солнцем винты и суппорты.

Речной отряд Ганька придумал не сам. Ещё до революции по заказу военного ведомства Мотовилихинский завод изготовил два десятка понтонов для наплавных мостов. На Мотовилихе работали мадьяры, бывшие пленные; они предложили оснастить понтоны бензиновыми моторами — получатся десантные суда. А таким судам нужны буксиры. Вот тогда Ганька и сообразил: из понтонов, буксиров и вспомогательных пароходов следует создать флотилию Чека. Флотилия — не продотряд на телегах; с десантами, пулемётами и пушками она соберёт столько хлеба, сколько нужно для целой армии. И Гавриил Мясников, командир флотилии, окажется героем гражданской войны.

Малкову, матросу-балтийцу, эта идея понравилась. Ганька тотчас взялся за дело. Он сразу подобрал два пригодных буксира. Один — «Медведь»: Чека уже использовала его для своих операций.

Другой — «Лёвшино». Этот буксир пытался удрать из Курьи вместе с «Фельдмаршалом Суворовым», значит, был в исправности, а капитана Ганька обломал так, что рыпаться тот не станет. Под плавбазу Ганька определил товарно-пассажирский пароход «Соликамск».

Буксиры перегнали к причалам завода «Старый бурлак», чтобы навесить броню и вообще переоборудовать под канонерки. Артиллерийские расчёты и пулемётные команды Ганька составил из мотовилихинских чекистов, а вот революционных мадьяр даже на роту десанта не хватило. Тогда Ганька и вспомнил о китайцах — и созвал их на митинг в токарном цеху.

— Я не понужаю вас, товарищи, — завершил он свою речь. — Думайте крепко. А шар нашей Земли я оставляю вам в матчасть.

Долбите политграмоту.

От причалов донёсся гудок парохода.

С арестантской баржей на тросе «Русло» шёл из Сарапула в Галёво.

Старая хлебная баржа, деревянная и неуклюжая, не предназначалась для перевозки людей, но её набили пленными. На палубе возле большого люка сидели под рогожами караульные красноармейцы с пулемётом. С мутного неба сыпался мелкий дождь, всполохами налетал ветер. Баржу водило по реке, её тупое рыло обтекало пеной. Буксирный трос то натягивался, то провисал, окунаясь в тёмные волны, покрытые белыми разводьями. Буксировать капитан Дорофей Михайлов толком не умел, однако в сердцах орал на штурвального:

— Бурмакин, грабля колчерукая, держи твёрже!

Федя не утерпел и негромко сказал:

— К ветру по косо́й идите, Дорофей Петрович. Тогда баржа уравни́ет ход.

— Поучи меня ещё! — рявкнул Дорофей на Федю. — Вот он я!

— Если потеряем баржу, ответите перед трибуналом, — пригрозил военком Ваня Седельников. — Я уже шлёпнул одного такого, как вы.

— А я к твоему делу не просился! — огрызнулся Дорофей. — Я капитан пассажирский! Ты сам меня на борт приволок!

С капитанами в Сарапуле и правда было туго. И вообще с командным плавсоставом. Все разбежались и попрятались. Кого удалось выколупать — тех приказали отправить в Казань для Волжской военной флотилии.

— Вас революция мобилизовала, — серьёзно ответил Ваня.

С Дорофеем ему повезло. Дорофей Михайлов был родом из Орла.

На Каме вотчиной капитанов считались уездные сёла Орёл и Слудка — подобно Кадницам, Работкам и Золотому на Волге. Здесь стояли целые улицы из добротных капитанских домов с нижним кирпичным полуэтажом. На их крышах гордо громоздились большие, ярко раскрашенные макеты парашодов, которыми командовали хозяева. Феде такое казалось нескромным — родовые лоцманы не кичились

достоинством и означали свои дома лишь спасательным кругом на фронте. Но честолюбивые капитаны жаждали славы.

В селе Орёл хозяйства братьев Михайловых располагались бок о бок. У Севастьяна Петровича, старшего брата, на крыше сидел буксир «Медведь». У Дорофея Петровича, младшего брата, с крыши срывалась в небо причудливая «Алабама» — судно «бразильской системы»: колесо за кормой, а пассажирская палуба с верандой поднята над товарной палубой будто на тонких ножках. «Бразильцев» по Волге запустил пароходчик Зевеке. Из-за двух высоких труб, стоящих перед рубкой в ряд, как козы рога, эти пароходы речники прозвали «козами». Капитанство на «козе» было высшим взлётом Дорофея Михайлова.

— Революция твоя — обман! — отмахнул Седельникову Дорофей. Штурвальный Бурмакин испуганно покосился на капитана.

— Думайте, что говорите, Дорофей Петрович, — предостерег Федя.

Мальчишески румяное лицо военкома Вани посуровело.

— И кто же вас обманул, гражданин капитан?

Федя Панафидин знал безрассудный нрав Дорофея. Если бы не этот нрав, Дорофей Михайлов, капитан от бога, командовал бы не старыми «козами», а настоящими большими пароходами. Вряд ли «Фельдмаршалом Суворовым» или «Великой княжной Ольгой», но каким-нибудь «Графом» или «Боярином» уж точно. Однако Дорофей не умел подлаживаться и всегда отчаянно ругался с хозяевами судов. Как-то раз пьяный пароходчик вкатил с пристани на борт в пролётке с лошадьми, и Дорофей с матюгами выкатил его обратно.

А ещё Дорофей Михайлов полагал, что пассажиры — это безмозглое стадо. В попутном городе Дорофей мог загулять в гостях, и его судно понуро торчало на плёсе, ожидая капитана. Дорофей был азартным гонщиком, и случалось, что лайнер выталкивал его на мель: в буфете вся посуда билась вдребезги, а пассажиры улетали в реку. Говорили, что пароходчик Качков уволил Дорофея, когда узнал, что тот заставил несчастных пассажиров тащить судно через перекал на лямке. Дорофей был высокий, рукастый и кудлатый как цыган. Ему бы не капитанский китель носить, а малиновую рубаху и гармонь на перевязи.

— Вы, большевики, и обманули меня! — крикнул Седельникову Дорофей. — Обещали пароход по чести, и вот он я, а гли-ко ся, бегу в «золотой роте»!

«Золотой ротой» называли извозчиков, вывозивших бочки с нечистотами, а в Сарапуле такое прозвище присвоили речникам с «арестантских буксиров». Знаменитые сарапульские пароходчики Колчин и Курбатов ещё полвека назад заключили подряд на буксировку тюремных барж. О пароходстве Колчина и Курбатова нельзя было сказать ничего дурного: работники — в достатке, суда — в исправности, рейсы — точно в срок. Вся Волга уважала сарапульские «белошейки» — пароходы с белой полосой на трубе. И всё же водить буксиры с арестантскими баржами капитаны почитали делом бесславным и обидным. После него капитану не было пути вверх.

«Золотая рота» — это клеймо.

— Агитацию затеял? — разозлился военком Ваня. — При буржуях лучше было? Так баржа-то недалеко! Контрики у нас там сидят, а не здесь!

По стёклам рубки текла прозрачная дождевая вода. Река тихо дрожала в мороси. Дорофей яростно задвигал широкими плечами, будто ему сделалось тесно. Судьба опять тыкала его мордой в то, против чего он всегда бунтовал.

Со старшим братом Севастьяном дружества у него не сложилось, хоть оба и стали капитанами. Севастьяну хватало буксиров, а Дорофею — нет. Севастьян сам жил по правилам и от брата требовал того же. А Дорофею по правилам полагалась только «коза», не больше. И вдруг ахнула революция, отменившая все старые порядки. Дорофея это воодушевило. Но вместе с революцией появились большевики, которые завели новые правила. И по новым правилам Дорофей вёл не «Княжну Ольгу» или «Суворова», а баржу с арестантами.

— Кого партия прикажет возить, того и будешь, понял? — добавил Ваня.

Дорофей еле смолчал. Оглядев взбешённого капитана с головы до ног, Ваня поправил деревянную кобуру маузера и вышел из рубки под дождь.

— Сгубят вас ваши страсти-то, — примирительно сказал Дорофею Федя.

— Болото, а не стрежень! — прорычал Дорофей. — Большевики херовы!

Штурвальный Бурмакин вжал голову, словно хотел заткнуть уши.

— Вы лучше молитесь, Дорофей Петрович. — Федя перекрестился на икону Николы Якорника. — Как бог грехи простит, жизнь дале сама наладится.

— Да лопни ты поперёк себя, праведник проклятуций! — Дорофей натянул капитанскую фуражку на свою большую башку, и околыш заскрипел. — Грехи-то я отмолю, а уваженья людского у бога не выпросишь! И вот он я тут!

В Перми главным конкурентом Якутова было пароходство Любимовых. Любимовский судомеханический завод «Старый бурлак» стоял на Заимке неподалёку от железнодорожного моста. Большевики нашли здесь запасы стального проката, поэтому бронировать свои пароходы решили на Заимке.

Буксир «Лёвшино» заполз на салазки, и паровой лебёдкой его вытянули из воды на слип. К бортам прикрепили прочную обрешётку из брусьев и сняли с её секций лекала. В цеху по лекалам обрубали бронелисты, затем с помощью крана их навесили на борта парохода, выгнули кувалдами, как требовалось, и заклепали. «Лёвшино» получил броневой пояс от планширей до ватерлинии.

Надстройки бронировали уже на плаву. Иван Диодорович наблюдал, как его судно меняет облик, превращаясь в ржаво-серую упрощённую громадину, будто бы грубо вытесанную из камня; казалось, что «Лёвшино» замуровывают заживо. На корме спилили буксирные арки, а палубы на время сняли, чтобы усилить набор дополнительными балками под бимсы и карлингсы. Затем палубы положили обратно и соорудили поворотные круги для двух орудий — на корме и на носу. На кругах смонтировали лафеты и скошенные полубашни. Пулемётные барбетты установили перед рубкой и по бокам на кожухи колёс. Мирный буксир «Лёвшино» переродился в вооружённый бронепароход.

На причалы Заимки по вечерам стали приходить горожане, им хотелось поглазеть на «Лёвшино» и «Медведя» — страшные клёпаные чудища: таких никогда не было ни на Каме, ни на Волге с Окой. Да и собственная команда разглядывала «Лёвшино» с удивлением и некоторой опаской.

— А пулять тоже будем мы? — спросил матрос Митька Ошмарин.

— Обяжут — и будем, — с потаённой злостью ответил боцман Панфёров.

Павлуха Челубеев возмущённо задёргался большим телом:

— Я же в будку с пушкой не влезу!..

— Господь помилует, — мягко сказала Дарья Отавина, новая буфетчица.

— Наше дело — ходовое, — успокоил всех старпом Зеров.

А Иван Диодорович ничего не говорил. В его душе иссякло ощущение правоты, которое является сутью капитана. Он не мог забыть тот день в затоне, когда глумливый чекист застрелил матроса Федьку, а потом вынудил отдать на расправу ещё и штурвального Гришку. Настоящий капитан не допустил бы такого — а он, Нерехтин, допустил. Но зло сотворилось легко и просто, будто бы ему заранее было приготовлено место под солнцем. Будто бы на буксире и не было капитана. Может, его действительно уже не было?..

Иван Диодорович вспоминал свою жизнь. Он ведь и вправду потерял всё. Сашка, сын, покончил с собой. Ефросинья, жена, умерла. Погиб Дмитрий Платоныч Якутов — самый надёжный друг. Большевицкая власть запретила Нерехтину его главное дело и отняла пароход. Большевик пришёл и убил двух парней из его команды... Конечно, команда и словом не упрекнула капитана... так ведь, похоже, некого было упрекать. Капитан кончился. От былой полноты жизни у Ивана Диодоровича уцелела только белая капитанская фуражка.

Ганька явился принимать судно, хотя ничего не понимал ни в буксирах, ни в пушках. Капитану и команде он приказал сойти на пирс, а сам с комиссией от Чека обошёл барбетты и полубашни, заглянул в кубрик и в машинное отделение, проверил каюты в надстройке и поднялся в рубку. Команда угрюмо следила за чекистами, словно те проводили обыск. Среди машинистов и матросов стояла Катя Якутова. Она согласилась работать простой посудницей, и Нерехтин зачислил её в команду под начало буфетчицы Дарьи.

— Какого ляда они у нас шарются? — проворчал матрос Краснопёров.

Чекисты перебрались на причал.

— Ну что, довольны крейсером? — весело спросил команду Ганька.

Стальными и прямоугольными объёмами пароход громоздился у пирса как чужак. Вместо окон темнели смотровые прорезы с крышками-козырьками.

— Ох ты, мать! — вдруг спохватился Ганька. — Название-то новое надо!

— Лёвшино — моя родная деревня, — глухо возразил Нерехтин. Ганька похлопал его по плечу:

— В яму твою деревню, дядя. «Медведь» теперича «Карлом Марксом» стал, а твой пароход будет называться «Урицкий»!

Иван Диодорович промолчал. Что ж, всё потеряно — значит, всё. Катя смотрела на Нерехтина и не узнавала его. Почему дядя Ваня такой покорный?

Вечером Катя постучала в каюту Нерехтина. Иван Диодорович лежал в светлой темноте на койке, но не спал. Катя присела у него в ногах.

— Дядя Ваня, вы боитесь этого Мясникова? — прямо спросила она.

— И тебе надо бояться, — негромко отозвался Нерехтин.

— А я вот не боюсь, — просто сказала Катя.

Даже сквозь полумрак Иван Диодорович увидел в Кате Якутовой то же самое, что увидел в сыне Сашке в последнюю встречу: юношескую тонкость лица и непримиримую чистоту. Сашке тогда было столько же лет, сколько теперь Кате. Он учился на кораблестроительном факультете Петербургского политехнического института. Едва началась война с Германией, он записался добровольцем.

Его направили на фронт в штаб генерала Самсонова.

В августе 1914 года в Восточной Пруссии огромная армия Самсонова угодила в ловушку и была растерзана немцами. Поражение потрясло генерала и сломало его дух. С офицерами штаба генерал выходил из окружения пешком по лесам. В одну из ночей, выбрав момент, Самсонов тихо удалился в чашу. Сопровождал его лишь адъютант Александр Нерехтин. Генерал вытащил из кобуры револьвер и выстрелил себе в сердце. Но адъютант не мог бросить своего командира даже за чертой смерти и тоже взвёл курок. Тела погибших так и остались лежать в траве под шумящими мазурскими вётлами.

Сейчас, в августе 1918 года, капитан Нерехтин прекрасно понимал генерала Самсонова. Но Сашку не понимал. Если честь выше вины — значит, это гордыня. Честь восстанавливает порядок жизни, пускай и через боль, а гордыня разрушает. И Саша, единственный сын, убил не только себя — убил и свою мать. Душа Ивана Диодоровича истекала

слезами от жалости и нежности к Сашке — и куда-то бессмысленно рвалась в тёмном гневе на него.

В 1915 году вдова генерала Самсонова отыскивала в Пруссии могилу мужа: погибших русских офицеров похоронил местный мельник. Тело генерала перевезли в Россию, в родовое имение Самсоновых. А Саша Нерехтин остался в Пруссии. Вдова взяла только горсть земли с его холмика. В январе 1916 года в Пермь на квартиру Нерехтиных курьер доставил от вдовы шкатулку с этой землёй.

В январе 1918 года Иван Диодорович высыпал её в могилу жены.

Иван Диодорович смотрел на Катю и в полумраке каюты словно бы видел рядом с ней своего Сашу — как жениха рядом с невестой. Отчего оно — Катино бесстрашие перед чекистами? От юношеской пылкости? Или от гордыни?

— Послушай, Катюша... — медленно сказал Нерехтин. — Твой батюшка был слишком смелый. Мой сын — слишком честный. А моя жена слишком сильно любила. Поэтому они умерли.

— К чему вы о них заговорили, дядя Ваня? — удивилась Катя.

— Я поумней тебя, Катюша. И я тебя узнал. В тебе — все три перебора.

Красноармейцы выволокли из трюма баржи первых попавшихся узников — какого-то парня и господина в истрёпанной тужурке, наверное земского учителя. Их поставили на краю палубы. Парень нелепо улыбался: дескать, это ведь шутка, я понимаю, ладно уж, потешу вас... Учитель что-то возмущённо выговаривал. Бойцы вскинули винтовки. Залп. Учитель полетел в воду, а парень, корчась, упал на доски. Один из красноармейцев подбежал и ткнул его штыком.

Парень выгнулся. Красноармеец ногой толкнул убитого с борта.

Караульные арестантской баржи затеяли расстрелы не просто так. Увидев на «Русле» военкома Седельникова, они захотели показать, что не даром едят свой хлеб. А Ване было не до баржи. Из Сарапула на буксире он привёз отряд для обороны Галёво. Восставшие на Ижевском заводе солдаты перебили у себя большевиков и могли атаковать Воткинский завод — значит, и Галёво тоже.

Воткинский завод находился в восемнадцати верстах от Галёво; железная дорога подбиралась с юга и перед селением ныряла в распадок, спускаясь на узкую бровку берега. Миновав клёпаные башни резервуаров товарищества «Мазут», она пробегала вдоль пристаней и заканчивалась на судомастерских. Воткинский завод изготовлял мостовые фермы, орудийные лафеты и рельсы; в Галёво их перегружали на баржи. А ещё на верфи заводского пруда строили корпуса пароходов. Их пустыми осторожно сплавляли по мелким речкам от завода до Камы, затем подтягивали к пирсам галёвских судомастерских и там уже оснащали машинами — доводили до готовности. В затончике под хмурым еловым крутояром стояли три буксира и новенькое пассажирское судно.

«Русло» пришвартовался у небольшого дебаркадера, а тюремная баржа находилась чуть поодаль, на рейде, зачаленная посреди реки двумя якорями. Когда Седельников, разместив бойцов по домам, вернулся на буксир, на барже засуетились караульные. Сам военком, капитан Дорофей Михайлов, лоцман Федя Панафидин и команда «Русла» с кормы наблюдали за казнью на барже.

— Боже святой... — крестясь, в ужасе прошептал Федя. — Вань, зачем это?..

Ваня не знал зачем. Он тоже был неприятно взволнован.

— Революционная необходимость, — ответил он.

— Зверюги, да и всё, — зло сказал Дорофей.

Изначально в эту баржу загнали крестьян из села Топорнино на реке Белой. Село забунтовало месяц назад — в начале июля. Мужики отметелили местных большевиков и застрелили уездного комиссара. И вскоре из Уфы прибыл буксир «Зюйд»; рубка его была блиндирована плахами, а на палубах выложены стрелковые гнёзда из мешков с песком. «Зюйд» окатил село из пулемётов. Бунтовщики попрятались. Красноармейцы разгромили волостное правление и почту, разграбили потребительскую лавку и скопом арестовали всех мужиков, кто побогаче. Их и посадили в баржу. Баржу отбуксировали в Сарапул, потому что Уфу в это время уже заняли белочехи.

В Сарапуле в баржу отправляли тех, кого хватали уездные чекисты. Баржа превратилась в ад. Из её трюма доносились вопли сошедших с ума. Охрана по своему почину принялась понемногу расстреливать узников, но всё равно их оставалось слишком много. Военком Ваня приказал выдать охране ручные бомбы: если что случится — кидать их прямо в трюм, в толпу. А Сарапул тихо закипал гневом. Баржа чернела на реке у всех на виду, словно огромный гроб. Вот тогда Ваня и решил убрать посудину подальше от города — в Галёво.

Караульные на барже, не удовлетворившись, выволокли из трюма ещё двух пленников. Однако у люка что-то произошло, и один из обречённых — растрёпанный щуплый мужичонка — исхитрился вывернуться. Он отчаянно растолкал красноармейцев, метнулся к борту и очертя голову сиганул в воду. Бойцы, матерясь, клацали затворами винтовок. Мужичонка вынырнул и дикими сажёнками погрёб прочь от страшной баржи. Караульные с палубы вразнобой принялись палить. Вокруг мужичонки заплясали белые всплески. Мужичонка бешено махал руками. Он плыл напрямик к «Руслу».

На корме «Русла» матросы затаили дыхание. Не сговариваясь, по природе человеческой они переживали за беглеца, а не за стрелков. Мужичонка был уже совсем близко. Боцман Корепанов и штурвальный Бурмакин распахнули дверку в фальшборте и вылезли на обносный

брус. Они присели, держась за фальшборт, потянулись к плывущему и единым рывком выдернули его на борт. Задыхаясь, мужичонка рухнул на колени. Вода текла с него ручьями.

— Спаси вас господи, братцы!.. — скулил он. — Спаси вас господи!..

Ваня Седельников властно раздвинул толпу матросов. Как военком, он не мог допустить потворства побегу. В руке у Вани был маузер — большой и прямоугольный, словно чугунная печная дверца.

Мужичонка звериным чутьём уловил угрозу и вытаращился на Ваню.

— Товарищ дорогой, не убивай! — взвыл он. — За что, боже правый? Ни в чём я не виноват!.. Святым спасителем!.. Двенадцатью апостолами!..

— Бежал — значит, враг! — упрямо ответил Ваня.

Матросы возмущённо загомонили. Мужичонка, стуча коленями, пополз к Ване сквозь толпу. Глаза его взывали как с древней иконы, страдальческое лицо обросло чёрной щетиной, длинные мокрые волосы облепили лысинку, на узких плечах висел обратившийся в лохмотья сюртук.

Федя попытался взять Седельникова за локоть, но Ваня сбросил его руку.

— Я не мешочник, не бунтовщик!.. Отмолю вину!.. Возьмите в работники, в матросы!.. Всю палубу языком вылизывать буду!..

— А я же его помню! — вдруг сказал капитан Дорофей. — Я сам ему рыло расквасил, когда «Козьмой Каменским» командовал. Шулер он пароходный.

— Шулер я! — заплакал мужичонка. — Грешен!.. Дак не до смерти же!..

Бедой пароходов были шулера. Они покупали билеты в первый класс; выдавая себя за коммерческих агентов или присяжных поверенных, заводили знакомства с богатыми пассажирами, а потом в салоне обыгрывали их в карты — и сразу исчезали на ближайшей пристани. Шулера скакали по пароходам всю навигацию. На судах «Кавказа и Меркурия» они орудовали целыми шайками.

Ваня Седельников растерялся.

— Семейство у меня в Чистополе... — плакал мужичонка. — Деток надо кормить... И в Сызрани семейство... Яков Перчаткин я,

меня там все знают...

Ваня глядел на жалкого шулера с брезгливостью. Угроздило же этого олуха попасть на «баржу смерти» к контрреволюционерам!

— Христом богом, Ваня, помилуй, — тихо попросил Федя Панафидин.

— Ванька, не лютуй, — добавил и Дорофей. — Отдай мне его в матросы.

— Мы из него дурь-то вытрясем, — сказал кто-то из команды.

— Не подведу! — горячо обещал Перчаткин, пытаясь поймать и облобызать руку Седельникова. — Всей силой воинства святого клянусь!..

Ваня посмотрел на матросов. Конечно, мошенника Перчаткина следовало шлёпнуть, но Ваня опасался речников — даже не из-за бунта, а из-за мёртвого отчуждения. Оно означало бы, что военком Седельников для них никто, а Ваня этого боялся больше, чем непокорства. И он с досадой отвернулся.

— Да забирайте! — буркнул он.

— Порядок, значит, у вас будет такой, — громко вещал Мясников. — Когда плывёте — это боевое дежурство. При нём у каждой пушки пребывается расчёт по четыре бойца, и по два у пулемётов. Харчи для них — с вашей поварни. На ночь бойцы уходят на плавбазу, а здесь всё охраняет караул.

Ганька стоял на крыше надстройки будто на трибуне. За ним с ноги на ногу переминались бойцы-чекисты; недавние рабочие Мотовилихи, в чужой и непривычной обстановке судна они чувствовали себя незваными гостями. А команда «Лёвшина» толпилась на корме вокруг оружейной полубашни.

— Дело серьёзное, ребята, не зевайте, — негромко сказал речникам Серёга Зеров, старпом. — Надо знать, как нам с ними уживаться.

— Все вместе вы отряд! — выкрикивал Ганька, сжимая кулак. — Дисциплина военная! Главный у вас — командир, а не капитан! Вот он — Жужгов Николай!

Ганька вытолкнул на край крыши угрюмого черноусого мужика. Речники ожидали от него каких-то слов, но Жужгов молчал с каменным лицом.

— Меньше брехни, больше работы! — нашёлся Ганька, отодвигая тупого приятеля в сторону. — Объявляю отправление флотилии! Идём до Оханска!

Ганька желал устроить торжественные проводы у какой-нибудь большой пристани Перми — любимовской, якутовской или «меркурьевской», и чтобы оркестр сыграл «Интернационал», но Малков не разрешил. Не до музыки пока: на Ижевском заводе рабочий класс попёр с винтовками на свою же советскую власть, а в деревнях зашевелилась кулацкая контра. Нечего праздновать. И флотилия отвалила от товарных причалов Заимки без шума и почестей.

«Лёвшино» и «Медведь» — для себя Нерехтин называл суда их прежними именами — буксировали по четыре военно-сапёрных понтона; пассажирский пароход «Соликамск», плавбаза флотилии, пришвартовал к бортам ещё пару штук. Понтоны были оснащены

японскими бензиновыми моторами. Ганька, командир флотилии, занял апартаменты первого класса на «Соликамске».

В рубке, закрытой стальными листами, теперь царил сумрак, и Нерехтин вышел наружу, к барбету с «льюисом» на треноге. Ветром на рубку набросило мазутный дым, и Нерехтин подумал, что суда его молодости ходили на дровах, и дым был мягкий и хлебный, как из деревенской печи. Но смоляное удушье быстро рассеялось, и вернулся тонкий запах речной воды. Иван Диодорович знал, что этот воздух, это мерное движение в пространстве, шум гребных колёс и подрагиванье судна лечат любую боль, как всемогущий бабушкин заговор.

Ночные дожди остудили небосвод, смыв с него красный оттенок жары, и синева над Камой была свежая и блестящая, словно заплаканный взгляд. Белые облака в утробах пропитались холодной серой влагой, но её не хватало, чтобы пролиться. Солнце августа, окутанное невесомой дымкой, уже не жгло.

«Медведь» шёл немного поодаль, и Нерехтин, разглядывая его очертания, удивился: оказывается, в грубой броне паропровод сохранял ясную красоту своих линий. Наверное, Севастьян Михайлов, капитан «Медведя», тоже смотрел на судно напарника — Нерехтин видел Севастьяна, стоящего с биноклем у гнутаго раструба дефлекторной трубы. Вспенивая волны, «Медведь» деловито шлёпал плицами вдоль крутого берега с фигурными теремками купеческих дач.

Жужгову тоже не хотелось торчать в полутёмной рубке. Зная, что удобств на буксире не будет, он заранее захватил с собой лёгкое камышовое кресло с прогулочной галереи «Соликамска». Рассевшись на крыше надстройки, будто отдыхающий в круизе, он покосился на Ивана Диодоровича:

— Капитан, выпить у тебя есть?

— Водка, — недовольно ответил Нерехтин.

— Прикажи.

В это время из камбуза вышла Дарья Отавина, буфетчица, и выплеснула за борт ведро кухонных ополосков.

— Дарья, — окликнул её Нерехтин, — принеси наверх четверть и стакан.

Никакого буфета на «Лёвшине» не имелось, однако на всех речных судах поваров называли буфетчиками. Буксирные буфетчики

не только готовили, но и сами закупали продукты, поэтому на камбуз брали честных и трезвенных — чаще всего баб. Дарья была женой такого же капитана, как Иван Дюдоревич; она всегда работала при муже боцманом, но два года назад овдовела и теперь еле сводила концы с концами. Её пожалел добросердечный Серёга Зеров, сосед по улице на Разгуляе, и попросил Нерехтина помочь. Нерехтин помог.

Водку принесла Катя Якутова. Иван Дюдоревич помрачнел. Не дело для дочери знаменитого пароходчика подносить водку всякому отребью.

— Примешь со мной, капитан? — спросил Жужгов.

— На вахте не принимаю.

Жужгов хмыкнул в чёрные усы.

А Катю на палубе остановил молодой боец, румяный и растрёпанный.

— Катерина Дмитриевна? — волнуясь, спросил он. — Вот радость-то!.. Я Сенька, Сенька Рябухин! Помните меня?

Катя прищурилась — и вспомнила. Этот парень был охранником в тюрьме и отдал Дмитрию Платоновичу револьвер, а потом прибежал к Кате каяться.

— Что вы хотите? — нахмурилась Катя.

— Ничего! — горячо заверил Сенька. — Я тут при артиллерии состою! Ежели вам какое дело надо, я завсегда к услуге! О батюшке вашем крепко сожалею!

Катя смерила этого дурня взглядом.

— Семён, вы в бога верите?

— Истинный крест! — Сенька вытащил из ворота крестик и поцеловал.

— А в советскую власть?

— Наша эта власть, народная!

— А я не верю ни в бога, ни в коммунизм. Не приставайте ко мне.

Катя направилась к двери в камбуз.

— Я завсегда!.. — вслед ей крикнул ничего не понявший Сенька. — Я здесь!

В тёмном, горячем и душном камбузе Дарья чистила едкий лук и утирала слёзы рукой с ножом. В крупнотелой и красивой Дарье Петровне была тягучая бабья томность. Кате нравилась начальница, добрая и спокойная. При ней не обидно было выполнять грязную

работу посудницы — мыть тарелки и столы, таскать воду из-за борта, отбивать и выполаскивать матросское бельё.

— Катюша, снеси воду машинистам, — попросила Дарья. — У них там совсем пекло, всегда питьё нужно. Я настойку на бруснике сделала.

Катя с кувшином осторожно спустилась в трюм. Низкое помещение еле освещали коптилки. Всё здесь было сложное и железное: двигающая рычагами громада машины, клёпаная туша котла, трубы, рёбра, вентили, циферблаты. Зной. Лязг, шипенье, утробное клокотанье огня в топке. Густо пахло нефтью. Осип Саныч Прокофьев, старший машинист, сидел на скамеечке под огоньком лампы и читал замасленную газету, придерживая очки. Лысина его блестела.

Осип Саныч принял у Кати кувшин и сказал с осуждением:

— Дарья сюда пускай матросов шлёт. Не надо барышне к нам соваться.

— Не беспокойтесь за меня, Осип Саныч, — улыбнулась Катя.

Она украдкой посмотрела в проход вдоль борта. Там из непонятной тьмы вылепился человек в мокрой рубахе, что-то подправил и подкрутил на щитке управления и оглянулся на Катю. Это был Великий князь Михаил Романов.

— Кто тебе фонарь-то подарил? — Дорофей поцеловал Стешу в подбитый глаз. — Приставал, что ли, кто? Скажи мне, я за тебя любому зубы подровняю.

— Я уже сама подровняла, — весело ответила Стеша.

Она была нрава лёгкого и боевого, поэтому в защите не нуждалась.

Дорофей и Стеша лежали голые в дремотной траве заброшенного покоса. Покос располагался на краю прибрежной горы. С высоты была видна огромная плоская излучина Камы; ночью Кама казалась тускло-синей, словно глубокий сон. Внизу вдоль реки цепочкой вытянулись мерцающие огни — мастерские, вокзал, суда у пристаней. Стеша работала матросом на буксире «Звенига». На речных пароходах вообще работало немало баб, и не только на камбузах. Порой капитаны буксиров назначали своих супружниц боцманами, а мелкие судохозяева, оберегая груз, определяли жён шкиперами на баржи.

Небо над покосом, заполненное дымно-звёздными клубами тьмы, плавно и невесомо шевелилось. Дальний дикий берег заволакивало бледным зыбким туманом, сквозь который прорастали мохнатые гривы ельников на холмах.

— Звёздочки мигают — будто ребятишки играют, — сказала Стеша. — А падает звезда — будто от мамки убежала. Мы с тятьей на плотах звёзды считали. Сидим на порожке избы, тятя меня обнимет, а плот широко так идёт и тихо...

В лесных гаванях не только составляли плоты, но и рубили деревянные дома на продажу; длиннющие плоты плыли сразу с избами, в которых жили плотогоны. Стешин отец, плотогон и горький пьяница, погиб на работе: во хмелю свалился в воду и не выбрался. И Стеша пошла на Нижегородскую ярмарку в арфистки. Арфистками называли проституток при дорогих кабаках и ресторациях; поскольку жандармы хватали и высылали публичных девок, чтобы те не обворовывали купцов, кутивших до бесчувствия, владельцы заведений выдавали своих работниц за музыканток. Девки учили брэнчать на арфах и петь что-нибудь душещипательное. Спела — и в номер.

Дорофей сорвал травинку и пощекотал Стеше нос. Стеша чихнула.

— Щас как дам в лоб! — сердито сказала она.

— Потешно чишешь, — улыбаясь, ответил Дорофей.

— Я тебе не кошка!

— Переходи ко мне на «Русло» буфетчицей, — предложил Дорофей.

— Не-а, — помотала головой Стеша.

— Из-за Севастьяна? — помрачнел Дорофей.

— Он мне денег даёт, — просто объяснила Стеша, — а при тебе лишит.

Заветной мечтой всех арфисток было найти «папашу» — состоятельного клиента, который возьмёт в полюбовницы и выделит содержание. Пусть и небольшое, но достаточное, чтобы уйти на приличную работу. Стеше повезло: на каком-то биржевом банкете она встретила капитана Севастьяна Михайлова, старшего брата Дорофея. И добропорядочный Севастьян, не знавший никаких баб, кроме жены, потерял голову от арфистки. Он сам уговорил девицу оказать ему милость и принять в «папаши», и за пять лет ни разу не просрочил платёж.

Хотя и не осмелился позвать на свой пароход — боялся огласки.

— Ну как Севастьяна угораздило с тобой связаться? — спросил Дорофей с досадой и болью. — Ему же якорь на ногу урони — он матом не сругнётся!

— А я-то грешница, — засмеялась Стеша. — Мой ангел — его чёрт.

Она повернулась на бок и оперлась локтем, глядя на Дорофея. Дорофей с благоговением провёл ладонью по её крутому бедру. Рыжеватая и белокожая, Стеша словно светилась в темноте. Получив что желал, Дорофей всё равно не мог избавиться от телесного влечения к этой бабе. Стешино непокорство судьбе и спокойное согласие с греховностью жизни томило Дорофея жаждой обладать Стешей всецело, ведь он привык быть капитаном и хозяином.

— Может, мне дом у Севастьяна спалить?

— Зачем, дурачина?

— У погорельца денег на тебя не будет.

— Для меня он вывернется, да отыщет.

— Стешка, горе моё, ну брось ты Севастьяна! — страдальчески взмолился Дорофей. — Севастьян уже кончился! Якутова, парходчика его, убили, а все деньги большевики скоро отменяют! На кой ляд тебе Севастьян? Вот он я!

— У большевиков кишка тонка деньги отменить, — усмехнулась Стеша.

Она не была корыстной. Ещё в арфистках она родила, и сынишка теперь жил у знакомой бабки в Кунавинской слободе возле Нижнего. В навигациях Стеша зарабатывала деньги для сына. Дорофей это знал и всё понимал.

— От тебя-то, мой милый, ни рубля не дожидаться, — мягко сказала Стеша.

Дорофей тяжело вздохнул: всё правда. Ни о чём не заботясь, он пропивал и прогуливал жалованье, а оставшиеся крохи потом покаянно уносил домой. Как и брат Севастьян, он тоже был женат, и у него тоже было трое детей.

Где-то в глубине тёмного леса вдруг протяжно завыл волк. Этот тонкий и тоскливый вой будто бы выявил какой-то другой мир, в котором нет радости, нет любимой бабы, нет борьбы, а есть одно лишь сожаление о несбывшемся.

— Стешка, а ежели я всё переменяю? — испытующе спросил Дорофей.

— Что переменяешь?

— Революции на старое наплевать. Теперь всё сделалось можно.

Я уйду от Прасковьи, от детей уйду и по новой на тебе женюсь.

Стеша придвинулась к нему и погладила по лицу.

— А совести-то хватит?

Дорофей яростно поскрёб пятернёй кудлатую голову.

— Не хватит — дак сопьюсь, — честно ответил он.

Стеша звонко и свободно захохотала, груди её закачались. Волк в глубине леса, наверно, услышал человеческий голос и не посмел опять завывать.

...Они спустились с горы в Галёво уже перед рассветом. Дорофей довёл Стешу до судомастерских, где у причальной стенки стоял буксир «Звенига», поцеловал, потискав Стешин круглый зад, и отправился на свой парход.

Ещё с берега он заметил, что в рубке горит лампа вахтенного. Спать не хотелось, и Дорофей пошагал вверх. Вахту нёс лоцман Федя Панафидин. Он притащил в рубку табурет и дремал под иконой Николы Якорника.

— Ты чего тут торчишь? — удивился Дорофей. — Лоцманам на стоянках вахты не положены. Где Бурмакин, пёсий сын?

— Он меня упросил за него помучиться. — Федя зевнул и перекрестил рот. — Никуда ведь завтра не идём. Я выплусь ещё, а у него работа.

Дорофей замер перед Федей во весь рост и, забыв о хитром Бурмакине, смотрел на тёмный лик Николы Якорника, словно видел в первый раз.

— Слушай, лоцман, а правда, что твой образ может пароход остановить?

— Правда, — подтвердил Федя.

Думая о своём, Дорофей поглядел Феде в глаза:

— А человека может?

Последние тусклые отсветы заката сделали простое лицо князя Михаила странно значительным, будто из бронзы. Катя подумала, что в людей вроде Великого князя история вселяется сама — властно и против их желания. И от таких людей требуются стойкость и жертвенность, иначе они существуют зря.

— Он забрал меня из гостиницы, и мы два часа ехали рядом в фаэтоне, — вспоминал Михаил. — Он не может не узнать меня, Екатерина Дмитриевна.

— Но вы изменились, — заметила Катя.

Михаил и вправду изменился: похудел, отпустил усы и ладную бородку разночинца. Волосы его совсем поредели. В глазах и в чертах затаилась какая-то горечь. На вид Михаилу можно было дать не его сорок лет, а все пятьдесят.

— Он меня убивал. Я бы не забыл человека, которого расстреливал.

«Лёвшино» и «Медведь» стояли на якорях поодаль от низкого берега, а «Соликамск» пришвартовался к дебаркадеру Оханской пристани. На жёлтой полосе вечернего зарева темнели силуэты кряжистой колокольни и купола. Катя и Михаил сидели на цепном ящике у кормовой лебёдки. Из открытого короба орудийной полубашни торчали ноги караульного и доносился его храп. Другой караульный — Сенька Рябухин — застыл с удочкой на колёсном кожухе.

— Вы можете бежать с нашего судна, — сказала Катя.

Михаил печально покачал головой:

— Не лучшее решение. Я ведь не умею жить в России. В Петербурге или в Москве я бы не пропал, и даже в Перми бы как-нибудь устроился... Но не в селе Оханском. И не в гражданскую войну — без денег и документов.

Катя почувствовала облегчение. Она не желала, чтобы Великий князь исчез из её судьбы. Но за это облегчение Кате стало немного стыдно.

В убогом лазарете при затоне Катя выходила Михаила Александровича и поставила на ноги. Зачем?.. Она не смогла бы объяснить. Не только из-за отца, который предпочёл умереть, но не выдать невинного человека чекистам. И, конечно, не из-за девочек в «Шерборн скул гёлс», которые восхищались романтическим романом русского аристократа. Там, в закрытой британской школе, девочки были как бы не при жизни. И жизнь мамы в Каннах тоже была насквозь фальшивой и выморочной. Подлинной жизнью с борьбой и победами жил только Дмитрий Платонович. Спасение Великого князя стало для Кати его прощальным подарком, потому что это дело тоже было настоящим.

Катя почти не вспоминала Романа Горецкого. Даже не верилось, что он существует. Роман ушёл в прошлое вместе с той Катей, которая училась в «Шерборн скул» и восхищалась отцом безответно. Прежней Кати больше нет — значит, нет и Романа Андреевича. Есть Катя, которая потеряла отца, спасла Великого князя и теперь плывёт по гражданской войне на бронепароходе.

— Впрочем, Екатерина Дмитриевна, мои личные затруднения — не главная причина для отказа от бегства, — рассуждал Михаил. — Чекисты обнаружат моё исчезновение. Допросят команду. И тогда капитана Нерехтина и вас покарают за пособничество врагу революции. А кара у большевиков одна — пуля.

— Команда не подозревает, кто вы, — возразила Катя.

— Достаточно того, что меня принимают за беглого офицера.

Катя упустила возможность уехать на «Суворове», однако по-прежнему желала перебраться в Сарапул к тёте Ксении Стахеевой. Иван Диодорович предлагал Кате остаться в Перми и поселиться в его пустой квартире: он имел неплохое жильё в добротном полукаменном доме возле трамвайного депо на Разгуляе. Катя отказалась. Что ей делать в Перми одной? А бронefлотилия Чека отправлялась потрошить хлебные амбары Сайгатки, Николо-Берёзовки и Мензелинска — и Сарапула тоже. Скрепя сердце Нерехтин согласился взять Катю на буксир; буфетчица Дарья как раз попросила у капитана себе в помощь посудницу, и Катя настояла, чтобы капитан позволил ей работать на камбузе. Вот так Катя и заняла вторую койку в маленькой каютке тёти Даши.

— Неладно я чту память твоего батюшки, — проворчал Нерехтин.

— Папа меня тоже не баловал, — улыбнулась Катя.

Конечно, это она уговорила дядю Ваню забрать Великого князя на свой пароход. Катя не хотела бросать Михаила в Перми: а вдруг здесь кто-нибудь опознает его? К тому же из Сарапула до белых было ближе. Нерехтин же, выручая Михаила, понимал всю меру опасности. За спасение князя Дмитрий Платонович заплатил жизнью. Но Нерехтин был безразличен к себе — считал, что терять ему нечего. И строгой девочке Кате Якутовой он почему-то не мог сказать «нет».

Видимо, покоровшись ей один раз, он покорился насовсем.

— Это родственник Дмитрия Платоныча, — пояснил Нерехтин про князя старшему машинисту Прокофьеву. — Застрял у нас. Пристрой к делу.

— Вы офицер? — посмотрев на Михаила, сразу догадался Осип Саныч.

— Военный инженер, — спокойно ответил Михаил. — Заведовал батальоном броневых автомобилей. Умею обслуживать моторы на бензине и газолитине.

Князь Михаил действительно любил и знал авто.

— Паровой агрегат — другой коленкор, — с важностью мастера произнёс Прокофьев. — Дам вам «Атлас» Калашникова. Смотрите и осваивайте.

Родственник Якутова, разумеется, был родней и дочери пароходчика, и на «Лёвшине» никого не удивляло, что эти двое беседуют в стороне от всех.

— До беды не задружись, Катюшка, — проницательно посоветовала Дарья.

— Я взрослый человек, тётя Даша! — отрезала Катя.

Сенька Рябухин, удивший рыбу с колёсного кожуха, поглядывал на Катю и механика и не думал ничего дурного. Барышня-то честная, ить сразу видно. Без батюшки осталась. Механик-то её дядька, небось крёстный. Заместо отца. То по-божески. Эх, зачем он, дубина, отдал тогда леворыверт? Ведал же почто! А дак как же не отдать-то, коли сам Митрий Платоныч повелевает?..

— Господину Нерехтину, полагаю, не следует знать, что командир нашего парохода — мой несостоявшийся убийца, — осторожно произнёс Михаил.

— Почему? — тотчас спросила Катя.

— Мы не в силах повлиять на события. Но капитану — лишняя тревога.

— А вы сами что собираетесь делать?

Михаил пожал плечами.

— Перепачкаю лицо мазутом и буду сидеть в трюме, как тролль в пещере, пока этот чекист на борту.

— Каково же вам видеть его? — осторожно поинтересовалась Катя. — Знаете, Екатерина Дмитриевна, у меня нет никаких чувств. Я — частный человек, и хочу прожить свою частную жизнь, никому ничего не доказывая.

В твёрдом отчуждении Великого князя от времени и обстоятельств Катя ощутила какое-то упрямое достоинство человека, непоказное противоборство порядку вещей. Люди выгадывали, где лучше, а князь Михаил наперекор всем не желал ничего — ни империи, ни мести. Такого Катя ещё не встречала.

Лёжа на жёсткой койке в тесной каюте, она думала о Михаиле.

— Не спишь, глупая?.. — вдруг в темноте зашептала Дарья. — Катюшка, не бегай к нему на вечерки. Какой он тебе дядька? Врёшь ведь.

— Ты ничего не понимаешь, тётя Даша! — рассердилась Катя.

— Всё я понимаю. Сама девкой была.

Жителей Ижевского завода называли «рябинниками». 17 августа отряд мятежных «рябинников» атаковал Воткинский завод. Красноармейцы и бойцы местной самообороны отстреливались как получалось; на деревянных улицах трещали наганы и трёхлинейки, с обхода осанистой башни над Николаевским корпусом широкую заводскую плотину подметал пулемёт. Однако на завод наступали бывалые солдаты из «Союза фронтовиков», и командовали ими офицеры, получившие свои погоны в окопах Германской войны. Красные бежали кто куда. А «рябинники» тотчас снарядили поезд на пристань Галёво.

Заводской паровоз-«кукушка» тянул состав из шести товарных платформ, на которых сидели фронтовики с винтовками и пулемётами. А в Галёво никто не знал о событиях на Воткинском заводе; красный гарнизон не приготовился к обороне. Неяркое солнце клонилось к закату; белые облака, сияя вздутиями, висели в густеющей синеве неба и отражались в затихшей воде Камы; берег накрыла широкая тень мохнатых гор. Поезд выкатился из распадка, миновал деревянный вокзал и с ходу вышиб железные ворота в ограде судомастерских. С платформ на дощатый помост перрона посыпались солдаты и офицеры.

«Русло» стоял возле дебаркадера галёвской пристани под парами: его котёл работал, и машинист время от времени стравливал давление. Когда в мастерских началась пальба, вся команда вывалилась на палубу.

— Что там такое? — встревоженно спрашивали матросы. — «Рябинники», что ли, добрались? Или свои же забунтовали?

— Ижевцы, — спускаясь из рубки, сказал капитан Дорофей. — Я видел, как их поезд проехал. Прохлопали комиссары супротивников.

В руках у Дорофея был бинокль. Дорофей прошагал к брашпилю на носу и принялся рассматривать буксиры у пирса судомастерских. Интересовала его, конечно, «Звенига». На ней заполошно металась команда: матросы рубили швартовы, сходню сбросили в воду. Дымя,

«Звенига» отвалила от причала, но какие-то люди ещё перепрыгивали с пирса на борт. От здания механической фабрики ударил пулемёт.

Окна «Звениги» засверкали разбитыми стёклами.

— Может, и нам убраться отсель? — робко предложил Яков Перчаткин.

Дорофей задумчиво оглянулся на бывшего шулера. Тот сменил свой рваный сюртук на чистую матросскую робу, но выглядел ещё более жалким.

— Куда убраться, продувная ты рожа? По чекистам заскучал?

От судомастерских по замусоренному берегу побежали отступающие красноармейцы — немного, человек пять. «Рябинники» стреляли им вслед, и один из бегущих упал. Среди красноармейцев был военком Ваня Седельников. Он размахивал маузером и пытался командовать, но его не слушали.

— К нам на буксир драпают, — заметил боцман Корепанов.

Федя Панафидин перекрестился: он тихо просил бога уберечь Ваню.

Но Дорофей смотрел не на берег, а на реку — на «Звенигу», которая сейчас проходила мимо «баржи смерти». С баржи отчаянно вопили караульные, требуя снять их, но «Звенига» даже не сбавила хода. Из трубы её валил дым, колёса равнодушно крутились. Дорофей обшаривал взглядом людей на палубах буксира и зияющие окна надстройки. Он надеялся увидеть Стешу. И увидел. Разрывая какое-то тряпье, Стеша стояла на коленях над лежащим человеком — наверное, раненым. Ветерок трепал её светлые волосы, выпавшие из-под косынки. И Дорофей почувствовал себя счастливым:

Стеша невредима!

Он решительно обернулся, и на глаза ему попался Перчаткин.

— Яшка, чеши в машинное! — тотчас приказал Дорофей. — Скажи Егорычу, чтобы заливал котёл!

Перчаткин исчез. Матросы заволновались.

— Ты чего затеял, капитан?

— Сдаёмся ижевцам, — объявил Дорофей. — Кто боится — мотайте отсюда.

Из трубы со свистом вылетел столб густого раскалённого пара.

На дебаркадере загрели сапоги, и по сходне на борт буксира заскочил военком Ваня. При нём было уже только двое

красноармейцев, и одного из них Ваня тащил на себе, закинув его руку на свои плечи. Гимнастёрка на боку у бойца пропиталась кровью. Второй боец задыхался и пошатывался.

— Михайлов, живо отплывай от пристани! — приказал Ваня Дорофееву, укладывая подстреленного красноармейца на палубу.

— Отплывалка сломалась, — ответил Дорофей. — Котёл холодный.

Ваня распрямился, непонимающе глядя на капитана.

— Я же тебе велел пары держать!

— Чё-то вот не удержал. — Дорофей глумливо улыбнулся.

Седельников вызывал у него не сочувствие, а застарелое раздражение.

— Ты же предатель!.. — изумлённо выдохнул Ваня.

Душа у него словно тряслась от недавнего боя и бега на пределе сил. С этого разгона Ваня мог сделать всё что угодно. И он вытащил маузер.

— Да стреляй, вот он я! — заорал Дорофей, растопырив длинные ручки. — Только стрелять и можете, комиссары сраные! Замордовали уже народ!..

И Ваня выстрелил бы, но ему нужно было хоть какое-нибудь, хоть самое малое одобрение. Он озирался. А команда буксира стояла за капитаном молча.

Красноармеец, который прибежал вместе с Ваней, со вздохом прислонил к стене надстройки винтовку и сел, привалившись спиной к фальшборту.

— Кажись, отвоевался, — опустошённо сказал он.

— Гады вы! Гады! — надрывно взвизгнул Ваня. — Я сам машину заведу!..

Он бросился к проёму прохода возле колёсного кожуха.

— Давай, заводи, — угрюмо произнёс Дорофей, надвигая на глаза фуражку.

Федя Панафидин морщил лицо от жалости к юному военному.

А Ваня по лесенке свалился в трюм и ворвался в машинное отделение. Он захлопнул за собой мятую железную дверь и запер на задвижку. В машинном отделении плавал горячий пар, пахло маслом. Было темно: «Русло» — буксир, уже изношенный за полсотни навигаций, — не имел динамо и электроламп, его помещения

освещались прадедовскими коптилками. Ваня истерично подёргал какие-то рукояти, повернул какие-то вентили и наконец осознал, что бессилен. Он опустился на грязную от мазута стлань, под которой мёртво плескалась чёрная вода, и заплакал как маленький мальчик. Ржавые балки бимсов давили душу, словно жуткие перекладки виселиц. Ну почему всё получилось вот так плохо?.. Почему его предали? Он же всё делал правильно! Он был примерным учеником революции!..

В это время на борт буксира с дебаркадера уверенно переходили солдаты-«рябинники» с винтовками. Их командир повертел головой.

— Где комиссар? — спросил он. — Я видел, он сюда ускакал.

— В машинном отделении заперся, — ответил Дорофей.

— Есть там окошко? Бомбу шарахнем.

— Не надо бомбу, — волнуясь, попросил Федя. — Я его выведу!

— А ты кто такой сердобольный? — удивился «рябинник».

— Лоцман наш, — сказал Дорофей. — Хороший парень, хоть и с придурью.

В полумраке машинного отделения Ваня Седельников проверил патроны в магазине маузера и уткнул ствол пистолета себе под челюсть. Ему очень не хотелось нажимать на спуск, но примерный ученик должен сделать это. Ваня утёр глаза кулаком, испачкав лицо мазутом, однако слёзы текли и текли.

В железную дверь осторожно постучали.

Федя понимал, что Ване сейчас невыносимо тяжело. Вряд ли Ваня жалеет о злодеяниях, в которых участвовал, но ему всё равно тяжело. Душа-то живая.

— Ванюша, — позвал Федя. — Ванюша... Ладно тебе... Смирись...

За дверью было тихо. Федя верил, что Ваня его слушает.

— Смирись, — повторил Федя. — Кто смиряется, тот мир обретает...

Федя ждал. И засов за дверью наконец заскрежетал, отодвигаясь.

Вдоль замусоренного берега с лодками и мостками вытянулось большое село Бабка, разморённое полуденным солнцем. Кое-где синели крашенные железные крыши, липы на ветерке играли тенями, торчала колоколенка.

— Село-то вроде советское, — заметил Серёга Зеров. — Вон красный флаг.

— У ижевцев тоже красный флаг, — ответили ему.

— Ежели бы наше село было, какого пса пристань пожгли?

Обгоревший чёрный дебаркадер не годился для причала, и суда флотилии бросили якоря на рейде — поодаль от берега. На «Медведе» и «Лёвшине» орудийная прислуга и пулемётные расчёты дежурили по боевому расписанию, а команды бронепароходов вывалились на палубы — посмотреть, что будет. У борта «Соликамска» загружались два мотопонтон, все прочие уже лежали на мелководье, выехав тупыми носами на песок; возле них топтались мадьяры-караульные в куцых кепи и военной форме сизо-серого цвета «фельдграу».

Молодой матросик Егорка Минеев, которого Нерехтин принял в команду только неделю назад, смущённо улыбаясь, оглядывался на товарищей.

— Моё село-то, родное! — горделиво говорил он. — Вон там батькин двор! А там дядьки моего! — Он показывал рукой. — Мы живём-то небедно! Школа есть! Волостное правление! У купца Никанорова десять лавок по уезду!

И тут в селе началась стрельба. До пароходов донеслись вопли и злобный собачий лай, меж домов замелькали бегущие люди, над церковкой взвились голуби. Речники, толпившиеся у фальшборта, взволнованно загомонили.

— Чего палят-то как сволочи? — забеспокоился Сенька Рябухин, второй номер при пулемёте. — В деревне же бабы, детишки!..

— Помалкивай, контра, — одёрнул его Жужгов.

Он развалился в своём камышовом кресле рядом с пулемётным барбетом.

Иван Диодорович, стоявший возле рубки, догадывался, что происходит сейчас на улочках. Китайцы, мадьяры и чекисты врываются в подворья, лезут в подклеты и погребя, распахивают двери амбаров, волокут мешки с зерном, выкатывают бочки. Если хозяева сопротивляются, их бьют. Может, в селе и нет никаких ижевских повстанцев, но непременно кто-нибудь из местных в ярости схватился за обрез — и разгорелась бойня. Мужик ломанулся в избу — выстрел ему в спину; баба заслонила вход в кладовую — штык ей в живот; старик вцепился в локоть бойца — прикладом хрычу в зубы; мальчонка в ужасе помчался наутёк — пуля догонит: небось, за подмогой побежал, гадёныш.

Катя, конечно, понимала, что идёт гражданская война. Однако война — это когда дивизия на дивизию, полк на полк, а здесь вооружённые люди бесстыже грабили соотечественников и убивали непокорных. Катя стискивала руками планширь фальшборта. Захолустное село под мягкими белыми облачками казалось безмятежным только издали, с другого берега реки, а с парохода было слышно, как сквозь треск винтовок село кричит и воет, будто на пытке.

— Хосподи Сусе!.. — помертвев, шептал матросик Егорка.

Речники смотрели на село с угрюмым недовольством.

— Сами виноваты, довели до продрозвёрстки, — сказал кочегар Сиваков.

— А ты свой хлеб отдал бы? — зло ответил ему матрос Девяткин.

В трюме тоже было слышно стрельбу. Осип Саныч Прокофьев, старший машинист, не должен был покидать свой пост, пока машина под парами; он сидел на откидной скамеечке возле переговорной трубы, положив на колени потрёпанный журнал «Русское судоходство». Очки его строго блеснули на князя Михаила. Он испытующе спросил:

— Кому сочувствуете, господин офицер?

Михаил, сидящий напротив на станине котла, поднялся и ушёл в темноту.

А речники с борта своего парохода увидели, как на берегу появились люди: это бойцы продотряда возвращались к понтонам с добычей и пленными. Мужики и бабы за оглобли тянули телеги с грудами рогожных мешков. Два мадьяра несли раненого товарища. Маленькие китайцы в суконных шапках, грозно выставив штыки, вели

под конвоем десятка полтора окровавленных крестьян в разодранной одежде. За пленными, рыдая, спешили жёны.

— Батя, што ли?.. — изумлённо прищурился Егорка Минеев.

Мужики и бабы, прикатившие телеги, под прицелом винтовок принялись переваливать мешки в понтоны. Пленные понуро стояли в стороне. Видимо, бойцы продотряда намеревались забрать их на пароход и увезти в город — в тюрьму и на суд. Казалось, разгром села завершился.

Однако на крышу «Соликамска» вылез Ганька. В руках у него был рупор.

— Мюнних, не надо мне их на борт! — заорал он командиру продотряда, мадьяру в кепи с пуговицами на лбу. — Места нет! Там кончай!

— Кого кончай?.. — обомлел Минеев и завертел головой, словно ждал от товарищей объяснения или опровержения. — Он же батька мой!..

Мадьяры ещё колебались, но послушные китайцы исполняли все приказы бестрепетно. Они и так держали винтовки навскидку. Пленные не пытались бежать и даже не крестились; неподвижные, словно деревья, они были не в силах поверить в простоту расправы. Как же так?.. Ещё утром они спокойно выгоняли коров к пастуху, идущему по улице, а сейчас — умирай, хотя и до вечера-то ещё далеко!.. Всеми виной — эти три страшных парохода, застывшие у берега!.. Винтовки китайцев деловито забабахали. А убитые мужики стояли и не падали, не успев освоиться с окатившей их смертью. Бабы кинулись к своим мужьям, китайцы же хладнокровно продолжали стрелять и по бабам, словно были обязаны очистить этот клочок берега от любых людей.

Жужгов наблюдал за расстрелом из кресла с интересом знатока.

Убитые лежали в траве друг на друге как попало, точно их небрежно свалили откуда-то сверху. Речники ошеломлённо смотрели на россыпь трупов. Иван Диодорович вдруг понял, что ощущает не гнев и не страх, а жестокое унижение. Там, на берегу, чекисты сотворили такое, что душа выгибала рёбра наружу, но он, уважаемый капитан и немолодой человек, подобно скотине, был лишён права вмешаться в беззаконие, лишён права хотя бы пожалеть погибших, иначе какой-нибудь Ганька пристрелит и его самого.

Егорка Минеев задёргался и рванулся на фальшборт в бессмысленном порыве прыгнуть в воду и поплыть к берегу, а Серёга Зеров облапил его большими руками в бессмысленном желании остановить. Им обоим, да и всем, кто рядом, надо было что-то быстро сделать, чтобы выпустить безумие, дать ему отплясать на воле. Матросы и кочегары зачем-то хватали Егорку за руки и за одежду, шлёпали по щекам, а Егорка извивался, бился как припадочный и был по-собачьи. Катя отступила от толпы, лицо её некрасиво исказилось. Кочегар Павлуха Челубеев метался, сотрясаясь брюхом, Дарья закрыла рот ладонями, а маслёнщик Митька Ошмарин едва не плакал и жалко повизгивал:

— Так куда же?.. Покуда где это?.. Они же одно!..

Жужгов снисходительно ухмылялся. Подобное он видал уже не раз.

— Дарья! — рявкнул с надстройкой Нерехтин, и Дарья уставилась на него с палубы, как на Саваофа. — Дарья! Принеси водки Минееву!

Хлеб, изъятый прототрядом, нужно было отправить в Пермь, и флотилия вернулась в город Осу: здесь в устье речки Тулвы Рупвод собрал пустые баржи. Ночью бронепароход «Медведь» встал ниже Осы на боевое дежурство. Перед рассветом на холодных алых облаках у горизонта вахтенный увидел в створе тонкую прядку дыма — по Каме шло какое-то судно. Вахтенный потянул стремя гудка, прикреплённое к клапану, и басовитый рёв поднял команду на ноги. Неизвестное судно, приближаясь, тоже загудело. Севастьян Михайлов, капитан «Медведя», узнал его. Это был буксир «Звенига». В лице у Севастьяна ничего не дрогнуло, а душа забултыхалась.

На «Звениге» работала Стеша.

Судьба Севастьяна строилась на подчинении закону; исполнение правил было основой его благополучия. В «Былине», компании Якутова, его считали лучшим капитаном. Он не пил на борту, строго соблюдал расписание, не брал взяток, не обворовывал команду, не пёр по реке на авось, пренебрегая знаками обстановки, не перегружал баржи, надеясь на премию, не гонялся с другими пароходами, как брат Дорофей, не скупился и всегда нанимал лоцманов. Жена, как и положено, ни в чём не испытывала недостатка, а дети учились в гимназии на пансионе, как и должно детям капитана. И только Стеша, арфистка Стеша нарушила весь уклад Севастьяна, посмеялась над его праведностью.

Стеша была той жизнью, которую он не прожил. Которая принадлежала одному ему, а не царю и не семейству, не начальнику судоходной дистанции и не хозяину судна. Севастьян терпел измены Стешы, хотя и бил её, особенно за Дорофея, давал ей деньги, дарил подарки, целовал её губы, плечи и груди — и прятал её на «Звениге», оставаясь в общем мнении примерным семьянином и капитаном. Когда дело касалось порядка, он был непримиримо истов, точно тайком вымаливал у большого закона дозволение на маленькую волю.

«Звенига» приблизилась, и Севастьян с рупором шагнул к барбету.
— Швартуйся левым бортом! — крикнул он.

Буксиры сошвартовались. Севастьян и командир «Медведя» перешли на «Звенигу». Обе палубы буксира были заполнены красноармейцами. Капитана «Звениги» Мохова Севастьян знал много лет и доверял ему безоговорочно — потому и поручил Стешу его попечению. Мохов сообщил, что восставшие ижевцы захватили Галёво и перерезали движение по Каме. Эту новость надо было срочно передать Мясникову. Буксиры расцепились и устремились в Осу.

Ганька собрал на борту «Соликамска» совет: командиры пароходов, командиры десанта и комиссар флотилии. Мохова, разумеется, тоже вызвали, а капитанов «Урицкого» и «Карла Маркса» — нет: у Ганьки они права голоса не имели. Севастьяну это было безразлично, он хотел поговорить со Стешей.

Стешу он застал на камбузе «Звениги». Стеша мыла посуду в лохани.

— Вишь, какие дела-то, Степанида, — неловко начал Севастьян, — похоже, война не на шутку... Я тебя от Мохова к себе на борт забираю.

— Чего же раньше не забирал, Севастьян Петрович? — буркнула Стеша.

— Осужденья боялся. А теперь страшнее за тебя. Стреляют же. «Медведь» — он с бронёй, с пушками, солдаты имеются. На «Медведе» не опасно.

Стеша не смотрела на Севастьяна.

— Не пойду я на твой буксир, — сказала она. — Мне барин ни к чему.

Севастьян тяжело засопел. Он привык быть капитаном, привык решать за других, и чужая строптивость выводила его из себя.

— Перечить мне, Степанида, ты не должна. Я тебя из грязи достал, дал место при деле, помогал. Без меня ты на Почайне лежала бы с пулей во лбу.

Недавно пролетел жуткий слух, будто большевики в Нижнем Новгороде собрали всех ярмарочных арфисток, свезли под кремль в Почаинский овраг и расстреляли. Сделано это было для укрепления дисциплины среди балтийских матросов, из которых состояли команды судов Волжской военной флотилии.

— За благодеяния ваши премного спасибо, Севастьян свет Петрович, — зло ответила Стеша, — только я вам их все отплатила, и

долгов за мной нет!

Севастьян еле сдержался.

— Не буду я с тобой лаяться, Стешка, — прокрипел он. — Добром ко мне не придёшь — пришлю за тобой караул. У меня воинский пароход!

Лицо у Стеши запылало, и Севастьян понял, как дорога ему эта бабёнка.

— Ежели силой захватишь меня, то тебя Дорофей зарежет! — побосяцки выдала Стеша. — Мы с ним жить вместе уговорились!

Нынче можно!

— Нынче можно с Дорофеем?! — изумился Севастьян.

Наверно, он оставил бы Стешу на «Звениге», но слова о Дорофее взорвали его. Дорофей, проклятуший братец, всегда был Севастьяну и соперником, и укором. Что в этом Дорофее особенного-то?! Пьяница, потаскун и ухарь, выше капитанства на «козе» ему вовек не подняться!.. Однако же люди почему-то любили беспутного Дорофея, и начальство ему всё прощало, и девки на него заглядывались. Севастьян столько сил потратил на братца! Кланялся за него судовладельцам, чтобы приняли на работу; совал червонцы околоточным, чтобы не сажали под арест за драки; давал деньги бедной жене Дорофея вместо пропитого супружником жалованья... А неблагодарный Дорофей взял и отнял у старшего брата единственную отраду! Есть ли совесть у этого мерзавца?

— Спорить со мной не смей, Степанида! — глухо пригрозил Севастьян.

Он хлопнул дверью камбуза, в проходе оттолкнул с дороги матроса, а на палубе выругал вахтенного, который замешкался, перебрасывая сходню.

На «Медведе» его, оказывается, ждал Нерехтин.

— Петрович, откуда здесь «Звенига»? — сразу спросил Иван Диодорович. — Она же в Галёво торчала... И что за переполох у большевиков?

Севастьяну сейчас было не до разговоров с Нерехтиным.

— Галёву заняли рябинники, — сухо пояснил он.

Нерехтин задумчиво кивнул:

— Ясно... Не только нас, выходит, большевики заели...

Севастьян давно уже чувял в старом товарище недовольство властью.

— Как большевики тебя заели? — Он в раздражении дёрнул плечом. — Буксир отняли? Ограбили? Богатства лишили?

— Я не для богатства буксир заводил, — мирно ответил Нерехтин. — Нечего меня лишать было... Ты вот наёмным капитаном больше меня получал.

Севастьян знал, что Нерехтин купил буксир, чтобы не иметь себе хозяина. Этим он напомнил Севастьяну Стешу. Да, Нерехтин работал с Якутовым, но не служил ему, и большевикам служить, оказывается, тоже не хотел. Жажду воли Севастьян никогда не понимал. Хозяин есть опора, и мир без опор не стоит. Капитан без опоры — как разгильдяй Дорофей: богат только тем, что украл. А Ваня, старый речной товарищ, получается, был против хозяев, против того надёжного порядка вещей, при котором Севастьян обладал Стешей.

— Ваня, поди ты от меня, — от души взмолился Севастьян. — Ей-богу, я сегодня убью кого-нибудь.

День выдался хмурый и ветреный. Кама рябила белыми барашками волн. Плотные ельники на крутых берегах посинели, тучи цеплялись за их зубцы и рвались на лохмотья. Казалось, что в такую непогоду все сидят по домам и ничего не может случиться, поэтому Галёво прозевало атаку большевиков. На пристани спохватились лишь тогда, когда с крутояра донёлся тревожный звон церковного колокола, будто в деревне начался пожар. Но это был не пожар, это пономарь оповещал, как мог, что сверху по реке идёт какое-то судно.

Для защиты Галёвской пристани воткинцы переоборудовали «Русло» в бронепароход. В судомастерских отыскалось толстое котельное железо; борта, рубку и колёсные кожухи буксира прикрыли бронёй. На нос вкатили полевую пушку-трёхдюймовку, корму вооружили бомбомётом, на крыше надстройки установили пулемёты Гочкиса. На мачте полоскался красный флаг революции.

— У нас вся власть советам, но без большевиков, — объяснял Дорофею Никита Зыбалов. — А комиссарам место в барже.

Зыбалов имел в виду «баржу смерти», она по-прежнему стояла на рейде.

— Ижевск и Воткинск — наша рабочая республика. Учредилловцы в Самаре и Уфе — нам товарищи, потому что эсеры, а чехи — братья, потому что солдаты.

На заводах мятеж тоже подняли эсеры и солдаты — «Союз фронтовиков». Отбив пристань, мятежники решили организовать флотилию. Орудие нашлось только одно, поэтому флотилия пока ограничилась только буксиром «Русло». Никиту назначили командиром парохода, а Дорофея — капитаном.

— Чебаки, в ружьё! — заорал Зыбалов, выскочив на крышу надстройки.

«Чебаками» называли жителей Воткинского завода.

Буксир отвалил от дебаркадера, вытягивая за собой два пенных следа. В полутёмной рубке Дорофей взволнованно метался за спиной штурвального и выглядывал поверх его плеча в окно — после бронирования оно было маленькое, как в бане. Дорофей готовился к

первому в своей жизни речному бою. А лоцман Федя не знал, что ему делать, и старался просто не мешать.

Грохнуло, и буксир вздрогнул — это выстрелила трёхдюймовка.

К судомастерским Галёво приближался пароход «Соликамск», плавбаза флотилии Пермской Чека. К бортам его были пришвартованы четыре понтона. Допросив капитана «Звениги», Ганька Мясников задумал стремительный рейд на Галёво. Пускай «Урицкий» и «Карл Маркс» выколачивают хлеб в попутных деревнях, а он, Ганька, на быстроходном «Соликамске» домчит до мятежной пристани и высадит десант. Отпора на реке Ганька никак не ожидал.

Вылетев из рубки, он удивлённо смотрел на буксир воткинцев — это был даже не буксир, а целый бронепароход, не хуже, чем у чекистов! И воткинцы стреляли из орудия! Два фонтана взметнулись слева от «Соликамска», и затем всё судно сотряслось от могучего удара в лоб. Снаряд мятежников взорвался в переднем салоне, задрал железный край крыши. Ганька едва не упал. Где-то на второй палубе завопили раненые. Ганька юркнул обратно в рубку.

— Мюнних, отцепляй понтоны! — скомандовал он командиру десанта, мадьяру из числа бывших военнопленных, работавших на Мотовилихе.

— Ишо нэ дойдено, товаришч, — возразил Ференц Мюнних.

— На моторах доберётесь! — отмахнулся Ганька. — Мы взад сдадим, а как ваши возьмут Галёву — возвернёмся! На нашем корыте, блядь, ни пушек, ни брони! Раздолбают нас чебаки — всем конец! Капитан, уводи нас отсюда!..

— Лево руля на полную, — недовольно приказал капитан штурвальному и сунулся лицом в раструб переговорной трубы. — Машина, малый ход!

Зыбалов и Дорофей с надстройки смотрели на «Соликамск», передавая друг другу бинокль. В окулярах мелькали мадьяры в сизой форме, бегущие вдоль борта китайцы, швартовочные тросы понтонов, красные спасательные круги на ограждении галереи, выбитые окна переднего салона. «Соликамск» медленно поворачивал, обращаясь к «Руслу» бортом.

— Артиллерия, сади в бочину комиссарам! — крикнул Зыбалов.

Пушка стреляла. Мадьяры и китайцы прыгали с парохода в понтоны.

— Я же говорил тебе, Михайлов, что большевики — немецкие наёмники. — Зыбалов быстро глянул на Дорофея. — За кого мадьяры воевали? За Германию! За кого нынче воюют? Вот то-то! Потому большевиков мы и попёрли из своих советов! Мы в окопах четыре года сидели, а они мир с кайзером подписали!..

— Никита, кончай митинг! — огрызнулся Дорофей. — Куда идём?
— Понтоны ихние будем носом топить!

Широкая корма «Соликамска», тускло отблёскивающая окнами салона, виднелась уже далеко. Четыре плоских прямоугольных понтона, плотно забитые людьми, ползли поперёк реки, стрекоча слабосильными моторами.

— Бурмакин, пусти-ка меня! — Дорофей в азарте оттолкнул штурвального.

Федя Панафидин смотрел на капитана с горечью и болью: Дорофей, совсем не злой человек, в страсти не замечал роковой черты смертного греха.

На понтонах поняли, что их будут таранить. Мадьяры и китайцы стреляли по громаде парохода из винтовок и пулемётов, словно могли остановить или отпугнуть врага. Пули звонко барабанили по броне; якорь, подвешенный на крамболе, искрил и качался. В ответ с «Русла» трещали пулемёты «чебаков».

Пароход наконец нагнал один из понтонов. Длинный крамбол прошёл над головами мадьяр, а якорь пропахал толпу, словно плуг. Форштевень парохода с лязгом смял тонкий борт понтона. Понтон накренился, будто пароход влезал на него как на льдину; люди повалились в воду. «Русло» резал растопыренный ворох диких человеческих криков, словно давил ногой хворост. Поплывших мадьяр понесло под плицы огромных вращающихся колёс.

Пулемётчики «Русла» из «гочкисов» поливали другие понтоны. Самый дальний из них всё-таки вырвался и тархтел уже на мелководье. Впрочем, его десант был обречён: по берегу к понтону бежали бойцы из судомастерских. Другой понтон выбросил белый флаг: мадьяры махали винтовками, к которым были наскоро привязаны какие-то тряпки. А третий понтон — с китайцами — не сдавался. Он упрямо отстреливался, хотя огонь его всё редел и редел.

— Ну дак и вас сполоснём! — упоённо прорычал Дорофей, перекладывая штурвал, чтобы направить буксир к понтону с

китайцами. — Вот он я!

А непокорный понтон умолк. Пулемётчики «Русла» увидели, что китайцы лежат неподвижной кучей, как рыба в рыбацкой лодке. Вроде бы все они были убиты. Им велели стрелять — они и стреляли до конца, не помышляя о сдаче в плен. Течение подтаскивало судёнышко с мертвецами к бронепароходу. Пулемётчики смотрели сверху, как понтон, продырявленный их очередями, тихо оседает.

Потом волна заплеснула тела, и понтон погрузился в воду.

Федя Панафидин вышел из рубки и озирался. Река была такая же, как всегда, — на ней ведь не оставалось воронок, трупов или кровавых луж. Только ветер, пенные барашки... Но Федя был потрясён той сокрушительной мощью смертоубийства, которая, оказывается, скрывалась в мирном речном буксире.

«Медведь» увёл баржу с реквизированным хлебом в Пермь, «Соликамск» пошёл с десантом на пристань Галёво, а «Лёвшино» застрял у села Частые: на прибрежном мелководье он погнул бугельные тяги левого колеса и вынужден был заняться ремонтом. Тяги сняли и отправили в кузницу. Оставшись без «Соликамска», Жужгов разместил своих бойцов на ночлег в селе, а на судне и мотопонтонах дежурили небольшие караулы. Густую синеву неба заволокли глухие угольно-чёрные тучи, изнутри их порой внезапно озаряли призрачные и дымные отблески молний. Негромко грохотало. Во тьме накрапывал дождь.

Когда борта «Лёвшина» закрыли бронёй, кубрик совсем лишился света — маленьких, размером с тарелку, иллюминаторов. Теперь здесь, как в каземате, всегда горела подвешенная к бимсу керосиновая лампа, озарявшая железные стены, подволок с тенями балок и двухъярусные нары. Никто из команды не мог уснуть, потому что матрос Егорка Минеев, потерявший отца, скулил в своём углу, как щенок. И сочувствие постепенно сменилось раздражением.

— Слушай, заткнись! — сказал Минееву кочегар Сиваков.

— Отцепись от мальчика, — заступился матрос Девяткин. — Горе у него.

— Не хрен мужикам было хлеб зажимать, — угрюмо проворчал Подколзин, помощник машиниста. — Тогда бы и не стреляли по ним.

— А ты бы своё трудовое отдал задарма? — зло спросил матрос Колупаев.

В матросы обычно нанимались крестьяне из бедных, после навигации они расходились по своим деревням, а трюмная команда — кочегары, машинисты и маслёнщики — работали на судах круглый год, как мастеровые на заводах.

— Город голодает, а вы жиреете! — Под грузным Павлухой Челубеевым даже закрипели нары. — Скопидомы!

— Да мой батя к страде уже одни корки размачивал! — тонко и отчаянно закричал со своих нар Минеев. — Я от жира в матросы-то подался?!

— А рабочим, что ли,дохнуть?! — разъярился Подколзин.

— А намдохнуть, да?! — свирепо ответил матрос Краснопёров.

— Сволота комиссарская! — словно выхаркнул Колупаев.

Он вытянул ногу и пнул Подколзина, лежавшего напротив.

— Ах ты сука!.. — взвился Подколзин.

— Чего творишь?! — Сиваков спрыгнул с нар и сгрёб Колупаева за грудки.

Матрос Краснопёров вскочил и молча ударил Сивакова в челюсть.

Матросы, кочегары и машинисты повалились с нар. В каждом накопел гнев — непонятно на кого, но бить можно было только ближнего.

— Господи, братцы!.. — жалобно вскрикивал Митька Ошмарин, маслёнщик. — Да што ж такое-то?! Вы чево?!

Матросы и трюмная команда дрались в тесноте, врезались плечами в углы нар и стойки-пиллерсы. Трещали рвущиеся форменки, мелькали рассажённые кулаки и налитые кровью глаза. Лампа качалась, и по кубрику металась тени. Люди хрипели от ненависти и крыли друг друга матом.

Кубрик находился в трюме парохода, однако ругань и топот донеслись до кают в надстройке. На буксирах в отдельных каютах помещались капитан, старпом, старший машинист и буфетчица с посудницей. Каюта полагалась и лоцманам, однако Нерехтин их не брал — берёг деньги, а каюту отдал боцману Панфёрову. Серёга Зеров оказался в коридоре первым и уже с трапа, ведущего в кубрик, увидел внизу месиво драки. Не раздумывая, он кинулся в трюм.

— Прекратить! — заорал он. — Челубеев!.. Подколзин!.. Зубы вышибу!..

Он вломился в сумятицу побоища, расшвыривая, расталкивая и раздирая озверевших мужиков в разные стороны.

— Не лезь, старпом!.. — крикнул ему кто-то. — Дай подлюку порешить!..

Серёга цапнул буяна за волосы, как утопающего, и швырнул под нары.

Иван Диодорович неподвижно лежал на койке. Разумеется, он слышал шум драки — но слышал и дальние перекаты грозы, и даже тихий плеск волн под бортом. Он не хотел ни во что вмешиваться. Да и что нужно объяснять про голод в городе и про безжалостно

расстрелянных крестьян? Всё тут понятно. Спорить не о чем. А кто продолжает спорить, тот умножает бедствия. И пускай спорщики расквасят друг другу морды. Это расплата за то, что с них со всех спрашивалось, а они даже не попытались подумать и ответить.

В тесном коридоре собрались Панфёров, Прокофьев и Дарья.

— Смертный бой в команде — конечно, дело полюбовное, — желчно заметил боцман Панфёров, — но капитану следовало бы вникнуть...

Осип Саныч Прокофьев, старший механик, был по-домашнему в халате, из-под которого торчали подштанники.

— Нет капитана — значит, так и надобно, — ответил он и вернулся к себе.

А Дарья тихонько приоткрыла дверь в каюту Нерехтина.

Она увидела, что Иван Диодорович не спит. В окне беззвучно полыхнула молния, озарив всю каюту мертвенной белизной. Дарья притворила дверь и молча присела на койку в ногах Нерехтина. Она всё поняла о капитане. Бывает, что и сам господь бог вынужден просто терпеть и ждать.

Катя тоже не осталась в каюте. Она проскользнула по коридору за спиной у Панфёрова, стоящего над трапом в кубрик, и по другому трапу спустилась в машинное отделение. Князь Михаил сейчас был на вахте.

Он сидел на месте Осипа Саныча под переговорной трубой. Керосиновая лампа с прикрученным фитилём еле освещала его лицо и стёкла циферблатов. Машинное отделение от кубрика отгораживала только тонкая переборка, и князь Михаил должен был слышать то, что творилось у команды.

Катя прислонилась к опоре котла.

— Зачем вы пришли, Екатерина Дмитриевна? — спросил князь.

— Знаете, Михаил Александрович, папа говорил, что гражданская война — это экономический класс против экономического класса. Но папа погиб не из-за экономики, а потому что гражданская война — это человек против человека.

Михаил задумчиво посмотрел на Катю.

— Странно... — произнёс он. — Все люди здесь мне чужие. А народ — мой.

В это время Серёга Зеров, распихав буянов по нарам, поднялся из кубрика в коридор, сдвинул с дороги боцмана Панфёрова и сунулся в каюту Нерехтина.

— Дядя Ваня, — сказал он с укоризной, — что с тобой делается-то? Твоя же тут команда, твоё судно... Чего ты защелился под рундук?

— Иди, иди, Серёжа, — мягко спровадила его Дарья.

А в кубрике побитые и растрёпанные мужики лежали по своим нарам, и никто из них не чувствовал смирения или опустошения. Души их ещё горели незавершённым порывом. Тлела лампада под иконой на переборке, тлела какая-то подавленная жажда возмездия — но кому? За что?

Егорка Минеев плакал, уткнувшись лицом в тряпье.

— Иуды вы! — глухо мычал он. — Иуды! Мы всё равно утопим ваш пароход!

Звякнул машинный телеграф, шевельнув стрелкой на медном диске, и голос Нерехтина в переговорной трубе продублировал команду:

— Прокофьев, малый ход. Разворачиваемся на правую швартовку.

— Подколзин, спускай до четырёх, — распорядился Осип Саныч. — Плавно выкручивай, подлец, и так на рывках все шатуны разболтались.

Вдоль бортов вздрогнули на блоках цепи штуртросов, поворачивающих румпель руля. Даже в полутёмной железной утробе парохода удивительным образом можно было ощутить, как судно меняет направление движения.

— Стоп машина! — сказала переговорная труба.

Через некоторое время толчок и гулкое гроыхание кранцев оповестили, что «Лёвшино» сошвартовался с каким-то другим пароходом. Машинистам и кочегарам работы теперь больше не было. А потом над трапом в машинное отделение открылась дверь, и в проём заглянул Сенька Рябухин, пулемётчик.

— Чего надо? — строго спросил Осип Саныч.

— Фицера вашего позови, — ответил Сенька.

Князь Михаил выбрался из трюма наверх. От Кати он всё знал про Сеньку и Якутова, и совестливый парень-красноармеец с его наивным желанием услужить вызывал в Михаиле снисходительную симпатию.

— Там того, Ганька вашу крёстную поймал, — тихо сообщил Сенька.

Князь догадывался, что рано или поздно это случится. И приготовился принять то, что произойдёт. Принять так же спокойно, как он принимал всё, чего не мог или не хотел изменить. Например, любовь к Наташе. Или изгнание из Отечества. Или возвращение домой, когда началась война с Германией. Он знал, что та поездка в фаэтоне из ночной Перми для него будет длиться вечно.

Михаил остановился в проходе, ведущем на палубу, — в тени, чтобы его не было заметно. Рядом с «Лёвшином» возвышалась

громада «Соликамска». На прогулочной галерее многие окна были выбиты, а стены издырявлены пулями.

— Ижевцы все понтоны хлопнули, морду «Соликамску» разворотили, вот Ганька и злой, — бубнил сзади Рябухин. — Как скакнул к нам, сразу на Катерину Митревну и наткнулся. Даже за руку её схватил. Ну, я за вами... Вдруг чего.

Мясников и Катя стояли возле кормовой орудийной полубашни. Рядом с ними оказался Нерехтин — похоже, капитан поспешил Кате на выручку.

— Детям врагов революция не доверяет! — напирал Ганька на Нерехтина.

— Дмитрий Платоныч не был врагом, — хмуро возражал капитан. — Он сам передал Речкому свои пароходы. А Катерина Дмитриевна работает честно.

— Может, мышьяку бойцам в котёл сыпануть хочешь, а? — Большеротый и небритый Ганька осклабился и заговорщицки подмигнул Кате.

— Глупости не говори, — буркнул Ганьке Нерехтин.

Чекисты, сопровождавшие Ганьку, ждали, когда тот отстанет от девки и займётся делом. Жужгова на палубе видно не было. Наверное, он не соизволил сойти к командиру и сидел в своём камышовом кресле на крыше надстройки.

С Ганькой Михаил встречался только один раз, когда приходил на допрос. Запомнил ли его Мясников? Должен был, конечно, однако Михаил уже тогда распознал суть этого человека — самоупоение. На допросе Ганька наслаждался тем, что приговорил Великого князя к смерти, а князь, дурачок, ни о чём и не подозревает. Ганька искал в собеседнике ответ своей значительности. Сам по себе князь Михаил его не интересовал: он ведь покойник, его нет.

Ганька нагло усмехнулся:

— Вот ведь как, мадмазель, жизнь-то вывернула. Была ты дочь мильёнера, а ныне за матроснёй миски моешь. Такая уж диалектика, учись на будущее!

Катя не отвечала, сжимая губы. Она отвела взгляд от физиономии Ганьки — и встретилась глазами с Михаилом. И тотчас вспыхнула.

Зачем Великий князь выбрался из убежища? Ответ Кате был ясен. Она — свидетель Ганькиного провала, и для Ганьки, наверное, это

нестерпимо. Если Ганька арестует её, то князь выдаст себя чекистам, чтобы Катю отпустили.

Михаил молча смотрел на горящее лицо Кати. Похоже, по неопытности сердца Катя решила, что он готов пожертвовать собой ради своих чувств к ней. Милая девушка, она ошибалась. Она сама влюбилась в того, кого спасала, — как люди влюбляются в тех, кому сделали добро. А он только уступал, чтобы не обижать неблагодарностью. Его ждала Наташа, княгиня Брасова, ждал сын Георгий. Михаил никогда не переставал тихо помнить о них. Но сейчас он был в долгу у Якутовых, отца и дочери. А порядочные люди платят долги.

— Лады, капитан. — Ганька панибратски похлопал Нерехтина по плечу. — Вся ответственность за девку — на тебе. Шальнёт — обоих расстреляю.

Михаил понял, что встревожился напрасно. Мясникову приятнее было оставить Катю во флотилии. Дочь знаменитого пароходчика служила Ганьке живым напоминанием о его власти. Власть — вот что тешило душу Мясникова.

Жажду власти Михаил презирал. Мясников, человек из низов, наверное, думал, что власть состоит из почестей и возможностей. Но Михаил побывал у самой вершины и знал, что подлинная власть складывается из неизбывного страха сорваться вниз и подневольных решений, за которые потом стыдно. Власть — это всегда уступка тому царедворцу, который ближе и душит сильнее. А кто они, царедворцы? Интриганы и мошенники, идиоты и мистики, алкоголики и кокаинисты, педерасты и психопаты. И даже лучшие из них, те, кто ещё сохранил разум или совесть, были так изъедены своими грехами и пороками, так повязаны благодетелями, что ничего не могли сделать. Никакого величия власти на самом деле не существовало. И рваться к власти мог только тот, кто в душе раб. Рабам там и вправду было хорошо. Много хозяев, выбирай любого.

Он, Великий князь Михаил, отказался от престола дважды. Второй раз — в марте 1917-го. А первый раз — в октябре 1894-го, в Ливадии, когда умер отец. Мама плакала, не желая, чтобы на трон взошёл Ники, хоть и добродушный, но глупый и безвольный. Мама предчувствовала беду. А ему, Мише, тогда было шестнадцать, и он хотел свободы. Миновало много лет, он и терял, и обретал, но

сохранил отвращение к власти, потому что в жизни либо ты — либо власть.

Довольный собой, Ганька направился к лесенке на крышу надстройки.

— За мной, капитан, — бросил он Нерехтину. — Готовься к рейду на Галёво.

Михаил отодвинулся в тень, едва не натолкнувшись на Сеньку Рябухина.

— Отцепился — вот и слава богу! — бескорыстно радовался Сенька.

Катя почти прошла мимо князя Михаила, но замедлила шаг. Не поднимая головы, она взяла князя за руку своей ледяной рукой и крепко сжала.

Нерехтин разглядывал «Русло» в бинокль: ну и дела, это же «Орёл»! Ему же под семьдесят лет!.. Когда-то «Орёл» считался самым сильным буксиром на Волге — значит, и в России, и капитаном на нём был балтийский шкипер Альфонс Зевеке. Потом Зевеке основал собственное пароходство и перевернул всю жизнь на российских реках; по примеру Американских Штатов он затеял строить двухпалубные пароходы. Свой первый двухпалубник он так и назвал — «Переворот». Два года назад Нерехтин видел заброшенный «Переворот» на берегу в Жуковском затоне. А вот «Орёл» ещё работал, хотя и поменял имя. Но знатока этим не обмануть. Пароходы — они как люди, облик их неповторим, и опытный речник узнает судно даже по дыму, по гудку и по пенному следу.

Потеряв десант, самолюбивый Ганька тотчас отправил против «Русла» бронепароход «Урицкий». «Карла Маркса», ушедшего в Пермь, Ганька решил не ждать: «Урицкий» и сам укротит врага, у него две пушки, а на «Русле» — только одна. Воткинские же «чебаки», похоже, понадеялись развить успех и выслали «Русло» в погоню за побитым «Соликамском», чтобы атаковать флотилию красных врасплох. «Русло» и «Лёвшино» встретились возле трёх заросших тальником островов — Нижнего, Среднего и Верхнего Лемехов.

«Русло» виднелся в створе возле охвостья Нижнего Лемеха: маленький, как щепочка, и с пёрышком дыма. Над Камой в синеве, сияя краями, тихо плыли крутобокие облака, по плоскости реки ползли их прозрачные тени.

— Что делать? — спросил Нерехтин. Его никогда не учили воевать.

Жужгов только что вернулся от артиллеристов носовой полубашни.

— Подойди на версту, — ответил он. — Они из пушки захерачат.

От Севастьяна Михайлова Иван Диодорович знал, что капитаном «Русла» воткинцы поставили Дорофея, Севастьянова младшего брата. У Нерехтина не умещалось в голове: неужели они с Дорофеем будут

убивать друг друга? Они же столько раз выпивали вместе, отмечая водосвятие в начале навигации!

«Русло» первым открыл огонь. То справа, то слева от «Лёвшина» изредка взлетали бурные столбы воды, порой совсем близко — так, что заливало палубу и кожухи колёс. «Лёвшино» закачался. Его орудия тоже принялись палить, и Нерехтин в бинокль рассматривал такие же водяные столбы вокруг «Русла». Над тальником с гомоном взвились перепуганные птицы, гнездившиеся на острове, и по мелким волнам, рассыпая брызги, побежали утята-хлопунцы. Перестрелка казалась неопасной забавой, будто детишки бросают камни.

И вдруг махину буксира сотряс чудовищный стальной удар. Перед рубкой полыхнуло, по бронеовой обшивке залязгало, а затем Иван Диодорович увидел, что угол надстройки разворочен снарядом и курится дымком. Возле орудия валялся и орал раненый артиллерист. Передний пулемётный барбет был смят, бойцы в нём исчезли, а «льюис» на вертлюге задрал ствол к небу.

И капитан Нерехтин словно прозрел. Бой — он по-настоящему, как по-настоящему эти вот еловые берега и чёрная коряга на отмели. И Дорофей — не дурак, потому что его судно идёт на врага носом, сокращая площадь обстрела. И лоцман у Дорофея — мастер, потому что ловко использует ложбину переката. И на «Русле» — канониры с Германской войны, а не мотовилихинские рабочие, которые умеют стрелять, но не умеют целиться. В прежние годы в Мотовилихе каждую пятницу испытывали изготовленные орудийные стволы, бабахая с заводского двора через Каму по заречному полигону; в эти часы прекращалось любое судоходство. Нерехтин понял, что «Русло» сильнее, чем «Лёвшино».

— Уступи-ка мне. — Иван Диодорович отстранил штурвального Дудкина. — Сбегай вниз, уведи Катерину в машинное... И Дарью тоже, — добавил он.

В том, что боцман и старпом укроют команду, Нерехтин не сомневался, но подстраховаться не мешало.

— Обделался, да? — Жужгов с презрением хмыкнул в чёрные усы.

Нерехтин переложил руль, чтобы «Лёвшино» шёл ближе к острову. Если снаряд пройдёт борт ниже ватерлинии, можно будет выброситься на мель.

Старпом Серёга Зеров сам догадался, что баб надо спрятать в машинном. Он сунулся в каюту Кати и Дарьи:

— Девоньки, живо собирайтесь в трюм! Захватите подстилки!

В машинном отделении на Серёгу строго поглядел Осип Саныч.

— Не положено посторонним! — попробовал возразить он.

— Осип Саныч, по нас из пушек садят! За машиной бабам надёжнее!

Серёга пристроил Дарью и Катю в закутке за шевелящейся и лязгающей громадой агрегата. Керосиновые лампы освещали что-то непонятное. Стлань, под которой плескалась вода с мазутными комьями, Дарья закинула рогожей.

— Приткнись, Катюшка, — сказала она. — И не бойся. Мужики справятся.

Катю трясло от напряжения. Глазами она искала князя Михаила, но не могла отличить его от других мелькающих в полутьме кочегаров и механиков. Низкое помещение было наполнено шумом работающей паровой машины, словно здесь сопело и клацало зубами, обжираясь, какое-то железное чудище.

Откуда-то появился Митька Ошмарин с маслёнкой.

— Да как же это?! — воскликнул он. — Мне же к маховику надо пролазить!

— Подвинемся мы, не скули, — сварливо ответила Дарья.

И тут в машинное отделение, гремя башмаками по ступеням трапа, сверху гурьбой внезапно посыпались матросы — друг за другом шесть человек. В руках они сжимали разводные ключи, молотки, вымбовки и болторезы.

— Куда вы?! — гневно вскинулся Осип Саныч, блистая стёклышками очков.

— Конец твоему корыту! — истерично закричал Егорка Минеев.

Матросы не забыли недавней драки с трюмной командой, не простили машинистам и кочегарам их равнодушия к страданию крестьян. Матросы жаждали возмездия. Лучшим возмездием был бы разгром парохода, и сейчас, в сражении, для разгрома подвернулся самый удачный момент. Пускай судно заглохнет, затонет или попадёт в плен к «чебакам», не жалко! Если трюмной команде матросы не братья, то и матросам трюмные — враги! И пароход — враг! — Долбай у них всё! — завопил матрос Колупаев.

Удары тяжёлых слесарных инструментов обрушились на паропроводы и вентили котла, на рычаги и шатуны машины. На палубе парохода грохотали пушки, а в трюме звенело и лязгало железо, матом орали обозлённые люди: матросы били трюмных и ломали агрегаты. Осипа Саныча смели со скамейки. В кривоугольной тесноте отсеков люди кидались друг на друга, карабкались куда-то, осатанело колотили по чугунным клапанам с крышками на болтах, по литым поршневым цилиндрам, по кранам, по замасленным тягам, по осям и шестерням. Но котёл и машина продолжали бесчувственно работать — матросы не знали, как их остановить.

В узком закутке у заржавленного борта тётя Даша крепко обхватила Катю мягкими и тёплыми руками и прикрыла собою.

«Русло» и «Лёвшино» сблизилась на полверсты, и застучали пулемёты. В барбете на левом колёсном кожухе «Лёвшина» пожилой пулемётчик в рабочей тужурке приник к прикладу; рубчатый барабан «льюиса» вращался, летели гильзы, ствол пулемёта дрожал в хомуте, закреплённом на вертлюге. Сенька Рябухин, второй номер, стоял на коленях рядом со стрелком и прижимал к груди запасной диск. Грохочущие очереди с «Русла» опрометью колотили по броне барбета и рубки «Лёвшина», по скулам артиллерийских полубашен.

Нерехтин в это время разворачивал пароход, чтобы уйти в протоку между островами. Он без подсказки сообразил: если «чебаки» захотят вести огонь через остров, Дорофею придётся расположить своё судно по оси фарватера, иначе течение снесёт «Русло» на Нижний Лемех; подставив борт и гребное колесо, буксир Дорофея станет более уязвим для пушек «Лёвшина».

Иван Диодорович не испытывал злобы на Дорофея; его не изумляло, что старый приятель оказался смертельным врагом, хотя они не ссорились. Иван Диодорович уже понял: в бою нет хороших и плохих, нет правых и виноватых, а есть одно только желание уничтожить противника. Жалость, недоумение или раскаянье — всё это не для боя. Война не нуждалась в горьком опыте жизни. А человек не имеет ничего, кроме опыта. Опыт созидает душу. И таким, какой он нужен для войны, Иван Диодорович был сам себе чужим, как вор.

В левой стене рубки железная дверь внезапно распахнулась, и появился Сенька Рябухин. Он почти рыдал, не в силах совладать с потрясением:

— Михалыча... Михалыча посекло!..

Жужгов деревянно шагнул к Сеньке, шевели чёрными усами, и врезал ему в скулу кулаком. Сенька отлетел назад.

— Ну дак один стреляй! — рывкнул Жужгов и захлопнул дверь.

Нерехтин стискивал штурвал, цепко удерживая взглядом полосатый клин створного знака на Нижнем Лемехе. Вдруг он почувствовал ногами мощный толчок всего судна. Это не было ударом снаряда. Нерехтин быстро посмотрел назад, в окошко на тыльной

стороне рубки. Из дымовой трубы, пронзая чёрные выхлопы, бил высокий светлый столб раскалённого пара. Так случилось, когда срывало предохранительные клапаны. Но в переднее окно Иван Диодорович увидел, как белёсый пар густыми тучами повалил из проходов надстройки горловин дефлекторов. Это означало, что на «Лёвшине» взорвался котёл.

Нерехтин сунулся лицом в переговорный раструб:

— Прокофьев, доложи!..

В ответ он услышал урчанье и вопли. Впрочем, всё было понятно: колёса «Лёвшина» замедлились и замерли. Под огнём врага буксир лишился хода.

Однако Иван Диодорович ошибался: котёл на «Лёвшине» был цел, просто кто-то из матросов сдуру ударил тяжёлой железякой по непонятым трубам и вышиб один из паропроводов. В дерущихся хлестнула свистящая струя перегретого пара. Обожжённые люди заорали, заметались, уклоняясь от раскалённой плети; им стало уже не до драки. Кто-то бешено ломанулся вверх по трапу, кто-то упал на карачки, очумело выползая прочь из давки. Тесное машинное отделение быстро заполнилось горячим и мокрым туманом. Осип Саныч, расталкивая ничего не соображающих матросов и кочегаров, вслепую бросился к щиту управления, нашарил торчащие рукоятки и открыл клапан, сбрасывая в котле давление, чтобы ослабить напор клокочущей струи.

— Поганцы! — тонко кричал он. — Убью за машину!..

Для Осипа Саныча машина была священной.

Перед Дарьей и Катей из жаркой мути вынырнул князь Михаил.

— Я выведу!.. — прохрипел он, хватая Катю за руку.

Казалось, что от зноя кожа слезает со скул, будто варёная капуста.

— Дарья, возьмитесь за Катю! — приказал Михаил.

В рубке Иван Диодорович выкрутил штурвал на максимальный угол руля, чтобы иссякающая инерция хоть немного направила судно к острову.

— Хода больше нет, — сообщил Нерехтин Жужгову.

Жужгов тупо молчал. Он не знал, что теперь требуется делать. Он открыл дверь и выглянул, словно бы снаружи ему было понятнее.

«Русло» находился уже гораздо ближе. На нём и без бинокля можно было видеть бегающих человечков, буквы названия на передней

стене рубки и колечки спасательных кругов. Кормовое орудие «Лёвшина» гулко рывкнуло, тряхнув пароход. Оба уцелевших пулемёта на кожухах колёс били короткими очередями. Сенька Рябухин по бабьи приседал при стрельбе и повизгивал. Заметив Жужгова, он злобно ощерился, будто боялся, что тот снова его ударит.

Из проходов надстройки на палубу, на воздух, выскакивали ошпаренные люди — матросы, кочегары и механики. Жужгов глядел на них сверху.

Князь Михаил пропустил вперёд и Катю, и Дарью. Пошатываясь, они добрались до фальшборта и вцепились в планширь. Михаил вытер ладонью горячую воду с лица. Кате казалось, что она вырвалась из ада, кипящего всем своим объёмом, огненного и железного, где в глухой мгле кричат и беснуются обезумевшие люди. Вокруг был простор, овевающий блаженной свежестью реки. Катя не могла надышаться. Она подняла лицо к небу — и натолкнулась взглядом на Жужгова, стоявшего перед рубкой на крыше надстройки.

Жужгов легко узнал Великого князя, однако не испытал ни удивления, ни гнева: это было слишком сложно для него. Он не руководил своей судьбой, и её переплетения были ненужным знанием, вызывающим только досаду, как болтовня инженеров или комиссаров. Жужгов молча нашарил кобуру на бедре и вытащил наган. Надо доделать то, что не было доделано июньской ночью два месяца назад. Всё просто: ему приказали — он исполнил, пусть и не сразу.

Жужгов вытянул руку с наганом, а Катя без размышлений подалась назад и заслонила собой князя Михаила, защищая то, что обрела.

Катю, князя и Жужгова из своего барбета видел и Сенька Рябухин. И он тоже не стал размышлять: а что тут непонятно? Катерина Митревна — хорошая барышня, Жужгов — зверина, и щас в неё пульнёт, а солдаты воюют за хороших против плохих. Сенька крутанул «льюис» на вертлюге и нажал гашетку. Короткая очередь туго ударила в спину Жужгова, как в мешок с песком. От толчка Жужгов нелепо шагнул вперёд и свалился с края крыши.

В этот момент махина парохода ткнулась носом в отмель и вздрогнула. Под форштевнем закрипела зернистая дресва. Пароход остановился.

Иван Диодорович не обратил внимания на исчезновение Жужгова. Ну, сбросило того рывком судна — и хрен с ним. Важно было другое. Буксир залез носом на мель, будто зацепился челюстью, и двигаться больше уже не мог. Огромное судно вытянулось на приплёске возле острова как дохлая рыбина — отличная мишень для противника. А «Русло» был совсем близко.

Однако в картине боя что-то изменилось. «Русло» почему-то вдруг начал забирать влево, всё уверенней и уверенней, и наконец стало ясно, что Дорофей уводит свой пароход в протоку, разделяющую Нижний и Средний Лемехи. Громада «Русла» неспешно и точно вошла в проём между островами и скрылась за космами тальника.

Фарватер опустел. Перед «Лёвшином» ветер колыхал над рекой только сизые слои мазутного дыма; их с криками дырявили чайки, словно хотели убедиться, что река освободилась от грохочущих чудищ. «Русло» зачем-то осторожно заполз в малую воложку и теперь был отгорожен от «Лёвшина» зелёной грядой острова.

Иван Диодорович обернулся и понял причину такого странного манёвра противника. Выше по течению в светлом створе, над которым плыли облака, темнел другой пароход. Это «Медведь» торопился на выручку товарищу.

— Уделали Диодорыча, пушай лапти сушит! Вот он я! — Ликуя, Дорофей мотался по рубке и хлопал по спинам штурвального Бурмакина и лоцмана Федю. — Давай, Федюня, не подведи, мне ещё братца своего умыть надобно!

Дорофей решил обойти остров Средний Лемех по воложке и затаиться в протоке. «Лёвшино» и «Русло» уже изрядно задымили весь плёс, и Дорофей надеялся, что Севастьян не заметит засаду между островами. «Медведь», конечно, устремится к «Лёвшину» — и подставит борт под пушку с «Русла».

После лихой расправы с десантом «Соликамска» война казалась Дорофеею потехой, хоть и смертоубийственной. Схватка с «Лёвшином» подтвердила его мнение: орудия красных безбожно мазали, а пулемёты не пробивали броню. Дорофей знал свою планиду. У него либо всё — фарт, деньги, бабы, водка, либо ничего. С «чебаками» получалось «всё», и душа у Дорофея развернулась.

Отколупнув дверку ногой, в рубку пролез пожилой матрос Перчаткин, бывший шулер. В обеих руках он держал по стакану чая в подстаканниках.

— Самовар закипел, — пояснил он. — Мария велела вам снести.

Перчаткин был таким бестолковым и безответным, что его шпыняли все, кому не лень. Ему спихивали самую бросовую работу — драить палубу, мыть посуду, стирать бельё или бегать с поручениями.

— А мне чайку? — нагло спросил штурвальный Бурмакин.

— У меня только две руки! — виновато ответил Перчаткин.

— Сгинь, — властно шевельнул бровью Дорофей.

Никита Зыбалов, командир парохода, узнал от пленных мадьяр, что у большевиков на Каме имеются два бронированных буксира. Один из них — «Медведь» — угрёб в Пермь с баржей, а другой — «Лёвшино» — ошивается где-то возле Осы. Дорофей загорелся желанием сразиться с красными и утопить их суда поодиночке, чтобы снять с Галёво угрозу новых нападений. Он легко убедил Зыбалова отправиться в боевой рейд вверх по реке. Команда «Русла» состояла из добровольцев. Мятежные «рябинники» и «чебаки» не принуждали

работать на себя, как делали красные, и даже пообещали жалованье. А вот Федю Зыбалов не отпустил. Вернее, не отдал ему икону Николы Якорника.

— Мы — люди православные, — сказал он. — Мы на фронте в штыковые под хоругвями бежали. А тут такой защитник! Не отдам, и всё. Катись к псам.

И Федя застрял на «Русле». Он не мог явиться домой без образа.

— Верхняя протока до осени мелкая, — возражал Федя на план Дорофея.

— Да мы на пузе проползём, Федюнечка!

— Я как есть говорю! — рассердился Федя. — Чего вы меня убалтываете?

Но Дорофею опять выпал фарт: глубины в протоке хватило.

На первый взгляд пароходы двигались неспешно — вёрст пятнадцать в час, и в то же время это было быстро, потому что каждый миг пароход менял своё положение, стоило только отвести глаза. В проёме протоки прямо перед носом противника «Медведь» опрометчиво выехал сразу всей своей длиной: крамбол с якорем, форштевень, орудийная полубашня, надстройка с барбетами, рубка, колёсный кожух, дымовая труба, дефлекторы, другая орудийная полубашня, кормовой подзор... Пушка «Русла» звонко выстрелила.

Снаряд пробил борт «Медведя», вмяв броню, и взорвался где-то в трюме.

— А вот тебе гостинец, Севастьян! — торжествующе прорычал Дорофей. — Поучи ещё меня, как жить-то надобно!

Сделать второй выстрел «Русло» не успел — «Медведь» уже ускользнул.

— Полный пар! — крикнул Дорофей в переговорную трубу. — Митрофан, на ходовую и сразу право руля!

«Русло» двинулся из протоки на реку. Замысел Дорофея был прост и очевиден своей правильностью: подраненный «Медведь» начнёт разворот, чтобы иметь возможность манёвра против течения, а «Русло» уже выйдет на фарватер, и «Медведь» снова будет обращён к нему уязвимым бортом.

— Хитёр, — одобрил Дорофея Никита Зыбалов.

— Столько лет на реках отмотыжил — и вот он я! Отдай бинокль!

Дорофей ринулся из рубки и в двери столкнулся с Яшкой Перчаткиным.

— Дак стаканы забрать... — пробормотал тот, словно лакей в трактире.

Дорофей отпихнул его с дороги.

Всё получилось так, как Дорофей и рассчитывал. Севастьян разворачивал свой пароход, оставляя на реке изогнутый пенный след. И Дорофея колотило изнутри от возбуждения и злорадства, бинокль дрожал в его руках. Севастьян столько лет попрекал младшего брата за пьянство и буйство, за бездумную широту натуры. Столько лет семье Дорофея Севастьян был кормильцем даже больше, чем сам Дорофей. И Стешу он по стежочку тихонечко приштопал к своим застиранным порткам. Севастьян всегда был ожесточённо покорным жизни — и тусклым даже в грехе. От таких людей в народе цинга. И сейчас Дорофей оплатит братцу — утопит его посудину. А на-ка выкуси, апостол!

В бинокль Дорофей видел Севастьяна — тот выбрался из рубки и тоже смотрел на «Русло» в бинокль. А потом указал рукой куда-то вниз и на корму. Дорофей послушно сместил окуляры. На корме «Медведя» возле борта стояла Стеша. Какой-то матрос вытащил её из кубрика и держал за локоть. Ветер трепал её платок. Лицо у Стешы побелело. Она понимала: братья-капитаны делят её как добычу. Старший брат прикрылся ею, потому что хочет раздавить младшего брата, и младший с такой же ненавистью хочет раздавить старшего.

А у Дорофея душа словно лопнула. Он забыл и о победе, и о Севастьяне. Стеша — под прицелом пушки его парохода!.. И Дорофей кинулся в рубку.

— Стоп машина! — крикнул он в переговорную трубу.

— Ты чего?! — опешил Зыбалов, но Дорофей уже вылетел наружу.

Махая руками, он по трапу скатился с надстройки на палубу.

— Отставить! — заорал он артиллеристам.

Он попытался выхватить снаряд у заряжающего.

— Взбесился, что ли? — отбрыкиваясь, в ответ заорал артиллерист.

Расталкивая канониров, Дорофей набросился на орудие, лихорадочно дёргая за рукоять затвора, затем вцепился в станок,

пытаясь повернуть пушку. Артиллеристы схватили его за плечи, и он, не раздумывая, ударил кого-то в лицо. Его тоже ударили, потом ещё раз, потом отодрали от орудия и швырнули на палубу. Фуражка Дорофея покатила к фальшборту. Но дюжего капитана не так легко было утихомирить. Дорофей вскочил, сжимая кулаки, — кудлатый, рослый и дикий, и тогда артиллеристы начали бить его всерьёз — беспощадно и злобно; они снова повалили Дорофея и принялись пинать, чтобы не мешал.

— Господи, помилуй! — в рубке прошептал Федя Панафидин. Он всё видел в окно.

— Вот ведь вражина-то! — изумлённо сказал рядом Зыбалов.

Дорофей корчился на палубе и кашлял: изуродованное лицо его залило кровью, ему сломали рёбра и руку. А пушка стреляла по «Медведю».

Это было уничтожение прямой наводкой. С такого расстояния не спасала никакая броня. Один снаряд контузил носовую полубашню «Медведя», и та замолкла, подняв ствол. Другой снаряд разворотил колёсный кожух — из-под обноса поплыли щепки от плиц. Несколько снарядов продырявили борт, выгнув стальные листы бронепояса. Пробитая труба чадила боком. Наконец снаряд взорвался прямо в рубке — развалил её и перекосил, будто утлый короб из бересты. Окутанный тучей пара и гари, «Медведь» был безнадежно мёртв: рулевого управления нет, левое колесо повреждено, капитан убит, и в трюм через пробоины хлещет вода. Накренившись, «Медведь» бессильно плыл по течению — полуразрушенный, дымящийся, уродливый ворох железа. Еловые берега, будто контуженные канонадой, тихо гудели угасающим эхом.

— Никита, снаряды кончились! — крикнули от пушки Зыбалову.

Ещё готовый к схватке, ещё не остывший, «Русло» медленно обогнул безмолвного «Медведя», по которому карабкались уцелевшие люди, а потом так же медленно прошёл и мимо «Лёвшина», лежащего на мели возле острова. С «Лёвшина» не стреляли, словно не хотели злить победителя. Вся команда «Лёвшина» попряталась. Пулемётчики «Русла» в назидание пробарабанили по пустым палубам и надстройкам поверженного противника из «гочкисов», и затем «Русло» дал полный ход, устремляясь вниз по течению.

— Дозвольте мне к Дорофею... — робко попросил Федя у Зыбалова.

— Стой где должен! — свирепо ответил Зыбалов.

А брошенный всеми Дорофей, хрипя, пополз по доскам палубы от пушки к борту, чтобы увидеть, как вдали тонет пароход его брата.

К вечеру машину и паропроводы отремонтировали, а котлы разогрели. Ожесточённо работая колёсами в обратную сторону, «Лёвшино» сам сумел сняться с мели. Иван Диодорович решил идти в Елово, ближайшее волостное село, — искать фельдшера для раненых и ночлег.

Закат словно выгорел вхолостую, отливая холодной бронзой.

Протяжный створ окрасился тоскливой лешачьей синевой. Тёмные и плотные леса тихо вскипали белёсым туманом. «Лёвшино» остановился возле полузатонувшего «Медведя»: из воды торчала дырявая труба, искорёженный угол надстройки, макушка орудийной полубашни и чёрный остов рубки. Люди, сидевшие на «Медведе», замёрзли и пали духом. Им перебросили сходню. Дарья обняла дрожащую Стешу и увела в камбуз отогреться. Нерехтин знал Стешу, но не спустился к ней из рубки: Дарья сама скажет все нужные слова.

Вид погибшего буксира вызвал у Кати странное изумление. Убить человека из ружья не трудно, а для уничтожения парохода — существа очень сильного и большого — требуется невероятный запас ненависти. Как ей, Кате, пробиваться сквозь эту могучую, смертоносную и беспощадную стихию?

Сзади подошёл Сенька Рябухин.

— Вы меня простите, ради бога, Катерина Митревна... — промямлил он.

— За что, Сеня? — удивилась Катя.

— Ну, за Жужгова... Он бы в вас пальнул, это как пить дать!.. Авось меня тогда никто не видел... Ежели заарестуют меня, то вы не бойтесь, я не скажу, что за вас его кокнул... Отвечу, что обиделся, он же мне по зубам дал.

Катя молча потянулась к Сеньке, пригнула его за шею и поцеловала в губы. Этот поцелуй она готовила для князя Михаила, но Рябухин заслужил.

Пароход шёл по реке, в его утробе привычно стучала машина, и будто бы сегодня ничего не случилось, хотя в тени носовой полубашни

лежали семь тел, прикрытых рогожами. Иван Диодорович глядел на Каму, под луной она дымно отсвечивала зеленью в глубине. Разгром словно освободил душу Нерехтина от того напряжения, которое требовалось для победы, чужой ему и ненужной.

В рубку сунулся Серёга Зеров:

— Капитан, у нас разговор. Тебя ждём.

Команда, кто не на вахте, собралась на корме. Не хватало только матроса Скрягина и кочегара Сивакова — их убили. Даже Осип Саныч, обмотанный бинтами, вопреки своему правилу в этот раз доверил машину помощнику — князю Михаилу. Четверо матросов — Егорка Минеев, Девяткин, Колупаев и Краснопёров — сидели кучей на ящике с тросами как подсудимые.

— Натворили вы дел, — сказал им Серёга. — Нас в бою без хода оставили, а «Медведь» без нашей помощи погиб. Столько народу смерть приняло.

— Машину сломать — как в лоб себе стрельнуть, — добавил Осип Саныч.

Матросы угрюмо молчали, хотя было ясно, что вины они не чувствуют.

— Ваше крестьянское неудовольствие мы премного понимаем, — важно произнёс боцман Панфёров, — однако же вы всю команду под пушки подвели.

— Неудовольствие?! — тотчас распрямился Егорка Минеев. — Батю моего убили — это неудовольствие, да?!

— Не цепляйся за слова! — рявкнул Серёга.

— У меня дома трое с открытыми ртами! — Павлуха Челубеев от гнева затрясся своим большим телом. — А ежели бы их батю убили?

— Ох, беда-то, беда!.. — маялся в общем сострадании Митька Ошмарин.

— Не мы начали, — глухо обронил матрос Колупаев.

— И не мы! — с угрозой возразил машинист Подколзин.

— Короче, капитан решит, что с вами делать, — заявил Зеров.

— А что с нами сделать можно? — ощетинился матрос Краснопёров.

— Вы саботажники. — Панфёрову нравилось говорить неприятную правду. — Сдадим вас большевикам, и получите по заслугам.

— Дак их же расстреляют! — в ужасе охнул Ошмарин.

Панфёров пожал плечами: а куда деваться?

Иван Диодорович смотрел на лица своей команды — еле различимые под луной, словно бы на корме парохода собрались заговорщики. Не было сейчас ни справедливости для всех, ни милосердия для всех. Но была воля капитана. Если, конечно, он сам согласен быть капитаном.

— Заткнитесь-ка, — приказал Нерехтин и дождался тишины. — Никого я большевикам не сдам. Что случилось — то случилось. Святых среди нас нет, а карать я никого не намерен. Или примите это, или проваливайте с борта.

Команда молчала, поражённая словами Ивана Диодоровича.

— И без всякого воздаяния, капитан? — въедливо переспросил Панфёров.

— Без всякого.

Команда не знала, как относиться к этому. Осип Саныч задумчиво кивнул. Челубеев затряс брюхом. Митька Ошмарин перекрестился на луну.

— Всё, всё! — хлопотал Зеров, расталкивая людей. — Шуруй в кубрик!

Серёга испытывал огромное облегчение: никого не пришлось обречь на расправу, и капитан — как в былые дни капитан. Правда — за ним, а не за богом. Иначе и не было бы никаких пароходов.

Иван Диодорович развернулся и пошагал к трапу, ведущему в рубку. Он не сомневался в своём решении, хотя почему-то ему было горько. Однако дело капитана — спасти судно и команду, а судит пусть кто-то другой.

Машина стучала, колёса с шумом загребали остывающую воду, ползли смутные берега, и луна высвечивала протяжные линии узких облаков.

А «Русло» в эту ночь вернулся в Галёво, но сначала пришвартовался к «барже смерти», по-прежнему чернеющей на рейде возле пристани. На баржу перекинули трап, и два бойца перетасили избитого Дорофея.

— Никита Семёныч, — Федя Панафидин взял командира за рукав, — может, не надо? Он же не враг вам, Дорофей-то Петрович!.. Ну, сдурил, шлея под хвост попала... Умысла-то никакого он не таил!..

— Не нуди! — отрезал Зыбалов.

Караульные на барже открыли большой люк и столкнули Дорофея вниз.

Дорофей, споткнувшись, скатился по лестнице и упал на затоптанную, загаженную стлань. Люк захлопнулся. В трюме баржи нечем было дышать от смрада. Спящие люди храпели, стонали, бормотали в тяжком забытии.

Какой-то человек склонился над Дорофеем и перевернул его на спину. Дорофей ничего не соображал. В его размытом сознании всё плыл и плыл борт парохода, и на борту стояла пленная Стеша, и ветер трепал концы её платка, но стреляла и стреляла пушка, и пароход со Стешей тонул и тонул в реке.

— Вот и ты сюда попал, — просипел человек, перевернувший Дорофея.

Это был Ваня Седельников, недавний сарапульский военком, — страшно исхудавший, обросший, одетый в грязное рваньё. У Вани воспалились глаза, по волосам ползали вши, он казался мертвецом — да и был мертвецом.

— Не прощу тебя, падаль! — беззвучно заплакал Ваня.

Он сжал костлявыми пальцами горло Дорофея и держал, наваливаясь последней тяжестью истощённого тела, пока Дорофей не перестал ворочаться и не затих, скосив вытаращенные глаза куда-то в сторону, словно оттуда кто-то шептал ему, что ещё не всё потеряно.

Часть четвёртая
ОТНЯТЬ

Жарило солнце, и тёплая волжская вода нехотя пошевеливала мутно-жёлтым приплёском. Разномастные дебаркадеры вытянулись на три версты от устья речки Казанки до бурого Бакалдинского яра. Замусоренный берег, как всегда на пристанях, загромождали амбары, склады, штабеля брёвен, дощатые эстакады и караулки. Всюду слонялись похмельные босяки, артели грузчиков сидели у костерков в напрасном ожидании работы. Ляля ехала под зонтиком в коляске по булыжной мостовой. Мимо продребезжал вагон трамвая.

— Ищешь кого, барышня? — обернулся извозчик. — Могу мальчишек свистнуть, они тут всех знают, зараз найдут любого.

— Это лишнее, — отказалась Ляля.

У дебаркадеров были пришвартованы в основном пассажирские суда, не нужные сейчас никому. Ляля заметила старого знакомого — «Фельдмаршала Суворова»; она еле удержалась, чтобы из озорства не помахать кому-нибудь на борту. Впрочем, здесь, на пристанях, Ляля высматривала вооружённые буксиры. Вот они, враги: «Орёл», огромный «Редедя», «Милютин», «Труд» с четырьмя орудиями, «Коммерсант» и «Вульф», флагманский бронепароход белых. Ляля вспомнила, как «Вульф» издали палил по их «Межени»...

«Межень» драпанула с рейда, когда увидела флотилию учредиловцев из полутора десятка судов. Отогнав «Межень», флотилия заняла все пристани и высадила десант — несколько батальонов белочехов. Посёлок Дальнее Устье, где располагались пристани, отстоял от Казани на семь вёрст. Из города на Дальнее Устье покатались трамваи, забитые красноармейцами, а в это время в Казань с тыла ворвался отряд подполковника Каппеля. Латышские стрелки — всегда непобедимые — не смогли защитить даже кремль с его ступенчатыми стенами и шатровыми башнями. Бойцы гарнизона порскнули из города как тараканы, выкидывая винтовки в придорожные канавы. На пристанях же чехи встретили атакующих красноармейцев огнём пулемётов. И сербская дружина, главная ударная сила большевиков, бросила красное знамя; с криками «На нож!» она повернула штыки против своих. Начался разгром.

— Езжай в город, дядя, — по-матросски приказала Ляля извозчику.

Коляска покачивалась на рессорах. Ляля смотрела по сторонам на убогие предместья и думала о себе. Вернувшись во флотилию, она учредила при штабе отдел конной разведки и назначила себя его комиссаром. Это выглядело очень выразительно — лихая амазонка-разведчица! Ляля подобрала статного гнедого коня и назвала его Красавчиком. Здесь, в Казани, она находилась на задании, хотя разведывать было нечего: всё и так известно от перебежчиков. Но Ляле очень хотелось произвести впечатление на Троцкого, который сидел в Свияжске. Напрасно Лев Давидович считает её литературной неженкой.

Политотдел рассказывал бойцам и военморам о белом терроре в Казани, однако на деле террора не было. Да, учредилорцы расстреляли руководителей Советов, загнали в тюрьмы советских работников, но на улицах никого не хватало, и даже чешские патрули встречались редко. Видимо, Каппель был гуманным офицером: на всех столбах в Казани висели призывы к бывшим красноармейцам вступать в армию КОМУЧа, не боясь мести. А сам Каппель пропадавал на передовой у своих солдат и в город наведывался нечасто.

Казань легко стряхнула с себя большевистские порядки. Исчезли лозунги, витрины пассажей освободились от досок, открылись рестораны, запахло выпечкой, откуда-то появились извозчики, лоточники, господа в сюртуках и барышни в шляпках. Ляле это было даже обидно: они, большевики, так рьяно разрушали буржуазный быт, но ничего не разрушили. Впрочем, сейчас Ляле он нравился. Она соскучилась по этим милым старым нравам. Ей надоело, что не с кем поговорить о Шатобриане и Бодлере. Хотелось эклеров и яйцо пашот. Сейчас за ней никто не наблюдал, и она могла немного побыть собой прежней.

Коляска наконец вывернула на Большую Проломную — пожалуй, главную улицу Казани. Ляля подумала, что Казань похожа на мавританский Петербург: она по-имперски самодовольна, но слегка криклива от пышного декора, ярких красок, башенок и балконов, карнизов и пилястров, разлапистых растений в кадках под навесами кофеен. Переливчатой песней муэдзина в воздухе плыл нежный звон колоколов Зилантова монастыря за рекой. Большая Проломная

напоминала Невский: брусчатка, трамваи, афишные тумбы, магазины мод, фонари и телеграфные столбы, экипажи и авто, вывески, чистая публика.

Ляля сложила зонтик и похлопала извозчика по плечу:

— Останови, я сойду.

Она решила прогуляться до своей гостиницы пешком. Почему бы и нет? Она ничем не отличается от местных барышень: на ней хорошее английское платье и жакет от мадам Штольц, московской модистки. Всё это — вместе с шарфом, зонтиком, башмачками и шляпкой — Ляля привезла с собой из дома в Нижний Новгород, где формировалась флотилия. Нижний — совсем не дыра.

Наслаждаясь собственной артистичностью, Ляля неторопливо шла по улице с надменным и отчуждённым видом столичной аристократки. Стальной кончик зонтика цокал по тротуару. Обыватели, миновав Лялю, оглядывались — Ляля это чувствовала. На шпалерах тесно составленных фигурных фасадов от солнца словно трепетали арки и лепнина — так воздух струился от зноя.

Ляля задержалась возле ресторана «Братья Алафузовы», с интересом изучая прейскурант, вывешенный у двери в рамочке. Бедный, однако очень изобретательный перечень блюд из волжской рыбы.

— Да, вот и догнали её, — вдруг услышала Ляля.

Она оглянулась. На улице за её спиной стояла пролётка, в которой сидели двое: офицер с комендантской повязкой и пожилой господин в белом кителе речника. Ляля не сразу, но узнала капитана «Фельдмаршала Суворова».

— В чём дело? — с недоумением спросила Ляля, поправляя шляпку.

Кольцо на её пальце стрельнуло голубой искрой алмаза.

— Это та самая девушка, Родион Львович, — утвердительно сказал капитан Фаворский, словно Ляли здесь не было. — Я заметил её ещё на пристанях. Это она командовала красными матросами, что ограбили моё судно.

— Ваше внимание ко мне, господа, бестактно, — холодно заявила Ляля.

Но офицер ей не поверил и выпрыгнул из экипажа.

— Барышня, предъявите документы, — вежливо потребовал он.

А документов у Ляли не имелось.

Особняк парходчицы Настасьи Якутовой «уплотнили» вместе с другими купеческими особняками Большой Печерской улицы. Якутовым, матери и сыну, оставили три комнаты на втором этаже с видом на Кулибинское училище; в другие помещения заселилась всякая мастеровая беднота. Мама очень сердилась, но Алёшке «уплотнение» ничуть не мешало. Во-первых, с народом интереснее.

Во-вторых, он всё равно планировал сбежать из дома.

Поначалу Алёшка думал добраться до Бельгии, до Льежа, и поступить на верфи знаменитого завода «Коккериль». Это же там сконструировали самые лучшие пароходы для товарищества «Самолёт»! В гимназии Алёшка упорно зубрил французский язык. Но мировая война спутала все замыслы: Бельгию захватили немцы. Не работать же на врага! Словом, шиш, а не «Коккериль».

Потом папа объяснил Алёшке, что российское речное судостроение давно превзошло и бельгийское, и даже американское. Сормовский и Коломенский заводы выпускают такие пароходы и теплоходы, какие никому и не снились. А великий инженер Шухов в бюро господина Бари проектирует сумасшедшие технические чудеса! И Алёшка решил, что пробьётся в помощники к Шухову. Шухов должен понять, что без Алёшки ему дальше уже не справиться. Идея была отличная, но существовало препятствие в виде отца. Папа наверняка поймал бы Алёшку в Москве у господина Бари и заставил бы пойти учиться в университет. А туда Алёшка не хотел. Он был убеждён, что и так уже всё знает.

Он сидел на заднем дворе своего дома на лавке и ножом строгал из полена обувную колодку. Бывший кабинет мамы отдали сапожнику Попову с семьёй; колодки у Попова были как под лапти, позор, на таких не заработаешь, и Алёшка взялся помочь. Его точный глаз хвалили даже специалисты Сормова. Из брусков Алёшка ловко вырезал корпуса судомоделей: и морские, с килем, и плоскодонные — для заднеколёсных «коз», для лайнеров, для огромных нефтеналивных барж, придуманных Шуховым и дядей Митей Сироткиным, а однажды изготовил копию галеры «Тверь», что хранилась в эллинге казанской

Адмиралтейской слободы. Сделать сапожные болванки было парой пустяков.

Через калитку во двор вошёл парень, одетый как моряк: клёши, форменка, тельняшка, гюйс, бескозырка, всё по чину. Парень повертел головой.

— Слышь, братец, как мне найти мадам Якутову? — спросил он у Алёшки.

— Тебе зачем? — сразу встопорщился Алёшка.

— Ищу старшего машиниста с её парохода. «Ваня» называется.

Алёшка отлично помнил «Ваню». Этот буксир построили по заказу отца в Саратове на механическом заводе господина Бари. Проект начертил Шухов. Мама назвала судно в честь Алёшкиного братика, умершего в три года.

— Я и есть старший машинист, — решительно заявил Алёшка.

Парень-краснофлотец скептически посмотрел на обувную колодку.

— Сопля ты, а не машинист, — сказал он.

— Сам ты сопля, — ответил Алёшка. — «Ваня» девятьсот пятого года, у него наклонный «компаунд» на пятьсот индикаторных сил и паровой руль.

— Ну ты даёшь! — удивился краснофлотец. — Шуруй тогда со мной! Там у нас твой «Ваня» что-то подыхает на каждой версте. Разобраться надо.

Алёшка подумал: а почему бы и нет? Он встал, засунул нож и обувную заготовку в поленницу и заправил гимназическую рубашку под ремень.

— Пойдём!

Краснофлотца за воротами ожидал извозчик. В перспективе улицы тихо зеленел Архиерейский сад, сквозь его листву поблёскивали купола храмов.

Вдоль трамвайных путей извозчик проехал по Тихоновке и вывернул на Благовещенскую площадь. У Дмитриевской башни кремля стоял броневик.

— Большую флотилию-то насобирали? — спросил Алёшка у краснофлотца.

— Большую, — с удовольствием подтвердил тот. — Восемь канлодок, две плавбатарей и база с аэропланами. Я уж не говорю про

вспомогательные суда.

— Ну-ну, валяйте, — с завистью буркнул Алёшка.

Военную флотилию вооружали в Кунавинской слободе за Окой. Алёшка не раз мотался туда посмотреть, как из буксиров делают канонерки. Здорово, конечно, вот только ему, барчуку, на канонерку не попасть. На всех афишных тумбах Нижнего Новгорода пестрели призывы записываться во флотилию, но в листовках было твёрдо указано: «От желающих поступить в отряд требуется признание платформы советской власти. Прочим просьба не беспокоиться». Алёшка не то чтобы не признавал советской власти — просто она казалась ему дурацкой. Папа сто раз объяснял, что речной флот в России порождён частной собственностью. Национализировать пароходы — это как национализировать самовары. Глупость. Воспоминание о папе опять откликнулось болью.

Смерть отца обострила Алёшкино желание сбежать. В доме поселилось горе, мама закрылась в комнате и плакала. Находиться рядом с ней Алёшке было невыносимо. За мамой ухаживала крёстная — тётя Соня. Алёшка был предоставлен самому себе. Он очень любил отца, и маму тоже очень любил, но деятельная натура не позволяла ему сидеть на месте и печалиться. Папа был таким же: в день похорон деда он не выдержал поминок и уехал на завод.

Однако Алёшка пока ещё не мог покинуть дом. Где-то в Перми, совсем одна, оставалась сестра Катька. Её надо было вернуть под присмотр мамы или тёти Сони. По мнению Алёшки, все девчонки были дурами. Даже если какая-то из них и не была дурой, то всё равно ничем не отличалась от дур. Словом, Катька без него пропадёт. Алёшка пытался добраться до Перми на поезде. Один раз его выбросили уже на Ржавке, другой раз на воинском эшелоне он доехал до Кстова, и там его арестовал патруль; три дня он просидел в тюрьме.

Пролётка спускалась по Зеленскому съезду, словно погружалась под землю. Над склоном всё выше и выше вырастали башни кремля — кирпичный чурбан Кладовой башни, шатровый ящик Никольской, труба Коромысловой...

— У «Вани» калашниковская форсунка, — сказал Алёшка краснофлотцу. — Её нагаром забивает, потому падает мощность машины. Надо снять её и сутки отмачивать в растворе из двух частей

керосина и одной части ацетона. Когда нагар размякнет, поставить в трубу пародателя часа на два. Всё очистится.

— А ты, гляжу, соображаешь, — с уважением ответил краснофлотец.

— Уж побольше тебя-то.

С поворота открывался широкий вид на устье Оки, на Флачную часовню и Новоярмарочный собор. В небе над устьем, загораживая друг друга, висели взъерошенные облака, нижние — сизые, верхние — золотые. От плашкоутного моста за кручу Дятловых гор — до водопроводной станции и завода Курбатова — загибалась длиннющая череда пристаней: дебаркадеры, мостки, балаганы, пакгаузы, будки, поленницы, конторы, трактиры... У причалов Софроновской площади в ряд, как щуки на перемёте, застыли шесть буксиров-канонерок, обшитых бронёй и по-морскому выкрашенных в серый «шаровый» цвет.

— Вот это да... — тоскливо выдохнул Алёшка.

Краснофлотец посмотрел на него с улыбкой превосходства.

— А штабное судно у нас — «Межень», царская яхта, — гордо сообщил он. — Хочешь, поговорю с комиссаром Маркиным, чтобы тебя машинистом взяли?

— И куда пойдут ваши пароходы?

— Ну, куда... Где белые. На Казань, на Самару и Царицын, на Уфу.

— А на Пермь?

— Наверное, — пожал плечами краснофлотец. — Там ижевцев бить надо.

— Да я бы только рад был к вам на судно, — искренне признался Алёшка, — но мне всего пятнадцать, и я — сын пароходчика.

Краснофлотец пренебрежительно свистнул.

— Я тоже родом из дворян, и мне четырнадцать было, когда я из гимназии на германский фронт удрал. Так что не тушуйся, товарищ. — Краснофлотец протянул руку для рукопожатия: — Я Волька, пулемётчик на «Ване».

— Я вам поверил, господин Горецкий, и рад, что вы не солгали, — сказал начальник тюрьмы штабс-капитан Терентьев. — От Владимира Оскаровича мне телефонировали, что за вами едет адъютант. Обождите в общей.

Солдат-караульный открыл перед Романом дверь.

Горецкого арестовали через два дня после бегства красных из Казани. Это было несправедливо. Для нижегородской флотилии казанские большевики пытались подготовить несколько пароходов, а команды для них сформировали принудительно; так был мобилизован и Горецкий. Красные не успели ввести пароходы в строй, и военно-полевой суд приговорил речников не к расстрелу, слава богу, а всего лишь к тюрьме. Роман написал записку Георгию Мейеру, командиру флотилии КОМУЧа, и попросил о помощи. Мейер знал Горецкого — ещё в Самаре он сам предложил Роману Андреевичу пойти на «Русле» за нобелевской баржей. Штабс-капитан Терентьев согласился передать записку Горецкого на пароходы. Ожидание растянулось на неделю с лишним. Однако Мейер, похоже, всё-таки заступился за Романа Андреевича перед Каппелем.

В старинном тюремном замке «общей» называлась обширная сводчатая камера в полуподвале. Арестантов сюда заводили только на время — до суда или до расстрела. На скамьях вдоль стен сидели подавленные узники, человек десять. Избитый пожилой рабочий бубнил молитву и крестился на окошко, женщина-конторщица тихо плакала, какой-то взъерошенный студент нервно мотался по проходу от двери к стене. В углах лежали кучи тряпья.

Горецкий хотел пристроиться где-нибудь поодаль от этих людей, словно боялся заразиться их отчаяньем, и вдруг узнал девушку под окном. Он видел её на «Межени» во время переговоров Мамедова с капитаном-балтийцем: девушка тогда сидела с ногами на оттоманке в императорском салоне и смотрела на гостей красивыми, тёмными злыми глазами. Балтиец не знал, что делать, а девушка сердилась и жаждала драки. Вот ведь где встретились...

— Разрешите? — спросил Горецкий, опускаясь рядом на скамью.

— От вас пахнет, — поморщилась девушка.

— Прошу прощения, тюрьма — не купальня в Кисловодске. — Горецкий усмехнулся. — А вы помните меня? «Межень», «Русло», баржи Стахеева...

— Вы меня с кем-то спутали, — непроницаемо ответила девушка.

— Вас ни с кем не спутать, — возразил Горецкий.

Ляля вдохнула чуть глубже — не от комплимента, а от надежды. Тюрьма подействовала на неё угнетающе. Под сводами камеры Ляля впервые ощутила, что на войне побеждать может не только она. И ей отсюда не вырваться силой ума, таланта или характера, а вот мужской интерес вполне способен спасти.

Горецкий рассматривал Лялю слишком пристально, почти беспардонно. Истомившись в подвале по жизни, по женщине, он не замечал, что нарушает приличия. Ляля казалась ему необыкновенно привлекательной. Да, она — за большевиков. Ну и что? Она не прокуренная и проспиртованная комиссарша с сорванным голосом, не холодная фанатичка, откованная каторгой. Скорее это избалованная девочка из добропорядочной интеллигентной семьи, которая в романтическом порыве кинулась на баррикады. Видимо, среди красных у неё нашёлся покровитель, поэтому она так и не разочаровалась в своих идеалах. Однако наличие покровителя свидетельствует о доступности женщины.

Дверь в камеру открылась, и часовой пропустил молодого человека в новенькой офицерской форме. Роман, всё поняв, поднялся на ноги.

— Господин Горецкий? — Адъютант Каппеля увидел Романа. — Это вы?..

— Здравствуйте, господин Стрельман. — Роман, подходя, протянул руку.

Костя Стрельман широко улыбнулся и пожал её.

— Рад выручить! — искренне признался он. — Как вы сюда попали?

— В Сарапуле угодил в лапы к большевикам. Был доставлен в Казань и мобилизован в их флотилию. За это и был арестован.

— Значит, до невесты не добрались?

— Увы, не сумел.

— Ничего, — сказал Костя. — Надеюсь, к зиме мы соединимся с ижевцами и начнём наступление на Пермь. Впрочем, это лишь мои предположения, а не оперативные планы, — сразу поправился Костя. — Пойдёмте.

— Не будем спешить, — придержал его Горецкий.

Он подумал о Ляле. Скорее всего, её расстреляют. Это жестоко, но вполне в правилах гражданской войны. Погибали даже совершенно невинные люди. Горецкому было безразлично, что там такого Ляля натворила у красных, и её политические взгляды тоже были ему безразличны. Сейчас Горецкий видел только красивую девушку. Причём доступную. И было бы весьма неплохо заполучить её. Костя Стрельман, свояк подполковника Капеля, вполне мог бы посодействовать в исполнении такого намерения. Но увы: у этого фендрика — так пренебрежительно называли юных адъютантов — к Ляле могли найтись свои счёты, ведь Лялю угораздило ограбить именно его пароход.

— Посмотрите туда, — мягко предложил Горецкий, отодвигаясь в сторону.

Костя посмотрел — и его лицо окаменело.

— Я знаком с этой особой, — холодно сообщил он. — Она командовала разбойничьим судном большевиков.

— Заметили кучи одежды в углах? — спросил Горецкий. — Здесь раздевают приговорённых к расстрелу. Затем их выводят во двор. Я наблюдал за казнями из окна своей камеры. Знаете, обнажённые люди оказываются просто людьми — не белыми и не красными.

И теперь вообразите участь этой девушки.

Костя тотчас вспомнил о сестре, взятой большевиками в заложницы.

— Ваша протееже совершала военные преступления, — глухо возразил он то ли Горецкому, то ли самому себе.

— Историю творим мы. А женщинам позволено заблуждаться.

— Я должен поговорить с этой барышней, — сдался Костя.

Ляля уже догадалась, о чём беседуют эти двое — интеллигентик с лайнера «Суворов» и бывший капитан нобелевского буксира. Что ж, капитан вёл себя точно так же, как и многие другие мужчины в её окружении.

Костя и Горецкий подошли, и Ляля тоже встала со скамьи. Она стянула с пальца кольцо с алмазом и царственным жестом протянула его Строльману — будто одаряла, а не возвращала украденное.

— Мои палачи его не заслужили, — величественно пояснила Ляля.

— Благодарю, — сухо произнёс Костя, принимая кольцо. — Лично я вас не прощаю, но господин Горецкий хлопочет о вашем освобождении. Могу ли я быть уверен, что вы, покинув эти стены, не примкнёте обратно к красным?

В привычной ситуации соперничества с мужчинами Ляля обретала себя необыкновенно быстро. И подчиниться для неё было неприемлемо. Всё, что получала в жизни, она получала только потому, что оставалась сама собой, — непокорной вопреки даже здравому смыслу. Горецкий усмехнулся.

— Я сделаю как требует долг, — ответила Ляля, будто Жанна д'Арк.

Костя Строльман помрачнел.

— Великодушие не выдвигает условий, — негромко сказал ему Горецкий.

Костя спрятал кольцо, точно взятку, в карман.

— Вы не даёте мне выбора, господин Горецкий, — с досадой признался он.

Из Казани Мамедов отправил в Петроград, в Главную контору компании, краткую телеграмму: «Оборудование доставлено точка работы возобновлены точка разведка обещает удачу». Из дворца на Сампсониевской набережной отстучали ответ: «Ждите в Нижнем Новгороде Вильгельма Хагелина».

Пароходы ещё рейсировали, и Мамедов перебрался из Казани в Нижний, в Нобелевский городок, стоящий на берегу Волги возле затихших ярмарочных пристаней. Ждать пришлось две недели. За это время Баку и Казань были освобождены от большевиков. Мамедов понял: жизнь требует быстрых решений, а их можно принимать только на месте, поэтому Вильгельм Хагелин, один из пяти директоров товарищества «Бранобель», едет на Волгу сам.

Господин Хагелин прибыл на пароходе из Рыбинска. Разъездной катер городка национализировали, и Мамедов нанял лодку. По Волге шарахался ветер, лодка разбивала носом тугие волны, и на пассажиров летели брызги.

— Давно я здесь не был, — задумчиво сказал Хагелин, разглядывая кремль на взгорье, просторное устье Оки и Флачную часовню на мысу.

Господину Хагелину было под шестьдесят. Сухопарый и энергичный, с бородкой клином, в пальто и шляпе он напоминал преуспевающего адвоката. Сейчас он руководил сбытом продукции Нобелей в Европе.

— Как дэла у прэдприятия? — спросил Мамедов.

Хагелин взялся за шляпу, чтобы её не сдуло.

— Удивительно, Хамзат Хадиевич, но всё не так уж и плохо. Более того, внезапно открываются весьма многообещающие перспективы. Потеряв Баку, Советы лишились всей нефти и стали более сговорчивыми. Мы предложим им новый нефтяной регион — Арлан, а взамен потребуем концессию и на Арлан, и на те предприятия «Бранобеля», которые Советы национализировали. Так что мы даже расширим свою деятельность, хотя и на концессионной основе.

Там, где сейчас плыла их лодка, до революции располагался ярмарочный рейд. Здесь собирались тысячи судов. Вся акватория была поделена: против пристаней скапливались баржи — пустым баржам запрещалось занимать место у причалов; подальше находилась стоянка буксиров; у Стрелки формировался «железный городок» — караваны барок с металлом уральских заводов; под Моховыми горами болтались сотни мелких паузков для быстрой перегрузки; у Дарьинской косы громоздились гигантские беляны с лесом; у Мочального острова бросали якоря коломенки; на Гребнёвских песках Оки толпились рыбные караваны. Сновали катера речной полиции, «фильянки» везли на ярмарку подвыпившую публику, грузно разворачивались лайнеры с музыкой. А сейчас от бывшего столпотворения, дымного и шумного, не осталось и следа.

— Зачем отдавать большевикам Арлан? — спросил Мамедов. — Не проще ли трэбовать концессию в обмэн на нашу нэфт йиз Баку?

Хагелин с пониманием усмехнулся.

— Бакинские предприятия нам вернут, но не позволят сбывать продукцию Советам. Центрокаспий подобен КОМУЧу, там эсеры. Турция — союзница Германии. А Британия берёт нефть у «Шелль», и «Шелль» воспрепятствует нашей торговле. Наши активы в Баку — увы, спящие. Однако Арлан поможет нам вопреки всему осуществить общенациональную экспансию в Советской России, подобную экспансии «Стандарт ойл» в Американских Штатах.

— «Шелль» знает об Арлане, — сообщил Мамедов. — Я льяквидировал ых агэнта, который пытался пэрехватить наше новое оборудованье.

— Следовательно, необходимо поспешить. Успех не терпит промедления.

Казалось, что пустой и ветреный простор Волги здесь словно бы наполнен призраками уже исчезнувших пароходов, и Мамедову странно было слышать о развитии компании. Но он верил людям вроде Вильгельма Хагелина — этим воспитанным господам в сюртуках и шляпах, в пенсне и с тросточками. Нобелевцы умели преобразовывать землю. Там, где они появлялись, вскоре вырастали нефтяные вышки, вытягивались трубопроводы, строились заводы и верфи. Нобелевцы боролись и побеждали. Созидали. При них дикие народы обретали человеческий облик. И Мамедов не знал более благородного дела.

— Повторите, что вам сказал Турберн, — попросил Хагелин.

— Он сказал, что ещё нэ дошёл до нэфтеносных пластов, но ручаэтся, что теорья Губкина вэрная, значит, нэфт там йест.

Хагелин внимательно посмотрел на Мамедова.

— Хамзат Хадиевич, господин Нобель поручил мне довести до вашего сведения наш замысел. Нам необходимо выполнить два условия. Во-первых, большевики должны сохранить территорию Арлана под своим контролем, и поэтому я направляюсь к Троцкому в Свяжск объяснять значение Арлана...

Мамедов знал Хагелина больше четверти века. Бакинские промыслы Хагелин возглавил в 1896 году. Он строил посёлок для работников в Сабунчах и командовал флотилией, при нём компанию Нобелей пытались выкупить Ротшильды. В кровавом 1906 году, когда армяне и азербайджанцы резали друг друга, а черносотенцы резали всех, когда большевики поджигали вышки, а по улочкам Баку скакали казаки, Хагелин получил письмо с обещанием убить его. Убийца глумливо извинялся, если не успеет управиться до Рождества. В Батуме недавно застрелили другого нобелевского управляющего, так что угроза была серьёзной. И Мамедов вывез Хагелина в Петербург. Мамедов помнил ожесточённое лицо Хагелина, когда пароход выходил из Бакинской бухты, и Хагелин глядел на город, затянутый дымами горящих промыслов. Этот швед на себе ощутил первобытную свирепость Азии, которая вдруг вероломно вгрызлась в горло маленькой Европы, возведённой нобелевцами на раскалённых древних солончаках, истекающих бурой нефтью.

Сейчас у Хагелина было такое же лицо.

— А во-вторых, — говорил он, — все геологические материалы по Арлану — все карты, таблицы, схемы и образцы пород — должны быть только у нас. Если Совнарком завладеет этими данными, то возьмёт более удобного партнёра, который ничего не потребует сверх концессии. Например, «Шелль». И вот эту задачу можете решить только вы, Хамзат Хадиевич.

Впереди на берегу уже были видны белые баки с надписями «Бранобель».

— Что я должен предпринять? — спросил Мамедов.

— Необходимо снова добраться до Турберна и сделать это раньше, чем большевики. Заберите у Турберна всю документацию и

привезите в Главную контору. Документация бесценна. А сам Турберн должен остановить работы, законсервировать скважины и укрыть оборудование Глушкова.

Мамедов усмехнулся:

— Ви думаете, что я всемогущий, как дьжинн из лампы?

— Да, вы всемогущий, — просто согласился Хагелин. — Поэтому Эммануил Людвигович так на вас и надеется.

Лучшие пристани на Волге и Оке всегда были у «Кавказа и Меркурия». В Казани «меркурьевским» дебаркадером служил фигурный и резной плавучий терем с тремя шатровыми башенками — павильон, переправленный сюда после знаменитой Всероссийской промышленной выставки. Георгий Мейерер занял этот сказочный тесовый дворец под штаб своей флотилии.

Мейерер прогуливался по террасе вдоль балюстрады, ожидая прапорщика Фортунатова, особоуполномоченного КОМУЧа. С верхнего яруса дебаркадера Мейерер видел пароходы флотилии. Конечно, ему есть чем гордиться: ещё весной он, молодой мичман, был никем, а сейчас под его командованием почти тридцать судов — вооружённые буксиры, катера разведки и связи, транспорты, госпиталь, мастерская, две батареи на баржах и даже дивизион аэропланов.

Капитаны, вызванные в штаб, подъезжали к пристани на извозчиках.

— Георгий Александрович?... — услышал Мейерер и оглянулся.

На террасе стоял Горецкий. Мейерер знал его с отрочества — с ним дружил отец, директор астраханского отделения «Кавказа и Меркурия». И Мейереру польстило, что Роман Андреевич называет его теперь по имени и отчеству.

— Хочу поблагодарить вас за спасение из тюрьмы.

— Я не мог не откликнуться, — ответил Георгий. — Уверен, вас арестовали по недоразумению. Чем закончилась ваша нобелевская миссия на «Русле»?

— Успехом, — улыбнулся Горецкий. — Баржу нашли и привели на место.

Горецкий казался Георгию образцом капитана: красивый, уверенный в себе, спокойный, мужественный. Такому на роду написано носить белый китель и вызывать восхищение дам. Георгий хотел быть похожим на Романа Андреевича — но водить не речные лайнеры, а морские военные корабли.

— На самом деле я рад, что вы попали в тюрьму, — добавил Мейер.

Горецкий в изумлении поднял брови.

— Иначе я не заполучил бы вас. Здесь, в Казани, мне нужны капитаны, в которых я лично уверен. Я хочу доверить вам судно с важным грузом.

— Опять буксир? — наигранно огорчился Горецкий.

— Нет. Теперь — пассажирский пароход. Скорее всего, «Боярыню».

«Боярыня» была одним из лучших лайнеров общества «По Волге».

— А что за груз? — поинтересовался Горецкий.

— Об этом сообщу чуть позже... Всё, Роман Андреевич, нам пора идти. Вижу, явился господин Фортунатов.

Борис Фортунатов, командир дивизиона конных егерей, приехал верхом и попросту — без сопровождения. Возле мостика на дебаркадер он спешился и поставил лошадь к перекладине коновязи рядом с будкой сторожа.

Салон дебаркадера в штабе флотилии служил залом оперативного планирования, на сдвинутых столах были разложены лоцманские карты Волги в окрестностях Казани и Свияжска. На собрании присутствовали сам Мейер, начальник штаба, офицер из контрразведки, три гражданских капитана — в их числе и Фаворский, командир второго дивизиона бронепароходов лейтенант Федосьев, комендант пристани и начальник казанской дистанции.

Борису Фортунатову, одному из руководителей КОМУЧа, было немного за тридцать. Он выглядел как солдат — в линиях гимнастёрке, бритый наголо от вшей, загорелый, худощавый, с пожелтевшими от табака усами. Трудно было поверить, что он имеет два университетских образования.

Фортунатов внимательно оглядел салон.

— Господа, — сказал он, — я полагаю, что здесь собрались люди чести, к тому же единомышленники в оценке политических перспектив России. Всё, что я сообщу, — секретные сведения, но я вам верю.

В салоне воцарилась тишина; стало слышно, как волна мягко толкается в борт дебаркадера, покачивая солнечные квадраты на

стенах, и кричат чайки.

— При штурме Казани к нам попал золотой запас Российской империи.

Фортунатов сделал паузу, чтобы подчеркнуть значение своих слов.

— Большевики не смогли эвакуировать ценности Государственного банка, и в этом заслуга Боевой речной флотилии господина Мейрера.

Георгий покраснел как мальчишка. Он сразу догадался, о чём речь.

Большевики давно почуяли, что им не удержать Казань, и эшелонами поспешно вывозили всё, что могли. Железная дорога шла от города по левому берегу Волги. За несколько дней до штурма Казани Мейрер водил свои суда в рейд, чтобы огнём артиллерии и десантами уничтожить прибрежные батареи врага. Интуиция подсказала ему: надо зайти выше казанских пристаней и разрушить железную дорогу — и не важно, что Каппель этого не поручал.

На «Вульфе», своём флагмане, Мейрер поднялся до села Верхний Услон, высадил десант на левом берегу и начал стрелять по эшелонам. Пробитые снарядами паровозы лопались, будто чугунные пузыри, горящие теплушки лезли друг на друга, цистерны опрокидывались с насыпи вверх колёсами, как коровы вверх ногами. Десант из легионеров подорвал рельсы динамитом. Движение по железной дороге прекратилось. Золотой запас империи остался в Казани.

Каппель тогда отчитал Мейрера за излишний риск, но в глазах Владимира Оскаровича Георгий увидел тайное одобрение. Сейчас он понял его причину.

— Большевики готовят контрнаступление, — продолжил Фортунатов. — Как вы знаете, в Свияжск приехал сам Троцкий. У Красного моста и на Нижних Вязовых копятя крупные силы. Мы должны переправить ценности Госбанка из Казани в более безопасное место — в Самару. Способ у нас единственный — на пароходах. Комитет членов Учредительного собрания просит вас, господа капитаны, вместе с вашими судами принять участие в этой операции.

Три капитана молчали, раздумывая.

— Безусловно, это необходимо, — наконец произнёс Аристарх Павлович Фаворский. — Но и опасно. Почему же вы сделали выбор в

пользу товарно-пассажирских судов? У вас немало вооружённых буксиров.

— Пассажирские суда быстроходнее, — просто объяснил Фортунатов.

Фаворский строго посмотрел на Горецкого и другого капитана:

— Господа, я соглашаюсь. Борьба требует и нашего вклада.

Горецкий, подумав, молча кивнул, и другой капитан тоже.

— Я не сомневался в вашем решении, — сказал Фортунатов. — Прошу вас прямо сегодня же начать самую тщательную подготовку судов к рейсу.

Фортунатов сделал ещё одну значительную паузу, выпрямился и одёрнул свою лянью гимнастёрку. Лицо его было очень серьёзным.

— И ещё, господа капитаны. Я обязан вас уведомить, что Комитет членов Учредительного собрания не считает это золото своей собственностью. Более того, он не считает золото собственностью Белого движения. Все ценности, которые попали нам в руки, являются собственностью всего русского народа целиком, и даже той его части, которая сейчас идёт за комиссарами.

«Ваня» — пароход комиссара Маркина — шёл из Нижнего Новгорода в Свияжск. Впрочем, название «Ваня» использовали только в речи, а на броне колёсного кожуха было по казённому начертано «№ 5», и всё: то есть пятая канонерская лодка Волжской военной флотилии. Триста сорок вёрст пути Маркин рассчитывал преодолеть за два дня. В Свияжске его ждал Троцкий.

Хагелин остался в каюте, а Мамедов выбрался на палубу и присел на скамейку за надстройкой. В кожухах гулко шумели колёса, над головой несло дым из трубы. Мамедов, щурясь, смотрел на волжский простор — свежий, солнечный и голубой. За орудийной башней артиллеристы играли в карты.

Мамедов отыскал способ доставить Хагелина к Троцкому. Пассажирское движение на Волге было упразднено, и Мамедов пробился в штаб флотилии, под который большевики заняли гостиницу «Россия», лучшую в городе. В роскошных, но захламлённых апартаментах Мамедова принял комиссар — и Мамедов узнал в нём морячка с «Межени». И все затруднения исчезли.

Рядом с Мамедовым нахально уселся мальчишка — помощник машиниста. Это был Алёшка Якутов. Его сжирало любопытство.

— Там в каюте Хагелин? — бесцеремонно спросил он.

— Эй, слюшай, ты откуда эго знаэш? — поразился Мамедов.

Хагелин — не цирковой борец, чтобы всякие сопляки узнавали его в лицо.

— Видел на фотокарточке в журнале «Русское судоходство».

Журнал и вправду опубликовал статью про Карла Вильгельма Хагелина, когда его имя Нобели дали своему самому большому теплоходу на Каспии. Хагелин руководил разработкой дизельных двигателей нового типа. Алёшка до дыр затрепал все номера «Русского судоходства» в конторе отца.

— Вы работаете на Нобеля, да? — настырно допытывался он. — А правда, что Людвиг Нобель сам придумал танкеры, или это инженеры «Моталы»?

Первый настоящий танкер построили для Нобелей на заводе «Мотала» в Гётеборге. В честь пророка огнепоклонников его назвали «Зороастр». Алёшка читал, что возле нобелевских промыслов в Баку находится древнее святилище огнепоклонников с вечными огнями. Но «Зороастр» спустили на воду сорок лет назад, и Алёшка сомневался, что его собеседник при том присутствовал.

— Нэ знаю, дорогой, — ответил Мамедов. — Нэ моя компетенция.

Алёшка был разочарован. По его мнению, быть у Нобелей и не заниматься пароходами — всё равно что иметь велосипед и держать его в кладовке.

— А что же вы делаете у Нобеля? — снисходительно спросил Алёшка.

— Командую охраной, — просто сказал Мамедов.

По левому борту мимо проплывал Макарьевский монастырь: невысокие рябые стены и старые липы выше дощатых кровель, хмурые башни с тесовыми шатрами, нахлобученными на стрельницы, ребристая пирамида колокольни, россыпь круглых куполов. Волна от «Вани» побежала к свайному причалу.

Алёшка слышал, что бакинские нефтепромышленники нанимают себе головорезов, которые защищают промыслы от бандитов, революционеров и фанатиков. Говорили, что такие головорезы выполняют задания и пострашнее.

— Это вы убили Рудольфа Дизеля? — напрямик спросил Алёшка.

Знаменитый конструктор погиб пять лет назад при весьма загадочных обстоятельствах: упал в море с борта парохода «Дрезден» и утонул.

— Конечно я, — сказал Мамедов.

Он был польщён и улыбался. Раньше никакой посторонний человек не проявлял интереса к его делам, будто он, Мамедов, — совершенно никто.

Алёшка зорко всмотрелся в толстое персидское лицо Мамедова.

— Врёте вы всё, — догадался он. — Инженеров нельзя убивать.

— Почему? — искренне удивился Мамедов.

— Кто ж тогда всё изобретать-то будет?

Мамедов даже развернулся к Алёшке.

— А инженера Шухова своими глазами видели? — не унимался Алёшка.

Вопрос был словно удар под дых.

— Выидел, — подтвердил Мамедов.

Эмануил Людвигович Нобель и Владимир Григорьевич Шухов были теми людьми, за которых он отдал бы жизнь без малейших колебаний.

С Шуховым Мамедов познакомился примерно в том же возрасте, в каком сейчас был Алёшка, а Шухову, недавнему студенту, тогда было двадцать пять. Людвиг Нобель предложил ему спроектировать нефтепровод от промыслов в Балаханах до завода в Чёрном Городе. Никто в мире ещё не перекачивал нефть по трубе, а Шухов придумал, как это сделать, и разработал баки для хранения нефти — баков тоже никто ещё не сооружал. Упрямый Шухов сам приехал на промыслы наблюдать за строительством трубопровода, хотя болел чахоткой.

Юный Хамзат Мамедов работал аробщиком. Аробщики перевозили нефть в бочках на больших арбах. Хамзата потрясло, что покашливающий русский инженер одной лишь силой своего разума заменил унылый и тяжёлый труд многих сотен ишаков и людей на стальную трубу не толще руки человека.

Но аробщики не разделяли восхищения Хамзата. Они были недовольны потерей работы — и решили сломать трубу, а русского инженера убить. Хамзат взял винтовку, пошёл к Шухову и предупредил о нападении. Шухов, Мамедов и десяток русских строителей укрылись в развалинах какой-то древней мечети и отстреливались от толпы аробщиков, пока не подоспела помощь от полиции.

После того боя Хамзата взяли в караул при трубопроводе. Так началась работа Мамедова в компании «Бранобель» — и дружба с Шуховым. Владимир Григорьевич научил Хамзата читать и писать по-русски, объяснил, что такое прогресс и кто такие Нобели, а Хамзат не раз спасал своего учителя в смутах беспокойного Апшерона. Когда компанию возглавил Эмануил Людвигович, по совету Шухова была создана служба охраны, и командовать ею назначили Хамзата Мамедова. Со временем он занялся и промышленной контрразведкой.

— Познакомьте меня с Шуховым? — дерзко попросил Алёшка.

— Тэбе зачем?

Алёшка возмущённо фыркнул. Шухов — это Шухов! Он революционер! Он создаёт мир будущего! Сетчатые своды, крыши-

крылья, стены-мембраны, гигантские суда, маяки-гиперболоиды, мосты, купола — всю эту стальную и кружевную фантастику придумал Шухов! Его конструкции — как перья, как веера, они все на мачтах и растяжках, они сказочно причудливые — но ясные, как нотный стан! Их устройство было словно бы само собой разумеющимся, но никто до Шухова не мог извлечь его из законов физики и геометрии.

— Как зачем?! — Алёшка вперился в Мамедова. — Я тоже буду инженером! Только Шухов изобретает вообще всё, а я буду изобретать корабли!

Конечно, он будет изобретать корабли! Стремительные корабли — на планерах, на электричестве, на огненных ракетах, на солнечном свете!

Мамедов глядел на Алёшку и мял толстыми пальцами мясистое лицо.

— Да кто ты такой, мой голубчик?

И не думая прикрываться, Ляля уселась в постели, навалившись голой спиной на стену, взяла со стола коробку папирос и спички, высекла огонёк и закурила. Яркая луна в окошке освещала её круглые плечи, груди и живот. Тикали ходики. Где-то во дворах бабахнул выстрел, и потом принялась гавкать собака. Роман лежал неподвижно, заложив руки за голову, и отдыхал.

— Горецкий, тебе не важно, как меня зовут? Ольга? Елена? Лидия?

— Ляли мне вполне достаточно, — негромко ответил Роман.

— И ты не спросишь, что я делала на «Межени»? Чем я вообще занимаюсь у красных? Вдруг я шпионка? Вдруг я заколю тебя во сне кинжалом?

— Я не Марат, моя дорогая, а ты не Шарлотта Корде.

После освобождения Ляля забрала свой саквояж из номеров и переехала к Роману. Квартиру в доме на Поперечно-Воскресенской улице Горецкий снял ещё до ареста, и хозяйка честно дождалась, когда постоялец вернётся. Ляля не знала, что удерживает её возле этого мужчины, ведь хватило бы и одной ночи. Но она осталась и на вторую ночь, и на третью.

Может, она заскучала по человеку своего круга? Вряд ли: Раскольников уже телеграфировал в Нижний, что скоро приедет во флотилию. Видимо, её, Лялю, притягивали мужчины, которые были к ней безразличны. Так она доигрывала свою незавершённую любовь с Гумилёвым, холоднопламенным Гафизом. Ляле казалось, что теперь, с новым опытом, она может победить чужое равнодушие, но увы: нельзя изменить пустоту — в ней нечего менять.

— Сегодня я ходила посмотреть на обсерваторию, — рассказала Ляля, — и налетели аэропланы. Сбросили несколько бомб.

— Пристани тоже бомбили.

— Я могла погибнуть.

— Под бомбой — маловероятно, — улыбнулся Горецкий.

Ляля томилась от безделья. На пристани к Роману ей соваться не стоило — там её уже один раз опознали, и Ляля просто гуляла по

городу. Подальше от центра Казань была такой же, как при большевиках: обшарпанные стены, битые стёкла, обрывки плакатов, телеги, мусор, разломанные заборы, трава на мостовой между бульжников, куры во дворах, обыватели неясных сословий в потрёпанной одежде, студенты, прачки с бельём, бродячие спекулянты, чиновники без места, мальчишки, татары в халатах, пьянь возле трактиров.

— Знаешь, Горецкий, ты ведёшь себя как хам. — Ляля изящно сбила пепел папиросы в грязную тарелку на столе. — Мне не нужны любовные признания. Любовь — смешной буржуазный пережиток, мещанская ситцевая занавесочка перед койкой, на которой физически здоровые самцы и самки насыщают потребности своей природы. Но разговор — это совсем другое. Воспитанные и культурные люди всегда найдут друг в друге пищу для ума.

Горецкий усмехнулся:

— А в моей жизни не происходит ничего примечательного.

— Продолжай, — благосклонно кивнула Ляля.

— Меня назначили капитаном парохода «Боярыня». Это забавно, потому что лет восемь назад я хотел стать капитаном подобного судна, но не вышло.

Десятилетие перед мировой войной было эпохой конкуренции лайнеров. Битву судокомпаний развязало общество «По Волге», жаждущее превзойти «Кавказ и Меркурий». Флагманом «поволжцев» стал новый пароход «Граф», изящный и скоростной; по его образцу общество построило ещё два лайнера — «Графиню» и «Гражданку». В ответ «меркурьевцы» заказали Коломенскому заводу лайнеры «отечественной» серии, винтовые теплоходы с дизельными двигателями: «Бородино», «Кутузов», «Багратион» и «Двенадцатый год».

Общество «По Волге» и товарищество «Самолёт» не поверили в дизеля. Сормовский завод построил для «самолётцев» колёсные паровые лайнеры «Великая княжна Ольга» и «Великая княжна Татьяна», а для «поволжцев» — колёсные паровые лайнеры «Витязь» и «Баян». Публику потрясли невиданные прежде излишества: фотографические студии, ваннные комнаты, почтовые отделения, фонтаны в салонах, картины, ковры и красное дерево.

Попутно компании обновляли весь прежний флот и меняли команды. В обществе «По Волге», где работал Горецкий, без капитанов оказались старые лайнеры знаменитой «вельможной» серии: «Боярыня», «Княжна» и «Царица». Роман был уверен, что ему доверят какой-нибудь из этих пароходов, но ему предложили должность первого помощника на роскошном «Витязе».

Впрочем, разумеется, на «Витязе» Роман познакомился с Катей Якутовой. Брак с Катей обеспечил бы ему протекцию Дмитрия Платоновича, но никакого расчёта в отношениях Роман не имел. Катя ему нравилась сама по себе. И он не мог её забыть, поневоле сравнивая с ней других женщин, и Лялю тоже. Катя всегда искренне интересовалась тем, с кем общалась, будь то отец, разбойный братишка или первый помощник Горецкий, а вот Ляля настойчиво требовала интереса к собственной персоне. Или хотя бы развлечения.

— Почему тебе забавно командовать «Боярыней»? — допытывалась Ляля.

Роман с трудом вернулся к мыслям о лайнере.

Забавного в командовании «Боярыней» ничего не было. До революции капитан парохода, владеющий паями своей компании, мог войти в правление, а со временем и возглавить совет директоров. Должность капитана открывала путь к вершине. И вот сейчас он, Роман Горецкий, всё-таки стал капитаном — однако вождельной вершины уже не существовало: большевики упразднили все частные пароходства. Предложение Мейрера разбредило былые надежды Романа, и ему было досадно, что в стране всё полетело кувырком.

— Должность капитана «Боярыни» напоминает мне, что я упустил свой шанс, — пояснил Горецкий.

— Революция дала свободу, — возразила Ляля. — Все шансы у тебя в руках.

Роман разозлился. Это заявление — лишь высокомерная демагогия.

— Кстати, дорогая, из-за «Боярыни» нам придётся попрощаться, — с лёгким удовлетворением сообщил он.

Ляля надменно выпрямилась. Сейчас она была очень красива — в густой татарской синеве ночи, обнажённая и оскорблённая.

— Ты меня выгоняешь? — вызывающе полюбопытствовала она.

Роман не хотел ссор, не хотел ничего доказывать или мстить.

— Нет. Просто по приказу КОМУЧа один дивизион флотилии и часть пассажирских судов уходят в Самару. И «Боярыня» в числе уходящих.

— И ты не зовёшь меня с собой?

Ляля не намеревалась связываться с Горецким надолго или ехать за ним куда-то, что за вздор? Но спокойная готовность Романа расстаться была как-то даже унижительна. Такую, как она, может бросить лишь такой, как Гафиз.

— Революция подарила тебе свободу, — не удержался Роман.

Ляля поняла издёвку и вспыхнула — в душе. А внешне сохранила ледяную невозмутимость. Растягивая движения, она соскользнула с кровати и, голая, пошла за одеждой. Пусть Горецкий смотрит — и запоминает её ослепительную наготу. Память об этой наготе обязана мучить его ещё очень и очень долго.

Охрана Троцкого носила блестящие кожаные куртки и будёновки.
— Проходи, товарищ Маркин, — разрешил часовой у прохода на перрон.

Комиссара Волжской флотилии здесь хорошо знали.

— А эти со мной. — Маркин по-хозяйски кивнул на Хагелина и Мамедова.

Спецпоезд Троцкого стоял на главном пути станции Нижние Вязовые. Непривычно длинный, он сам напоминал флотилию: два паровоза, клёпанные броневагоны с пулемётами на крышах, пассажирские пульманы и товарные вагоны, штабной вагон и вагон-ресторан, открытая платформа с броневиком. Спецпоезд был настоящей маленькой армией с артиллерией, кавалерией и самокатчиками, с телеграфным отделом, типографией и оркестром.

Троцкий принял нобелевцев у себя в командном салоне с большим столом для топографических карт и столиком стенографистки. Одетый в серый френч, Троцкий сидел в кресле и пил чай из стакана с подстаканником. Мамедов холодно и внимательно разглядывал главнокомандующего большевиков.

— Прошу. — Троцкий указал стаканом на стулья. — Рад познакомиться, господин Хагелин. Мне сообщали, что Гуковский предлагал вам возглавить всю нефтяную промышленность Баку, но вы не согласились.

— Гуковский злоупотребляет кокаином, — непроницаемо сказал Хагелин.

— Это не ответ, — возразил Троцкий. — Вы не верите в социализм?

— Не верю, — спокойно подтвердил Хагелин.

Троцкий быстро усмехнулся с привычной уже снисходительностью.

— С производственной точки зрения не всё ли равно, кому подчиняться — Нобелю или нефтяному комиссариату?

— Не в этом дело... Лев Давидович, не вынуждайте меня вступать на зыбкую почву рассуждений о власти Советов.

— Ничего страшного, — тотчас сказал Троцкий. — Вас не расстреляют.

— Я не верю, что советская власть соберёт достаточно сил, чтобы вернуть себе Апшерон, — вежливо сказал Хагелин. — Чем же мне тогда руководить?

Бакинская коммуна без боя сдала Баку Центрокаспию, военноморскому правительству эсеров и меньшевиков. А Центрокаспий не подчинялся Москве.

— Центрокаспий — опереточная труппа, — едко бросил Троцкий.

— Однако он обозначил определённую перспективу.

— И какую же? — Троцкий иронично наклонил голову.

— Наш специалист по Баку — Хамзат Хадиевич, — уклонился Хагелин.

— Ну, извольте вы. — Троцкий посмотрел на Мамедова.

За окнами вдруг кто-то заорал, бабахнул выстрел, но Троцкий не обратил на это внимания. Потом мимо окон проехал паровоз, за ним потянулся эшелон с грязными теплушками, и в салоне потемнело. Троцкий включил лампу.

— Центрокаспий не защитит Баку, — вдумчиво начал Мамедов. — Через месяц «Армия ислама» возьмёт город. А за мусаватистами прыдут турки. Им достанутся промыслы и Батумский порт. Но это не понравится англичанам. Они выдвинут из Персии экспедиционный корпус, выбьют турок и захватят Апшерон. И ни турки, ни англичане не будут продавать вам нефть.

Троцкий подумал. Видно было, что мыслил он молниеносно.

— Не буду спорить с таким прогнозом, — сказал он. — Тем более что у вас — как передал мне Маркин — есть какое-то особое предложение, верно?

— Фирма «Бранобель» — не враг советской власти, — тщательно взвешивая слова, произнёс Хагелин. — Нобелям чужд марксизм, но они всегда осознавали несправедливость ренты и компенсировали этот изъян экономики, оставаясь приверженцами принципов частной собственности. И сейчас семья согласна принять национализацию своих активов при условии концессии на них.

— На данном этапе концессия — приемлемый компромисс, — охотно кивнул Троцкий. — Судите сами: у нас и в армии служат царские генералы.

— Что же мешает нам наладить сотрудничество?

— У нас коллегиальное руководство, — пояснил Троцкий. — Убедите всех, а не только меня в обоюдной выгоде концессии.

— Наш аргумент — новое богатое месторождение взамен Апшерона.

Троцкий посмотрел искоса, будто не доверял:

— Я не ослышался?

За окном красноармеец протащил по перрону козу, привязанную за рога.

— Вы не ослышались. У нас ещё нет полных доказательств, но скорее всего, наши геологи не ошиблись. Более того, Лев Давидович... Если мы правы, то подтвердится теория господина Губкина, по которой нефть можно будет находить везде, а не только там, где она сама выступает на поверхность земли.

Троцкий, как птица, закинул голову, улыбаясь своим мыслям.

— Наша компания хотела бы получить концессию и на разработку нового месторождения тоже, — завершил Хагелин. — Таковы условия Нобелей.

— А где это месторождение? — спросил Троцкий. — Или секрет фирмы?

— Общие координаты — разумеется, не секрет. Устье реки Белой.

Троцкий вскочил и шагнул к столу, на котором лежали карты.

— Покажите, — потребовал он.

Хагелин тоже поднялся на ноги.

— Вот эта зона. — Он очертил на карте неопределённый круг. — Село Арлан.

— А рядом — Сарапул... — пробормотал Троцкий.

— Ваши сылы Сарапул нэ удэржат, — сказал Мамедов. — Я там был и знаю ситуацью. Сарапул под угрозой ударов ыз Ыжевска, Уфы и Казаны.

Троцкий весело блеснул очками на Мамедова.

— Вы не стратег, любезный друг. Казань падёт со дня на день. Я вышлю к Сарапулу флотилию, и через месяц устье Белой надёжно будет советским.

— Возьмите на пароход Хамзата Хадиевича, — попросил Хагелин как бы невзначай. — Его присутствие на Арлане ускорит нашу сделку.

— Как угодно, — легко согласился Троцкий.

Задумчиво сплетая пальцы, будто перед приятной работой, он прошёлся вдоль стола и замер у окна, разглядывая вокзал Нижних Вязовых.

— Итог, господин Хагелин, — веско сказал он, точно диктовал резолюцию. — Вы предъявляете мне доказательства нефтеносности района, я обеспечиваю вам две концессии. Вы удовлетворены?

— Безусловно, — слегка поклонился Хагелин.

— Что ж, вечером пойдёт эшелон на Москву, сможете уехать с хорошей новостью. Я распорядюсь о месте для вас, господин Хагелин.

Хагелин и Мамедов по очереди пожали тонкую и сильную руку Троцкого.

Возле штабного вагона их ждал Маркин. Он щёлкал семечки и щурился на неяркое августовское солнце, делая вид, что беззаботен, однако Мамедов заметил, как он шарит глазами по сторонам. Красноармейцы, ругаясь, по сходням скатывали с платформы на перрон неуклюжий броневеомобиль.

— Нэ видно твоей подруги? — с ироничным сочувствием спросил Мамедов.

Маркин швырнул на рельсы семечки из горсти.

— Ещё не вернулась из разведки, — ответил он с досадой и тревогой.

А Троцкий в это время звонком вызвал к себе телеграфистку.

— Срочно юзируйте в Пермь командарму-три Берзину, — распорядился он; телеграфистка в кожаной куртке достала блокнот и карандаш. — Текст такой: «Безотлагательно отправьте пароход с вооружённым отрядом для поиска и ареста геологической экспедиции в районе устья реки Белой».

Это решение Троцкий принял мгновенно — едва только Хагелин заговорил о новом месторождении. Игра с Нобелями — прекрасное занятие, однако все козыри должны быть у него.

Ночью Ляля пешком дошла от Казани до Арахчинского затона, в караулке растолкала старого бакенщика — связного красных, и тот перевёз её на правый берег Волги. От деревни Печищи разбитая дорога через луга и перелески вела в село Введенское. На полпути Лялю встретил конный разъезд Пролетарской стрелковой дивизии. Ляля сказала, что она политработник Военной флотилии и личный друг Троцкого, и Троцкий её ждёт. Боец уступил Ляле свою лошадь.

Свияжск, ещё недавно ухоженный и уютный, превратился в чудовищный табор. Троцкий собирал здесь армию для штурма Казани. Улицы были забиты обозными телегами, всюду сновали красноармейцы, дымили полевые кухни, для которых сломали все заборы и срубили половину деревьев. Купеческие особняки, старенькие белёные церковки, монастырские корпуса, ремесленное училище и женская гимназия были отданы под солдатский постой.

Ляля не знала, где сейчас находится Троцкий: может, в своём спецпоезде на станции Нижние Вязовые — это в пяти верстах от города? Но откуда-то из-за домов донеслись фальшивые трубы и медные тарелки «Марсельезы», и Ляля улыбнулась, догадавшись, что Лев Давидович непременно на митинге.

Толпа красноармейцев заполнила площадь перед угловатым и кряжистым храмом времён Ивана Грозного. Над шапками и знамёнами торчала гранёная ступенчатая колокольня с куполом. Троцкий стоял на доске, положенной поперёк открытого автомобиля «паккард», а рядом возвышался гипсовый памятник красно-бурого цвета: бесформенный коленопреклонённый человек, срывающий с шеи петлю. На постаменте из брусьев было написано «Иуда».

— Думаете, Иуда — предатель, подлая морда? — кричал Троцкий, словно бы готовый броситься с автомобиля на толпу. — А кто вам это говорит? Попы? Да они сами своего бога давным-давно запрягли как мерина!

Взбудораженная толпа гудела. Троцкий метался и блестел очками.

— Иуда просто взял Иисуса за грудки и сказал ему: тебе с твоими баснями цена в базарный день — тридцать сребреников, больше

никакой дурак не заплатит! И сдал чудотворца околоточному, как буяна в трактире!

Толпа недоверчиво смеялась. Троцкий чувствовал себя всемогущим.

— Иуда — первый революционер! Он даже богу не позволил натянуть себе на выю верёвку религии! А вы-то почему позволяете, братцы? Вы живёте хуже скота, а попы на ваши деньги вот какие хоромины отгрохали! — Троцкий указал рукой на храм. — И вот какие! И вот! — Троцкий тыкал пальцем куда-то над крышами и липами Свяжска. — Эй ты, в шапке, видишь или ослеп? Отвечай!

Толпа не поняла, у кого Троцкий спрашивает, и каждый решил, что у него.

— Да видим мы всё! — закричали Троцкому. — Долой попов!

Ляля восхищалась талантом и энергией Льва Давидовича. Троцкий не разъяснял, не проповедовал — он нападал, лупил толпу по головам, глумился, и толпе это нравилось. Троцкий ничего не боялся. В нём kloкотал напор ярмарочного зазывалы: все чуяли, что их хотят объегорить, но поддавались — весело же, дерзко, ещё посмотрим, кто кого, один раз живём!.. Ляля понимала всю сомнительность аргументации Троцкого, но Троцкого интересовало не просвещение, а побуждение масс. Его правота была поэтической.

Возможно, Ляля и влюбилась бы во Льва Давидовича. Там, в Петрограде, ей нужен был человек, который вытеснил бы Гумилёва. Но надменный Гафиз никогда не боролся за превосходство, потому никто и не мог его превзойти. А Троцкий боролся всю жизнь. И выглядел как уездный счетовод, даже френч и страшный бронепоезд не меняли этого впечатления. И стихов он не писал.

После митинга Ляля в суতোлке потеряла Троцкого, но к ней пробилась девушка в красной косынке и кожаной куртке, подпоясанной ремнём. Лев Давидович возил в своём бронепоезде красивых машинисток и телеграфисток, которых называл «маркитантками половой революции».

— Нарком будет ждать вас в доме Медведева, — зло сообщила девушка.

Дом мещанина Медведева, небольшой деревянный особняк с колоннами, служил свияжской резиденцией Льва Давидовича. Караул пропустил Лялю во двор — её помнили по прежним визитам; на кухне

её накормили, и Ляля в ожидании Троцкого заснула в его кабинете на кожаном диване.

Другая «маркитантка» разбудила Лялю почти в полночь.

— Что желаете, Лялочка? Чай? Кофий? Спирт? — за столом весело спросил Лев Давидович. Он по-домашнему был в белой рубашке и офицерских галифе на резиновых помочах. — Впрочем, я вру! Кофия нет, а спирт не рекомендую!

Ляля засмеялась. «Маркитантка» поставила её чашку под кран самовара.

— Я видела вас на открытии памятника, — сказала Ляля. — Вы, Троцкий, как всегда, великолепны. Однако не кажется ли вам, что Иуда — это слишком?

Троцкий задорно сверкнул глазами сквозь стёкла очков.

— Великие свершения производятся великими страстями, Лялочка, — без смущения заявил он. — Стадо не понимает, что значит «террор» или «отделение церкви от государства». А вот Иуда на пьедестале поневоле потрясает!

— Но к чему ведёт это потрясение?

— К освобождению от любых догм!

«Маркитантка» принесла Троцкому тарелку солдатской перловой каши. Троцкий вытащил из кармана галифе платок и протёр оловянную ложку.

— Расскажите же, что у врага выведала наша прекрасная разведчица?

— Увы, ничего, — вздохнула Ляля. — Впрочем, может, кое-что и есть... Белые переводят из Казани в Самару большую группу пароходов. Среди них и вооружённые буксиры, и лучшие товарно-пассажирские суда.

Троцкий опустил ложку.

— Лялочка, вы добыли архиважные сведения!

— Что же в них особенного? — удивилась Ляля.

— Мыслите аналитически, моя богиня! — оживился Троцкий, довольный поводом продемонстрировать свою проницательность. — Неужели вы думаете, что КОМУЧу в Самаре требуются пароходы?

Отнюдь нет, судов там и так до чёрта! Этот рейс нужен для транспортировки чего-то очень ценного!

— Вы намекаете на золотой запас? — тотчас догадалась Ляля.

Командование армии и флотилии знало о потерянном золоте; собственно, только возврат ценностей и объяснял столь долгое присутствие в Свияжске председателя Реввоенсовета республики. Царицын был важнее Казани, однако Троцкий прикатил под Казань, а не в Царицын, потому что потерянное золото предназначалось для выплаты немцам по условиям Брестского мира.

— Лялочка, вы даёте нам шанс спасти революцию! — заявил Троцкий.

Он вскочил и принялся ходить по гостиной. В свете керосиновой лампы длинная тень Троцкого беззвучно перемещалась по стене, оклеенной обоями в цветочек, по задёрнутым на окнах занавескам, по буфету с посудой. Казалось, что это качается огромный маятник, отмеряющий поступь времени.

Троцкий спохватился и оглянулся.

— Останетесь со мной, Ляля? — прямо спросил он. — Пристань неблизко.

У пристани за мостом собирались пароходы Волжской флотилии; там пришвартовался и «Ваня», канлодка № 5, - судно Коли Маркина.

Ляля давно ждала от Троцкого подобного предложения: по её мнению, великие мужчины неизбежно вождели великих женщин. Удовлетворённо улыбаясь, Ляля произнесла заранее заготовленную на этот случай фразу:

— Троцкий, не смешите, я не стану отнимать вас у истории!

Внезапно стёкла в тёмных окнах задребезжали от дальнего взрыва.

Маркин проснулся от мощного рёва, сотрясающего всю тушу парохода. За переборкой послышалась невнятная ругань разбуженных матросов, злобно залязгали железные двери. Маркин впотьмах нашарил на стуле штаны.

Тревогу подняла Ляля. От дома Троцкого она домчалась на мотоциклете, едва не разбившись на колдобинах. «Ваня» стоял носом в берег; своё место у штабного дебаркадера он уступил канонерке номер два, которая вчера вечером прибуксировала из Нижнего баржу-плавбатарю. Бросив мотоциклет, Ляля оттолкнула часового у сходни, влетела на «Ваню», взвилась в рубку и дёрнула за стремя гудка. «Ваня» был под парами, и бас парохода прорезал тишину.

— Белые ударили по Вязовым! — крикнула Ляля Маркину и капитану.

Капитан Осейчук молча убрал её руку со стремени.

— Белые с орудиями! — У Ляли горели глаза. — Троцкий на броневике прорывается из штаба к своему эшелону! Петроградцы бегут к Волге!

По телефону Троцкому сообщили, что на подступах к Вязовым белые расстреляли бронепоезд красных, Петроградский полк в панике бросился к пристани Свяжска, и станцию обороняет только охрана самого Троцкого. Там, в доме, Ляля поразилась внезапной мужской красоте обычно невзрачного Льва Давидовича, который будто полыхнул изнутри силой и решительностью.

— Толком говори! — сердито потребовал Осейчук.

— Троцкий приказал предотвратить отступление петроградцев и открыть огонь корабельной артиллерии по разъезду Ширданы!

Маркин, ничего не слыша, любовался Лялей — она вернулась из разведки, она живая, и сейчас она такая, перед какой он всегда трепетал: растрёпанная, яростно сияющая, громоносная! По коням, вперёд, никому не спастись!

В рубку натолкались военморы — кроме Ляли, Осейчука и Маркина, ещё и штурвальные, вахтенные, пулемётчики и боцман в одной тельняшке.

— Вали отсюда! — погнал всех Осейчук. — Боевая тревога!
— Михаловна... — Напоминая о себе, Маркин тихо взял Лялю за локоть.

Ляля обожгла его взглядом.

— Полундра, Николь! — с досадой ответила она.

В Свяжске собрался большой отряд судов Волжской флотилии: четыре буксира-канонерки — в том числе и флагманский «Ваня», десантный пароход, пулемётный катер «Олень» и плавбатарей. Вдали в створе Волги желтела узкая полоса начинающегося рассвета, и бледно рябил Кабачищенский перекал. За пристанью на взгорье, где находилась станция, глухо громыхали пушки: там бойцы спецпоезда Троцкого сшиблись с отрядом белогвардейцев. На склоне берега заполошно суетились тени бежавших вояк Петроградского полка.

Огороженные бронированными бортами площадки на крышах и кожухах судовых надстроек моряки по привычке называли мостиками. Мамедов вышел на мостик «Вани», когда пароход, подрабатывая машиной, занимал позицию на рейде. Прочие суда ещё не успели отчалить: на них звенели рынды; на палубах и трапах мелькали краснофлотцы; вахтенные, вытянув сходни, возились у кнехтов; пулемётчики короткими очередями предостерегающе вспарывали сонный приплёсок, не подпуская дезертиров к реке.

На мостике «Вани» стояли два «максима» на растопыренных треногах и прожектор с затвором: флотилия была укомплектована моряками, которые знали оптическую азбуку. Прожектор смотрел на плавбатарей; сигнальщик быстро щёлкал затвором, вспышками света передавая команды Маркина.

— Пиши: огонь всеми стволами по разъезду Ширданы! — говорил Маркин.

Ляля оглядывала берег в бинокль.

— Что страслос, лубэзные? — спросил Мамедов.

На «Ване» он остался по разрешению Троцкого, поэтому с ним считались, но сейчас Маркину было не до Мамедова.

На плавбатарее одно за другим загрохотали орудия.

— Ч-чёрт!.. — воскликнула Ляля, не опуская бинокля.

За дебаркадером образовалась мёртвая зона, укрытая от пулемётов, и дезертиры, сообразив, ринулись на дебаркадер, а с него — на пришвартованную канонерку «Кабестан». Ляля видела, как на

борту парохода дезертиры дерутся с матросами, потом серая и дикая толпа солдат поглотила чёрных военморов.

— Николь, петроградцы захватили канлодку-два!

— С-суки... — прошипел Маркин.

— Приказывай бить из пулемётов по «Кабестану»!

Ляля была в таком возбуждении, когда можно отрубить себе руку. Она упивалась этим чувством: не жалко себя — не жалко никого! Её страсть должна вызывать восхищение! Это и есть настоящая жизнь и полнокровная свобода!

— Да как же так?.. — растерялся Маркин. — Там же наши!..

— Бей! — властно крикнула Ляля, прижимая к глазам бинокль.

Пулемётчики ждали команды комиссара.

— Что рты разинули? — повернулся к ним Маркин. — Жарь по канлодке!

Застучали пулемёты «Вани». В предрассветной хмари тёмные надстройки «Кабестана» покрылись бегучими сполохами — пули высекали искры из брони. По воде долетели вопли раненых, но затем с палубы «Кабестана» захлопали винтовки, и с мостика протрещала очередь: петроградцы огрызались. Их пули звонко зацокали в стену рубки, откуда-то раздался вскрик. Маркин присел под защиту фальш борта, а Ляля с биноклем продолжала стоять в полный рост.

Отодвигаясь за спины пулемётчиков, Мамедов поймал себя на мысли, что ему хочется наблюдать за Лялей — изящной и смертоносной, как змея.

— А ты бэспоадна, красавица, — негромко сказал он.

Ляля тотчас полоснула по нему быстрым взглядом.

— Кто вы такой? — свирепо спросила она. — Убирайтесь прочь!

Пулемётные трассы стегали по «Кабестану», будто плети по лошади. А петроградцы, похоже, просто не умели воевать: их пулемёт спотыкался через такт, винтовки бабахали без всякого порядка. Осыпанный огнями «Кабестан» вызвал у Мамедова странное тягостное чувство. Мамедов уже испытывал нечто подобное — когда лежал с «льюисом» перед промыслами в Сураханах, и по дороге меж выгоревших холмов на него пёрла орущая толпа с ружьями, мотыгами и палками. Но та толпа состояла из погромщиков, которые рвались поджечь нефтяные вышки, а толпа на «Кабестане» просто спасалась.

— Алёшка, подавай! — услышал Мамедов.

За рубкой на крыше надстройки находился ещё один пулемёт, которым командовал Волька Вишневский. Боец-заряжающий лежал в крови под трубой дефлектора, и Вольке помогал Алёшка Якутов. Его место, разумеется, было в машинном отделении, но Алёшка там не усидел: услышав стрельбу, он удрал наверх. Волька умело ворочал тяжёлый «максим» на вертлюге и палил по «Кабестану», прицеливаясь сквозь прорез в щитке; Алёшка же, нахлобучив обронённую Волькой бескозырку, расправлял для подачи пулемётную ленту: его завораживало, как «максим» чётко глотает патроны и выплёвывает гильзы. Да и сам бой увлекал, как испытание храбрости.

Мамедов это понял — но в душе вскипело бешенство, точно его обманули. Пригибаясь, он прошёл к пулемётному гнезду, цапнул мальчишку за шкурку, будто щенка, и отшвырнул к трапу, ведущему вниз с надстройки.

— Сыди гдэ положено! — прорычал он.

— Вы чего?! — возмущённо завопил Алёшка. — Не имеете права!

— Ну-ка не мешай, дядя! — через плечо с угрозой бросил Волька.

Но с мостика в это время донеслась команда Маркина:

— Отбой, расчёты! Отбой!

Не выдержав обстрела, дезертиры побежали с парохода обратно на берег. Канонада вдали умолкла — похоже, белые отступили от станции, значит, опасность миновала. Разгорающееся утро нежным розовым светом озаряло затихший «Кабестан», заваленный телами убитых и раненых; казалось, что над палубами парохода повисла лёгкая дымка из распылённой пулями крови.

Ляля сама попросила показать ей расстрел, и Троцкий согласился.

Злосчастный Петроградский полк, бежавший со своих позиций, согнался в кучу на прибрежном выпасе. С низкого и беспокойного неба сеялся мелкий дождь. Вдали виднелись крыши посёлка Нижние Вязовые, со станции донёсся свист паровоза. Простор Волги был пересечён длинным железнодорожным мостом. У кромки невысокого обрыва со связанными позади руками стояли командир и комиссар петроградцев: трибунал уже приговорил их к смерти. Красноармейцы деловито возились возле пулемёта в крестьянской телеге.

— Это называется децимацией, — сказал Троцкий Ляле. — Казнь каждого десятого. Дисциплинарная мера в легионах Древнего Рима.

Троцкий решительно пошагал к петроградцам. Его расстёгнутая шинель шлёпала мокрыми тяжёлыми полами по грязным сапогам.

Толпа петроградцев растерянно гудела. Чекисты из охраны Троцкого, распихивая ошалелых бойцов штыками, заканчивали жеребьёвку: по жребью отбирали тех, кто сейчас умрёт в наказание за общую вину.

— Да как же так?! — отчаянно закричали Троцкому.

— Молчать! — закричал в ответ Троцкий. — Врага испугались, да? Врага нужно убивать! А бояться надо своего класса, его праведного гнева, поняли? Застрелишь врага — будешь жить, но если сбежишь — покарает рука товарища! Врага можно победить, а от народного возмездия нигде не скроешься!

Чекисты в кожанках отделили от большой толпы маленькую — человек в сорок. Большая толпа ещё волновалась, но малодушно затихала, ведь убивать станут других. А обречённые молчали, не в силах поверить в такой поворот судьбы. Эти петроградцы были добровольцами — рабочими из типографий; от фронта они ожидали чего угодно, но не расстрела после первого боя.

— Советская власть ещё проявляет гуманизм! — снова крикнул Троцкий, будто пнул поверженного. — Каждый из вас, трусов и паникёров, достоин пули, хотя получит её всего лишь один из десяти!

Но запомните, предатели: буржуазной милости больше не ждите! Победа или смерть, иного не дано!

Троцкий вернулся к отряду своей охраны и к Ляле. Ляля была ему нужна, чтобы хоть кому-то объяснить, почему он затеял столь страшное дело.

— Люди будут воевать всегда! — яростно выдохнул он, глядя на Лялю дрожащими, почерневшими глазами. — Нет другого способа делать историю! И самый надёжный инструмент — страх смерти! На бесхвостых обезьян он действует сильнее, чем жажда еды, самки или славы! Когда обезьяны знают, что смерть впереди можно перебороть, а смерть позади неизбежна, тогда и начинают сражаться по-настоящему! Бой должен быть спасением, чтобы орда атаквала врага от ужаса! И тот, кто желает своим солдатам победы, должен без всяких колебаний устроить им этот ужас в тылу во имя их же собственных жизней! Такова диалектика войны! Того, кто её не поймёт и не примет на вооружение, растопчут свои же войска, бегущие с поля битвы!

— Но не кажется ли вам, Троцкий, что жестокость слишком примитивна?

Ляля помнила, как требовала стрелять по дезертирам, и сейчас просто испытывала Троцкого. Она думала, что Лев Давидович за явит, будто всё на свете примитивно, — так говорили футуристы, эпатируя публику. Но Троцкий хищно усмехнулся. Он мыслил изощрённее, чем наивные футуристы.

— Лялечка, — сказал он, успокаиваясь, словно где-то в глубине уцепил нужную истину, — никакая цель не достигается усилиями, достаточными для её достижения. Плодотворны только избыточные меры! То, что вы так мило называете жестокостью, есть всего лишь избыточность. Это закон истории! Неужели вы не осознали его на примере памятника Иуде?

К Троцкому подбежал командир пулемётного расчёта, совсем мальчишка.

— Всё готово, товарищ нарком! — отрапортовал он.

Чекисты уже перегнали приговорённых к расстрелу на край берега и выстроили в два неровных ряда — перед пулемётом как перед фотоаппаратом. За спинами приговорённых сквозь дождевую хмарь светилась Волга, над ней сплошной плоскостью медленно шевелились рыхлые белые облака.

В болезненном и жадном ожидании казни Ляля подумала, что пулемётник слишком уж мал по сравнению с длинной двойной шеренгой петроградцев. Впрочем, знаменитая гильотина Парижа по сравнению с огромной площадью Революции тоже была мелковата — зато какое имела значение!

— Начинайте свою работу! — приказал Троцкий мальчишке-командиру.

Мальчишка побежал к телеге, а Троцкий опять повернулся к Ляле:

— Знаете, Лялечка, в пересыльных тюрьмах я сталкивался с жуткими уголовниками. И я усвоил урок. Победа иррациональна. Претендуй на лучшее место в камере, и твоим соперником будет избалованный король, а не его подручные. Не заводи друзей — они продадут. Не щади никого. Сделай своими врагами сразу всех, потому что толпа отступает охотнее, чем одинокий герой.

Троцкий вспоминал — и разгорался в каком-то мрачном упоении.

— К чему вы это? — осторожно спросила Ляля.

— К тому, что побеждают безумцы! Безумцы, которым нужна революция не в России, а на земном шаре! Которым ничего и никого не жаль! Которые бьются не на одном фронте, а на дюжине! Которым мало обычной власти — они жаждут террора, диктатуры, уничтожения целых классов! Децимация — робкий шаг к священному безумию, но шаг правильный, потому что только безумцы овладевали вселенной точно продажной девкой!

Но Ляля уже отвлеклась от речей Льва Давидовича.

Приговорённые не разрывали одежду на груди, не воздевали руки, как на полотне у Гойи, не выкрикивали последние проклятия. Они молчали, странно подавшись вперёд, словно хотели получше рассмотреть своих палачей. Пулемёт застучал, и люди в шеренге начали падать, но вразнобой, некрасиво: сначала в середине ряда, потом — вслед за хлещущими движениями очереди — упали слева, потом справа, а потом пулемётчик прицельно сбил последние кривые фигуры, торчащие без всякого порядка над полосой трупов.

Ляля не могла отвести взгляда от жуткого зрелища расстрела. В её душе переваливались какие-то огромные объёмы: сердце содрогалось, как при виде великолепного произведения искусства — или, наверное, божьего чуда, если бы она верила в бога. Казалось, что пулемёт грохотал невыносимо долго, но это было субъективное ощущение, и

Ляля поняла, что испытала подлинный катарсис. Сейчас, когда всё завершилось, она была опустошённо счастлива, как после первой близости с Гафизом. Вслушиваясь в себя, она с торжеством осознала: да, она — гений, потому что сумела перевоплотить впечатления от неразделённой любви во впечатления от реальной жизни! Такое преобразование её духа вполне стоило смерти сорока петроградцев.

В огромном двухэтажном подземелье депозитария казанского Госбанка бойцы Каппеля нашли немыслимые богатства: больше двадцати тысяч пудов золота в слитках, монетах и эталонах из Палаты мер и весов, пачки ценных бумаг, упаковки с валютой и царскими купюрами. Кассиры банка называли совершенно разные суммы. Борис Фортунатов, уполномоченный КОМУЧа, оценил добычу примерно в пятьсот миллионов рублей старыми деньгами, но провести опись в суматохе было невозможно. Каппель приказал заколотить всё в ящики и переправить в Самару. Ящиков не хватило: за ними посылали на военные склады, в мебельные мастерские и на маслобойные заводы.

Вечером 25 августа ценности начали переносить из подвалов банка в трамваи. Облупленные вагончики в сцепках по три-четыре штуки покатались, дребезжа, из города к пристаням — в мрачное зарево заката. На золоте сидела охрана из чешских легионеров. Берег Волги был оцеплен солдатами Каппеля. У трёх дебаркадеров под парами ожидали лайнеры «Фельдмаршал Суворов», «Боярыня» и «Великая княжна Ольга». На рейде дымили «Орёл» и «Редедя», вооружённые пароходы из флотилии мичмана Мейрера; буксир «Милютин» стоял пришвартованным к плавучему терему «Кавказа и Меркурия».

Мейерер наблюдал за погрузкой с «меркурьевской» террасы. Нынешним утром Мейрера отстранили от командования флотилией и поручили на трёх буксирах сопровождать «золотые лайнеры» в Самару. Мейерер не в силах был смириться со своим понижением в должности. Сердито надвинув мичманскую фуражку так, что оттопырились уши, он смотрел на пристани в бинокль.

К Мейереру подошёл Фортунатов.

— Я догадываюсь о ваших чувствах, Георгий Александрович, — виновато сказал он, — но мы не могли проигнорировать Юрия Карловича. Если Народная армия КОМУЧа — настоящая армия, то наше решение — правильное.

Вчера в Казани появился Юрий Старк, контр-адмирал Балтийского флота. Не желая служить большевикам, он бежал из

Петрограда, сумел добраться до Казани и предложил свои услуги Народной армии. Fortunatov по телеграфу связался с КОМУЧем, и Комитет согласился, что Старк должен возглавить речную флотилию: место адмирала — на кораблях. Мейеру придётся уступить свой пост, потому что адмиралу нельзя находиться в подчинении у мичмана.

— Гражданская война выстраивает свою иерархию! — глухо возразил Мейер. — Флотилию создал я, а не Старк! И я ощущаю себя мальчишкой, у которого взрослые отобрали опасную игрушку. Это унижительно!

— Вы не мальчик, — мягко ответил Fortunatov. — Но вам и вправду всего двадцать два, а Старку — сорок. Он боевой морской офицер, участник Цусимы и Моонзунда. Он командовал дивизионом эсминцев. У него больше опыта, и в этом для вас нет ничего обидного. Даже так, Георгий Александрович... То, что ваше детище мы передаём адмиралу, свидетельствует о ваших незаурядных заслугах. Вы создали подлинный речной флот.

— Довольно, Борис Константинович! — дрогнув голосом, оборвал Мейер.

За Волгой догорал жёлтый закат — яркий, точно до боли придавленный широкой тучей, что надвигалась от Казани. На жидко-золотистой плоскости реки чернели два длинных буксира. Вдоль берега суетились грузчики, по четверо таскали ящики от трамваев к дебаркадерам, кряхтели под тяжестью, но даже не матюгались, побаиваясь непонятных чехов в угловатых фуражках.

Fortunatov вздохнул и похлопал Мейера по плечу:

— Вы тоже будете адмиралом, Георгий.

Он спустился на нижний ярус в помещение штаба. Электрические лампы освещали дощатые стены, за окнами мелькали бабочки, и казалось, что здесь, как на дачной веранде, не хватало только самовара. За столами над картами и документами сидели офицеры, сдающие и принимающие дела флотилии.

— Юрий Карлович, можно вас? — спросил Fortunatov.

Они вышли на галерею. У Старка были внимательные глаза и короткие усики, словно бы хозяин их подстриг, чтобы не мешали командовать.

— Юрий Карлович, окажите любезность, поддержите Мейера словами какого-то особого одобрения. Ему нелегко принять своё новое

положение.

— Его я уже поблагодарил, и публично. Уверен, что этого достаточно.

— Примите в расчёт его молодость и честолюбие.

Старк свысока усмехнулся.

— Борис Константинович, флотилия — не институт благородных девиц, а я для мичмана Мейрера не метресса. По званию мичман не имеет права даже на пароход, однако я поручаю ему целый дивизион вооружённых судов.

Адмирал был прав. Свою непомерно разросшуюся флотилию КОМУЧ разделил на два дивизиона: один — пароходы в Самаре, другой — пароходы в Казани. Лучшими во флотилии были буксиры «Милютин» и «Вульф» — почти что канонерские лодки; «Вульфа» Мейрер считал флагманским судном, поэтому передал Старку, а «Милютина» оставил себе.

— Учитывая отсутствие связи, можно смело утверждать, что в Самаре мичман Мейрер будет по-прежнему возглавлять самостоятельную флотилию, не уступающую моей по численности и качеству. Так что он ничего не теряет.

Фортунатов задумался.

— Чёрт возьми, — нехотя признал он.

— У меня вообще складывается впечатление, что вы больше озабочены не борьбой, а благородством своих деяний, — жёстко добавил Старк.

— Что вы имеете в виду? — тотчас напрягся Фортунатов.

Он был в простой гимнастёрке и фуражке без кокарды, по-солдатски обритый наголо, и на загорелом лице светились прозрачные глаза, а Старк стоял перед ним в белой парадной форме, правда, с нашивками вместо погон, потому что звание контр-адмирала получил при Временном правительстве.

— Я пробирался в Казань по тылам Красной армии и видел, как комиссары готовятся к штурму. Троцкий объявил принудительную мобилизацию. Да, подневольные бойцы — не бойцы, однако они задавят нас своей массой. А что делает военное командование КОМУЧа? У Каппеля слишком мало солдат, а чехи — не самые надёжные союзники. Где ваша Народная армия?

— Мы вербуем добровольцев, хотя население, увы, пассивно.

— Надеяться на здоровое самосознание народа — утопия. Не хотите делать как Троцкий — тогда платите, а не агитируйте. Золото у вас есть.

— Золото неприкосновенно, — твёрдо ответил Фортунатов. — Оно не будет расходоваться на войну. Это решение нашего Комитета. У нас демократия.

Старк с искренним недоумением покачал головой.

— Вы — гражданские люди, поэтому идеалисты. А я — военный человек. И я знаю, что на войне демократия приводит к катастрофе. Война — схватка воли, а не принципов. У большевиков железная воля, они легко отбрасывают всё, что им мешает. А для вас принципы дороже победы. Золото есть средство обзавестись армией, хоть и вопреки вашим идеалам. Демократия сейчас нам не нужна, нам нужен диктатор, который возьмёт золото и добьётся победы!

— Если вы не согласны с нашей позицией, то мы никого не держим, — холодно сказал Фортунатов. — И не мстим за несогласие.

— Я говорю не об устройстве общества, Борис Константинович. Я говорю об условиях формирования армии. Я честен перед вами и открыт.

— Я ценю, — кратко ответил Фортунатов.

Старк с сожалением кивнул и указал на пароходы у пристаней:

— Поверьте, это ошибка.

Ударный отряд флотилии отвалил на закате, чтобы вражескую батарею в Верхнем Услоне пройти уже в темноте. Цель рейда командование держало в секрете, хотя все военморы в общем знали: белые уводят из Казани караван — три пассажирских парохода и три вооружённых буксира, и пассажирские суда надо захватить или утопить. Ударный отряд состоял из четырёх канонерок во главе с «Ваней» и миноносца «Прочный», на котором в рейд отправились командир флотилии Раскольников, его жена Лялька и сам нарком Троцкий.

Троцкий и всякие Ляльки Алёшку нисколько не интересовали.

Он жаждал увидеть «Прочный» на ходу. Это же морской корабль! Округлые обводы его корпуса не такие, как у речных судов, и ещё он имеет киль. Он сидит глубже, иначе воспринимает волнение и обладает сильной инерцией, а потому менее манёвренный, зато более скоростной. Всё это очень важно! Наплевав на гнев старшего машиниста — ему ведь всё растолковано сто раз, чего ругаться-то? — Алёшка то и дело выбирался из трюма на палубу, чтобы посмотреть на «Прочный», но в темноте и без бинокля ни шиша не мог разобрать.

Флотилия пришла в Свияжск вчера вечером. У Алёшки разбегались глаза при виде необычных судов, но самое жгучее любопытство вызывали, конечно, три настоящих миноносца. Их перегнали на Волгу с Балтики; они пересекли бурную Ладогу и протиснулись по каналам Мариинской системы. Длиной они были примерно как буксиры, но очень узкие, с непреклонно-отвесным форштевнем. На носу у каждого стояли орудие и круглая башенка визирной рубки с огороженной площадкой наверху, за ней на шкафуте — мачта и четыре дымовых трубы, на вытянутой кормовой части — ещё два орудия. Алёшке страшно понравились эти кораблики, и он воображал себя великаном, который берёт миноносец в ладонь, словно витую тропическую раковину с шипами.

Пять пароходов двигались по реке в кильватерной колонне, рассчитывая перестроиться перед началом атаки. Первым шёл «Ваня», за ним — «Прочный», «Лев», «Ташкент» и «Кабестан». Ходовых огней

не зажигали — укрывались от белых дозоров на берегу; на дымовые трубы надели сетки-искроуловители; плиты гребных колёс обмотали тряпьем, чтобы не шумели.

Пространство казалось сплошной тьмой: зыбкая и плоская чернота вокруг была Волгой; шевелящаяся и косматая чернота вверху была тучами. В рубке «Вани» старый лоцман, мобилизованный принудительно, вглядывался во мрак и сварливо бормотал, определяя путь по неведомым приметам:

— Гуляевский перекаат... Перовская коса... Второй Свяжский проран... Васильевские пески... А тамо будет перевал перед Марквашами...

Перевалами речники называли перемещение фарватера к другому берегу.

Мамедов стоял у фальшборта за колёсным кожухом и караулил Алёшку. Парень, похоже, обиделся, что во время боя с дезертирами Мамедов выволок его из-за пулемёта: больше не заговаривал, делал вид, что не знает. Мамедова это огорчало. Алёшка был из породы инженеров, сразу понятно, а инженеров Хамзат Хадиевич уважал превыше всех прочих. Если бы можно было выбрать себе новую жизнь, то он выбрал бы жизнь инженера. Хотя таким, как Шухов, ему никогда не быть. Дарований не хватит. Для Алёшки Мамедов выменял у краснофлотцев подарок — офицерский морской бинокль.

Алёшка выскочил на палубу из машинного отделения, шмыгнул к борту и уставился за корму — туда, где плыл миноносец. Мамедова он не заметил. Мамедов подошёл и похлопал Алёшку по плечу. Алёшка сразу обернулся.

— На. — Хамзат Хадиевич протянул ему бинокль. — Пригодится, слюшай.

— Не надо мне от вас ничего! — встопорщился Алёшка.

— Это подарок от мэня, — мирно пояснил Мамедов. — Нэлзя отказываться.

Алёшка посмотрел на Мамедова с подозрением, потом забрал бинокль и тотчас вперился в направлении «Прочного».

— Когда чего дэлаешь, сначала подумай: стал бы так дэлать, ну, Шухов тот же, а? — в затылок Алёшке сказал Мамедов. — Стрэлять бы как чёрт он стал?

— Не знаю, про что вы, — буркнул Алёшка, хотя обо всём догадался.

— Так оно устроено, лубэзный, что ты отнимаэш — и у тэбя убавляется, — задумчиво продолжил Мамедов. — Убывать — это, слыш ай, просто. А йинженер — для сложного. Прывыкнэш к простому — сложное нэ нужно будет...

Алёшка не поворачивался, но уши его шевельнулись, как у зверя.

— Мне в машинное пора!

Хамзат Хадиевич посторонился, пропуская Алёшку. Он не сомневался, что Алёшке всё ясно. Не дурак ведь. Ой совсем, слушай, не дурак.

Пароход скользил по реке почти беззвучно, только в трюме глухо сопела и постукивала машина, да шипел пар в клапанах. Справа на взгорье проползли мерцающие огоньки Верхнего Услона. Вдоль берега у пирсов сгрудились порожние баржи; Маркин знал, что дальше на мелководе лежит сожжённый бронепароход «Белая акация» — он погиб позавчера, но разглядеть его Маркин сейчас не сумел. Слева едва угадывалось устье реки Казанки.

— Не засада ли? — спросил у Маркина капитан Осейчук. — Слишком тихо...

— Ничё не тихо, — возразил зоркий лоцман. — Вон на стоянке малых судов буксир причаленный пары сдувает... Люди ходют на пристанях... Транвай в Казань укатывается... Кого-то отсюда недавно проводили.

— Караван ушёл! — с досадой понял Осейчук.

— Догоним, — угрюмо пообещал Маркин.

«Ваня» крался вдоль правого берега, а с левой стороны теперь была видна череда дебаркадеров; их очертания сливались очертаниями пришвартованных к ним судов, будто у дебаркадеров выросли мачты и трубы.

— Боевая флотилия, — пояснил старый лоцман. — Но котлы холодные.

За пристанями на Бакалдинском яру торчали кряжистые тумбы нефтяных баков общества «Олеум», купца Асадуллаева, компании «Мазут» и, наконец, «Бранобеля». В чёрных тучах над рекой протаяли синие размывы.

Маркин всей душой хотел догнать караван и утопить какой-нибудь пароход с золотом. Или два парохода. А то и все три, если повезёт! Эта победа как бы объединит его с Лялькой: продувная Лялька разузнала про караван, а ловкий Коля Маркин разгромит его! И спасибо Феде Раскольникову, что поставил «Ваню» в порядке головным — у головного больше шансов на фарт.

На изгибе протяжного плёса и Маркин, и капитан, и штурвальный — все сразу — заметили вдали два судна: буксир и смутно светлеющий лайнер.

Лоцман прищурился, опознавая пароходы.

— Это «Милютин» Митрия Василича Сироткина и «Боярыня» общества «По Волге». Точно говорю.

Маркин вскинулся: Лялька же называла «Боярыню»!..

Маркин выскочил из рубки и скатился по трапу на палубу к носовому орудью. Комендоры, дремавшие в полубашне, оживились.

— Палланго, видишь пароходы? — спросил Маркин. — Сколько до них?

Командир орудия Арво Палланго приник в полубашне к дальномеру.

— До пассажирского дьэвят кабелтовых, до буксыра съем, — сказал он.

— Достанешь снарядами до пассажирского?

— Как в мьшэн положу, — спокойно заверил Палланго.

— Тогда пали! — приказал Маркин.

«Боярыню» накрыло первым же выстрелом. Снаряд взорвался в салоне на корме. Пароход мощно толкнуло вперёд, и в рубке все едва не упали: Горецкий успел подхватить старенького седобородого лоцмана, а матрос-штурвальный вцепился в рукоятки штурвала. Тентовую палубу — то есть крышу парохода — вздыбило на конце, а световая надстройка салона разлетелась вдребезги. Но машина продолжала работать исправно, и колёса вращались.

В караване, увозившем ценности Госбанка, пассажирская «Боярыня» и вооружённый буксир «Милютин» шли замыкающими — третьей парой. Две другие пары — «Суворов» с «Орлом» и «Княжна Ольга» с «Редедей» — уже скрылись в непроглядной темноте. Канонерка большевиков появилась словно ниоткуда. «Милютин» сразу переложил рули, заваливаясь в разворот. Капитан Федосьев загораживал своим судном путь к незащитной «Боярыне», но канонерка стреляла вверх «Милютина». Рядом с «Боярыней» взлетели два шумных водяных столба. Потом, наконец, забабахали орудия «Милютина».

Горецкий выдернул заглушку из переговорной трубы.

— Чердаков, как у вас дела? — крикнул он старшему машинисту.

— Всё в порядке, — прошуршал в трубе ответ Чердакова.

В рубку сунулся старпом, он прибежал с нижнего яруса.

— Есть указания, Роман Андреевич?

— Да, Степан Степаныч. Мне нужна здесь пара матросов: чувствую, что потребуются посыльные.

Романа обстрел не пугал — слишком уж маловероятной казалась гибель от снаряда, который выпущен за версту от него, да ещё и почти вслепую. Роман вышел из рубки и встал у леерного ограждения палубы.

Большой, высокий и длинный лайнер осторожно продвигался по ночному плёсу, дикому без бакенов, как во времена скифов. Вокруг распростёрлось необитаемое и плоское пространство: широкая река с отмелями и островами, заливная пойма с меженными озёрами. Ни единого огонька до горизонта... А выше по течению гулко гроыхала

перестрелка двух пароходов. Слева и справа от «Боярыни» из тьмы как привидения то и дело возносились белые фонтаны: большевики не теряли надежды подбить удаляющегося противника. Один фонтан подпрыгнул так близко, что брызги упали Роману на лицо.

На палубу поднялись несколько матросов.

— Вы бы побереглись, господин капитан, — сказал кто-то из них.

— Ничего, братцы, — бодро ответил Роман.

Кромка берега на повороте осветилась — похоже, на нефтяных пристанях что-то подожгли. Красная щель во мраке напоминала кровавую царапину.

Мощный удар обрушился на «Боярыню», и Горецкого сшибло с ног. В глазах мелькнуло пламя разрыва, низкие тучи, крутящиеся в воздухе обломки гребного колеса и дымящая труба парохода... Роман лежал на палубе, будто раздавленный. В голове колотился звон. Преодолевая ошеломление, Роман попытался встать, и его сразу подхватили подбежавшие матросы.

— Вы как, Роман Андреич?.. Целы?.. — помогая, спрашивали они.

— Что случилось? — с трудом спросил Роман, отстраняя чужие руки.

— Снаряд прямо в «сияние» угодил!..

Роман качнулся в сторону рубки. Матрос опять поддержал его.

Значит, канонерка всё-таки дотянулась до «Боярыни»... Дверь в рубку перекосило, матрос еле отволол её наполовину. Под ногами хрустело стекло из разбитых окон. Штурвальный и старый лоцман смотрели на капитана недоверчиво — способен ли он соображать после контузии?

— Смотрите на фарватер! — сердито бросил им Горецкий и склонился над воронкой переговорной трубы: — Чердаков, докладывай!..

— Плохо, господин капитан! — зашевелился голос в трубе. — Правое колесо с передачи сорвало. Под машиной фундамент треснул. Котёл потёк... И вода!

— Много воды? Быстро прибывает?

— Много, выше стлани, — прошуршала труба. — И прибывает быстро.

Роман распрямылся, бессмысленно глядя в тёмный провал окна.

Судя по всему, от взрыва снаряда расклепались листы обшивки. С такими повреждениями «Боярыне» на плаву не удержаться: у речных судов трюм не делился на герметичные отсеки, и большая дыра оказывалась смертельной раной. Сквозь ноющую боль в висках Роман осознал: пароход уйдёт на дно.

Нужна была хотя бы минута, чтобы освоиться с этим опустошающим пониманием. За неделю своей работы Роман не успел привязаться к пароходу и людям на борту, но укоренился в ощущении, что его карьера наладилась. А теперь всё опять к чёрту. Словно ступени подломились под ногами. Парохода ему не жаль, жаль потерянных перспектив. Ведь участие в «золотом караване» — это авторитет, который непременно был бы учтён в любой судокомпании...

Роман сердито встряхнул головой: сейчас следует подумать о деле!

Как речник, он не боялся затопления: большие пароходы не тонули безвозвратно. Глубины у рек невеликие, а пароход — собственность дорогая; хозяева поднимали свои суда, ремонтировали и вновь выпускали в рейсы. Так что речники не боролись за плавучесть парохода; по возможности, они сразу готовили судно к пребыванию под водой и, конечно, спасали пассажиров.

— Михалыч, надо на мель выбрасываться, — сказал Роман лоцману.

Старик взял бороду в кулак, размышляя.

— Нас перевалом на правый берег жмёт, — сообщил он, — однакось там яр... А с одним левым колесом налево, где Бакалдинская коса, нам быстро не вырулить. Покуда корячимся, коса уже закончится... До Услонского песку не дотянем... Нет, господин капитан, придётся лечь на ходовую.

— Ясно, — мрачно выдохнул Горецкий и навис над переговорной трубой: — Чердаков, заливай котёл! Нижней команде эвакуироваться наверх!

Котёл надо было загасить постепенно, иначе он лопнет в воде. Потом, когда пароходу дадут вторую жизнь, котёл не придётся заменять на новый.

В рубку через перекошенную дверь протиснулся старпом, голова у него была обмотана окровавленной тряпкой.

— Роман Андреич, Малахова и Софронова убило...

Горецкий внимательно посмотрел старпому в глаза:

— Степан Степаныч, «Боярыня» обречена.

Старпом растерянно моргнул.

— Приказываю команде надеть плавательные приборы и собраться на тентовой палубе. Вахтенные пусть проверят все помещения. А вы ступайте в кладовую и убедите банковских покинуть трюм. Их груз утонет вместе с пароходом.

В трюме «Боярыни» лежали сорок ящичков с ценностями Госбанка. Их поместили в кладовку ресторана, так как в ней имелся лифт — с его помощью продукты доставляли на камбуз. Спустив ящички, лифт опечатали. В кладовке сидели два охранника с револьверами и банковский кассир. Дверь в кладовку тоже заперли и опечатали.

У лифта и у входа в кладовку дежурил караул.

— Надежды нет? — робко спросил старпом.

— Нет, — отрезал Горецкий.

За рубкой в дымовой трубе засвистело — это стравливали пар из котлов.

У Романа раскалывалась голова, но хуже было от тяжести досады. Увы, недолго он прослужил капитаном лайнера... Почему опять у него неудача?.. Кто в ней виноват? Большевики? Или изначальная несправедливость жизни?

— Покиньте рубку, — приказал Роман лоцману и штурвальному.

Лоцман закряхтел и перекрестился, а штурвальный неловко отнял руки от штурвала, словно надеялся, что дальше тот сможет управлять судном сам.

— Прости, любезный... — пробормотал он.

Романа такие сантименты раздражали. Он не верил в душу парохода. Да, у судна может быть характер и даже судьба, но вера в его душу накладывает на капитана неуместные ограничения.

Из рубки он вышел последним. Пароход уже плыл сам по себе и кренился на правый борт. Где-то вдаль ворочался тихий гром и мелькали вспышки — то ли «Милютин» ещё сражался с канонеркой, то ли в Казани стреляли. Длинная тентовая палуба в темноте выглядела островом, бесшумно парящим над рекой, и на этот остров выбирались люди в пробковых нагрудниках. Матросы вынесли тела

погибших и вывели раненых. Появились банковские охранники и ошеломлённый кассир. Старпом, хромая, ходил и всех пересчитывал, однако боцман до сих пор пропадал где-то внизу — рыскал по каютам. С края палубы Роман увидел, что белый обнос правого борта окунулся в чёрную воду.

Внезапно люди на палубе загомонили:

— «Милютин»! «Милютин»!..

В полуверсте от «Боярыни» из темноты вылепился буксир Федосьева.

Словно убедившись, что команду спасут, «Боярыня» прекратила борьбу. Громада парохода задрожала в судорогах агонии; справа и слева вдоль бортов шумно забурлили груды пузырей — это вода выдавливала воздух из трюмов. «Боярыня» начала медленно и неудержимо погружаться. Огромное движение всей массы парохода пугало, будто оползень, когда земля вдруг жутко едет из-под ног. Люди на тентовой палубе засуетились, хватаясь за леера: никто не знал, какая здесь глубина, утонет ли «Боярыня» полностью. Пароход осел в воду до прогулочных галерей, затем до больших окон второй палубы, затем ещё немного, а потом мягко ударился брюхом о речное дно. Широким кругом раскатился последний выплеск, и всё застыло в окончательности гибели.

— Это моя ошибка, товарищ нарком, — признал Раскольников. — Напрасно я поставил пятую канлодку во главе ордера. Маркин слишком увлекается.

Подняв очки на лоб, Троцкий разглядывал берег в бинокль. На левом траверзе миноносца «Прочный» уже виднелись пристани Казани. С пароходов белогвардейской флотилии, пришвартованных к дебаркадерам, до миноносца долетал звон корабельных рынд. Белые объявили тревогу: их переполошила пальба, которую устроил Маркин. Рейд оказался рассекречен.

— Пока что не всё потеряно, — упрямо возразил Троцкий.

Раскольников вежливо улыбнулся:

— Если мы последуем за Маркиным, то противник атакует нас с тыла.

— Наши пароходы лучше вооружены и бронированы.

— Да, но судов у белых больше. Их флотилия и охрана каравана возьмут нас под перекрёстный огонь. А на обратном пути нас встретят батареи.

Ляля знала, что Раскольников считал рейд опасной авантюрой. Поскольку идея рейда принадлежала Троцкому, Фёдор Фёдорович решил не спорить — он никогда не спорил с командованием. Но сделал так, чтобы рейд провалился ещё до того, как пароходы попадут в ловушку. Холодное иезуитство мужа у Ляли вызывало отторжение — и в то же время восхищало красотой замысла и пониманием людей. Ляля полагала, что Троцкий и Раскольников — прекрасные чудовища, только один — из пламени, а другой — из льда.

Ляля была рада приезду мужа, командира флотилии, тем более что Фёдор её почти не стеснял. Раскольников умел появляться там, где начиналось какое-то движение, причём оно непостижимым образом поднимало Раскольникова на новые высоты — а вместе с ним и Лялю. При Фёдоре Ляле было интересно, а при Ляле Фёдор непременно привлекал к себе особое внимание — как же, супруг знаменитой большевистской красавицы!.. Но Ляля быстро поняла, что любви между ними не получилось.

На мостике «Прочного» они стояли вчетвером: Троцкий, Раскольников, Ляля и мичман Георгиади — молодой капитан миноносца. Мостик был круглой площадкой с броневыми бортами; площадка крепилась поверх приземистой башенки визирной рубки. Позади рубки дымили четыре невысоких трубы, а впереди, на баке, располагалась длинноствольная пушка системы Канэ.

— Что ж, — мрачно сказал Троцкий, — тогда хотя бы обстреляем пристани.

Георгиади спустился с мостика и пошагал к комендорам.

От выстрелов мощных орудий миноносец закачало с бока на бок. Ляля видела, как вдали на пароходах друг за другом вспыхивали яркие разрывы, на мгновения беспорядочно высвечивая надстройки, трубы, мачты, косые линии тросов, хищные силуэты пушек и закругления колёсных кожухов. В хаосе огня и дыма мелькали тёмные фигурки людей. Миноносец шёл мимо пристаней и молотил снарядами по неподвижным целям. Троцкий замер возле фальшборта, жадно рассматривая в бинокль разрушения на судах белогвардейцев.

Снаряд миноносца попал в нефтебаржу, и у берега взметнулся огромный факел. Грохот был такой яростный, будто пространство от боли разломилось на куски, и сквозистая темнота вокруг факела обугленно почернела. Троцкий отпрянул от борта. Оторопелая река покрылась алыми бликами отражений. Пожарище озарило — словно поймало — миноносец на фарватере, отбросивший на слепящие волны веер длинных теней от своих четырёх труб.

— Извержение Везувия! — удовлетворённо пробормотал Троцкий.

Он оглянулся. Ляля в безмолвном восторге похлопала в ладоши, точно в театре, а Раскольников, как обычно, сохранял невозмутимость.

— Мы возвращаемся! — решительно заявил Троцкий. — К чёрту золото! Зачем оно революции? Мы устремились не к золоту!

— А к чему? — весело спросила Ляля, ожидая какого-то парадокса.

— Вот к этому, и только! — Троцкий вытянул руку и указал на факел. — Мы дикари, которым нужен костёр! Мы не боимся опустошить весь мир, он должен запылать до небес! Мы лишены морали! Борьба для нас важнее победы, нам плевать на победу, значит, мы и победим!

Раскольников, высокий и светловолосый, молчал с еле заметной улыбкой. Он всегда понимал больше, чем говорил. И знал, ради чего прилагает усилия.

Троцкий, конечно, всё уловил.

— Не уверен, Раскольников, что вам доступны такие мысли, — свысока обронил он. — Но вы, Лялочка, из нужного матерьяла. Вы же античная богиня!

Раскольников поспешно отступил с дороги, и Троцкий ссыпался по трапу с мостика — энергично, словно у него были какие-то дела на корабле.

— Античная богиня? — негромко повторил Раскольников, словно пробуя на вкус, и с лукавым укором посмотрел на Лялю. — Не заигрывайся, дорогая моя. Лев Давидович — не Коля Маркин. Он может быть очень опасен.

— Что за намёки, Раскольников? — Ляля покраснела и рассердилась.

— Не увлекайся его романтикой, — мягко посоветовал Раскольников. — Не забывай о себе. Например, сейчас Лев Давидович покинул мостик вовсе не от избытка чувств. Просто он заметил, что нас обстреливают, а ты не заметила.

Ляля бросила взгляд на берег. От пристаней — с палуб пришвартованных пароходов — по миноносцу озлобленно били несколько полевых пушек, а где-то даже трещал пулемёт. Багряные столбы разрывов терялись в рассыпанном сверкании реки, и быстрые чёрные полосы их теней ещё ни разу не коснулись миноносца; звуки береговой канонады гасли в царственном грохоте орудий «Прочного». Ляля только сейчас обратила внимание, что от всего их отряда осталась одна лишь канлодка «Лев» — она шла в кильватере миноносца позади на полверсты. Нижний край неба в створе дрожал бледными всполохами.

— Похоже, батарея Услона связала боем «Ташкент» и «Кабестан», или даже утопила кого-то из них, — спокойно пояснил Раскольников. — Так что у нас теперь отнюдь не пять судов. Возвращаться — правильное решение.

Для артиллерии миноносец являлся трудной целью: он сидел в воде почти так же низко, как суда-мониторы, быстро перемещался и не имел высоких надстроек вроде колёсных кожухов и рулевой рубки над

ними. Издалека могло показаться, что трубы, пушки и мостик «Прочного» торчат прямо из реки, а комендоры бегают по волнам. И всё же орудие белых достало до миноносца. «Прочный» уже миновал череду дебаркадеров и поворачивал, на циркуляции открыв противнику свой узкий борт, и в этот миг снаряд ударил ему в куда-то корму. Заскрежетала сталь, но взрыва не случилось, однако от жёсткого толчка Ляля едва не упала — Раскольников еле успел её поймать.

— Пора и нам побережся, — усмехнулся он, не теряя присутствия духа.

В круглой визирной рубке было тесно, как в трамвае: у штурвала стоял рулевой, за его плечом — капитан Георгиади, рядом — старпом и Троцкий; возле маленьких, размером с тарелку, иллюминаторов, не зная, как смотреть на реку через эти дырки, нелепо топтались два лоцмана. Вестовым матросам уже не хватило места, и они сидели на корточках снаружи за дверью. Раскольников и Ляля в рубке были совсем лишними, но уйти Раскольникову не позволяла должность, ведь он командовал всем отрядом судов.

— Корабль не слышит руля! — обеспокоенно сообщил штурвальный.

— Румпель заклинило, — определил старпом. — Надо винтами рулить!

Георгиади со звяком перебрисил рукоятки машинных телеграфов.

— Левая стоп, правая полный! — скомандовал он в переговорную трубу.

Машины работали вперебой, миноносец дёргался. Его тонкие переборки вибрировали от выстрелов тяжёлых орудий. Ляля ощущала напряжение командиров. Троцкий быстро глядел то в один иллюминатор, то в другой.

— Диденко, далеко «Лев»? — крикнул вестовому Георгиади.

— Два кабельтова, товарищ капитан! — из-за двери тотчас ответил матрос.

— Отсемафорь, чтобы брал нас на буксир!

«Прочный» замигал прожектором.

«Лев» принял послание и сквозь водяные столбы разрывов, как сквозь редкий перелесок, вошёл в широкую дугу, намереваясь сойтись с «Прочным» бортом к борту, чтобы принять буксирный конец. Долгий

манёвр пароходов казался тщательно рассчитанным, а потому безопасным, и всё же в последний момент миноносец с повреждённым рулём предательски рыскнул. Он с лязгом врезался носом в бронированный колёсный кожух «Льва»: броня вмялась, и раздавленное гребное колесо застряло в искорёженном кожухе намертво.

Со «Льва» донёсся озлобленный мат.

— Джандаба!.. — тихо выругался Георгиади.

Потеряв одно колесо, «Лев» уже не сумел бы тянуть за собой миноносец: возможностей второго колеса и машины ему хватило бы только на то, чтобы самому карабкаться вверх по течению, компенсируя рулём отклонение от оси.

Два плохо управляемых парохода торчали посреди реки, освещённые пожаром, и по ним от берега продолжали бить пушки.

В рубке Троцкий требовательно смотрел на Раскольников и Георгиади. Его глаза похолодели — во взгляде наркома читался безжалостный приговор.

Но вестовые закричали в открытую дверь:

— Товарищ капитан, «пятёрка» возвращается!..

Не роняя достоинства, Раскольников шагнул из рубки на палубу, и Ляля последовала за ним. Вдали, в конце створа, в бурной темноте моргал огонёк. Ляля поняла, что это сигналист прожектором канлодка номер пять — «Ваня».

— Маркин услышал канонаду и спешит на подмогу, — поняла Ляля.

— Значит, у нас будет другой буксир, — спокойно сказал Раскольников.

Ляля усмехнулась, глядя на Фёдора Фёдоровича. Конечно, Раскольников ревновал — и к Маркину, и к Троцкому. Он знал характер Маркина и намеренно поставил «Ваню» во главе колонны, догадываясь, что Маркин ринется в драку и нарушит замысел Льва Давидовича. Раскольников умело подвёл Колю под гнев Троцкого. Но Коля сейчас выручит Льва Давидовича и этим сохранит его расположение. Не такие уж и простаки те мужчины, которых она, Ляля, выбирает себе в свиту. Да и сам Федя — тоже в её свите, хоть и думает иначе.

«Милютин» вернулся в Казань на рассвете. В затихшей Волге отражались облака, розовые и безмятежные; к ним поднимался, истаивая, смоляной дым догорающей нефтебаржи. Пришвартованные пароходы были помяты, а порой изувечены снарядами; у дебаркадеров зияли выбитые окна, чернели пробоины в крышах. В воде плавали щепки. От вида разрушений на пристанях Роману стало как-то полегче: не только с «Боярыней» случилась беда.

Петру Федосьеву, капитану «Милютина», и Горецкому пришлось давать показания в Штабе флотилии адмиралу Старку, а потом всё заново объяснять Фортунатову, который ночью услышал пальбу на Волге и прикатил из города на авто. Роман невероятно устал. Голова болела. Отделавшись от всего, Роман выбрался на улицу и присел на скамейку в ожидании трамвая.

Нежно светило нежаркое солнце, по булыжникам мостовой ходили чайки, с пароходов доносились голоса и стук молотков. Неподдалёку притормозил чёрный «паккард» с Фортунатовым. Борис Константинович открыл дверку.

— Роман Андреевич, прошу, — пригласил он. — Вам ведь тоже до города.

Мотор уютно фырчал, автомобиль покачивался на рессорах. Мимо плыли тополя, столбы с проводами, потом — сараи кирпичного завода, за ними — дома Адмиралтейской слободы с краснокирпичной громадой паровой мельницы. Роман думал о том, что в Казани его подстерегает тоска: ни женщины, ни работы, ни будущего... Фортунатов искоса посматривал на Горецкого.

— Роман Андреич, не желаете ли повторить попытку с транспортировкой особого груза? — наконец спросил он.

— Что вы имеете в виду? — неохотно поинтересовался Горецкий.

Он опасался обманывать себя очередной напрасной надеждой.

— Ящики с «Боярыни», безусловно, следует достать. И переправить по прежнему адресу. Вы — капитан. Вы знаете «Боярыню» и место её гибели. От имени КОМУЧа предлагаю вам осуществить эту операцию.

— А почему мне?

— Доверяю рекомендации Георгия Александровича Мейрера. Фортунатов руками в крагах крепко сжимал большой руль.

— Я имею в виду не это. Почему вы не обращаетесь к адмиралу Старку?

— Видите ли, Роман Андреевич... — Фортунатов помолчал. — Есть некие соображения. Или даже сомнения. Я могу изложить, если угодно.

— Угодно, — сказал Роман.

Фортунатов тяжело вздохнул.

— Адмирал считает, что золото нужно потратить на создание армии. Боюсь, что груз «Боярыни» он сдаст военному командованию или чехам, а не Комитету. Поэтому я и не хочу, чтобы транспортировкой командовал Старк.

Роман задумался, разглядывая мрачную пирамиду памятника Убиенным воинам и багдадские шпили далёкого кремля над железными крышами домов.

— То есть вы, Борис Константинович, предлагаете мне извлечь ящики из трюма «Боярыни» и перевезти их в Самару — но втайне от адмирала Старка?

— Так точно, — кивнул Фортунатов.

— Вы настолько уверены во мне? — честно спросил Горецкий.

— Я не знаком с другими капитанами, — честно ответил Фортунатов.

«Паккард» уже катился по дамбе, и слева блестел изгиб реки Казанки.

— Что ж, я согласен, — обречённо сказал Горецкий.

На следующий день он поехал к Арахчинскому затону, и ему повезло: он нашёл карчеподъёмницу, оборудованную мотопомпой, водолазной станцией и лебёдкой со стрелой. Там же, в затоне, среди брошенных судов, брандвахт и барж, Роман присмотрел себе и буксировщик — небольшой винтовой пароход «Кологрив», по сути — разъездной катер Казанского округа путей сообщения. «Кологрив» имел большой трюм, способный вместить ящики с «Боярыни». Фортунатов помог набрать матросов и отыскал водолаза с командой.

Карчеподъёмница была громоздким сооружением из двух понтонов, соединённых помостом с надстройкой. «Кологрив» с

натугой перетащил эту посудину к затонувшему лайнеру: его покорёженная белая крыша, рубка и труба торчали из воды на фарватере Бакалдинского плёса. Карчеподъёмницу прочно расчалили на мощных якорях и пришвартовали к «Боярыне».

Работа оказалась трудоёмкой. Роман наблюдал, как водолаза обряжают в балахон с тяжёлыми свинцовыми башмаками и привинчивают к его медному ошейнику шлем с иллюминатором, надевают ремень и грузы, подсоединяют шланг и тросик. Получившееся чудище грузно влезало в особую стальную беседку, и её на таях спускали в воду. За беседкой уползал и шланг. Стучала мотопомпа, качая воздух; сигналист чутко держал в руке сигнальный фал.

Роман представлял, как водолаз медленно и зыбко, словно в загробном мире, идёт по затопленным помещениям трюма «Боярыни», светит фонарём, открывает двери, отгребает рукавицей муть. В тесной кладовке в одиночку он осторожно ворочает длинные ящики из-под винтовок — они в воде гораздо легче обычного — и вталкивает их в проём кухонного лифта, а затем неспешно вращает штурвал, вручную передвигая платформу лифта наверх, в камбуз.

В крыше парохода над камбузом прорубили широкую дыру, а над ней соорудили подъёмник вроде колодезного журавля. Матросы ныряли в камбуз, выволакивали ящики из лифта на пол и заводили под них стропы; журавль вытаскивал ящики на крышу. Стрела карчеподъёмницы снимала их оттуда и, поворачиваясь, переносила в распахнутый трюмный люк «Кологрива».

Слаженная, ловкая работа водолазной команды и матросов не нуждалась в руководстве капитана Горецкого. Роман вынес стул из каюты и просто сидел на палубе «Кологрива», размышляя о своих делах. Простор плёса оставался пустынным — ни парохода, ни рыбацкой лодки. Стучала мотопомпа, изредка под бортом шлёпала лёгкая волна. Небо ласково лучилось — такой мягкий и тёплый свет над рекой бывает только в августе, когда в природе всё, и даже солнце, отягощено спелостью, когда всё куда-то клонится и густо растекается от изобилия. Время жатвы, время сбора плодов — если есть что собирать.

Роману казалось, что он начинает понимать, почему у него ничего не получается. Он пристраивается к чужой игре — а надо навязывать

свою. Так действовал Мейерер — и создал флотилию. Так действовал Мамедов — и вернул баржу. Учредилловцы или нобелевцы устанавливали собственные правила, а большевики или компания «Шелль» не желали подчиняться вообще никаким законам. Тот, кто ищет себе выгодное место в чужой игре, всегда проигрывает, как в Святом Ключе на Каме проиграл злосчастный Иннокентий Стахеев.

— Майна, твою мать!.. — беззлобно кричал крановщику матрос.

Мокрый ящик на стропах осторожно опускался в трюм. Роман подумал, что никто здесь не подозревает о золоте. О нём не знают и два бойца охраны — вон лежат в тенёчке у трубы и зевают. Бойцам, матросам и водолазной команде было сказано, что в ящиках находятся винтовки. Истина известна только ему, капитану Горецкому, и Фортунатову. Когда «Кологрив» с грузом уйдёт в рейс до Самары, капитан Горецкий останется единственным хранителем тайны.

Вот взять — и присвоить сокровище... Дерзко, да, но это была бы хорошая игра... Такая, какая ему и нужна... Роман с горечью усмехнулся: он взрослый человек, а вдруг нелепо размечтался о пиратстве, как мальчишка... В реальный капитал золото может превратиться только в Европе или в Америке, однако с тысячепудовой добычей ему в одиночку не совладать... Как прятать ящики со слитками? Как вывозить их из России?.. Это невозможно... Или возможно?

На морском флоте, на волнах Цусимы или Моонзунда, это чувство было умозрительным и абстрактным, а здесь, на волжских пароходах, оно обрело подлинность: контр-адмирала Старка до глубины души обжигало понимание, что он действительно защищает народ, как и должно военному человеку.

Войска большевиков взяли Казань в полукольцо. Пал Верхний Услон, канонада гремела за Арским полем, на железной дороге не утихали орудия красного бронепоезда. Отряды Каппеля, поредев наполовину, ещё дрались на рубежах, но чехи отступали. Из Казани по Лаишевскому тракту потянулись длинные обозы беженцев. Беженцы хлынули и на пристани Дальнего Устья.

По затонам и стоянкам Штаб обороны собирал пароходы — изношенные, не отремонтированные зимой и не испытанные летом, однако привередничать было поздно. На пристанях скопились огромные толпы горожан с мешками и чемоданами, с узлами и баулами: делоправители, учителя, священники, присяжные поверенные, журналисты, агрономы, торговые агенты, оперные артисты, купцы, железнодорожники, земские доктора, инженеры, биржевые маклеры, университетские профессора, мастеровые и приказчики. Время от времени к причалу подруливал какой-нибудь облезлый товарно-пассажирский пароход или буксир подтаскивал баржу, и начиналась посадка.

Юрий Карлович опасался паники, давки на трапах, мордобоя, истерик, но беженцы соблюдали порядок — их словно бы опустошило отчаянье. Они поднимались по сходням, помогая друг другу, вели детей и стариков. Все эти люди уже прожили под властью Советов первую половину 1918 года; они знали, что их ждёт, и покидали свой город без сомнений и колебаний. Юрий Карлович был потрясён: он видел Великий Исход. И горячий гнев адмирала, медленно остывая, преображался в ледяную непримиримость. Никакая власть не имеет права так обращаться с его соотечественниками!

Погрузка на суда продолжалась три дня. Адмирал отправил вниз по Волге семь пароходов своей флотилии — они должны были

контролировать движение хаотической армады беженцев. Пять пароходов составили арьергард: они перегораживали створ, не подпуская канонерки большевиков к Казани. Свой вымпел Старк держал на буксире «Вульф». 9 сентября красные прорвались на ближние окраины города: заняли пороховой завод, Кизическую слободу и дачи Немецкой Швейцарии. Тогда Старк отдал команду завершать эвакуацию.

«Вульф» ушёл из Казани последним.

Бегство пароходов оказалось катастрофой, растянутой на полсотни вёрст. Юрий Карлович такого не ожидал. Паровые машины гражданских судов то и дело глохли; без лоцманов перегруженные пароходы застревали на отмелях; неопытные матросы-штурвальные устраивали одно столкновение за другим. На Ташевском, Шеланговском и Антоновском перекатах сбились огромные кучи пароходов и барж. Вооружённые буксиры из защитников превратились в спасателей: они снимали гражданских с песков, проводили по фарватерам и присылали своих механиков. Арьергард просто сгребал отстающих и толкал вперёд. Армада беженцев, путаясь и спотыкаясь, за день проползала такое расстояние, какое исправный пассажирский лайнер преодолевал за час.

А с тыла армаду то и дело атаковали канонерки большевиков. Они легко догоняли беженцев и били из орудий, не разбирая, мирное судно или военное. Красных надо было осаживать. Командовать пароходами арьергарда Старк назначил военных моряков: они знали, что такое ордер и тактика. «Вульф», «Дредноут», «Киев», «Труд» и «Авиатор» маневрировали на плёсах и брали вражеские суда под перекрёстный огонь. Любой моряк в душе всегда считал, что речной флот — это не по-настоящему; но когда «Вульф» так знакомо раскачивался от выстрелов пушек, Юрий Карлович понимал, что нет разницы между сражениями на море и на реке. Огонь и смерть везде одинаковы.

На четвёртый день арьергард Старка дошёл до села Богородского. Чуть ниже его слева в Волгу двумя рукавами впадала Кама. Вся армада беженцев, дымя десятками труб, почему-то сгрудилась под кручей берега. К «Вульфу» приблизился «Милютин» — он должен был возглавлять движение, но вместе со всеми ожидал контр-адмирала. На «Вульф» перебрался капитан Федосьев.

— В чём дело, Пётр Петрович? — спросил его Старк.

Федосьев чувствовал себя стеснённо: он не сберёт «Боярыню» и теперь думал, что адмирал относится к нему с пренебрежением.

— Юрий Карлович, большевики захватили Симбирск и перерезали Волгу. Гражданские боятся идти мимо Симбирска под пушками красных и требуют повернуть в Каму. Виноват, что не переломил их упрямства.

Взгляд у адмирала был острым и быстрым.

— В их страхе нет вашей вины, господин Федосьев. Опасность и вправду велика. Вы правильно сделали, что дождались меня. — Адмирал задумался и посмотрел на хмурое скопище пароходов. — Позвольте полюбопытствовать, Пётр Петрович, а вы на моём месте какое решение приняли бы?

— Гражданские могут уйти вверх по Каме под охраной нескольких наших судов, но мы получили приказ перебазироваться в Самару.

Старк усмехнулся, ощетинив подстриженные усы. Федосьев ещё молод, он жаждет сражаться с врагами и взять реванш за неудачу с «Боярыней».

— Что вам важнее, Пётр Петрович: личная слава, которую вы можете добыть в боях под Самарой, или общая борьба с большевиками?

— Разве в Самаре не общая борьба? — Федосьев вскинул голову.

— Учредилловцы потеряют Самару, как уже потеряли Казань и Симбирск, и борьба там закончится. КОМУЧ имеет достойных офицеров — Каппеля и Мейрера, но, прошу поверить, он не способен организовать армию и флот.

Федосьев напряжённо молчал.

— В Уфу сейчас съехались представители всех антибольшевистских сил востока России. Надежда свободного Отечества — в Уфе. Если гражданские не хотят рисковать в Симбирске, то я поведу всю флотилию в Каму.

— Вы нарушите приказ, — предупредил Федосьев.

— Да, — кивнул Старк. — И дозволю вам нарушить мой приказ и уйти в Самару, если вы со мной не согласны. Я понимаю, как важна вам сатисфакция.

Федосьев покраснел.

— Простите за дерзость, Юрий Карлович, — сдержанно сказал он, — однако в вашем намерении я тоже вижу личный мотив. Вы не хотите командовать там, где Георгия Александровича Мейрера уважают больше, чем вас.

Старк долго смотрел Федосьеву в глаза. Федосьев не отвёл взгляд.

— Я знаю, что после моего отъезда из Петрограда мою жену большевики посадили в «Кресты», — спокойно сообщил он. — У меня малолетние дети — сын и дочь, и я не имею ни малейшего представления, где они сейчас находятся. Моё поражение под Самарой, а лучше — моя гибель стали бы спасением для моей семьи и для моей души. Так что мне тоже нужно в Самару. Но я поведу флотилию в Уфу. Для этого у меня действительно есть весомый личный мотив.

Он называется «родина».

Часть пятая
НАЙТИ

Начиная с излучины у села Частые, широкая Кама расплеталась на узкие протоки, пробирающиеся сквозь многовёрстную россыпь Частых островов. Лоцман Федя Панафидин указал место, откуда можно стрелять по любому из трёх фарватеров — здесь «Русло» и нёс дежурство, преграждая путь пароходам большевиков. Пермская флотилия стояла в Осе, и вооружённые буксиры каждый день пытались прорваться к богатым сёлам ниже Частых — к Ножовке, Елово и Бабке. У мужиков пылала страда, а красным был нужен бесплатный хлеб. Только «Русло» защищал мужиков от продотрядовских грабежей. Но в этот день чужое судно появилось снизу по течению.

— Кто там прётся? — удивился Никита Зыбалов.

Он вышел из рубки и зазвенел в рынду, отбивая тревогу.

В железной утробе парохода загремели башмаки команды.

— Бурмакин, давай лево руля до полной, — негромко скомандовал Федя штурвальному, подменяя капитана. — Разворачиваемся.

Капитаном «Русла» Зыбалов стал после бунта злополучного Дорофея. Бывший слесарь и солдат, Никита ничего не смыслил в управлении буксиром, но особых навыков ему и не требовалось: «Русло» болтался на одном и том же небольшом участке реки между Сарапулом и Осой — эти два города, занятые красными, обозначали на Каме границы Ижевской рабочей республики.

Неизвестный пароход приближался. С «Русла» напряжённо разглядывали чужака. Буксир, но не «Сергей Витте» и не «Рассвет» — то есть не из флотилии воткинцев. На сквозисто-синем просторе он казался чёрным, как головня.

— Пресвятая Богородица!.. — потрясённо охнул матрос Перчаткин.

От парохода веяло какой-то жутью: борта его были помяты, окна выбиты, надстройка издырявлена пулями и осколками, краска обгорела. Хотя гребные колёса вращались, из трубы валил дым, а на палубе виднелись люди, пароход казался мертвецом. На рубке еле прочитывалось название — «Товарищ».

И Федя вспомнил его. Построенный в Костроме «Дружиной», компанией братьев Шиповых, «Товарищ» лет сорок честно оттрубил на Волге, а потом перебрался на Каму — его купил капитан Яков Михалыч Пирожков, речник из тех упрямых одиночек, что хотели быть сразу и водителями, и владельцами своих судов. Как почти все на Каме, Пирожков работал то у Любимовых или Якутова, то с Мотовилихинскими заводами, фирмой Нобелей или промыслами графов Строгановых. Было дело, Федя ходил на «Товарище» лоцманом от Усолья до Ярославля. Пирожков не произвёл тогда никакого впечатления — дельный, но молчаливый человек, скучный и ничем не примечательный.

«Русло» и «Товарищ» сблизились и перекинули швартовы.

Федя увидел на кормовой палубе несколько гробов.

Зыбалов, придерживая руку на кобуре с наганом, подошёл к фальшборту, а на «Товарище» к фальшборту подковылял мужик с самодельным костылём.

— Ты капитан? — спросил Зыбалов. — Военская команда есть?

— Я старпом, — ответил мужик. — Капитан ранен. Солдатов не везём.

— Кто это вас так поджарил?

— Да ваши и постарались, белые. — Усталый старпом не скрывал правды. — Мы-то за красных служили.

Зыбалов озадачился.

— И какого хрена вы сюда притащились?

— А теперича, вишь, мы чёрные стали. — Старпом кивнул через плечо на обгорелую надстройку. — Домой ползём. Отвоевались.

— Думаешь, я тебя пропущу? — прищурился Зыбалов.

— На кой мы тебе нужны? — пожал плечами старпом.

— Вы враги, — с угрозой пояснил Зыбалов.

— Ну, типа того были, — неохотно согласился старпом. — Дак всё ведь уже.

— В Перми ваш пароход большевики реквизируют!

— У них и без нашей лохани судов девать некуда.

Зыбалов задумался, не зная, что предпринять.

— Веди к капитану! — решительно сказал он, открывая дверь в фальшборте.

Федя увязался за Никитой: в команде «Товарища» он не ощущал никакой опасности, а Пирожков был давним знакомцем, с которым надо поздороваться.

Вид Пирожкова потряс Федю — и сбил с Никиты командирскую спесь. Капитан «Товарища» сидел на стуле в рубке рядом со штурвальным. Руки, завёрнутые в тряпье, он смиренно держал на коленях. Лоб и глаза Пирожкова были толсто обвязаны бинтами, борода торчала опалёнными ключьями.

— Незрячий он, — шепнул старпом, покачиваясь на костыле.

— А хоть слышит?.. — растерянно спросил Зыбалов.

— Слышу, — произнёс Пирожков, не двигаясь.

— Большевики нас после Троицы в Набережных Челнах мобилизовали, — сказал старпом. — Три дня назад загнали к нам на борт человек сто солдат, закатали бочки с мазутом, велели в Смыловку везти. Ну, мы повезли, а куда податься-то?.. За Вятским устьем ваши и налетели, «Виття» этот и «Рассвет». Зачали по нам лупить из пушки и пулемётов. Смерть непроглядная...

Пирожков ничего не говорил, только подрагивали ключья бороды.

— У нас на борту — пожар, и рубка загорелась... Штурвального убило. Половина команды — в воду, и к берегу... Солдатики раненые кучами на палубе лежат, кто стонет, кто кричит. Як-Михалыч сам штурвал взял. Снаряд взорвался — капитану стёкла в лицо... А он рулит, нас из-под пуль выводит...

Федя посмотрел на штурвал. Несколько деревянных рукояток у него были обуглены. Вот почему у Пирожкова обе ладони тряпками замотаны...

— Як-Михалыч-то буксир на берег и выбросил, — вздыхая, завершил старпом. — Вослепу, во тьме, по одной твёрдой памяти капитанской.

Зыбалов слушал и катал желваки на скулах. Ему, пехотинцу германского фронта, всё это было знакомо.

— Ясно, — глухо сказал он. — Куда вы теперь?

— В Орёл. Жена там у Як-Михалыча. Обиходит, поди.

Пирожков, как и Дорофей с братом Севастьяном, тоже был родом из Орла — деревни капитанов.

— Ступайте с богом, — разрешил старпому Зыбалов.

Непримиримый к большевикам, сейчас он понял, что не важно, за кого ты — за белых или за красных. Чья власть — дело десятое, когда человек выбирает себе облик: людской, когда за други своя, или звериный, когда за свою шкуру.

Федя едва не плакал, глядя на Пирожкова, неподвижного, как на иконе. Феде казалось, что там, в своей тьме, капитан увидел то, что незримо для глаз, — божью тайну жизни, и потому застыл в ошеломлении. Вот бы ему, Феде Панафидину, служить лоцманом при капитане вроде Якова Пирожкова.

Винтовой пассажирский теплоход назывался «Вадим Аршаулов». Иван Диодорович был знаком с Вадимом Павловичем — встречал его в московском доме Дмитрия Платоновича Якутова.

Инженер Аршаулов разработал дизель для знаменитого лайнера «Бородино»; «бородинская» серия из четырнадцати судов позволила «Кавказу и Меркурию» выиграть в «состязании лайнеров». Признавая заслуги инженера, одному из теплоходов победоносной серии компания дала имя «Аршаулов». Однако Иван Диодорович думал об этом с тёмной горечью. После революции Вадим Павлович бежал от большевиков за границу, а лайнер его имени большевики приспособили под свой штаб.

Длинный теплоход по привычке пришвартовался к «меркурьевскому» дебаркадеру города Осы. На приподнятом берегу вздымался белый Успенский собор, окружённый садом; за кронами синел круглый купол Троицкого собора. Вооружённые пароходы, в том числе и «Лёвшино», стояли у пристаней под парами. В Осе красные собрали оба дивизиона бронefлотилии — «чекистский» и «матросский». Теперь флотилия была частью Отряда особого назначения, которым командовал бывший штабс-капитан Аплом. Отряд сформировали для разгрома восстания на Ижевском и Воткинском заводах.

Иван Диодорович не знал, зачем его вызвали к Аплому.

На берегу сновали красноармейцы, разгружались подводы, автомеханик копался в моторе броневика, дымили полевые кухни, артиллеристы, матерясь, вручную катили по лужам гаубицу с рогожным чехлом на стволе.

Часовой остановил Нерехтина у мостков на дебаркадер.

— Пропусти, боец! — тотчас донеслось с галереи «Аршаулова».

Это крикнул Ганька Мясников, комиссар первого дивизиона.

Штаб Отряда особого назначения размещался в носовом ресторане. Ивана Диодоровича встревожило, что его ждали здесь одни командиры: сам Аплом, начальник штаба и комиссар отряда, а с ними

— чех Лангер, новый командир флотилии, и матрос Кириллов, командир первого дивизиона.

— Вот он, Нерехтин! — Ганька хлопнул Ивана Диодоровича по спине, словно давнего приятеля. — Следствием определён как свой! Ещё в затоне подавил контрреволюцию у себя на борту, потом возил продрозвёрстку. Военные действия с пароходом врага осуществлял всерьёз, так что моя партийная рекомендация при нём чистая и в комплекте. Доверенный товарищ.

Аплом, похоже, не слушал Ганьку, цепко рассматривая Нерехтина. Ему, Аплому, не было и тридцати лет, но выглядел он старше от ранней седины. Сухощавый, со строгой выправкой офицера, который выбился из низов и потому чтит устав, Аплом носил полевую фуражку без кокарды.

— Давно работаете капитаном? — спросил он у Нерехтина.

Ивану Диодоровичу понравилось, что ему не тыкают по-большевистски.

— С девяносто первого года, — ответил он.

— Полагаю, что Каму изучили хорошо?

— Хожу без лоцмана.

— Это у них позиция, что хорошо, — встрял Ганька, поясняя.

Ганька чувствовал, что для военных он не авторитет, и суетился, изо всех сил пытаясь произвести впечатление специалиста по местному судоходству.

— Знаете село Арлан? — Аплом слегка прищурился.

— Знаю, но там не бывал. К Арлану дорога из Николо-Берёзовки.

— Про нефтепромысел вам что-либо известно?

Иван Диодорович вспомнил, как Ханс Иванович Викфорс, управляющий Нобелевским городком, несколько раз говорил ему об Арлане.

— «Бранобель» бурил где-то под Арланом. Хотя про фонтаны я не слышал.

— Фонтанов и нет, — согласился Аплом. — Пока только вышки в лесах.

— Я в Баку на подпольной работе состоял в активе, — тотчас снова сунулся Ганька. — Сабунчи-табунчи, всякие промыслы повидал. Землю сверлят и год, и два, нефть — она в глубинных поясах. Без нефти республике никуда!

— По приказу командарма Берзина мы должны взять эти промыслы под охрану, — сообщил Аплом, наблюдая за Иваном Диодоровичем. — Надо туда доставить десант матросов на барже. Поручаю это вам, товарищ Нерехтин.

Иван Диодорович промолчал. Принуждение всегда угнетало его.

— Отказываешься? — весело вперился в Нерехтина Ганька.

Иван Диодорович не сомневался, что Ганька — дай повод — набросится на него с таким же пылом, с каким только что хвалил, и растерзает в клочья.

— Я не отказываюсь, — хмуро осадил он Ганьку. — Но есть соображения... — Нерехтин недоверчиво глянул на Аploка. — Или это не важно?

— Говорите, — спокойно дозволил Аплом.

— Нам придётся прорываться мимо чебаков.

— Чебаками воткинцев зовут, — пояснил Ганька.

— А Николо-Берёзовка, откуда тракт на Арлан, давно под рябинниками.

— Под ижевцами, — пояснил Ганька.

— Помолчи, комиссар, — поморщился Аплом.

— Разведка доносит, что у воткинцев на деле только один боевой пароход — «Русло», — вступил начальник штаба. — Получится, пароход против парохода.

— «Русло» и утопил «Медведя», — мрачно сказал Иван Диодорович. — То есть «Карла Маркса». На «Русле» вояки отчаянные, и лоцман молодец.

— Мы не можем отправить несколько судов, — с недовольством возразил Аплом. — Это привлечёт внимание ижевцев к нашей операции, и они вышлют отряд для обороны промыслов. Десант будет разбит. Ничего не поделать, капитан, вам потребуется уничтожить вражеский пароход самим. Война.

Нерехтин отвёл взгляд. За переборкой трещала пишущая машинка, будто штаб находился при губернской канцелярии. Ивану Диодоровичу не хотелось никаких рейдов и сражений с «Руслом», никаких матросов на барже.

— Гарнизон в Николо-Берёзовке не должен вас беспокоить, — продолжил начальник штаба. — Село пройдёте ночью, незаметно. Десант надо высадить на нобелевской пристани в устье Белой. На ней

раньше выгружали оборудование для промыслов. К буровым через леса проложен подъездной путь.

— Устье — сплошные протоки да старицы. — Иван Диодорович в сомнении покачал головой. — И нобелевской пристани я там не знаю, не был никогда.

— Пристань разыщите, вы не новичок, — жёстко усмехнулся Аплом. — На барже для воздушной разведки у вас будет аэроплан «Ньюпор» и лётчик.

Иван Диодорович угрюмо размышлял, что ещё сказать Аплому.

— До промыслов Арлана ближе и безопаснее добраться из Сарапула. В Сарапуле — красные, и у них свои пароходы есть.

Аплом дёрнул плечом, словно поёжился от холода:

— Бригада Овсеенко вряд ли удержит Сарапул. Овсеенко нам не поможет. И прекратите упадничество, капитан.

— Ненадёжный он, — злорадно заметил Ганька. — Рисуем, товарищ Аплом.

Аплом посмотрел на него с усталостью и неприязнью.

— Исполняйте, — обронил он Нерехтину. — Кстати, не забудьте закрасить новое название вашего буксира.

Отвал назначили на раннее утро. Иван Диодорович лежал на койке и в темноте под тихий плеск воды размышлял, не помолиться ли, чтобы завтра господь уберёт его пароход от снарядов «Русла»? В дверь постучали.

В коридоре, тускло освещённом керосинкой, стоял старпом Серёга Зеров, а рядом с ним — человек в кожаной военной форме и с саквояжем в руке.

Он небрежно прикоснулся двумя пальцами к потёртой фуражке.

— Военлёт Свинарёв. Прошу разместить меня в отдельной каюте.

— Откуда же я её возьму? — удивился Нерехтин.

— Не могу знать, товарищ капитан, — ответил гость.

Светлые глаза у него сидели близко к носу, будто бы так лётчику было удобнее выглядывать из-за борта кабины во время полёта.

— А на барже с матросами вам не по чести? — спросил Нерехтин.

— Я должен занимать отдельную каюту, — спокойно повторил военлёт.

Иван Диодорович хмыкнул и посмотрел на Серёгу.

— Штешкину, значит, — вздохнул Серёга.

Команда «Лёвшина» теснилась в кубрике, артиллеристам и пулемётчикам отдали трюм, сколотив там нары, и кают для военлёта на буксире не было — кроме разве что каюты Штеши. Раньше этот закуток возле гребного колеса служил каптёркой боцмана. Снятую с «Медведя» Шешу Иван Диодорович принял в матросы и приказал Панфёрову перетащить барахло из каптёрки в форпик — нехорошо, если баба поселится в кубрике с мужиками, пусть живёт наособицу. А теперь, похоже, придётся Шешку турнуть.

После гибели «Медведя» Шеша была как мёртвая. Её поразила не смерть Севастьяна, а взаимная ненависть братьев-капитанов. Севастьян и Дорофей вроде любили её, Шешу, но без колебаний швырнули в костёр старой вражды. И во что же тогда ей, Шеше, верить? На что надеяться, если даже любовь не осилила жажду первенства и мести? Кому она, Шеша, нужна, кроме сына?

— Прости, дева, — виновато сказал Нерехтин. — Хрен знает, откуда этот летун приземлился... Мы тебя проводим в кубрик и команду вразумим.

Вещей у Стешки был только жалкий узелок — всё утонуло на «Медведе». Серёга Зеров хотел взять этот узелок, но Стеша не заметила его порыва.

В кубрик спускалась железная лесенка; из проёма доносились невнятные голоса внизу, будто в кубрике ругались, проиграв в карты. В подвешенных к бимсам керосинках фитили уже пригасили на ночь, и низкое помещение тонуло в полумраке, но машинисты, кочегары и матросы не спали — торчали на своих нарах, как взъерошенные куры на насестах, и разговор у них, похоже, был на нерве. Серёга поднял руку и подкрутил одну лампу поярче.

— О чём спор после отбоя? — спросил он.

— Есть о чём... — недовольно ответил кто-то.

Серёга сделал вид, что не замечает непорядка.

— Ребята, Степанида к вам переходит, — сообщил он. — Девяткин, сбегай к боцману, принеси холстину какую... Мы Стешке уголок выгородим.

— Это польза, — с озлоблением согласился из темноты матрос Колупаев. — Побалует нас бабочка перед завтрашним.

— Тебя, Колупаев, я щас по зубам побалую, — тотчас пообещал Серёга.

Стеша это слышала, но лицо её не дрогнуло.

За Стешей по крутой лесенке, кряхтя, слезал Иван Диодорович.

На лежаке над Колупаевым поднял кудлатую голову Митька Ошмарин. Он был единственным, кто заснул, и, как всегда, ничего не понимал.

— А чево завтра-то? — зевая, спросил он.

— Да ничего, — ответил Серёга Зеров.

— На смерть нас гонишь, капитан! — вдруг закричал Павлуха Челубеев.

Нары под грузным Павлухой закачались и заскрипели. И людей в кубрике словно прорвало гневом — все заорали на Ивана Диодоровича.

— Мы в солдаты не нанимались! — Машинист Подколзин ударил кулаком в потолок. — Какого беса нам под пули соваться?!

— «Русло» всех завтра утопит! — надрывался матрос Краснопёров. — Там черти на борту! Скрыгина уже убили — а он сосед мне по деревне был!..

— Мою-то ораву кто без меня прокормит? — вопил штурвальный Дудкин.

Иван Диодорович молчал, ему нечего было сказать. За спиной капитана появился старший машинист Осип Саныч — из своей каюты он услышал гвалт в кубрике. В свете керосинки его очки и лысина сердито блестели.

— Я сбегу поутру! — тонко крикнул матросик Егорка Минеев.

— Да все сбежим! Могила тут! — поддержали его матросы и машинисты.

Теперь они были заодно, а не набрасывались друг на друга, как прежде. Но Ивану Диодоровичу стало как-то душно от глупости команды.

— В рейсе позор с парохода сбегать! — строго сообщил Осип Саныч.

— Лучше позор, чем на дно!..

Иван Диодорович заговорил негромко, но его слышали:

— Да куда вы денетесь на берегу? Большевики вас поймают — расстреляют как дезертиров, рябинники сцапают — расстреляют как большевиков! Война везде достанет!

— Я в деревне отсижусь! — крикнул Егорка Минеев.

— Тебя свои же мужики выдадут — от греха подальше!.. Усвойте, дурни: мы все уже с клеймом! Хотите уцелеть — так держитесь одной стороны!

— Какой? — вспыхнуло в кубрике с новой силой. — Красной? Белой?

— Моей! — рявкнул Иван Диодорович в лица своих речников.

— А ты-то что можешь, дядь Вань? — страдальчески спросил Дудкин.

Иван Диодорович не заметил, что в кубрик спустился и боцман Панфёров. На деле надёжный, на словах боцман всегда был с гнилятиной.

— Капитан много может, — вкрадчиво сказал Панфёров. — Вон Стешку пригрел... Будет завтра нам защитой, чтоб Дорофей не стрелял.

— «Медведя» она не прикрыла, — сразу поверив, с презрением ответил матрос Колупаев. — Или Дорофей уже другую арфистку себе подыскал?

Колупаев сидел на койке напротив Стеши, и Стеша молча кинулась на него, как собака, вцепилась ему в волосы и ударила головой о стенку.

— С-сука!.. — взревел Колупаев.

Серёга Зеров обхватил Стешу, отдирая от Колупаева, и Стеша забилась в руках старпома, пытаясь пнуть врага. Обида и горе хлынули из неё со слезами.

— Падлы!.. — в голос зарыдала Стеша, захлёбываясь. — Падлы вы все!..

Платок у неё свалился на плечи, и волосы метались, точно у кликуши.

Мужики в кубрике оторопело затихли.

— В свою каюту её запихну, дядь Вань... — едва удерживая Стешу, растерянно пробормотал Серёга. — Сам в кубрик переберусь...

Серёга потащил содрогаящуюся Стешу к лестнице.

Иван Диодорович окатил команду угрюмым взглядом.

— К утру-то хоть подотритесь, — бросил он, поворачиваясь за старпомом.

На душе у Ивана Диодоровича было погано, словно его предали.

Иван Диодорович тяжело взбирался по крутым ступенькам и думал, что ему надо наплевать на свою команду. Мелкие и шкурные людишки. В пустом коридоре перед своей дверью он почувствовал, что хочет чего-то светлого, доброго, и тогда пошёл к каюте Дарьи, хотя и не следовало беспокоить баб посреди ночи.

Он постучал кончиками пальцев и осторожно заглянул в щёлку.

— Спите, девушки?..

В тёмной каюте на лежаке зашевелилась Дарья: приподнялась, опираясь на локоть, и отвела прядь с лица. Круглые груди её натянули рубашку.

— Катюшка спит, умоталась за день на камбузе, — тихо ответила Дарья. — А что за склока в кубрике была, Ванюша?

— Ерунда одна. — Иван Диодорович небрежно махнул рукой и прикрыл дверь, а потом снова приоткрыл её и прошептал в темноту: — Я тебе не Ванюша, Дарья, а называюсь капитан, усвоила?

Он ясно понял, что завтра должен уберечь пароход.

— Не скули давай тут мне! — с досадой сказал Феде Никита Зыбалов. — Ни хрена не стрясётся! Ежели красные появятся, так Бурмакин с колокольни затрезвонит. Я услышу и рысью примчусь. Всё, шабаш разговорам!

«Русло» стоял под парами у пристани села Частые. В селе Никита нашёл какого-то фронтовика, с которым воевал на Галичине, и твёрдо намеревался обмыть свиданьице. В дозоры Никита выводил судно теперь только по ночам, а днём за обстановкой следил наблюдатель на колокольне Воскресенской церкви. Колокольня служила маяком для пароходов, и наблюдатель с высоты обзирал всю широкую излучину Камы перед россыпью Частых островов.

— Мне ночью караулить, а днём я спать должен! — возразил Федя.

— Мы под Луцком трое суток без сна бились, и ничего! Перетопчешься!

Никита ушёл, а Федя остался. Делать ему было совсем нечего. Он уныло уселся перед рубкой на пожарный рундук. Пригревало мягкое солнце бабьего лета. Вахтенные лежали на кормовой палубе и дрыхли, закрыв лица шапками. Из трубы лениво курился дым, изредка вылетала струя пара. С простора плёса нежно веяло свежестью скорых осенних дождей. В селе, пустом по случаю страды, было тихо, и лишь в кузнице стучал молоток. На мелководье у берега громоздились брошенные суда: косо притопленные железные баржи и два товарно-пассажирских парохода — жутко безглазые, облезлые и разворованные местными мужиками почти до голых корпусов. Вдоль ржавых бортов барж важно плавали гуси, по галереям пароходов бродили собаки.

Федя вздрогнул от окрика часового с дебаркадера:

— Фёдор, эй, тебя тут спрашивают!

— Пропусти на борт! — крикнул в ответ Федя.

Трап закрипел под неспешными шагами немолодого человека, и Федя обомлел: на мостик поднялся Иван Диодорыч Нерехтин, капитан «Лёвшина» — вражеского парохода! Федя быстро вскочил: вся Кама уважала Диодорыча.

— А где Дорофей? — огляделся Нерехтин.

Федя сдёрнул картуз с лоцманским значком.

— Я здесь заместо капитана... — робко сказал он. — А Дорофей Петрович... Он... Убили Дорофея Петровича.

Нерехтин, замерев, молча смотрел на Федю и ожидал объяснений.

— Ну, в том бою, когда мы с вами и с «Медведем» сражались... — Феде неловко было напоминать Нерехтину о былой схватке. — Дорофей Петрович забунтовал. Не захотел, чтобы мы из пушки стреляли по «Медведю»... Его скрутили. В баржу бросили, где пленные. Арестанты его там и удавили.

— Вот оно как... — тяжело произнёс Нерехтин.

Федя помялся и виновато сообщил:

— А вам нельзя сюда. У нас же с вами война, Иван Диодорыч.

— Откуда знаешь меня? — буркнул Нерехтин.

— Кто ж вас на Каме не знает? Я — лоцман, звать Фёдор, из Панафидиных.

Помрачневшие, застывшие глаза Нерехтина словно бы немного ожили.

— Панафидины, которые в Николо-Берёзовке?

— Угу, — кивнул Федя. — Финоген — дедушка мой, а Василий — батюшка.

— Почтенные люди, приятельствовал я с твоим отцом... Присяду, устал.

Иван Диодорович опустил на пожарный рундук и постучал ладонью рядом с собой, приглашая Федю.

— Буксир в пяти верстах отсюда к берегу приткнул и пешком припёрся. Думал с Дорофеем потолковать... Вопрос у меня к нему был деликатный...

— Может, я пособлю? — с готовностью предложил Федя.

— Ну, может, пособишь... — неуверенно пожал плечами Иван Диодорович, поколебался и продолжил: — Словом, я веду баржу к нобелевскому промыслу на Бельском устье. Задание мирное — людей доставить. Ижевскому бунту от того никакого вреда не будет. Я рассчитывал попросить Дорофея украдкой пропустить меня мимо дозора, ведь Шешка-то его нынче на «Лёвшине» в матросах... Однако ж Дорофея больше нет... А ты меня пропустишь, Фёдор? Федя похолодел.

— Это измена, — осторожно заметил он. — За такое расстреливают.

Нерехтин хмыкнул с горькой насмешкой, точно расстрел был не самой суровой расплатой, и неожиданно поинтересовался:

— А ты почему за рябинников?

— Да я не за них, — смутился Федя, — я не по своей воле... Никита Зыбалов, командир на «Русле», образ Николы Якорника забрал. А мы, Панафидины, при этом образе испокон живём... Он покровитель наш. Как отдать?

— Да, Якорник — образ драгоценный, — согласился Нерехтин. — Но ведь он для всех, а не только для твоего буксира. Возьми икону и сбеги.

Федя замотал головой:

— Нет! Никола судно защищает! Я образ унесу — а вы «Русло» потопите.

— Тебе-то что? Ты фронтовикам не брат.

Федя словно поскользнулся в своих мыслях. И вправду, а ему то что?

— Пароходы топить нельзя, — тщательно взвешивая слова, сказал он. — Мы, лоцманы, для сбережения судов созданы. Хоть одно судно, да сберегу.

— Сбереги уж и моё.

Иван Диодорович смотрел Феде прямо в глаза.

— Вы же за комиссаров... — страдальчески сморщился Федя.

— Я за свой пароход.

Федя не ответил, только покраснел, — но в этом и был его ответ.

— Ну, как сам рассудишь... — Иван Диодорович хлопнул ладонями по коленям и грузно поднялся. — Боишься — и бог с тобой. Я ведь не тебя искал, а Дорофея. Надеялся, что он Стешку пожалеет... Дорофей, конечно, мужик был безалаберный, но не юнец.

Федя мгновенно понял, что сейчас Нерехтин уйдёт — и больше никогда уже не заговорит с ним как с человеком своего дела, разве что поздоровается при встрече. А судоходство держалось на людях вроде капитана Нерехтина... Да что там судоходство — на них опиралась сама жизнь! И сейчас он был прав, Иван-то Диодорыч. Он не устрасился и пришёл прямо в логово врага, чтобы попросить об одолжении, а вот Федя... Нет, Федя не смалодушничал — просто

всегда искренне полагал, что вера должна спасать, а не ввергать в опасность! Вера — она же как лоцманская наука!..

— Иван Диодорыч, погодите! — подскочил Федя. — Что я за дурак-то?!..

Нерехтин нехотя оглянулся.

— Простите за недомыслие!.. — Федя едва не плакал. — Пойдёмте в каюту ко мне, я вам на листочке ходовые в островах начерчу! Укажу, где караулить буду и как «Лёвшину» мимо «Русла» проскользнуть! И нобелевскую пристань на Бельском устье тоже обозначу, я ведь всё знаю! Пойдёмте!

— Повезло тебе с погодой, капитан, — хмыкнул матрос Бубнов. Он словно признавал хитрую уловку своего противника.

Ночь выдалась безлунная — глухая и мутная. Казалось, что над тёмным плёсом плывут, шевелясь, какие-то длинные области полной черноты. Мелкий дождик будто завис в воздухе: влажное пространство впитывало все звуки.

Бубнов командовал и десантным отрядом из балтийцев, и рейдом в целом. Краснофлотцы размещались в трюме баржи, на палубе которой, расчаленный тросами, топорщил крылья самолёт «Ньюпор» — биплан с поплавками. С кормы баржи сейчас сбросили лоты — шипастые чугунные болванки на цепях, чтобы они, волочась по дну, тормозили баржу, не позволяя ей нагонять свой буксир. Иван Диодорович вёл судно с самой малой скоростью: чует руль — и достаточно. Вытянутым крамболом пароход осторожно прощупывал тьму перед носом, как слепец — тросточкой. Впереди лежали Частые острова.

Огни на «Лёвшине» были погашены, говорить на палубе разрешалось только шёпотом, и даже приказы в машину Нерехтин отдавал вполголоса: во время своего нелепого бунта матросы сломали машинный телеграф, починить его не получилось, и Нерехтин по старинке пользовался переговорной трубой.

— Саньч, пар травы без свиста, — наклоняясь над раструбом, негромко скомандовал Иван Диодорович и, распрямившись, глянул на штурвального: — Дудкин, на осьмушку лево руля подай. Ходовую-т о различаешь?

— Ни шиша, дядя Ваня...

Сквозь маленькие окна и вправду ничего не было видно. Нерехтин вышел из рубки и встал возле двери — так он мог хоть что-то рассмотреть на реке.

— Обдурит нас твой лоцман, — запахивая бушлат, сообщил Бубнов.

— У нас своих не дурят.

— У всех дурят, у всех. — Бубнов дружески похлопал Ивана Диодоровича по плечу. — Как только пойму, что засада, первую пулю тебе влеплю.

Дудкин бросил в проём открытой двери быстрый испуганный взгляд.

— Не вертись, — одёрнул его Иван Диодорович.

На борт буксира Бубнов привёз с собой с баржи полдюжины балтийцев.

— Измены не допущу, — заверил он Нерехтина. — Если что, братишки всех перестреляют. Приказ товарища Аплока. Усвоил, капитан? — Дядя Ваня за красных! — обиженно сказал от пулемёта Сенька Рябухин.

Артиллерийские расчёты и пулемётные команды на «Лёвшине» остались прежними — чекистскими, из рабочих Мотовилихи. Однако местных чекистов Бубнов тоже не считал надёжными людьми.

— Заткни клюз, — посоветовал он Сеньке.

Буксир и баржа втянулись в узкую протоку мягко и бесшумно для реки, хотя Иван Диодорович с мостика слышал тихий шелест воды под плицами. В недрах парохода сопела и постукивала машина — будто дремлющая корова ворочалась в стойле. Иван Диодорович выбрал левую воложку не случайно. Лоцман Федя сказал ему, что «Русло» встанет в дозоре на правой ходовой. Иван Диодорович надеялся на честность лоцмана: в этом парнишке он увидел природного речника, а река повязывает людей друг с другом крепче кровных уз. Море так не повязывает. Оно слишком большое, и ты в нём далёк от всех.

Буксир и баржа медленно ползли по фарватеру сквозь беспокойный мрак. Справа едва угадывалась плоская туша острова, заросшего ивняком. Где-то там, за островом, прятался вражеский пароход. Федя объяснил Нерехтину, что со своей позиции «Русло» может внезапно атаковать из проток, нацеливаясь носом в борт противника. В прошлом бою такая тактика обеспечила «Руслу» безусловное преимущество. «Лёвшино», конечно, сумел бы уйти от полного разгрома, но для баржи удар из протоки означал гибель.

Вооружённые винтовками балтийцы топтались на мостике. Они казались надсмотрщиками — впрочем, ими и были. Матросам «Лёвшина» никто не запрещал находиться на палубе, однако речники, опасаясь балтийцев, сидели у себя в трюме. К Ивану Диодоровичу,

стоящему возле рубки, приблизился лётчик Свинарёв в громоздком кожаном плаще и кожаной фуражке.

— Товарищ капитан, беспорядок у вас, — тихо и требовательно доложил он. — Что там делают нижние чины?

— Какие чины? — не понял Нерехтин.

Свинарёв указал ему за спину. За раструбом дефлектора пряталась Стеша. Надеясь остаться незамеченной, она надвинула на лицо платок.

Бубнов с подозрением повернулся к Нерехтину.

— Ты на кой чёрт тут шаптаешь, Стешка? — разозлился Иван Диодорович.

Стеша, арфистка, при опасности сразу пускала в ход свои ярмарочные уловки. И сейчас она сдвинула платок на спину, освобождая пышные волосы.

— Так у меня жених на «Русле», — жеманно ответила она. — Думала, может помаечит мне как-нибудь? А я ему ручкой помахаю...

Бубнов понимающе ухмыльнулся, и балтийцы тоже засмеялись. Ивану Диодоровичу следовало хлопнуть Стешке по шее, но ему стало пронзительно жаль эту бабу. Да, она считала, что Дорофей был готов убить её, лишь бы убить ненавистного брата, однако гнев угас, и обессиленная Стешка простила своего полубовника: жалость и тоска по мужику погнали её на палубу — вдруг случится чудо, и она увидит Дорофея сквозь тьму, а Дорофей увидит её?.. Но сквозь тьму, поглотившую Дорофея, никто никого не видит.

— Не живой он уже, Степанида Лексеевна, — помолчав, неохотно выдал Иван Диодорович. — Иди отсюда.

— Не живой?.. — нелепо повторила Стеша, с трудом осознавая смысл.

Она обвела взглядом людей вокруг себя — Бубнова, Свинарёва, балтийцев в бушлатах. Полные губы её сморщились фальшивой улыбкой — Стеша забыла прекратить игру, — а глаза словно падали и падали куда-то вглубь, в бездну.

— Ну, других-то женихов ещё много... — сломленно произнесла она, точно пыталась удержаться там, где всё весело и легко.

— Женихов хватает, — согласился Бубнов, с удовольствием рассматривая Стешу в упор. — Ежели надо, оставайся здесь, красавица. Не обижу.

Опытный моряк, старшина второй статьи с крейсера «Аврора», Бубнов мгновенно определил, что перед ним гулящая девка. А девка — товар нужный.

— Уйди, Степанида, — нажал голосом Нерехтин.

Он понимал, что балтийцы — чужаки, им нет дела до людского горя на этих пароходах. Бубнов, как кобель, учуял спелую бабу, вот и всё. Но сам Иван Диодорович, капитан, не мог отлучиться, чтобы увести Стешку прочь.

— Пусть мадамзель желанье лично изъявит, — с угрозой возразил Бубнов.

Внезапно в этот недобрый спор вклинился лётчик Свинарёв.

— Не положено, товарищ командир, посторонним находиться на мостике во время боевой операции. Ответственность надо иметь.

Свинарёв взял Стешу под локоть и с мягкой силой подтолкнул к трапу. Стеша сделала неуверенный шаг, но Свинарёв толкал её дальше. Оба они — Стеша впереди, Свинарёв сзади — исчезли внизу.

«Лёвшино» тихо шёл по протоке во тьме, сопела и постукивала машина, плескало под плицами, и чуть всхлипывала вода, разрезанная форштевнем.

По тёмному проходу лётчик Свинарёв привёл Стешу в её закуток, усадил на койку и грузно присел рядом, хрустя кожаным плащом.

— Нечего вам, девушка, с мужчинами торчать, — пояснил он. — Нехорошо. Поплакайте одна. Положено одним поплакать. Вы особа молодая, в вашей жизни много чего будет, но беда есть беда, оно объективно.

Стеша согнулась и прижала к лицу ладони. Свинарёв, вздохнув, погладил её по голове и встал, заполнив собой всю каморку. Потом каморка опустела.

А на мостике ничего не изменилось. Иван Диодорович молча вглядывался в темноту, и в угрюмом раздражении перед рубкой прогуливался Бубнов.

— Пескариная коса, — глухо сообщил Нерехтин. — Охвостье островов. Прошли мы. И «Русло» нас не тронул.

— Значит, не обманул твой лоцман? — не оборачиваясь, уточнил Бубнов.

— Не обманул.

Бубнов мрачно кивнул. У него был вид человека, знающего, в чём правда.

Дверь распахнулась от толчка и ударилась в переборку.
— Вставай, Нерехтин! — по-хозяйски приказал Бубнов.

Иван Диодорович спросонья еле приподнял голову.

— Пошёл вон из моей каюты! — сипло рявкнул он.

Злость его была так непривычна, что Бубнов поневоле отступил, попятив пришедших с ним балтийцев. Из камбуза в коридор выглянула Дарья.

— Ваня — капитан, — осуждающе сказала она. — Никак забыли, ребята?

За ночь «Лёвшино» с баржей миновал не только Частые острова, но и пристань Ножовку. На рассвете суда бросили якоря на пустом рейде за три версты до села Бабка. Пригасив котёл, буксир отдыхал в ожидании сумерек, однако Бубнов опять заявился на борт с вооружёнными балтийцами.

Балтийцы зачем-то разбудили и согнали на корму парохода и команду, и чекистов. Серый день клонился к вечеру, с неба накрапывало. «Лёвшино» стоял вдали от берега, но по тихой воде из ельника долетал голос кукушки.

Назло морякам Нерехтин долго умывался у рукомойника, подвешенного на кронштейне к задней стене надстройки. Команда понимала капитана.

— Чего ещё тебе надо? — наконец спросил Иван Диодорович у Бубнова.

— Мой караульный видел, что возле буксира кто-то в воде плескался. Думаю, плавал на берег. А вам туда запрещено!

— Лучше бы твой караульный опохмелился, — буркнул Иван Диодорович.

— Никто у нас не уплывал! — ревниво возразил боцман Панфёров. — Все у меня под присмотром! Это, может, зверь какой в воде был? Выдра или бобёр.

— Я на «Цесаревиче» работал, — колыхнул пузом Павлуха Челубеев, — так к нам на борт однажды из реки медведь полез! Он

через Каму грёбся, а мы ему путь загородили. Пассажиры на крышу кинулись, а старпом из ружья палил!

Речники засмеялись. Бубнов угрюмо оглядывал команду.

— Небось, померещилось вам, — миролюбиво предположил Серёга Зеров.

— А это тоже померещилось? — Бубнов помахал какими-то тряпками, зажатыми в кулаке. — Рубаха и портки мокрые! Сушились в машинном!

— Не положено в машинном ничего сушить! — блеснув очками, строго возмутился Осип Саныч Прокофьев. — Пожар может быть!

Ивана Диодоровича охватила досада. Значит, кто-то и вправду тайком смотался с парохода на берег и обратно, а потом развесил своё исподнее на горячих трубах парового котла, потому что на улице — дождь.

— А кто ж это был-то? — всполошился Митька Ошмарин.

Речники насторожённо переглядывались. Кто сплавал на берег?

Конечно, не Дарья со Стешкой и Катей. Пулемётчики и артиллеристы, скорее всего, тоже ни при чём — им река чужая. Но и своим зачем с парохода убежать?..

— Вахтенный должен знать! — Бубнов прищурился. — Кто вахту нёс?

— Да я того на вахте-то... — смутился матрос Краснопёров. — Кемарил...

— А в машине? — напирал Бубнов.

— При машине вахту нёс я, — спокойно сказал князь Михаил.

Иван Диодорович увидел, что Катя напряглась.

— Но я ничего не заметил, — продолжил Михаил. — В трюме темно.

— Укрываете, значит, лазутчика? — удовлетворённо спросил Бубнов. — В Ножовке, в Бабке — белые, а вы не выдаёте, кто на берег шастал?

Он обвёл команду «Лёвшина» торжествующим взглядом.

— Контра — это ведь не тот, кто с винтарём на тебя прёт. Это кто у тебя за спиной с другой контрой снюхивается. А у вас с «Руслом» уже была случка!

— Ты сам разрешил мне, — сквозь зубы процедил Нерехтин.

— А я проверочку тебе устроил, — с насмешкой пояснил Бубнов.

Он наслаждался своей проницательностью. Речники молчали.

— И что делать с ними? — спросил Бубнова кто-то из балтийцев.

— Посмотрим, кто из них без исподнего — тот и лазутчик!

Речники словно бы угрюмо подались назад, хотя никто не шевельнулся.

— Не перегибай, моряк, — едва сдерживаясь, произнёс Иван Диодорович. — Ты не барин. Спускать портки со своей команды я тебе не позволю.

— А мне в твоём дозволении нужды нет, — ухмыльнулся Бубнов.

Балтийцы подняли винтовки и наставили на речников, клацая затворами.

— Вы чего, братцы?.. — обомлел Сенька Рябухин.

Митька Ошмарин разинул рот. Павлуха Челубеев затрясся. Речники молчали, не двигаясь. На их лицах проступало одинаковое упрямство. Иван Диодорович понял, что его команда может не стерпеть унижения: кто-нибудь начнёт сопротивляться, и моряки ответят стрельбой. Стрельбой без разбора.

— Да это я стирала с кормы, вот и плеск! — вдруг сердито крикнула Дарья. — Я и развесила в машине! Сыщики вы хреновы!

Речники посмотрели на Дарью с удивлением. На судах стирали бельё только на ходу — привязывали верёвкой и бросали за борт на полдня. Бегучая вода всё выполаскивала дочиста. Но моряки о таком, конечно, не знали.

Дарья шагнула к Бубнову и яростно дёрнула бельё у него из руки. Бубнов разжал кулак не сразу, и на палубу упали подштанники — дырявые, сопрелые в промежности и с пятнами. Бубнов явно был озадачен признанием Дарьи.

— И чья же ветошь? — с презрением любопытствовал он.

— На свой зад примеряешь? — поднимая портки, огрызнулась Дарья.

— Дяди-Ванино, штоль? — сообразил глупый Митька Ошмарин.

Кто-то из балтийцев гоготнул. Любой бы догадался, что буфетчица могла стирать одному лишь капитану — прочих, если надо, обстирывала посудница. И ношенные, драные, убогие кальсоны были постыдной изнанкой капитанской важности. Иван Диодорович почувствовал, что краснеет как мальчишка.

Балтийцы заржали, потом заржали пулемётчики с артиллеристами, потом и кое-кто из своих же речников. Бубнов ухмыльнулся: он всё равно взял верх над строптивым капитаном. А Ивана Диодоровича колотил безмолвный гнев. Разумеется, подштанники принадлежали не ему, но нельзя было отречься от позора, иначе Бубнов доведёт дело до смертоубийства — команда уже готова на бунт. Старпом Серёга Зеров горько поморщился: он понял, что бесчестьем Ивана Диодорыча Дарья уберегла речников от расстрела.

Нерехтин крутанулся на пятках и потопал прочь — к себе в каюту.

Лёжа на койке, он смотрел в подволок и слушал, как о борт парохода брякают лодки, в которые загружаются балтийцы. Он чувствовал себя очень одиноким. Команда там радуется, что моряки убираются восвояси на баржу — пронесло тучу мороком, а он валяется тут, как оплётанный... И на кой ляд ему это всё?.. Буксир-то уже не его, а для команды он — посмешище!.. Ему, нищему вдовцу, надо в богадельню, в монастырь, а не в рейс...

За окном угасал пасмурный день. В дверь поскреблись.

— Проваливай! — прорычал Иван Диодорович.

Дверь приоткрылась, и в каюту проскользнул Егорка Минеев — матросик, у которого в селе Бабка расстреляли отца. Егорка рухнул на колени.

— Прости, дядя Ваня... Это я был... В село сбегал мамку повидать...

Иван Диодорович, кряхтя, встал, взял Егорку за ухо, выволок в коридор — Егорка полз, поскуливая, и стучал коленями, — встряхнул его, поднимая на ноги, и отвесил свирепый пинок. Затем вернулся и бухнулся обратно на койку.

Он лежал до темноты. А в темноте к нему пришла Дарья.

— Уйди! — приказал он.

Дарья, вздохнув, присела на краешек кровати.

— Ладно тебе, не сердись, — шёпотом попросила она. — Что ты как дитя?

Иван Диодорович уткнулся лицом в стену.

— Ты меня, капитана, грязными портками осрамила!.. — промычал он.

— Лучше так, чем стрелять бы затеяли... Не в обиде беда, Ванечка...

Дарья заворочалась и тоже легла, неловко пристроившись крупным телом рядом с Иваном Диодоровичем.

И капитан Нерехтин затих. Он думал о своём одиночестве, о покойных жене и сыне, о скорой старости, о милой и доброй женщине у него за спиной. Ему захотелось заплакать, будто он и вправду был как дитя. И тогда он грузно завозился, переменяя бок, обнял Дарью и начал целовать.

Около полуночи «Лёвшино» прокрался мимо пристани Галёво. Сдвинув ситцевую занавеску с окна, Михаил из тёмного камбуза рассматривал дальний берег: цепочка неярких огней, кирпичная стена судомеханических мастерских, освещённая кострами караула, и на её фоне — рубка и труба пришвартованного к заводскому причалу буксира. «Чебаки», похоже, не заметили пароход красных — или приняли его за «Русло». Ночью предстояло пройти ещё две большие пристани — Сайгатку и Гольяны, и на рассвете «Лёвшино» прибудет в Сарапул.

В полумраке камбуза князь Михаил щепил полено на лучину — тяжёлым тесаком он орудовал теперь не хуже крестьянина. На прилавке сопел самовар, второй самовар ждал растопки. Катя брэнчала грязной посудой в лохани. Дарьи в камбузе не было: накормив команду ужином, она ушла отдохнуть.

— А у тёти Даши, похоже, что-то случилось с дядей Ваней, — улыбаясь, тихо сказала Катя. — Извини, я сплетничаю, как кухарка.

— Дарья сегодня уберегла команду от катастрофы, — задумчиво ответил Михаил. — Знаешь, это событие навело меня на некие соображения...

— Какие?

— Нам нельзя остаться завтра в Сарапуле. Тот матрос использует наш уход как повод снова привязаться к капитану с обвинениями в измене. Пожалуй, нам лучше отложить исполнение замысла до обратного пути.

Катя едва не задохнулась от волнения и надежды.

— Хорошо, — ещё тише произнесла она.

Дядя Ваня давно уже объявил ей, что ссадит с борта в Сарапуле — девушке не место на судне, когда вокруг война. В Сарапуле живёт тётя Ксения, и с ней Кате будет лучше. Князя Михаила дядя Ваня уговаривал сойти вместе с Катей. От командиров флотилии дядя Ваня слышал, что красные Сарапул не удержат, а при белых Михаил Александрович Романов окажется в безопасности.

Катя трезво понимала, что дядя Ваня прав. Но Сарапул оборвёт тонкую нить её связи с Михаилом. Кате, скорее всего, придётся сидеть с тётёй Ксенией и ждать конца войны, чтобы потом перебраться к маме в Канны, а Михаил, получив свободу, либо примкнёт к белой армии и отправится на фронт, либо уедет искать семью. Расставание неизбежно, и расставание окончательное, потому что Кате нет места в жизни Великого князя. И возможность хоть чуть-чуть отодвинуть прощание очень взволновала Катю.

Она молча убрала посуду в шкаф и принялась наливать чай из самовара. Её обязанностью было приносить чай тем, кто дежурит на посту. Подцепив на пальцы сразу шесть стаканов в подстаканниках — словно половой в трактире, — Катя вышла из камбуза. Свежесть речного простора остудила её лицо.

Михаил переставил второй самовар на пол, снял конфорку и крышку, зачерпнул совком углей из камбузной печи и ссыпал их в закопчённый изнутри самоварный кувшин, затем засунул туда пучок лучины, подул на угли и собрал самовар обратно. Он размышлял о скором своём будущем и о Кате.

Его тянуло к этой девушке, сдержанной по-английски и самоотверженной по-русски. Конечно, он скучал по Наташе, по сыну, по устроенному быту, но думать о Кате это ему не мешало. Он понимал, что Сарапул разлучит их, — впрочем, ведь незачем спешить покидать пароход. Да и капитана Нерехтина подводить не хочется. Капитан не только спас его, главное — избавил от необходимости бороться. Борьба за место под солнцем всегда представлялась князю Михаилу делом недостойным. При дворе Михаил видел немало тому примеров.

Побеждал всегда тот, кто хуже. И Михаил не желал борьбы.

А Катя в это время раздала стаканы с чаем пулемётчикам. Они сидели на патронных ящиках возле пулемётных треног, прячась от ветра за барбетами, и мёрзли — ночи бабьего лета прохватывали осенними холодами. Балтийцы, что толпились на мостике, смотрели на пулемётчиков с завистью.

Иван Диодорович, как и вчера, стоял возле открытой двери рубки, чтобы поправлять штурвального, и следил за фарватером.

— Слышь, командир, — окликнул он Бубнова, — давай полный ход дадим? Сайгатка нам не угроза, а в Гольях можно и не прятаться:

оттуда до своих недалеко, прорвёмся. Чего уши морозить?

— Ты правило знаешь, — ответил Бубнов. — Ошибёшься — пулю.

Бубнов поднял задубевший воротник бушлата и поглядел на Катю.

— Моим тоже чаю принеси, — бросил он.

Катя подошла к Ивану Диодоровичу.

— Дядя Ваня, — прошептала она, — Михаил Александрович предлагает высадить нас не сегодня, а на обратном пути. Так лучше для всех.

Иван Диодорович покосился на балтийцев.

— Оно, пожалуй, верно... — согласился он. — А где этот твой-то?

— На камбузе мне помогает. Он же подвахтенный.

— Скажи, пусть в машину идёт. И не заглядывайся на него, Катюшка!

— Тётя Даша вам напела? — строго сузила глаза Катя.

— Всё-всё-всё, иди отсюда, — сразу отпёрся Иван Диодорыч.

Катя направилась собирать стаканы у пулемётчиков. Сенька Рябухин, широко улыбаясь, вместе со стаканом протянул коробку папирос «Мускат».

— Выменял у моряков! — с гордостью пояснил он. — Угостите своего-то, Катерина Митревна, он вроде курящий.

Сенька опекал Катю как мог, и Кате это было приятно. Ей не нравилось, когда её считают слабой и беспомощной, но в Сенькиной заботе она не ощущала превосходства — Сенька по природе был хлопотливый и услужливый.

— Спасибо, Сеня, — ответила Катя. — Хочешь, ещё чаю принесу?

Из рубки донеслась команда капитана в переговорную трубу:

— Осип Саныч, кочегарь на полную!

Вернувшись в камбуз, Катя протянула папиросы Михаилу:

— Подарок тебе от Сенечки. Он мне прямо как дуэнья.

Михаил кивнул. Он вспомнил, как Сенька всадил в Жужгова очередь из «льюиса». Вспомнил, как Катя шагнула вперёд, заслоняя его собою...

— Иван Диодорыч велел тебе спускаться в машинное.

— Ясно. — Михаил выколупал из коробки папиросу. — Покурю и пойду.

Катя стояла возле самоваров и просто смотрела на него. Князь Михаил — стройный, но невысокий и к тому же лысеющий — вовсе не был красавцем. Но в его движениях была свобода человека, никогда не знавшего принуждения, а в чертах лица — врождённое спокойствие высшей власти. Михаил прикуривал от угля из печи. Катя поймала себя на мысли, что этот мужчина обладает странным свойством: то, что он делает сейчас, кажется значительнее всего, что с ним происходило раньше. И выкурить папиросу перед работой для него важнее, чем взойти на престол или встать на расстрел.

Гольяны, пристань Ижевского завода, «Лёвшино» прошёл в сизой хмари раннего утра. Над рекою поднялась дымка, и Нерехтин приказал в машину сбавить давление. Решение оказалось верным: вскоре впереди из белёсой мглы проступило встречное судно, какой-то неказистый двухпалубник.

Иван Диодорович узнал его не сразу — «товарные пароходы», плавучие коровники, редко забирались в Каму. Главная палуба у них была, в общем, сараем для скота, а вторая — казармой для пассажиров. Гребное колесо располагалось сзади. «Товарные пароходы» обслуживали крестьян на Нижней Волге, где почти в каждом городишке имелась пригонная ярмарка или бойня. Встречное судно называлось «Бирюза». Заметив буксир Нерехтина, «Бирюза» подала гудок, при котором вой сгустился в рёв и ослаб обратно до воя; такие гудки были у пароходов общества «Русь» из Астрахани. Иван Диодорович покачал головой: бог весть, как война забросила астраханского скотовоза в Сарапул. С «Бирюзы» махали полосатым флагом — требовали сошвартоваться.

— Вдруг рябинники? — с подозрением спросил Бубнов.

— Уже не их река, — возразил Иван Диодорович. — И чего ты боишься? У нас пушки, пулемёты, броня.

Из-за баржи пароходы счаливались долго, и Бубнов сам убедился, что на галерее «Бирюзы» толпятся красноармейцы.

— Мы сарапульский боевой отряд красных речников капитана Хрипунова! — крикнули со скотовоза. — Буксирный, давай к нам, тебя капитан зовёт!

— А чёрта ли сам сюда не явится? — в ответ крикнул Бубнов.

— Да он к вам не влезет! — заржали на «Бирюзе».

— Знаком я с Хрипуновым, — подтвердил Иван Диодорович. — Не влезет.

Игнат Палыч Хрипунов, толстый и высоченный, встретил Нерехтина и Бубнова у себя в каюте. Ладонь у него была огромная, как лопасть весла.

— Какими судьбами, Палыч? — спросил Иван Диодорович. — Что за боевой отряд у тебя?

— Я теперь красный командир. — Хрипунов засмеялся, и его узкие глаза превратились совсем в щёлочки. — По приказу товарища Антонова-Овсеенко везу свой десант на Галёвскую пристань. Попробуем рябинников с тыла расколоть. А у тебя что за поклажа, Зимогорыч?

Хрипунов, поддразнивая, называл Нерехтина Иваном Зимогорычем.

— Я тоже десант везу, только на Арланский промысел.

— Секретные сведения разглашаете! — разозлился Бубнов.

Нерехтин и Хрипунов оглянулись на него с одинаковым недоумением. На реке между капитанами буксиров действовал негласный уговор не скрывать свой груз. Дурить других и таиться — это политика купцов, а капитанам она не за честь. В очереди на перекатах, например, баржи со скоропортящимся товаром капитаны пропускали вперёд: вдруг какая-нибудь наливная посуда сядет на мель, закупорив перекат намертво, и в ожидании прохода протухнут рыбные караваны? Нехорошо. Река течёт для всех.

— Кто это у тебя такой бдительный? — с насмешкой спросил Хрипунов.

— Матрос Бубнов, командир десанта. Имени-отчества своего не доложил.

— Ты, матросик, слушать-то можешь, но в разговор капитанов не лезь, — снисходительно посоветовал Бубнову Игнат Палыч.

Иван Диодорович видел, что Бубнов взбесился, и душу его согрело тихое злорадство. Бубнов вволю потоптался на его достоинстве, пускай теперь сам покорчится. Иван Диодорович ощутил себя как в старые времена — когда команда уважала капитана, защищённого всеми правилами жизни.

— Контру тут разводишь? — зарычал Бубнов. — Красного командира носом в грязь тычешь, да?

— Я сам красный командир! — в ответ гаркнул Хрипунов; щёлочки его глаз потемнели, как пулемётные амбразуры. — Ты на моём пароходе, матрос!

— Да пош-шёл ты!..

Бубнов пинком распахнул дверь и вывалился из каюты.

Хрипунов довольно ухмыльнулся.

— Встречал я таких, — сказал он Нерехтину. — Не терпят капитанов. Мстят или завидуют — чёрт их разберёт. Порода у них поганая.

Сам величиной с клопа, а влезет на большого — и вроде выше всех.

Иван Диодорович, соглашаясь, мрачно кивнул.

До революции Хрипунов командовал буксиром «Самара», построенным на костромской верфи общества «Дружина». «Самара» считалась одним из трёх волжских буксиров-богатырей. Двумя другими силачами были «Редедя» Мотовилихинского завода и германский «Марк» пароходства «Ока». Рядом с этими великанами «Лёвшино» Ивана Диодоровича выглядел как деревенский конёк-горбунок рядом с першеронами. Громоздкий Игнат Палыч даже внешне напоминал свою любимую «Самарушку» — по правде говоря, огромную и неуклюжую, с двумя дымовыми трубами впереди и позади рулевой рубки.

— А как ты у красных оказался? — спросил Иван Диодорович.

— А где мне ещё быть? — искренне удивился Хрипунов. — Большевики за счастье простого народа вышли. Ты разве не народ, Зимогорыч?

Нерехтин отвёл взгляд.

Большевики экспроприировали его судно. Объяснение было несложное: средства производства должны принадлежать народу. Значит, он, капитан Нерехтин, не народ. А если же он всё-таки народ — тогда большевики просто новые господа, но не такие, как Митя Якутов, который своим трудом воздвиг свой капитал, а вроде тех ловкачей, которые за взятки получали от власти миллионные подряды и в одночасье становились владельцами мануфактур и железных дорог. Впрочем, ловкачи людей не расстреливали... Однако спорить с Хрипуновым Иван Диодорович не хотел. Простосердечный Игнат Палыч всегда был капитаном по найму и не имел буксира в собственности.

— Что там выше с пароходами у чебаков? — спросил Игнат Палыч.

— «Рассвет» в Галёво стоит, «Сергея Витте» я не видел в темноте, но, думаю, он в Гольянах или в Сайгатском затоне. На Усть-Речке у

верфи какой-то катер болтался. «Русло» же в карауле у Частых островов.

— А баржа со смертниками?

— Её не заметил. На рейде не торчала, может, к пирсу подтянули.

Хрипунов запыхтел, размышляя.

— Палыч, — осторожно сказал Нерехтин, — у нас во флотилии командиры уверены, что вам Сарапул не удержать.

— Брешут! — здоровенной ручищей отмахнулся Хрипунов.

— Может, и не брешут... — Иван Диодорович вздохнул. — И ты бы поберёг себя... Довольно ведь уже капитанов растратили.

Взбивая пену задним колесом, «Бирюза» уходила вверх по течению.

Иван Диодорович зевнул в кулак. Всё было хорошо: машина работала, в кожухах гулко шумела вода, под крамболом кипел бурун, баржа не рыскала, а буксирный трос не провисал. Хмурая река чуть отсвечивала на изгибе.

— Сдам, пожалуй, вахту, — сказал Нерехтин. — Принимай судно, Серёжа.

Старпом Серёга Зеров почесал нос в замешательстве.

— Тут ведь ещё такое дело, дядь Вань... Словом, этот Бубнов вернулся с «Бирюзы» злой как чёрт. Материл и тебя, и Хрипунова... Велел нашу Стешку на свою баржу свезти. Сказал, на хозяйство нужна, однако ясно же почто...

Сонливость слетела с Ивана Диодоровича, как шапка слетает от удара в лицо. Мерзавец Бубнов, униженный на «Бирюзе», отыгрался перед ним, перед капитаном Нерехтиным, на самом слабом и уязвимом человеке из команды.

— Как же ты допустил, Серёжа?!

— Я при штурвале был... Увидел Стешку только уже в лодке у моряков.

Иван Диодорович помотал головой, словно что-то стряхивал.

— Поднимай команду из кубрика! — приказал он Серёге и наклонился над воронкой переговорной трубы: — Прокофьев, останови машину!

— Бунтуем? — понимающе спросил Серёга.

В его голосе были и сочувствие, и уважение, и надежда.

Мощный шум гребных колёс в кожухах начал медленно затихать. Иван Диодорович потянул за стремя гудка. Содрогаюсь от тяжкого рёва, «Лёвшино» заметно осел в воде; бурун под крамболом исчез, и буксирный канат провис. С угрюмым ожесточением Иван Диодорович ждал командира.

Бубнов взвился на мостик, промчался мимо пулемётчиков, сидевших на патронных ящиках у барбета, и распахнул дверь в

рулевую рубку. Он явно не предполагал, что в ответ на унижение капитан решится остановить пароход. Он оттолкнул Ивана Диодоровича и сунулся к переговорной трубе:

— Машина, живо давай работу!

— Капитана слушаю, боле никого! — прошуршало из воронки.

— Верни Степаниду, или никуда не пойдём! — твёрдо сказал Нерехтин.

Бубнов распрямылся и ухмыльнулся со злорадным облегчением: — Саботаж, значит, контра?! Так, да? Приговор ты себе подписал!

Иван Диодорович уже не боялся. Он устал. Ему это надоело. Он смотрел на Бубнова, а видел Стешку в тёмном трюме баржи. Судьба никогда Стешку не щадила, но сейчас совсем залютовала: Стешка была одна против тридцати матросов, давно отведавших пьяной свободы насилия. Ивану Диодоровичу нестерпимо было думать, что там, в ужасе железного трюма, Стешка даже не надеется, что её, бросовую девку, кто-то будет спасать. И Стешкино неверие в человечность впилося в сердце Ивана Диодоровича как своя собственная вина, ведь он — капитан, и на своём пароходе он всем заменяет и отца, и бога.

Серёга Зеров в это время расталкивал команду в кубрике.

— Куда Стешку забрали? — ничего не понял Митька Ошмарин. — Почто? Арестовали, да?.. Чего творится-то?!..

— Шалава была, шалава и есть! — огрызнулся матрос Колупаев. — Нечего нам её выгораживать! За шалаву не дерусь!..

— Вставай, сука! — Серёга пнул по койке Колупаева.

— Гришку Коногорова Диодорыч под пулю подвёл! — крикнул Подколзин, помощник машиниста. — Хрена ли нам за арфистку на рожон переть?..

— У балтийцев ружья! — возмущённо отпихивал Серёгу Павлуха Челубеев.

— Ну-ка вылезайте, гады! — гневно заорал Серёга. — Капитан за команду встал, команда за капитана должна!

Эта правда была будто бы слишком велика для низкого и тесного кубрика.

В рубке Бубнов сгрёб Нерехтина за грудки и в борьбе подтаскивал к воронке переговорной трубы. Штурвальный не знал, куда ему деться.

— Приказывай пустить машину! — хрипел Бубнов.

Иван Диодорович, побагровев от натуги, наконец оторвал от себя цепкие лапы Бубнова и спиной вперёд, задыхаясь, вывалился из рубки. Пулемётчики у барбета ошарашенно вскочили со своих ящиков. В проёме двери появился Бубнов — бушлат распахнут, тельняшка висит, бескозырки нету, небритая рожа перекошена. Растерзанный капитан вдруг набычился, как матёрый зверь, бросился на командира и со всей злобой врезал ему в скулу, только мелькнул оторванный воротник капитанского кителя. Бубнов исчез в полумраке рубки.

— Дядя Ваня!.. — отчаянно взвизгнул Сенька Рябухин.

Иван Диодорович, человек уже немолодой, нелепо дёргался и приседал перед рубкой, стискивая кулаки: он примерялся встретить Бубнова новой зуботычиной. Бубнов полез из проёма двери, точно медведь из берлоги, и в руке у него теперь был наган. Увидев Нерехтина, пригнувшегося для атаки, Бубнов тотчас выстрелил у него над головой. Осатаневший Иван Диодорович ничего не услышал. Он метнулся к Бубнову и опять съездил ему по морде.

— Держи капитана!.. — охнули пулемётчики.

Они навалились на Ивана Диодоровича сзади, пытаясь обездвижить.

— Дяденька командир, не палите! — надрывался Сенька.

— Уйди! — Бубнов опять бабахнул в серое небо, отгоняя пулемётчиков.

На мостик со всех сторон взбегали готовые ко всему люди: артиллеристы от орудий, балтийцы с винтовками и речники — Митька Ошмарин, матросик Егорка, толстый Павлуха Челубеев, боцман Панфёров. Драка командира и капитана грозила сорваться в общее безумие. Рослый старпом Серёга ринулся к Нерехтину, но один из балтийцев свирепо отшвырнул его в сторону. Другие балтийцы, сообразив, нацелили на речников винтовки — а речников оказалось не так уж и много. И Бубнов краем глаза увидел, что команда парохода не вздыбилась за капитана стеной. Никому он не нужен, этот херов капитан.

Пулемётчики толпой еле удерживали бьющегося Ивана Диодоровича. Бубнов отбросил кого-то с пути, протиснулся в давку к капитану и ткнул ему в лицо стальным стволом револьвера:

— Пришью падлу!

Иван Диодорович ворочался так, что, похоже, качался пароход.

Не замечая винтовок, сквозь сопротивление балтийцев на Бубнова с диким воем напала растрёпанная Дарья в развязанном платке. Обеими руками она что было сил пихнула моряка прочь от своего Ивана Диодоровича. Бубнов пошатнулся и занёс наган, чтобы его рукоятью проломить Дарье голову. Но запястье Бубнова внезапно крепко перехватила чужая мощная пятерня — возле Бубнова каким-то образом очутился лётчик Свинарёв.

— Отставить! — властно скомандовал он.

Свинарёв не выглядел бойцом, да и лицо у него было какое-то бабье, но этот человек умел летать в облаках, и перед ним поневоле робели и моряки, и речники, и чекисты. Приказ лётчика звучал точно голос с небес.

— Что за мордобой на мостике?!

Своими круглыми, светлыми, близко поставленными глазами Свинарёв будто раздвинул толпу, усмиряя и Бубнова, и Нерехтина.

— Этот ирод девку нашу на баржу уволок! — едва не рыдая, крикнула Дарья, указывая на Бубнова. — А капитан — он за всех!..

Он не потерпел!..

— Где баржа? — напористо спросил Свинарёв.

Люди перед ним попятились, не понимая смысла вопроса, — но Свинарёв этого и хотел. Он мгновенно всё сообразил, и ему требовалось, чтобы здесь, на мостике, взбудораженные люди опомнились, перескочив на другие мысли.

Железная баржа с аэропланом на палубе и обвисшим буксирным канатом плыла сама по себе сбоку от «Лёвшина» наискосок течению.

— Как стряслось такое, командир? — Свинарёв повернулся на Бубнова. — Ты же большевик! Советская власть защищает женщину-труженицу!

Бубнов не ответил и цвиркнул плевком под ноги Ивану Диодоровичу.

Пулемётчики и речники, остывая, невнятно загомонили.

— Довела шлюха до свалки!.. — прозвучало от кого-то.

Свинарёв протянул руку и по-братски положил Бубнову на плечо:

— Пойдём со мной, товарищ! Надо женщину обратно привезти!

Бубнов стряхнул руку лётчика:

— Сам вези!

Свинарёв внимательно посмотрел на Бубнова, потом на остальных.

— Показывайте, где свою лодку зачалили, — потребовал он у балтийцев.

Ивана Диодоровича ещё колотило после драки, сердце металось в груди. Хотелось и сдохнуть, и убить всех вокруг, но дело надо было доделать.

— Иди за мной, — нехотя позвал он Свинарёва.

Опираясь на фальшборт, он упрямо захромал к трапу на корму.

— Произвол есть контрреволюция! — напоследок веско сказал Свинарёв людям на мостике. — И угнетение — в прошлом! За то и ведём свою борьбу!

— Шурует, голубчик, — сказал Никита Зыбалов, глядя в бинокль.

Федя подождал из вежливости, потом забрал у Никиты бинокль и тоже посмотрел на чужое судно вдали. «Товарный пароход». Названия не видно.

— Будем стрелять? — спросил Федя.

— А то!

«Русло» не успел перевести дух после дежурства у Частых островов, даже закачать мазут в мазутную яму не успел. Едва в Галёво он пришвартовался у стенки судомеханических мастерских, с вокзала, где был установлен телефон, примчался посыльный. С пристани Гольяны телефонировали в Ижевск, оттуда — в Воткинск, оттуда — в Галёво, что из Сарапула вверх по Каме идёт пароход красных с десантом. Называется «Бирюза». И «Русло» выдвинулся навстречу.

Никита на мостике колотил в рынду и командовал:

— Канониры, боевая тревога! Мария, гаси самовар, и в трюм! — Мария была буфетчицей. — Корепанов, убирай свои вёдра с палубы!..

Федя продолжал рассматривать «Бирюзу». Скоро это судно будет избито, продырявлено, порушено. Правильно ли так? Встреча с Нерехтиным странно смутила Федю. Ведь пароходы могут просто договориться и разойтись. Все люди могут просто договориться и разойтись. Не надо ничего ломать и топить. И дело капитана — спасти людей из огня, как спасал Яков Михалыч Пирожков. А он, Федя, что творит? Что все они творят на этой просторной реке?

— Боишься? — заскочив в рубку, весело любопытствовал Зыбалов.

— Боюсь, — согласился Федя.

— Правильно. И я боюсь. Враки, что солдаты на войне не боятся. У нас в батальоне плакали перед наступлением и причащались у попа. Но чем солдат отличается от шушеры тыловой? Солдат от страха вперёд бежит, а не назад!

Никита повернулся к образу Николы Якорника на стене рубки, сдёрнул картуз и начал молиться — крестился, вперившись в Николу

как в генерала, и что-то бормотал. Штурвальный Бурмакин, подумав, тоже снял шапчонку.

С утра тучи висели над Камой сплошной рыхлой толщей, но к полудню ветер сумел всё в небе разворошить и растрепать, и косматые облака, заходя друг над другом, словно подняли объём до божьей высоты. Сверху на реку упали разноцветные потоки света — оголённо-голубого, нежно-жемчужного, цыплячье-жёлтого и влажно-сизого. Свинцовая Кама стала пёстрой, но берега непримиримо темнели зелёными ельниками и бурыми глиняными откосами.

Появление «Русла» большевиков не испугало. «Бирюза» приближалась, и Федя уже без бинокля различал на её борту буквы названия. Зыбалов бодро нахлобучил картуз, будто получил команду от Николы, и высунулся из двери.

— Огонь! — крикнул он канонирам.

Федя покосился на Николу. Узкоголовый Якорник — с золотым нимбом и в тёмной фелони — словно предостерегал кого-то тонким двуперстием... или даже отрекался от чужого дерзания: «Это не я, это вы».

Пушка стреляла с носа, с кормы бабахал бомбомёт, буксир колыхался всей тушей. Вдали вокруг «Бирюзы» взметались фонтаны пены. «Бирюза» молчала; она не имела артиллерии — впихнуть орудие на её куцый нос было невозможно, а крыша не выдержала бы такой тяжести. «Русло» долбил по врагу беспрепятственно, однако ни одного попадания пока не получилось.

— Окривели, что ли, черти? — с мостика ругался на канониров Никита.

Наконец снаряд угодил «Бирюзе» в багажный отсек нижнего яруса — там в окна полыхнуло, брызнули наружу осколки стекла и полетели спасательные круги, сорванные с прогулочной галереи.

Канониры завопили от радости.

Федя увидел, что «Бирюза» немного изменила курс, поворачиваясь на «Русло» тупым носом. Из трубы «товарного парохода» повалил вязкий дым: «Бирюза» выжимала всю скорость. Федя понял, что скотовоз хочет быстрее сблизиться с противником, чтобы врезать по нему из своих пулемётов.

Ещё один снаряд взорвался в носовом салоне «Бирюзы», но красные не поколебались. Похоже, капитан у них был большим

упрямцем. «Бирюза» пёрла вперёд, не обращая внимания на увечья — вперёд любой ценой.

— Никита, сейчас из пулемётов зарядят!.. — в открытую дверь крикнул Федя на мостик. — Бурмакин, держись!

Даже в рубке он услышал, как воздух зажужжал — это очереди «Бирюзы» нащупывали «Русло». Потом дробный, острый грохот пуль вразбежку загулял по котельному железу, которым были обшиты кожухи колёс и надстройка. В ответ из барбетов затараторили три «гочкиса» бронепарохода. Пушка «Русла» продолжала стрелять, артиллеристы теснились за её щитом.

В рубку вдруг юркнул взъерошенный Яков Перчаткин; в одной руке у него болтался медный чайник, в другой — жестяная кружка. — Дозвольте укрыться, родненькие! — запричитал он. — Господи помилуй, что за ужаси... Я кипятик пулемётным принёс, а красные по мне как засадят!..

— Дак ты, Яша, у них главный враг, — усмехнулся штурвальный Бурмакин. — Истребят тебя, шулера беглого, и войне конец!

— Прижмись в углу, — разрешил Перчаткину Федя, — только не мешайся.

— Я зайчиком под лопушком приникну...

— Бурмакин, посолонь на четверть, — скомандовал Федя и наклонился к переговорной трубе: — Машина, сбавь обороты!

Он видел, что в разбитых окнах товарного яруса «Бирюзы» вспыхивают частые проблески винтовочных выстрелов, а на галерее искрят пулемёты — все, кто был на скотовозе, вели огонь по «Руслу», имело это смысл или нет.

Два парохода, буксир и скотовоз, посреди реки ожесточённо поливали друг друга свинцом, будто через фарватер полосовали длинными кнутами. Изредка мощно рывкало орудие. Сражение на сокращающейся дистанции по сути являлось испытанием на прочность — кто первым изнеможет? Солнечные блики на пёстрых волнах казались лоскутьями света, разбросанного взрывами.

Феде невыносимо было смотреть на «Бирюзу» — как на корову, которую заживо рубят на мясо. А ведь любой пароход — это ещё и его пассажиры... Федя оглянулся на Николу, но тот словно всё отрицал: «Вы сами попросили».

«Бирюзе» в бою доставалось гораздо больше, чем «Руслу», и дело было не только в пушке «чебаков». Высокий двухпалубный скотовоз оказался куда уязвимее низкого и плоского буксира. «Бирюза» не имела брони, и «гочкисы» вдребезги расхлестали её левый борт; товарные отсеки и каюты парохода наверняка были завалены убитыми и ранеными. Очередной снаряд ударил «Бирюзе» под дымовую трубу, труба пошатнулась и треснула, из щелей полез смоляной дым.

И тогда «Бирюза» сдалась: десант в Галёво провалился.

Искалеченный скотовоз, окутанный бурой мутью, медленно пошёл на поворот. Он грузно выбирался из-под огня противника. На «Русле» увидели облезлую транцевую стенку «Бирюзы» и широкое заднее колесо. Последние выстрелы из винтовок хлопали с озлобленностью поражения.

Эхо канонады словно бы ещё металось над вспененной водой, как рокот уползающей грозы, а в рубку уже примчался ликующий Зыбалов. Мимо него порскнул наружу Яшка Перчаткин, и Зыбалов отвесил ему подзатыльник.

— Лужу-то не напрудили, вояки? — хохотал Никита. — Славно мы красных отжарили! У нас два канонира убиты, и поцарапанных с пяток, а «Бирюзу»-то, иху мать, в щепу разнесли! Вот мы какие на отпор! Ясное дело — фронтовики!

Никита опять сдёрнул картуз и перекрестился на образ Николы.

— Спасибо тебе, батюшка, что остановил врага! Просьбу нашу исполнил!

— Не нашу, а твою, — мрачно сказал Федя. — Я его о том уже не просил.

Душу у Феди точила тоска. Всё вокруг было неправильно.

За десять вёрст до устья Белой «Лёвшино» и баржа встали на якоря. Пора было испробовать в деле аэроплан. С палубы баржи моряки выдвинули в реку дощатый помост — аппарель, и всей толпой, приподнимая фюзеляж с хвоста, бережно спустили «Ньюпор» на воду. Военлёта Свинарёва подвезли на лодке, и он вскарабкался в кабину. Течение тихо оттаскивало самолёт от баржи.

Команда «Лёвшина» столпилась у фальшборта. Из машинного отделения выбрался Осип Саныч Прокофьев, ему тоже было любопытно.

— Неуж прямо по небу полетит? — изумлялся наивный Митька Ошмарин.

— А на кой же хрен мы его буксировали? — отвечали Митьке.

— Ну, не знаю... Так просто.

— Как этому свинару эроплан доверили? — бухтел Павлуха Челубеев. — Аппаратец-то из тряпок, лучинок и верёвочек, а в него такую харю пихают!

— Тебя же в пароход запихали, и не тонем покуда.

Стеша держалась чуть в стороне от всех. После того как Свинарёв явился за ней в логово балтийцев, он казался Стеше человеком необычайным. Никто раньше не выручал Стешку из беды: барахтайся, дева, сама. А этот будто на эроплане слетел с небес прямо в страшный трюм баржи. И Стеша не знала, чего ей надо сейчас: чтобы Свинарёв взмыл до высоты архангелов и поразил всех, или чтобы «Ньюпор» сломался и лётчик не рисковал. Стеша сердилась на себя, что волнуется, как дура, и ещё почему-то готова была расплакаться.

Двигатель самолёта заклокотал, пропеллер закрутился, и «Ньюпор» на поплавках поехал по воде прочь от судов. Свинарёв из кабины махнул рукой в кожаной перчатке и натянул на глаза толстые очки-«консервы».

Иван Диодорович смотрел на взлёт с мостика своего буксира.

— Ваня, запахнись, — негромко сказала Дарья. — Простудишься, свежо...

Аэроплан развернулся, затарахтел решительнее, побежал быстрее — и вдруг оторвался от воды. Затаив дыхание, речники наблюдали, как самолётик поднимается всё выше и выше и делает круг над пароходом и баржей.

— А чего он крыльями-то не машет?.. — опять изумился Митька Ошмарин.

Серёга Зеров, приставив ладонь козырьком ко лбу, молча смотрел вверх и застенчиво улыбался; в облике рослого, всегда деятельного старпома словно бы проступил мальчишка, который робко любит своим воздушным змеем.

Растопыренный самолётик, быстро уменьшаясь, улетал вдаль — в чисто промытую осеннюю синеву. Стрётот утихал. Команда ещё ожидала чего-то, однако небо оставалось пустым, и речники начали расходиться.

Иван Диодорович вынес из рубки стул и уселся на мостике.

— Иди, Даша, ужином займись для команды, — мягко отослал он Дарью.

Ивану Диодоровичу хотелось побыть наедине с собой. Он увидел, как летает самолёт, а на самом деле в небе летало будущее, неуловимое и хрупкое, как птица. Вряд ли он, капитан Нерехтин, доживёт до этого будущего. Ну и что. Важно совсем другое. Ему показан образ, и нужно понять, как жить, чтобы не помешать зыбкому образу воплотиться. Что хранить, а что отринуть.

Стеша на корме спряталась за артиллерийскую башню. Лишь бы никто её не прогнал, а уж сама-то она не уйдёт, пока лётчик Свинарёв не вернётся.

Князь Михаил поглядел на стоящего рядом Прокофьева.

— Осознаёте, Осип Александрович, на что способен даже малосильный двигатель внутреннего сгорания? — спросил он.

— Забава, а не работа, — непримиримо возразил Осип Саныч.

— «Кавказ и Меркурий» и «Бранобель» уже оснащают свои суда мощными двигателями Дизеля. В Британии Черчилль, первый лорд Адмиралтейства, весь флот переводит на дизельную тягу. Век паровых машин заканчивается.

— Рано хороните, господин хороший! — буркнул Осип Саныч.

Он нахлобучил поглубже потёртую фуражку, повернулся и ушёл.

— Обиделся, — сказал Михаил Кате. — Напрасно. От прогресса никуда не деться. И я люблю всё, что связано с прогрессом: моторы, скорость, высоту...

Катя незаметно взяла Михаила за руку.

— А ты летал на аэропланах?

— В нашей семье... — Михаил сбился. — Словом, мама требовала, чтобы кое-кто из нашей семьи не подвергал себя опасности. Но я, конечно, летал. В Хартфордшире есть аэродром и лётная школа.

Авиация — это волшебно, Катя.

Михаил замолчал, вспоминая. Катя внимательно рассматривала его.

— Ты удивительный, — сказала она искренне и просто.

Самолётик пропадал больше часа. Река безмятежно сияла отражением солнца, в плотной хвойной зелени берегов под ветром тихо шевелилась живая желтизна берёз. Наконец издалека донёсся упрямый стрёкот, и в слепящем свете проявилась тёмная точка. Команда буксира высыпала обратно на палубу. Аэроплан снизился, вытягивая лапы с длинными поплавками, и приводнился. Оставляя пенный след, он ловко подрулил к борту «Лёвшина».

— Задание выполнил, товарищ капитан! — крикнул Свинарёв Нерехтину. — Эй, товарищи речники, могу прокатить, аэроплан двухместный!

Речники, толпившиеся у фальшборта, дружно загомонили. Катя твёрдо, но незаметно взяла Михаила за руку, предостерегая от ненужного внимания.

— Уронит ведь, подлец! — отчаивался Митька Ошмарин.

— Степанида Лексеевна, не желаете? — вдруг снова крикнул Свинарёв.

Стеша едва не пошатнулась — лётчик сам пригласил её в небо!..

Речники заржали, но Стеша, обмирая, поняла: Свинарёв не шутил, он не умел шутить.

Не дождавшись ответа от Стеши, Свинарёв решил больше никого не уговаривать. Включив мотор посильнее, он по дуге повёл аэроплан к барже.

Поздно вечером, когда совсем стемнело, Иван Диодорович у себя в каюте разложил на столике листок с чертежом Бельского устья, полученный от Феди Панафидина, и служебную планшетку Свинарёва

в обложках из толстой кожи. В планшетке Свинарёв бегло зарисовал то, что заметил сверху. Дарья сидела на кровати и расплетала русую косу. На стенах каюты качался свет керосинки. Местоположение нобелевской пристани у лоцмана и у лётчика совпадало.

А в машинное отделение, где князь Михаил сидел на вахте у манометров, кряхтя, спустился Осип Саныч Прокофьев. Он принёс замасленную тетрадку, в которую записывал все важные, по его мнению, вещи.

— Вот послушай-ка, — сурово сказал он, блестя очками, плюнул на палец, перелистнул страничку и прочёл: — «В одной тысяче девятьсот двенадцатом году общество „Кавказ и Меркурий“ устроило соревнование своего лучшего парохода „Император Александр Второй“ с новейшим своим теплоходом „Бородино“. Оные суда вышли в рейс от Астрахани до Енотаевска и обратно. Победу одержал пароход, одолевший назначенную дистанцию за двенадцать часов с половиною, а теплоход оказался позади на половину часа». Понял?

— Конечно, — миролюбиво согласился князь Михаил.

Осип Саныч распрямился от гордости — он доказал свою правоту.

Над буксиром с баржей, над просторной рекой, над гражданской войной светила холодная луна скорой осени. Сонная волна изредка мягко шлёпала в железный борт парохода. С берега доносился лешачий голос ночной птицы.

Стеша не сумела заснуть. Её полнокровная натура жаждала жизни и воли, и Стеша не могла оставаться в плену — в плену горькой памяти о Дорофее. Она понимала: не только душе нужна душа, но и тело томится по телу.

Стеша выскользнула из каюты в тёмный коридор, на цыпочках добежала до каюты Свинарёва и толкнулась внутрь. Её тянуло ощутить себя рядом с этим лётчиком — таким правильным, добрым и надёжным; тянуло побыть у него, будто угреться под его большой шубой. Бывшая арфистка, Стеша знала только один способ привлечь мужчину, а даст бог, и привязать к себе.

При огоньке огарка Свинарёв читал книгу с техническими схемами.

— Не скучаете без общества? — лукавым шёпотом спросила Стеша.

Свинарёв заложил книгу ладонью и посмотрел на гостью испытующе.

— Я человек серьёзный, Степанида Лексеевна, — сообщил он. — Ежели не по сознательному самочувствию женской природы без дальнейшей почтенной продолжительности обоюдства, так оно у меня востребования не имеет.

От этих строгих слов Стешкина храбрость арфистки развеялась без следа.

— Дак я же и продолжительно готова... — краснея, пролепетала Стешка.

Федя не был дома три месяца, но возвращение его не радовало.

Война опустошила Николо-Берёзовку, село прежде сытое и шумное. Всё так же вдоль берега в ряд громоздились огромные хлебные амбары с длинными пирсами на сваях, но теперь уже без пришвартованных барж. Всё так же над крышами села вздымалась краснокирпичная колокольня Никольского храма, но колокола молчали — пономаря убили. Большевики разграбили купеческие лавки, сожгли торговые ряды на площади и конфисковали лошадей: широкие улицы без фаэтонов и телег теперь выглядели как заброшенные. Впрочем, у семейства Панафидиных обширное хозяйство не пострадало.

На бревенчатом челе дедовского дома красовался спасательный круг — знак лоцмана. Федя сидел под раскрытыми окнами на скамеечке и смотрел на Каму. Поодаль возле дебаркадера пароходной компании Колчина и Курбатова стоял пришедший из Сарапула «Русло», и Никита Зыбалов припёрся в гости к дедушке Финогену Макарычу. Федя гладил по голове косматого Меркушку — дедушкиного пса Меркурия — и слушал, о чём говорят в доме.

— И почто же ты, Аникита Семёныч, к нам целу баржу солдат привёз? — строго спрашивал дедушка. — У нас в селе и так своё ополченье имеется.

После бегства красных в Николо-Берёзовке собрали отряд самоохраны.

— Это не к вам, Финоген Макарыч, — объяснял Зыбалов, — это на Арлан.

— Чегой в Арлане имя делать? — допытывался дедушка. — Девок портить?

— Там в лесах буровые на нефть работают, знаете?

— Знаю. Нобелевская затея. Дыму много, а нефти ни ведра.

— Большевики на тот промысел выслали свой десант. А наша Ижевско-Воткинская рабочая республика постановила красных с буровой турнуть. Нам самим нефть нужна, ежели отыщется. Вот солдаты и пойдут матросню гнать.

Про балтийцев, отправленных на Арлан, «рябинники» узнали от капитана Хрипунова с «Бирюзы». Федя видел «Бирюзу» в Сарапуле. Да, «Русло» отделал её жестоко: стены в дырах от пуль, окна выбиты, труба упала, левый борт словно кошки драли... А внутри везде запёкшаяся кровь и бурые бинты.

«Рябинники» ворвались в Сарапул два дня назад. Большевики вывели из Симонихинского затона дюжину буксиров, погрузились на баржи и уплыли в Вятку. Растерзанный Сарапул дымился. Возле пристаней чернели сгоревшие и полузатопленные пароходы — в том числе и «Бирюза». Капитана Хрипунова, израненного в бою с «Руслом», красные оставили в госпитале. «Рябинники» допросили Хрипунова, и он рассказал о матросском десанте. Командование ижевцев решило взять нобелевские промыслы в свои руки. «Русло» потащил баржу с отрядом «рябинников» из Сарапула в Николо-Берёзовку, откуда начиналась дорога в село Арлан и к буровым вышкам на устье Белой.

— Но бог с ним, с Арланом, — говорил Зыбалов деду Финогену. — Пускай там ребята прищучат морячков, не моё дело. У меня другое...

— Ну, излагай, — с важностью снизошёл дед.

— Мы, речники, тоже воюем, и «Русло» — геройский пароход. Отчитаюсь тебе, Финоген Макарыч, что мы один буксир у красных потопили и с пяток судов к бегству принудили. Команда у нас — те же суворовские чудо-богатыри, и твой внук стоял под огнём как скала! А почему всё?

— Почему? — послушно спросил дед.

— Потому что мы образу Николы молимся, чтобы он врага остановил.

— Якорник может, — удовлетворённо прогудел Финоген Макарыч.

Федя и не сомневался, что Якорник может. Без Якорника вообще не было бы на свете ни Феди, ни отца его, ни даже деда Финогена.

Восемьдесят лет назад Федин прадед Макар Панафидин посватался к здешней девке — красавице Матрёне. И Матрёна рада была сватам от Макара, но родители её предпочли молодого купца Татарникова. Свадьбу назначили на осень, когда Татарников вернётся из торговой поездки с деньгами.

Дело у Татарникова было небывалое. Вместе с сарапульскими купцами Колчиными он составил «кумпанство», которое построило первый на Каме кабестан. Эти допотопные пароходы не имели гребных колёс и передвигались с помощью якорей. Лодки-завозни затаскивали якоря вперёд и бросали на дно; посудины подтягивалось к ним, наматывая якорные тросы на вал посредством паровых машин. Кабестан стоил невероятно дорого, потому что по сути был целой плавучей деревней с толпой работников: сам пароход, пара завозней и орава шустрых дощаников, безостановочно мотавшихся на берег за дровами. Неуклюжий, корявый кабестан тянул три-четыре баржи и полз ненамного быстрее, чем бурлацкая артель, зато дымил, грохотал и скрипел на всю реку.

Татарников и Колчины взяли выгодный казённый подряд на хлебный караван. А Макар Панафидин в церкви родного села опустился перед Николой Якорником на колени и взмолился, чтобы тот остановил пароход Татарникова и разорил купца — тогда Матрёну отдадут ему, Макару. И кабестан в пути сломался: треснул чугунный шкив. «Кумпанство» не управилось с подрядом за одну навигацию и лопнуло. Отец Матрёны осенью отказал злосчастному Татарникову, и Матрёна вышла замуж за Макара. А их дети и внуки — лоцманы Панафидины — почитали Николу Якорника своим прародителем.

— Ты ведь церковный староста, Финоген Макарыч? — спросил Зыбалов.

— Избрали, — солидно подтвердил дед.

— Мы всей командой тебя просим: дозволь нам до конца плаванья хранить образ Николы у себя на борту... Нам он в бою защита и надежда!

Федя замер, прислушиваясь, что скажет дедушка. Меркурий подождал и мягко боднул Федю головой в руку — не забывай гладить!

— Ты же человек старый, мудрый, — сладко пел деду Финогену Никита Зыбалов. — Пособи нам с красными воевать!

У Феде сжалось сердце. Не должен дедушка отдавать образ! Настоящая война — она не между белыми и красными. Она по-другому богом проложена.

Федя вспоминал самое страшное своё впечатление последних дней — капитана Хрипунова. До Сарапула Федя видел Хрипунова только издали: на «Самару», «Марка» и «Редедю» — на знаменитые

богатырские буксиры — не брали молодых лоцманов вроде Панафидина-младшего. А теперь Федя увидел Хрипунова вблизи. Огромного. Властного. Полного жизни, хоть и раненого.

«Рябинники» вшестером еле волокли его из госпиталя во двор. Госпиталь размещался в доме купца Стахеева, и в саду за домом были вкопаны качели. Верёвки с плетёным креслицем с них срезали, и на перекладину закинули петлю. Связанный Хрипунов бился всем своим большим телом. Его подняли в петле над пожухлой травой, и от могучих рывков умирающего капитана качели ходили ходуном. Федя видел, какой серой жутью наливается лицо повешенного, как выкатываются глаза из глазниц... Нет, Николу нельзя брать на войну. Кого он будет останавливать? Как?.. Так, как Хрипунова?!..

— Что ж, ради правого дела могу и дозволить, — прогудел дед Финоген. — Пущай Никола вам послужит. А Федьке прикажу просить водвоё истовой!

Федя в тоске смотрел на Каму. На берегу валялись старые лодки, брёвна, дырявые рыбацкие корзины. Река отсвечивала солнцем, словно говорила: сами разбирайтесь. Ослушаться деда Федя не мог. Не такие они люди, Панафидины, чтобы друг друга попирать. И Федя понял, о чём ему надо просить Якорника. Просить надо о том, чтобы остановил его собственный непобедимый пароход.

Если бы не рисунок лоцмана Феди с обозначенной ходовой, Нерехтин наверняка посадил бы свой буксир на мель в протоках Бельского устья. Но всё обошлось: не потребовалось даже гнать перед парохомом матросов с шестами-намётками, чтобы промеряли глубину.

К середине дня «Лёвшино» добрался до нобелевской пристани. Здесь у причальных мостков стояла пустая баржа, и свою баржу Нерехтин пришвартовал к её борту. На берегу торчали краны-оцепы, за кустами виднелись склады и балаган. Пристанской сторож побежал на промысел за начальством — до промыслов было две версты.

— А я думал, что про нас уже все забыли, — весело сказал Фегреус Турберн, пожимая руки Нерехтину и Бубнову. — Со связью творится суцая чертовщина! Из Николо-Берёзовки и Арлана можно телеграфировать только в Уфу или Екатеринбург, а в Сарапуле телеграф обслуживает лишь военные нужды!

Иван Диодорович понял, что этот пожилой инженер, одичавший в глуши, не очень-то разбирается в обстоятельствах гражданской войны.

— Промысел работает? — строго спросил Бубнов.

— Да, мы продолжаем бурение. Приглашаю к нам посмотреть, господа.

— Мне ни к чему, — отказался Иван Диодорович. — Я своё дело сделал.

Он не раз бывал в Баку и знал, как устроены нефтяные промыслы.

— Веди, — согласился Бубнов.

От пристани до промыслов через жёлто-зелёный лес тянулся просёлок с разъезженными колеями. В сапогах, тщательно смазанных дёгтем, Турберн шагал напрямую, а Бубнов приотставал, огибая лужи с палой листвой. Турберн курил трубку, на ходу ловко вставляя мундштук под пышные сивые усы.

— Положение у промысла тяжёлое, — рассказывал он. — Местные рабочие сбежали, остались только бакинские, однако в их среде тоже нарастает недовольство. Из шести скважин я вынужден был законсервировать четыре. Оборудование изношено. Дважды на нас нападали какие-то бандиты, увели всех лошадей. Конечно, у меня

есть наган, но, сами понимаете, это не защита. Я даже завёл тайник, чтобы прятать деньги и документы. Словом, я очень рад, что вы берёте наш промысел под контроль. Мне нужны порядок, дисциплина и безопасность. Когда я работал на Эмбе и в долине Ферганы, для ограждения буровых партий от грабежей азиатов у нас размещали казачьи команды.

— Не равняй красных военморов и царское казачьё! — зло сказал Бубнов.

Турберн посмотрел на него с укором.

— Промышленность немислима без сотрудничества с властями, — пояснил он. — И я рад, что появилась власть, которая может нас поддержать. Если к нам прислали вооружённую охрану, а не управляющих на смену, значит, Нобели нашли способ взаимодействия с Советами. Это правильно и прекрасно. Вы не надзиратели, а долгожданные помощники, господин моряк.

— Я тебе не господин, — по инерции буркнул Бубнов.

— Как мне к вам тогда обращаться? Как вас по имени-отчеству?

Бубнов к такому не привык. Строгость командиров, дружеская простота других балтийцев, неприязнь речников, ненависть крестьян — оно понятно. А усатый хрен предлагал своё уважение. Бубнов даже растерялся.

— Про... Прохор Петрович я, — сказал Бубнов, удивляясь, как это звучит.

Буровая находилась на большой лесной поляне — былом покосе.

Бубнов оглядывался. Дощатая шатровая вышка высотой с дерево, наверху — помост, стойка с фрикционными колёсами и приводными ремнями; рядом с вышкой — несколько локомотивов под навесами, поленницы, штабеля труб и стальных штанг; поодаль — кузница, добротный бревенчатый домик управляющего, казармы и баня, столовая, пустая конюшня, амбары и пильная мельница.

— Вторая действующая буровая отсюда за полверсты. Вашему отряду будет удобно занять казарму. Там просторно, и чугунная печка есть.

— А где нефть? — наивно спросил Бубнов.

— А вот нефти ещё нет, — улыбнулся Турберн. — Не добурились. Галантным жестом он пригласил Бубнова в свой дом.

Гостиной здесь служила камералка — лаборатория с полками, на которых блестели различные приборы и химическая посуда. Турберн усадил матроса за стол, застеленный старой пожухлой газетой, и принёс бутылку.

— Это биттер, — сказал он. — Крепкая горькая настойка.

— Знаю, чалился в твоей Швеции, — кивнул Бубнов.

Турберн разлил настойку в жестяные кружки.

— Нефть здесь очень глубоко, Прохор Петрович. По нашим оценкам, продуктивный горизонт начинается на пяти тысячах футов. В Американских Штатах бурили даже на семь тысяч шестьсот, но и пять — это исключительно. Так что здесь у нас всё имеет необыкновенную ценность. Новейшее буровое оборудование конструкции инженера Глушкова. Образцы пород из скважины. Бланки с рапортами, буровой журнал и чертёж геологического разреза.

Турберн посмотрел Бубнову в глаза.

— Понимаете, Прохор Петрович, наша скважина — подлинная революция в нефтеразведке. Если мы дойдём до нефти, то докажем правоту наших взглядов на законы нефтеносности. И по этим законам другие геологи смогут находить нефть там, где сейчас её никто не ищет. Мы откроем человечеству доступ к нефтяным морям под землёй. Вот чем мы с вами тут занимаемся.

Бубнов был польщён, что с ним разговаривают столь серьёзно.

— Что ж, мне ясно, — сказал он. — Революция — дело нам обыкновенное.

— Пускай мы и не добрались до нефти, но все её признаки у нас уже есть, — продолжил Турберн. — Потому главное на буровой — не вышка и не скважина, а вон та папка с документами, — Турберн указал на одну из полок, — и образцы пород. Они в ящиках в сарае. Если случится налёт, поджог, взрыв, то вы должны спасти эти материалы. Они важнее промысла и работников.

Бубнов хмыкнул, впечатлённый самоотверженностью усатого шведа.

— У вас, я гляжу, порядки-то флотские: сам погибай, а корабль спасай. Я на крейсере «Аврора» служил. В Цусимском бою нас япошки так зажали, что дым из всех пробоин повалил. Капитана убило, но «Аврору» мы вывели.

— Верно говорите, Прохор Петрович. — Турберн снова разлил по кружкам биттер. — Кстати, о корабле. Когда уходит ваш буксир?

— Братва разгрузит баржу, и отпущу.

— Прошу, задержите его немного. Я напишу Нобелям письмо с отчётом и номенклатурой дополнительного оборудования. Мне требуются обсадные трубы, раздвижные штанги, станки вращательного бурения, колонковые цилиндры, долота, термометр Петтенкофера... Если удастся раздобыть, хочу получить динамо и погружной электрический насос Аругтюнова.

— Нобели твои — контра! — тотчас возразил Бубнов.

— Тогда пусть письмо передадут тем, кто принимает решения.

— Прикажу передать командованию, — согласился Бубнов. — Пиши письмо.

Бубнову понравилось, что учёный швед принимает его, простого матроса, как начальника, понравилось, что здесь, на промысле, от него действительно зависит большое свершение. Это тебе не на барже тащиться за буксиром.

— Ладно, прогуляйся, — неохотно дозволил Иван Диодорович. — Но смотри у меня, Катюшка! Я ведь знаю, что ты опять полночи с ним на корме сидела!

— Дядя Ваня, шпионьте за тётей Дашей! — нахмурила брови Катя.

— Всё, не лезу... — проворчал Иван Диодорович. — Хотя ведь дело это...

— Дядя Ваня! — почти рассердилась Катя по-настоящему.

Моряки с поклажей уже ушли с баржи на буровую. «Лёвшино» готовился к отвалу; задержка была только за посланием Турберна, о котором капитану сказал Бубнов. Ивану Диодоровичу надоело ждать, и он отправил к инженеру князя Михаила, а Катя попросилась отпустить её вместе с князем.

За время, проведённое на пароходе, Катя отвыкла от земли, от леса, и всё здесь ей сейчас казалось каким-то выдуманным. Мокрые чёрные колеи дороги, испятнанные палыми листьями. Обессиленная трава. Зелёные и зыбкие толщи осинника, беззвучно вскипающие изнутри желтизной. Прозрачный воздух был отмыт дождями от ярмарочного летнего обмана — от обещания счастья. Птицы молчали. Пахло свежей небесной водой: это был запах утекающего времени.

Мир словно застыл в невесомости падения.

Катя смотрела на князя Михаила. В Михаиле она чувствовала странную завершённость души. Михаил отрёкся от власти над миллионами и пережил смерть, будто не взял лишний груз, — что же он увидел в жизни ещё более важное? За таким человеком надо идти без сомнений. И Катя пошла бы, если бы он позвал. Она не станет просить его, это недостойно, но если он оглянется и улыбнётся, она пойдёт куда угодно. Она сама так решила — и не боится. Папа знал, что надо делать, потому и погиб. А Михаил знает, чего не надо делать никогда, и для свободного человека это главнее. И она, Катя, тоже свободна.

На промысле повсюду мелькали чёрные бушлаты — моряки осваивались и обустроивали казарму. Катя и Михаил с удивлением

рассматривали огромную дощатую вышку. Рабочий в грязной робе махнул рукой на дом инженера.

Турберн усадил гостей за стол и принёс самовар.

— Выпейте чаю, — предложил он. — Вот сахар. Мне нужно ещё полчаса.

— Что ж, извольте, — согласился Михаил.

Его внимание привлекли старые газеты, которыми был застелен стол, обожжённый химическими препаратами. Один мятый лист князь осторожно вытащил из-под самовара. Это были екатеринбургские «Городские новости».

Забыв о Турберне и Кате, князь Михаил читал заметку, подписанную псевдонимом «Патриот». Автор сообщал, что на мусорке у речки Мельковки некий бдительный офицер заметил собачку, ранее принадлежавшую царевичу Алексею... Михаил помнил кокер-спаниеля Алёши, его звали Джой... Глупая собачка привела к новому хозяину — красноармейцу, который участвовал в расстреле царской семьи и присвоил кое-что из имущества. Красноармейца арестовали и передали следственной комиссии, занимающейся поиском захоронения бывшего царя Николая, его жены, детей и сопровождающих лиц.

Князь Михаил побледнел. Это было первое официальное свидетельство, что не только Ники, но Аликс, Алёша и девочки тоже мертвы.

— Вот моё послание руководству, — сказал Турберн, протягивая конверт.

— Откуда у вас эта газета? — спросил Михаил.

— В Николо-Берёзовке рабочие прихватили, или в Арлане. Туда иногда доставляют корреспонденцию из Екатеринбурга.

Катя поняла, что Михаил впечатлён каким-то известием.

— Что-то случилось? — спросила Катя на обратном пути.

— Просто разные мысли, — помедлив, ответил князь.

Он не хотел говорить. Что тут скажешь? Михаил давно знал, что брат убит, но семья... Большевики о ней не распространялись, однако молчание было красноречивее слов. Хотя всё-таки теплилась надежда, что дети уцелели. Неужели большевики беспощадны, как звери?

Михаил шагал по мягким мокрым колеям просёлка. ...Ники сам накликал беду. Он искренне верил, что создан для трона, а на деле не имел ни малейшего таланта к власти. Добродушный, как уездный

помещик, Ники был образцом заурядности. Он любил парады и пышные богослужения, и больше его ничего не интересовало в государстве. Судьба отомстила ему за то, что занимал место, к которому был неспособен. Но дети — четыре славные девочки и болезненный мальчик... За грехи родителей они заплатили страшную цену.

— Хочешь, присядем отдохнуть? — спросила Катя, чутко ощущая, что каждый новый шаг словно приближает Михаила к отчаянью.

Они сошли с просёлка в лес. За кустами обнаружилась поваленная берёза, белый ствол — будто скамейка.

...Попранная неприкосновенность детей обжигающе остро напомнила Михаилу, что его собственные связи с жизнью рвутся одна за другой. Грязный нефтепромысел, рабочие пароходы, грубое простонародье и захолустные городишки — это всё не его мир. Не потому, что дурной или ничтожный, а так сложилось по судьбе. У него были яхты за сверкающим прибоем Ливадии и горцы Дикой дивизии, Альпы и Канны, дворец в Гатчине и вечера у камина в замке Небворт; Наташа, его жена, читала «Санди таймс», а сын мечтал стать автогонщиком... И что же осталось, кроме воспоминаний? Последний отзвук утраченного мира — вот эта милая девушка, дочь погибшего промышленника. В её сдержанности, в её жестах, в её строгой красоте и умении молчать ещё сохраняется высокий дух той жизни, которой он так полно жил до кровавой смуты. Вернёт ли он когда-нибудь хотя бы часть былого? И много ли ему на веку отмерено, если убивают даже невинных детей? А ему хочется жить — и не таиться в тёмном трюме, а чувствовать себя живым, живым, живым.

Князь Михаил обнял Катю и поцеловал. И Катя ждала этого — ждала уже давно. Не важно, что уготовано ей в будущем. Не важно, правильное решение она приняла или нет. Она решила — и точка. Бабье лето и тихий лес у дороги на нефтепромысел — значит, так. Ей не о чем жалеть. Этот мужчина отказался от трона великой державы — но не отказался от неё, от Кати.

Она чувствовала податливую траву под спиной, чувствовала большие и бережные руки. Оба они — и Катя, и Михаил, — словно плыли по волнам на невидимом пароходе, и Михаил держал голову Кати на ладони. Катя смотрела на Великого князя как в первый раз, и

над ними вздымались кроны деревьев, а над кронами в остывшей синеве неба протянулся журавлиный клин — словно компас, остриём нацеленный на юг, где лето длится бесконечно.

А потом, когда время вновь стронулось с места, когда очнулся запах влажной травы и выдохнула лиственная тишина леса, откуда-то издалека до них донёсся треск пулемётных очередей и стрельба из винтовок.

Стекло в окошке лопнуло, и пуля, цокнув, прошла самовар навывлет — две струйки кипятка выплеснулись из дырок на стол. Бубнов и Турберн как раз пили чай. Опрокинув лавку, Бубнов ринулся из камералки на улицу.

С опушки леса трещали два или три пулемёта. Пули молотили по домикам и сараям, лязгали по трубам в штабеле и по локомотивам под навесами. Возле казармы друг на друге лежали убитые моряки, на них сыпалась щепа от стен. Бубнов сразу оценил воинский навык нападавших: конечно, они сначала наблюдали за промыслом, а потом атаковали, огнём разделив промысел на две половины. Это были не бандиты и не мятежные крестьяне, это были опытные солдаты — «рябинники». Они пришли, чтобы вышибить балтийцев с буровых.

Рабочие заполошно метались, не зная, что делать и куда деться. Дощатая вышка гулко брэнчала. Моряки, пригибаясь, пробирались на боевые позиции, намеченные Бубновым пару часов назад; два балтийца катили «максим» на колёсном станке. Однако «рябинники» так расположили свои пулемёты, что с опушки очередями подметали всю площадку промысла. Везде уже чернели бушлаты моряков, упавших в пожухлую траву или в растоптанную грязь.

Но это было ещё полбеды. Бубнов заметил солдат, бегущих к вышке со стороны Николо-Берёзовской дороги, — они угрожали с фланга, и моряки на промысле, разворачивая оборону против пулемётов в лесу, не видели новых врагов. Бегущие от дороги «рябинники» намеревались стремительным броском домчатся до балаганов с локомотивами и засесть под их защитой.

— Братва, справа!.. — заорал Бубнов и пальнул в воздух из револьвера.

Его не слышали.

Солдаты скрылись за паровыми агрегатами. Под пузатыми и клёпаными тушами машин сквозь спицы железных колёс полезли стволы трёхлинеек, захлопали выстрелы. А сбоку от навесов чертополох вдруг затряс верхушками — это «рябинники» попластунски поползли ещё и к штабелю обсадных труб.

— Справа!.. — надрывался Бубнов и лупил из нагана по шевелящейся траве.

Кинжальный огонь с фланга смял оборону промысла, моряки попятились прочь со смертельных рубежей. Пулемётчики одинаково уткнулись в землю ничком, их «максим» замолк. И тогда на опушке появилась разрозненная цепь «рябинников». Бубнов понял, что солдат не отбить, и промысел потерял.

— Отходи ко мне! Ко мне! — надрывался он возле домика Турберна.

В камералке инженер торопливо запихивал в кожаную папку документы по скважинам — буровые журналы, бланки отчётов и схемы разрезов. Через заднюю дверь Турберн выскользнул во двор и кинулся к локомотиву возле поленницы — ржавому и давно бездействующему. Открыв чугунную топочную дверцу, Турберн сунул папку в зев закопчённого бункера, положил туда же пистолет в промасленной тряпке и нагрёб сверху кучу холодных углей. Бункер и был его тайником. Вряд ли кого-то заинтересует громоздкий поломанный агрегат. Турберн распрямился, вытирая руки о бока, и огляделся — никто его не видел.

Внезапно из-за поленницы прямо на него вывернул рыжебородый солдат в грязной гимнастёрке. В его искажённом лице не было ничего человеческого, длинная винтовка мгновенно нацелилась Турберну в грудь.

— Я сдаюсь! — тотчас выкрикнул Турберн и вздёрнул руки над головой. — Я не военный, я инженер!..

Солдат без слов перехватил винтовку и окованным прикладом ударил Турберна в зубы. Охнув, инженер осел в крапиву и репейник. Солдат сразу же пнул его, опрокидывая навзничь, и снова ударил, потом снова и снова. Под ударами солдата Фегреус Турберн хрипел и корчился, но, теряя сознание, всё же понимал, что ему ещё повезло: приклад — не пуля и не штык.

А до пристани грохот пальбы не долетал. «Лёвшино» стоял под парами, готовый к отвалу; Нерехтин ждал, когда вернутся князь Михаил и Катя.

Михаил и Катя возникли как-то внезапно, словно из ниоткуда. Под их ногами тревожно застучали доски пирса, брякнула сходня. Михаил, тяжело дыша, поднялся на мостик, где толпилась половина команды.

— Иван Диодорович, на промысле — бой! — измученно сказал он и сел на патронный ящик возле пулемёта. — Судя по всему, нападение нешуточное.

Речники встревоженно загомонили.

— Может, морячкам и туго, но это уже не наша забота! — сразу заявил боцман Панфёров. — У них там своё, у нас — своё, надо швартовы снимать!

— А вдруг белые сюда прикатятся? — испугался Митька Ошмарин.

— За этих чертей нам под пули соваться? — возмутился Павлуха Челубеев.

— Дак погано своих-то бросать... — засомневался штурвальный Дудкин.

— А мы ничего не слышим! Тихо вокруг!

Вокруг парохода и вправду висела осенняя тишина, даже вода не плескала в борт. Застывшая протока, безмолвный лес, высокое синее небо.

— Заткнитесь! — осадил команду старпом Серёга. — Капитан тут главный!

Иван Диодорович думал, разглядывая своих людей.

— Не мешайте Ване, ребята! — успокаивала всех Дарья. — Чего как дети?

В этом рейсе никакого братства с моряками не было и в помине.

Сколько раз балтийцы угрожали речникам винтовками!

— Сдохнет Бубнов — я свечку в храме зажгу, — дерзко сказала Стешка.

Команда, в общем, была согласна: балтийцев к псам!

— Шуруйте все на хрен с мостика! — наконец рассерженно объявил Иван Диодорович. — Стоим у пирса, и всё!

Расталкивая людей, он упрямо прошагал в рубку и дёрнул за стремя гудка. Над пристанью и над лесом раздался протяжный и вязкий вой.

Этот вой доплыл до промысла, и Бубнов даже удивился, уловив далёкий призыв парохода. На промысле дрались уже врукопашную, всё перепуталось, озверевшие люди бросались друг на друга, рычали, били насмерть, вцеплялись в горло, падали, поднимались и опять падали. Линялые гимнастёрки солдат почернели от крови и грязи, как

матросские бушлаты. Побоище крутилось между сараев и балаганов, скатывалось в комья и рассыпалось, оставляя тела.

— Уходи на пристань!.. — сорванным голосом орал морякам Бубнов.

Он помнил объяснения инженера Турберна, что документы о скважине важнее, чем сам промысел, и бросился к домику инженера.

В камералке стоял и озирался рослый рыжебородый солдат с винтовкой. Бубнов опешил, будто увидел волка. Этого краткого мгновения солдату было достаточно: он вскинул винтовку и выстрелил. Бубнову показалось, что его насквозь пронзили раскалённой палкой. Отшатнувшись, он тоже вскинул руку с наганом и тоже выстрелил.

Солдат уронил винтовку и повалился на полки с химической посудой, а Бубнов, слабея, попятился к двери и выпал наружу.

В его сознании всё разъехалось, сливаясь воедино: взлетающее над ним небо, лица, руки, кубрик на барже, стрельба, гудок парохода, ветви деревьев, крейсер на морской зыби, лужи, боль, топот, тряска, стрекочущий аэроплан, матерная ругань... И наконец он сообразил, что матросы тащат его на руках по просёлку. Их было то ли трое, то ли четверо — сколько уцелело в бойне на промысле, — и они убегали с промысла на пристань, унося с собой раненого командира. Хлестала листва, чавкала грязь под ногами, и откуда-то издалека, не давая потерять надежду, всё кричал и кричал пароход.

«Лёвшино» гудел так, что на борту всем поневоле стало страшно — будто архангел нёсся над мёртвой пустыней, трубил и искал живых. Синовый лес молчал, безответно заглотив всё, что в нём случилось. Но потом в его недрах бабахнул отчаянный выстрел — просьба не уходить от берега, не бросать.

Речники, стоявшие у фальшборта, увидели выбегающих из леса моряков. Истрёпанные балтийцы проволокли безвольного Бубнова по сходне.

— Отвал! — сразу скомандовал Иван Диодорович.

В кожухах закрипели, проворачиваясь, гребные колёса. Вытянутый крамбол дрогнул. Пароход медленно и неохотно отодвинулся от пирса.

Окровавленного Бубнова бережно положили на палубу; над ним склонилась Дарья и принялась резать кухонным ножом набухшую

тельняшку.

— Не заслужил, чтобы дождались... — серыми губами прошептал Бубнов.

Им повезло: узкими протоками устья Белой «Лёвшино» успел пробраться ещё засветло и нигде не сел на мель. В сумерках Иван Диодорович приказал бросить якоря возле глухого низменного берега. Утром предстояло пройти самый опасный участок — Николо-Берёзовку, Сарапул и Галёво, всё сразу.

Утро было хмурым, словно не хотело начинаться; в небе теснились серые и сизые облака; простор Камы казался угрюмым — ветер гнал волну, озлобляя реку, будто цепную собаку, которая щетинит шерсть на загривке и скалится.

Николо-Берёзовку миновали благополучно, по воложке слева от острова. Заботливый Сенька Рябухин притащил стул, и Катя, подняв воротник лёгкого английского пальто, сидела за надстройкой в заветрии. Она ждала Сарапул.

Подошла Дарья и положила Кате на колени свой пуховый платок.
— Возьми, холода скоро.

Катя взяла платок и прижала к лицу, скрывая, что едва не плачет. Она уже прикипела душой к тётке Даше, к Ивану Диодорычу, к людям на «Лёвшине».

— Воля твоя, Катюшка, — задумчиво сказала тётя Даша, — но только твой офицер тебя не любит. Бог знает, что ему от тебя надо.

Не обманись.

Катя опустила платок. Глаза её высохли.

— Я сама себе хозяйка, тётя Даша. Поучений не прошу.

— Ну-ну, — вздохнула Дарья и ушла.

Иван Диодорович рассчитывал отправить Катю и Михаила на берег в лодке. Не известно, кто в Сарапуле — большевики или «рябинники», поэтому лучше высадиться в деревеньке Непряха за шесть вёрст от города. Однако план сорвался. На Шорьинском перевале дымил какой-то караульный пароход; в бинокль Иван Диодорович опознал «Рассвет» — вооружённый буксир «чебаков».

— И что делать? — спросил Серёга Зеров.

В рубке теперь не было надзирателей, всяких Жужговых или Бубновых; Иван Диодорович ощущал себя как дома, как раньше — он,

пароход и команда. Значит, он может всё, он — хозяин на этой реке, он старый капитан.

— Прорвёмся с боем, — сказал он, будто «прорвёмся с богом».

На мостике зазвенела рында, и Катя встрепенулась: неужели пора? Когда на корме появился Серёга Зеров, Катя встала со стула и подняла саквояж.

На пару с матросом Краснопёровым старпом принялся быстро крутить ворот, подтягивая лодку, которая болталась за буксиром на тросе.

— Время? — сдержанно поинтересовалась Катя.

— А, Катюшка!.. — спохватился Серёга. — Прости, не для вас лодка. Сейчас, похоже, с чебаками будем биться. Диодорыч приказал бросить баржу — надо с неё Кузьмича снять, шкипера. Не судьба вам с Михайлой на берег сойти.

Катя одновременно и помертвела, и ожила. Сарапул отменяется?.. Катя нелепо застыла возле орудийной башни, с изумлением осознавая, что ей вовсе не хочется покидать буксир. Она не могла вообразить любовь с Михаилом вне этого парохода — в чужом городе, в доме у тёти Ксении, на дорогах войны...

— Эй, всем тревога! — с мостика закричал в рупор Иван Диодорович. — Пулемётчики, пушкари, по местам! Остальные — прячься в машину!

С низкого борта баржи в лодку матроса Краснопёрова с мешком в руках спустился шкипер Кузьмич. Лодку на вороте потащили обратно к «Лёвшину». Пароходу требовалось сбавить скорость, иначе натянутый буксирный конец не снять ни с кнехтов на барже, ни с гака на буксире, но Иван Диодорович не желал терять разбег своего судна, и старпом просто перерубил трос авральным топором. За это время вражеский «Рассвет» рулём и колёсами отработал почти полный разворот — похоже, он намеревался уклониться от боя.

— Саныч, давай на всю! — скомандовал Нерехтин в переговорную трубу.

На удаляющуюся баржу с мостика смотрел лётчик Свинарёв. Маленький самолётик на палубе баржи топорщил крылья как-то по-осеннему прощально.

— Сожалеею «Ньюпор», хороший он аппарат, — в рубке признался Ивану Диодоровичу Свинарёв. — Но в обстоятельстве разумное

решение я одобряю.

— Степаниду свою одобрай, — буркнул Иван Диодорович.

Все уже знали, что Стешка перебралась в каюту к лётчику.

«Рассвет» дымил на полверсты впереди. Он убежал, а «Лёвшино» догонял. С кормы «Рассвета» била пушка — полевая трёхдюймовка, и шумные столбы воды подскакивали то справа, то слева от «Лёвшина», изредка окатывая водой то палубу, то мостик. «Лёвшино» отвечал из орудия на носу, вздрагивая от каждого выстрела. Пулемёты ещё молчали, дожидаясь нужной дистанции. Уползали назад берега — лесистые угоры и блёклые лоскутья сжатых полей.

Снаряд разорвался на крыше надстройки: осколки пробарабанили по рубке, рухнул дефлектор, заорали пулемётчики. Часть округлого колёсного кожуха с броневым листом обвалилась в реку, и в тёмную дыру стало видно, как вращаются мокрые стальные дуги и перекладыны гребного колеса.

Иван Диодорович выскочил на мостик. Под треногой «льюиса» у барбета корчились раненые. Кисло воняло взрывчаткой.

— Пушкари, мерзавцы косорукие, да хоть раз его достаньте! — гневно крикнул Нерехтин артиллеристам у носовой полубашни.

Команда «Лёвшина» укрылась в полутёмном машинном отделении, будто в погребе в грозу. Осип Саныч наблюдал за циферблатами, напоминая счетовода; котёл утробно урчал, лязгали рычаги и передачи; матросы, теснясь к бортам, сидели на стлани и подбирали ноги, чтобы не мешать машинистам и кочегарам. Корпус парохода потрескивал при толчках выстрелов, сверху с бимсов сеялась ржавая пыль. Катя старалась не смотреть на князя Михаила. Пусть он наедине с собой примет то, что сегодня они в Сарапул не попадут.

Дарья завозилась на решётках подмёта, поднимаясь на ноги.

— Холодно ведь наверху, — пояснила она. — Кожан Ване принесу...

— Стреляют же там, тётя Даша, — предостерёг её Митька Ошмарин.

— Да ладно.

— Я с тобой! — толкая соседей, тотчас принялась ворочаться и Стешка.

— Чего всполошилась? Не улетит твой лётчик! — заухмылялись матросы.

А гонка пароходов продолжалась.

Перед Сарапулом по реке растянулись два острова, и «Рассвет» свернул в боковую протоку, но Иван Диодорович не полез в ловушку — догадался, что протока простреливается батареей из города. И батарея вскоре забабахала, надеясь прихлопнуть «Лёвшино» сверху навесным огнём. Иван Диодорович видел за островами столбики сарапульских колоколен и горб Старцевой горы.

Снаряд взорвался на корме буксира и смял орудийную полубашню. Ствол пушки задрался к небу, изувеченных канониров расшвыряло во все стороны. «Лёвшино» увесисто качнул задом, раскатив шипящую волну; штурвального в рубке бросило грудью на штурвал, а Нерехтин, Свинарёв и Серёга Зеров едва не упали. Иван Диодорович вцепился в переговорную трубу.

— Держи курс! — рявкнул он Дудкину. — Мы ещё живы!

«Рассвет» приотстал, пропуская «Лёвшино» вперёд — под прямой огонь батареи. Буксир нёсся мимо города. Его машина работала на полную мощь, рядом с ней ни слова нельзя было услышать от злого лязга и клокота; потные кочегары поливали котёл водой из вёдер. В колёсных кожухах бурлило, пену выбуривало целыми сугробами, а вокруг парохода взлетали белые фонтаны, обдавая палубы и мостик. И всё же Сарапул отодвигался назад, и справа нехотя проплыл створный знак на устье Симонихинского затона. «Рассвет» не потащился дальше за «Лёвшином», опасаясь ярости раненого врага.

Кама неспешно изогнулась, мелькнул купол храма в селе Яромаска, и вдаль Иван Диодорович увидел другое судно, идущее с Нечкинского перевала. И сложно было придумать встречу хуже, чем эта. Вытянув крамбол как штык, на «Лёвшино» шёл главный разбойник камского флота — пароход «Русло».

— Ну здравствуй, Федя... — прошептал Иван Диодорович. «Лёвшино» и «Русло» сближались лицом к лицу — без всяких уловок, без колебаний. Их трубы дымили, колёса крутились, но пушки молчали, ожидая верного прицела. Иван Диодорович отпихнул Дудкина и сам взялся за рукояти штурвала. Он знал, что там, на «Русле», за штурвалом так же твёрдо стоит хороший парнишка Федя Панафидин, но что поделать, если война?..

И в этот момент на переднюю палубу выскочила Дарья с кожаном в руках. Она ждала затишья, чтобы принести своему Ванюше одежду

потеплее.

«Русло» выстрелил первым. Носовую орудийную башню на «Лёвшине» прямым попаданием разворотило, будто кочан железной капусты; пароход тряхнуло, и осколки острым градом прогремели по надстройке и рубке. В воздухе повис тихий звон ошеломления, и его вспорол дикий Стешкин визг:

— Тётечка Дашенька!.. Миленькая!.. Тётечка Дашенька!

Дарья лежала на палубе, стискивая в руках затёртый кожан капитана. Вокруг растекалась лужа крови. Стешка стояла над Дарьей на четвереньках.

— В-Ванюше не говори... — едва слышно попросила Дарья.

Стешка рыдала, тормозила её и жадно целовала, умоляя не умирать.

— Вот ведь дали так дали, не прочихаются! — ликовал Никита Зыбалов и хлопал штурвального Бурмакина по спине. — Пушку вдребезги, твою мать!..

Бурмакин качался с недоверчивой улыбкой, будто хвалили его самого.

Федя смотрел на «Лёвшино». Орудийная башня вражеского буксира была жутко искорёжена. Федя понимал, что «Лёвшино» остался без артиллерии, и сейчас «Русло» начнёт убивать его, как убивал «Бирюзу», только Нерехтину, в отличие от Хрипунова, отступить некуда. «Лёвшино» будет прорываться мимо «Русла» — и погибнет. Он, Федя, погубит Ивана Диодоровича.

Зыбалов выскочил на мостик и закричал канонирам:

— Молодцы, фронтовички! Валяй дальше, топи красножопых!

Федя повернулся к образу Якорника и снял картуз с лоцманским значком.

— Возбранный Чудотворче... — истово забормотал он, — радуйся, зол прогонителю, радуйся, чудес пучина, радуйся росо неботочная в знои трудов сущим, радуйся, от мятежа и брани соблюдай... Сыне божиего укрепитель, останови судно, погибель сеюще, избави люди твои от греха и помилуй мя!

Орудие «Русла» продолжало стрелять — лихо и красиво, потому что враг был прямо по курсу, хоть целься через дуло, и неудержимо приближался. Один снаряд снова ударил в остов разбитой пушки «Лёвшина», другой просвистел рядом с рубкой, третий пробил броню надстройки и взорвался где-то внутри. Но «Лёвшино» шёл навстречу «Руслу» бесчувственно, как одержимый — он хотел добраться до противника любой ценой, не обращая внимания на урон. Ветер сбивал набок дым из трубы, окна рубки чернели, словно от ненависти.

Иван Диодорович стоял за штурвалом сам, отстранив Дудкина. Рядом был старпом Серёга Зеров — на замену капитана, если того убьют. Серёга привёл боцмана Панфёрова. Без приглашения в рубку поднялся и Свинарёв.

— Пушек больше нету, буду таранить, — твёрдо сказал Иван Диодорович.

— Может, лучше к берегу?.. — проскрипел Панфёров.

— Разнесут в клочки ещё на полпути, — возразил Серёга.

— Или мы, или они, — угрюмо подытожил Нерехтин. — Серёжка, займись пулемётами. Панфёров, ежели начнём тонуть, выводи команду из трюма.

— Я к пулемёту пойду, товарищ капитан, — сообщил Свинарёв. — «Льюис» мне система знакомая. Надо всеми стволами бить по их орудию.

— Вот и бей, — согласился Нерехтин.

Из шести пулемётчиков «Лёвшина» в живых остался только один Сенька Рябухин — видно, оказался везучим. Свинарёв вышел на мостик, выволок тела убитых из гнезда на правом кожухе и примерился к прикладу пулемёта.

— Дяденька лётчик, вдвоём не пропадём! — радостно крикнул ему Сенька.

В трюме «Лёвшина» трое моряков-балтийцев не высидели в бездействии возле раненого Бубнова. Балтийцы слышали, как снаряды крушат пароход, слышали, что орудия и пулемёты буксира замолкли.

— Ты лежи, Прохор, а нам лучше наверх, — сказал один. — Верно, братва?

Новый взрыв громыхнул где-то в недрах пустой надстройки.

Федя смотрел на буксир Ивана Диодоровича и чувствовал, как нарастает угроза. Оглушённый бронепароход словно бы очнулся на ходу и наполнялся новыми силами. На мостике «Лёвшина» у пулемётов замелькали бегающие люди. Очереди хлестнули по орудию на носу «Русла», взрыли щепой доски его палубы, замолотили по рубке, визжа рикошетами. Федя спрятался за краем окошка, ощущая, как под пулями дрожит тонкая броня из котельного железа. Бурмакин вдруг испуганно ойкнул, ноги его подогнулись, и он повалился. Вместо глаза на его лице зияла кровавая дыра. Снаружи орали канониры и пулемётчики. Федя боязливо переступил через Бурмакина и взялся за штурвал.

«Лёвшино» был уже рядом; из игрушечного судёнышка — вроде тех, что капитаны водружают на крыши своих домов, — он превратился в громадину, и эта громадина, не сворачивая, пёрла прямо

на «Русло». Под крамболом кипел бурун, колёса вертелись, из трубы вываливались клубы дыма, искрили все три пулемёта. «Лёвшино» будто съезжал с горы — ничто не могло его остановить.

Федя понял, что Иван Диодорович идёт на таран.

Федя закрутил штурвал, надеясь, что «Русло» ещё успеет уклониться. Вокруг прыгали мелкие волны Пещерского переката. «Русло» повёл нос влево, на низменный берег с отмелями и покосами, и открыл врагу свой правый борт — так пёс, сдаваясь в драке другому псу, подставляет свою шею для укуса: «моя жизнь в твоей власти, ты победил!» И «Лёвшино» мог бы пройти мимо, но не пожелал. Он двинул нос направо — вслед за «Руслом», упрямо и безжалостно поворачивая ему в борт. Федя застыл, ожидая столкновения.

«Лёвшино» взревел гудком, оглушая врага. Форштевень «Лёвшина» с лязгом и скрежетом врубился в корпус «Русла» за изгибом колёсного кожуха. Вздрыбились иззубренные куски брони и сломанные доски палубы. Могучий толчок повалил команду «Русла». Буксир «чебаков» страдальчески накренился, а два уцелевших пулемёта «Лёвшина» ещё продолжали поливать его свинцом.

Сцепившиеся пароходы медленно разворачивало набегом и течением. Колёса «Русла» бессмысленно вращались, а колёса «Лёвшина» остановились и неспешно заработали обратным ходом. Буксир Ивана Диодоровича начал вытаскивать нос назад из огромного уродливого разруба в борту «Русла», и в трюм «Русла» с рокотом хлынула вода. Федя ощутил, как его пароход грузнет и ещё больше клонится на правый борт. Рубка покосилась, дверь её открылась сама собой, и Федя увидел в проём, как к пулемёту на мостике карабкается Зыбалов: хватаясь за фальшборт, он перебирался через убитых пулемётчиков.

— Суки!.. — хрипел он. — Суки комиссарские!..

Очередь с «Лёвшина» встряхнула Зыбалова, и он обвис на планшире.

Федя бросился к Никите — надо было оттащить его, чтобы не кувыркнулся в реку. Федя сгрёб Никиту и приподнял, и на миг в его глазах запечатлелось всё, что он видел: простреленная рубка с распахнутой дверью, Бурмакин на полу, золотое мерцание Якорника в темноте, покосившаяся, но дымящая труба парохода, белые облака над трубой... А затем железное чрево буксира с грохотом взорвалось,

шарахнув из всех щелей струями кипящего пара. Это вода из пробоины хлынула в котёл, и тот лопнул. «Русло» будто бы раздуло изнутри, мостик подпрыгнул, и Федя в обнимку с Никитой полетел за борт.

Он бултыхнулся, потеряв Никиту в падении, и его разом со всех сторон стиснуло обжигающим холодом. Раскинув руки, он перекувырнулся и ринулся наверх. Несколько мучительных мгновений в невесомости — и Федя вынырнул словно в бурлящем вареве: слева и справа от него воду рыли огромные колёса двух буксиров. Федя барахтался в волнах, ничего не соображая; струя понесла его куда-то, болтая, как тряпку, и стукнула плечом в шершавый клёпанный борт. Небо сверху исчезло, загороженное ржавым настилом: Федю затащило под широкий обнос парохода. Рядом с урчаньем врубались в пену массивные плиты колеса, и Федя ухватился за стальной кронштейн над головой.

Пока руки и ноги от стужи не свела судорога, пока течение не уволокло его под убийственный удар огромной плиты, Федя принялся подтягиваться по кронштейнам, выбираясь из-под обноса. Пароход куда-то двигался, но Федя не сразу осознал, что это не «Русло». «Русло» ведь тонул. Наконец Федя выглянул наружу и увидел вдали свой буксир: окутанный паром, он уже лёг на дно Пещерского переката. Из реки торчала надстройка с рубкой и трубой.

— Вот он, здесь! — закричал кто-то сверху. — Держи, гнида!

Рядом с Федей шлёпнулся спасательный круг на верёвке.

Федю заволокли на борт. Едва он поднялся на ноги, ему врезали в скулу, и он упал. Поднялся — ему снова врезали, и он снова упал. Он поднялся в третий раз, и больше его не били. Он посмотрел перед собой — и всё понял.

«Лёвшино» выглядел страшно. Искорёженный остов орудийной башни; окровавленные трупы; издырявленная и помятая стена надстройки. Федя словно бы уловил железный запах смерти, что совсем недавно отплясывала на этой палубе. Вокруг Феде толпились незнакомые речники: они выжили в аду и победили, и глаза их были одинаковыми — беспощадными, как свинец.

В ногах у речников валялся и рыдал Яшка Перчаткин. Одежда его была сухой — наверное, Яшка, ошалев от ужаса, просто перепрыгнул с буксира на буксир, когда «Лёвшино» всадил свой нос «Руслу» в борт.

— Родненькие!.. — завывал Перчаткин. — Не убивайте!.. Христом богом милости прошу!.. Я ведь подневольный человек!.. Я матрос, а не пушкарь!..

Федя понял, что его с Яшкой казнят за те бедствия, которые причинил «Русло». Федя не испугался. Он просил Якорника остановить его пароход, и Якорник остановил. И больше он ничем уже не поможет.

И Перчаткина, и Федю сгребли за шкурку и куда-то потащили.

За углом надстройки на палубе в луже крови лежала мёртвая русоволосая женщина. Над ней на коленях стоял Иван Диодорович Нерехтин. Он держал голову женщины в руках и тихонько покачивался из стороны в сторону.

Рослый и плечистый мужик осторожно тронул Нерехтина.

— Двоих с «Русла» выловили, дядь Вань, — сказал он. — Хочешь — сам их стрельни... Отведи душу...

Нерехтин повернул голову. Лицо у него было в крови. Вернее, в крови у него были руки, а руками он вытирал слёзы.

— А Дашеньке это угодно, Серёжа? — спросил он.

Серёга Зеров не знал, что ответить, и нелепо топтался на месте.

— Пускай живут, — сказал Иван Диодорович. — Не нужны они мне.

Часть шестая
УБИТЬ

На речных буксирах не имелось кают-компаний, и адмиралу негде было разместить штаб флотилии, но рядом с бронепароходами шли пассажирские суда, и Старк занял салон второго класса на лайнере «Заря» общества «По Волге». Увидев брейд-вымпел адмирала на мачте «Зари», винтовой катер «Окунь», оснащённый американским мотором «буффало», пролетел мимо буксира «Вульф», на котором обычно находился адмирал, сразу к лайнеру.

До февраля 1917 года «Заря» называлась «Императрицей Александрой», и на стенах салона сейчас висели пустые рамки от фотографических портретов Александры Фёдоровны. За покерным столом с расстеленными лоцманскими картами нижнего течения Камы расположились командиры обоих дивизионов флотилии, сам Старк и капитан Смирнов — начальник штаба.

— Виноват, господин адмирал, не получилось! — доложил молоденький юнкер с «Окуня». — Подрывные патроны не сработали! Вынужден был уйти!

Флотилия Старка прикрывала отступление гражданских судов вверх по Каме. В хаотичной армаде беженцев Юрий Карлович насчитал 54 парохода — и хороших вроде «Зари», и совсем никудышных посудин. Баржи и плашкоуты адмирал даже не пытался учесть. Армаду и флотилию преследовали канонерки большевиков. Чтобы хоть немного оторваться от врага, адмирал распорядился затопить в устье Камы две баржи, гружённые щебнем и камнями. Их расчалили на якорях так, чтобы они, утонув, перегородили фарватер. Минёры с «Окуня» должны были поджечь заряды в трюмах обречённых барж, но заряды, видимо, отсырели. Значит, фарватер останется свободен, и большевики не отцепятся.

— Ступайте, господин юнкер, — недовольно сказал Старк.

По салону медленно ползли косые прямоугольники шевелящегося света: своими дымами армада беженцев замутила всё небо над рекой. Лайнер двигался со скоростью двух-трёх узлов. Его мощная машина работала мягко и незаметно, будто громада парохода покоилась на перине.

— Господин адмирал, — заговорил капитан Федосьев. — Я хочу вернуться и разбить баржи из орудий. Я — артиллерийский офицер первого разряда!

— Это опасно, Пётр Петрович, — заметил Смирнов. — У большевиков на Богородских горах наводчик, устье Камы пристреляно плавучей батареей.

— Мы на войне! — с вызовом заявил Федосьев.

В голосе его звучало обозлённое упрямство.

Ближайшей целью флотилии был город Лаишев на правом берегу Камы. Из Казани, занятой Красной армией, в Лаишев отошли потрёпанные отряды подполковника Каппеля. Требовалось перевезти их на левый берег. Некогда было отвлекаться на драку с большевиками возле злополучных барж.

— Затопление барж не решит нашей задачи — эвакуации бойцов Каппеля, — возразил Старк. — И подвергнет флотилию напрасному риску.

— А я не боюсь риска! — Федосьев глядел адмиралу в глаза. — Я вернусь на «Милютине» один и всё сделаю сам! Прошу приказа, Юрий Карлович!

Старк ответил Федосьеву холодным взглядом:

— Ваша просьба напоминает ультиматум.

Федосьев встал и одёрнул китель.

— Извините за форму обращения, господин контр-адмирал, но я полагаю необходимым высказаться. Не примите за дерзость.

— Что ж, извольте.

— Я не согласен с вашей стратегией. Под началом мичмана Мейрера наша флотилия атаковала красных, и в результате мы уничтожили три парохода неприятеля. Вы же предпочитаете отступать с арьергардными перестрелками.

— И всё-таки вы дерзите, Пётр Петрович, — усмехнулся Смирнов.

Конечно, Федосьев дерзил. Он уважал Мейрера и был ему благодарен. В Кронштадте большевики изгнали лейтенанта Федосьева с флота; Федосьев приехал домой в Самару, и здесь от гнева и отчаянья запил горькую. Мейрер вытащил его из пьянства, назначил командиром плавбатареи «Чехословак», а потом произвёл в командиры дивизиона. С военной базы в Казани канонерки Мейрера наносили

сокрушительные удары по красным. Это была славная война — рейды, сражения, победы... А что сейчас? Федосьеву казалось, что адмирал Старк из боевого офицера превратился в штабного чинушу, который печётся только о своём значении, поэтому собирает вокруг себя бесполезных беженцев и уклоняется от серьёзной схватки с флотилией большевиков.

А Юрий Карлович понимал бурные чувства Федосьева. Пётр Петрович — на взлёте жизненных сил, он яростно жаждет подвига и признания. Когда-то Юрий Карлович и сам был таким, как Федосьев.

Он вспомнил себя молодым, вспомнил боевую рубку крейсера «Аврора»: броня с заклёпками, циферблаты, медные трубы, стойка нактоуза, штурвал, а за узкими смотровыми щелями — простор Цусимского пролива и японские броненосцы. Шёл бой — эскадра на эскадру. На мостике разорвался снаряд, и его осколками в рубке скосило всех офицеров, а капитана — насмерть. Юрий Карлович тогда не ощутил ни боли, ни страха; раненый, он выбрался на мостик с одной мыслью: надо поднять обратно сбитый флаг корабля. Он, лейтенант Старк, хотел быть героем. И он стал героем — красивым, окровавленным, под реющим знаменем. А сейчас ему, адмиралу, стыдно за того лейтенанта.

— Если вам интересно моё мнение, господин контр-адмирал, — осторожно заговорил Смирнов, — то я думаю, что план капитана Федосьева не лишён своих резонов. В случае успеха «Милютин» польза очевидна. В случае гибели — простите, Пётр Петрович, — ущерб для флотилии будет несущественным.

Старк размышлял. Офицеры ждали.

— Хорошо, господа, — наконец произнёс адмирал. — Капитан Федосьев, возвращайтесь к баржам на «Милютине». Я не расцениваю своё решение как правильное, но учитываю ваш настрой, Пётр Петрович. Совет окончен.

Федосьев и Лебедев — командир второго дивизиона, — отдав честь, вышли из салона, а Смирнов остался. Вздохнув, он расстегнул воротник кителя.

— Надеюсь, Юрий Карлович, вы понимаете причину, по которой я поддержал Федосьева... Он был готов уйти самовольно. Слишком горяч. Для сохранения дисциплины во флотилии лучше спустить его с

поводка. Нельзя, чтобы командир дивизиона публично нарушил ваш приказ или запрет.

— Я не стану заложником прихотей своих офицеров, — жёстко ответил Старк. — Впредь, Михаил Иванович, прошу вас руководствоваться только оперативными соображениями, а не заботой о моём авторитете. В следующий раз я арестую Федосьева и отдам под суд.

— Не относитесь к нему чрезмерно строго. Мы на одной стороне.

Юрий Карлович посмотрел в окно: осенняя река, жёлтая роща на берегу.

— Знаете, Михаил Иванович, поделюсь с вами своими мыслями... Главари большевиков правы: наше государство нуждается в реформах, облегчающих жизнь его гражданам. Но большевики жаждут одной лишь власти, и социализм для них — инструмент для захвата власти, а не цель. Социализм подразумевает некий порядок, но у большевиков — не новый порядок, а банальный террор, на который они мобилизовали всё худшее, что было в обществе. Вот поэтому любое нарушение любого порядка, даже с благими побуждениями, — это большевизм. И я отнюдь не уверен, что капитан Федосьев на моей стороне.

— Мама, зачем ты надела эту глупую шаль? — раздражённо спросила Ляля. — В ней ты выглядишь как торговка баранками из Рязани!

— Ах, Ларочка, оставь! — ответила Екатерина Александровна. — Мы не в Петербурге! Мы должны быть ближе к народу! Я знаю, как одевается народ!

Конечно, Ляля сердилась не на маму. Дело было в том, что осторожный Раскольников держал флотилию слишком далеко от сражения. Пароходы на излучине Камы казались детскими игрушками, выстрелы орудий звучали как хлопки палкой, когда прислуга выколачивает во дворе ковёр, и речной бой не мог произвести на Екатерину Александровну никакого впечатления.

Екатерина Александровна приехала в Казань с тёплой осенней одеждой для дочери. У Михаила Андреевича вырваться не получилось — профессор права, он был занят в Наркомате юстиции, а Гога, младший брат Ляли, помогал ему по службе. Екатерина Александровна отправилась в опасный путь одна.

Решительности ей было не занимать. Впрочем, как и дочери.

— Фёдор Фёдорович, возьмите меня с собой на корабль! — заявила она при встрече. — Уверяю вас, я опытная путешественница. Лара давно погибла для нормальной жизни, и я тоже сама хочу увидеть классовую борьбу!

Тёще Раскольников отказать не смог.

Его флотилия представляла собой внушительную силу: четыре морских миноносца, восемь бронепароходов — правда, три уже были подбиты, лёгкие канонерки, баржа с самолётами и аэростатом, плавбатарей и вспомогательные суда. Штаб располагался на «Межени»; для неё Раскольников набрал новую команду, а матросов, которых вернули Маркин и Ляля, перевёл к Маркину же на пароход «Ваня». Тёщу Фёдор Фёдорович поселил на «Межени» в отдельной каюте, и теперь она сопровождала дочь в боевом походе.

— Объясните же мне всё, друзья! — потребовала Екатерина Александровна.

Она была красивой женщиной — фигуристая даже в мешковатом пальто, черноглазая, улыбчивая. Из-под платка упрямо вылезали тёмные кудри. Фёдор Фёдорович подвёл её к ограждению мостика и вручил тяжёлый бинокль.

— Белые рассчитывали загородить нам фарватер вот теми двумя баржами. По какой-то причине им это не удалось. Их флотилия ушла, но один пароход вернулся, чтобы затопить баржи из пушек. А наш пароход намеревается снять баржи с якорей, чтобы сами уплыли вниз и не помешали нам.

Суда флотилии Раскольниковова, подрабатывая машинами, ожидали завершения схватки на расстоянии полутора вёрст.

— У вас же есть плавучая батарея, Фёдор Фёдорович, — сказала Екатерина Александровна. — Почему вы не расстреляете пароход белогвардейцев?

— А вы хорошо разбираетесь в диспозиции, Екатерина Александровна, — заметил Раскольников. — С нашей линии мы не можем вести огонь прицельно, потому рискуем потопить не пароход белых, а баржи. Но белым этого и надо.

Ляля наблюдала за поединком пароходов и делала вид, что не слушает Раскольниковова. Ей было досадно, что мама оттягивает всё внимание на себя, и даже дядя Петя Мудров, капитан «Межени», улыбается за стёклами рубки — так добродушно улыбаются извозчики, когда весёлые и щедрые господа шалят в их экипажах. Мама всегда вызывала необъяснимую симпатию — у всех, кроме Раскольниковова. И сама она не любила Фёдора Фёдоровича.

А вдали пароход белых стрелял по баржам и по красной канлодке. Красные отвечали. Вокруг судов подпрыгивали фонтаны, пеленой висел дым. Похоже, белогвардейский капитан был опытным и отважным: одна баржа накренилась, черпая воду бортом, а на корме канлодки что-то загорелось. Но с мостика «Межени» бой выглядел игрушечно: пароходы двигались медленно, выстрелы хлопали негромко, а баржа исчезла под водой как-то незаметно.

— Кто на том корабле, который сейчас сражается? — спросила Екатерина Александровна, указывая биноклем. — Коля Маркин?

— Нет, — вежливо ответил Раскольников. — Это наша канлодка номер один, бывший буксир «Царицын». Командир — товарищ Грицай. А Коля находится на канлодке номер пять, это бывший буксир

«Ваня». Он идёт в ордере вон там. — Раскольников кивнул на суда за кормой «Межени».

Екатерина Александровна вздохнула с облегчением. Ей очень нравился Коля Маркин. Да, Фёдор Фёдорович, выпускник Политехнического, был куда более образованным — но что с того? Любезный и корректный, для Екатерины Александровны он оставался чужим. А Коля был свой: душевный, простой и добрый, как русский народ. В номере «Лоскутной», где поселились Рейснеры, когда переехали в Москву, Фёдор Фёдорович обычно сидел в гостиной с Михаилом Андреевичем и говорил о политике, а Коля приходил к Екатерине Александровне на кухню: помогал чистить картошку и мыть посуду, колот дрова для плиты и смешно называл хозяйку «мамашенькой».

Вдали на реке, отваливая к берегу, дымила и горела канлодка номер один — бывший буксир «Царицын»; неведомый Екатерине Александровне товарищ Грицай пытался довести судно до мелководья. Вторая баржа тоже исчезла. Бронепароход белых разворачивался — он выполнил свою миссию.

Екатерина Александровна жалобно посмотрела на Раскольникова: — Вы же понимаете, Фёдор Фёдорович, как Ларочке тяжело на войне, хоть она просто отчаянный храбрец! Я прошу вас, чтобы Коля всегда был рядом с ней. Я знаю, он надёжный друг, он позаботится о Ларочке!

Ляля покровительственно усмехнулась. Мама наивна: разве кто-то может уберечь её, Лялю, от вражеской пули? Раскольников остался невозмутим.

От рубки спешил капитан Мудров, в руках у него был кожаный реглан.

— Продует, Екатерина Александровна! Накиньте-ка на плечики!..

— Лучше ступайте в салон, Екатерина Александровна, — согласился с капитаном Раскольников. — Бой завершён, смотреть больше не на что.

— Да, мама, иди, — кивнула и Ляля.

Мудров надел на Екатерину Александровну реглан и галантно подставил руку. Вместе с капитаном Екатерина Александровна направилась к трапу.

Раскольников молчал и задумчиво поглаживал ладонью планширь.

— Мне любопытно, Лара, — негромко сказал он, — какое у твоей матушки представление о характере ваших с Маркиным взаимоотношений?

— Ты пошлый ревнивец и буржуа, Раскольников! — тотчас ответила Ляля.

Раскольников с укором вздохнул:

— Ну что ты, дорогая, я не диктую правил морали античным богиням.

Ляля вспыхнула — муж напомнил ей о словах Троцкого.

— Но домашние питомцы обязаны знать своё место.

— Говори яснее! Я не боюсь!

— Во флотилии не должно быть пересудов о жене командира. Пожалуйста, попроси матушку не упоминать Колю Маркина.

Ляля фыркнула.

— Не беспокойся о своём реноме, — свысока заверила она.

Гордо выпрямившись, она повернулась и пошла прочь с мостика — однако душу её согревало злорадное удовлетворение. Ляля поняла, в чём она сильнее командира флотилии и члена Реввоенсовета Восточного фронта.

Бронепароход «Царицын» лёг на дно уже на прибрежной отмели. Корма ушла под воду до орудийной полубашни; из наклонившейся трубы струился пар; тихо дымили узкие смотровые щели надстройки — огонь там команда сумела погасить. Закопчённые матросы товарища Грицай толпились на крыше у дефлекторов и на мостике возле рубки: ждали, когда их снимет спасатель.

Далёкий «Милютин» на излучине створа превратился в тёмную чёрточку. «Ваня», разворачиваясь, приближался к «Царицыну» очень осторожно, чтобы самому не сесть на мель. Маркин не умел управлять судном, потому возле капитана Осейчука предпочитал помалкивать. Носовое орудие «Вани» ещё бесполезно бабахало по врагу, достреливая снаряды, — не тащить же такую тяжесть обратно в трюм. Командир орудия эстонец Арво Палланго хмуρο изучал «Милютина» в бинокль.

— Сенечка, можете палить как сукин сын! — веселились артиллеристы.

Алёшка, Волька Вишневский и Мамедов стояли у фальшборта.

— Не-е, военные суда из буксиров — дрянь, — авторитетно заявил Алёшка, рассматривая разбитый бронепароход, и презрительно сплюнул.

— Буксир с бронёй и пушками — всё равно что монитор, — возразил Волька.

— Да вы не видели настоящих-то мониторов!

— Я нэ видел, — согласился Мамедов.

— Папа водил меня на Путиловский завод показать монитор «Шквал». Такие для Амура строили, целую серию, забыл сколько. Звери! На каждом четыре башенные пушки, и дизеля выжимают двадцать узлов. Но мониторы тоже дрянь! Они опасны только для хунзузов, у которых батарей нету!

— Всэ суда у тэбя дрань, — сказал Мамедов. — Сам ты дрань, шельмец.

— Суда — всегда здорово. — Алёшка пропустил подначку мимо ушей. — А дрянь — если устарели. Сейчас военному кораблю на реке

что нужно?

— Что? — охотно спросил Мамедов.

Ему нравилось, когда Алёшка рассуждает, как заправский корабел.

— Скорость! Корабль должен делать по шисят узлов, чтобы никто в него из пушки попасть не мог! Для такого требуются винты, а не колёса!.. Я ходил на «Прыткий», у него два винта, просил машинистов к дейдвудным трубам меня пустить, говорю — гребные валы хочу видеть, а эти гады меня прогнали!

Алёшка вспомнил былое унижение, расстроился и толкнул Вишневого:

— Волька, дай папиросу.

— Ты мне две коробки уже задолжал, — лениво ответил Волька.

— Скупердяй ты! Жила! Тебе надо на базаре окурками вразвес торговать!

Мамедов, улыбаясь, достал помятую коробку.

— Нэфтаныки нэ курят, но у мэня есть. Дэржи, Альоша.

«Ваня» так и не сумел подобраться к «Царицыну» — с шорохом увяз носом в донных песках. Маркин с мостика закричал на «Царицын» в рупор:

— Мелко!.. Стою на машине, к вам шлюпку высылаю!

Лодка волоклась за «Ваней» на тросе. Её подтянули к борту, и за вёсла уселись два гребца — артиллерист Кулик и кочегар Попов.

Товарищ Грицай — командир «Царицына» — первым спустился к Попову и Кулику. Голова у Грицай под бескозыркой была обвязана окровавленным бинтом, но поверх бинта курчавился чуб, и держался Грицай легко и весело.

— Проверю, хлопцы, какой нам стол накрыли, — сказал он своим.

— Не выпей там всё, нам оставь! — провожали командира «царицынские».

Военморы «Вани» встречали военморов «Царицына» как старых друзей. Алёшка и Мамедов отодвинулись в сторону, а Вольке нравились подобные братания: он затесался в толпу и принялся хлопать «царицынских» по плечам.

— Туго пришлось, приятель? — задорно спросил он у Грицай.

— Туго — когда не хочет подруга, а драка нам забава, — ответил Грицай.

Он направился на мостик к Маркину.

— Здорово, Никола! — Грицай и Маркин обнялись. Они были знакомы ещё с минной школы в Кронштадте, где оба получили чины унтер-офицеров. — Подогрей-ка меня «балтийским чайком», а то у нас камбуз к бесу разнесло!

Маркин знал, что Левко Грицай — законченный кокаинист. В Петрограде многие пристрастились к снадобьям из немецкой контрабанды: поэты курили опиум, банкиры нюхали порошок, а матросы пили «балтийский чай». Но Коля Маркин, скромный парнишка изпод Пензы, по-деревенски боялся разного аптекарского зелья, да и с обычной водкой, без кокаина, старался блюсти меру.

— Дак нельзя же, — замылся он. — Раскольников запретил на марше...

— Эх, Никола!.. — Грицай толкнул Маркина в грудь кулаком. — Не для того мы революцию делали, чтобы снулый попович нам волю душил!

Фёдор Раскольников, точнее — Федя Ильин, был сыном священника.

— Ладно, — покладисто согласился Маркин. — Скажи там баландеру, что комиссар так распорядился... Много у вас убитых в экипаже?

— С десяток, что ли, не считал.

Маркин вздохнул — то ли с сочувствием, то ли с осуждением.

— Как же, Левко, ты баржи-то и пароход свой продул?

— Да хер с ними! — белозубо улыбнулся Грицай. — Ты сам флотская душа, понимаешь — по судьбе как по волнам, то вверх, то вниз. Морская планида!

Грицай, прищурившись, посмотрел куда-то вдаль — на осеннее небо с тихо выцветающей синевой, на искрящийся створ, на линию жёлтых берегов.

Грицай во флотилии все любили за лихость, за компанейский характер и за какое-то отчаянное пренебрежение к жизни. Молодым матросикам хотелось быть как Левко — чтобы дым коромыслом, и катись всё к чертям.

— Пошли в кубрик, Никола, помянем геройских товарищей!

— Дак вас во флотилию надо же доставить...

— Успеем, комиссар! — Грицай приобнял Маркина.

— Доведёшь до греха! — сдался Маркин. — Осейчук, меня не зови!

Мамедов и Алёшка стояли под мостиком у фальшборта; Алёшка курил и кашлял, а Мамедов слушал разговор Маркина с Грицаем. Никакого умысла Мамедов не имел — просто хотел знать, как устроена жизнь большевистской флотилии. Да, флотилия двигалась вверх по Каме к устью Белой, чтобы взять под контроль нобелевский нефтепромысел. Но дела у флотилии зависели не только от приказа Троцкого, но и от настроения таких вот матросов Грицаев.

«Ваня» отработывал машиной назад, с усилием стаскивая себя с отмели. Волны от его колёс шлёпались в борт брошенного «Царицына».

— Нэ жалко тэбе этот пароход, Альоша? — спросил Мамедов.

Алёшка возмущённо фыркнул:

— Хороший механик хоть что починит, у него погибших судов не бывает!

Мамедов неловко потрепал Алёшку по обросшему лохматому затылку.

Старинный городок Лаишев стоял в золотых осенних садах на высоком берегу с красными обрывами крутояров. Над улочками и площадями торчали пять острых шатров Никольского храма и надутый купол Софийского собора. На соборной звоннице непрерывно бил колокол; медный призыв, плывущий поверх садов и крыш, означал, что флотилия ещё здесь — она ещё принимает беженцев. А с окраины городка доносился треск винтовок и пулемётов.

Пассажирские суда армады адмирала Старка, переполненные народом до предела, уже ушли к Чистополю, но орда беженцев не иссякла. Растрёпанные толпы рыдали и гомонили на дебаркадерах; взъерошенные людские хвосты тянулись по длинным мосткам над водой до узкой прибрежной полосы, загромождённой телегами и экипажами. Адмирал распорядился, чтобы его бронепароходы хотя бы переправили оставшихся через реку — оттуда крестьянский просёлок уползал к Мелекесу и к железной дороге в Заволжье. На Лаишевском рейде раньше скапливались камские караваны с товарами для Нижегородской ярмарки, и в затоне речники отыскивали дюжину брошенных барж; бронепароходы — бывшие буксиры — впрягались в привычное ярмо. По Казанскому тракту на Лаишев напирала большевики, и с рейда, поддерживая последних защитников города, по врагу била плавучая батарея «Чехословак».

Меньше всего Горецкий хотел выделяться — ему не нужно внимание, потому наравне с бронепароходами флотилии он повёл свой «Кологрив» на погрузку и пришвартовался к пристани «Самолёта». Матросы у сходней еле справлялись с напором толпы. Роман смотрел, как беженцы торопливо заполняют палубу и рассаживаются на крышке трюмного люка. Никто из них и не подозревал, что под крышкой — ящики с ценностями Госбанка. Миллионы, которые останутся миллионами в любой стране и при любой власти. Матросы «Кологрива» тоже об этом не знали: они думали, что в ящиках лежат винтовки. И даже адмирал Старк не знал. Знали только двое — сам Горецкий и Борис Фортунатов. Но Фортунатов исчез в смуте казанского разгрома. Вынырнет ли он живым, сумеет ли найти ящики

на просторах взбаламученной страны?.. Вряд ли. Так что золотом владеет только он — капитан Горецкий.

Роман надеялся довести ящики до Уфы на «Кологриве», а там каким-то образом пристроить их на товарный поезд. Конечная цель — Владивостокский порт и пароход в Америку. Или в Японию. Предприятие, конечно, немыслимое для одного человека — но в принципе возможное. Почему бы не попытаться?

Из толпы беженцев на корме «Кологрива» к трапу на мостик протолкался молодой человек в запылённой офицерской форме.

— Мне надо к капитану! — потребовал он у матроса-караульного. — Срочно!

Роман удивился — это был Костя Стрельман.

— Опять вы? — удивился и Костя. — Что ж, помогите, господин Горецкий, доставьте меня к адмиралу. У меня сообщение от подполковника Каппеля!

— Как пожелаете, Костя. Адмирал на пароходе «Заря».

Роман взял рупор, вышел на мостик и скомандовал матросам у сходни:

— Мальцев, Ощепкин, закрывайте фальшборт!

На дебаркадере ругались и зывали к богу, но «Кологрив», взбурлив винтом воду под кормой, отвалил от причала. Роман переложил штурвал, намереваясь по кругу подойти к «Заре», ожидающей на рейде.

— Владимир Оскарович с арьергардом занял позицию на окраине города, — сообщил Роману Костя. — Он будет оборонять свой рубеж, пока все беженцы не поднимутся на суда, но ему нужен сигнал от адмирала — тройной гудок.

— Понятно, — кивнул Роман. — Каппель — весьма достойный офицер.

— Абсолютно с вами согласен! — пылко подтвердил Костя. — А вы, я вижу, служите во флотилии?

— Нет. Я просто попутчик.

— Это неправильно, господин Горецкий! — обидчиво сказал Костя. — В наше время все должны твёрдо занимать свою сторону!

— А я занимаю твёрдо, — улыбнулся Роман.

— Но вы, судя по всему, готовы примириться с красными!

Навстречу «Кологриву» от дальнего берега шёл «Милютин» с пустой баржей. Его трубу, сбитую снарядом большевиков, подпирали две жердины. Поодаль грохотала дальнобойными орудиями плавбатарея «Чехословак», гулкое эхо выстрелов раскатывалось по плоскости реки.

— Идеи коммунистов для меня совершенно неприемлемы, — спокойно пояснил Роман. — Однако и в Белое движение, увы, я не верю.

— Почему?! — искренне изумился Костя.

Роман подумал.

— Потому что я принимаю только такой порядок, при котором благо ближнего обеспечивается деятельностью во имя собственного преуспевания.

Наивный Костя залился краской, словно от стыда. Отступая от Казани с отрядами Каппеля, он несколько раз попал под обстрел, а потому считал, что вложил в борьбу немало сил и теперь вправе осуждать тех, кто не принимает участия в гражданской войне.

— В Белом движении патриоты и герои! А вы — жалкий эгоцентрик!

— Ну отчего же сразу жалкий? — опять улыбнулся Роман.

Да, Каппель, Федосьев или даже Старк были героями, о чём тут спорить? Героев Роман уважал. Но общая природа у него была с людьми вроде... вроде Мамедова. С теми, кто достигает своей цели вопреки всему — и героям тоже.

Мысли Романа перескочили на Мамедова. А ведь этот опасный азиат смог сделать то, что намеревался сделать он, Горецкий: в одиночку доставил свой груз до адресата. Мамедов договорился с учредилловцами, договорился с большевиками, обыграл вооружённого конкурента — Иннокентия Стахеева, и, похоже, убил соперника — того англичанина... Гартунга? Гатлинга? Голдинга!

Роман вспомнил летний рейд к нобелевскому промыслу и разговоры с Мамедовым. Нефть на Арлане. Теория геолога Губкина. Борьба «Бранобеля» и «Шелля»... Ч-чёрт!.. Ящики с ценностями Госбанка можно спрятать среди ящиков с буровым оборудованием инженера Глушкова — за ним ведь и вёл охоту агент Голдинг!.. И тогда не надо самому искать способ вывезти из России неподъёмное золото — его вывезет «Шелль», и вывезет под надёжной охраной!

Куда? Может, в Индокитай, а может, и в Англию. Не важно. Там, в цивилизованном мире, он, Горецкий, сумеет отделить свою часть груза.

Роман даже вспотел от распахнувшейся перспективы. Он забыл и о Косте Стрельмане, и о беженцах, и о Каппеле.

— Мне надо к адмиралу Старку! — сбоку ревниво сказал Костя.

Роман спохватился. «Кологрив» едва не прошёл мимо «Зари».

Роман взялся за рукоять тифона и подал гудок, предупреждая «Зарю» о швартовке.

Маленький «Кологрив», сбросив ход, по инерции сблизился с высоким лайнером. Штаб флотилии располагался на верхней палубе во втором классе, а роскошные каюты первого класса занимали беженцы с достатком. С прогулочной галереи они наблюдали за манёвром «Кологрива». Катер ткнулся бортом в кранцы лайнера, матросы перекинули тяжёлые петли канатов. Роман перевёл машинный телеграф в положение «стоп» и посмотрел на «Зарю».

Среди пассажиров за ограждением со спасательными кругами он увидел пожилого господина в котелке. Роман узнал его — и даже не поверил в такую удачу. На галерее стоял господин Поляк — один из пяти директоров общества «Мазут» и член правления общества «По Волге». Савелий Григорьевич Поляк имел прямой доступ к высшему руководству компании «Шелль».

До сумерек не успели опробовать узкий путь вдоль затопленных барж, и флотилия бросила якоря прямо на фарватере за две версты до опасного места.

«Межень», императорский пароход, была оборудована динамо-машиной, и в салоне горели электрические лампы. Ночной осенний дождик мягко стучал в стёкла, тьма за окнами плыла и шевелилась. Мичман Владимир Варваца, начальник штаба флотилии, сидя на оттоманке, читал старую газету, а капитан Николай Струйский, помощник командира по оперативной части, за столом листал какой-то справочник. Екатерина Александровна совсем по-домашнему штопала чулок. Ляля, хмурясь, заполняла журнал боевых действий — она же была флаг-секретарём флотилии. Ляля старалась излагать события краткими и мужественными фразами, чтобы звучало красиво и энергично.

— Господа, а не выпить ли нам чаю? — отрываясь от шитья, уютно спросила Екатерина Александровна. — Я принесу самовар и баранки.

— Мама, у Фёдора есть адъютант, — напомнила Ляля. — Прикажи ему.

— Что по мелочам беспокоить? — улыбнулась Екатерина Александровна.

Она поднялась и направилась к выходу — уже грузнеющая, но ещё гибкая и энергичная. Капитан Струйский незаметно проводил её взглядом.

Снаружи донеслись невнятные голоса, плеск, сопенье спущенного пара и стук швартовочного каната. Салон вздрогнул — к «Межени» причалил какой-то пароход. Жёлтые окна «Межени» осветили стальной колёсный кожух с намалёванной цифрой пять: это была пятая канлодка — буксир «Ваня».

В салон вошёл матрос Грицай — нервный и неестественно бледный.

— А-а, товарищи господа... — протянул он. — Ясенько... Где Фёдор?

Варваца сложил газету и внимательно всмотрелся в Грицаю.

— Командир в рубке, сейчас придёт. Что с вами, товарищ Грицай?

Грицай молча отстранил вопрос рукой, без приглашения опустил на стул и тупо уставился в пустоту, уронив кудрявый чуб. Он был пьян. В салоне повисла тяжёлая тишина. Ляля сделала вид, что поглощена своим занятием и ничего не замечает. Струйскому и Варваца, конечно, не хотелось связываться с наглецом, и они тоже принуждённо вернулись к чтению. Для них, дворян, офицеров императорского флота и командиров красной флотилии, такое притворство было унижительно, и они избегали глядеть друг на друга.

Раскольников появился минут через десять — и сразу почувствовал напряжение в салоне. Он всё понял. Он знал характер военморов: балтийская братва давно послала к чёрту субординацию и смело оспаривала приказы.

— Почему прибыл ко мне так поздно, Грицай? — буднично спросил Фёдор Фёдорович, будто бы других нарушений дисциплины Грицай не совершал.

Грицай очнулся, встряхнул головой и потёр ладонями скулы.

— Вешки у баржей втыкали. Потеряем место — потом ищи хрен знает где.

Грицай врал. Указателем на затопленные баржи служил лежащий на мели «Царицын» — он никуда не денется. Грицай просто пьянствовал весь вечер.

— Тогда объясни, почему ты свой пароход потерял?

— Ну дак белые продырявили! — глумливо хмыкнул Грицай.

Раскольников остался невозмутим, а Струйский не выдержал.

— Извольте изложить порядок событий должным образом!

Грицай повернул на Струйского голубые кокаиновые глаза.

— Не ори на меня, как при старом режиме! Сам виноват! Какого хера ты к баржам только мой «Царицын» послал? Оперативная часть, бя... Посередь реки я всё равно что на якоре торчал, а «Милютин» галсами рыскал! Кто кого подстрелит-то? Мне на защиту второй пароход был нужен!

Грицай говорил неожиданно здраво. Действительно, своей задачей снять баржи «Царицын» был скован в манёвре, потому и проиграл «Милютину».

— Ладно, не бузи. — Раскольников похлопал Грицаю по спине. — Никто не рассчитывал, что белые отправят назад канлодку.

— Вы тут на чаёк дули, а у моей братвы там шкуры горели! — ощерился Грицай. — Барствуешь, Федя? Жена, тёща и господа для культурной беседы!..

Грицаю плевать было, что Струйский, капитан второго ранга, — бывший старший офицер линкора «Гангут». Плевать, что лейтенант Варваци заслужил благодарность Ленина за проводку морских миноносцев на Волгу. Плевать, что Раскольников — член Реввоенсовета фронта. Плевать даже на то, что он, матрос Грицай, сейчас один против всех. Как человек злой, Грицай легко уловил страх чужаков-военспецов. А брать трусов нахрапом братва умела.

— Чего мелешь, Левко?! — яростно крикнула Ляля.

Она-то Грицая не боялась. Она даже соперничала с ним: кого во флотилии любят больше — лихого матроса или дерзкую красавицу? Желая утвердить своё превосходство, а может, и приручить соперника, Ляля собиралась написать о Грицае очерк в «Известия». Теперь, конечно, никакого очерка не будет.

— Ух ты, кто у нас командует!.. — скривился Грицай.

Впрочем, Раскольников тоже не боялся своего матроса. И гнева сейчас он не испытывал. Он ощутил иное — угрозу потери лица перед офицерами и угрозу бунта, потому что за Грицаем незримо грудилась балтийская братва.

Но в этот момент за дверью салона раздалось изумлённое восклицание Екатерины Александровны:

— Коленька, что с тобой?!

Распахнув дверь, в салон со стуком ввалился Маркин. Точнее, пьяного вдрызг комиссара втащил Хамзат Мамедов.

Услышав, что «Ваня» пришвартовался к какому-то пароходу, Мамедов вышел из каюты и увидел Маркина, шатающегося у трапа. Маркин мог упасть в воду, и Мамедов подхватил его. А вахтенные на «Межени» помнили, что Мамедов — человек Троцкого, потому имеет право пройти к командирам.

Мамедов сгрузил Маркина на оттоманку рядом с Варваци. Екатерина Александровна поставила на стол самовар и в ужасе прижала ладони к вискам.

— Из-звини, ма... машенька... — едва промямлил Маркин.

Раскольников раздражённо посмотрел на Мамедова:

— Зачем вы его привели?

— Он сам сюда лэз.

Лялю Маркин взбесил. Ляля всегда рьяно поддерживала его авторитет, но жалкое состояние Маркина открывало правду: любовью комиссара Лялька просто тешит свою гордыню, а никаких особых достоинств у комиссара нету.

— Мерзость! — прошипела Ляля, вскочила и ринулась вон из салона.

— Ларочка, ты куда? — жалобно крикнула ей вслед Екатерина Александровна. — Ему же плохо!..

— Ф-Федя, Л-Лёвку не трожь... — бормотал Маркин.

Варваци пересел на стул, безгугя соседством пьяного:

— Пусть проспится, не смею препятствовать!

— Эх, офицерики!.. — с презрением процедил Грицай и твёрдо поднялся на ноги. — Разве чуете вы матросскую душу?.. Татарин, тащим Колю обратно!

Мамедов потёр щетинистый подбородок. То, что он увидел, было просто бардаком: пьяные матросы, растерянные офицеры, какие-то нелепые дамские истерики... Да, у Нобелей такого быть не могло. И делать тут нечего.

Мамедов и Грицай вдвоём взвалили на себя безвольного комиссара.

— Слышь ещё, Фёдор. — Грицай из-под Маркина с натугой покосился на Раскольникова. — Ты мне взамен «Царицына» новое судно подгони. Моя братва не дура, ей обидно плыть на «Ваньке» багажом. — Пока размещайтесь на «Кашине», — ответил Раскольников.

Товарно-пассажирский пароход «Кашин» был ремонтной базой флотилии.

— Не-е, друг, так не пойдёт, — возразил Грицай. — Мы хотим самочинно. Шугани бродяг с «Бурлака» или «Доброго», а я там капитанить буду.

Команды бронепароходов «Бурлак» и «Добрый» были набраны в Нижнем из речников, а не моряков, и к речникам Грицай относился с пренебрежением.

Раскольников помолчал, оценивая вызывающее требование Грицая.

— Пока — на «Кашин», — сухо повторил он.

— Ну, пеняй на себя, — недобро пообещал Грицай.

Спотыкаясь о ноги комиссара, Мамедов и Грицай двинулись из салона. Екатерина Александровна смотрела на Маркина со слезами на глазах.

Кавторанг Струйский с облегчением выдохнул и виновато признался:

— Не люблю распоясавшуюся матросню, господа, это правда.

На палубе прохладная темнота шептала тихим осенним дождём. Рядом с «Меженью» глыбились чуть подсвеченные угловатые объёмы «Вани».

— Эй, на «пятак»! — властно рявкнул Грицай на бронепароход. — Принимай там комиссара со сходни, а то он в воду сверзится на хрен!

На «Ване» по железным трапам торопливо затопали вахтенные.

Поодаль у фальшборта курила Ляля. Она окинула Мамедова взглядом.

— Где я вас видела? — подумав, сердито спросила она.

Ляля не привыкла запоминать людей, ей ведь незачем — это другие люди сами должны запоминать её. И Мамедов запомнил: стоянка судов у Святого Ключа, пароходчик Стахеев, нобелевская баржа, переговоры с «Меженью»...

— Здэсь и видела, дорогая, — сказал Мамедов.

Затон в Чистополе считался лучшим на Каме — просторный, глубокий и рядом с городом. Его коренной берег занимали пирсы на бревенчатых сваях, над пирсами склонялись решётчатые клювы подъёмных кранов, деревянные эстакады тянулись к товарным складам и хлебным амбарам, а за их тушами виднелись кирпичные корпуса и трубы паровых мукомольных мельниц.

В затоне хватало брошенных пароходов, но пришлось загнать сюда ещё и два десятка лайнеров из армады адмирала Старка: речные великаны не могли идти дальше вверх по Каме — застряли бы на отмелях и в протоках у Пьяного Бора. Беженцам с лайнеров предстояло искать в городе подводы, чтобы ехать в Самару или Бугульму почтовым трактом. Кто не отыщет — тот будет сидеть на своём судне хоть неделю, хоть месяц, хоть до конца гражданской войны.

Горецкий перебирался с парохода на пароход по трапам; он надеялся, что Савелий Поляк ещё на «Заре». Директор-распорядитель общества «Мазут» не станет суетиться — при любой катастрофе экипаж подадут ему прямо к судну.

Контора «Мазута» в Казани располагалась на улице Меховщиков в Ново-Татарской слободе. Роман понимал, чем Поляк занимался в Казани. Господин директор лично руководил эвакуацией в Самару «мазутовского» нефтефлота, а заодно и пассажирских судов компании «По Волге». Видимо, Поляк не успел завершить все дела вовремя, потому и оказался на борту «Зари». Но ему и тут не повезло: адмирал Старк повернул флотилию с Волги в Каму.

В коридоре «Зари» дорогу Роману перегородил телохранитель Поляка — худощавый остролицый человек с тонкими усиками. Роман не сомневался, что в кармане у телохранителя — револьвер, а в рукаве — нож.

— У меня дело к Савелию Григорьевичу, — сказал Роман. — Оружия нет.

Поляк жил в двойных апартаментах с отдельным ватерклозетом и ванной. Он принял Романа в гостиной по-домашнему: в жилете,

расстёгнутом на одну пуговицу, и мягких комнатных туфлях. Окна каюты были закрыты тонкими бамбуковыми жалюзи. Телохранитель у двери привалился спиной к стене.

— Горецкий, первый помощник на «Витязе», — представился Роман. — Это я минувшим летом привёл на Арланский промысел «Бранобеля» потерянную баржу с буровым оборудованием конструкции инженера Глушкова.

Поляк сел в кресло и посмотрел на Романа с сомнением:

— Рекомендация весьма невыгодная.

Коренастый и дородный Поляк напоминал чиновника невысокого класса, а вовсе не руководителя быстро богатеющей и беззастенчивой компании.

— Я могу указать местонахождение промысла.

— Его укажет любой местный житель. И любой капитан найдёт дорогу.

Роман понял, что разговор складывается сложнее, чем он рассчитывал. Без приглашения он придвинул к себе другое кресло и тоже сел.

— Вы знакомы с господином Хамзатом Мамедовым? — спросил он.

Телохранитель Поляка заметно насторожился.

— Слышал о таком, — кивнул Поляк. — Доверенное лицо Эмануила Нобеля.

— Это Мамедов разрушил ваш план завладеть оборудованием Глушкова.

— О чём вы? — удивился Поляк так искренне, что нельзя было не поверить.

— Ваш агент Голдинг уговорил молодого Иннокентия Стахеева захватить нобелевскую баржу с оборудованием. Мамедов нашёл баржу и убил Голдинга.

О том, что Голдинг явился к Стахееву от Савелия Григорьевича, Роману в Святом Ключе рассказала покойная Ксения Алексеевна. Дивная была ночь...

Поляк размышлял. Роман смотрел на него прямо.

— Чего же вам угодно, молодой человек?

— Заключение сделки с «Шеллем» против Нобелей.

Четверть века назад на российский Кавказ пришли бароны Ротшильды. Их нефтяная империя распростёрлась от промыслов Баку до порта Батума. А транспортировкой продукции по Волге занимался нижегородский агент Гирш Поляк, по-русски — Григорий Абрамович. На деньги Ротшильдов он учредил речное буксирное пароходство «Мазут», подразделение компании.

Смута 1905 года настроила Ротшильдов против России, где собственность евреев всегда была под угрозой, и бароны продали свои русские активы англо-голландской компании «Шелль», получив достойное место в её руководстве. «Мазутом» тогда управляли уже сыновья Гирша Савелий и Михаил. Их фирма оказалась единственным российским пароходством «Шелля»; оно открывало доступ на рынки России, и денег на «Мазут» британцы не жалели. В конце концов напористый «Мазут» вторгся в товарно-пассажирские перевозки: купил пароходство «Ока», а с помощью кредита завладел обществом «По Волге». Но главным конкурентом «Шелля» и «Мазута» оставались Нобели.

— Что ж, я слушаю ваше предложение, — с холодным интересом сказал Поляк. — Но учтите, что наши геологи не верят в продуктивность Арлана.

— Начальник промысла Турберн уже имеет доказательства обратного. С оборудованием Глушкова он добудет там нефть. Если победят белые, нефть достанется Нобелям, если красные — то Советам. А я могу уничтожить Арлан.

— Каким же образом?

— Силой, — просто ответил Роман. — У меня катер и команда. Я доберусь до промысла и заставлю работников демонтировать оборудование Глушкова. Вышки взорву, оборудование погружу на баржу и привезу в Уфу. Нужно, чтобы агенты «Шелля» ждали меня там начиная с десятого октября сего года.

— А вы всё продумали, — с уважением оценил Поляк.

— Разумеется, Савелий Григорьевич.

Роман ощущал себя блистательным и непобедимым.

— А чего хотите вы сами?

— Для начала — лично сопровождать оборудование до завода, где его будут изучать. Это Индокитай, верно? Или Суматра? Или Борнео?

— Восточное конструкторское бюро «Шелля» находится в Сингапуре.

— Пускай Сингапур, — согласился Роман. — И затем я претендую на место в совете директоров какого-либо подразделения компании.

Поляк молчал. Роман понимал, что он думает не о рисках — рисков нет; Поляк взвешивает возможные приобретения. «Шелль» потеснит Нобелей с российского рынка и раздобудет образец прогрессивного оборудования, а если геолог Губкин прав, то вооружится новой стратегией нефтеразведки. И все эти выгоды в обмен всего лишь на стул для предприимчивого самозванца.

— Я не могу ничего обещать за господина Детердинга, — сказал Поляк.

— Что ж, удовлетворюсь пока обещанием только от вашей компании.

— Извольте, я его даю! — Поляк энергично встал и протянул Горецкому руку: — С десятого октября в Уфе вас будет ждать агент «Мазута».

Роман тоже встал.

— И зарезервированный вагон до Владивостока.

— Конечно, — усмехнулся Савелий Григорьевич.

Роман ответил рукопожатием. Сделка заключена!

Роман испытывал странное, но лёгкое ошеломление. Чёрт возьми, с ума сойти: уездный Чистополь — и тропический Сингапур!..

Он, Роман Горецкий, наконец прорвётся в круг большой жизни, больших людей и большой власти!

Внезапно где-то невдалеке тяжко загрохотали артиллерийские орудия, от гула канонады звякнули стёкла. Телохранитель Поляка тотчас вскочил, подбежал к окну и раздвинул планки жалюзи. С городского рейда вела огонь плавбатарей «Чехословак» — на створе появились пароходы красных.

Эта широкая и тупоносая железная баржа раньше называлась «Тёща» — видно, хозяин любил пошутить. Военморы закатали на неё четыре полевых орудия, и получилась плавучая батарея «Атаман Разин». Плавбатарею таскал буксир «Клюкин». Он вывел «Разина» к Жукотинскому яру, на котором под жухлой травой бугрилось древнее татарское городище; отсюда дальнобойные пушки целый час лупили снарядами по чистопольскому рейду и флотилии адмирала Старка. «Разину» издалека отвечала плавбатарея «Чехословак». Перестрелка не дала результата — никто ни в кого не попал. «Клюкин» уволок свою баржу с раскалёнными пушками на стоянку за Кубасским перевалом.

Маркин объявил по флотилии, что балтийская братва желает поговорить.

— Не советую ходить на их митинг, — неприязненно сказал Раскольникову Струйский. — Развал государства и армии начался с таких вот митингов.

— Надо слышать свой народ! — свысока заявила Струйскому Ляля.

Раскольников мягко промолчал. Струйский пожал плечами.

Ночь была ясной, над былинным Жукотином в чёрном небе висел острый мусульманский полумесяц. Балтийцы собрались возле дома бакенщика — маленькой избушки, покрытой еловой корой. К стене избушки, словно боевые хоругви, бакенщик привалил огромные фарватерные знаки на длинных шестах — дощатые круги и прямоугольники. На вешалах сушились ветхие сети. Сам бакенщик — старичок, списанный на берег шкипер, — сидел на лавочке под окошком пьяный до бесчувствия: балтийцы угостили его спиртом. Одичавший в одиночестве без работы, дедушка был рад любому обществу.

Балтийцы с разных пароходов флотилии расселись на чём попало — на старых перевёрнутых лодках и на брёвнах, которые бакенщик выловил в реке, но продавать было уже некому. Кое-где горели костры, там пекли картошку.

— Сенечка, кушайте вежливо, картофель жжётся! — потешался кто-то.

Раскольников для Ляли хотел постелить на бревно свой носовой платок, но Ляля жестом отказалась: слишком буржуазно.

Маркин топтался перед толпой, сдвинув на затылок бескозырку.

— Так, братва, — заговорил он. — Дело, значит, есть. Командир пришёл — это правильно... У нашего товарища Грицай к вам слово.

Шуруй сюда, Грицай.

— Вот кто здесь главный, — негромко заметил Раскольников.

Грицай, широко улыбаясь, вышел вперёд.

— Здорово, Андрюха! — помахал он рукой кому-то в толпе. — Здорово всем!

Грицаю вразнобой ответили одобрительные голоса.

— Про «Царицын» вы уже знаете, — начал Грицай. — На дне наш крейсер! Мы с командой остались безлошадные! Я просил у командира для нас другой пароход, а он не даёт! Вот теперь обращаюсь к братве: нажми на Фёдора!

Моряки возмущённо загудели:

— Пароход Грицаю! Пароход!..

Раскольников неохотно встал и оглядел собрание.

— Откуда же я возьму судно? Речников ссаживать я не хочу. Нельзя так! Мы с ними общее дело делаем, и надо уважать товарищей!

Военморы загомонили, обсуждая положение. Грицай решил вмешаться.

— Балтийцев, значит, можешь на шаланду сбегать, а речников — никак? Братва! Оторвался наш командир от своих, или я чего путаю?! Обижают нас!

Братва гневно всколыхнулась. Ей нравилось чувствовать себя обиженной: обида позволяла свободу действий, обиженный имел право на бунт.

— Вы сами оцените, как Фёдор устроился! — Грицай смело разжигал гнев моряков. — Занял царский пароход, адмиральский вымпел поднял, жена ему перину греет, а тёща самовар приносит! Барин, а не большевик!

Раскольников стоял перед моряками спокойно, а Ляля вскочила с места.

— Да Фёдор в партии с десятого года! — негодуяще крикнула она.

Моряки оживились, как всегда бывало, когда появлялась Лялька:

— О! Баба на всех парах на подмогу мчит!

Грицай засмеялся Ляле в лицо, довольный, что над девкой издеваются. Но Ляля — ещё по стычке на мятежной «Межени» — знала, как себя вести.

— Для кого я тут баба? — зазвенела она. — Кому без бабы скучно? Тебе? Тебе? — Она тыкала пальцем в тёмную толпу. — Или тебе, носатый?

Такой приём Ляля увидела у Троцкого на митинге в Свияжске.

Балтийцы ржали. В небе над костром мелькнула какая-то лесная птица.

— Хорош балаганить! — Сообразив, что теряет напор, Грицай оборвал хохот военморов. — Мы про командира здесь толкуем, а не про баб!

— Давай про Фёдора! — поддержали его с разных сторон. — Шпарь!

— Буржуйствует наш командир! У него полный штаб офицерьья! Зачем мы революцию делали? Чтобы снова офицеров на заливке таскать?

Раскольников мягко усадил Лялю обратно на бревно. В её помощи он не нуждался. Он уже попадал в горнило матросской смуты и не боялся.

В июне, незадолго до выезда в Нижний, Реввоенсовет командировал его в Новороссийск, где своей участи ждал Черноморский флот. По условиям Брестского мира немцы требовали выслать корабли к ним в Севастополь, и Реввоенсовет приказал отправить весь флот на дно. Флот восстал. Адмиралы намеревались уйти к немцам, а матросы бушевали, желая сражаться. И мичман Раскольников подавил бунт. В волны Цемесской бухты покорно погрузились шесть транспортов, восемь эсминцев и линкор «Свободная Россия».

— Я так думаю, братва, что мой «Царицын» угробили офицеры штаба! — Грицай упрямо тряхнул кудрявым чубом. — Саботаж был! Кинули в бой меня одного на погибель! А командир под их дудку плясал! Под суд его!..

Военморы взорвались яростным рёвом.

— Чего городишь?! — снова закричала и Ляля. — Маркин, скажи!..

Коля Маркин старался держаться в тени. Ему эта свара была против шерсти. Братва — она своя, негоже ей перечить, но и Федя — свой, и Лялька...

— Да наш он, Федя-то, наш... — пробормотал Маркин, успокаивая Лялю.

Ляля пронзила его презрительным взглядом.

Раскольников устало вздохнул.

— Ну, проорались? — спросил он у военморов. — Могу я говорить?

— Валяй!.. — согласилась толпа.

— Чушь это всё. — Раскольников снисходительно махнул рукой. — Наврал вам Левко — и про саботаж, и про перину мою... Лежал он, что ли, на ней?

В толпе опять засмеялись. Грицай ворочал желваками, чуб его клубился.

— Но в целом товарищ Грицай говорил верно! — заявил Раскольников, и толпа затихла от удивления. — Признаю, не прислушался я к его словам. Что ж, исправим! Мы сами себе хозяева!

Раскольников оглядел сидящих балтийцев с высоты своего роста.

— Речников трогать не буду, и я уже сказал почему. Но впереди у нас, братцы, Чистополь, а там в затоне пароходов сколько угодно! Город я отдаю в руки товарища Грицаю, он большевик надёжный. Пусть берёт любой буксир, и будет у него новое судно вместо «Царицына». Кто желает, записывайтесь в команду Грицаю, возражений не имею. Ну что, экипажи довольны?

Экипажи были довольны.

Военморы поднимались, проталкивались к Грицаю, хлопали его по плечу и жали руку, словно после победы. Раскольников держался в стороне.

Маркин приблизился к Ляле с видом побитой собаки.

— Михаловна... — робко окликнул он.

— Тьфу, товарищ комиссар! — холодно и зло бросила ему Ляля.

Раскольников взял её под локоть и повёл к берегу.

— А ты иезуит, Раскольников, — тихо сказала Ляля. — И город пообещал уступить победителям на грабёж, и Грицай заткнул, и мятежников отделил... Такое искусство поневоле вызывает уважение.

Раскольников не ответил. Под его ногами хрустела сухая трава. На чёрной блестящей реке лунные отсветы очерчивали силуэты чёрных бронепароходов.

В ночь на 22 сентября флотилия адмирала Старка покинула Чистополь, а утром обыватели увидели грозную флотилию большевиков. И стало понятно, почему Старк отступает. К дебаркадерам швартовались бронепароходы, на рейде дымили многотрубные миноносцы, буксир тянул плавбатарей, сновали катера, вдали виднелись десантные суда, за баржей гидроотряда по небу плыл бесформенный аэростат. Ухоженный, уютный Чистополь с его купеческими особняками, бакалейными лавками, церквями, скверами, фотографическими салонами, ремесленными училищами, аптеками и водоразборными будками, ещё недавно переполненный беженцами, будто обезлюдел.

«Ваня», роя воду колёсами, уверенно направился к устью затона.

Незнакомый матрос вызвал Алёшку из машинного отделения на мостик.

— Вот он, — сказал Маркин Грицаю, дружелюбно приобняв Алёшку. — Не гляди, что мал, он все пароходы на Волге знает.

— Ну, не все, — поправил Алёшка. — Но многие.

— Тогда выбери мне буксир, — распорядился Грицай. — Чтобы лучший был.

Алёшка пренебрежительно пожал плечами: плёвое дело. Грицай сунул ему бинокль. Алёшка навалился боком на фальшборт, изучая затон.

Буксиры и баржи сгрудились в дальнем конце, а вдоль пирсов у коренного берега в несколько рядов выстроились товарно-пассажирские пароходы. На их прогулочных галереях толпились какие-то люди с белыми платками в руках.

— Буржуи из Казани, — пояснил Маркин. — Как собаки брошенные... Ихним судам не пройти острова у Пьяного Бора. Я сам там на мели сидел.

— Сдрейфили, — хмыкнул Грицай. — Сдаются.

Под обносы пароходов, пенясь, закатывались волны от «Вани».

С палубы Алёшку заметил Мамедов и тоже поднялся на мостик.

— Лучший буксир тут — «Цыган», — не опуская бинокля, сказал Алёшка. — Вон тот, чёрный совсем. Бывшего общества «Лебедь». Восемьсот сил.

Капитан Осейчук, прищурившись, посмотрел на буксир, но промолчал.

— Если набрехал — расстреляю, — с ленцой пообещал Алёшке Грицай.

— Нэ горячис, брат, — мягко, но уверенно предупредил его Мамедов.

Грицай оценивающе покосился на Мамедова и не ответил.

Между пароходов на пирсе мелькали беженцы с баулами и чемоданами — они торопились убираться из затона пешком. Повозка у беженцев была только одна: крестьянская телега. В ней на куче поклажи сидели дети. Женщины шли рядом и держались за ободья кузова, даже возница слез на дорогу.

— Волька, вертай-ка этих чертей на базу, — щурясь, приказал Грицай.

— На кой?.. — удивился Маркин.

— А пошарим на пароходах. Как говорится, грабь награбленное.

Алёшка оглянулся на Грицай с недоумением. Грицай поправил свой чуб.

Волька Вишневский, ухмыляясь, припал к рукояткам пулемёта. Он тщательно прицелился и дал короткую очередь. Алёшка уставился в бинокль.

Крестьянская лошадь, обломив оглоблю, лежала на дороге у кирпичной стены склада и билась в постромках, выгибая шею. Женщины хватали детей с телеги, люди вокруг разбежались кто куда.

— Попал! — похвалился Волька.

— Колюня, давай в рубку, — сказал Грицай Маркину. — Причалим к «Заре». На ней у белых штаб помещался, значит, самая богатая посудина.

Стравливая пар, «Ваня» начал сложный манёвр полного разворота на малой акватории. Перед крамболом проплыла длинная панорама пароходов вдоль пирсов — ряды окон и спасательных кругов, «сияния», рубки и трубы.

— Слушай, а сколько судов у твоего отца было? — спросил Мамедов.

— Исправных тридцать два, — без запинки выдал Алёшка.

— Нэ жалко потэръять?

Алёшка подумал, протирая рукавом окуляры бинокля.

— Не жалко, дядя Хамзат. Я и без папиного флота себе сколько надо заработаю, даже миллион. А папу жалко. И за Катьку боюсь.

Мамедов сочувственно покивал.

— А Шухов в России остался или уехал? — вдруг поинтересовался Алёшка.

— В Россьи, Альоша. Он нэ такой, чтобы эхать.

«Ваня» придвинулся к «Заре» бортом, глухо брякнули кранцы. Команда «Зари» исчезла, и матросы «Вани» сами перекинули швартовы. С прогулочной галереи лайнера на бронепароход тревожно смотрели пассажиры.

— Всем буржуйам выйти из кают! — в рупор закричал с мостика Грицай. — Приготовить ценности к сдаче! Революционная реквизиция, господа!

Балтийцы с винтовками, весело зубоскаля, повалили по трапу на «Зарю». Волька от пулемёта хитро оглянулся на Маркина.

— А своим, Коля, не дозволишь?

— Охраняй отсюда, налётчик питерский! — недовольно буркнул Маркин.

Маркин, Волька, Алёшка и Мамедов с мостика наблюдали за грабежом.

Матросы Грицай быстро рассыпались по всему большому пароходу. В каютах хлопали двери, что-то обрушилось, затрещала вспоротая ножом ткань, зазвенело разбитое окно, зазвучали возмущённые голоса, заплакал ребёнок. Пассажиры на прогулочной галерее прижимались к сетчатой ограде; матросы ходили мимо и, посмеиваясь, пугали гражданских, толкая их плечами. Эти толстые господа в сюртуках, эти испуганные дамы в шляпках и пелеринах, их робкая прислуга и послушные дети не представляли никакой опасности.

Алёшке нравилась революция — всё вверх тормашками, будь хоть кем, пароходы, пушки, матросы!.. Но ему не нравилось, когда унижают. Прорыв к новому — это здорово, хоть и больно, но зачем топтать достоинство людей?.. Внимание Алёшки привлекла красивая

дама в осеннем коверкотовом пальто. Она опустила на лицо вуалетку и глядела на реку, будто провожала кого-то.

Один из матросов помедлил возле дамы и развернул её лицом к себе.

— Сумочку прошу пардон! — сказал он, отнимая маленький саквояжик.

Дама отдала саквояж без сопротивления.

— А здесь что припрятано? — осклабившись, спросил матрос, положил пятерню даме на грудь и потискал. — Вернём трудовому народу его богатство?

Дама с отрешённым видом расстегнула пуговицу своего пальто, извлекла маленький никелированный браунинг и молча выстрелила матросу в лоб.

На прогулочной галерее все остолбенели. Красивая дама сохраняла странное спокойствие, будто при неотвратимой казни. Она неумело протянула руку с пистолетом в сторону «Вани» и принялась палить по бронепароходу.

Маркин юркнул за фальшборт. Мамедов сгрёб Алёшку и согнул, закрывая собою. А Волька Вишневский опять сунулся к «максиму» и хищно ссутулился. Очередь хлестнула по галерее, лопнули стёкла, закричали пассажиры, и дама словно сломалась пополам: она выронила пистолет и гибко легла на палубу.

Однако над ней поднялся какой-то трясущийся господин в котелке и с козлиной бородкой. Растопырив локти, он держал винтовку убитого матроса. Он целился уже по балтийцам, выскочившим на галерею. Выстрел — перезарядка — выстрел — перезарядка... Волька снова хлестнул очередью.

— Полундра!.. — бешено заорали на «Заре».

Алёшка вырвался из лап Мамедова и вынырнул из-за фальшборта.

Озверевшие балтийцы громили «Зарю». Пассажиров — всех подряд — ударами прикладов валили на палубу. Пассажиры обезумели. Кто-то из них, ничего не соображая, ломился куда-то в каюту, кто-то бросался на моряков, пытаясь драться, кто-то в панике бултыхнулся за борт; визжали женщины, заливался младенец. Матросы бежали по прогулочной галерее, наступая на руки и спины лежащих людей, живых и мёртвых. В утробе парохода гулко бабахали

винтовки и кратко оттягивались карманные револьверы: видимо, там оборонялись всерьёз. Но, конечно, «Заря» была обречена.

Мамедов смотрел не на растерзанную «Зарю», а на белое, застывшее лицо Алёшки. То, что происходило на лайнере, Хамзат Хадиевич видел уже не раз — на улочках Баку, Сабунчей, Балаханов, Бинагади и Биби-Эйбата. И в лице Алёшки Якутова, рождённого инженером, а не солдатом, Хамзат Хадиевич хотел увидеть понимание, что ему, Алёшке, следует делать и что не следует.

— А гдэ он?

— На пирсе тебя ждёт, — ответил Мамедову вахтенный.

Мамедов отворил дверку в фальшборте и по трапу перешёл в просторный багажный отсек «Зари». На ночь «Ваня» был пришвартован к этому лайнеру, пустому и разгромленному. На пирсе у сходни «Зари» горел костёр, возле него грелись два караульных матроса в бушлатах с поднятыми воротниками.

Человек, что вызвал Мамедова на берег, сидел вне круга света на гнупом венском стуле — на берегу кое-где валялась разная лёгкая мебель, брошенная беженцами, её-то караульные и жгли в костре. При виде Мамедова человек поднялся на ноги. Узкое лицо, тонкие усики, острый взгляд.

— Ты кто? — спросил Мамедов.

— Зовите меня Иосиф. Я телохранитель Савелия Григорьевича Поляка.

Разумеется, Мамедов знал братьев Поляков, конкурентов Нобелей.

— Мы эвакуировались из Казани на «Заре», — продолжил телохранитель. — Когда случилась эта заваруха с красными, Савелий Григорьевич заметил вас на мостике того буксира. — Телохранитель кивнул в сторону «Вани», скрытого за пассажирским пароходом. — Господина Поляка арестовали при облаве.

— Дэрмовый ты тэлохранитель, — заметил Мамедов.

Иосиф скептически скривил губы: дескать, рано ещё судить.

— Говорят, что арестованных утром расстреляют. Савелий Григорьевич поручил мне найти вас, чтобы вы добились его освобождения.

— Я ему зла нэ желаю, — сказал Мамедов, — но зачем мнэ его спасать?

— Савелий Григорьевич предлагает договор, — тонко улыбнулся Иосиф. — В обмен на спасение он сообщит вам важные сведения о промысле Арлана.

Хамзат Хадиевич помолчал, рассматривая телохранителя.

— Ладно, жды, — наконец согласился он.

Грицай перевёл своих людей с «Вани» на другой пароход — на буксир «Цыган», и Маркин наконец-то смог завалиться спать без долгой и бурной пьянки с братвой. Он был страшно недоволен, что Мамедов его разбудил.

— Ой, Хамса, да забирай, кого тебе надо! — еле подняв голову, с досадой ответил он. — Арестанты — не моя морока! Хочешь — в расход, хочешь — на все четыре стороны отпусти, только отстань!..

— Сходы со мной, — настаивал Мамедов. — Мнэ часовой нэ повэрит.

— Не пойду! — отрёкся Маркин. — Возьми Утёмина, его послушают!

Когда Мамедов и Утёмин выбрались на пирс, Иосиф уже исчез. Мамедов был доволен: телохранитель действовал правильно. В темноте под ущербной луной чуть светлели пришвартованные пассажирские пароходы. Казалось, что здесь не пирс, а городская улица с длинными двухэтажными домами. Мамедов подумал, что скопище ненужных судов — это овеществлённый человеческий труд, который по воле гражданской войны превращён в ничто. Стоящий на приколе флот утратил свой смысл, как сломанные часы.

Однако в безвольном и распадающемся хозяйстве державы продолжается невидимая борьба. Никуда не делись могучие силы, способные возродить мёртвую индустрию. Они пока не заявляют о себе — зачем? Главное сейчас — пользуясь смутой, убить соперника, завладеть его активами и правами. Придёт время, когда начнут разжигать огонь в остывших топках, и тогда из небытия выступят новые хозяева — победители, получившие всё. Вот так и компания «Шелль» нацелилась на Нобелей, а общество «Мазут» было орудием захвата.

Арестантов держали в большом кирпичном амбаре с двускатной кровлей. Грицай согнал сюда мужчин из числа беженцев — не только тех, кто пытался сопротивляться, но и тех, кто просто был подозрителен. Их расстреляли бы вечером, но братва отвлеклась на делёж добычи, и расстрел отложили до утра.

У ворот амбара горел ещё один костёр. Караул был вооружён пулемётом, потому что неподалёку в темноте неприкаянно маялась толпа родственников — жёны, матери и отцы арестованных. Хоть в основном и бабы, но острастка не помешает. Толпа негромко и устало

переговаривалась, кто-то безнадежно плакал. Утёмин, зевая, направился к пулемётчикам, потолковал и крикнул:

— Мамедов, валяй!

Мамедов сдвинул засов на маленькой дверке.

В обширном тёмном помещении никто не спал. Люди бродили по амбару как тени. Шаркали шаги, звучали голоса, протяжно стонал раненый.

— Рад знакомству, Хамзат Хадиевич, — услышал Мамедов.

Савелий Григорьевич Поляк ждал его сразу у входа.

Савелий Григорьевич не пал духом: выглядел уверенно, как на прогулке по бульвару. Он заложил большие пальцы в карманы жилета на животе и смотрел на Мамедова испытующе. Мамедов в приветствии приподнял картуз.

— Поздравляю вас с победой над Голдингом, — насмешливо сказал Поляк. — Джозеф был умелым и опасным противником, но вы, похоже, лучше.

Мамедов догадался, что иронией Поляк маскирует страх.

— Что вы ымэете мнэ сообщить? — сразу спросил Мамедов.

— Мы будем говорить здесь или всё-таки снаружи?

— Снаружи у вас бродыт Йосиф. Я нэ желаю нож в спыну.

— Каковы тогда ваши гарантии, что я обрету свободу после разговора?

— Савэлий Григорьич, начнём о дэлах, — вздохнул Мамедов.

— Ну хорошо, — сдался Поляк. — Вы помните Горецкого Романа Андреича?

— Да, — кивнул Мамедов, не выдавая удивления: при чём тут Горецкий?

— Роман Андреич на днях заключил сделку с «Шеллем». Он уничтожит ваш промысел на Арлане и вывезет в Уфу оборудование Глушкова. За это он получит место в руководстве компании. У Романа Андреича свой пароход во флотилии адмирала Старка, но Старк не знает о намерениях Горецкого. При определённых усилиях, думаю, вы сможете нейтрализовать угрозу для вашего предприятия. За это предупреждение я и надеюсь выбраться отсюда живым.

Мамедов задумался. Его глубоко поразила новость о Романа Горецком, с которым Мамедов тепло расстался в Казани. Такого поворота Мамедов не мог и предвидеть. Значит, самолюбивый, но

невезучий капитан задумал ввязаться в чужую игру со своими козырями? Надо отдать должное Горецкому: в противоборстве Нобелей и «Шелля» он был человеком посторонним, но всё, что узнал, он изловчился обратить к своему интересу. А узнал он многое: про Арлан, Глушкова, Губкина, Турберна, Стахеева, Голдинга... Да, Роман весьма умно вычислил точку воздействия, чтобы извлечь максимальную выгоду. Горецкий — опасный противник, и большая удача, что Поляк вывел его на свет.

— Как называется пароход Горэцкого? — спросил Мамедов.

— «Кологрив», — ответил Поляк. — Винтовой катер.

— А сдёлку заключили вы, Савэлий Григорьич?

— Я, — признался Поляк. — Но хочу заметить, Хамзат Хадиевич, что моя гибель в этом ужасном амбаре сделку не аннулирует. Я написал Горецкому сопроводительное письмо в совет директоров. Горецкий использует его даже в случае моей смерти. А я, оставшись в живых, могу посодействовать, чтобы совет пренебрёг Арланом. Отплачу лично вам услугой за услугу.

— Нэ оплатите, — усмехнулся Мамедов. — Я знаю, как устроэн мыр.

Савелий Григорьевич сжался от злости.

— Выходит, и вы не оплатите мне за мои сведения?

Мамедов смерил его взглядом. Конечно, Савелий Григорьевич Поляк был конкурентом, врагом. Однако он принадлежал к той силе, которая порождает жизнь, и потому — по мнению Мамедова — Поляку не следовало умирать.

— Я убывал лудэй, но я нэ звэрь, — весомо сказал Хамзат Хадиевич. — Пойдёмте на улыцу, господин Поляк. Вас Йозеф ждёт. Вы свободны.

С Поляком и его телохранителем Мамедов дошёл от затона до Базарной площади. Улицы Чистополя словно вымерли: ни загулявших приказчиков, ни ночных извозчиков, ожидающих припозднившихся господ, ни сторожей с колотушками. Опасаясь большевиков, обыватели прятались по домам, плотно занавесив окна, и только собаки лаяли за воротами.

— Прощайте, Хамзат Хадиевич, — сказал Поляк. — Благодарю за услугу.

Иосиф, а за ним и Поляк растворились в тени базарных балаганов.

Мамедов направился к торговым баням; он уже знал, что бани находились возле дома Общественного управления, а его пожарная каланча виднелась за кронами сквера на Дворянской улице. Мамедову был нужен Раскольников.

В Чистополе командование флотилии разрешило экипажам устроить помывку. Всё нужное имелось в исправности: электростанция давала свет, водопровод работал, дрова для печей были заготовлены. В бане и вокруг неё царило весёлое оживление, везде мелькали тельняшки моряков. Сам Фёдор Фёдорович с Лялей посетил развратный купеческий номер и теперь пил чай в буфете: в кладовой торговых бань отыскиались и баранки, и сахарные пряники.

Мамедов подсел рядом за стол. Ляля посмотрела на него с недоумением.

— Товарищ командыр, — негромко начал Мамедов, — мнэ нужна помощь.

— Ну, говорите, хоть не время, — с неудовольствием ответил Раскольников.

— С флотильей Старка на своём судне йидёт агэнт компаньи «Шелль». Эго задача — уничтожить промысел, который Лэв Давыдович поручил вам взять под охрану. Что можно сдэлать для прэдотвращенья дыверсьи?

Раскольников размышлял, негромко позвякивая ложечкой в стакане.

— Нам давно уже пора атаковать Старка! — дерзко заявила ему Ляля.

Мамедов одобрительно кивнул:

— С вами мощные мыноносцы.

— У меня есть обязанности и помимо сбережения нобелевского промысла, — невозмутимо сообщил Раскольников. — Моя флотилия должна очистить Каму от белых и вывезти хлеб, а не блеснуть отвагой, утопив половину судов.

Ляля зарумянилась словно от пощёчины. Сейчас Фёдор её раздражал. В номере, где ничто не сдерживало, Фёдор остался таким же осторожным, как в каюте «Межени»: надо всё делать быстро и аккуратно, в боевом походе нет места для страсти. Ляля подумала, что у Фёдора вообще нет страсти — к ней, к войне и даже к жизни. Она, Ляля, обманулась: спокойствие Раскольникова напоминало ей надменность Гумилёва, однако природа Фёдора была другой. Все вокруг кипели идеями, бросались в классовую борьбу, преобразовывали мир — или, как Гафиз, молча упивались трагедией эпохи, а Фёдор просто делал карьеру. Ибо никто, кроме Фёдора, не догадался, что при крушении устоев тоже можно добиться весьма завидного положения.

— Я уйду на «Межень»! — Ляля брезгливо отодвинула от себя стакан.

— Пошлю с тобой матроса, — сказал Раскольников. — Незачем рисковать.

А Мамедов понял, что Раскольников не остановит Горецкого. Флотилия Раскольникова не нападёт на флотилию Старка, а будет тихо преследовать её, подгоняя ударами по арьергарду, пока не выдавит с Камы прочь.

Мамедов взял с буфетного прилавка пряник для Алёшки и пошёл прочь.

В дверях бани его ненароком толкнул какой-то молодой моряк; на ладони бравый военмор бережно нёс здоровенный ломоть хлеба с вареньем.

— Лариса Михайловна, с утра не жрал!.. — донеслось с крыльца.

На крыльце матроса ждала Ляля. Она увидела Мамедова и прищурилась:

— Нам по пути?

— Пожалуй, — согласился Мамедов.

Матрос шагал впереди, жевал хлеб и слизывал варенье с пальцев.

Посреди улицы, как в большом городе, тянулся огороженный заборчиком сквер с невысокими липами; в чёрных лужах отражалась луна; из темноты выступали белёные стены домов, выпуклые кирпичные узоры вокруг окошек, длинные карнизы и упругие арки ворот с железными кольцами коновязей.

— Расскажите, чем занят Грицай в затоне, — предложила Ляля.

— Нычем нэ занят. Грабыт и пёт. Он бандыт.

— А вы, Мамедов, разве не бандит?

— А я — нэт.

Ляля понимающе улыбнулась.

...Откуда-то из сквера сухо бабахнул выстрел — его вспышку Мамедов заметить не успел. Матрос выронил свой ломоть, постоял, будто изумлённый до глубины души, и упал в грязь. Мамедов толкнул Лялю в сторону — в тень водоразборной будки, и отпрыгнул сам. Тотчас бабахнул ещё один выстрел.

Ляля не растерялась. Налёт, схватка — это было то, о чём она мечтала. Она проворно выдернула из кармана пальто браунинг и без раздумий пальнула по липам в сквере. Мамедов рванул Лялю за плечи, отгаскивая за угол будки.

— Нэльзя!.. — яростно прошипел он. — Вихлоп виден!..

На ответ из пистолетного ствола человек в сквере сразу ответил третьим выстрелом, и пуля с треском отбила щепу от доски над головой у Ляли.

Мамедов всем телом прижимал Лялю к будке и стискивал её руку с оружием — будто придавил кошку и схватил за лапы, чтобы не царапалась. Он не думал, что делает. А Ляле очень понравилось, как этот грузный и сильный мужчина, кровожадный абрек или горделивый горский князь, бесцеремонно подчиняет её своей воле. Так с Лялей никто не обращался. Ляля притихла, с интересом рассчитывая на продолжение. Мамедов выглянул из-за угла.

— Сыды здэс! — не оборачиваясь, бросил он Ляле. — Он ко мнэ прищол!

В минуту опасности акцент у Мамедова стал заметнее.

— Возьмём его с двух сторон! — азартно прошептала Ляля.

— Нэ суся! — Мамедов встряхнул её для внушительности. — Тут моё дэло!

Массивный, даже почти толстый, он вдруг очень быстро и по-змеиному гибко скользнул от водоразборной будки в тень ближайшего здания. Человек в сквере опять выстрелил, но промахнулся. Мамедов словно растаял. Ляля услышала в сквере топот и шум кустов — налётчик, не колеблясь, метнулся бежать. Ляля поняла, что нападавший прекрасно знает, на кого напал.

Ляля вскочила и тоже побежала вдоль сквера: налётчику было не до неё.

Мамедова и его противника Ляля увидела за поворотом улицы у храма — на паперти, бледно освещённой луной. Мамедов сумел догнать врага, и теперь они дрались врукопашную. Ляля никогда не сталкивалась с такими драками — без воплей ярости и боли, без матерной ругани, без угрожающей пляски друг перед другом: молча, стремительно, с хищной точностью движений. Две тёмные фигуры, меняя очертания, словно вертелись вокруг общего центра тяжести, кидались вперёд и отскакивали, быстро сплетались и расплетались, наконец слились в клубок, покатались по широким ступеням, мелькая ногами, а на земле распались на два отдельных тела. И одно уже не шевелилось.

Когда Ляля оказалась рядом, Мамедов с трудом поднимался на ноги.

Ляля впиалась взглядом в лицо мертвеца — узкое, с тонкими усиками.

— Ейиб ытырян ты, Йозеф... — угрюмо просипел Мамедов.

— Вы его знали? — сразу спросила Ляля.

— Шайтан эго знал.

Хамзат Хадиевич не злился на того, кто пытался его убить. Работа есть работа. Куда больше его оскорбило вероломство Поляка, который, получив свободу, сразу послал к освободителю убийцу, чтобы исправить свой промах.

— Вам помочь дойти до затона?

— Мнэ? — искренне удивился Мамедов. — Здэс нэ я умэр, мылочка.

Ляля шарила по нему глазами, будто встретила первый раз. Этот азиат — дикарь, свирепый троглодит. Под обликом человека в нём

скрыто животное с беспощадной жаждой жизни и прожорливостью наслаждений. Ляля подумала: приручить такое чудовище — значит сравняться с ассирийскими деспотами, что выгуливали на поводках косматых львов из пустынь Месопотамии!

Ляля ощутила себя Клеопатрой, так восхищавшей её Гафиза; уверенно, как царица, она обвила рукой шею Мамедова и поцеловала его.

— Нэ сэчас... — отстраняя Лялю, устало сказал Мамедов.

Он выгреб из кармана труху раздавленного пряника и высыпал на землю.

В Чистополе армада беженцев значительно сократилась, поэтому всего за один ходовой день флотилия сумела сделать мощный бросок — сразу до Святого Ключа. И здесь Роман не мог не вспомнить Ксению Алексеевну.

Хозяйку и её сына похоронили прямо у дома среди клумб. Могилы уже просели под осенними дождями. Стоя перед двумя крестами без надписей, Роман гадал, который из них — над ней?.. Наверное, левый, с пучком цветов. Хозяйку дворня знала больше и скорбела сильнее. Парк почти облетел, кресты и могилы были облеплены палой листвой. В ночной тьме шумел сырой ветер. Бесприютно светились окна дачного терема — голые, без занавесей. Дворня хоть и печалилась, но разворовала портьеры, постельное бельё и посуду. Дом остался сам не свой без Ксении Алексеевны... Как она украдкой бросила перед спальней на пол веточку шиповника... Однако горечь для Романа почему-то была приятной. Судьба поделила несправедливо: Ксении — могилу, Роману — ящики с золотом. Но Роман против этого не возражал.

В доме Стахеевых адмирал Старк проводил совещание командиров. Присутствовали офицеры штаба, капитаны семи бронепароходов — восьмой нёс караул на рейде, капитаны трёх вспомогательных судов и плавбатареи, а также начальник каравана беженцев. Несколько стёкол в окнах гостиной были разбиты, и Роман слышал гневный голос Петра Петровича Федосьева:

— Я понимаю, что спасение гражданского населения — наш долг, но ведь мы, Юрий Карлович, воинское соединение! Мы должны сражаться! Если мы не начнём громить красных, то какой смысл в спасении гражданских?

— Пётр Петрович, увольте нас от очевидной морали, — это заговорил начальник штаба Смирнов. — У вас есть конкретные предложения?

— Есть! Я предлагаю дать бой на перевале против устья Танаевской воложки! Мы сможем атаковать растянутый строй большевистских судов с борта! Кроме того, если поставить здесь, на

даче, несколько дальнобойных орудий, мы накроем врага на Сентяковском плёсе!

Горецкий передвинулся ближе к окнам. К дачному дому он явился не из лирических побуждений, а по конкретной причине: узнать планы флотилии.

Ещё сегодня утром Роман мог бы на «Кологриве» уйти к промыслу, но, обдумывая действия, он понял, что не подготовился. Где будет находиться флотилия, когда он выберется с промысла обратно на Белую? Это важно. Если большевики, преследуя Старка, отправятся вверх по Белой, он, Роман, может оказаться у красных в тылу; его возьмут в плен, и весь план сорвётся.

— Я вижу, господа, что многие из вас разделяют мнение Петра Петровича, — доносился из окон голос Старка. — Что ж, это и естественно, и похвально. И всё же я как командующий буду придерживаться своей стратегии, которая заключается в уклонении от решительного сражения.

Роман услышал негромкий шум недовольства.

— Поясню, господа. У меня две причины. Первая — преимущество врага. У него больше бронепароходов, а также канонерские лодки и три миноносца. Мы неизбежно потерпим поражение и потеряем суда. А они нам нужны.

Роману были безразличны битвы и потери, он пытался понять, полезут ли большевики в Белую? Белая маловодна, миноносцы там не пройдут. И какая большевикам добыча на Белой? Несколько сёл и городок Бирск — но уже в трёх часах хода от Уфы. А Уфа занята чехами и войсками КОМУЧа. Нет, с удовлетворением подытожил Роман, красные останутся на Каме. Им важнее разгромить воткинцев, чтобы открыть сквозной речной путь в Пермь.

— И второе, — продолжал Старк. — Вы — морские офицеры, и вы мыслите категорией моря. Но мы на реке, господа! И речной флот сам по себе не играет той роли, которую играет морской флот. Речной флот лишь поддерживает тех, кто сражается на берегу. А на берегу наши воинские силы невелики, поэтому наша задача — оборона и эвакуация, но не наступление. Это горько, но прошу вас, господа, держаться достойно выпавшего нам предназначения!

Слова Старка Роману не понравились. Адмирал слишком внимательно относился к беженцам, а ему, Роману, надзор ни к чему.

Ему необходимо просто исчезнуть, не оповестив о своих намерениях ни начальника каравана, который отвечал за гражданские суда, ни адмирала Старка. Если Фортунатов когда-нибудь примется разыскивать пропавшую часть ценностей, то начнёт он, конечно, с вопросов к Старку. И адмирал не должен ничего знать.

Хотя помощь Старка Роману не помешала бы.

Для защиты Фортунатов выдал Роману два ручных пулемёта «льюис». Под угрозой «льюисов» Турберн и его рабочие, конечно, извлекут и упакуют оборудование Глушкова. Но Роман обещал Поляку разрушить весь промысел, а как это сделать? Сломать локомотивы? Нобелевцы привезут новые. Сжечь вышки? Вряд ли сооружения из сырых досок загорятся; на Апшероне горела фонтанирующая нефть, а потом уж вышки. Лучше всего взорвать скважины. Однако у Романа не было взрывчатки. Её можно было бы взять из запасов флотилии — но у Старка просить нельзя, иначе не соблюсти конспирацию.

Собрание завершилось; негромко переговариваясь, офицеры выходили на улицу. К Роману подошёл сердитый Федосьев, размашисто чиркнул спичкой по коробку и закурил папиросу, выпустив большой клуб светлого дыма. После того как под Казанью «Милютин» снял команду «Боярыни» с крыши затонувшего лайнера, между Романом и Федосьевым завязалось приятельство.

— Недоволен, Петя? — спросил Роман.

— Недоволен! — согласился Федосьев. — Юрий Карлович полагает, что мы ведём какую-то планомерную войну — армию туда, армию сюда, и всегда надо учитывать общую картину. А никакой планомерной войны нет! Вокруг хаос! И в нём побеждает тот, кто атакует!

В отличие от Федосьева, Роман после сделки с Поляком был доволен своими обстоятельствами. Он испытывал тихий прилив энергии, очищающий от сомнений и разочарований. Такого с ним давно уже не случалось. Приятно было чувствовать себя укоренённым в жизни, умным и предприимчивым.

— Напрасно тогда на Волге я не двинул к Мейеру в Самару, — с горечью признался Федосьев. — Старк разрешал, а я поступил как благородный идиот.

Сожаления Федосьева казались Роману нелепыми.

— Петя, не сможешь мне раздобыть взрывчатку? — спросил Роман.

— А тебе зачем?

Ответ Роман заготовил заранее — на всякий случай.

— В Дербешском затоне брошена баржа с грузами от моей компании. Хочу по пути её взорвать, чтобы красным не досталась.

Занятый своими переживаниями, Федосьев не вникал в суть.

— Могу дать пару ящиков с динамитом, — сказал он. — Когда каппелевцев из Лаишева переправляли, я сапёров принял, и они кое-что оставили.

Роман недоверчиво посмотрел в тёмное небо над шатром дачного терема. Похоже, где-то там, в недостижимой высоте, и вправду наконец-то сошлись его звёзды. Роман понял, что сегодня же, забрав динамит, он уйдёт к промыслу.

— Вернёмся к пристани, Петя, — предложил он. — Я матросов пришлю.

Возле Святого Ключа флотилия Раскольниковова потеряла целые сутки. На перевале головной бронепароход «Бурлак» был атакован тремя судами белых — первым у них шёл «Милютин». Черпая воду пробитым бортом, «Бурлак» еле убрался с перевала; его покосившаяся труба дымила всеми дырами. Потом на плёс, где расположилась флотилия, начали падать снаряды дальнобойных орудий, бьющих поверх лесных угоров. Флотилия отступила.

Мамедов ощущал себя запертым в клетке. Адмирал Старк уводит свои суда всё ближе к промыслу, Горецкий собирается рушить вышки, а он, Хамзат Мамедов, ничего не может предпринять. Он был готов даже украсть лодку, уплыть к учредиловцам, сдать и потребовать у Старка арестовать Горецкого: вряд ли адмирал потерпит диверсию британского «Шелля» против русского «Бранобеля». Но затея с побегом была неисполнима — лодку сразу перехватит дозорный пароход красных. Так что Горецкий оставался недосягаем.

— Дядя Хамзат, у тебя что-то болит? — спросил чуткий Алёшка.

— Нычего нэ болит, дорогой, — мрачно ответил Мамедов.

Ветреную Каму подметали косые осенние дожди. Перед Елабугой белые снова затопили на фарватере две баржи с камнями. Пока сторожевой катер нашаривал проход, флотилию догнал буксир Грицай. Военморы с завистью смотрели на довольные хмельные физиономии грицаевской команды — видно, в Чистополе братва и повеселилась от души, и трофеями разжилась.

— Фёдор Фёдорович, с этими негодьями нам не по пути, — осторожно сказал Раскольникову кавторанг Струйский.

Раскольников тонко усмехнулся.

Конфликтовать с Грицаем он не желал. Он назначил Грицай командиром отряда из трёх пароходов и отправил на реку Вятку — подальше от флотилии. Пусть Грицай со своей братвой мародёрствует где-нибудь в Мамадыше или Вятских Полянах и не разлагает дурным примером личный состав. Флотилия провожала отряд Грицай как на гулянье — завистливыми гудками.

Волька Вишневецкий с досадой бросил Маркину:

— Эх, Коля!.. Обидел ты меня, что к Левку не позволил перескочить!

— Допрыгается ещё твой Грицай, — буркнул Маркин.

Сейчас, в конце сентября, небо и воздух словно бы потемнели в каком-то недобром предчувствии, но берега, прежде серые и блёклые от облетевших лиственных лесов, набирали густой и тяжёлый цвет — Кама здесь медленно вливалась в холодную мертвецкую зелень необозримых ельников.

За Елабугой наблюдатель, поднявшийся на аэростате, заметил флотилию Старка в селе Набережные Челны. Пять бронепароходов стояли у пристаней, а три судна дежурили на Бетькинском плёсе. Раскольников, поразмыслив, послал вперёд свои миноносцы — должны ведь они хоть с кем-то повоевать.

Алёшке нечего было делать в машинном отделении, и он околачивался на палубе — глазел на миноносцы. Длинные низкие корабли с четырьмя чуть склонёнными назад трубами уже не вызывали в нём былого восхищения. Он привык к пушкам и безрезультатным перестрелкам, война ему наскучила. Бурное воображение Алёшки было занято уже другими картинами.

— Дядя Хамзат, а ты был на «Вандале»? — спросил Алёшка.

— Бил, — ответил Мамедов, думая о своём.

Сормовские наливные баржи «Вандал» и «Сармат» фирма «Бранобель» переоборудовала в танкеры. Таких теплоходов не строил ещё никто: их дизеля вырабатывали ток для электромоторов, а электромоторы уже крутили винты.

— Лихо у них, правда? — приставал Алёшка.

Мамедов удивился, отвлекаясь от своих мыслей: неповоротливая плоская громадина без колёс и дымовых труб — это «лихо»? Алёшка, подобно Шухову, умел находить в технике что-то особое, волшебное, непонятное Мамедову.

— Надо буксиры тоже переводить на электричество! — уверенно заявил Алёшка. — Я давно тебе талдычил, а ты не слушал!

— Я слюшал! — обиженно возразил Мамедов.

Ему нравилось, когда Алёшка говорил о машинах и кораблях.

— Буксир можно сделать как трамвай! Прицепился к проводам — бзыньк! — и пошёл вперёд с баржами! Не надо ни дизелей, ни мазутных цистерн!..

Алёшка был воодушевлён своей новой идеей.

— Как же провода над рэкой подвэсить? — не поверил Мамедов.

— Сначала можно их над каналами на мостах прикрепить, а мосты — ну, как ворота в деревнях: два столба по берегам и перекладина! Ладожский канал — узкий, а длиной сто с лишним вёрст! Там в самый раз электрическая сила!

Алёшка быстро шнырял глазами по сторонам, но думал о чём-то своём.

— А туэрный ход? — Он впился взглядом в Мамедова.

— Да, дорогой! — охотно поддакнул Мамедов. — А туэрный ход?

Туерами назывались буксиры, которые двигались на мощной цепи, что была проложена по дну реки. Буксир перед носом поднимал эту цепь из воды; по лотку она подавалась на зубчатый вал, вращаемый паровой машиной; буксир пропускал цепь сквозь себя, подтягиваясь вперёд, и за кормой сбрасывал её обратно в воду. С грохотом и лязгом кургузые туеры — «цепные пароходы» — ползали по Москве-реке, Шексне и мелкой Верхней Волге.

— «Угличская цепь» в длину триста восемьдесят вёрст! От Рыбинска до Твери! На кой чёрт такую дурь клепать?! Проще использовать провода!

— Конэчно проще, дорогой!

— Кулибин вообще хотел по всей Волге вкопать в дно столбы, чтобы за них схватывались коноводки! А Кулибин когда жил? Тыщу лет назад! И до сих пор ничего не сделано!.. А если на эти столбы приколотить такие вот кронштейны, — Алёшка широко раскинул руки, — то к ним можно присобачить провода! Будут электрические линии сразу на две колеи, как на железной дороге! С электричеством ледоколы могут весь год держать чистый водный путь от бейшлота хоть до Астрахани!.. Шухов мне обзавидуется!..

Алёшка заметался в тесном пространстве между стеной надстройки и фальшбортом. Хамзат Хадиевич понял, что Алёшка, подобно ему самому, тоже ощущает себя в клетке. Но клетки были разные. Он, Мамедов, боролся с коварством конкурентов. А вот Алёшка хотел бороться с законами природы.

Алёшка замер, сведя брови, и замолчал. Мамедов ждал.

— Куда сейчас Министерство путей сообщения перевезли? — наконец спросил Алёшка. — В Москву, да? Я проект им пришлю!

— Речным транспортом завэдует Вэ-Се-Эн-Ха, — улыбнулся Мамедов.

— Не, туда надо со своей мордой ехать... — серьёзно озаботился Алёшка. — Не поймут там ничего, сволочи тупые, замотают в канцеляриях...

— Поэдем, Альоша, — искренне пообещал Мамедов.

Пока Алёшка фантазировал об электрическом преобразовании речного флота и речного судоходства, Мамедов вдруг понял, как ему добраться до Горецкого. Способ был — пусть и не самый надёжный, но вполне вероятный. Однако было и препятствие. И оно заключалось в «Альоше».

Из Набережных Челнов адмирал Старк перегнал флотилию в Пьяный Бор. Раскольников промедлил, и белые успели разместить на берегу батарею: Старку понравилось, как такой приём сработал в Святом Ключе. Пушки поставили на лесосеке при устье маленькой речки Малиновки. Угодив под их внезапный огонь, красная флотилия отпятилась на десять вёрст к Безаковским пескам. Раскольников решил провести воздушную разведку с аэростата.

Небольшой «парсеваль» плыл за авиабаржей над рекой, словно тёмная помято-вспученная медуза. «Ваня» и «Межень» пришвартовались к барже с двух бортов. Обшивка «парсевалья» величественно заколыхалась в горячем дыму пароводных труб. За трос аэростат лебёдкой подтянули вниз; квадратная деревянная корзина почти встала на палубу, изредка глухо брякая днищем.

Ляля пожелала принять участие в рекогносцировке с воздуха, и вслед за Лялей на баржу перебралась взволнованная Екатерина Александровна.

— Коленька, хоть ты уговори её не лететь! — Екатерина Александровна умоляюще схватила Маркина за руки. — Это же самоубийство!..

Аэронавт с «парсевалья» только посмеивался. Ляля напоказ не замечала маминой тревоги: валькирия должна реять в поднебесье, тут не о чем спорить. А Маркин не знал, куда ему деваться. Он понимал, что Лялька не откажется.

— Тогда лети с ней! — просила Екатерина Александровна. — Сбереги её!

— Да я не могу, мамашенька... — замялся Маркин. Он боялся высоты.

За Маркиным и Лялей наблюдал Мамедов. Он явился на авиабаржу вместе с Алёшкой, который упросил комиссара отпустить его в разведку.

— Малчика ещчо поднимэшь? — обратился Мамедов к аэронавту.

— И тебя подниму, если закурить дашь.

— Куры, брат. — Мамедов протянул коробку папирос.

Маркин страдал. Ляля выбросила его из своей жизни — не улыбалась при встречах, не разговаривала с ним, даже не замечала его. Всё было понятно: он потерял лицо, когда заявился на «Межень» пьяным, а потом на сходке братвы не стал опровергать Грицаю, к тому же рядом с Лялей был Фёдор Фёдорович. Но Коля надеялся исправить отношения, потому и притащился на авиабаржу.

— Полетишь с нами, комиссар? — с издёвкой спросила Ляля и похлопала рукой по борту корзины.

— Почто ты так со мной, Михаловна?.. — жалобно простонал Маркин.

А Ляле он сейчас просто мешал. Ну, случилось у них летом — и к чёрту всё. Ляля захлёб торопилась жить и уже оставила Маркина с его чувствами где-то далеко позади. Кто он, Коля Маркин? Заурядный деревенский паренёк, не очень-то умный и не очень-то храбрый. После него был красивый Роман Горецкий. И даже могущественный Лев Давидович позвал её к себе. А теперь вокруг Ляли новые интересные мужчины. Офицеры штаба. Капитаны миноносцев. В конце концов, этот азиат — нобелевский агент. А Коля Маркин — в прошлом. Конечно, он мучается... Но так положено, если влюбился в неё. Коля переживёт. Он и до Фёдора любил Лялю безответно — не помер же.

Ляля уверенно забралась в корзину.

— Лэз, — проворчал Мамедов изнывающему Алёшке. — И дэржыс крэпко.

Алёшка возмущённо засопел.

В корзине оказалось не так уж и тесно. Аэростат плавно пошёл вверх; снизу, затихая, неслись невнятные напутственные крики. Аэронавт деловито, как звонарь на колокольне, дёргал какие-то верёвки, свисающие с брюха баллона. Алёшка по плечи высунулся над планширем корзины, и Мамедов взял его за ремень на пояснице, будто глупого щенка за поводок.

Пространство вокруг быстро раздвигалось, словно весь мир делал огромный вдох. Баржа и два парохода уменьшались, а река увеличивалась. На её дне сквозь воду Алёшка различал тёмные лучинки затонувших брёвен. Потом призрачное дно исчезло под мягкими переживаниями солнечных бликов; слева зарыбила летящая птичья стая. Грозная флотилия превратилась в россыпь щепок. Появились берега в белой оторочке волн, а потом до горизонта

распростёрлись сизые леса, чуть туманные от испарений. Неоглядная земля плоско лежала внизу, распахнутая и разъятая, и аэростат раздувался, как парус.

Ляля снисходительно шурилась на блёклое небо, словно впечатление было именно таким, какое она и ожидала получить. Алёшка в восторге крутил головой. Но, как ни странно, смотреть было не на что — на все четыре стороны одно и то же. Наглядевшись и насытившись, Алёшка повернулся к аэронавту.

— А что у вас за верёвки? — спросил он. — Упряжь, что ли, какая?

— Упряжь, ляпнешь тоже... — Аэронавт был польщён вниманием. — Это всё, братец мой, помудрёнее телеги. Тем фалом я регулирую горловину рулевого мешка, чтобы по ветру держаться. А так растягиваю горловину баллонета... — Что за баллонет?

— Ловушка для ветра. Если утечка газа или холодно, то несущий баллон морщится, и нас мотает, может совсем унести. Я открываю баллонет, ветер его наполняет и поджимает баллон, тогда уж давление выправляет складки.

— Хитро! — восхитился Алёшка.

Ляля и Мамедов рассматривали реку в бинокли, но Ляле рекогносцировка наскучила: всё ясно за три минуты. Мамедов Ляле был куда любопытнее.

— Я вас вспомнила, — напрямик сообщила она. — Прошедшим летом здесь, на Каме, вы искали какую-то баржу. Нашли?

— Нашёл, — ответил Мамедов, не отрываясь от бинокля.

Он изучал батарею на лесосеке в устье речки Малиновки.

— Кто вы такой, Мамедов?

Мамедов молчал. Он увидел, что за лесистым островом Заумор выше устья Малиновки стоят пароходы учредилковцев. Четыре... нет, пять штук.

— Впрочем, не говорите, я и сама догадалась, — хмыкнула Ляля. — Вы сыщик. Эдакий нобелевский Нат Пинкертон. Забавно! Расскажите мне, что вы сейчас разыскиваете? Уверяю вас, я умею хранить тайны.

Промышленные и политические секреты её не увлекали. Гораздо больше ей хотелось узнать самого Мамедова. Таких людей она не встречала. Сильный и опасный человек. Там, в Чистополе, он погнался

за врагом даже без оружия — и ведь догнал и убил. И ничего не объяснил. Скрытный. Другие мужчины стараются показать себя в лучшем свете, а Мамедов отодвигается в тень. Но в нём ощущается какая-то властность. Он убеждён, что ему всё дозволено и он всё может... Ляля анализировала Мамедова, полагая себя большим знатоком человеческих типов, однако не осознавала, что её просто влекут к себе те, кто равнодушен к её чувственности. Она считала, что таких мужчин не бывает — бывают мужчины, которые не желают признать её превосходство.

— Бэсполэзные слова, Ларыса Мыхайловна, — мягко ответил Мамедов.

Ему эта самовлюблённая девушка была совершенно понятна. Альоша — он тайна, а Ляля — нэт. Ляля стремится к первенству, вот и всё. Ничего нового.

Мамедов не забыл, как летом во время переговоров на «Межени» Ляля давила на несчастного Колю Маркина — и Коля подчинился. Он очень хотел соответствовать требованиям избалованной Ляльки — хотел стать доблестным победителем. На это и следует рассчитывать, чтобы добиться своей цели.

На авиабарже заработала лебёдка, и «парсеваль», важно опустив толстый нос, неспешно пошёл на снижение. Разведка завершилась.

Ляля не стала прощаться с Мамедовым, но у сходни на «Межень» всё-таки оглянулась: мальчишка-маслёнщик что-то увлечённо говорил Мамедову, а тот серьёзно слушал и кивал. Ляля поняла, что завидует мальчишке.

Вернувшись на «Ваню», Мамедов пошёл к Маркину.

Комиссар сидел в своей каюте у столика в тельняшке и подштанниках. Перед ним стояла банка с самогоном, но выпивка, похоже, не лезла в глотку.

— На правом бэрегу, гдэ лэсосэка, у бэлых батарэя из двух орудый, — доложил Мамедов. — За островом дэжурит пароход. Одын.

Маркин поскрёб пятернёй всклокоченную голову.

— Хамса, а Лялька про меня что-нибудь говорила? — спросил Маркин.

Мамедов грузно присел напротив, спокойно рассматривая комиссара.

— Говорыла.

— Что? — жадно вскинулся Маркин.

— Говорыла, что ты трус. В ссору нэ вмэшиваэшься, в бой нэ идёшь.

Маркин едва не зарычал и схватился за банку с самогоном.

— Вали из каюты! — рявкнул он Мамедову.

Маркин рванул в рейд на рассвете.

Бронепароход «Ваня» на всех парах в одиночестве шёл вверх по реке — то ли ещё тёмной, то ли уже проясневшей. В трюме сопела и клацала машина; под крамболом кипел бурун; колёса, урча, рыли тихую воду. Справа за лесным косматым берегом разгоралась красная полоса холодной октябрьской зари.

Маркин не протрезвел, но соображал чётко. Значит, Лялька считает его трусом... Эх, Лялька, Лялька... Сука ты!.. Что ж, Коля Маркин докажет всем, на что способен. Он сам, без помощи флотилии, расхерачит и батарею на Малиновском мысу, и пароход, что прячется за островом Заумор!.. Летом Лялька уже довела его, Колю, и он пристрелил Стахеева с мамашей — а потом отодрал Ляльку как сидорову козу в салоне «Межени». Что ж, надо повторить. Лялька пожалеет, что пренебрегла комиссаром!.. Коля задыхался от обиды.

Сквозь утреннюю обморочность остывшей реки пароход двигался ровно и мощно, словно не ведал никаких сомнений. В его железной громаде что-то поскрипывало — так у отряда на марше брякает снаряжение. Команда заняла места по боевому расписанию, никто не болтал и не ржал. Маркин нервно мотался по рубке за спиной штурвального, и тот замер как изваяние. Молчал и капитан Осейчук, курил трубку и не мешал Маркину терзать себе душу.

Мамедов вышел на палубу и облокотился на планширь фальшборта. Он был спокоен. Он добился своего: униженный Маркин полез в западню. Хамзат Хадиевич знал, что случится через час-другой, но вины за это не испытывал. Он защищал большое дело — промысел, новое учение об устройстве земных недр. Всё остальное не важно. На Апшероне, охраняя предприятия, он стрелял по всем: по большевикам и эсерам, по дашнакам и мусаватистам, по бандитам, что грабили рабочих, и по рабочим, что поджигали нефтяные фонтаны. У него, у Хамзата Мамедова, всегда была только одна сторона и только одна правда.

Белые обнаружили «Ваню» раньше, чем тот приблизился на дистанцию выстрела. Мамедов не сомневался, что так и получится:

Маркин не стратег.

Лесосека на устье речки Малиновки обслуживала суда, работающие по старинке на дровах. Чтобы пополнять запасы по пути, на удобных берегах пароходства арендовали делянки под вырубку и устраивали «дровяные станции». Малиновская «станция» была заброшена, как и всё в гражданскую войну, даже крестьяне из Пьяного Бора ничего здесь не разворовали — далеко тащить. Орудия с плавбатарей «Чехословак» притаились за поленницами.

...Внезапно рядом с «Ваней» с шумом взметнулись два водяных столба, и только потом докатился сдвоенный гул выстрелов. Пароход встряхнулся, словно просыпаясь для боя. Маркин выскочил из рубки на мостик.

— Палланго, пали! — крикнул он командиру носового орудия.

— Ньедольёт бюджет! — ответил эстонец Палланго.

— Пали, я сказал! — ярился Маркин.

Орудия «Вани» послушно громыхнули.

— Осейчук, шпась напрямик! — скомандовал Маркин капитану.

Мамедов отступил за бронированную стену надстройки.

Выбрасывая клубы мазутного дыма, «Ваня» рвался вперёд. Его спасение было в скорости — чем быстрее он доберётся до дистанции огня, тем больше вероятность уничтожить артиллерию врага и уцелеть. Водяные разрывы взлетали и справа, и слева. В тёмных коробках орудийных башен, как черти, суетились канониры; стволы пушек по очереди хрипло харкали пламенем; на палубу из башен с тонким звоном вылетали гильзы. Само время изменилось: крохотные мгновения стали огромными и медленными, как баржи.

Маркин на мостике глядел в бинокль. Он видел длинные ряды поленниц на оголённом Малиновском мысу и всплески снарядов на воде у берега. И вдруг одна поленница бешено подпрыгнула, рассыпаясь в воздухе. Мелькнули фигуры артиллеристов и вертящееся колесо опрокинутой пушки.

— Попали! Попали, братва!.. — заорал Маркин.

И тотчас, как возмездие, вражеский снаряд ударил «Ване» под мостик. Пароход дёрнулся. Маркин упал, выронив бинокль, и пулемётчики в барбетах повалились друг на друга. В рубке Осейчук поймал штурвального за шкирку.

Мамедов вцепился в планширь, всматриваясь прямо по курсу в остров Заумор, заросший серым лиственным лесом. Где корабли адмирала Старка?.. Да вот они!.. Три вооружённых парохода появились в правой протоке, потом ещё два — в левой. Издалека они напоминали угловатых железных жуков с растопыренными усами и надкрыльями. Над жуками вились дымы.

Заметив суда учредиловцев, Маркин на мостике охнул от изумления:

— Да в рот же вашу мать!.. Откуда, падлы, вас так много?!

Маркин понимал смысл морских построений: бронепароходы Старка двигались в боевом порядке и перегораживали всю Каму. «Ваня» неминуемо должен был попасть в перекрестье их огня. До «Вани» доплыл многоголосый и протяжный вой гудков, будто угрожающе замычали быки, — белогвардейцы, не начиная стрельбы, предлагали сдаваться. Соппротивление означало гибель.

Но неравенство сил словно подхлестнуло Колю Маркина. Лялька назвала его трусом, а он сдастся белым, подтверждая Лялькины слова?!.. Да ни в жисть! Он сдохнет, но не допустит, чтобы Лялька, стерва, была права!

— Палланго, добивай батарею! — отчаянно скомандовал Маркин носовому орудью и побежал на дальний край мостика. — Кулик, лупи по ордеру!..

Отступать было бесполезно — догонят и утопят, и «Ваня», огрызаясь из орудий, начал поворот навстречу кораблям Старка. Лесосека была уже в зоне досягаемости пулемётов, и пулемётчики поливали её очередями. А пароходы белогвардейцев беспощадно садили по «Ване» из десятка стволов. Водяные столбы разрывов, казалось, стояли вокруг и не рушились: «Ваня» резал носом пену, продираясь сквозь зыбко взметающийся водяной лес. Его колыхало на волнах, и мокрая броня чуть отсвечивала в жиденьком осеннем солнце.

— Не робей, братва!.. — орал с мостика Маркин.

Он так боялся, что уже не мог выносить своего страха и хотел завершить всё поскорее — исчезнуть в последней вспышке или расшвырять врагов в разные стороны. Он не думал о Ляльке, не думал, сочтут ли его трусом — да он и сбежал бы, но бегство не избавляло от мучений ужаса. Сердце тряслось, тело тряслось, и Коля нелепо цапал

себя за грудь, словно пытался оторвать ледяного паука-кровососа, опутавшего его изнутри электрической паутиной.

Мамедов притулился за кормовой лебёдкой, надеясь, что там безопаснее. Он был спокоен: ему надо дождаться плена, и жизнь продолжится.

Снаряд угодил «Ване» в борт и взорвался где-то в трюме, выбив крышку люка. Из тёмного проёма повалил дым, а потом высунулись языки пламени — загорелся мазут. Мамедов услышал шум воды, хлещущей в пробоину. Корму заволакивало мутным паром и чёрной мглой горящего топлива. А «Ваня» всё шёл вперёд, будто контуженный, — в бесконечном развороте. Мамедов понял, что их пароход лишился управления. Это означало, что «Ваня» погибает.

— Боцман, срости штуртрос! — закричал капитан Осейчук с мостика.

Мимо Мамедова, пригибаясь, проскользнул боцман; он нёс скобу, чтобы соединить лопнувший штуртрос — цепь, с помощью которой двигался руль.

Ещё один снаряд взорвался на передней палубе. Носовая артиллерийская башня расселась, как старая баня; канониров Арво Палланго расшвыряло к фальшбортам. Колю Маркина на мостике отбросило на стену рубки. Коля съехал вниз и тотчас попытался опереться рукой, чтобы встать, но с безумным удивлением увидел, что его рука валяется возле барбета. Коля опустил взгляд и обнаружил, что осколки вспороли ему грудь и живот, и там, в нём-живом, внутри, дрожит что-то сизое и мясное. А потом глаза у Коли закатились.

«Ваня» кренился на борт. Капитан Осейчук выбрался на мостик. Он чуть помедлил возле мёртвого комиссара, огляделся и поднял рупор.

— Команда! — закричал он. — Все за борт!.. Наши в створе!

Пять бронепароходов Старка, разумеется, никуда не делись, но вдали на светящейся под солнцем излучине Камы чернели три дымовых хвоста — это миноносец и две канлодки спешили на выручку тонущему «Ване».

«Ваня» погружался с креном на правый бок. Из наклонившейся трубы валил пар затопленных котлов. Команда высыпала на палубу. Кому-то ещё хватило места в лодке, но большинству — нет; спасательных кругов тоже было недостаточно. Военморы, матерясь, стаскивали бушлаты, башмаки и клёши и прыгали через фальшборт в тельняшках и подштанниках. С кормы «Вани», прикрывая плывущих людей, осатанело бил пулемёт.

Впрочем, белые сейчас не отвлекались на военморов с «Вани». Все суда флотилии Старка вели огонь по кораблям большевиков. Над флагманским буксиром «Вульф» развевался брейд-вымпел адмирала, а на мачте миноносца «Прыткий» трепетал брейд-вымпел Раскольниковова. Эхо канонады разбегалось по реке и отражалось от берегов, умножаясь в развалистое громыханье.

А Мамедов никак не мог найти Алёшку; он метался среди военморов, но Алёшки на палубах не было. Вряд ли Алёшка сиганул бы за борт, бросив дядю Хамзата, и в уходящей лодке Мамедов его не видел.

Альоша остался в машинном отделении?.. Он ранэн?.. Убыт?..

По узкой железной лесенке Хамзат Хадиевич скатился в трюм, тёмный и полузатопленный, и ухнул в воду почти по грудь. Вокруг болтались комья мазута, тряпки и всякий мусор. За балку бимса, скуля, цеплялся какой-то матрос — его ослепило, ошпарив лицо паром, и он не мог выбраться наверх.

— Альоша!.. — заорал Мамедов.

— Браток, вытащи! — в ответ заорал матрос. — Вытащи, Христом богом!..

Крики заглушали всё. Мамедов рванулся к ошпаренному моряку, оторвал его от бимса и окунул с головой, чтобы заткнуть. За длинной и громоздкой тушей котла Хамзат Хадиевич услышал какой-то всхлип и плеск.

Алёшке не повезло: взрыв снаряда покорёжил решётки стланей на днище парохода, и Алёшке защемило ногу между стланью и фундаментом котла. Он бился, но не мог освободиться, не имея опоры:

руки скользили по клёпаному кожуху, и до пиллерса Алёшка не дотягивался. А вода поднималась.

— Дядя Хамзат!.. — в ужасе зарыдал Алёшка.

— Сэчас, родной, сэчас! — лихорадочно заторопился Мамедов.

Он зыбко присел в холодную воду, ощупывая стлань и Алёшкину голень. Вынырнул, вдохнул и снова ушёл с головой — шарил в поисках края решётки. Вот он — край!.. Мамедов впился в него пальцами и дёрнул на себя что было сил. Алёшка взвизгнул — его ногу сдавило ещё сильнее, а потом отпустило.

Отплёвываясь, Мамедов поволок Алёшку к трапу.

На палубах «Вани» ещё суетились моряки в одних тельняшках; их было десятка два — те, кто не добыл себе ни спасательного круга, ни пояса из пробки. Военморы понимали, что в ледяной осенней реке не продержаться без чего-то плавучего: сведёт судорогой — и амба тебе. Капитан Осейчук красным пожарным топором взламывал палубный настил, выворачивая доски.

Пароходы Старка, отработывая колёсами назад, заняли боевую позицию кабельтовых в пяти от судна Осейчука, можно было прочитать их названия: «Милютин», «Вульф», «Труд», «Орёл» и «Киев». По «Ване» они не стреляли, «Ваня» служил приманкой для кораблей Раскольников, в первую очередь — для морского миноносца. А миноносец «Прыткий» сидел в воде так низко, что казался хищным зверем, припавшим на все лапы для решительного броска, — но этого броска так и не совершал, бабахая издалека из четырёх орудий.

В круглой визирной рубке миноносца теснились старпом, штурвальный, капитан Георгиади, Раскольников, Ляля и вестовой матрос. Ляля была возбуждена, тёмные глаза её горели.

— Фёдор, там ведь погибают наши товарищи! — пылко говорила она. — Как флаг-секретарь флотилии я требую спасти их!..

Ляля всей душой отдалась мрачному восторгу: флотилия — под яростным огнём, пароход комиссара подбит врагами, а она, Ляля, на миноносце мчится сквозь разрывы на помощь друзьям! Сражение на Каме станет ещё одной легендой о ней, о Ляле, — страшной и прекрасной богине гражданской войны!

Раскольников спокойно размышлял. «Ваня», без сомнения, потерян. И это хорошо. Во-первых, Коля Маркин с его щенячьими

чувствами к чужой жене Фёдору Фёдоровичу уже надоел. Во-вторых, гибель судна в бою означает, что флотилия преодолевала серьёзное сопротивление; чем больше сопротивление — тем больше и заслуги командира. Однако все заслуги пойдут прахом, если он, Раскольников, утопит не дармовый речной пароход, а ценный миноносец.

— Сергеев, отсемафорь на канлодку-два подобрать экипаж Маркина, — приказал Раскольников вестовому.

Ляля возмущённо фыркнула. Георгиади покровительственно улыбнулся.

А у «Вани» к тому времени иссяк последний запас плавучести. Машина парохода тяжко покачнулась, посмертно возвращая остойчивость, и медленно пошла вниз. Вода сквозь шпигаты хлынула на палубы, смывая кровь. Капитан Осейчук и десяток военморов перелезли через фальшборт и прыгнули в волны — им осталось только своими силами попытаться догрести до берега.

Ошалевший, растерянный Алёшка и не подумал дёрнуться за моряками. Мамедов проволоком его к трапу на мостик и на крышу надстройки.

Наверху Алёшка шарахнулся от изуродованного тела Маркина.

— Нэ смотри! — прохрипел Мамедов, оттаскивая мальчишку за рубку.

Впрочем, и отсюда Алёшка увидел убитых пулемётчиков в барбете.

— Волька... там... — выдохнул Алёшка.

Мамедов усадил его на опору дефлектора.

Пароходы Старка упрямо продвигались вперёд, продолжая обстреливать корабли Раскольникова; полузатонувший «Ваня» их сейчас не интересовал. Белые целились по миноносцу, и канлодка-два под пролетающими над ней снарядами выуживала из реки военморов Маркина, доплывших по течению.

Израненный «Ваня» наконец безвольно ударился о дно и лёг; вода на фут не достала до крыши надстройки, и вокруг расползлось облако мути. Мамедов и Алёшка теперь были вдвоём — на мёртвом пароходе как на острове. И Хамзат Хадиевич почувствовал облегчение. Оказывается, он очень устал от красных моряков. Балтийская братва угнетала его, не позволяя быть самим собой.

— Дядя Хамзат... посмотри Вольку... — попросил Алёшка.

Мамедов неохотно шагнул к барбету и приподнял за форменку Вольку Вишневого, лежавшего лицом вниз. Волька застонал и пошевелил рукой. Мамедов удивлённо хмыкнул и с натугой потянул Вольку из груды трупов.

— Повэзло йему, что ты добрый, Альоша.

Мамедов бросил Вольку и сел рядом с Алёшкой.

— Бэлые скоро забэрут нас отсюда. — Он поскрёб щетину на толстом лице. — Прычялят провэрить и вооружэнье снять. Спасут твоего товарища.

— Нет, нам же к нашим надо!.. — с тревогой ответил Алёшка.

— К нашим? — хмыкнул Мамедов. — Альоша, ты глупый малчик. Красные — нэ наши, нэ твои. И бэлые нэ твои. Твои — это я. Шухов. Губкин. Нобэли.

Алёшка смотрел на Мамедова и ничего не понимал.

— Вмэстэ dalje будэм, — сообщил Мамедов как о чём-то решённом. — Я дэло додэлаю, и всё. Найдём твою сэстру, потом к хорошим лудям тэбя повэзу.

— А ты меня спросил? — слабо трепыхнулся Алёшка.

— Зачем? — Мамедов пожал плечами и прищурился на неяркое солнце над рекой. — Знаю, тэбе понравытса. Тэбе нужно быть там, а нэ здэс.

Юрий Карлович не любил мелкие победы: они внушали ложные надежды. На буксире «Вульф» адмирал Старк и начальник штаба Смирнов разместились в большой каюте капитана; из её окон был виден затонувший бронепароход большевиков — мелкая победа их флотилии. И Юрий Карлович понимал, зачем сейчас к «Вульфу» швартуется «Милютин».

— Что вы намерены ответить Федосьеву? — спросил Смирнов.

— Намерен пресечь его инициативу.

Смирнов помолчал.

— Я помню ваше предупреждение, Юрий Карлович, поэтому хочу сказать без свидетелей... Думаю, вы должны уступить желанию Петра Петровича.

— По какой причине, Михаил Иванович? — холодно осведомился Старк.

— Нельзя не учитывать боевой дух людей во флотилии, — виновато пояснил Смирнов. — Людям нужно чувство превосходства над неприятелем.

— Чувство ошибочно. Красные сильнее нас как минимум вдвое.

— Не всё определяется количеством орудий и судов. Воодушевляют атаки и погони за убегающим врагом. Дозвольте это в виде исключения. Я полагаю, так будет правильно. Однако в присутствии Федосьева я буду молчать.

Юрий Карлович задумался, глядя в окно. Он знал, что его флотилия ждёт большого сражения на устье Белой. Устье — стратегически важная позиция, контроль над которой позволит не пропустить большевиков к Уфе и Сарапулу. Контрразведка докладывала, что мичман Федосьев говорил, будто флотилия непременно будет драться за устье, «мы устроим большевикам Вандею» — так выразился Пётр Петрович. Увы, флотилию придётся разочаровать. Но для начала действительно хорошо бы заручиться поддержкой личного состава.

Федосьев, капитан «Милютина», был напряжён и заранее ожесточён.

— Господин адмирал, прошу разрешения преследовать суда противника силами моего дивизиона! — отчеканил он, глядя Старку в глаза.

Старк смотрел на Федосьева с усталостью и сожалением.

— Что ж, разрешаю, Пётр Петрович, — сказал он. — Потом возвращайтесь в Пьяный Бор к третьей склянке вечерней вахты.

Федосьев поспешил на свой пароход, а Старк поднялся на мостик.

С «Милютина» лихорадочно семафорили. «Труд», «Орёл» и «Киев», оживлённо дымя, занимали свои места в ордере — сразу в боевом.

— Евгений Львович, идём на базу, — сказал Старк капитану «Милютина».

База флотилии сейчас находилась в селе Пьяный Бор. Под штаб заняли полукаменный дом волостного правления. Возле крыльца на брёвнах курили бородатые мужики, при виде Старка они дружно встали и сняли шапки.

— Дак вы власть, господин офицер, или нет? — спросил самый храбрый.

— Пока ещё не власть, — недовольно ответил Юрий Карлович.

— Мы комбедовцев повязали, и куды их? Самим в расход определить?

— Хватит зверствовать, мужики! — с досадой бросил Старк. — Вы что все тут, спятили?! У вас храм на главной площади, а вы убивать рвётесь!

— Дак они сами Гоголева и Чигвинцева повесили...

Юрий Карлович только махнул рукой и взбежал на крыльцо.

— Не тех жалеешь, ваше благородие, — услышал он себе в спину.

Время текло невыносимо медленно. День, наконец, угас, и синева неба загустела тонко и ярко, лишь над горизонтом вытянулась извилистая пунцовая вмятина — отсвет ушедшего заката на невидимой туче. На фоне багрянца за околицей села торчали чёрные и растопыренные ветряные мельницы.

С Камы донеслись гудки — это вернулся дивизион Федосьева.

Пётр Петрович явился с докладом уже около полуночи. Юрий Карлович принял его сам, без Смирнова и других офицеров штаба. Федосьев держался уверенно. В комнате волостного старшины горела

керосиновая лампа, Старк сидел за столом и жестом предложил Петру Петровичу занять кресло напротив.

— Каковы результаты рейда, господин мичман?

— Нам не удалось вступить в огневое соприкосновение с противником. При бегстве красные накидали «рыбок» возле Усть-Ижевского острова, и наш пароход «Труд» подорвался.

«Рыбками» назывались небольшие речные мины, похожие на буйки.

— Взрыв не повредил машину, команда поставила пластырь, но довести судно обратно не сумела. «Труд» затонул возле Заумора. Старк, не глядя на Федосьева, барабанил пальцами по столу.

— И как вы теперь расцениваете своё предприятие?

— Да, мы понесли потери, но я считаю, что рейд всё равно был необходим, — твёрдо ответил Федосьев. — Неудача мобилизует, а бездействие губительно.

— Вы чертовски упрямы, Пётр Петрович, — задумчиво произнёс Старк.

Он молчал, размышляя о своём.

— На обратном пути мы сняли с затонувшего большевика трёх человек, — сообщил Федосьев. — Двое — мальчишки, один — бывший солдат, повёрстаный в Нижнем, другой — сын пароходчика Якутова, пробирается в Пермь, где у него сестра. Но вот третий — агент «Бранобеля». Он настаивает на разговоре с вами.

— О чём? — без интереса спросил Старк.

— Утверждает, что капитан Горецкий по заданию британской компании «Шелль» планирует разрушить нобелевский нефтепромысел на Белой. Это британская диверсия против отечественной промышленности.

Адмирал Старк помнил Горецкого по Казани, по истории с эвакуацией ценностей Госбанка. Роман Андреевич ничем не напоминал шпиона.

— Насколько я знаю, британцы ведут борьбу с большевиками в Туркестане и на Севере, — сказал Старк. — А Нобели сотрудничают с Советами. Так что я не склонен доверять нобелевцу. Нужно расспросить Горецкого.

— Я уже искал его, Юрий Карлович. По словам караванного начальника, Горецкий, не уведомляя никого, ушёл вперёд ещё из

Святого Ключа.

Старк раздражённо поморщился:

— Сущий водевиль! Это не похоже на диверсию, скорее — банальная грызня промышленников! Но у меня хватает и других забот!

«Грызня промышленников» казалась Юрию Карловичу делом низким и даже подлым. Родина истерзана озверевшим большевизмом, Белое движение все силы отдаёт борьбе за освобождение, а индустриальные магнаты заняты циничным переделом собственности, будто их ничего не касается.

— В общем, я не желаю вникать в свары нефтяников! — отрезал Старк. — Поручаю вам, Пётр Петрович, на «Милютине» доставить пленных в Сарапул. Пускай с ними разбирается местное командование. Промысел на их земле.

— Вы отправляете меня в Сарапул? — оскорблённо выпрямился Федосьев.

— Да. Примите на борт вооружение, которое флотилия передаёт ижевцам, и с рассветом выходите в рейс. Ваша задача — встретиться с руководителями восстания в Ижевске и предложить вывезти их отряды в Уфу на судах нашей флотилии. Я буду ждать вас на устье Белой с их ответом.

Федосьев готов был вспыхнуть.

— Я могу попросить объяснений? — сквозь зубы спросил он.

— Извольте, но вам будет неприятно. — Старк взглянул Федосьеву в глаза. — Пётр Петрович, я на время удаляю вас из флотилии, чтобы вы не подстрекали своих товарищей требовать от меня решительного сражения в устье Белой.

— Но отказ от сражения означает, что мы бросаем ижевцев на произвол судьбы! Красная флотилия ударит им в тыл!

Старк подкрутил огонёк в лампе. Тени в комнате словно сжались.

— Красная флотилия не причинит ижевцам значимого урона, потому что Ижевск и Воткинск находятся в стороне от Камы. Но ижевцы обречены. Они находятся слишком далеко от основных сил Белого движения — от Уфы и Екатеринбурга. Так что сражение в устье Белой не принесёт никакой пользы ни нам, ни ижевцам, как никакой пользы не принёс ваш сегодняшний рейд.

Федосьев встал. На лбу его в свете лампы блестела испарина.

— Конечно, я выполню приказ, господин адмирал. — Голос Федосьева сел. — Но в Уфе я потребую от КОМУЧа следствия над вами!

— Ваше право, Пётр Петрович.

От Святого Ключа до Арланского промысла «Кологрив» дошёл бы в один день, но за несколько вёрст до устья Белой Роман с разгона посадил своё судно на Дербешские огрудки — глинистые и вязкие донные бугры. Обвинять было некого: лоция предупреждала об огрудках, и за штурвалом Роман стоял сам. Он поневоле вспомнил лоцмана Федю Панафидина — Федя не допустил бы греха. «Кологрив» рычал дизелем, яростно бурлил винтом, однако его, как говорили речники, присосало плотно. Чтобы сняться, требовался буксир. А хмурая Кама оставалась тоскливо-пустой, и деревень поблизости не имелось.

Матрос Мальцев, самый молодой и бойкий в команде, охотно уплыл на берег и сходил в Дербешский затон, оборудованный купцами Стахеевыми для своих пароходов. В затоне ржавели только брошенные баржи и брандвахты, сторож опух от браги и безделья. Буксиров не было. Мальцев вернулся на лодке сторожа. «Кологрив» мог надеяться лишь на флотилию Старка.

Роман не позволил себе поддаться досаде или унынию. Никакой беды не случилось — просто проволочка, и всё. Команда перебралась на сушу: речники рыбачили, варили уху на костре, стирали бельё и резались в подкидного. Вечером возле огня Роман объяснил своим людям, что им предстоит сделать на промысле. И к такому команда оказалась не очень-то и готова.

— А ежели рабочие нам в зубы дадут? — весело спросил Мальцев.

— Не дадут, — успокоил Роман. — У нас пулемёты.

— Я палить из них не умею! — тотчас заявил Мальцев. — Своих положу!

— Научу, — пообещал машинист Ощепкин. — Я цельный год на Германской куковал, пока речников с фронта домой не начали отзывать. Завтра привезём сюда «льюис», и натаскаю любого дурня. Чай не дизель, механика немудрёная.

Шустрый матросик Мальцев не угомонился.

— Господин капитан, а за рейс-то нам заплатят? — допытывался он. — Нам ведь расчёт в Самаре был назначен, а мы в Уфу пошарашили!

— Добьюсь оплаты, даю слово команде, — заверил Роман.

— Но промысла-то в подряде не указано! — лукаво нажимал Мальцев. — А там — пулемёты всякие, динамиты...

— Прибавка в тридцать процентов команду устроит?

Прибавка устроила, однако Мальцев всё ёрзал на бревне у костра.

— Я вот что хочу сказать-то... У нас же на борту ящики с винтовками, да?..

Мальцев нравился Роману: матросик чем-то напоминал Алёшу Якутова — брата Кати. Но интерес к ящикам в трюме «Кологрива» насторожил Романа.

— А ящички-то эти в Уфе никто не ждёт, Роман Андреич! — заискивающе глядя на Горецкого, сказал Мальцев. — Может, продадим чужое добро? У меня в Дюргюлях крёстный живёт, купец при достатке. Он возьмёт по-честному!

Роман молчал, изучая Мальцева. В матросике не было угрюмой алчности — так, озорство от избытка сил и возможностей. Речники тоже затихли.

— Винтовки нынче товар ценный... Деньги поделим обчеством поровну...

— Груз трогать я запрещаю! — спокойно и веско пресёк Роман.

Мальцев глубоко вздохнул — с сожалением и печальным осуждением.

...На Дербешских огрудках «Кологрив» проторчал несколько дней, и в огромном пространстве на берегу холодной безответной реки Романа порой охватывало почти безумное ощущение, что всё на свете закончилось — война, Россия, история, а он не знает. Но однажды утром вдали над створом появился тёмный дымок идущего парохода. Собрав пожитки, возбуждённая команда перекинулась на «Кологрив»; Роман сел в лодку и погрёб навстречу судну.

Это был буксир «Милютин».

Федосьев встретил Горецкого на борту отчуждённо и недоверчиво, будто сомневался, Роман перед ним или кто-то другой.

— Сдёрнешь меня? — спросил Роман. — Который день уже сижу.

— Сначала побеседуем. — Федосьев кивнул в сторону своей каюты.

Он плотно закрыл за Романом дверь, выдвинул стул, а сам сел у стола, чтобы видеть лицо собеседника. Машина «Милютин» тихо сопела на малых оборотах, лишь бы против течения держаться на месте. Роман заметил в окно, что «Милютин» не приближается к «Кологриву», словно тот зачумлён.

Федосьев поиграл желваками.

— Скажи-ка, дружище, ты работаешь на британцев?

Роман понял, что за время его бездействия и вправду что-то изменилось.

— Я — помощник капитана на «Витязе», — невозмутимо выдал он. — Ты же самарский волгарь, Петя, и сам знаешь эту пароходную матрёшку. «Витязь» принадлежит обществу «По Волге», общество принадлежит «Мазуту», «Мазут» — «Шеллю». Да, получается, что в итоге я работаю на британцев.

— Взорвать промысел — задание «мазутчиков»?

— Да, — с сожалением улыбнулся Роман. — Прости, что солгал, зачем мне взрывчатка, но не думаю, что я должен был объяснять тебе о промысле.

— Должен был! — сердито ответил Федосьев.

— Ты, Петя, служишь у Старка, а он щепетилен, как синодальный цензор. Он не позволил бы уничтожить промысел без приказа от командования.

— Я ещё и родине служу! — огрызнулся Федосьев. — Всё я понял бы!

Роман догадался, что Федосьев хочет быть на его стороне.

— Хорошо, Петя, прости меня. Я сейчас объясню. «Шелль» и «Бранобель» — конкуренты. Нобели потеряли свою нефтедобычу в Баку и пытаются завести новую на устье Белой. А «Шелль» желает добить «Бранобель». Это обычное соперничество промышленных компаний. Но в нём замешана и политика. У большевиков не осталось нефтяных месторождений. Нобелевский промысел на Белой — их шанс получить нефть. И я согласился на предложение «Мазута» взорвать промысел. Так выгодно и «Шеллю», и нашей войне с коммунизмом.

— Промысел под контролем ижевцев! — возразил Федосьев.

— Самарское и Уфимское правительства убеждены в провале ижевцев. Комиссары загребут промысел себе. А Нобели вступили в союз с комиссарами.

Аргументы отыскивались легко, Роман излагал всё спокойно и ясно, и его удивила собственная свобода в опасном разговоре. Конечно, он не врал Пете Федосьеву, но и не сообщал главного — о ящиках в трюме «Кологрива». И при этом не испытывал никакой неловкости или затруднения в мыслях. Почему? Потому что он борется за свою судьбу, за своё будущее. Оказывается, он умеет и может бороться за себя, и в душе ему ничто не мешает. Приятное открытие.

— Откуда же ты узнал про «Шелль», Петя? — наконец спросил Роман.

— У Пьяного Бора мы утопили пароход большевиков и сняли с него нобелевского агента по фамилии Мамедов. Слышал о таком?

Роман мгновенно ощутил угрозу: Мамедов — оружие смертоносное.

— Летом по просьбе Мейрера я и водил буксир Мамедова на промысел.

— Ну, вот и помог человеку... А он потребовал арестовать тебя.

— Как он про меня пронюхал?

Федосьев пожал плечами:

— Хочешь — сам спроси. Он у меня в трюме сидит. Старк приказал отвезти его в Сарапул.

Роман постарался скрыть облегчение.

— Зачем тебе в Сарапул, Петя, если не тайна?

Федосьев вспомнил о решении адмирала и снова разозлился:

— Флотилия не будет драться за устье Белой. Позор! Старк — пораженец! Отправил меня в Ижевск, чтобы убедить тамошних солдат эвакуироваться!

Роман с сочувствием покачал головой, но думал о своих обстоятельствах. Каюта чуть подрагивала, на потолке шевелились отражения волн.

— Нобели сотрудничают с советской властью, и Мамедов теперь — агент большевиков, — сказал Роман. — Не случайно ведь он шёл с красной флотилией. Прошу тебя, Петя, об осторожности. Мамедов выполняет грязные поручения Нобелей, он жесток, нужно будет —

убьёт без колебаний. В Сарапуле сдай его в контрразведку. Если ижевцы его расстреляют, туда и дорога.

Роман сам не ожидал от себя таких беспощадных слов. Он произносил их, словно опробовал на деле внезапно обрётённую смелость.

— И уж давай стащи меня с мели, ради бога, — добавил он. — Рад, что мы встретились, Петя.

Часть седьмая
ПОНЯТЬ

Штаб Отряда особого назначения переехал в город, в дом на улице Лавровской, и теплоход «Аршаулов», пришвартованный к «меркурьевской» пристани Осы, достался штабу Камской бронеплотилии. Сейчас в ресторане «Аршаулова» собрали комсостав: командиров судов, командиров десантных отрядов и капитанов. Иван Диодорович пришёл с Серёгой Зеровым.

— Остсобый отряд выдвинул перед нами две остновные задатчи, — говорил Франц Лангер, новый командующий флотилией. — Первая из них — заброска дестсантов в тыл изжевтцев и при воздможности артиллерийская поддержка. Вторая — охрана реки от вероятной атаки неприятеля на Остсу, то есть на баздзу Остсобого отряда. Первую задатчу мы будем рештшать регулярными доззорами, вторую — рейдами по оперативной необходимости. Это ястно?

— Да всё ясно! — ответили ему. — Распускай нас, дела ждут!

Иван Диодорович слушал, но ничего не понимал. Он уже много дней думал только об одном, словно упёрся лбом в непреодолимую стену.

— погоди, товарищи! — улыбаясь, вылез Ганька Мясников; за пару недель он дорос до комиссара всей флотилии. — Ещё имеется торжественная деталь! Слово командиру отряда Аплоку Юрью Юрьевичу!

Штабс-капитан Аплом поднялся с места и оглядел речников.

— Вы знаете, что наш пароход «Урицкий» тараном потопил вражеское судно «Русло», — сказал он. — Заявляю как фронтовик, что это был геройский бой. Советская власть, насколько мне известно, не учредила пока орденов, поэтому награждаю капитана товарища Нерехтина наручными часами!

Аплом расстегнул на запястье широкий матерчатый ремень своих часов. Серёга подтолкнул Ивана Диодоровича, и тот встал, растерянно оглядываясь. Аплом шагнул вперёд, протянул подарок и крепко пожал Нерехтину руку.

— Все берём пример прямо с «Урицкого»! — крикнул Ганька.

Капитаны и командиры поднимались с мест и гремели стульями. К Ивану Диодоровичу протолкался матрос Бубнов — он вчера вернулся в отряд, не пожелав долечиваться в госпитале. Он хлопнул Нерехтина по плечу:

— Поздравляю, Ваня! Ты же мне как крёстный теперь! Прости за былое!

Матвей Саввич Мохов, капитан буксира «Звенига», остановил Лангера.

— Слышь, Франц Яныч, моему пароходу на щелоченье котлов пора!

— Чьто это оздначает? — недовольно спросил Лангер.

Военный врач, он не разбирался в технике.

— Значит, котёл у меня перегреваться будет и может бомбануть!

Лангер всё равно ничего не понял.

— Стскоро навигатция закончитца, — ответил он. — Некогда ремонт делать. Дотьяните как-ньибудь, товарищ Мохов. Не могу снять васт с фронта.

Серёга Зеров поймал флагманского артиллериста флотилии, тоже чеха.

— Матюша, а с нами что решили?

Матиас Германский после трёх лет в России по-русски говорил чисто:

— Орудий для вас нет. До Мотовилихи далеко. Но вам и пулемётов хватит. Разведка доложила, что у рябинников пушек тоже нет.

— А пулемётные расчёты? Мотивилихинцев-то выкосило.

— Неужели ни один не уцелел?

— Ну, один везунчик есть, — согласился Серёга.

Сенька Рябухин, хоть и простак, даже царапины не получил.

— Вот он и обучит ваших людей. Всё равно при схватке они бесполезно в трюме сидят. Команда у вас революционная, так пускай сама ведёт огонь.

Мохов, капитан «Звениги», направился к Нерехтину.

— Слышь, Диодорыч, у меня матросов недостача! — раздражённо заявил он. — Я у тебя Стешку заберу! Севастьян Михайлов без спроса её уволок!

Иван Диодорович посмотрел на Мохова тускло и устало:

— Ну, забирай.

Серёга Зеров взял Нерехтина за локоть, словно капитан был болен.

— Пойдём к себе, дядь Вань.

Суда флотилии выстроились у пристаней Осы — или просто уткнулись носом в берег. Три бронепарохода, если считать и «Лёвшино» с его помятой бронёй и срезанными орудийными башнями, три вооружённых буксира, на которых надстройки были блиндированы брусьями, плавбатарей — наливная баржа с пушками, две плавбазы и два десантных судна — товарно-пассажирские пароходы, а ещё несколько катеров и выводок бронепонтонов. Однако Иван Диодорович при виде этой армады не испытывал никаких чувств.

Ему казалось, что он разрушен изнутри, как дом, в котором разорвался снаряд: стены устояли, но за ними — лишь хаос обломков. Иван Диодорович думал только о Дарье. Как она сразу назначила его своим капитаном... Как она по-девичьи смущалась своей нежностью... И как слеп был он сам!.. В маленькой каюте их с Дашей тихо согрело остывающее солнце поздней любви, последней любви... Это было мягкое тепло бабьего лета, прощальная божья благодать... Даша искала в нём, в Нерехтине, убежище — искала доброго человека, рядом с которым не страшно будет провожать уплывающие годы... А нашла смерть.

Иван Диодорович спотыкался на ровном берегу. Серёга Зеров молча вёл его к буксиру, к сходне. Вахтенный матрос Яша Перчаткин, заметив капитана и старпома, поспешно открыл дверку в фальшборте.

— Дядь Вань... — неловко замялся Серёга у сходни, — ты это... давай!..

— Не могу, — еле выдавил из себя Иван Диодорович.

— Тёте Даше — царство небесное, а ты ещё живой.

— Не могу...

Иван Диодорыч всё ещё держал в кулаке подаренные часы — словно дохлую мышь. Размахнувшись, он швырнул их куда-то вдаль на берег.

Перчаткин подождал, пока старпом и капитан уйдут, а потом огляделся, шустро скатился с буксира по сходне на песок и шмыгнул за часами.

У себя в каюте Иван Диодорыч лёг на койку, но ему не полегчало. Даша была тут везде, во всём — в вещах, в воздухе, в свете. Иван Диодорыч слушал звуки парохода: невнятные голоса за переборками и шаги, сопенье клапанов в машине, плеск воды под обносом. Он думал, что судьба, как надзиратель в тюрьме, безжалостно отняла у него всё, что он любил. И ради чего тогда ему жить? Ради «божьей тайны», о которой талдычит лоцман Федя Панафидин?..

За окном уже угас вечер, когда в каюту капитана ворвалась разгневанная Стешка. Она работала буфетчицей вместо Дарьи; целый день она моталась по городу и стучала в ворота — меняла казённый керосин на яйца и молоко. А Серёга Зеров сказал, что Нерехтин отдаёт её на «Звенигу».

— Ты чего меня продал, капитан?! — закричала Стешка, наплевав на тоску Ивана Диодорыча. — Чем я не угодила?! Я с командой через огонь прошла, а ты меня коленом под зад?!.. А Свинарёв за тебя, собаку, под пули полез!..

Лётчика Свинарёва на «Лёвшине» уже не было. Начальство отозвало всех авиаторов в Нижний Новгород. Покидая Стешу, Свинарёв пообещал, что вот добьёт контрреволюцию — и непременно вернётся с предложением, достойным его серьёзного осознания персоны Степаниды Алексеевны. В мыслях своих Стеша уже не отделяла себя от Свинарёва, и поэтому обида, нанесённая лично ей, казалась Стеше оскорблением для отважного лётчика.

За спиной Стешки появилась Катя — её каюта располагалась рядом.

— Прекрати! — Катя потянула Стешку в коридор. — Не надо его беспокоить!

Рыдающая Стешка убежала в камбуз и принялась гроыхать посудой.

Катя помедлила у закрытой двери Ивана Диодоровича, однако не захотела вернуться к капитану. Конечно, ей было отчаянно жаль и тётю Дашу, и дядю Ваню, но горе не удерживалось в душе. Катя чувствовала себя бессовестной эгоисткой. Всё её существо сейчас горело от запретного и нечестного счастья и словно бесконечно разлеталось в мир; ничего иного, кроме своего счастья, в Катю уже не помещалось. Она готова была сделать что угодно для кого угодно, но разделить чью-то боль никак не могла.

Оглядываясь, будто залезала в чужой дом, она спустилась в машинное отделение. Вахту нёс князь Михаил, и сейчас он был один. Катя ткнулась ему в грудь лицом, и Михаил обнял её.

— Всё, что у нас с тобой происходит, — неправильно! — прошептала Катя.

Михаил, не возражая, грустно улыбнулся.

«Кологрив» добрался до промысла, когда день уже клонился к вечеру. На малом ходу форштевень мягко резал тёмную, почти стоячую воду протоки. Роман разглядывал знакомую заводь, берега и пристань. Вроде бы ничего не изменилось, только лес облетел и бурьян полёг. Те же складские сараи, ржавые бочки под навесом, задранные жерди кранов-оцепов, похожих на колодезные журавли, мостки и причаленная баржа — эту баржу Роман привёл сюда в июле. На пристани почему-то даже сторожа не было: может, промысел закрылся, а может, нечего тут сторожить, да и встречать некого. Но это и к лучшему.

«Кологрив» пришвартовался к борту баржи.

— Ощепкин, вытаскивай пулемёты, — распорядился Роман. — На промысел пойдём всей командой, кроме Мальцева. Его оставляю на вахте.

— Зря, что ли, я стрелять учился? — обиделся Мальцев.

— Да он же угонит пароход! — пошутил кто-то, и в команде засмеялись. — Продаст наш груз крёстному в Дюртюлях, пока мы воюем! У него дед — цыган!

— И ничё не цыган! — возмутился Мальцев. — Он турок астраханский!

Вообще-то «Кологрив» был теплоходом, а не пароходом: ходил на дизеле, а не на паровой машине; вместо гребных колёс у него был винт, и труба была низкая и широкая. Но речники привыкли к слову «пароход». Роман подумал, что пароход в одиночку не угнать, а вот теплоход — можно. Однако Мальцев — парнишка честный, хотя и с дурью в башке. Дурь — просто от молодости.

Дорогой на промысел, похоже, никто не пользовался. Расплывшиеся от дождей колеи покрывала нетронутая истлевшая листва — бурая и рыхлая. Лес точно исхудал и насквозь прояснился изнутри; земля, заваленная мусором древесного опада, казалась волосатой. Пахло сыростью и разбухшей почвой. Птицы не чирикали, в пустых кронах синенько мелькало угасшее небо.

Команда у Романа была небольшая, всего восемь человек; Ощепкин и Некрасов несли на плечах толстоствольные пулемёты «льюис» с торчащими прикладами и сошками. На тихой дороге Роман издали слышал лязг железа и скрип тросов — промысел работал. Роман остановил речников на опушке.

— Не шуметь! — прошептал он.

Посреди истоптанной лесной поляны высилась дощатая вышка, повернувшись багровая от заката. Наверху крутились колёса приводного механизма, внизу бодро дымил локомотив, ходили мастеровые в грязных робах, мужик рубил дрова, в кухне звякала посуда. Промысел жил обычной неспешной жизнью.

— Заряжай пулемёт, — велел Роман Ощепкину. — Сначала отсюда дадим очередь для острастки. Бей поверх голов.

Ощепкин, кряхтя, принялся устанавливать «льюис», приладил к нему толстый рубчатый диск с патронами и улёгся брюхом на землю. Речники, чуть отступив, наблюдали с любопытством невоенных людей. Роман рассматривал промысел. Сейчас пули гулко пробарабанят по пустотелой вышке, промысел всполошится, и надо будет что-то приказать. Что?.. «Всем оставаться на своих местах, руки поднять; кто сдастся, тому не причинят вреда!..»

— Спокойно, братцы, не дёргайтесь, — раздался чей-то голос за спиной Романа, но Роман не обратил внимания на эти слова.

— Начинай, Ощепкин, — немного волнуясь, командовал он.

Его больно кольнуло в плечо.

— Говорено же, не дёргайся!

Роман обернулся. Ему почти в лицо утыкался длинный и тонкий штык, прикреплённый к стволу винтовки. Винтовку держал незнакомый человек в истрёпанной солдатской форме, на его фуражке вместо кокарды топырился бурый бант. Десяток других таких же солдат обступили речников полукругом и тоже целились из винтовок; Ощепкина прижали штыком к земле.

— А этот у них капитан. — Один из солдат показал пальцем на Романа. — Видел его в рубке, когда корабль причаливал.

Роман вдруг понял, что за ними незаметно следили прямо с того момента, как «Кологрив» появился в протоке рядом с пристанью. Сторож просто укрывался где-то в кустах. И теперь команда Романа — в плену.

— Обшарь их, — распорядился бородатый командир.

Несколько солдат, убрав винтовки, ловко обыскали речников, забрали оба пулемёта, а у Романа вытащили наган.

— И всё, что ли? — удивился командир. — Вы только с пулемётами и одним наганом припёрлись? Без винтарей? Вот ведь шпаки полоротые!

— Кто вы такие? — холодно спросил Роман.

— Охрана промысла. — Командир отвечал открыто, без опасений, ведь солдат было больше. — Особый отряд Ижевской народной армии. А вы кто?

Речники выдохнули с облегчением: солдаты — союзники!

— Мы — от флотилии адмирала Старка.

— Свои, значит? — улыбнулся командир, и солдаты опустили винтовки. — Чего ж вы на промысел напасть-то хотели, ишо и с «люисами»?

— Не ожидали увидеть тут ижевцев.

Командир довольно хмыкнул:

— Красные тоже не ожидали. Очень, бля, удивились недавно.

Солдаты, да и речники, засмеялись.

— Я Александр Кузьмич. — Командир протянул Роману руку.

— Слушай, Александр Кузьмич, — неловко замялся Роман, — у меня приказ ликвидировать промысел. Оборудование вывезти, вышки взорвать.

— А чтой-то так? — огорчился командир. — Дело-то на мази. Нефти покуда нет, конечно, дак ведь бурят. Рано иль поздно добурятся.

Роман молча пожал плечами.

— Не, брат, — решительно сказал Кузьмич и потрепал Романа по плечу. — У меня приказ ровно в оборот — убережь промысел. Моих полтора десятка ребят ухлопали, когда мы красную матросню отсюда вышибали. Не обессудь, не могу тебе волю дать. И сила пока за мной. Я здесь главный.

Мысли Романа заметались в какой-то пустоте.

— И как же нам быть, Александр Кузьмич?

— Ну, уж не знаю... — Кузьмич почесал в бороде. — Сгоняй в Сарапул, достань мне другой приказ от командованья. За пару дней управишься.

Речники смотрели на Горецкого. Прибавка за промысел — это хорошо, но опытных фронтовиков им не победить даже с пулемётами.

— Айда к нам, ребята, — миролюбиво предложил Кузьмич. — Посидим, потолкуем. У нас татарская кумышка из Арлана — как бомба в башку! Хрен с ним, с промыслом! Лучше товарищество почтим! Враг-то у нас единый!

Речников явно воодушевила перспектива пьянки.

— Роман Андреич, сила соломѹ ломит, — виновато усмехнулся Ощепкин.

А Роман чувствовал, как все его планы валятся куда-то в бездну, даже голова закружилась. Что предпринять?.. Сейчас, на ходу, он ничего не мог придумать. Ему нужна была пауза, чтобы привести мысли в порядок.

— Что ж, пойдѹм к тебе, Александр Кузьмич, — нехотя согласился Роман.

Кумышку, кислую водку из кумыса, пили в домике начальника промысла, в камералке, уже изрядно загаженной солдатами. Кузьмич предложил гостям ночевать на промысле в казармах рабочих, и Роман не возражал: в железном корабельном кубрике осенью было холодно. Речники и солдаты вперемешку сидели за большим лабораторным столом, обожжённом кислотами. Горели лучины, сопел ведёрный самовар, мужиков развезло в тепле, и всем было хорошо. Хмельной Кузьмич в десятый раз говорил Роману одно и то же:

— В Ижевске в исполком иди, там всё решают... Иль бо в Сарапуле к штабс-капитану Куракину, он город брал. Хрен знает, х кому тебе надо... Нас-то Куракин отрядил, а Гольянским фронтом командует Коля Цыганов...

— А где инженер, который промыслом управлял? — спросил Роман.

— Гниду эту в контрразведку отдали. С красными снюхался.

— Как же промысел работает без инженера?

— Да как... Буровой-то мастер остался. Возится там чё-то.

Роман вышел на крыльцо. У стены сидя спал солдат, к его губе прилипла дымящаяся самокрутка. Из дома доносился нестройный пьяный гомон. Роман посмотрел в чёрное небо. Над великими лесами и великими реками тихо и остро горели россыпи созвездий. Крыши сараев посверкивали изморозью.

Сейчас, когда ничто не мешало, Роман мог спокойно подумать, как же ему быть. Затея с уничтожением промысла провалилась. А без оборудования Глушкова соваться к «Шеллю» не имеет смысла. И нельзя везти груз в Уфу — рано или поздно там кто-нибудь вскрыет ящики. Кругом тупик!

Роман едва не застонал от досады. Ведь у него почти всё получилось!.. Почти всё!.. Неужели он сдастся? Неужели все усилия напрасны?.. Нет! Ему нужна вторая попытка. Он снова явится сюда, на промысел, но теперь уже с вооружённым отрядом, и никто его больше не остановит. Интерес «Шелля» не пропадёт, необходимо только суметь правильно его организовать. И он, Роман Горецкий, сумеет.

Ящики с ценностями Госбанка должны ждать его здесь, на промысле. Их надо спрятать, чтобы никто не отыскал. А как?..

И Роман догадался. Один раз ящики уже пережили крушение планов — пролежали несколько дней в трюме утонувшей «Боярыни». Пролежат и другой раз, ничего им не сделается. Нужно затопить «Кологрив» вместе с грузом. Потом, когда будет удобно, он, Роман, достанет ящики обратно, как достал с «Боярыни». И есть только одно требование к затоплению теплоходика: никто не имеет права знать, на дне какого омута упокоится несчастный «Кологрив»!

В доме раздавалось хмельное пение — солдаты и речники напились так, что утром ничего не вспомнят. Зачем же упускать момент? Чего тянуть?.. Свой план Горецкий додумывал уже на ходу — он шагал по тёмной лесной дороге от промысла к пристани. Заиндевелая листва жёстко хрустела под ногами, в голых кронах деревьев изредка синими искрами вспыхивали осенние звёзды.

План сложился простой и ясный — каким и бывает хороший план. Роман угонит «Кологрив» и неподалёку в протоке отправит его на дно: он заметил там глубокую заводь. На «Кологриве» есть лодка — матрос Мальцев выпросил её в Дербешском затоне; на лодке Роман сплывёт до устья Белой и дальше вниз по Каме — до флотилии Старка. Федосьев сказал, что Старк знает о намерении Романа уничтожить промысел. Значит, Роман сообщит адмиралу, что охрана промысла расстреляла «Кологрив» из орудия, а уцелевшие члены команды выбрались на берег и, плюнув на всё, ушли в ближайшую деревню. Вряд ли Старк будет проверять эту версию и повернёт на промысел. И Романа повезут в Уфу. А брошенная им команда пускай решает сама, куда ей податься.

...«Кологрив», конечно, стоял у баржи. Во тьме чуть светлели надстройка и рубка. На судне вахтенным оставался матросик Мальцев, и он, похоже, спал — окна рубки были чёрные. Однако на мостках Роман услышал какой-то стук.

Молоденький Мальцев не выдержал терзаний любопытства. Поняв, что до утра никто на судно не явится, он решил заглянуть в загадочные ящики — почему капитан запретил их трогать?.. Мальцев откинул створку люка, спрыгнул в трюм и пожарным топором отдирает крышку от верхнего ящика.

Роман едва не задохнулся в ледяном бешенстве. Конечно, он учитывал присутствие вахтенного — и хотел просто отослать его на промысел. Но сейчас этот дурачок, запалив спичку, по слогам читал надпись на внутреннем коробе:

— Го-су-дар-ств... тв... вен-ный... банк...

Роман негромко свистнул. Мальцев обернулся и выронил спичку.

— Ой!.. Господин капитан!..

— Удовлетворён? — сквозь зубы спросил Роман.

Мальцев жалко засуетился в трюме, будто в разрытой могиле:

— Простите, Роман Андреич!.. Лукавый попутал!.. Я не растреплю, душой своей клянусь!.. Я всё-всё закрою, как было, никто не догадается!..

Он выбросил топор на палубу и принялся прилаживать крышку обратно.

Роман смотрел на старания матросика и молчал. Мальцев всё равно проболтается — не сегодня, так послезавтра, когда осмелеет. Но дело не в нём. Роман осознал, что он, оказывается, не верит не только Мальцеву — он вообще не верит судьбе. Нельзя полагаться на удачу, на добрую погоду и на людские обещанья от чистого сердца. Убить бы Мальцева — и конец опасениям. Однако своими вихрами Мальцев так похож на Алёшу Якутова... Неужели придётся взвалить на себя непосильный груз — жить под угрозой разоблачения?..

Роман словно бы не успел себя поймать. Он схватил пожарный топор, нагнулся над проёмом трюма и рубанул Мальцева по затылку. В последний миг он зажмурился — словно давал кому-то шанс отвести его руку, но звёздный блеск был неподвижен. Мальцев тупо взмыкнул и ткнулся лицом в ящик.

...Он снял швартовы, слез в машинное отделение и запустил дизель, поднялся в рубку и взялся за штурвал. «Кологрив» малым задним ходом тихо пополз вниз по протоке. До примеченной заводи было совсем не далеко. Роман поспешил из рубки на нос и сбросил якорь, затем снова нырнул в машинное и остановил двигатель. Раздевшись до подштанников, чтобы не испачкаться в крови, Роман выволок тело Мальцева из трюма, притащил из форпика цепи — боцманский запас, обмотал труп и спихнул его с палубы. У борта бултыхнуло.

Взрывчатку — подарок Федосьева — Роман хранил у себя в каюте под койкой. Поколебавшись, он решил, что пяти прямоугольных брикетов будет достаточно. Он заложил брикеты под дизель, чтобы взрыв отразился от двигателя и пробил днище у судна. Длины бикфордова шнура хватит минуты на две. Роман помедлил, тщательно вспоминая, всё ли сделал, и поджёг шнур.

Он выскочил на палубу, осторожно перебрался в лодку, куда уже скинул узел с одеждой, и мощно погрёб к берегу. Лодка скользила по глади, в которой смутно мерцали звёзды. В оголённых кронах леса на дальнем берегу запутался сверкающий Орион. «Кологрив» стоял покорно и неподвижно, как лошадь у коновязи. Роман ждал. Ничего не менялось. Роман ждал. Ничего не менялось. И наконец в утробе «Кологрива» глухо бабахнуло.

Не было столба пламени и разлетающихся обломков, ничего ниоткуда не полыхнуло, только вода во все стороны вдруг покрылась мелкой судорожной рябью. «Кологрив» вздрогнул. Роман смотрел, запоминая все подробности. «Кологрив» неторопливо тонул на ровном киле — будто декорация уезжала под сцену. И Роману почудилось, что его корабль смертельно оскорблён: умирая, он словно бы не пожелал даже оглянуться на своего капитана.

После допросов их заперли в трюмной каюте с одним лежаком на троих. Волька Вишневский уступил место Алёшке — всё равно сам он туда не влезал: коротко для его роста. У Вольки от контузии раскалывалась голова, и он сел на пол в углу. Алёшка гулко кашлял, простудившись на мостике «Вани»; Мамедов уложил его, накрыл своей кожаной курткой и притулился в ногах. Иллюминатор, маленький, как доньшко бутылки, ночью почти не давал света.

— Я этим гадам ничего не сказал, — глухо сообщил Волька. — Будут пытаться — стерплю, и расстрела не боюсь. Я на Свислочи в разведку с пластунами ползал, в штыковых был, у меня Георгиевский крест!..

Мамедов не ответил. Этот не по годам рослый парень и вправду был отважным солдатом, но у Мамедова вызывал только пренебрежение. Глупый. Белым и так известно о красной флотилии всё, что им надо. И они давно бы расстреляли пленников, если бы хотели. Хамзата Хадиевича угнетало другое. Адмирал Старк не пожелал вникать в дела промысла — а с таким равнодушием «Бранобель» никогда не сталкивался. И ещё вот Альоша сильно простыл...

Хамзату Хадиевичу случалось терпеть поражение. В неудаче он себя не терял. И сейчас он упрямо и спокойно ждал, что будет дальше. Если Горецкий добьётся своего, ему, Хамзату Мамедову, придётся действовать уже в совсем новых обстоятельствах. Не в первый раз. Но главное — вылечить Альошу.

На рассвете машина задышала глубже, забрякали швартовы, за стенкой заплескалось, и буксир отвалил от пристани. Алёшка спал. Хамзат Хадиевич время от времени трогал его лоб — горячий. Нужен доктор.

Днём, когда буксир зачем-то остановился на реке, — похоже, стягивал кого-то с мели, Мамедов принялся стучать кулаком в дверь.

— Фэлшера позовы! — крикнул он через дверь охраннику.

— Заткнись там! — ответил охранник. — У нас нет, в Сарапуле попросишь!

Мамедов понял, что их везут в Сарапул.

— Ничего, дорогой, дотянэм, — ласково успокоил Мамедов Алёшку.

— Дядя Хамзат, да я сто раз болел... — Алёшка улыбнулся сухими губами.

— Сарапул — это нормально! — оживился и Волька. — Когда нас поведут куда-нибудь, давай, Хамса, на караул нападём!

— Посмотрим, как Альоша, — проворчал Мамедов.

В Сарапул пароход прибыл в сумерках, но пленники сидели в каюте до полночи — видимо, речники договаривались с тюремщиками. Наконец в каюту ввалились солдаты-конвойные. Мамедову, Алёшке и Вольке связали руки.

— У малчика жар, — сказал Мамедов солдату. — Лэхче с ним, родной.

От пристани «Кавказа и Меркурия» пленников повели в гору. Мамедов помнил Сарапул и узнал площадь с высокой Покровской церковью и низкой Петропавловской. По Больше-Покровской улице конвой погнал арестованных мимо телеграфной конторы к тюремному замку — унылому трёхэтажному зданию с белёными стенами и узкими окнами в решётчатых «намордниках». Бежать на этом коротком пути Волька Вишневский так и не рискнул.

Просторная сводчатая камера была заполнена спящими людьми. Везде храпели. Воняло немытыми телами и табаком. Тлела лампадка перед иконой. По беспорядку Мамедов понял, что в камере — обычные люди, а не уголовники. Он бесцеремонно растолкал человека на нижних нарах рядом с окном.

— Лубэзный, пусты к воздуху, — попросил он. — Плохо малчику...

Всю ночь Хамзат Хадиевич просидел на грязном полу, прислушиваясь к хриплому дыханию Алёши. В тёмной тюремной камере он думал не о свободе и не о Нобелях. Он думал о том, как вылечить Алёшу. Конечно, он тревожился, но всё равно ему было необыкновенно хорошо. Он знал, за что бороться. Он вспоминал, как в далёкой юности однажды лежал с винтовкой в глинобитных развалинах мечети и отстреливался от озлобленных аробщиков, примеряясь прикрыть собой, если потребуется, молодого русского

инженера с бородкой и в круглых очках. Инженером был Шухов. И он тоже кашлял, как Альоша.

Доктор, сухонький сердитый старичок, пришёл только утром: осмотрел Алёшку, проверил его грудь стетоскопом и дал порошок в конвертике. Ещё два конвертика он оставил Мамедову. Днём Алёшке стало чуть-чуть получше.

Хамзат Хадиевич понемногу познакомился с арестантами. В тюрьме сидели работники Советов со всей округи: учителя, чиновники, крестьяне и земские деятели, а также разные мелкие ворюги и красноармейцы. Некоторых красноармейцев взяли в плен совсем недавно. Волька сразу затесался в их компанию и потом принялся нашёптывать Мамедову:

— Слышь, Хамса, ребята говорят, что они из Железной дивизии товарища Азина. Подступили к Агрызу, как возьмут станцию — сразу на Сарапул двинут. Долго мы тут не проторчим! Но ребята боятся, как бы нас не расстреляли, когда штурм города начнётся. Надо бунт поднимать!

— Поднимете — помогу, — неохотно согласился Мамедов.

Однако же устроить бунт красноармейцы не успели.

Арестантам не разрешали встречаться с родственниками, но охранники приносили в камеру передачи — сухари и табак. Арестанты крутили «козьи ножки», прикуривали от лампы и дымили возле окон с выбитыми стёклами. Из окон был виден берег Камы с пристанями. Кто-то из курильщиков заметил, как буксир тянет со стороны Старцевой горы деревянную баржу с караулкой на палубе. Посудину в Сарапуле все знали.

— Братцы, из Гольян «баржу смерти» волокут! — пролетело по камере.

Арестанты поняли, что падение Сарапула их не спасёт. Красноармейцы сразу сбились в кучу, шёпотом обсуждая новый план.

— Как ты, Альоша? — спросил Мамедов.

— Да ничего, — ответил раздумавшийся, блаженный от жара Алёшка. — Только всё расплывается и мягкое такое...

Появился взволнованный Волька.

— Хамса, решили бежать! — негромко сообщил он. — Как пойдём на баржу по спуску с горы, Буторин свистнет, и все разом бросаемся на охрану справа!..

— Бэз мэня, — отрезал Мамедов. — Альоша нэ сможет, и я нэ буду.

— Эх!.. — огорчился Волька. — Ты мужик крепкий, троих бы свалил!.. Ну, как знаешь! Живы будем — свидимся!..

Вечером всех арестантов выгнали из камер во двор тюремного замка. Солдаты держали наперевес винтовки с примкнутыми штыками. Арестантов принялись выстраивать в колонну. Люди знали, что их отправляют на «баржу смерти», но бодрил свежий воздух, от которого все отвыкли, и арестантам было весело. Солдаты, ничего не понимая, орали и матерились.

Мамедов поддерживал спёкшегося Алёшку.

— Нэ толкай, брат, — сказал он одному конвойному. — Малчик упадёт...

Открылись ворота, и гомонящая колонна, окружённая конвоем, потекла по немощёной дороге вниз под берег. Там за рядами амбаров и деревянных пакгаузов у дебаркадера Пароходного общества «Русь» стояла мрачная баржа.

Разбойничий свист словно взорвал воздух, и Мамедов сразу присел, обхватив Алёшку. Из колонны арестантов бывшие красноармейцы кинулись на охрану. Они сшибали с ног ближайших к себе солдат, хватали их винтовки и опрометью мчались к сараям. Захлопали выстрелы, кое-кто из беглецов упал, но остальные, прыгая через лужи, исчезли среди заброшенных складов.

— На место, падлы! — закричал командир охраны то ли арестантам, то ли своим, чтобы не преследовали беглецов, и выстрелил в воздух из маузера.

— Ушёл Волька? — сипло спросил Алёшка у Мамедова.

— Вродэ да...

Впереди за фигурным плавучим теремом дебаркадера темнела длинная и плоская баржа — тюрьма, из которой уже не сбежать никому.

Известие об угоне «Кологрива» нахлобучило речников похуже похмелья с кумышки. Команда с покаянным видом сидела под навесом у казармы.

— Мальцев болтал, что в Дюртюлях у него купец знакомый, — припомнил кто-то. — Небось продаст ему груз и бросит судно там же.

Никто из речников не сомневался, что злодеяние сотворил матросик Мальцев. Роман к этому и стремился. Пусть «Кологрив» ищут на Белой.

— Подлюка воровская ответит нам за лиходейство, — с угрозой проворчал Ощепкин. — На реке все дорожки пересекаются. Поймаем шельмеца...

«Не поймаете», — угрюмо подумал Роман.

— Команду оставлю у тебя, Александр Кузьмич, — сказал он.

— Что ж, лежачков хватает, — согласился командир промысла.

— Если встречу Федосьева в Сарапуле, то вернусь на пароходах дня через четыре. А не вернусь — значит, каждому своя воля.

Дорога до Николо-Берёзовки займёт у него целый день. Потом надо будет найти оказию до Сарапула. В Сарапуле стоит «Милютин». Роман рассчитывал с Федосьевым присоединиться к флотилии. Флотилия двинется вверх по Белой в Уфу. По пути можно будет забрать команду с промысла. А можно будет и не забирать. Зачем ему теперь команда? Ненужные свидетели...

— Ну, бывайте, ребята, — попрощался Роман с речниками.

Ему не терпелось поскорее уйти; невыносимо было смотреть на своих людей, хоть никто из них и не знал, что случилось ночью на самом деле.

От промысла до Николо-Берёзовки было вёрст двадцать, и всё по лесам — пожарными просеками и заброшенными дорогами лесообъездчиков. Сеялся мелкий дождик, мягкая земля глушила шаги, в лощинах стелился пар. Роман дышал полной грудью, но его мутило. Перед глазами бесконечно крутился тот удар топором, когда лезвие рассекает затылок, и топорнице упруго отдаётся в ладонь. Вот что ощущает палач, когда рубит голову... Романа вытошнило в кусты,

выполоскало до хрипа в надсаженном горле. Ему было больно, и винил он только Мальцева. Зачем глупый матросик испортил прекрасный план, при котором никто бы не пострадал?.. Роману казалось, что Мальцев обокрал его душу. Лишил первородной чистоты. Конечно, дурень поплатился с избытком, но как Роману жить дальше?.. Он боялся за себя: он нравился себе таким, какой был, и не хотел перемен: перемены чреватые неудачами.

В Николо-Берёзовку он пришёл в сумерках. Есть не хотелось, хотелось уснуть и забыть обо всём. В волостной управе он узнал, что ижевцы наладили сообщение по реке: раз в день товарно-пассажирский пароходик совершал рейс от Николо-Берёзовки через Сарапул, Гольяны и Галёво до Сайгатки и обратно. Роман отправился на пристань и в грязном зале ожидания завалился на лавку.

Мглистым утром к дебаркадеру причалил пароход; он тоже был грязный, с выбитыми окнами, но вполне бодрый. По облупленной розоватой надстройке и голубым полоскам на двух тонких трубах Роман понял, что судно раньше принадлежало «Самолёту». Пассажиры, толкаясь, ломанулись на борт.

Роману досталось место лишь на тентовой палубе. Низовым ветром сюда закидывало дым, но Роману было безразлично. Он смотрел на неприятные берега — то низкие, в серых зарослях ольхи или красноватых рябинников, то высокие, плотно сотканые из чёрно-зелёных еловых иголок. Редкие бурые выпасы дышали белёсой испариной. По реке, вспениваясь, гуляли волны.

На лавке рядом с Романом сидела баба, закутанная в платок, — тощая и суровая, будто раскольничья игуменья. Она долго молчала, но заговорила.

— Ты вроде из красивых? — спросила она.

«Красивыми» в Поволжье называли капитанов и первых помощников на богатых лайнерах, людей светских и состоятельных.

— Не встречал ли сына моего? Лексей Божедомов, штурвальный.

Весной из Рыбинска написал и запропастился.

— Не встречал, мать, — ответил Роман.

— Беда, — печально кивнула баба. — Такой же он, как ты, — мается от жизни.

— Я не от жизни, мать, — вдруг признался Роман. — Я человека убил.

На бабу это не произвело впечатления. Она судила просто.

— Война всякого на кровь понуждает... Но вам, мужикам, легче, и нечего тебе киснуть. У нас батюшка поучает: праздность есть хлеб смущенья. Душа делами спасается. А вот мне-то, бабе, где заделье на войне? Ружжо не дадут. Я бы хоть поварихой к войску пристроилась, да не ведаю, за кого мой Лексей — за белых или за красных... Поехала Николе Якорнику свечку поставить, чтоб не в праздности томиться, а образа в храме нету — отдали кому-то, ироды...

Судёнышко прошло мимо огромной каменной опоры железнодорожного моста, и над трубами поперёк неба проплыл длинный стальной пролёт.

«Делами спасаются...» — повторял про себя Роман слова попутчицы. А какое у него дело? Ящики Госбанка — и оборудование Глушкова — он может вывезти только на пароходе, но ему уже не успеть: навигация заканчивается. Впереди — долгая зима и новые переговоры с «Шеллем», чтобы возвратиться на промысел весной. А «праздность есть хлеб смущенья». Хлеб вины и тоски.

Появился Сарапул: крыши, печные дымы, голые тополя, электрические столбы, купола и колокольни, Старцева гора. Возле дебаркадера «Кавказа и Меркурия» Роман издали увидел буксир Федосьева. Это была удача.

...Федосьев открыл дверь своей каюты и поразился:

— Горецкий?! Да как тебя сюда принесло, бродяга?

Он усадил Романа за стол, вынул стаканы и бутылку со спиртом.

— Ну, рассказывай!

Они чокнулись и выпили. Роман скривился — от спирта и от горечи.

— Промысел ижевцы охраняют. Не дали они мне вышки взорвать.

— Ижевцы — они такие, — с усмешкой подтвердил Федосьев. — Своим умом живут. Старка с его эвакуацией тоже к чёрту послали.

— Это ещё не все мои злоключения, Петя. Дальше — «Остров сокровищ». Пока я с ижевцами ругался, команда угнала у меня «Кологрив».

— Ну и дела! — опять изумился Федосьев. — Зачем команде пароход?..

— Я в трюме ящики с винтовками вёз. Мои молодцы рвались продать их местным купцам, а я не разрешал. Вот они и выбрали

момент.

Здесь, на борту «Милютина», Роман почувствовал себя увереннее и окончательно осознал, что команда ему больше не нужна. Без неё свободнее.

— Что за подлость?! — разозлился Федосьев. — Офицеры на фронтах насмерть бьются, а в тылу — мародёрство и шкурничество! Натура у народа — крестьянская! Тупой мужик дальше своего носа видеть не желает!

— Ладно тебе, Петя. — Роман примирительно похлопал Федосьева по плечу. — Как вообще положение? Как Мамедов?

— Положеньице швах, — поморщился Федосьев. — Красные наступают от станции Агрыз. Сарапул падёт не сегодня завтра. А пленных я в тюрьму сдал. Один, говорят, сбежал, а Мамедов и мальчишка Якутов — под стражей.

— Какой мальчишка Якутов?.. — словно споткнулся Роман.

— Ну, какой... Пленный! Мы же с комиссарской канонерки троих сняли. Один — сын пароходчика Якутова. Пробирался в Пермь к сестре.

У Романа что-то мощно закрутилось в груди, лоб обдало холодом.

— Почему же ты раньше не сказал, Петя?! — яростно возмутился он.

— А с какого пса?! Ты ведь только нобелевцем интересовался!..

— Мальчишка — младший брат моей невесты!

Роман назвал Катю Якутову невестой, даже не задумываясь.

— Вот те раз, дружище!.. — опешив, развёл руками Федосьев.

То ли от спирта, то ли от свободы Романа охватило нервное возбуждение. Внутри словно что-то задрезало. В памяти всё звучали слова той бабы с парохода: «Спасаются делом», и Романа жарко опалила надежда, что спасение Алёши Якутова вернёт ему, Роману, себя самого, исцелит душу, искупит грех, будто и не было никогда никакого матросика Мальцева с топором в затылке.

— Я пойду мальчишку из тюрьмы вытаскивать! — сразу засобирался Роман.

— Поздно, — возразил Федосьев. — Говорят, заключённых уже в Гольяны на барже увезли. Да и мне отваливать пора. Большевики напирают.

Роман встал, ощущая себя сильным и справедливым.

— Значит, я останусь здесь, Петя, — твёрдо заявил он.

Когда-то в этой барже перевозили хлеб, и с тех времён в трюме осталась груда рогожных кулей. Узники напяливали их на себя, проделав дырки для головы и рук. В трюме было холодно. Холодно, темно и зловонно. Пять сотен грязных и голодных пленников «баржи смерти», изнывая, сидели и лежали на деревянной стлани, под которой плескалась протухшая вода.

Мамедов нагрёб для Алёшки гнилой соломы — немного, сколько нашлось. Алёшке опять стало хуже. Он смотрел перед собой расширенными глазами и не очень понимал, где очутился. Изредка он надрывно кашлял.

— Кончается? — с жадным любопытством спросил кто-то из «сук».

«Суками» в барже называли тех, кто совсем потерял совесть. Эти парни и мужики шныряли повсюду в поисках чего украсть — шапку или ботинки, и на добычу выменивали у охранников хлеб и табак; а ещё «суки» вытаскивали из трюма больных и ослабевших, чтобы охранники закололи их штыками, и за это «суки» могли подышать на палубе свежим воздухом и выпить кипятка.

— Выдашь — найду тэбя и самого кончу, — предупредил Мамедов.

Почему-то никто из арестантов не пытался убить или хотя бы побить кого-нибудь из «сук» и прекратить их подлости.

— Мы — заложники, Хамзат Хадиевич, — объяснил Мамедову Турберн. — Нас держат здесь для обмена большевикам. В общем, мы в безопасности. А негодяи, увы, нам даже полезны. Они выдают лишь тех, кому уже не выжить, и таким образом удовлетворяют страсть охраны к насилию.

— Йето нэ так, Фэгрэус Эйнаровыч, — угрюмо возразил Мамедов.

Он понимал: бестрепетных большевиков заложниками не пронять. Люди в барже просто успокаивают себя наивными выдумками, чтобы не сойти с ума от страха. Поэтому самые слабые и погибают. Вот только Альоша не погибнет!

Инженер Турберн сидел в «барже смерти» уже недели две. «Рябинники», захватившие промысел, едва не изувечили его прикладами, потом бросили в телегу и отправили в Сарапул. Лицо у Фегреуса Эйнаровича было сплошным багровым кровоподтёком, белые вислые усы выглядели словно чужие. На допросе инженер честно сообщил всё об изысканиях «Бранобеля» и внезапном появлении краснофлотцев, но следователь рассудил по-своему, и Турберн как пособник большевиков угодил на проклятую баржу.

В огромном полутёмном объёме трюма никогда не было тишины. Днём неумолчно звучал разноязыкий бубнёж: люди жаловались, молились, спорили, рассказывали о себе и ругались, выискивая вшей. В барже оказались и татары, и латыши, и китайцы. Почти всех большевиков «рябинники» расстреляли, и в барже остались только эсеры-максималисты, беспартийные земские учителя, пленные красноармейцы, крестьяне из комбедов и разные жулики. Ночами люди стонали, бредили или храпели; за деревянным бортом плескала вода.

Мамедов лежал и думал о жизни. В столь безвыходное положение он ещё не попадал. Вполне возможно, что он не выберется, погибнет. Но это его не угнетало. Он много раз видел смерть, и смерть надоела ему, как привязчивая собака: уже не вызывала ни страха, ни гнева. Не важно, уцелеет ли он, Хамзат Мамедов. Главное — чтобы уцелел Алёша. Такие мальчишки, как Алёша Якутов, должны жить, иначе таким мужчинам, как Хамзат Мамедов, жить незачем.

Турберн возился рядом на соломе, тоже думал.

— Как это глупо, Хамзат Хадиевич... — прошептал он. — Я же стоял на пороге открытия, которое будет благодеянием для всего человечества, а меня заперли в этой омерзительной тюрьме... Варварская страна!..

— Надежда эсшо эсть, — ответил Мамедов.

Однако для него самого надежда таяла. Алёшка не справлялся с болезнью. Жар пожирал его изнутри, Алёшка исхудал и уже не мог ходить. Мамедов мягко приподнимал его, поил и снова укладывал, укутывая рогожей. Иногда Алёшка вдруг горячечно оживлялся и отбрасывал рогожу, чтобы остудиться.

— Как ты, дорогой?.. — вскидывался Мамедов.

— Ломит спину и ноги...

Такого возбуждения Мамедов боялся больше неподвижности.

Однажды Алёшка подскочил и начал озираться, ничего не узнавая.

— Где мы, дядя Хамзат?

— В барже, дорогой...

— В барже?.. Баржи тянуть — неправильно... Дядя Хамзат, позови папу, я должен объяснить... — Алёшка говорил и смотрел на Мамедова, но видел что-то своё, непонятное. — Баржи надо толкать! Сила парохода будет экономиться, а управляться будет лучше!.. Папа должен свои баржи на толкание перевести! Рули на корме у барж убрать и поставить там транцы из брусьев! И буксирам на носы такие же транцы надо!.. Буксиры с баржами транцами соединятся!..

— Конэшно, дорогой, — успокаивал Алёшку Мамедов.

— Шухов свои баржи из одинаковых деталей собирает, нам тоже так надо делать!.. Буксир с баржей будут двигаться как единое судно!.. Сопротивление воды вдвое упадёт!.. Нос делать ложкой, как дядя Митя Сироткин придумал... У Нобелей на Мариинке ходили баржидвойники инженера Боярского, только нужно вместо задней баржи помещать буксир!.. Папа поймёт!.. Дядя Хамзат, если я умру, вы скажите папе — надо толкать!..

Мамедов еле уложил мальчишку, сердце его разрывалось.

В корме баржи арестанты отодрали часть внутренней обшивки и нашли щель меж досок, чтобы смотреть наружу, поэтому ни для кого не было тайной, что ижевцы перетащили баржу из Сарапула в Гольяны. И однажды караульные пинками и тычками согнали «сук» с палубы обратно в трюм.

— Красные Сарапул взяли!.. — взволнованно оповестили «суки». — Велено сарапульских вывести наверх на расстрел!..

«Суки» хорошо знали, кто в барже откуда.

Пять сотен узников могли бы перебить всех «сук», передушить их ночью, могли бы выломиться на палубу и смять любой караул — но эти люди покорно терпели, уповая на милость судьбы, и сейчас никто не посмел вступить за обречённых, никто не зароптал, да и сами сарапульцы не сопротивлялись, а только прятались. Суетливые «суки», матерясь, рыскали в притихшей толпе, выдёргивая людей, и гнали их к широкой лестнице на палубу.

Мамедов понимал, что его с Алёшкой не тронут, и просто смотрел. Если бы случился мятеж, он ринулся бы в драку — он уже

приметил пару поганцев, которых следовало убить, но первым затевать бунт Хамзат Хадиевич не хотел.

— А где придурок? — всполошился кто-то из «сук». — Где военком?..

В носу баржи, в поганом конце у параши началась какая-то возня: кого-то там поднимали и выпихивали. И потом Мамедов увидел кого.

По проходу через толпу вели страшно исхудавшего, полуголового человека с длинными седыми волосами, в которых шевелились вши. Человек, похоже, сошёл с ума: он спотыкался, что-то невнятно бормотал и размахивал руками. Мамедов немало повидал в своей жизни, но всё равно был поражён. В седом старике он еле узнал молоденького сарапульского военкома Седельникова. Неужели это был Ваня — старательный и чуть стеснительный паренёк, что летом остановил «Русло» на пути в Пермь и отправил Мамедова с Горецким в Казань?.. «Баржа смерти» убила его ещё до расстрела. Люк над лестницей открылся, обречённые поднялись наверх, и люк снова закрылся. Толпа в тёмной барже, замерев, прислушивалась. Шаги и скрип палубных досок, невнятные озлобленные голоса, шаги, скрип и снова голоса. Потом захлопали нестройные винтовочные выстрелы. А потом за стенкой борта тяжело забултыхала вода: охранники сбрасывали в реку тела казнённых.

Три понтона с десантным отрядом матроса Бубнова «Лёвшино» привёл в село Бабка. По данным разведки, «чебаки» занимали деревню Забегаевку в пяти верстах от села. Утром балтийцы ушли в Забегаевку пешком, а вечером вернулись на подводах с каким-то скарбом. Ночевать они расположились в доме неподалёку от пристани. Яшка Перчаткин отнёс морякам ужин и сидел в камбузе у Стешки и Кати, ожидая, когда можно будет забрать у балтийцев котлы: Стешка не хотела соваться к пьяной братве сама и Кате не разрешила.

— Тебя, двоежёнца, я своими руками удавила бы, — честно сказала Стешка.

— Да я же от любви двоежённый-то, Степанидушка! — отвечал Перчаткин. — У меня обе жены в заботе живут — и в Чистополе, и в Сызрани! Какой грошик у людей вымолю — всё им несую! У меня детки там подрастают, исть хотят!

— Вымаливаешь? — фыркнула Катя. — Ты же пароходный шулер, Яша!

— Ну да что с того? Я шулер-то самый дрянной! Другие-то шулера целыми ватагами с парохода на пароход шастают, а я весь один — как пёрышко на злых ветрах! Другие-то хриstopродавцы дикие тыщи у купцов и генералов гребут, а я где рублик ущипну, где полтинушку: меньше бить будут, коли попадётся! Люди-то сами все в страстях, мне офицер один кричал: «Играй со мной, или стрельну в тебя из оружия насмерть!» Я душой горюю горько, а карточки в руках так и летают! С меня же убыток народу — как с птенчика малого! А дома детки сидят. «Папочка родненький, — плачут, — купи нам свистульку вятскую!»

Яшка смахнул слезу, растроганный нарисованной картиной.

— Ты сам свистишь — не переслушать! — покачала головой Стешка.

Катя смеялась. Перчаткин казался ей бесконечно милым — да и все люди на «Лёвшине» сейчас казались Кате хорошими, славными и добрыми.

— Шуруй давай за котлами, злодей! — сердито велела Перчаткину Стешка. — А то от жалости сама тут за тебя замуж выйду прямо на камбузе.

Перчаткин убрался — и пропал.

Стеша и Катя начистили ведро картошки, а Перчаткин так и не вернулся.

— Пьёт, видно, с матроснёй, — предположила Стеша и потянулась, прижав руку к пояснице. — Ох, спина затекла... Всё, Катерина, вахте шабаш! Ступай спать, а этого хитрого беса я утром заставлю котлы языком выдраить!

...Катя проснулась глубокой ночью от неловкого движения Михаила — они еле уместались вдвоём на узкой койке. Катя приподнялась, рассматривая князя. Его лицо казалось усталым даже во сне. Катя подумала, что это очень тяжело — всегда держать оборону от жизни, чтобы сохранить себя в какой-то никому не понятной чистоте. Но Миша не сдавался. В этом и было его неяркое человеческое достоинство. Катя сползла с койки, прикрыла Михаила одеялом — в каюте было зябко, и осторожно поцеловала в мягко-колючую скулу.

Она вышла на пустую корму буксира и встала у борта, сжимая планширь. Огромное пространство реки дышало в лицо влажным холодом. В разрывах облаков, дымно подсвеченных луной, сверкали мелкие северные звёзды. Вода тихо плескала под обносами парохода. Где-то в селе гавкали собаки. Катя ощущала, какая она горячая среди этого остывающего мира. Она задыхалась от тёмного простора, от свежести, от обладания своей жизнью — своим телом, своей душой, своим бесконечным и прекрасным будущим.

Откуда-то из железной утробы судна донеслись взволнованные голоса — команда опять о чём-то спорила в кубрике. И спорила всерьёз. Катя была так переполнена сильным и светлым чувством, что пошла к проходу в кубрик.

У трапа уже был Михаил. Он тоже услышал ругань.

— Катюша, не ввязывайся, — негромко попросил он.

Конечно, Михаил оберегал её — так, как научился, как привык.

— Не бойся! — улыбаясь, шепнула Катя в ответ.

Она справится с любыми трудностями, она сама защитит Михаила.

В кубрике собрались все, кроме капитана и двух вахтенных. Пришли даже Осип Саныч Прокофьев и Стеша. Кто сидел, кто стоял. Почти касаясь головой стального бимса, над людьми возвышался рослый Серёга Зеров.

— Он нам чужак!.. — будто огрызался матрос Колупаев.

— Да как же так! — возразил штурвальный Дудкин, парень добрый и миролюбивый.

— Он шулер! — Подколзин, помощник машиниста, едва не плюнул.

Маленькие, тусклые иллюминаторы кубрика, закрытые снаружи листами брони, порождали ощущение слепой безнадёжности.

— Что случилось, Сенечка? — тихо спросила Катя у Рябухина.

— С Яшкой Перчаткиным беда, Катериночка Митревна! — зашептал ей в ухо Сенька. — Яшка-то в избе с балтийцами в карты играть сел, да и ободрал их всех как липку, зараза! Они теперича его там бьют и расстрелять хотят!

Катю это известие ужаснуло.

— Откуда ты знаешь? — спросила Катя, не в силах поверить.

— Егорка Минеев, он из Бабки родом, к матушке бегал и на обратном пути в окошко матросам заглянул. Там и увидел.

Катя поняла, почему Перчаткин не вернулся с котлами.

— Есть поговорка такая — народная, следовательно, мудрая! — склочным голосом сказал боцман Панфёров. — Поделом вору мука!

Вперёд протолкался Федя Панафидин.

— Всё правда, — признал он, — Яша грешный человек. Но зла в нём нет, я слово даю. Надо его выручать! Милость превыше кары, она богу угодна!

— А ты помалкивай, вражина! — накинулся на него Подколзин. — Когда «Русло» против нас повёл, тоже богу угодно сотворил?

После той схватки пароходов Яшка и Федя как-то незаметно остались на «Лёвшине». Никто их не прогнал и не выдал большевикам: речники речников принимали за своих, пусть и с вражеского судна. Яшка и Федя заняли места двух погибших в бою матросов — Мамычева и Скрягина. Лоцман Федя в рубке даже заменял капитана, который, потеряв Дарью, был сломлен отчаяньем.

— Моя вина — это моя вина, — сказал Федя, — а не Яшина.

— Да хватит воду в ступе толочь! — рассердился Серёга Зеров. — Сейчас балтийцы пьяные. Я первым пойду — авось миром Яшку отдадут. А не отдадут — надо бить по ним! Если дружно ударим, то возьмём верх!

— Кого бить-то? — изумился Митька Ошмарин. — За чтой-то?

Он всю жизнь был как спросонок — ни шиша сразу не соображал. Павлуха Челубеев молча тряс брюхом, не вмешиваясь, но не выдержал:

— Моряки пьяные палить по нам начнут! Разве мы их породу не знаем?

— А я могу «люис» с турэли свинтить, — простодушно предложил Сенька Рябухин. — Ежели скомандуете, дядя Серёжа. Токо мне помощник нужон.

— Я в помощники! — ломким голосом вызвался Егорка Минеев. — За батьку расстрелянного их всех валить буду!

Катя слушала спор с возрастающим волнением. Команда намеревалась драться за Яшу Перчаткина!.. За ничтожного Яшу!.. Нет, конечно, не за него — просто лопнуло терпение речников!.. Сколько ещё сносить унижение, когда балтийцы по своей прихоти тащат людей из команды на расправу? Катя сжала кулачки. Ей хотелось броситься к дяде Серёже, к Сенечке, к Осипу Санычу — и целовать их всех. Пускай они боятся и ругаются, но ведь понимают, что значит быть человеком!.. И каждый в команде — не один, как князь Михаил!..

— Бубнов меня тоже в плен брал, и вы, черти, за меня не вступались! — ревниво бросила Стешка. — А за этого прощелыгу мигом запузырились!..

— Вступались, Степанида, но плохо, — буркнул Зеров. — Исправляемся.

— А что капитан скажет? — придирчиво спросил Осип Саныч Прокофьев. — Капитан команде — начало. Он волен и не согласным быть, но вести обязан.

— Давайте хоть в этот раз без капитана решим! — с досадой заявил Серёга. — Сколько ещё его дёргать? Он за нас немало выходил, а мы?..

— Без капитана команда не права, — строго изрёк Осип Саныч и огладил блестящую под лампой лысину. — А капитан у нас лучший на Каме.

Серёга помрачнел и обвёл команду ожесточённым взглядом.

— Диодорыч ответил, что ему нет дела. Вот так, братцы!

Кате будто плеснули в лицо ледяной водой — щёки и лоб запылали. Нет, дядя Ваня, добрый, справедливый дядя Ваня так думать ни за что не мог!

Тепло от пароводяного котла доставало только до кубрика, в каютах было холодно, и Нерехтин лежал на койке в одежде. Конечно, он догадывался, что кто-нибудь из команды явится его уговаривать, но не ожидал Катю.

— Не хочу я видеть этих балтийцев, — сказал он, глядя в потолок. — Грабят, казнят... Свои суда загубили, теперь наши поганят... Надоела мне их злоба, Катюша... А Перчаткина не жалей. Что убийца, что шулер — один хрен.

За все долгие дни, прошедшие с гибели Дарьи, Иван Диодорыч даже не поговорил с Перчаткиным: молча принял в команду, но знать его не желал.

— Стыдно, дядя Ваня! — пылко ответила Катя. — Папа застрелился, чтобы других спасти, а ты!.. — У Кати перехватило горло. — Он же тебя другом считал!

Иван Диодорыч перевёл взгляд на Катю, стоящую в проёме двери. Во мраке каюты он не видел её лица, но и прежде много раз думал, что Катя очень похожа на Дмитрия Платоныча... Только тот был высокий, а Катя — совсем маленькая... Где сейчас Митя? Где они все, кого он любил и потерял?.. Без них его душа как машина без горючего — остановилась, окостенела, остыла.

— Там дядя Серёжа собирает команду, чтобы Яшу с боем отнять! Я с ними пойду, понял? Убьют — так убьют!.. Я не боюсь! А ты лежи тут в одиночестве!..

Катя не упивалась собой, своим поступком. При Михаиле она ощущала дивную полноту жизни, её словно поднимало на высокую волну, и она уже не могла мириться с тихим и покорным копошением на дне обыденности.

Ивану Диодорычу точно ткнули кулаком под дых. Катюша ничего не понимала в жизни!.. Соваться к матросне!.. Кряхтя, Нерехтин сел на койке и ногами начал нашаривать башмаки. Злости на Катю он не испытывал. Глупая девочка из английского пансиона... У них с Митей получились такие глупые дети... Катя спросила бы у Стешки, на что

способна гуляющая братва... Ивана Диодорыча давила тоска, потому что всё равно его принудили к действию.

— Не смей туда ходить, — проскрипел он. — И команда пусть прижмётся.

И команда с борта наблюдала, как капитан Нерехтин, сутулясь, один идёт по тёмному берегу в сторону подворья балтийцев. Иван Диодорыч был в кожане, за который и погибла Дарья, и в потрёпанной фуражке речника.

— Капитан принял правильное решение, — негромко произнёс Михаил, приобнимая Катю за плечи. — Ты молодец, Катюша.

Федя Панафидин посмотрел на Катю и мягко полюбопытствовал:

— Что вы ему сказали, Катерина Дмитриевна?

Федя нравился Кате. Он был уважительным и каким-то печальным.

— Ничего особенного, Федя. Просто напомнила о папе.

Федя без слов кивнул.

Иван Диодорович не боялся пьяных матросов. Он теперь вообще ничего не боялся. Гибель Дарьи изменила мир вокруг него. Господь забрал Дарью и этим словно бы сказал: ты, капитан, был нужен своей женщине, а без неё ты не нужен никому. Первое вдовство надломило Ивана Диодоровича, но Фрося умирала медленно, и было время примириться, приготовить себя, а вот потеря Дарьи ударила внезапно, и он, капитан Нерехтин, будто истаял: превратился в бесплотное существо, в пустую видимость. Какой урон можно причинить дыму? Никакого. Что матросы могут сделать человеку, если человека нет?..

Во дворе у балтийцев громоздились неразгруженные телеги, на которых те прикатали из деревни Забегаевки. Иван Диодорович увидел мешки с мукой, узлы с тряпьем, кадушку и раструб граммофона. Балтийцы даже караул не выставили — их и без того все сторонились, никто бы не позарился на добро.

Дом принадлежал зажиточному хозяину. В большой передней комнате, по-городскому оклеенной обоями, было накурено и натоптано, белёную печь испачкали. На печи, на полу вдоль стен, на тахте — деревенской гордости, — всюду дрыхли матросы. Из других комнат тоже выкатывался храп. Самые крепкие, и Бубнов в их числе, ещё сидели за грязным столом, заставленным посудой и бутылками.

Объедки, мятый самовар, чугунок в луже, корки... — О! Ваня!.. — обрадовался Бубнов. — Выпьешь?

— Ну, налей, — вздохнул Нерехтин.

Он сел на лавку, принял заляпанный стакан с самогоном и, оттопырив мизинец, выпил до дна. Потом взял щепотью квашеную капусту из тарелки.

— Прохор, отдай мне шулера, — пожевав, попросил он.

— Да на кой он тебе? — искренне удивился Бубнов. — Мы эту шельму утром под опохмелку шлёпнем. И польза, и забава.

— Он мой, — просто пояснил Иван Диодорыч. — Я твоих не трогаю, ты моих не трогай. Что он у вас выиграл — ваше, не его, а с ним команда должна решать.

Бубнов обшарил Ивана Диодорыча подозрительным взглядом, но не обнаружил ничего обидного. Капитан порядок наводит, и не более того.

— Дьяченко, где этот хлюст козырей? — крикнул Бубнов кому-то из своих. — Веди на палубу!.. — Бубнов поправил фуражку на голове Ивана Диодорыча. — Принимай его, Ванюха! Балтика добра не забывает! Я тебе что хошь выложу!

Из дальней кладовки матрос вытолкал в комнату Яшку Перчаткина со связанными сзади руками; повернув Яшку, он с трудом распустил узел. Яшка смотрел на Нерехтина несчастным собачьим взглядом. Физиономия его была разбитая и распухшая, глаза заплыли от синяков.

— Погоди! — спохватился Бубнов и, ковыряясь пальцами, отстегнул со своего запястья часы на широком матерчатом ремешке. — Он вот с этим в игру влез, иначе не взяли бы! Возвращаю!

Иван Диодорыч узнал часы — подарок штабс-капитана Аплока.

Яшка с Нерехтиным вышли на крыльцо, и с его высоты Иван Диодорыч вдруг различил мужиков из своей команды, почти незаметных в темноте: они стояли под окнами — высматривали, что происходит в доме. Серёга Зеров, пузатый Павлуха Челубеев, матросик Егорка Минеев, штурвальный Дудкин, боцман Панфёров, маслёнщик Митька Ошмарин... На телегу перед крыльцом Сенька Рябухин водружал пулемёт Льюиса с рубчатой трубой ствольного кожуха. За забором прятались Федя Панафидин и Катя.

— Прочь отсюда! — сдавленным голосом шуганул Иван Диодорыч, чтобы балтийцы не заметили речников, готовых к нападению.

Иван Диодорыч был поражён: команда явилась за ним!.. Он не велел, а команда явилась по собственному почину!.. Иван Диодорыч внезапно ощутил непомерную тяжесть своей души. Душа пробуждалась, будто остановленная машина начинала медленно работать: дрогнули поршни, качнулись шатуны, туго провернулись шестерни. Он, капитан Нерехтин, думал, что мёртв, потому что никому не нужен, — но ведь всё устроено иначе!.. Это не он должен быть нужен кому-то. Это ему кто-то должен быть нужен. Тогда, значит, он и жив. И эти люди с его парохода ему нужны, пускай они и не самые храбрые, не самые добрые, не самые умные. Какая разница, какие они? Они ему нужны!

Иван Диодорович шагал к берегу по хрустящей от инея грязи, и рядом виновато семенил Яшка Перчаткин.

— А ты хорош гусь, — наконец сказал ему Иван Диодорыч.

Яшка тотчас захлюпал носом.

— Я ведь не крал ничего!.. Часики вы сами выбросили... А матросы не своё спускали!.. Чего добру пропадать!.. У меня богатства — долги да грехи!

Иван Диодорыч от всего сердца врезал Яшке по шее — так, что Яшка, спотыкаясь, быстро побежал вперёд.

На борту у сходни Ивана Диодорыча встретила Катя. Встав на цыпочки, она обняла капитана — Иван Диодорыч еле успел поймать фуражку.

— Прости меня! — прошептала Катя. — Я тебя очень-очень люблю!

Иван Диодорыч погладил её по голове:

— Всё правильно ты сделала, дочка.

...Иван Диодорыч долго не мог уснуть. Пароход затих, а он всё ворочался с бока на бок. В дверь поскреблись, потом в каюту шмыгнул Яшка Перчаткин.

— Возьмите вот, господин капитан! Не надобно мне! Я душа мирная!

Яшка положил на столик тупорылый револьвер «бульдог».

— Это что ещё такое?! — гневно приподнялся Иван Диодорыч.

— У моряков спёр... Думал, будут расстреливать, так я сам пулять стану...

— Неделю!.. — задыхаясь, прохрипел Иван Диодорыч, — неделю чтоб я тебя даже нюхом не чуял!..

Большой мир сотрясали перемены: менялась военная удача, менялась власть в городах, менялась погода, день сменялся ночью, и тьма — светом, а на этой барже перемена была только одна — смерть. Теперь охрана устраивала расстрелы каждый вечер. Возможно, караульным было скучно, а возможно, они хотели сломать пленников ожиданием казни. Каждый вечер начальник охраны выкрикивал в люк две-три фамилии из списка, и «суки» бросались на охоту. Потом в трюме арестанты слушали выстрелы и всплески воды.

«Суки» ощутили силу, ведь от них зависело, жить человеку или умереть. Вместо того, кого назначила охрана, они могли вытащить потерявшего волю или больного, а могли просто подсунуть другого, и напрасно тот кричал: «Это не я!..» Охране было всё равно. И «сук» в трюме узники старались ублажить.

Кормили на барже всё хуже и хуже, и наконец в пайке остался один лишь хлеб. Его сбрасывали в мешке, и арестанты сами делили каравай. Крепкой ниткой под присмотром сотни глаз хлеб бережно резали на равные кусочки, каждому доставался ломоть в четверть фунта. Впрочем, не каждому. «Суки» требовали себе дань от тех, кто их боялся: корку, которую можно сосать целый час, или сразу весь кусок. Обделённые смирились.

Мамедова «суки» не трогали. Исподличавшиеся люди, они приблизились к животным — и как животные тонко чуяли угрозу в этом бородатом азиате с угрюмым взглядом. Но инженера Турберна хозяева трюма раскусили быстро, и однажды, когда Мамедова не было рядом, в очереди к хлеборезу вспыхнула драка: «суки» накинулись на пожилого шведа, чтобы отнять его хлеб.

Турберна ударом повалили с ног, но он успел запихать всю пайку в рот под вислые моржовые усы. Его, лежащего, принялись пинать, а он судорожно жевал, давился и глотал, стараясь подставлять под пинки только спину.

— Сдохни, падаль!.. — истерично и обиженно вопил кто-то из «сук».

Сзади на мерзавцев налетел Мамедов. Одного он отшвырнул в сторону, другого сбил подсечкой, третьего схватил за волосы и ударил рылом о своё колено. «Суки» отскочили от скорчившегося Турберна.

— Шпигорину достанем и заколем тебя ночью, гнида татарская! — издали прохрипел парень с переломленным носом, явно из уголовных.

Огромными шпигорными гвоздями доски борта были прикреплены к шпангоутам; достать шпигорину голыми руками не смог бы никакой силач.

Мамедов по-бандитски дёрнул плечами, сделав вид, что хищно бросается на врага, и уголовник исчез в толпе.

Турберн по-интеллигентски долго переживал нападение.

— Я понимаю, что такое голод, — негромко признался он Мамедову. — Когда мы бурили на Эмбе, нам тоже пришлось голодать... Но эти страдания можно вынести, а унижение невыносимо!.. Меня, выпускника Уппсальского университета, бьют какие-то недоразвитые каторжники!..

— Вам следовало отдать ым хлэб, — глухо ответил Мамедов.

— Что?! — не поверил Турберн.

— Здэс такой закон.

— Но вы же защитите меня, Хамзат Хадиевич?

— Нэт, — возразил Мамедов. — Ыначе оны убьют Альошу.

Отказом Мамедова Турберн был потрясён даже больше, чем избиением. В администрации «Бранобеля» привыкли надеяться на Мамедова: ему нет преград, он появится из ниоткуда, совершит невозможное и выручит из беды.

— Вы больше не работаете на нашу компанию? — спросил Турберн.

— Работаю, — проворчал Мамедов и отвернулся, прекращая разговор.

Он и сам впервые осознал, что Алёша ему важнее интересов «Бранобеля».

Но Алёша умирал. Он уже почти не приходил в себя — лежал и бредил. Хамзат Хадиевич бессильно укутывал его рогожами, укрывал своей курткой, поил, размочив в воде хлеб. Он слушал бред мальчишки — и словно заглядывал ему в душу. Там, в душе, по рекам плыли удивительные корабли — могучие, многоярусные, с крыльями и

пропеллерами, все в электрических огнях; там рычали машины и распадались волны под непобедимыми форштевнями. Там не было денег, не было большевиков и пушек, но были папа, мама и сестра.

Хамзат Хадиевич думал о чёрной бездне, которая разверзнется в его душе, когда Алёшка угаснет. Сначала он убьёт каждую «суку» в этом трюме. Потом пойдёт наверх убивать конвойных. А потом, наверное, больше ничего не будет — его самого убьют, потому что со всеми врагами ему не справиться.

...В этот день под вечер, как обычно, раскрылись створки большого люка на палубу, и со светящейся высоты раздалось:

— Лукьянов и Вечтомов, наверх!

«Суки» ринулись в толпу выискивать тех, кого назвали.

Ослабевших от ужаса людей тычками погнали к лестнице. Босые, одетые в рогожи, эти люди казались уже бестелесными. Арестанты провожали их долгими взглядами. В прямоугольном проёме люка полыхало блёклое небо.

Арестанты ждали пальбы, однако с палубы вдруг снова крикнули в трюм:

— Рубер... Трунбур... Швед усатый, тоже иди сюда, гнида!

Это была месть оскорблённых «сук». Конечно, они охотнее отомстили бы самому Мамедову — но кто рискнёт волочить его на палубу? Свирепый татарин не дастся без борьбы, утащит кого-нибудь с собой. Глумливо улыбаясь, «суки» спускались по лестнице, выискивая глазами Турберна и Мамедова.

Турберн странно задёргался, не зная, что делать.

— Меня?.. — без голоса переспросил он.

Мамедов отвернулся: пусть «суки» видят, что он не станет вмешиваться.

— Хамзат Хадиевич... — торопливо заговорил Турберн.

— Нэт! — отрезал Мамедов.

— Я не о том!.. — Турберн цепко схватил его за локоть. — В моих буровых журналах — доказательства правоты Губкина! Они в тайнике на промысле, в старом локомотиве за моим домом! Там же и пистолет!.. Запомните!..

Турберну заломили руки и вздёрнули на ноги.

— Мамедов, не дайте пропасть открытию!.. — отчаянно крикнул инженер.

Мамедов сторбился, как под неподъёмной ношей. Тяжёлой ладонью он тихо гладил Алёшу по горячему лбу. На палубе грохнул нестройный залп.

Голоса довольных «сук». Ругань и шаги охраны. Тупое тюканье штыков, впивающихся остриями в доски палубы: проверяя расстрелянных, охранники протыкали их насквозь. И затем за бортом — три шумных всплеска.

Хамзат Хадиевич не любил думать о смерти, но сейчас думал. Он словно бы наблюдал, как в глубине реки течение медленно катит мёртвого инженера по илистому дну, и Турберн зыбко размахивает руками, поднимая муть.

Арестанты успокоились быстро. Сегодня им повезло, курносая выбрала других. Начались негромкие разговоры; кто-то взобрался по лестнице вверх с самокруткой, набитой соломой, и выпросил у конвойных огонька — внизу к нему потянулись такие же курильщики соломы. Жизнь в трюме наладилась, страх ежедневного расстрела развеялся. Предатели и жертвы, праведники и подлецы сидели общими кучами и прижимались друг к другу для тепла; они штопали одежду, передавая друг другу иголку, и от скуки слушали байки. Для драки за хлеб и для выдачи ближних на смерть время ещё не пришло. В этой тихой обыденности предстоящего зла и заключался подлинный ужас.

В проёме люка выросла тёмная фигура — охранник с винтовкой.

— Эй, шваль красножопая! — закричал он. — Давайте сюда Лексея Якутова!

Хамзат Хадиевич устало распрямился. Что ж, вот, значит, она будет какая — его последняя схватка.

Каму заливали осенние дожди, и никакого ощущения победы у Фёдора Фёдоровича не было. Недавние надежды на речные сражения, в которых он топил суда противника, Фёдор Фёдорович вспоминал с печальной усмешкой. Вместо сражений были бесконечные и бесполезные перестрелки между двумя флотилиями и медленное отступление адмирала Старка, объясняемое вовсе не нажимом краснофлотцев, а общим положением на фронтах Заволжья.

Фёдор Фёдорович понял, что виной всему — миноносцы. Напрасно он так убеждал Троцкого в необходимости этих кораблей. Они стали его проклятием. Отправить их в битву Фёдор Фёдорович не решался — слишком ценные суда, а посылать на врага бронепароходы, когда есть миноносцы, тоже было нельзя: балтийская братва может забунтовать от несправедливости риска.

Хотя флотилия красных была куда сильнее, Старк не проиграл. Он сдал Каму на своих условиях. Упрямо проторчал у Пьяного Бора целую неделю, но всё же повернул вверх по Белой к Уфе. Десять пароходов адмирала, непокорно дымя, утянулись за излучину створа, оставив на устье минное заграждение. За время отступления Старк потерял только один боевой буксир; ижевцам Старк не помог, зато защитил караван беженцев. Словом, адмиральский вымпел на «Вульффе» не был посрамлён: Раскольников осознавал это здраво и ясно.

Не преследуя адмирала, Фёдор Фёдорович увёл свои суда в Сарапул. 16 октября он отправил в Реввоенсовет длинную телеграмму, что с тяжёлыми боями освободил Каму от вооружённых сил учредилловцев.

Пароходы флотилии заняли все пристани Сарапула. С мостика «Межени» Фёдор Фёдорович наблюдал за швартовкой судов и разглядывал город. Какая унылая глушь... Васильсурск, Козьмодемьянск, Чебоксары, Свияжск, Лаишев, Елабуга, Чистополь, Сарапул — все эти городишки казались Раскольникову на одно лицо... Он трезво осознал: его порыв командовать Волжской флотилией был ошибкой. Сейчас флотилия всё дальше уходила в тьмутаракань, а

Фёдор Фёдоровичу требовалось оставаться на виду у командования. В конце концов, даже красота Ляли работала только в столице, где на Лялю смотрели наркомы и вожди. В Москве или Петрограде муж фаворитки Троцкого был фигурой значительной, а в Сарепуле он — никто. Как, впрочем, и сама фаворитка.

Поздно вечером Фёдор Фёдорович сидел в салоне один и читал газеты, которые вестовой раздобыл для него на почте. Газеты были самые разные — и свежие, большевистские, и старые, белогвардейские, доставленные в Сарепулу из Ижевска, Уфы и Екатеринбурга. Гражданская война распаивалась перед Фёдором Фёдоровичем во всём невероятном размахе. 15 сентября «Армия Ислама» взяла Баку, и вскоре британцы расстреляли пленных руководителей Бакинской коммуны. 26 сентября белые учредили в Уфе Всероссийское правительство. 30 сентября белоказачья Донская армия окружила Царицын, перерезав Волгу и железную дорогу. 7 октября КОМУЧ бежал из Самары; сразу после этого весь реквизируемый нефтеслот красные бросили на вывоз нефти из Саратова. 9 октября уфимское правительство выехало в Омск...

В салон сунулся вахтенный — мокрый и перепуганный:

— Товарищ комфлота, там у складов братва бучу затеяла!..

Накинув реглан, Раскольников перешёл с борта «Межени» на дебаркадер и по мосткам — на берег. В тёмном воздухе чуть мерцал тяжёлый дождь. На пустыре возле пустых пакгаузов гомонила толпа балтийцев человек в сто.

— В чём дело, ребята? — спокойно спросил Фёдор Фёдорович.

Моряки были озлоблены и возмущены, однако он сразу понял, что гнев военморов в этот раз вызван вовсе не командованием флотилии.

— На канлодку-один пехотный караул припёрся! Грицай увёл! — закричали Раскольникову. — Из пулемётов надо было их покрошить!

— Стоп! — остановил моряков Раскольников. — Расскажите по порядку!

После Чистополя канлодкой-один считался буксир «Цыган»; командовал им Левко Грицай. Отряд Грицай, состоящий из трёх пароходов, Раскольников отправил на Вятку, чтобы удалить из флотилии грицаевскую вольницу. Отряд вернулся четыре дня назад. Фёдор Фёдорович принял доклад от Грицай: мол, пароходы славно повоевали с белобандитами и утвердили советскую власть. Конечно,

это было враньём. Грицай мародёрствовал, но Раскольников не мог покарать его — братва любила своего бесшабашного жожака. И флотилия лихо отпраздновала воссоединение. Грицай щедро угощал деревенским первачом и пирогами, дарил гармони, сапоги и самовары. А в Сарапуле веселью пришёл конец. В городе уже полторы недели стояла Железная дивизия Вольдемара Азиньша — по-русски он называл себя Владимиром Азиным. На канлодку-один нагрянул вооружённый наряд, высланный Азиным, и арестовал Грицаю.

— Хватит, успокойтесь! — приказал военморам Раскольников. — Я сейчас пойду в штаб и разберусь. Назначайте мне трёх человек в комитет.

Фёдор Фёдорович шагал по лужам вдоль тёмных домов и думал, что ему всё надоело. И Грицай, и матросская вольница, и дожди над чужой рекой. Три военмора молча топали вслед за командиром.

Штаб Железной дивизии располагался в трёхэтажном краснокирпичном Доме городского общества на Соборной площади. В мокрой тьме над пустой площадью призрачно светлела колокольня Вознесенского собора. Караульные не пропустили моряков к начдиву — разрешили пройти только Раскольникову.

Фёдор Фёдорович вошёл в большой кабинет с тяжёлой резной мебелью. Под потолком с лепниной горела хрустальная электрическая люстра. Азин и Грицай сидели за просторным дубовым столом и пили «балтийский чай». Оба они уже были пьяными — их лица мертвенно побелели от кокаина и онемели. Фёдор Фёдорович надеялся, что в сухопутных частях соблюдают дисциплину, оказалось — напрасно. Рослый, красивый, кудрявый Грицай был уже в одной тельняшке. Своим дружелюбным обаянием он явно подавил комдива Азина — невзрачного мелкого мальчишку, и чувствовал себя как дома.

— А, прискакал!.. — ухмыльнулся Грицай Фёдору Фёдоровичу.

— Что здесь происходит? — сухо спросил Раскольников.

Азин без слов придвинул ему по столешнице бланк с телеграммой.

Телеграмма была от командующего Второй армией. Фёдор Фёдорович слышал, что полковник Василий Шорин, командарм-два, офицер немолодой, воевал в окопах на Японской и на Германской, заслужил Георгиевский крест. Его уважали за справедливость и силу духа. Шорин юзировал из Вятских Полян, где размещался его штаб:

«пароходы под командованием леонтия грица занимались на реке вятке грабежами зпт самосудом и насилием тчк любому командиру второй армии приказываю при возможности арестовать и расстрелять грица по закону революционного правосознания тчк шорин».

Фёдор Фёдорович непонимающе посмотрел на Азина. Тот, похоже, почти не ворочал языком. В чёрных окнах кабинета отражались огни люстры.

— Володька стрельнуть меня хочет, — сообщил Грицай. — Токо вот допьем.

Азин с трудом вытащил из деревянной кобуры на бедре тяжёлый маузер.

— Пальчиком за крючочек цепляйся, — посоветовал ему Грицай.

— Грабил, Левко? — невнятно спросил Азин.

— По закону революционного правосознания! — весело глумился Грицай.

— Насилил... силиял?..

— Дак девки там!.. — Грицай потряс чубом. — Спело яблоко и святой кусал!

— Самосуд вершил?..

— Ох, душа гуляет!.. — улыбнулся Грицай широко и по-детски открыто.

Азин поднял маузер и выстрелил. От грохота звякнули подвески в люстре. Раскольников вздрогнул и отшатнулся. Грицай вскочил, словно от изумления, и Азин выстрелил в него второй раз. Грицай рухнул, уронив стул.

В кабинет ворвались часовые. Азин вяло махнул им рукой, со стуком положил маузер на стол и долил себе самогону.

...Фёдор Фёдорович и матросы, командированные братвой за Грицаем, возвращались в молчаливом ошеломлении. Балтийцы не могли освоиться с новым ощущением: они привыкли, что всегда могут заставить командиров поступать так, как хочется братве, но беспощадный пехотный комдив просто смахнул их с пути, будто мух с тарелки. А Фёдор Фёдорович размышлял о том, что во флотилии неизбежно вспыхнет смута, и виноватым в гибели Грицая назовут его: не защитил, не вытащил. Кто-то ведь должен быть виноватым.

На «Межени» Раскольников сразу двинулся к каюте капитана.

— Пётр Константинович, выводите команду по местам, но без шума, — сказал он. — Поднимайте пары в машине. Будьте готовы немедленно уходить.

— А что случилось-то? — всполошился капитан Мудров.

Под его расстёгнутым кителем белела исподняя рубаха.

— Вероятно, вспыхнет мятеж.

От каюты капитана Раскольников прошёл к своей каюте, но Ляли там не было. Поразмыслив, Фёдор Фёдорович направился в салон.

В салоне горели все лампы. Уютно пахло самоварным дымком.

Ляля встретила Раскольникова сияющая и торжествующая.

— Смотри, кто здесь! — Она по-царски простёрла руку, показывая на диван.

С дивана, задорно встряхнувшись, поднялся Волька Вишневецкий.

Аврала не объявляли, но флотилия не спала. В дождливой тьме тревожно горели маленькие иллюминаторы миноносцев, амбразуры бронепароходов и окна пассажирских судов, даже на барже-плавбатарее запылали костёр в бочке. Балтийцы взломали ворота в пустом пакгаузе и собрались на митинг. Сквозь ворота пакгауз был освещён изнутри прожектором с миноносца «Прочный».

— Что ж такое, братва?! — кричал какой-то матрос. — Я с Грицаем пять лет на «Цесаревиче» служил, а его стрельнули как собаку!..

Балтийцы отвечали возмущённым матерным рёвом. Их всех потрясло убийство Грицая — быстрое и внезапное, как удар ножом в спину.

Раскольников стоял перед толпой и молчал. Сейчас он не улыбался. Он прекрасно понимал, что Грицай получил по заслугам, и был удовлетворён, что комдив Азин избавил флотилию от мерзавца и смутьяна, однако злить братву не следовало. Здесь, на митинге, на стороне командира были только капитаны миноносцев — молодые мичманы Толокнов, Георгиади и Альбокринов.

— Отомстим за Грицая!.. — орали военморы. — У нас пушки!.. Расхерачим пехоте ихний Штаб!.. На балтийских матросов залупой не ходят!..

В воротах пакгауза нестерпимо сверкал пламень прожектора; длинные тени людей, перекрещиваясь, метались по дощатым стенам. Раскольников поднял руку, призывая выслушать его:

— Не зарывайтесь, товарищи краснофлотцы! В городе — целая дивизия!

— Да хоть армия! — орали ему. — Даёшь диктатуру Балтфлота!

Это был очень опасный лозунг. Раскольников это понял.

В начале весны, когда немцы подступили к Финляндии, Балтийский флот, опасаясь плена, рванулся из Гельсингфорса в Кронштадт. Переходом армады командовал капитан Щастный. Обмётанные инеем русские корабли — крейсера и линкоры, сторожевики и эсминцы — ломались сквозь торосы и ледовые поля.

Флот был спасён. Щастный стал героем Балтики. Но его авторитет уязвлял самолюбие Троцкого. Чекисты арестовали Щастного на завтрак в квартире Фёдора Фёдоровича и Ляли. Суд был недолгим. Потом — расстрел. В ответ взбунтовался минный экипаж. Моряки требовали, чтобы флотом командовали флотские офицеры, а не комиссары: это называлось «диктатурой Балтфлота». В казармы экипажа явились Раскольников и Луначарский, но успокоить военморам им не удалось. И тогда мятежников выкосили из пулемётов.

— Долой Раскольникова! — раздалось в пакгаузе. — Он комиссар, а не моряк! Он Грицаю пехоте сдал! Ему братва по херу!..

— Долой его! — поддержали другие голоса. — Долой мичмана-поповича!

Фёдор Фёдорович действительно был внебрачным сыном протодьякона, однако скрывал это, взяв фамилию матери, вовсе не изза классовой чуждости священников. Десять лет назад в Петербурге прогремел большой скандал: отца обвинили в соращении прислуги, и он покончил самоубийством. Так что братва не должна была копаться в происхождении командира. Крики матросов едва не вывели Фёдора Фёдоровича из равновесия, но он сдержался и не дрогнул лицом. Опасность сейчас заключалась не в клейме «поповича».

Обозлённой братве требовалось что-то сделать в отместку за Грицаю. А что? Можно было обстрелять штаб Железной дивизии — но это мятеж, и за ним последует жестокая кара. А можно было скинуть командира: это и проще, и безопаснее. Однако бесчинство братвы для Фёдора Фёдоровича означало бы конец карьеры. После смуты во флотилии Троцкий и Реввоенсовет не доверят ему никакой высокой должности, забыв о всех прежних заслугах.

Мичман Альбокринов, капитан миноносца «Ретивый», негромко спросил у двух других мичманов:

— Ваня, Коля, оружие с собой?

— Я выведу Фёдора, — сказал Толочков.

— Отступим на «Межень», — прошептал Георгиади. — Она под парами.

Но по матросскому гвалту вдруг плетью стегнул яркий голос Ляли:

— Это Фёдор-то Балтику предал?!

Ляля вдруг оказалась впереди, одна — перед толпой военморов. Впитывая злую энергию толпы, Ляля словно заряжалась яростным вдохновением.

— Волька, иди сюда! — она властно указала рядом с собой. — Рассказывай!

Волька Вишневский, широко улыбаясь, выбрался к Ляле и повернулся.

— Вишневский, ты живой?! — изумились в толпе. — Ну, даёшь, бродяга!.. Может, и Коля Маркин жив?..

— Коля смертью храбрых у меня на глазах погиб. — Волька крепко помотал башкой, вспоминая. — На пароходе нас трое осталось, я — контуженный, ещё Хамса и Лёшка Якутов. Белые нас сняли и в Сарапул увезли как пленных.

— И к чему ты клонишь? Короче дуди!

— А короче, братва, дело в том, что в Сарапуле всех пленных согнали в баржу. Это с полтыщи человек наших товарищей! — Волька потряс над головой кулаком. — Я сбежал, а баржу ижевцы увели в Гольяны. Говорят, затопят её там вместе с арестантами! И без нас лежать им на дне в мокрой могиле!

Ужас такой смерти был знаком любому моряку хотя бы в воображении.

— Вот с-суки ижевцы!.. — охнули в толпе.

Ляля снова перехватила инициативу.

— Ты чего делал сегодня вечером? Ты, усатый? — Ляля ткнула пальцем в какого-то матроса. — Грицаевский самогон пил?.. А ты? А ты? — Ляля напирала на толпу. — А Фёдор готовил рейд за баржей! Так кто у нас Балтику предал?.. Слова Ляли смутили военморов.

Фёдор Фёдорович тоже был удивлён. Никакого рейда он не готовил. Но Ляля — просто умница. Она придумала ход, который обезоружил разъярённую толпу. Получается, что братва напрасно обвиняла командира в бездействии и равнодушии. Но мало того! Он, командир, может увести миноносцы за баржей и тем самым уберечь их от мятежа, если военморы всё же решатся обстрелять штаб Азина; он снимет с себя ответственность за контрреволюционный бунт и сохранит ценные корабли. Идея с рейдом за баржей — это прекрасно! Фёдор Фёдорович понял, как ему удаётся любить жену, чужую ему и

раздражающую: он любит Лялю вот так — вспышками снисходительного восхищения.

— Отбой, товарищи краснофлотцы, — спокойно сказал он толпе.

Тьма над дальним берегом поредела; в грустной серой мгле обрисовались очертания дебаркадеров и пароходов с их мачтами и дымовыми трубами. «Межень» стояла без огней, однако на судне никто не спал. Вахтенный матрос, тревожно вглядываясь в лицо Раскольниковова, открыл дверку в фальшборте. Фёдор Фёдорович вежливо пропустил Лялю вперёд и тихо признался:

— Не могу не преклониться перед твоими способностями, дорогая.

Ляля только фыркнула.

В тёмном салоне за столом ждали Струйский, Варваца и другие офицеры: они были готовы ко всему. Раскольников включил электрическую лампу.

— Товарищи, беспокоиться уже не о чем, — объявил он. — Прошу вас срочно разработать план боевого рейда миноносцев до пристани Гольяны.

Штаб заседал до рассвета, изучая карты и возможные силы ижевцев. Затем Раскольников отправился на мостик, чтобы дать инструкции капитану. К своему удивлению, на мостике он встретил Екатерину Александровну. Капитан Мудров был смущён, что его застали с тётшей командира.

— Вам тоже не спится, Фёдор Фёдорович? — Екатерина Александровна зябко куталась в пуховую шаль.

— Примите порошок барбитона, — неприязненно ответил Раскольников.

— Ах, от него лишь голова болит... Фёдор Фёдорович, умоляю, помогите!

— Что случилось?

— Уже холода, а Лара не взяла из дома ничего осеннего! Хочу перешить ей платье, но мне нужен «Зингер»! Пускай ваши матросы попросят машинку у здешних крестьян на время. Я знаю крестьян, машинки у них непременно есть, в деревнях бабы хозяйственные, не чета нам, городским распустёхам!..

Раскольников поморщился:

— Мне не до этого. Увольте меня от подобных забот.

— Да я добуду, добуду, Катериночка Александровна! — быстро пообещал капитан Мудров, виновато и заискивающе улыбаясь.

Пасмурным утром разыгрался ветер: он гнал по бурым отмелям Камы волну за волной, точно листал страницу за страницей. В небе медленно кипела белёсая мгла, в ней беззвучно шевелился свет невидимого солнца. Миноносцы опасались неизвестного фарватера и шли на малом ходу, но буйство ветра и удары волн порождали ощущение скорости, свободы и силы.

Ляля стояла на мостике и обеими руками держалась за натянутый леер. Пусть вздуваются её пышные волосы, небрежно перехваченные тесёмкой. Такой простор вокруг — холодный, мрачный, неприятный!.. И как хороша она, Ляля!.. Она сорвала с якорей могучие боевые корабли и дерзко бросила их в рейд, чтобы спасти товарищей, запертых в трюме вражеской баржи!.. У Ляли наворачивались слёзы от пронзительной красоты своего поступка. Этот рейд станет ещё одной легендой о валькирии революции!

Миноносцы двигались кильватерной колонной: первым — «Ретивый», за ним — «Прыткий», в арьергарде — «Прочный». На Пещерском перекате колонна миновала какой-то затопленный буксир: тёмные волны перекатывались через крышу его надстройки, пена понизу облепила дырявую трубу и безглазую рубку, обшитую тонкой бронёй; броня была исклёвана и помята пулями.

Ляля и Раскольников находились на «Прытком»; Фёдор Фёдорович оставил Лялю на ветру и спустился в командный пост. Капитан Георгиади сквозь маленький боковой иллюминатор разглядывал погибший буксир.

— Сколько вооружённых пароходов у воткинцев в Галёво? — спросил он. — Я слышал, что воткинцы крепко бьют Пермскую флотилию.

— Нашим миноносцам самодельные дредноуты мятежников не страшны, — усмехнулся Раскольников. — К тому же, как сообщили пленные, воткинцы уже потеряли свой лучший пароход. Полагаю, что вы сейчас его и видите.

— Почему бы тогда нам не дойти до зоны действия Пермской флотилии? Вся Кама до Перми была бы под контролем наших сил.

Раскольников помолчал.

— Участок Камы в районе Гольян и Галёвой нам лучше оставить ижевцам. Здесь они могут через Каму отступить в Уфу или Екатеринбург. Вспомните Макиавелли, Иван Александрович. Если у противника нет пути к бегству, он сражается насмерть. Значит, не следует лишать противника такого пути.

— Даэ гаикхцнэн... — пробормотал Георгиади, покачав головой.

Фёдор Фёдорович не сказал, что у него было и другое соображение. Он ждал вызова к командованию и не хотел удаляться от Сарапула — от телеграфа.

Слева по берегу проползло большое село Нечкино: еловая гора, крепкие избы и плечистый каменный храм. Село считалось границей между ижевцами и красными, но никто в Нечкино не поднимал тревоги, никто не стрелял.

Ляля упрямо ждала, когда же покажутся Гольяны.

Волька Вишневский рассказал ей, что в «барже смерти» сидит Хамзат Мамедов. Это известие взволновало Лялю, взбудоражило. Нобелевский горец определённо произвёл на неё сильное впечатление. Нет, даже не так... Мысль о нём была как кривой гвоздь — не вытащить. Ляля вспоминала угрюмые глаза Мамедова, его полуседую щетину, грузный корпус, толстые плечи и опасные руки. Вспоминала, какой он, Хамзат Мамедов — словно крупный и опытный зверюга: вроде неповоротливый, но неуловимо ловкий. Мамедов её отверг — это в нём и было самым притягательным. Конечно, он просто не разглядел Лялю. А она — царица Тамара, воительница и поэтесса. У Ляли было странное ощущение, будто она о чём-то поспорила с Мамедовым — ну, вроде «кто кого?», — а спор оборвался на полуслове. Вот потому Ляля и затеяла авантюру с похищением «баржи смерти». Кавказский князь должен понять, что она, Ляля, превосходит его: она повелевает, а он принимает милость.

Вдали за плоским островом наконец показались Гольяны — село богатое и крепкое. Железные крыши, печные дымы, фигурная белая церковь на берегу, кирпичный арсенал, и рядом — локомотив-кукушка, причалы, дебаркадеры, два буксира и даже товарно-пассажирский пароход. В Гольянах была пристань Ижевского оружейного завода, и досюда дотянулась заводская узкоколейка. Мрачная «баржа смерти» стояла на якоре посреди реки за островом.

Появление миноносцев не вызвало переполоха на берегу: согласно плану операции, красные флаги на кораблях были спущены. «Ретивый» ушёл вперёд и начал разворачиваться на плёсе, а «Прыткий» и «Прочный» сбавили ход. «Прыткий» направился к буксиру у пристани, а «Прочный» — к барже.

Ляля быстро спустилась в визирную рубку, и на мостик поднялся капитан Георгиади в мичманской форме Императорского военного флота.

— Эй, на «Рассвете»! — закричал он в рупор команде буксира.

На палубу «Рассвета» высыпали речники.

— Что за парад? — тоже в рупор дерзко ответил с мостика капитан буксира.

— Мы — третий дивизион Волжской флотилии контр-адмирала Старка, — сообщил Георгиади. — По приказу контр-адмирала, баржу с арестантами требуется доставить во флотилию, её поведут в Уфу.

Берите баржу на трос!

В строгом облике миноносцев ощущался дух былой Российской империи с её многобашенными линкорами, могучими заводами, дворцами и биржами, ярмарочным изобилием, тысячевёрстными магистралями и тысячеголосыми литургиями; с её полновесными золотыми червонцами, с тугими ляжками конных казаков и двуглавым орлом. И капитан буксира поверил Георгиади.

— А далеко до вас? — спросил он. — У меня дров-то почти нету!..

— На ближайшей станции загрузим, — ответил Георгиади. — Разогревай машину и следуй за мной!

Раскольников и Ляля через иллюминаторы визирной рубки следили, как буксир раздувает пары и отваливает от причала. Ляля тихо торжествовала. В захвате баржи, в общем, для красных не было никакого риска: дюжина орудий на миноносцах легко вынудила бы ижевцев выполнить любой приказ — пушек в Гольянах, судя по всему, не имелось. Но похищение — блестящий сюжет!

— Я напишу об этом очерк! — жарко шепнула Ляля Раскольникову.

Фёдор Фёдорович снисходительно улыбнулся. Он сам в прежние времена сотрудничал с газетами, к тому же занимался археологией, библиографией и театром, а потому считал себя знатоком словесности

и талантливым автором. К творчеству жены он относился пренебрежительно: Лариса, по его мнению, изъяснялась слишком пафосно и вычурно — скрывала отсутствие дарования за преувеличенной и тяжеловесной экспрессией. А Ляля думала о том, что из очерков о событиях недавнего времени она может составить книгу. История с «баржей смерти» станет композиционной кульминацией сборника. Книгу надо будет назвать броско и яростно — «Фронт». Конечно, в стране разруха и ничего нет, но Луначарский сумеет издать... Это будет её первая настоящая книга. Книга, которая установит новый революционный канон русской литературы!..

«Прыткий» и «Прочный» пошли вверх по течению для разворота на плёсе, а «Ретивый» возвращался, чтобы держать ситуацию под контролем. На барже караульные выбирали кормовой якорь; буксир «Рассвет» заводил трос.

...Пасмурный день потихоньку угасал, а ветер всё не мог успокоиться. Тёмные волны нервно пенились по гребням, дым из труб рвало на клочья. На берегах шумели ельники, прибой хлопал в багровые глиняные откосы.

«Прыткий» двигался первым, буксир с баржей — за ним. У буксира в волнах порой заголялись плиты колеса под кожухом, словно задирали юбку; баржа вспахивала воду тупым рылом; трос то провисал, окунаясь, то с хлопком натягивался. Берег в селе Нечкино был безлюдным — непогода.

На Нечкинском перевале за створным знаком «Прыткий» сбросил ход и поравнялся с буксиром. Комендоры засуетились возле орудий, наводя пушки. «Прочный» и «Ретивый», усиленно дымя, нагоняли баржу.

Фёдор Фёдорович поднялся на мостик миноносца.

— Эй, на «Рассвете»! — крикнул он в рупор. — Я — командир красной флотилии Раскольников! Вы взяты в плен! Сопротивление не имеет смысла!

На трёх миноносцах вверх по мачтам поползли красные флаги.

Взрыв котла разворотил на «Звениге» и механизм парового руля. Тянуть повреждённое судно тросом было неудобно: без руля на извилистом фарватере «Звенига» обязательно вылезет на мель. Тогда Иван Диодорович распорядился пришвартовать её к борту «Лёвшина». Спаренные буксиры вверх по течению ползли очень медленно, и бронепароход «Бурлак», подцепив лёгкие понтоны с десантниками Бубнова, ушёл вперёд. Вскоре он скрылся за излучиной реки.

В лоцмане Иван Диодорович не нуждался. Федя сидел за надстройкой на цепном ящике и просто смотрел на холмистые лесные берега, почерневшие в предчувствии зимы. В облачном небе тихо играли жемчужные переливы.

Кате давно уже хотелось поговорить с этим необычным парнем.

— Что ты делаешь на «Лёвшине», Федя? — спросила она.

— Думал, что вы до Сарапула дойдёте. Перед ним на Пещерском перекате «Русло» лежит, а мне надо Якорника забрать. Он в рубке остался.

— Якорник — это икона чудотворная? — улыбнулась Катя. — Ты ведь речник, Федя, значит, понимаешь суть прогресса. И неужели веришь в чудеса?

— Я в божью тайну верю, — честно сказал Федя. — А Якорник её являет.

Катя смотрела на Федю Панафидина и с удовольствием, и с уважением.

— Что же такое — божья тайна?

Федя беспомощно развёл руками:

— Ну, как объяснить?.. Дьявол — он словно паровая машина: согрешил — получи возмездие. Всё просто. А у бога сложно. Ты всем хорош, а нету тебе награды: это испытание. Однако же выше его — милость. Когда ты натворил делов, а господь тебя прощает. У него своя навигация, Катерина Дмитриевна.

— А Якорник — небесный телеграфист? — догадалась Катя.

— Река — божья тайна. Наверняка на ней путь не считаешь. Пароходы по божьей тайне плывут. Ты можешь только о милости у

Николы просить.

— Чтобы следствие не извлекалось из причины? — лукаво уточнила Катя.

— Чтобы мы шли по фарватеру, как будто знаем его, хотя мы его не знаем. Не в причине суть, а в нашем незнании. Бывают капитаны, которые знают то, чего не знают, и ходят без лоцманов. В них самих божья тайна воплощается. Они божьи штурвалы. Но таких один на тысячу.

— Ты об Иване Диодоровиче говоришь?

— Об Иване Диодорыче, — подтвердил Федя.

«Лёвшино» добрался до Осы только в сумерках. С трудом пристроив лишённую хода «Звенигу» к пирсу, Нерехтин отвёл свой буксир в сторону и ткнул носом в берег. И почти сразу возле судна появился Ганька Мясников.

— Вылазь!.. — закричал он Нерехтину, махая рукой. — Командир вызвал!

Франц Лангер, командир флотилии, флаг-механик Антонин Когоут, а с ними почему-то и Бубнов ждали Нерехтина в каюте на «Аршаулове».

— Привёл! — объявил Ганька и выдвинул стул: — Садись!

Иван Диодорович сел.

— Растскаджите, чьто слутчилось с «Цзвенигой», — предложил Лангер.

Иван Диодорович снял фуражку и пригладил редкие волосы.

— Что случилось?.. — повторил он. — Э-э... «Звенига» стояла на Раздорном перевале в дозоре. А я тащил три понтона... Вот его в Степаново буксировал. — Нерехтин кивнул на Бубнова. — «Звенигу» увидел за полверсты, не больше.

— Верно, — согласился Бубнов. — На трёх понтонах мы были.

— В это время на Глубоковском перевале появились чебаки, два или три судна, мне за островами не видно было. И «Звенига» им навстречу рванула.

— Затчем?

— Как зачем? — фальшиво удивился Иван Диодорович. — Стрелять!

Он знал, что не стрелять. Мохов, капитан «Звениги», всё ему объяснил.

По Камской флотилии давно бродили слухи, что в Сарапуле находится Волжская флотилия мичмана Раскольникова. Двум красным флотилиям пора было соединиться. И Матвей Саввич Мохов принял суда воткинцев за суда Раскольникова. Мохов забыл, что воткинцы тоже поднимают красный флаг.

— Огонь можно было открыть с того мьеста, где «Цзвенига» и стояла.

— Не разбираюсь про огонь, — утомлённо сказал Иван Диодорович. — Какая там дистанция была, вам надо спрашивать у канониров. Или у Саввича.

Иван Диодорович не любил капитана Мохова. Тот работал в компании Курбатова, выкупленной обществом «Мазут», то есть у конкурентов Нобелей и Якутова, но дело не в этом. Мохов слыл человеком скупым и придиричивым: держал команду в ежовых рукавицах, штрафовал за всякую мелочь.

Там, на Раздорном перевале, Матвей Саввич понял, что идёт прямо в лапы «чебаков». Он сбросил ход, чтобы развернуть буксир, а потом пустил машину в полную силу, чтобы оторваться от врага, — и котёл лопнул. Иван Диодорович сам видел, как из-под палубы «Звениги», будто из самовара, вдруг клубами попёр белый пар. «Чебаки» захватили бы обездвиженный буксир, но мадьяры-артиллеристы начали стрелять, и «чебаки» предпочли отступить за мыс. А потом подоспел Нерехтин с понтонами и десантом Бубнова.

— Мохов предатель! — нетерпеливо подскочил Ганька; широко улыбаясь, он торжествовал, что первым успел объявить этот приговор. — Мохов хотел переметнуться к «чебакам», да котёл шарахнул, и мадьяры взгоношились!

Флаг-механик Когоут произнёс что-то по-чешски.

— Антонин говорит, чьто машчина э-э... повредила съебя сама, — перевёл Лангер. — Капитан Мохов дьествительно требовал э-э... щчелотчения котла.

— Контра капитан! — поддержал Ганьку Бубнов. — Он дрейфил на фронте быть! Не вышло с машиной в тыл дезертировать, решил сдаться!

— Чьто тскажете? — обратился Лангер к Ивану Диодорычу.

— Скажу, что Мохов был за большевиков, — не уступил Нерехтин. — Он же по своей охоте угнал «Звенигу», когда воткинцы

Галёву захватили.

— Вот тогда и снюхался с чебаками! — осенило Ганьку. — Верно я понял: предатель он! Я этот процент насквозь вижу!

— Вестьсма подозрительно... — размышлял Лангер.

Иван Диодорович просто молчал и ждал. На душе у него было погано. Он уже по опыту знал, что большевики ведут войну на две стороны: против врага и против предателей, которых сами себе и выдумывают. Неправое дело всегда заставляет бдительно искать изменников, потому что неправда корёжит человеческую природу, и трудно выносить надругательство.

— Мы в Чека таких подлюк на раз-два кололи! — ухмыльнулся Ганька.

— Вот он и дал дёру от тебя, — хмыкнул Бубнов.

Иван Диодорович всё понял про Бубнова. Тот прибыл в Осу раньше, чем «Звенига» и «Лёвшино», и немедленно донёс командиру о подозрениях. Наряд речников нагрязнул на «Звенигу», пока он, Нерехтин, причаливал свой буксир. Но Матвея Саввича Мохова наряд на борту не обнаружил. Капитан исчез.

— Естли увидите Мохова, товарищ Нерехтин, прошчу сразу задержать его, — недовольно подвёл итог Лангер.

— Как прикажете, — пожал плечами Иван Диодорыч.

На улице уже давно стемнело. Окна, иллюминаторы и смотровые щели пароходов флотилии неярко светились, отражаясь в чёрной воде.

Команда «Лёвшина» собралась в кубрике на ужин и гомонила, в камбузе брякала посудой Стеша. Федя Панафидин, оглядевшись, тихо прошёл к каюте Нерехтина и едва слышно постучал. Дверь осторожно приоткрыл Мохов.

— Диодорыча ещё нету? — тревожно спросил он.

— Нету, — ответил Федя. — Значит, всё плохо. Бегите, Матвей Саввич.

Хамзату Хадиевичу всё это было безразлично.

В люк сбросили мешок с караваями и крикнули:

— Товарищи, баржа взята на буксир кораблями красной бронеплотилии! Мы ведём её в Сарапул! Скоро вы будете свободны!

Тёмный и вонючий трюм взорвался ликованием. Арестанты обнимались и плакали. Испуганные «суки» уже не решились сунуться в делёжку хлеба. А Мамедов даже не поднялся с соломы, чтобы сходить за своим куском.

Вскоре баржу куда-то пришвартовали. Сверху объявили, что пленников выпустят утром, а сейчас нужно составить списки: один — общий, другой — погибших арестантов, если кто их знал, а третий — тех, кто снюхался с охраной, то есть «сук». Солдат со звездой на фуражке принёс бумагу, карандаш и свечи.

До полночи арестанты взволнованно гомонили над списками; казалось, что маленький огонёк свечи осветил весь огромный дощатый трюм. «Суки» сбились плотной кучей в корме и шептались. Когда кто-то толкнул Мамедова в бок и спросил имя, он назвал себя, но не стал называть Алёшку Якутова.

А на «Межени» до рассвета никак не могла уснуть Ляля.

Утром возле пристаней собрались красноармейцы с оркестром, военморы и жители Сарапула, у которых в «барже смерти» сидели родные и знакомые. Баржа была причалена к плавбатарее «Разин», на которой между зачехлённых орудий топтались чекисты с наганами.

Вокруг распогодилось, и в синеве неба сверкало холодное солнце. Чекисты готовились сортировать бывших узников по спискам: честных — на митинг, подлюк — в тюрьму.

Ляля стояла на галерее дебаркадера. Военный оркестр сипло и визгливо заиграл «Марсельезу». Из трюма баржи под крики толпы хлынул серый поток арестантов, закутанных в рогожи. Арестанты виновато улыбались и шурились. Ляля выискивала взглядом Мамедова. Вот же он, чёрт возьми!.. Похожий на абрека, с короткой полуседой бородой... Даже в тесном людском движении Мамедов держался наособицу, и лицо у него было пугающее — словно бы его

не освободили, а, наоборот, навеки заточили в каземат. Ляля надеялась, что Мамедов заметит её, но он не заметил. Заполненную народом палубу «Разина» озарила вспышка магнезии: дивизионный фотограф сделал снимок для газеты.

Хамзат Хадиевич не знал, что ему теперь нужно от жизни. Он безучастно смотрел, как арестантов на берегу приветствует Раскольников, и арестанты окружают командира, подхватывают, качают. Хамзат Хадиевич шёл вместе со всеми на митинг и слушал на площади какие-то речи, но думал только об Алёше Якутове — о мальчишке, которых хотел строить корабли, но оказался на гражданской войне. Мамедов холодно и беспощадно обвинял себя: если бы он не подстроил гибель парохода «Ваня», Алёша не попал бы на «баржу смерти».

После митинга Мамедов долго дождался Раскольникова на пристани. Брезгливо оглядев Хамзата Хадиевича, Фёдор Фёдорович всё же предложил ему пройти на «Межень». Видимо, он еле воздержался, чтобы не попросить грязного гостя ни к чему не прикасаться в салоне.

— Промысел мы ещё не отбили, товарищ Мамедов, — сказал Раскольников. — Николо-Берёзовка пока остаётся под властью ижевцев. Однако я намерен предпринять рейд по Белой, в ходе которого высажу на промысле десант.

— Я должен прыгнуть участие в этом рэйдэ, — твёрдо произнёс Мамедов.

План он наметил себе простой. Инженер Турберн успел сообщить, что главную ценность промысла — буровые журналы — он спрятал в топке старого локомотива. Журналы были теми документами, от которых зависело будущее «Бранобеля»; о них Вильгельм Хагелин и говорил Мамедову в Свияжске. Хамзат Хадиевич рассчитывал забрать журналы из тайника — и отправиться в Уфу. Там у него было дело, не менее важное, чем судьба компании.

— Я посоветуюсь с командованием, — ответил Раскольников. — А вы идите на рембазу. Я распоряжусь, чтобы вас поставили на довольствие, выдали бельё и одежду. Ожидайте решения Троцкого или наркомата. Я вас извещу.

Ремонтной базой флотилии, а заодно и плавучей казармой служил товарно-пассажирский пароход «Кашин». Боцман назначил Хамзату

Хадиевичу место на двухъярусных нарах в общей каюте третьего класса. В иллюминатор был виден только ржавый понтон дебаркадера, в железо плескала тёмная вода.

Два дня Хамзат Хадиевич лежал на тощем матрасе и думал.

Ради чего он жил — дрался, рисковал, убивал? Ради месторождений, новых машин и «Бранобеля»? Нет. Ему нравилось, когда что-то создается. Но создают не месторождения, не машины и не коммерческие компании. Создают люди. Очень редкие люди. Их меньше, чем залежей нефти. Сам он, конечно, не был таким человеком, но работал как раз для таких людей — для Нобеля, Шухова, Губкина. Он, Хамзат Мамедов, не заслужил права находиться в их ряду, но ему была оказана великая милость. Как Нобель строит новый мир, как Шухов изобретает новые конструкции, как Губкин открывает новые законы, он, Мамедов, тоже мог что-то создать — создать судьбу человека, который встанет вровень с Нобелем, Шуховым и Губкиным. Он мог создать судьбу Альоши!.. Вот поэтому после промысла ему надо не к Нобелю в Петроград, а в Уфу.

...Вестовой от Раскольниковова явился на третий день утром.

— Пошли, — сказал он. — Комфлота вызывает.

По дороге от «Кашина» к «Межени», пробираясь по берегу среди пустых складов и деревянных эстакад, Мамедов заметил, что миноносцы на рейде дымят всеми трубами, разогревая машины; по воде долетал звон корабельных рынд. «Межень» тоже была под парами. Мамедов не придал этому значения.

На борту парохода Хамзата Хадиевича ждали два матроса с винтовками. Вестовой сразу цапнул Мамедова сзади за воротник на загровке:

— Ты арестован, Хамса. Не рыпайся — пришибём.

Мамедова увели в трюм и втолкнули в заранее подготовленную каюту.

На «Межени», на «царской яхте», имелось множество небольших кают для обслуживающего персонала — горничных и лакеев. У Хамзата Хадиевича оказалось вполне приличное помещение: койка, столик, шкафчик и даже рукомойник с медным краном. Хамзат Хадиевич подошёл к иллюминатору. «Межень» отваливала от причала. За дебаркадером разворачивался город: внизу — длинный ряд

пристаней и водокачка, на взгорье — Набережная улица с тюремным замком, особняками, храмами и торговыми рядами.

Хамзат Хадиевич догадался, что в Сарапул он больше не вернётся. Страх у него не было, и удивления тоже, а сердце давила тоска.

О Мамедове долго никто не вспоминал, а потом, уже днём, пришла Ляля. Она была без охраны, и дверь за ней никто не запер. Ляля торжествовала.

— Вы оригинальный человек, Мамедов, но вашей жизнью команду я!

Хамзату Хадиевичу сделалось как-то тягостно от навязчивого стремления этой комиссарской красавицы удовлетворить своё самолюбие.

— Что происходит, Ларыса Михайловна? — устало спросил он.

— Раскольникова срочно затребовали в Нижний к командованию. Видимо, последует новое назначение. Миноносцы он уводит с собой.

— При чём здесь я?

— А вас приказано переправить в Москву, в Реввоенсовет.

Мамедов посмотрел в иллюминатор. «Межень» шла на полной скорости, мимо быстро скользили серые лесные берега. Мамедов понял, что его план добыть документы Турберна и уйти в Уфу бесповоротно провалился.

— Не злитесь на меня, — вдруг по-человечески улыбнулась Ляля. — Это ведь я придумала увести от ижевцев баржу с арестантами. Можно сказать, из-за вас. Вы мне очень интересны, правда, Мамедов. И мы можем подружиться.

Фельдшер сказал, что приближается кризис: сегодня ночью мальчик либо умрёт, либо пойдёт на поправку. И Роман остался в лазарете на ночь. В чёрное окошко за марлевой занавеской стучал дождь. На голой стене палаты висела икона, и тусклая лампада еле высвечивала скорбные глаза Богородицы. Алёша метался на койке, скинув простыни, и что-то бормотал. Роман не вслушивался. За стенкой возился истопник: то стучал поленьями и брякал чугунной дверкой голландской печи, то начинал всхрапывать, завалившись на лавку.

Страх перед судьбой, побудивший спасти Алёшу, у Романа уже иссяк. Тот приступ умственной смуты Роман объяснял себе потрясением от убийства матроса и крушением планов — естественными психическими причинами, а не каким-то иррациональным прозрением. Однако мальчика Роман не бросил.

Он вспоминал, как спустился в зловонный трюм «баржи смерти» и увидел Хамзата Мамедова; Мамедов готов был драться за Алёшу до конца. Конечно, Романа удивила столь внезапная привязанность хищного нобелевца к сыну Дмитрия Платоновича Якутова, но в жизни всякое бывает.

— Не мешайте мне, Мамедов, — спокойно попросил Роман. — Алёша здесь умрёт, а я отвезу его в лазарет. Я давно знаком с ним. Его сестра — моя невеста.

И тёмный взгляд Хамзата Мамедова угас. Всемогущий нобелевский агент проиграл Роману — и с промыслом, и с Алёшей. Роман отобрал у него всё. Правда, и сам ещё не выиграл, но Мамедову знать об этом не надо.

...Жаль, если Алёша умрёт. Разумеется, его гибель не обречёт Романа на крах; впрочем, и выздоровление Алёши не выкупит удачу. Глупо поддаваться суевериям. Но Алёша — это память о счастливых временах. О солнце, о Волге, о надеждах. О лайнере «Витязь» и девушке, которая так серьёзно беседовала на прогулочной галерее с красивым помощником капитана в белом кителе. За последние дни Роман уже дважды назвал Катю своей невестой — Федосьеву и

Мамедову. Может, всё не случайно? Может, напрасно он столь решительно отрёкся от Кати? Ведь он ничего не знает о её отношениях с Великим князем. И уместна ли нынче былая щепетильность? Всё равно лучше Кати он никого не встретит. Ему так не хватает её твёрдости и спокойного достоинства...

За окном мутно забрезжил рассвет. Алёша затих. Глаза его были открыты. Роман понял, что мальчик умер. Но сухие губы Алёши дрогнули.

— Роман Андреич, это вы?.. — едва слышно спросил Алёша. — Где я?.. Где дядя Хамзат?..

В тот же день Роман пошёл в штаб «гольянского фронта» — так ижевцы называли свои отряды обороны на дорогах в Сарапул. Командовал «фронтом» прапорщик Цыганов, он занимал одну из подсобок арсенала. Роман надеялся получить хоть какую-нибудь помощь: денег у него не было, и жилья тоже.

В арсенале Роман застал инженера в форме Морского ведомства.

— Цыганов вернётся через два часа, — сказал инженер. — Я — заместитель начальника штаба Народной армии Вологдин. Что вам угодно?

Пока Роман излагал своё дело, Вологдин глядел в сторону.

— Вы — капитан? — спросил он совсем не о том, о чём говорил Роман.

— Был первым помощником на пароходе «Витязь» общества «По Волге».

— Знаю «Витязя». Отличное судно. Мне нужен опытный речной капитан. Поступайте ко мне в понтонный отдел, получите в Галёво жильё и жалованье.

Уже вечером Алёшу на носилках переправили из лазарета на буксир и уложили в кубрике. Путь от Гольян до Галёва был недолгим. Пыхтя машиной, буксир бодро бежал вверх по хмурой реке. На пологих холмах темнели острые волчьи ельники. Роман поднялся из трюма на палубу к инженеру Вологдину.

— Чехи продвигаются слишком медленно, только недавно взяли Нижний Тагил, — рассказал Вологдин. — Уфимскому правительству не до нас. А мы окружены. Со стороны станции Агрыз нас атакует Вторая армия Шорина, из Сарапула угрожает Железная дивизия Азина, по берегу ниже Осы высаживают десанты части особого назначения

штабс-капитана Аплока. Ижевская рабочая республика скоро падёт. Мы бы сумели выстоять, но не хватает вооружения.

Роману это было безразлично, однако он сделал вид, что удивлён:

— На Ижевском заводе нет винтовок?

— Винтовки есть, нет патронов. Используем самодельные. Главная беда — отсутствие артиллерии. А без неё нам не отбиться. Под Осой наши пароходы пытаются утопить хотя бы одно судно красных, чтобы снять с него пушки. Очень плохо, что флотилия Старка отказала республике в содействии.

— В чём будет заключаться моя работа в Галёво? — спросил Роман.

— Там мы построим наплавной мост через Каму для вывода наших войск и беженцев на левый берег. Вы будете устанавливать баржи, которые сыграют роль понтонов. Отступающих будет много — тысяч двадцать или тридцать.

Роман подумал, что в этом потоке он с Алёшей и уйдёт в Уфу. Ещё есть время, чтобы Алёша окреп для непростой дороги.

В Галёво их поселили в казарме при механической фабрике: раньше здесь жили рабочие, которых присылали с Воткинского завода, а сейчас — бойцы. Каждое утро, задолго до рассвета, Роман отправлялся на буксир. Алёшка был предоставлен самому себе, но сердобольная тётка-повариха в обед и в ужин приносила ему котелок с похлёбкой или кашей. Бойцы — всё те же воткинские рабочие — отдыхали от караулов и снова уходили. Алёшка слушал их скучные пересуды о домашних заботах: пора рубить капусту, пора резать скотину, пора запастись дрова. Интересно ему было только тогда, когда начинали обсуждать борьбу за Гольяны — большевистская флотилия недавно всё же отвоевала эту пристань. Но Алёшка опасался спрашивать о судьбе «баржи смерти».

Сидя на койке, он молча смотрел в окно. Поздняя осень мела по реке пустыми ветрами — ни палой листвы, ни снега. Кама пенилась и кипела сизыми волнами. Небесного света было впроголодь, мокрыми холстинами провисали низкие глухие тучи. Покатые горы словно сворачивались внутрь себя в ознобе и щетинились колючими ельниками на спинах. Алёшка чувствовал, что к нему возвращаются силы, но от невыносимости этой осени с её тусклым простором возвращение сил больше напоминало озлобление. Алёшку тяготила

забота Романа Андреевича. Алёшка не хотел ехать с ним в Уфу — он не малое дитя при наставнике, он сам себе хозяин! Ему надо за Катькой в Пермь! Ему надо в Москву к Шухову!.. И ещё он очень скучал по дяде Хамзату.

Роман появлялся в казарме только поздно вечером. Его радовало, что Алёша выздоравливает, но причин Алёшиного уныния Роман не понимал. Он старался развлечь Алёшу и рассказывал о своей работе: как вытаскивал баржи с Воткинского пруда в Каму по узкой речке Сиве и как устанавливал их на фарватере, в качестве якорей приспособив тяжёлые литейные изложницы с завода. Алёша всё равно держался отчуждённо. Романа это раздражало. Он спас мальчишке жизнь, а вместо благодарности встретил упрямую неприязнь.

— Ты чем-то недоволен, Алексей? — спросил Роман.

Алёша посмотрел в холодные глаза Горецкого — и ему стало не по себе.

— Всё хорошо, Роман Андреевич, — ответил он.

К вечеру 3 ноября наплавной мост был завершён. Утром Роман отвёл буксир в затон, сдал Цыганову дела и пошагал на взгорье в село, чтобы договориться о телеге для Алёши. Село и выпас у околицы уже были забиты беженцами из Ижевска — подводы, гружённые мешками и узлами, лошади, бабы с детишками, старики... Беженцы ждали прибытия отступающих солдат или объявления от командования, что мост готов и проход дозволен.

...Ближе к вечеру возле казармы остановился обоз чертёжного бюро Ижевского завода: копиисты вывозили документы. Роман усадил Алёшу на зелёные винтовочные ящики, в которых на заводе упаковали чертежи. Эти ящики напомнили Роману, во имя чего он прилагает такие усилия.

Алёшка наконец-то увидел галёвскую переправу. Прочно расчаленные баржи выстроились в ряд поперёк реки носами против течения, а сверху на них лежал настил из брёвен и брусьев. Нечто подобное имелось в Нижнем — плашкоутный мост через Оку на Ярмарку, но в Нижнем все плашкоуты были одинаковые, как снаряды, а тут, в Галёво, баржи оказались разные: большие и не очень, деревянные и железные. Зыбкая и протяжённая громадина поражала своим размахом. Она была создана для отступления, Алёшка почувствовал в ней упрямство и осмысленную горечь. По настилу

медленно катилась вереница телег, на берегу хвост этого потока уползал вверх по дороге к селу.

Когда повозка чертёжников въехала на мост, глазам Алёшки открылся весь хмурый камский створ до плавного изгиба реки. И на створе дымил какой-то пароход, идущий прямо по фарватеру, словно он решил таранить преграду.

— Быстрее! Быстрее!.. — всполошились на мосту. — Большевики!..

С парохода застрекотали пулемёты; выцеливая беженцев издали, очереди с жужжанием пролетали над телегами или вспарывали воду перед баржами. А потом угрожающе завыл гудок, заполняя воздух смертной тоской.

Алёшка выпрямился. Пароход большевиков был грубо заклёпан в броню, искажившую его изначальный облик, но Алёшка узнал судно даже в стальной скорлупе. Это «Лёвшино» — буксир дяди Вани Нерехтина, папиного друга!..

Казалось, что добродушный буксир сошёл с ума, взбесился, как большая собака, — он вёл огонь по беззащитным людям! По толпе на мосту покати́лась паника. Мост ощутимо качнулся, закрипел бревенчатыми сочленениями. Заорали возчики, погоняя друг друга, заржали испуганные лошади, заплакали дети. Кто-то, бросив свою телегу, принялся отчаянно пробиваться сквозь сутолоку вперёд; кто-то полез через чужую поклажу; кто-то, ополоумев от страха, бултыхнулся в волны. Три мужика, хрипло матерясь, растаскивали сцепившиеся подводы. Офицер пальнул из револьвера в воздух, призывая к порядку, и цапнул кого-то за шкуру. Трещали доски.

Баба, сидевшая на мешках, бубнила молитву и широко крестилась. Поток беженцев, обтекая лошадей и повозки, с руганью и топотом валил по длинному мосту прочь от смертоносного бронепарохода, сшибал нерасторопных с ног, терял вещи.

«Лёвшино» приближался, не сбавляя скорости. Телега чертёжников уже миновала середину моста; если буксир протаранит переправу, чертёжники всё равно окажутся на нужном берегу. Алёша развернулся лицом к «Лёвшину».

А на буксире творилось что-то совсем непонятное. Пулемёты почему-то умолкли, на палубах замельтешила команда, захлопали выстрелы. И вдруг Алёшка увидел Катю!.. Она выскочила из какой-то

двери и что-то кому-то закричала. Её платок упал с головы, и ветер взъерошил русые волосы.

Алёшку будто пронзило электричеством. Катя?! Откуда она взялась?! Что она делает на «Лёвшино»?! Хоть сдохни, ему надо к сестре!..

Алёшка спрыгнул с телеги и, ловко проскальзывая между людей, ринулся по мосту обратно — туда, куда должен был врезаться нос вражеского буксира.

— Алексей, вернись!.. — яростно рявкнул Горецкий.

Он рванулся за Алёшей, но его сразу затёрло смятённой толпой.

— Катька!.. — на ходу вопил Алёша. — Катька!.. Я здесь!..

Иван Диодорович надеялся, что рейд в Усть-Речку будет последним. По ночам приплёсок уже замерзал заберегами, днём чёрная вода курилась паром. Суда флотилии друг за другом убывали в Пермь на зимовку: навигация 1918 года завершалась. В конце концов у пристани Осы остался один только буксир Нерехтина. Его и отправили с десантом Бубнова в деревню Усть-Речку.

Но в этот раз десанту не повезло: балтийцы угодили в засаду. «Чебаки» злобно стреляли из проулков, из овинов и амбаров, из мастерских воткинской верфи; за заборами, обезумев, захлёбывались лаем собаки; с каланчи жалил пулемёт. Военморы рассыпались по огородам и дворам и выбирались к берегу, кто как сумел. Растрёпанный Бубнов, потеряв бескозырку, прибежал на «Лёвшину» одним из первых и метался вдоль фальшборта, высматривая своих.

— Лупи! — орал он пулемётчикам. — Лупи, не подпускай!..

Пулемётчиками на «Лёвшине» теперь были речники, обученные Сенькой Рябухиным: Егорка Минеев и Краснопёров дежурили возле «льюиса» на передней палубе, сам Сенька с Дудкиным — в правом барбете на мостике, Колупаев с Девяткиным — в левом барбете. Буксир хлестал очередями, отгоняя «чебаков» от пристани. Из деревни вырвалось меньше десятка военморов.

Понтоны пришлось бросить у пирса — не до них. Иван Диодорыч выводил пароход на стрежень. Пули «чебаков» впустую щёлкали по броне надстройки. Сочувствия к балтийцам Иван Диодорыч не испытывал. На Каму балтийцы несли одно только насилие — власть комиссаров, реквизиции и казни.

Военморы по-хозяйски заняли мостик, они ещё не остыли после боя в деревне и бегства. Бубнов, кипит от ярости, ввалился в рубку.

— Не туда, Ванька! — рявкнул он, тяжело дыша. — Вниз по течению идём! Будем мстить этим сукам! Расхерачим ихний мост у Галёвой!..

За штурвалом стоял Федя Панафидин.

— Там же пароходы воткинцев, — напомнил Иван Диодорыч.

— Нету там пароходов! Они на зимовку в Сайгатку свинтили!

От Усть-Речкинской верфи до пристани Галёво было всего-то вёрст пять, и через два поворота Иван Диодорыч наконец увидел мост. Поперёк реки в ряд выстроились баржи, и поверху по ним был проложен настил. Иван Диодорыч взял бинокль. Под каторжно-серым небом ноября по мосту катил поток беженцев: лошади, телеги, мужики в чуйках, бабы в платках, старики, дети. Изредка мелькали солдатские шинели и офицерские фуражки, рясы монахов и тужурки служащих. Это были обычные люди, уходившие от большевиков. — Ломай буксиром переправу! — мстительно приказал Бубнов.

— Да на кой чёрт?.. — оторопел Иван Диодорыч, но Бубнов уже выскочил из рубки и закричал пулемётчикам в барбетах и на носу парохода:

— Огонь!.. Открывай огонь по белякам!..

— Что делать, дядя Ваня?.. — потрясённо прошептал Федя.

А Бубнов, брэнча башмаками по трапу, слетел с мостика.

— Хрена ли вылупился? — набросился он на Егорку Минеева. — Пали давай!

Матросик Егорка, пулемётчик у «льюиса» на палубе, испуганно отдёргнул руки от рукояток пулемёта, укреплённого на треноге, и попятился.

— Не буду я! — испуганно ответил он. — Там же народ!..

Бубнов вытянул перед собой руку с наганом и бестрепетно выстрелил Егорке в лоб. Матросик Егорка, пошатнувшись, сел у треноги и повалился на бок, словно обиделся. Краснопёров, второй пулемётчик, опрометью кинулся наутёк. Бубнов выстрелил ему вслед и замахал рукой балтийцам на мостике:

— Братва! Принимай командованье!..

Балтийцы ринулись в пулемётные гнёзда, вышвыривая речников.

«Лёвшино» ударил по переправе очередями из трёх стволов.

В груди Ивана Диодоровича вверх-вниз задвигался огромный поршень: душу подымало и роняло обратно. Иван Диодорович уже не понимал, что делает, не понимал, кто он — ничтожный человек, униженный капитан или божий гнев?.. Он вцепился в стремя парового гудка, и пароход надрывно и грозно завыл по-звериному, как пароходы воют, когда пробираются в тумане, когда идут на столкновение, когда тонут с пробоиной. Этот вой предупреждал людей на мосту о смертельной угрозе и вызывал команду из трюма на палубу.

Бубнов опять вломился в рубку.

— Шабаш сирене, Ванька! — с ненавистью выдохнул он.

— Я тебе не Ванька!.. — тонким голосом проквохтал Иван Диодорович.

Трясущейся рукой он вытащил из-под полы кожана маленький револьвер «бульдог», украденный Яшкой Перчаткиным. Федя стиснул штурвал. Бубнов, ощерившись, засмеялся — он не поверил капитану. И Нерехтин выстрелил ему прямо в лицо. Бубнова отбросило в угол рубки. Пароход продолжал выть.

Вой был слышен и в машинном отделении. Осип Саныч задрал голову, глядя в железный потолок, кочегары и машинисты замерли.

— Чтой-то там? — робко спросил Митька Ошмарин.

— Капитан зовёт, — сказал Осип Саныч. — С богом, ребяташки, давайте к нему... Я тут сам управлюсь. Возьмите шкворни какие или разводные ключи.

Павлуха Челубеев, свирепо сопя, первым бросился к трапу, за ним — Сиваков, Подколзин и Митька Ошмарин. Князь Михаил стоял у манометров; глянув на Осипа Саныча, он молча отвернулся.

В камбузе Стеша уронила половник в котёл.

— Беда, Катюшка... — беззвучно произнесла она.

Катя выскочила на палубу, когда короткая, но бешеная драка охватила уже весь пароход. Речники сцепились с моряками, выплёскивая скопившуюся ненависть. Больше нечего было бояться, некого было жалеть, гнев сорвался с привязи. Толстый Павлуха Челубеев с окровавленным ртом бил какого-то поваленного балтийца головой о треногу пулемёта. Штурвальный Дудкин и Митька Ошмарин вдвоём прижали военмора к стене надстройки и молотили железяками. Серёга Зеров сидел возле трапа, зажимая вспоротый бок, а рядом вытянулся мертвец в чёрном. Боцман Панфёров со стоном полз куда-то на четвереньках. Катя почувствовала, что воздух вокруг совершенно небывалый, переполненный свежестью: пахло порохом и мазутной гарью, кровью и стылой водой. Это была свобода. Пароход стряхивал с себя нечисть.

Пулемёты молчали, пулемётчики валялись в барбетах, раскинув руки, но Катя услышала за рубкой злую стрельбу: там речники, завладев винтовками, вытеснили уцелевших моряков на корму. Сенька Рябухин стоял у дефлектора и палил патрон за патроном, передёргивая

затвор; Подколзин и Сиваков бабахали из-за дымовой трубы. А с палубы Катя увидела Ивана Диодоровича. Капитан вышел на край мостика с револьвером в руке; фуражку он потерял, и ветер вздыбил его редкие волосы, будто полупрозрачный нимб.

Балтийцев уничтожали беспощадно, всех поголовно. На корме им негде было укрыться — они там были на виду, как волки в загоне. Но никто из них не должен был вернуться в Пермь. Десант полёт в Усть-Речке — и концы в воду. Бунт на борту «Лёвшина» останется страшной тайной команды. И лоцман Федя Панафидин понимал, что тайна эта — не божья, однако она и есть материя земной жизни, в которой слиты воедино люди, судьбы и пароход. Между ними нет разницы. Они — одно и то же: общий грех, общая гибель и, конечно, общее воскресенье, если Никола Якорник отстучит Господу свою телеграмму.

Федя сжимал рукоятки штурвала, направляя «Лёвшино» в просвет между баржами наплавного моста. Иного пути не имелось. Для остановки и разворота судну уже не хватало дистанции. Федя не хотел таранить баржу: баржа утонет, и мост будет разрушен на много дней, а это катастрофа для беженцев; Федя хотел снести пароходом только одну перемышку — её восстановят быстро. Федя смотрел, как люди в ужасе ломятся и влево, и вправо, освобождая бревенчатый пролёт, на который указывал длинный крамбол буксира.

Буксир врезался в брёвна пролёта и тяжело содрогнулся всем корпусом. Заскрежетало железо, затрещала древесина. Настил задирался набок, топорща длинные обломки, словно молитвенно воздевал руки в отчаянье. Брошенные телеги опрокидывались в воду вместе с бьющимися в упряжи лошадьми. Баржи грузно колыхались, натягивая тросы якорей. Федя ощутил врождённую мощь парохода — огромной и широкой бронированной машины.

От толчка Катя едва не упала на палубе, но удержалась за планширь. И внезапно услышала откуда-то со стороны, снаружи, из другого мира:

— Катька!.. Я здесь!..

Чувствуя, что её рассудок отказывает, она оглянулась — и увидела брата Алёшку!.. Он был на барже, он карабкался по скособоченным конструкциям моста, перелезал через какие-то брусья, хватался за какие-то доски... Буксир двигался, и Алёшка исчез — его заслонило

крыло надстройки, но он остался у Кати в глазах, как чудо. Катя бросилась по трапу на мостик.

А Алёшка торопился изо всех сил. Мимо него будто неумолимая стена ехал высокий кожух гребного колеса — «сияние», заклёпанное в стальные листы. За кожухом обнос буксира сужался к корме, и тогда Алёшка прыгнул вперёд — через провал, на дне которого кипела взбаламученная вода.

Он ударился грудью о планширь, задыхаясь, вцепился в него, перекинул локти, заелозил ногами, пытаюсь найти опору, — и понял, что за плечи его вдруг схватили тонкие руки сестры. Катя тащила Алёшку через фальшборт и рыдала, тащила и рыдала, а потом, перевалив к себе, обняла брата, стиснула его, такого горячего, живого, настоящего, и принялась неистово целовать.

— Мамедов, ты чудовище! — прошептала Ляля.

Голая, она уселась на Мамедова верхом и по-кошачьи запустила пальцы в густую шерсть у него на груди.

— Ты мой Юпитер, бык, а я твоя Европа... Только это я тебя похитила!

Мамедов не очень понял, о чём она говорит.

Уже два дня «Межень» стояла в Нижнем Новгороде у пирса, к которому в навигацию обычно был пришвартован дебаркадер общества «Волга». Из иллюминатора Мамедов видел каменную стенку Софроновского съезда с чугунной оградой поверху и строгой надписью внизу: «Чаль за кольца, решётку береги». Раскольников сутки напролёт пропадал в городе, команде «Межени» дали увольнение, и на борту находились только вахтенные, боцман и Ляля с матерью. Ляля явилась в каюту Мамедова сама и сама всё начала.

— Ты признаёшь, что я тебя победила? — тихо спросила она.

— Ты побэдыла, — согласился Мамедов. — Гдэ твой муж?

Фёдор Фёдорович всё-таки получил желанное назначение в Штаб военно-морских сил республики — поближе к начальству. Его вызвал контр-адмирал Альтфатер — командующий флотом. Но сначала Раскольников должен был уладить все дела флотилии, разделённой на Волжский и Камский отряды.

— Фёдор ненадолго вернётся в Сарапул. На твой промысел высадят десант из бойцов комдива Азина. Фёдор сейчас готовит новые канонерки.

Флагманскую канонерку Ляля назвала в честь Сени Рошалья, своего однокашника по Психоневрологическому институту. Сеня и познакомил её с Фёдором. Непримирымый большевик, Сеня погиб на румынском фронте. А Фёдор теперь будет поднимать адмиральский вымпел на канлодке «Рошаль».

— Ты сдался мне, чтобы узнать о планах Фёдора и бежать из-под ареста? — улыбаясь, спросила у Мамедова Ляля.

— Да, — сказал Мамедов.

— Мамедов, твоё восточное коварство наивно, как уловки толстого и глупого домашнего кота. Не надо убивать вахтенных. Я тебя сама отпускаю.

Ляля была удовлетворена победой и хотела, чтобы в финальном действии тоже лидировала она. А Фёдору плевать на побег Мамедова — ему не до этого.

— Ты свободен, дикий зверь из Согдианы! — царственно объявила Ляля.

...Хамзат Хадиевич прошёл по пирсу от парохода к набережной как обычный пассажир. Никто его с «Межени» даже не окликнул. По съезду он не спеша дошагал до Софроновской площади и помедлил, привыкая к воле.

Над слиянием Оки и Волги в бледной синеве сверкало маленькое стылое солнце поздней осени. Без дебаркадеров, уведённых на зимовку, линия берега выглядела голой, ограбленной. Но всё же это был Нижний — всегда и богатый, и босяцкий, богомольный и окаянный, расчётливый и безумный, исполненный ощущения близкой удачи. Банки, церкви, конторы, гостиницы, рестораны и магазины сейчас стояли закрытые, с заколоченными окнами, без экипажей у тротуаров. На бурых кручах Дятловых гор вздымались краснокирпичные стены и башни кремля; тесовые крыши и шатры обметало инеем.

Фуникулёр, конечно, не работал. Хамзат Хадиевич пешком двинулся к Зеленскому съезду. Он знал, где раньше жил Алёша Якутов.

Благовещенская площадь, Архиерейский сад, Кулибинское училище, здание удельного управления, дом пароходчицы Якутовой... Вход со двора по чёрной лестнице на второй этаж... Мамедов постучал в фанерную дверь.

В узкую щель, не снимая цепочки, настороженно выглянула высокая женщина — темноволосая, красивая по-дворянски, но измождённая и нервная. Мамедов отступил назад, чтобы его было видно.

— Настасья Лвовна, я друг вашего сына, — сказал он.

— Вы старше его втрое, — зло ответила женщина. — Убирайтесь!

— Альоша поехал за сэстрой в Пэрм. Он смэлый, но глюпый. У нэго в комнатэ за шкафом спрятан нэмэцкий пэхотный нож.

Женщина отодвинулась за дверь и затихла. Хамзат Хадиевич понял, что она плачет. Потом цепочка в проёме звякнула и упала.

В маленьких комнатках было опрятно и бедно. Настасья Львовна усадила Мамедова за круглый стол с кружевной скатертью и зажгла примус. Вместо чайника она поставила на огонь изящную посеребрённую турку.

— К чаю могу дать только хлеб, господин Мамедов.

— Ны к чьему, Настасья Львовна.

Пока Хамзат Хадиевич рассказывал, Настасья Львовна тонкими пальцами ощупывала свой лоб, словно у неё болела голова. Забытая турка клокотала на примусе, и Мамедов, потянувшись, прикрутил барашек.

— Я думала, он погиб, — опустошённо призналась Настасья Львовна.

— Он жив. Я найду йэго и Катэрину и увэзу обоых в Москву к Шухову. Владымыр Грыгорьич мнэ нэ откажет. Обэщаю, Альоша будэт в бэзопасности.

Настасья Львовна посмотрела на Мамедова измученными глазами.

— А вам это зачем, Хамзат Хадиевич?

Мамедов огладил полуседую бороду.

— Он станэт вэликим ынженэром.

Этот странный азиат говорил странные слова — неуместные в разорённом городе посреди разорённой страны. Но в странных словах была спасительная вера в будущее, было уважение к божьему дару, и Настасья Львовна Якутова, знаменитая пароходчица, женщина волевая и строгая, снова заплакала.

...От дома Якутовых на Большой Печерской Мамедов отправился на Ярмарку: мимо Архиерейского сада и на Осыпную, далее через Театральную площадь и провал Почаинского оврага, потом вниз по Сергиевской до съезда и на плашкоутный мост. За год большевистской власти город обветшал и продырявился разбитыми витринами, сорванными с петель воротами в арках и поваленными оградами. Огромная Ярмарка обезлюдела: мёртвые пассажи, безмолвная громада собора, мусор и хлам на Кулибинской улице, череда пристаней без пароходов, чайные склады без чая. Нобелевский городок с могучими белыми цистернами находился на берегу Волги за Ярмаркой.

Господина Скворцова, управляющего, Мамедов отыскал на квартире. Василий Павлович паковал вещи для отъезда.

— Компании «Бранобель» больше нет, — сказал он. — Сам Нобель бежал из Ставрополя от красных. Хагелин в Стокгольме, Тулин умер от оспы, Белямин в Киеве. Бакинские промыслы захвачены мусаватистами, турки отказались проводить денационализацию, и Лесснер бессилён; он занимается спасением армян от резни, прячет их на «Вилле Петролеа». А в Петрограде брошены в тюрьму Йоста и Эмиль. Сделка с большевиками провалилась.

Йоста и Эмиль Нобели, члены совета директоров, были младшими братьями Эммануила Людвиговича. Мамедов понял, почему в Сарапуле его арестовали: большевики задумали обезглавить компанию.

— Сможете пристроить мэня на поезд? — тотчас спросил Мамедов. — Мнэ надо в Пётроград. Я должен вытащит Эмыля и Йосту.

Хамзат Хадиевич принял это решение мгновенно. Он не сомневался, что Алёше в Уфе ничего не грозит, Горецкий его сбережёт, а младших Нобелей надо было выручать немедленно — их могли и расстрелять.

— Начальник Московского вокзала мой друг, — ответил Скворцов. — Смогу.

...До вокзала они шли грязной просёлочной дорогой по выпасам и через село Гордеевское. На станции свистели паровозы, лязгали буфера эшелонов, скрипели буксы; всюду без всякого порядка сновал народ, люди пролезали под вагонами; из теплушек красноармейцы выводили лошадей. Скворцов оставил Хамзата Хадиевича на перроне караулить багаж и отправился за билетами.

Мамедов терпеливо ждал — и вдруг в потоке пассажиров увидел Лялю. Ляля пробивалась сквозь толпу под руку с мамой, а за ними два матроса несли их вещи — саквояж и обмотанный ремнями чемодан.

— Максимушка, будь внимательней!.. — тревожно оглядываясь, говорила Екатерина Александровна. — На вокзалах всегда жулики, я-то знаю! Выхватят чемодан — и не догнать!.. Ты не за ручку его держи, а руками прижми к себе!..

Ляля тоже увидела Мамедова.

От недавней близости их отделяло всего несколько часов — а казалось, что несколько лет. Глядя на Лялю, Мамедов молча приложил два пальца к сердцу. Ляля мягко улыбнулась в ответ и незаметно махнула рукой на прощанье.

Часть восьмая
ДОЖИТЬ

Затоны замерзали раньше, чем реки, и в середине ноября Нижняя Курья встала. Тонкий первый снег, слишком белый и потому ещё неживой, покрыл и береговую кручу, и лёд, и дамбу, словно маляр плотно заровнял извёсткой и твердь, и хляби. Обындевелые пароходы и баржи будто вросли в природу.

Иван Диодорович любил этот робкий холод, любил этот свежий хруст под ногами. Алёшка же, топающий впереди, как всегда, и думал, и говорил о своём.

— Какого пса, дядя Ваня, они сделали колёсное судно, если в Коломне уже придумали сводчатую корму для винтов? — возмущался Алёшка.

Он имел в виду наследников пароходчика Любимова, которые построили на Коломенском заводе дизельный лайнер «Урал» с гребными колёсами.

— Ну не все же такие умные, как ты, — ответил Иван Диодорович.

Они как раз и направлялись посмотреть «Урал».

Алёшка был рьяным поборником теплоходов, то есть судов с дизельным двигателем. Но дизели давали слишком большие обороты на вал, и для них требовались винты, а не колёса. Для винтов же на реках не хватало глубины. Решение проблемы нашли инженеры Коломенского завода. Они разработали для теплоходов особую форму кормы — сводом. Винты оставались верхними лопастями на воздухе и не задевали дно, а нужную воду при вращении сами нагребали для себя под свод. «Кавказ и Меркурий» заказал сразу целую серию таких теплоходов — это и довело его до продажи «Мазуту». А наследники Любимова предпочли не рисковать: на том же Коломенском заводе и в то же время их новый дизельный лайнер «Урал» был по старинке оснащён колёсами.

— Ну и как колёса на дизелях крутились? — скептически спросил Алёшка.

— Худо, — усмехнулся Иван Диодорович. — Обороты надо было убавлять, и оси пропускали через редукторы. А эти хреновины всё

время ломались.

— Курице понятно, — важно кивнул Алёшка. — Нагрузка-то неравномерная.

— Любимовы одни лишь убытки несли от «Урала». То здесь он застрянет, то там. Пассажиры опаздывают, дерут страховку, лают фирму в газетах. Позор. Поэтому до «Кавказа и Меркурия» дизеля только на рабочие суда ставили.

— Редукторы летели, или что ещё?

— Да всё летело, Алексей. Как редуктор рассыплется, так либо в колёсах бугеля враскосяк, либо в дизеле цилиндры лопаются. И тащи судно на ремонт.

Ивану Диодоровичу нравилось разговаривать с Алёшкой. Когда-то он вот так же разговаривал с Митей, с Дмитрием Платоновичем. Митя тоже вникал в тонкости судоходства. Хотя не безбожничал, обзывая других чурбаками.

— А «Урал» чем закончил?

— Взорвался, — вздохнул Иван Диодорович.

Многострадальный «Урал» взорвался в навигацию 1916 года прямо перед пристанями Перми. Жертв не было, но дизеля разворотило напрочь. Судно отбуксировали в затон. Хозяева надеялись переоборудовать его или продать, однако грянула революция, и сама Россия взорвалась, как теплоход «Урал».

...Он стоял в дальнем конце затона на мелководье. Пустые чёрные окна, облезающая краска, потёки ржавчины — огромная дырявая коробка, а не судно. К его борту протянулась деревянная эстакада, по которой вытаскивали всё, что можно было демонтировать: мебель, оборудование, механизмы. Сняли даже спасательные круги и сетки ограждения с прогулочной галереи.

По эстакаде Иван Диодорович и Алёшка поднялись на борт.

— Я в трюм, дядь Вань. Охота редукторы пощупать.

— Шею там не сверни.

Алёшка нырнул в проём багажного отсека. Вскоре Иван Диодорович услышал из утробы теплохода лязг железных дверей и скрежет петель.

Иван Диодорович смотрел на затон, заставленный на зимовку парходами и баржами. Дымовые трубы, мачты с такелажем, трапы, плоскости палуб, ряды квадратных окон, дуги шлюпбалок, струны

лееров, барабаны лебёдок, изгибы колёсных кожухов — привычный и любимый хаос речного флота. «Лёвшино», пришедший последним, притулился на чужом месте — у пирса для нефтебарж. За дамбой виднелась Кама с тёмной промоиной фарватера. В белом небе ветер ворошил пуховые облака, будто распахивал перины, и сеялся редкий снежок.

Лангер и Ганька не заподозрили, что команда «Лёвшина» сама перебила балтийцев Бубнова. Сгинул десант в Усть-Речке — и чёрт с ним, на войне и не такое бывает. Особый отряд штабс-капитана Аплока отпраздновал победу над ижевцами и воткинцами: Красная армия заняла заводы и подавила мятеж. Навигация завершилась. Флотилию расформировали. «Лёвшино» отогнали на завод «Старый бурлак», освободили от брони и отправили в затон на покой.

Команда разошлась по домам, Серёгу Зерова уложили в госпиталь. В рабочих казармах при затоне, кроме капитана, остались те, у кого в Перми не имелось своего жилья: Катя с Алёшкой, князь Михаил и Федя Панафидин с Яшкой Перчаткиным. В полупустых бараках места нынче хватало всем.

Алёшка вылез из трюма с медным чайником в руке.

— У Яшки перенял тягу к чужому добру? — нахмурился Иван Диодорович.

— Чайник ничей! — обиделся Алёшка. — А Яша только фокусы показывает!

Алёшка, понятно, врал. Он поселился в каморке с Перчаткиным и, ясное дело, вынудил шулера Яшку научить его мухлевать в картах.

— За такие фокусы везут на Акатуй, — проворчал Иван Диодорович.

— Чайник мне для жизни нужен! Мы с Катькой и с князем решили на даче какой-нибудь зимовать. Я хозяйство завожу!

За мощёным съездом к затону начинался дачный посёлок, потянувшийся по крутому берегу Камы на полторы версты. Посёлок был спланирован как единое целое — маленький уютный городок, состоящий из фигурных тесовых домов с башенками, мансардами, верандами и беседками. Дачи принадлежали богатым жителям Перми: коммерсантам, губернским чиновникам, инженерам, банкирам, архиереям. Ушлый Алёшка изучил все дома, бестрепетно отпирая

навесные замки куском проволоки, и выбрал что получше. При большевиках, да ещё и зимой, на дачах никто не жил.

— Там же сторож, — сказал Иван Диодорович. — Вышибет вас палкой.

— Не вышибет. Я ему в уплату самогонный аппарат спаял.

Иван Диодорович знал, что Алёшка с Яшкой химичат у себя в каморке, мастерят какую-то бандуру. Яшка ходил шарить на пароходы, искал чего-то. Теперь понятно, что там за бандура была. А Яшка искал змеевик.

— Как у Дмитрия Платоновича и Настасьи Львовны такой каторжанин вырос? — спросил у низких небес Иван Диодорович.

— Ничё не каторжанин! — гневно возразил Алёшка. — Я почестному!

— Чем вам в казарме-то плохо? Сами себе хозяева!

— Так ведь не мне, а Катьке надо. У неё зимой живот будет.

— Какой живот?..

И тут Иван Диодорыч застыл, потрясённый пониманием. Алёшка тоже застыл, открыв рот, — он проболтался, чурбак безмозглый!..

— Дядь Вань, только Катьке не говори, что это я тебе растрепал! — быстро попросил Алёшка. — Я патефон на одной даче нашёл, могу подарить!

Иван Диодорович без слов отстранил рукой Алёшку с его позорной взяткой, сгрёб с планширя снег и приложил ко лбу.

Поток отступающих ижевцев и воткинцев донёс Романа до Уфы. Не зная, что теперь делать, Роман просто подчинился ходу событий. Он потерял шанс, предоставленный ему Савелием Поляком; своей конторы в Уфе «Мазут» не имел, да и Директория эвакуировалась в Омск. Однако Роману повезло: он заглянул в Сибирскую гостиницу, чтобы узнать положение на фронте, — после Директории в гостинице разместился штаб армии, — и встретил Федосьева.

Флотилия Старка ошвартовалась в Уфе три недели назад. Разумеется, сейчас она была уже расформирована. Сдав орудия и пулемёты, пароходы ушли на зимовку в затон. Личный состав получил расчёт. Однако адмирала Старка командование фронта отправило под суд. Юрия Карловича обвинили в преступном малодушии, ибо устье Белой досталось большевикам без боя.

Федосьев был при деньгах и потащил Горецкого на второй этаж в ресторан. Здесь среди столиков стояли кадки с пальмами, играл виолончелист.

— Я всё время твердил Старку, что нужно дать бой, — Федосьев разлил по рюмкам французский коньяк, — но ошибочное решение — это одно, а личная трусость — совсем другое! Старк не трус! За такое оскорбление надо вызывать на дуэль! А правомерность решения адмирала должны оценивать флотские специалисты, а не какой-то там пехотный чин! Я так и заявил на допросе!

Пётр Петрович присутствовал на заседаниях суда как свидетель.

— Тебе же Старк не нравился, — напомнил Роман.

— Ну и что? Мы моряки, и мы заодно! Я не позволю, чтобы его осудили!

— А что ты можешь? — усмехнулся Роман.

— Ничего, чёрт возьми! — помрачнел быстро хмелевший Федосьев. — Мы с Михал Иванычем обращались к генералу Дитерихсу, но он отказал в помощи.

Михаил Иванович Смирнов, бывший начальник штаба флотилии, тоже находился в Уфе и тоже пытался выручить Юрия Карловича.

— Я всё равно этого так не оставлю! — упрямо пообещал Федосьев.

— Не заигрался ли ты в благородство? — скептически спросил Роман.

— Ты не поверишь, Ромка, но я порядочный человек! Может, иной раз и веду себя как болван, однако подлостей не допускаю!

— Ну и хорошо, — примирительно кивнул Горецкий.

Ему безразлична была судьба Старка, а переживания Федосьева казались наивными и неуместными. Романа интересовало совсем другое: как ему из Уфы связаться с руководством «Мазута» или даже самого «Шелля»?

Федосьев предложил Роману остановиться на ночлег у него в номере, рассчитанном на четырёх постояльцев; в номере была свободная койка. Роман согласился, и Федосьев снова заказал коньяк.

Из ресторана они выбрались только в полночь, Горецкий еле довёл совершенно пьяного Федосьева до койки. Утром Пётр Петрович должен был снова явиться на заседание суда, и каким образом он намеревался привести себя в порядок, Роман не знал. Да и бог с ним, с Федосьевым.

Роман проснулся уже днём. Он отлично выспался, и голова, к счастью, не болела. Нет, Петька — определённо алкоголик, нельзя больше поддаваться на его уговоры «махнуть по рюмке»... В гостинице царил какой-то переполох: в коридоре звучали встревоженные голоса, цокали подкованные сапоги военных, хлопали двери. Роман не придавал этому значения.

Федосьев ворвался в номер как после драки — растрёпанный, с красным лицом хорошо опохмелившегося человека. В руке он держал бутылку.

— Горецкий, вставай! — потребовал он. — Продрыхнешь всё на свете!..

— А что случилось? — удивился Роман.

В окно светил белый ноябрьский день: бледно-голубое небо, перекрёсток с решёткой на телеграфном столбе, печные дымы над железными крышами. Уфа была большим губернским городом, просторным и несуетным, здесь даже трамвая пока не имелось. Широкие улицы, извозчики, деревянные особняки со старыми деревьями во дворах. С высокого берега Белой распахивался вид на

бесконечную синюю даль уже заснеженных лесостепей. На маленькой речке Сутолоке чуть ли не в центре города бабы, как в деревне, полоскали бельё. Уфа бесследно поглотила и воинские части Директории, и толпы беженцев.

— Переворот!.. — широко улыбнулся Федосьев.

— В Москве? — сразу вскинулся Роман.

— В Омске! Директорию скинули! Власть взял адмирал Колчак!

Роман был слегка разочарован. Бессильные учредилорцы Директории, конечно, надоели своей говорильней, но лучше бы скинули коммунистов...

Пока Роман одевался и плескался возле комнатного умывальника, Федосьев раскупорил бутылку и нарезал колбасу.

— В ночь на восемнадцатое казаки арестовали всю верхушку, — оживлённо рассказывал он. — Вчера Совет министров утвердил Верховным правителем адмирала Колчака. Сегодня утром прислали по телеграфу обращение к народу. Обещают нормальную диктатуру до полной победы над красными, потом опять созовут Учредительное собрание. Выпьем давай, Ромка! Дождались, когда военная рука возьмётся, от сюртуков никакого толку не было!

— Я пить не буду, — отказался Роман. — Мне вчера хватило.

Федосьев не заметил его отказа.

— А известно, на кого этот Колчак опирается?

— На армию, на кого ещё-то? — Федосьев выпил один и закусил колбасой. — И на союзников. Он до сентября то в Американских Штатах был, то в Англии, то в Японии. При нём британская и французская миссии. Говорят, он даже живёт в поезде у какого-то британского полковника.

От слова «Британия» Роман встряхнулся.

— Суд сегодня отменили, — продолжал Федосьев. — А Михаил Иваныч мне много интересного сообщил... Оказывается, он Колчака знает ещё с юных лет, с Морского корпуса, когда оба они гардемаринами были. С тех пор и дружны, и служба много раз их вместе сводила. Колчак и со Старком знаком, уважает его. Мы с Михаил Иванычем решили вопрос о Юрии Карловиче довести до Колчака — пускай он разберётся.

— Телеграмму пошлёте? — спросил Роман.

— У него сейчас телеграмм — хоть печь топи! Сами поедем!

— Из Уфы в Омск? — не поверил Роман.

— А что? Поезда ходят! Михал Иваныч вестового послал на станцию нам купе забронировать. Дня через два-три в Сибирь прикатим!

Роман подошёл к окну, взволнованный планами Федосьева.

С Михаилом Ивановичем Смирновым у Романа никаких отношений не сложилось. Смирнов был вторым человеком во флотилии, а Роман Горецкий — одним из полусотни гражданских капитанов, пароходы которых флотилия Старка сопровождала от Казани. Ну и что? Романа поддержит Федосьев! Зато Смирнов получит доступ к Верховному правителю, а рядом с Верховным — британская миссия. Британцы — это флот, а флот — это «Шелль»!

— Слушай, Петя, возьмите меня с собой, — попросил Роман.

Федосьев хохотнул от удивления:

— Прости, Ромка, но ты-то нам зачем?

Роман уже наловчился придумывать планы, соображал легко и быстро.

— От лица гражданских капитанов я могу свидетельствовать, что адмирал Старк вывел от красных большое количество судов с беженцами. У Старка был приказ спасти беженцев, а не утопить флотилию красных. Я — живое доказательство, что Старк выполнил приказ.

— «Кологрив»-то свой ты того, профукал.

— Это случилось уже без Старка.

Федосьев прищурился с пьяной проницательностью:

— Признайся лучше, что тебе за каким-то дьяволом надо к Колчаку.

— Надо, — признался Роман. — Только не к нему, а в британскую миссию. Это по-прежнему связано с нефтепромыслом и компанией «Шелль».

— Так бы и сказал, чего крутить? — засмеялся Федосьев. — Возьмём тебя, нам не жалко. Собирай вещи, вечером уже курьерский до Челябину.

Лёд на Каме ещё не окреп, поэтому от затона они пошли берегом. Тропа бежала по гривам, огибая пологие впадины — заливные озёра поймы. Кое-где из снега торчали космы пожухлой травы. Позёмка поднимала белую пыль. Мутное небо неясно светилось. Издалека была видна прямая линия дамбы, устремлённая к железнодорожному мосту с ритмичными дугами пролётов. По дамбе время от времени с тихим гулом и перестуком катились длинные поезда, паровозы волокли за собой тёмные ленты дыма с тающими хвостами.

— Если бы я без вас был, — сказал Алёшка, — то зацепился бы за вагон, и уже через пять минут на Заимку приехал.

— Не приехал бы, — возразил Иван Диодорыч. — На мосту — караул. Тебя бы подстрелили, дурака, и валялся бы ты под насыпью.

— Я удивляюсь твоему безрассудству, Алёша! — добавила Катя.

Тропа вывела к дамбе. Алёшка, Иван Диодорыч и Катя вскарабкались наверх к будке охраны. Красноармеец в шинели потребовал документы.

— Да чёрт бы тебя побрал!.. — расстроился Иван Диодорыч.

— Разве не видно, что мы не террористы? — спросила Катя.

Алёшка полез в карман полушубка и вытащил мятую пачку махорки.

— Куришь? — подмигнул он красноармейцу.

Дощатая пешеходная дорожка тянулась вдоль шпал рельсовой колеи. В клёпаных фермах моста посвистывал ветер. Внизу гудела страшная высота, снежные вихри завивались вокруг могучих каменных устоев. Один раз пришлось сойти на маленький железный балкончик и переждать грохочущий мимо эшелон. Иван Диодорыч смотрел на распахнутый простор зимней реки; на этих бесконечных плоских пространствах, окоченело-сизых и безмолвных, гражданская война казалась бессмысленной и мелкой суетой.

От моста они опять двинулись по берегу мимо товарных дворов, складов и мастерских Заимки. Никакие производства сейчас не работали, людей не было. Алёшка шнырял то направо, то налево и заглядывал в тёмные окна.

— Какой он, твой Михаил, Катюша? — негромко спросил Иван Диодорыч.

Катя оглянулась. Её румяное лицо в охвате пухового платка неудержимо потеплело, в глазах мягко светилась любовь.

— Он очень хороший, дядя Ваня.

Иван Диодорыч только вздохнул. Ему не нравился Великий князь. Он был чужой, случайный, словно бы всегда отворачивающийся, но Катя его любила — и спорить было не о чем. Эта девочка стала так дорога Ивану Диодорычу, что он принимал всё, лишь бы она была счастлива. Иван Диодорыч ощущал, что ему доверили тайное чудо, будто огонёк лучинки, и надо его сберечь.

Длинная улица Монастырская, задев широкую площадь перед собором, вывела к скверу Козий Загон; от его ротонды открывался вид на особняк Дмитрия Платоновича. Приблизиться к дому отца Кате было слишком больно, поэтому Иван Диодорыч свернул на Сибирскую. Чтобы не вспоминать о папе — время для этого ещё не наступило, — Катя прицепилась к Алёшке:

— Алёша, сегодня же напиши письмо тёте Насте! Она же волнуется за тебя! Ты когда-нибудь задумывался о последствиях своего поступка?

— Сама дура, — тотчас огрызнулся Алёшка. — Тебе папа тоже велел к тёте Ксене ехать, а ты в Перми осталась!

Иван Диодорыч хлопнул Алёшку по шапке. Катя обиженно замолчала.

За Королёвскими номерами они перешли на Торговую. Справа за голыми тополями сквера возвышалась громада оперного театра. Иван Диодорович на всякий случай ткнулся в дверь конторы «Бранобеля» — заперто.

— Жаль, — сказал Иван Диодорыч. — Я надеялся, что Викфорсы здесь... Зимой они чаще в квартире при конторе живут, а не в Нобелевском городке.

— На кой они тебе? — любопытствовал Алёшка.

— Не щенячьего ума дело.

Ивану Диодорычу был нужен не Ханс Иванович Викфорс, управляющий Нобелевским городком, а его жена Анна Бернардовна.

— У этих Викфорсов есть связь с Нобелем? — спросил Алёшка.

— Не знаю, Лексей. Наверное, как-то сообщаются...

— Надо, чтобы они для меня узнали у Нобеля про дядю Хамзата. Про дядю Хамзата Алёшка говорил Ивану Диодорычу десять раз в день.

— Попрошу, если встречу. Скучаешь по нему?

— Он мой друг! — серьёзно заявил Алёшка. — Он самый лучший! Он умеет по-персидски на ножах драться и меня с Шуховым познакомит!

— Ничего, Лёша, найдётесь, — вздохнув, пообещал Иван Диодорыч.

Он даже немного заревновал Алёшку к этому Мамедову.

Наискосок через город они добрались до кладбища. В пустых и ледяных кронах берёз мелькали какие-то тени. Неровно лучилось завьюженное небо. Памятники и железные ограды тускло блестели инеем. Покой кладбища был мучительным и неестественным, приходилось принуждать к нему душу.

Иван Диодорыч в первый раз видел могилу Мити. Ни забора, ни лавочки, ничего. Земляная грядка просела. Крест покосился. Нет, Митя не в могиле. Он — в памяти, он живой, с ним можно поговорить, только руку пожать нельзя. Алёшка и Катя молча рассматривали насыпь, под которой лежал их отец. И у обоих на лицах было тягостное недоумение. Неверие в смерть.

— Побудьте с ним одни, ребятки. — Иван Диодорыч чуть приобнял Катю и Алёшку. — Ему это нужно.

— Алёша, сбегай к сторожу за лопатой, — сухо сказала Катя.

На этом погосте у Ивана Диодорыча была и другая могила — могила жены.

Неужели ещё и года не миновало, как Фрося умерла?.. Да, не миновало. Но на самом деле Фрося умерла раньше. Умерла, когда принесли извещение о гибели Сашки в далёких мазурских лесах. Сердце у Фроси остановилось, душа остановилась, жизнь остановилась, и дальше Фрося жила уже мёртвая. Она просто ждала, когда смерть заберёт её, а смерть три года была занята другими делами.

Наконец на город навалился тиф, и Фрося с благодарностью слегла. В больнице в соседней палате находился Сергей Алексеевич Стрельман; он выкарабкался, потому что боролся с болезнью, а Фрося не сопротивлялась. Она попросила только об одном: чтобы Иван

Диодорыч высыпал в её могилу ту горсть земли, которую вдова генерала Самсонова нагребла с могилы Сашки.

Иван Диодорыч сидел в ограде на скамеечке, и по лицу его ползли слёзы.

— Ты прости меня, Фросенька... — прошептал он. — Я ведь тогда сам хотел горевать, а твоего горя не почуял, пренебрёг им, родненькая моя...

Он ничего не сделал для Фроси. Не увидел, не услышал, не понял её. Он был словно контужен несчастьем и не спас жену своей заботой. Даже кованный крест на могилу заказал в мастерских Мотовилихи не он, а верный Серёга Зеров. А он, капитан Нерехтин, ничего не сделал для Фроси. Ничего.

— Сука я!.. — морща лицо, каялся Иван Диодорыч.

Он себя не простил, а вот Фрося его простила. Где-то там, за облаками, она сказала богу: «Ты не сердчай на Ваню, всеблагой, дай ему подняться». И бог даровал Ване Дарью. А Ваня и Дарью погубил. А Фрося всё равно сказала господу: «Помилуй ещё раз... Последний раз...» И бог даровал Катю.

Иван Диодорыч тяжело пошагал обратно.

Могилка Дмитрия Платоновича была уже обихожена — подбита по краям и выровнена сверху. Катя выпрямляла деревянный крест.

— А Лёшка где?

— Велела ему лопату вернуть. Этот лентяй хотел её здесь бросить.

Иван Диодорыч погладил Катю по голове. Душа его была расслаблена.

— В дедушки меня примешь, Катюша? — мягко спросил он.

Катя резко оглянулась — испуганно и недоверчиво. В серых её глазах были и гнев, и вина, и какое-то испытующее внимание: да, я такая, и я не отступлю от своего, ну а ты, дядя Ваня, останешься ли хорошим, добрым, правильным?..

— Всё я знаю, дочка, — сказал Иван Диодорыч и обнял Катю, прижимая к себе. — Сколько можно хоронить? Пора и рожать... Но не мне же!..

Он и вправду думал, что нет ничего страшного, если появится младенец. Война?.. Дак что война? Из-за неё нельзя нарушать

предустановленный свыше порядок жизни. Как-нибудь прокормят ребёнка. Он, капитан, не бросит Катю.

Катя поняла ясные мысли Ивана Диодорыча — и засмеялась, и заплакала, уткнувшись лицом ему в грудь. Она ощущала невероятное облегчение.

— Анна Бернардовна Викфорс по вашим женским делам доктор, — сказал Иван Диодорыч, похлопывая Катю по спине. — Надо бы нам к ней навеститься.

Никто раньше не замечал эту маленькую станцию — Дибуну. Железная дорога пролетала её насквозь, устремляясь к Выборгу и Гельсингфорсу. Но теперь на магистрали появился пограничный пост, и все беглецы из Совдепии, не имевшие пропусков, выгружались перед ним в Дибунах. В телегах местных мужиков, работников разорённого кирпичного завода, лесными просеками беглецы ехали к речке Сестре — финляндской границе, переправлялись через брод на правый берег и шли дальше до посёлка Териоки, бывшего курорта; там можно было снова сесть на поезд до Выборга или Гельсингфорса.

— Как думаешь, долго ещё ждать? — зевая, спросил Серёдкин.

— Нэ знаю, — ответил Мамедов.

Для Нобелей он подыскал самый лучший экипаж в Дибунах — рессорную коляску управляющего заводом. Серёдкин выкупил её у хозяина за полтора пуда хлеба. Хлеб Серёдкин контрабандой привёз из Финляндии.

Коляска стояла за деревянным вокзальчиком. Под яркой луной железная крыша вокзальчика блестела инеем. Блестели рельсы. Блестели звёзды.

...Вызволить Нобелей из тюрьмы оказалось весьма непросто. Младших братьев Эмануила Людвиговича держали в «Крестах»; всю их собственность и даже дворец на Сампсониевской набережной большевики конфисковали; удачей было только то, что семьи Эмиля и Йосты находились уже в Берлине. Швеция ещё не установила дипломатических отношений с Советской Россией, поэтому граждан Швеции в России никто защитить не мог. Хамзат Хадиевич решил давить на секретаря дипмиссии Лундберга, точнее, на барона Коскуля, друга Лундберга. Коскуль жаждал вырваться из Совдепии, и Мамедов пообещал ему побег — переход через границу в Дибунах. Коскуль нажал на Лундберга, тот — на шведское правительство, и правительство пригрозило чекистам: если Нобелей не выпустят на свободу, то в Стокгольме арестуют советского полпреда Воровского. И тогда ворота «Крестов» приоткрылись.

...Вдали в лесном ущелье зажглась яркая звезда паровозного прожектора. Мамедов откинул зипун и выбрался из коляски. Прожектор осветил рельсовый путь, словно тоннель в темноте. Мамедов ждал на дощатом перроне.

Поезд оказался совсем коротким — из трёх пассажирских вагонов; он вёз красноармейцев на пограничный пост и даже не остановился, а просто сбавил ход. Мамедов помог Йосте и Эмилю спрыгнуть с движущейся подножки на перрон. Паровоз засвистел, окутался искрящимся паром и пошёл быстрее.

— Неужели это вы, господин Мамедов? — спросил Йоста, всматриваясь в Хамзата Хадиевича. — После всего случившегося в это трудно поверить.

— Завтра вы будете в Выборге, — заверил Мамедов. — Там вы повэрите.

Рессоры туго поскрипывали от мороза, коляска плавно покачивалась на мёрзлых ухабах лесного просёлка. За чёрными стволами деревьев призрачно белел снег, поперёк дороги лежали тени, еловые макушки смахивали с луны светящуюся пыль. Хамзат Хадиевич молчал — с Йостой и Эмилем у него не было таких доверительных отношений, как с Эмануилом Людвиговичем.

— Компания «Бранобель» на пороге краха, — наконец сказал Йоста.

В России Йоста замещал старшего брата в должности главы фирмы.

— Я знаю. Господын Платонов в Ныжнэм уже увэдомыл мэня.

— Эмануил не может принять этого, но он не сидел в тюрьме и не видел большевиков, — добавил Эмиль. — А мы с Йостой смотрим на вещи трезво.

Эмиль в Петрограде возглавлял механический завод «Людвиг Нобель». Завод производил дизельные двигатели, те самые «русские дизели».

— Баку заняли аныгличане, — сообщил Мамедов.

— Британцы не лучше турок. Я успел поговорить с Лундбергом, и новости очень неутешительные. — Йоста поправил зипун. — Британцы опираются на «Шелль», Черчилль и Ллойд Джордж в сговоре с Детердингом.

Генри Детердинг руководил компанией «Шелль».

— Британцы убивают наши предприятия в Баку. Они экспортируют только продукцию «Шелля», а заводы «Бранобеля» бездействуют. Нашу нефть из скважин просто сливают в море. Детердинг ждёт официального банкротства «Бранобеля», чтобы скупить наши активы на Апшероне по бросовым ценам.

— Британцы нам такие же враги, как и комиссары, — кивнул Эмиль.

— Хамзат Хадиевич, мы приняли решение продать «Бранобель».

Коляска катилась сквозь лес, за верхушками деревьев мелькала белая северная луна, кучер Серёдкин время от времени прикладывался к фляжке.

— Эмануил Людвигович нэ даст своэго одобрэнья, — сказал Мамедов.

Разумеется, Нобель-старший выступит против. Он был не таким, как его братья. Братья зарабатывали капиталы, а Эмануил Людвигович переустроивал мир. Он придумал трубопроводы и сбытовую сеть на всю Россию, он понял значение двигателя Дизеля и революционность идей Шухова. Для него нефть была всего лишь способом сделать прогресс основой жизни.

— Эмануилу придётся принять это. Таковы обстоятельства.

— Мы его заставим, — добавил Эмиль.

Хамзат Хадиевич не сомневался, что младшие братья действительно вынудят старшего покориться. Они были очень упрямыми людьми.

— Ви хотите сдать конкурэнту? — холодно спросил Мамедов.

— Нет, «Шеллю» свою компанию мы не продадим.

— «Бранобель» стоит дороже, чем даёт Детердинг.

— Мы продадим компанию американцам. «Стандарт ойл» сделал нам деловое предложение.

Хамзат Хадиевич смотрел на заснеженный лес и слушал Йосту.

— Детердинг ненавидит коммунистов и не пойдёт на сотрудничество с ними, а Рокфеллер прагматик, он согласится взять наши бывшие предприятия в концессию у большевиков, и потому готов заплатить больше, чем Детердинг.

Мамедов знал, что американцы уже не раз приценивались к «Бранобелю». Рокфеллер боролся с Детердингом за мировые рынки, и приобретение фирмы Нобелей, то есть бакинской базы и российской

сети, сорвало бы все расчёты «Шелля» на лидерство. «Стандарт ойль» денег не пожалеет.

«Лидерство», «капитал», «прогресс» — эти понятия казались неуместными в промороженном финском лесу за станцией Дибуны, однако Мамедов скучал по таким словам. У большевиков он слышал совсем другие слова: «расстрел», «реквизиция», «диктатура пролетариата».

— Но существует одно препятствие. — Йоста Нобель, качнувшись при толчке, ухватился за борт коляски. — Из ста сорока тысяч акций двадцать шесть тысяч были изъяты советской властью. Через подставных лиц большевики могут вмешаться в работу компании. Ситуация совершенно неприемлемая. Акции нужно вернуть, иначе сделка со «Стандарт ойль» не состоится.

— Как их вернуть? — спросил Мамедов, уже догадываясь об ответе.

— Обменять большевикам на документы Турберна по Арлану. Арлан для комиссаров важнее, чем возможность навредить Рокфеллеру. — Фэгрэус Эйнарлович погиб.

— Но вы же знаете, где находятся его документы?

Мамедов отвёл взгляд. Ему не понравилось, что дело, за которое Турберн заплатил жизнью, Йоста Нобель превращает в предмет торга. Турберн работал для умножения производительной мощи человечества, а не для сбережения активов Йосты и Эмиля Нобелей. Хотя как иначе спасти дело Турберна?

— Я привезу докумэнты по Арлану, — мрачно согласился Мамедов.

— А я гарантирую вам щедрое вознаграждение в Стокгольме.

Хамзат Хадиевич горько усмехнулся.

Коляска выехала на пологий заснеженный берег неширокой речки. Речка ещё не замёрзла, в текучей чёрной воде блестели рассыпанные осколки луны. Серёдкин остановил лошадь. Мамедов вылез из коляски, открыл ящик на запятках и вытащил две пары рыбацких сапог с длинными голенищами.

— Это граныца, рэка Сэстра, — сказал он, подавая сапоги Нобелям. — Эё вам надо пэрэйти вброд. Здэс нэглубоко. За тэм лэсом — сторожка, гдэ вас ждут фынские погранычныки. Они доставят вас в Виборг.

— Сделка с Рокфеллером в ваших руках, господин Мамедов, — принимая сапоги, напомнил Йоста. — Прошу послужить «Бранобелю» в последний раз.

Катка — дурёха, девчонка, и всё тут!.. Алёшка не мог принять, что его старшая сестра уже стала молодой женщиной. Причиной этого превращения был князь Михаил, и Алёшка испытывал к нему ревнивую неприязнь. Алёшке казалось, что Михаил только корчит из себя умного и доброго, а сам и не хочет того, что имеет, ждёт чего-то другого, иного, лучшего. Алёшка сопротивлялся Великому князю и пытался соперничать с ним — благо Михаил для Катки ни шиша не делал. А вот он, Алёшка, — делал! Например, подыскал дом!

Конечно, особенно стараться Алёшке не пришлось: эта дача находилась совсем рядом со съездом в затон и была, наверное, самой заметной в посёлке. Тесовый терем словно вскипал от резьбы наличников, на палисад свысока смотрела веранда с фигурными столбиками, над ней царственно вздымался тройной кокошник фронтона, покрытый цветущими кружевами. Обогревала дом голландская печь, и Катя с Михаилом заняли второй этаж. Разумеется, жить в уюте и тепле позвали Ивана Диодорыча, он потянул за собой Федю Панафидина, а Перчаткин незаметно переместился сам, без приглашения. В итоге на даче обосновалась вся зимующая команда буксира «Лёвшино».

Каждый день с утра все, кроме Кати, отправлялись в затон на пароход. Приводили в порядок и смазывали механизмы, счищали снег с палуб и крыши, обдирали облупившуюся краску со стен надстройки, пешнями обкалывали лёд на майне — проруби вокруг судна. Возвращаясь вечером, каждый нёс ведро воды, это был запас на предстоящий день. Катя кормила команду ужином: в декабре пермский Рупвод расщедрился на паёк для работников затона — выдал по два фунта пшена на человека, сушёную рыбу и грязную муку.

В доме Алёшка сердито наблюдал за князем Михаилом: как он говорит с Катей, как ухаживает, вообще как держится. Катка — красивая, и чего такого нашла она в этом князе? Скучный, почти лысый, и к тому же старый пень — ему недавно сорок лет треснуло... Налопался и сидит, платком усы вытирает. Лучше бы дров напилил...

Хотя в бензиновых моторах он разбирается, это факт. Этого достоинства у него не отнять. Но Катке-то на кой чёрт моторы?..

Алёшка вылучил момент, когда остался с Катей наедине, и сказал ей:

— А Роман Андреич тебя тоже любит.

Алёшка хотел намекнуть, что на Михаиле свет клином не сошёлся. Катя слегка покраснела. Она и не сомневалась, что Горецкий в неё влюблён. Сейчас, когда она каждый миг чутко вслушивалась в себя, ей казалось, что её должны любить все, ведь в ней совершается невозможное таинство.

— Ты ещё маленький, Алёша, и ничего не соображаешь, — ответила Катя. — Причина в том, что Роман Андреевич хорошо к тебе относится.

— Расспрашивал-то он про тебя, а не про меня.

Прежняя увлечённость Горецким для Кати была милым воспоминанием, однако оно приятно согрело душу. Катя поняла, что смущена, и рассердилась:

— Иди к Перчаткину, Алёшка! Никакой от тебя пользы, честное слово!

Алёшка утащился к Яшке, но обучаться мухлежу ему сейчас не хотелось. Обидно было, что Катка так цепляется за своего Михаила, хотя тот даже царём не стал. И почему это от него, от Алёшки, никакой пользы нет?..

— Яшка, подъём! — распорядился Алёшка. — Я дело придумал!

— Поздно же, Лексейка! — заныл Яшка. — Меня уже ангелы во сны влекут!..

— Давай не ври! Ангелов ещё каких-то приплёл!.. Суй ходули в валенки!

На следующий ужин у Кати были и масло, и молоко.

По гладким доскам потолка плясали красные отсветы огня, в открытой печке трещало, по стёклам хлестала крупка ночной пурги. Иван Диодорыч как командир сидел во главе стола, Катя как хозяйка — напротив командира, Михаил и Федя — по правую руку от Ивана Диодорыча, Алёшка и Яшка — по левую. Иван Диодорыч с удивлением покопался ложкой в тарелке с кашей:

— Откуда такое угощение, Катюшенька?

— Мы с Яшкой в Оборино у мужиков выменяли, — похвастался Алёшка.

— На что выменяли? — нахмурился Иван Диодорыч.

— На стоячие часы с боем.

Яшка быстро понял, что грянет гроза, и сжался, прячась за самовар.

Иван Диодорыч гневно швырнул ложку в тарелку:

— По дачам лазали, ворюги?! Выгоню обоих обратно в казарму!

— Да меня-то за что? — охнул из-за самовара Яшка. — Я же только лошадку с санками у сторожа попросил!.. Я же сам подневольный, как та лошадушка!..

— Жрать-то нечего, дядя Ваня! — обиженно выкрикнул Алёшка.

— А я говорил, что часы эти беду накличат! — едва не заплакал Яшка. — Шипят, как аспиды в аду, и бой такой страшный, будто сам диавол голосом своим зычным силы преисподненские из пекла вызывает людей губить!..

— Катюше сейчас питание требуется, Иван Диодорович, — негромко сказал князь Михаил.

— Грех, конечно, — вздохнул Федя Панафидин, — но куда деваться?

— Да вы — банда хуже балтийцев! — вспылил Иван Диодорыч.

Катя слушала и улыбалась.

— Не сердись, дядя Ваня, — наконец мягко и уверенно вмешалась она. — Я велела им записку оставить, кто взял часы. Придёт срок — расплатимся.

Иван Диодорыч посмотрел на Катю через стол — и словно не узнал её. Та строгая девочка, которую он привёз в Пермь, и вправду превратилась в юную женщину, но не только обликом, а ещё и сутью, ведь женщины без всякой науки по природе своей мудры: они справедливо и мирно обустроивают жизнь даже там, где мужчина не найдёт никакого доброго способа.

— Вместо адреса я «Лёвшино» указала, — добавила Катя.

Квартиру на Разгуляе Иван Диодорыч бросил, не навещал; особняк Якутова заняли большевики, изгнав детей Дмитрия Платоновича; Михаил, Федя и Яшка и вовсе не имели никакого жилья. Домом им был их буксир. Эта очевидность общей судьбы обезоружила Ивана Диодорыча.

Где-то гремела гражданская война, сменялись правительства, наступали и отступали армии, а здесь на ледяном просторе Камы свободно свистела белая вьюга, толпой спали в затоне заметённые снегом пароходы, шумели сосны над дымящимися крышами посёлка, и окошки резной дачи в беспокойной тьме тихо светились тёплым огоньком керосиновой лампы. Катя чувствовала, что она счастлива. Отчаянно счастлива. Рядом с ней её мужчины: её избранник, её братишка и её названный отец, а ещё хороший мальчик Федя и смешной жулик Перчаткин. Но главное — то, что в ней самой. Катя замирала, думая о будущем. Это был и ужас, и блаженство, и какая-то сладкая гордость, что она — больше чем она, больше чем война; что, оказывается, нет ни времени, ни смерти, а есть бесконечное обновление. И дивное ощущение всемогущества ласкало Катю, не отпуская ни на миг, будто она всегда гладила котёнка.

Поздно вечером, перебив посуду, Катя поднялась в мансарду. Михаил не спал, сидел на койке и о чём-то думал. Катя присела рядом.

— Устала, — виновато сказала она.

— Нам надо кое-что обсудить, Катюша. — Михаил бережно обнял её. — Иван Диодорович говорил, что Анна Бернардовна работает акушером, да?

— Не волнуйся за меня, — улыбнулась Катя. — Со мной всё хорошо.

Она потёрлась щекой о плечо Михаила. Михаил тяжело покачал головой.

— Анна Бернардовна может помочь нам профессионально...

— Ты о чём? — удивилась Катя.

— Катюша, ты же умница, — Михаил глядел не на неё, а в пол. — Ты должна здраво оценивать наше положение, моя милая.

Метель на улице улеглась. За окном над идеальной плоскостью ледяной реки сияла морозная луна, яркая и беспощадная.

— Тебе необходимо прервать беременность, — твёрдо закончил Михаил.

Омск был городом скромным, потому особняк чиновника Батюшкина казался здесь изысканно респектабельным. Одноэтажное здание причудливой планировки — с портиками, арочными окнами, высокими крышами и куполом на углу, — стояло на берегу ледяного Иртыша. Вьюга наметала сугробы под стены, хлестала прохожим в лица, крутила снеговые столбы на реке. Федосьев смотрел в окно, нетерпеливо подрагивая ногой.

В особняке Батюшкина разместились адмирал Колчак с охраной и его помощники. Колчак сам пригласил Старка и капитана Смирнова на встречу, и Федосьев увязался за ними. К адмиралу должен был явиться генерал Нокс, и Михаил Иванович Смирнов передал Роману, что британец предлагает ему прийти для разговора. Горецкий и Федосьев остались в приёмной, где дежурил адъютант, а Старк и Смирнов скрылись за дверью адмиральского кабинета.

— Ну и пуржит! — пробормотал Федосьев и обернулся к Роману: — Знаешь, кого я в офицерском клубе встретил? Георгия Мейрера! Помнишь его?

— Конечно помню, — ответил Роман.

Это ведь Георгий отправил его в рейс на «Русле» вместе с Мамедовым.

— Достойный человек, а так не везёт!

— В чём не везёт? — поинтересовался Роман.

— Всё ещё мичман, хотя командовал флотилией. Когда Самару сдали, он с личным составом сюда эвакуировался. Живёт в казарме вместе с матросами. Гордый. Не желает своими заслугами перед командованием тряхнуть.

— Сам так выбрал, — усмехнулся Роман. — А про Бориса Константиновича Фортунатова он ничего не говорил?

Мысль о Фортунатове порой ещё беспокоила Романа.

— Нет, не говорил, — ответил Федосьев.

Адмирал Колчак болел. Он простудился на степных ветрах Омска в своей шинели из тонкого солдатского сукна и слёг. Сейчас он никого

не принимал, однако для Старка, Смирнова и Нокса почему-то решил сделать исключение.

Юрий Карлович увидел, как изменился Александр Васильевич. Похудел. Потемнел лицом. Резче обозначились скулы. И взгляд был уставший. Юрий Карлович и сам устал от войны, от смуты и дрязг. Суд в Уфе он расценил как личное оскорбление, и смену власти с гражданской на военную воспринял как долгожданный порыв к подлинному порядку, однако досадно было, что его оправдали по заступничеству Колчака, а не по объективному разбору вопроса.

— Должен поблагодарить вас, Александр Васильевич, — сказал Старк.

— Пустое, — сухо ответил Колчак. — Просто исправление ошибки.

Колчак был человеком сдержанным, но страстным, а кажущаяся сухость его объяснялась тем, что он старался говорить кратко или вообще не открывать рот. При осаде Порт-Артура он чуть не умер от цинги и потерял половину зубов, с тех пор привык сжимать губы и всегда выглядел напряжённо.

Михаил Иванович Смирнов едва заметно улыбался. Он подружески любил Колчака, и ему было приятно, что Старк оценил помощь Верховного.

Колчак с облегчением сел в резное кресло.

— Простите, я слаб, — признался он. — Садитесь и вы. Юрий Карлович, представляю вам генерала Альфреда Нокса, главу британской миссии.

Высокий и тощий англичанин любезно кивнул Старку. Кончики усов у него были щегольски закручены.

— У меня для вас несколько важных сообщений, — предупредил Колчак.

В приёмной в это время Федосьев и Горецкий с любопытством смотрели в заиндевелое окно — на улице разыгралась целая драма. Пьяный кучер вёз в санках пьяного купца. Купец заснул и завалился набок; санки трянуло на ледяном бугре, и с купца упала соболья шапка; её тотчас подобрала какая-то баба. Купец очнулся и пнул кучера ногой в спину. Кучер дёрнул за вожжи, останавливая лошадку, грузно слез на дорогу и, вихляя, побежал за бабой. А баба поняла, что силы равны, и решила шапку не отдавать. Кучер и баба, оба толстые и

неуклюжие, дрались прямо перед домом Верховного правителя России. Краснорожий купец что-то вопил из саней и махал кулаками.

— Может, и правы большевики, что частный капитал — это дурно? — задумчиво хмыкнул Федосьев.

— Дурными бывают государства, но не капиталы, — возразил Горецкий.

А в кабинете адмирал Колчак тяжело закашлялся.

— Извините... — прохрипел он, вытирая рот платком. — Продолжим... Генерал Нокс уже знает, а вас, господа, я извещаю, что из состава Военного министерства Сибирского правительства по моей инициативе выделяется отдельное Морское министерство... В условиях континентальной войны оно будет заниматься в первую очередь делами речного флота.

Адмирал умолк, массируя горло. Смирнов, Старк и Нокс тоже молчали.

— Полагаю, — сипло продолжил Колчак, — в скором будущем генерал Гайда возьмёт Пермь. В нашем распоряжении окажется крупный речной путь — Кама. В Перми мы создадим новую речную флотилию.

— Британское правительство уже выразило поддержку этому проекту, — вступил Нокс, он хорошо говорил по-русски. — Флот его величества к нужному сроку пришлёт вооружение для ваших речных кораблей. Возможно, у нас будут даже добровольческие части.

Колчак внимательно и строго посмотрел на Смирнова.

— Михаил Иванович, как Верховный главнокомандующий я повышаю вас в звании до контр-адмирала. Приказ о производстве я уже отправил в Ставку.

Измученный Смирнов поднялся со стула.

— Благодарю, ваше превосходительство!

— Руку не подам, я заразный... Кроме того, назначаю вас исполняющим обязанности морского министра. В предстоящей летней кампании вы будете командовать Камской флотилией.

Нокс лукаво подмигнул Смирнову:

— Немало для одного дня, господин контр-адмирал?

— Я ценю нашу давнюю дружбу, Миша, — сказал Смирнову Колчак, — но облакаю тебя доверием именно как специалиста. Прошу помнить об этом.

— Я служу России, Саша, а не тебе, — ответил Смирнов.

— Юрий Карлович... — Колчак посмотрел на Старка. — Я чувствую, что обошёл вас предложением, соответствующим вашей компетенции.

— Величайшая трудность власти, Александр Васильевич, заключается в том, чтобы не следовать желаниям подчинённых, — сказал Старк. — Я понимаю.

На самом деле Юрий Карлович действительно был уязвлён. Он — контр-адмирал с опытом командования флотилией, а Смирнов стал контр-адмиралом пять минут назад, и опыта командования не имел вовсе. Однако показывать обиду Старк не хотел: это ниже его достоинства.

— Поясню. К моему сожалению, вы несправедливо скомпрометированы идиотским судом в Уфе. Нужно время, чтобы личный состав забыл о столь досадном инциденте. Поэтому я и предпочёл вам Михаила Ивановича.

Старк смотрел на Колчака холодным взглядом.

— Я изучил ваш журнал боевых действий, — Колчак снова откашлялся, — и увидел недоработку прежнего командования. Флотилии не хватало воинского подразделения для действий на берегу. Мы это исправим. К новой флотилии я прикреплю бригаду морских стрелков. И прошу вас возглавить её.

— Как прикажете, ваше превосходительство, — непроницаемо ответил Старк.

— Спасибо, господа. — Колчак откинулся на спинку кресла и промокнул платком вспотевший лоб. — Тогда не смею задерживать.

Офицеры вышли в приёмную. Федосьев тотчас вытянулся, и Роман тоже распрямился. Старк молча повернулся к вешалке и принялся надевать шинель. Генерал Нокс, улыбаясь под усами, глядел то на Федосьева, то на Романа. Роман почувствовал, что приближается самое важное.

— Так кто из этих бравых молодых людей желал поговорить со мной о компании «Шелль»? — спросил Нокс у Смирнова.

— Я, господин генерал, — произнёс Роман спокойно и без подобострастия.

По настоянию Михаила Катя решилась на письмо, и Алёшка увёз его в город. Вернулся он уже с ответом. «Уважаемая Екатерина Дмитриевна, — писала Анна Бернардовна. — Понимаю ваше положение. Приму вас у себя на квартире завтра, декабря 24-го числа, в третьем часу пополудни. Приезжайте в санях, поскольку после операции ходить вам будет нельзя. А. Б. Викфорс».

Лошадь с кошёвкой князь одолжил у сторожа. Иван Диодорыч вышел во двор проводить Катю. Конечно, Катя не открыла дяде Ване истинную цель своей поездки: признаться в таком ей было невыносимо стыдно; но тоска от принятого решения была ещё невыносимее, и о стыде Катя не думала. Она вообще не могла думать. Жизнь казалась ей нереальной, голова плыла, земля под ногами исчезла. Катя потеряла себя. Её предали. Она хотела умереть.

— Тебе нездоровится? — спросил Иван Диодорыч, тревожно всматриваясь в Катю. — Может, не надо ехать?..

— Я справлюсь, — еле слышно пообещала Катя.

Иван Диодорыч вытащил откуда-то маленький револьвер «бульдог» и сунул его в карман Катиного тулупчика.

— Возьми на всякий случай, — сказал он.

— Я сам смогу её защитить, — с неудовольствием возразил князь Михаил.

Он укутал Катю большим ямщицким зипуном.

Иван Диодорыч не ответил. Катя была для него всем, а Михаил — ничем.

По слухам, в Перми было опасно. Большевики в ожидании разгрома осатанели. Белые надвигались на Пермь с двух сторон. Генерал Гайда захватил Кунгур. Генерал Пепеляев перерезал Горнозаводскую железную дорогу и располовинил Третью армию красных; её северная часть беспорядочно отступала в Соликамск, а южная готовилась погибать в Перми. Горожан гнали рыть траншеи, по ночам на окраинах города кого-то расстреливали.

— С богом!.. — Иван Диодорыч перекрестил кошёвку.

Скрипя, кошёвка поползла через посёлок к архиерейской даче с резной шатровой колокольней. Перед дачей по дну оврага пролегал съезд на Каму. И вскоре полозья свободно засвистели на укатанной ледовой дороге.

Князь Михаил был и взволнован, и встревожен, хотя и не подавал вида. Его беспокойство началось ещё месяц назад, когда в большевистских газетах он прочитал, что в Омске у белых — переворот, КОМУЧ низложен, а к власти пришёл адмирал Колчак. Михаил немного знал Александра Васильевича, как знал почти всех значительных людей империи. Колчак действительно мог изменить судьбу страны — и уж точно мог изменить судьбу князя Михаила.

Он, Михаил, всегда стремился к свободе, и для этого предпочёл стать частным лицом, а не наследником престола. Но в большевистской России никто не был свободен, тем более — частные лица. И несвобода глухо заплетала жизнь князя, словно паутина. Ему не разрешили эмиграцию, его арестовали, его сослали в провинцию, его попытались расстрелять... Затем он три месяца сидел в трюме парохода. И сейчас, когда освобождение уже совсем близко, беременность Кати оказалась для него новыми узами.

Катя — хорошая девушка. Очень хорошая. Но он её не любит. Флёр былой увлечённости развеялся, едва подул ветер перемен. Они с Катей были вместе, как потерпевшие кораблекрушение, как люди одного круга, помещённые во враждебную среду. В их связи нет ничего дурного, но и любви тоже нет. А ребёнок сделает эту связь обузой, кабалой, вечными укорами недовольства.

— Не думай, что я чудовище, Катюша, — попросил Михаил, оглядываясь на Катю в санках. — Потом ты поймёшь мою правоту. Россия не место, чтобы рожать. У нас впереди — очень долгая дорога по воюющей стране, лишения, опасности, вероятно, даже голод. Не обрекай себя и ребёнка на страдания.

Катя молчала под ямщицким зипуном.

Михаил смотрел по сторонам на пустынные снежные берега и мысленно повторял свои аргументы. Конечно, его позиция небезупречна. Однако надо отдавать себе отчёт: если не решить эту проблему немедленно, пусть и небезупречно, в будущем она превратит его, князя, в окончательного подлеца.

Катюше нет места в его жизни. Они расстанутся — рано или поздно. Ему нужны жена Наташа и сын Георгий. И он очень скучает по своей настоящей семье, ради которой когда-то отказался от трона и от родины. Адмирал Колчак должен помочь ему вырваться из России. Во Владивосток с грузами для Колчака приходят военные транспорты из Франции и Великобритании. Он, князь Михаил, уедет в Европу, пересечёт океаны, преодолеет полмира, найдёт жену и сына. Ведь у него есть обязательства не только перед Катей Якутовой.

— Ребёнок появляется по обоюдному желанию родителей, Катя. Прости, но я не даю своего согласия. Я имею право на это.

Михаил уже не оглядывался на Катю. Он был уверен, что на стороне Кати — вовсе не святость материнства и не божья воля. Катей движет обычный женский эгоизм. Так уж устроены женщины: они всему находят применение — надколотой чашке, приبلудному щенку, случайной беременности. Женщины всё принимают, стараются всё приспособить к делу, всему дать жизнь. Не следует судить их за природу души, но не следует и бездумно потворствовать.

Избавившись от беременности, он, Михаил, избавится и от самой Кати. Женщину с ребёнком бросать нельзя, непорядочно, а без ребёнка — можно. И он ничего не сообщит Наташе о Кате. Зачем? Конечно, мудрая Наташа не стала бы его винить, но всё равно он причинил бы ей сильную боль.

Кошёвка приближалась к железнодорожному мосту. Уже издалека было видно, как вдоль длинных решётчатых ферм справа налево движутся султаны тёмного дыма: большевики эвакуировались, поезда друг за другом катились из Перми на безопасный берег и дальше, дальше, дальше — до города Глазова.

Лошадь, качая башкой, покорно прошла мимо огромного каменного устоя — словно мимо утёса. С одной стороны устоя был закруглён, с другой стороны имел скошенный выступ ледореза, похожий на капонир. Наверху грохотало и клацало. От моста открывался вид на камский створ до Мотовилихи. Белая плоскость льда была усыпана чёрными точками: люди покидали Пермь.

— Катюша, приготовь револьвер, — негромко попросил Михаил.

Беженцы ехали на санях и шли пешком, поодиночке и группами. На кошёвку Михаила и Кати никто не обратил внимания. Судя по всему, бегство началось уже давно: снег на льду был грязно истоптан

ногами и располосован полозьями. Справа чернели проруби с бурыми потёками по краям: здесь большевики расстреливали врагов и спихивали окровавленные тела в воду. За причалами и фабричными цехами Заимки вдоль берега, отгораживая город, тянулись стоящие в заторе эшелоны — их не пропускали на станцию.

Михаилу и Кате пришлось добраться до пассажирских пристаней, где железная дорога ныряла в тоннель, и можно было преодолеть заслон из вагонов сверху. По Обвинской улице кошёвка поднялась к Торговой и перед садом возле оперного театра свернула к нобелевской конторе. Катя смотрела на это здание с безмолвным ужасом — будто на тюрьму, где её должны казнить.

Вокруг царила суета, куда-то бежали красноармейцы, прохожие жались к стенам, на мостовой валялись сломанные доски и тряпки, в театральном саду артиллеристы устанавливали орудие. Вдали трещало и гулко бабахало. Князь Михаил вылез из кошёвки и с усилием отворил ворота в арке. Арка вела во двор конторы «Бранобеля». Михаил понимал, что сейчас совсем не время заниматься медицинскими операциями, но, возбуждённый предчувствием новой жизни, хотел поскорей убрать все препятствия на пути к свободе.

— Екатерина Дмитриевна, ещё пять минут, и можно начинать.

В большой квартире над конторой одна комната у Анны Бернардовны была оборудована под операционную: кушетка, шкафчики, столы, больничная белая ширма, электрический светильник. Анна Бернардовна облачилась в медицинский халат, завязанный на спине; волосы убрала под шапочку. На горелке булькал никелированный лоток, в котором кипятились инструменты.

Катя ещё не переделалась. Не смогла. Её трясло. В операционную она так и не зашла — просто в дверной проём увидела какие-то хирургические штуки в кювете и попятилась к окну. Неужели в ней, в её теле, сейчас будут ковыряться этой острой сталью?.. Неужели сейчас в ней убьют её новую жизнь?..

Анна Бернардовна появилась в двери.

— Вам надо взять себя в руки, милочка, — сказала она.

В голосе Анны Бернардовны звучало укоряющее превосходство доктора. От далёкой канонады стёкла в окнах тихо позвякивали.

Катя посмотрела в холодное и строгое лицо Анны Бернардовны. Такие лица были у «хаус мистрис» в Шерборнской школе. И Катя вдруг ощутила, как от страха и несогласия в ней просыпается душа. Конечно, Анна Бернардовна не виновата в предстоящем ужасе. А кто виноват? Сама Катя? Но она не боится будущего ребёнка!

Она не боится голода, лишений, неустроенности! И дядя Ваня ей поможет!.. Если бы рядом был папа, он не позволил бы Кате сделать то, что она собиралась сделать!.. Так кому же это нужно?

— Я всё отменяю, Анна Бернардовна! — твёрдо объявила Катя. — Простите, что побеспокоила напрасно. Я ошиблась.

— Потом будет поздно, — предупредила Анна Бернардовна.

— Не надо меня убеждать.

Катя торопливо обувалась. Так кому же нужно, чтобы она убила ребёнка? Не ей, не дяде Ване, не папе, никому. Только Михаилу.

Катя словно умылась ледяной водой — она впервые осознавала Михаила совсем иначе, нежели всегда. Кто он? Беглый аристократ, который укрывается от судьбы! Он объяснял, что стремится к

свободе... Но стремился он лишь к устроенному быту, в котором есть привычная семья, тихое благополучие, безобидные увлечения... Люди яростно бьются за свободу, чтобы жадно жить полной жизнью. А Михаил хотел, чтобы его просто оставили в покое!.. Она, Катя, жертвовала ребёнком ради покоя человека, который её даже не любит!

Катя обмотала голову платком и быстро влезла в тулупчик... Платок ей подарила тётя Даша, тулупчик раздобыл дядя Ваня, а что ей дал Михаил?.. Катя сбежала по лестнице. Она никогда не вернётся в это жуткое место!

В замкнутом внутреннем дворе звуки отражались от кирпичных стен, и канонада бабахала громче, а треск пулемётов казался ближе. Лошадь двигала ушами, но продолжала хрустеть овсом — на морде у неё висела торба. Михаил поднялся из кошёвки навстречу Кате. Он обо всём догадался мгновенно.

Катя смотрела на него с упрямым вызовом:

— Я не буду лишать себя ребёнка!

Михаил как-то по-мужицки хлопнул руками по бокам.

Катя нарушала все его замыслы. Он рассчитывал, что привезёт Катю в Канны и оставит матери. Это было бы порядочно и благородно. Однако оставить Катю беременной или с младенцем на руках — уже бульварщина, водевиль, балаган! Великий князь Михаил тихо закипел от унижения.

— Катюша, это в высшей степени опрометчиво!

Катя молчала, словно ждала, когда же он скажет правду.

Михаил растерянно озирался по сторонам: окна, в которых блестело тусклое небо, лошадь с торбой, арка, дровяной сарай, сугробы вдоль стен.

— Пойми же, Катя, наш ребёнок в первую очередь будет представителем династии Романовых! Императорской династии!.. Или тебе льстит эта честь?

Катя презрительно улыбнулась.

— Его будут безжалостно преследовать, как преследуют каждого из нас! Происхождение будет проклятием и непременно изуродует его судьбу, как изуродовало мою! Зачем обрекать кого-либо на такую жизнь?!

Но слова Михаила не трогали Катю. Все предостережения казались ей глупыми, мелкими, и сам Михаил тоже казался мелким и

эгоистичным. Как она могла обмануться? Как могла полюбить его? Этот воспитанный мужчина — всего лишь перепуганный комнатный мопс, который прячется в тёмных закоулках и гавкает на тех, кто пытается вытащить его на свет. Он думает только о себе. Он добр только до тех пор, пока доброта ничего ему не стоит!..

Внезапный толчок сбил Катю с ног, и она повалилась в сугроб. На миг ей почудилось, что это Михаил ударил её, но Михаил стоял в пяти шагах перед ней у кошёвки, а ударил её совсем другой человек — какой-то мастеровой или красноармеец: он заскочил во двор с улицы.

— С дороги! — рявкнул он Михаилу.

Оттолкнув Великого князя, он правой рукой схватился за оглоблю саней, потянув лошадь на выход, а в левой руке у него был квадратный маузер.

— Всё, барин, теперь я прокачусь! — весело крикнул он.

Катя с изумлением узнала Ганьку Мясникова.

Командование большевиков первым почуяло, что город не удержать, и кинулось прочь, хотя на рубежах обороны рядовые бойцы ещё вели огонь из пушек и пулемётов. Командиры бежали из Перми кто куда, кто как смог — бросив все штабы и обозы, бросив раненых в госпиталях, бросив эшелоны, застрявшие на путях перед станцией. И Ганька тоже бежал. Он сообразил, что одному ускользнуть будет легче, а на возке — ещё и быстрее. Ему повезло заметить кошёвку, притаившуюся во дворе дома на Торговой улице.

— Прекратите грабёж! — возмутился Михаил, дёрнув Ганьку за воротник.

Ганька тотчас выпустил оглоблю, повернулся и врезал Михаилу в ухо.

Михаил отшатнулся, уронив шапку.

Они застыли друг напротив друга — Ганька Мясников и Великий князь. И Ганька узнал его. Сейчас Михаил был похож на себя куда больше, чем на борту буксира «Лёвшино»: не обросший, исхудавший и перепачканный мазутом, а чистый, выбритый и подстриженный. Таким Ганька и видел его в июне, когда ссыльного гражданина Романова привезли из гостиницы на допрос в ГубЧК.

— Вот ты и попался, подлюка! — широко улыбнулся Ганька.

Он поднял маузер.

Михаил стоял прямо, с непокрытой головой и рассыпавшимися волосами.

Это было немыслимо, невозможно — наткнуться на убийцу здесь, в глухом дворике, когда враги уже повержены, когда до свободы — всего один шаг!..

— Катюша, револьвер!.. — едва слышно выдохнул Михаил.

У Кати в кармане лежал «бульдог» Ивана Диодорыча. Князь Михаил вспомнил о нём. Катя, сидя в сугробе, сунула руку в карман.

Ганька посмотрел на Катю и задорно подмигнул.

— А ловко же вы меня объегорили! — признался он.

Катя вытащила из кармана револьвер. Ганька несколько не испугался. Он каким-то звериным чутьём уловил, что Катя не выстрелит.

А Катя, обомлев, поняла, что Михаил уже мёртв. И мёртв он очень давно. Смерть окружала его, будто широкая тень. По её воле Михаил отнял у Кати отца, а теперь хотел отнять и ребёнка. И потому Великий князь должен был уйти туда, где ему и место, — туда, куда ещё летом отправил его Ганька.

— Катюша, умоляю тебя!.. — прошептал Михаил.

Ганька выстрелил в него. Звук лопнул в кирпичной коробке двора, как воздушный шарик. Михаил согнулся, прижав руку к груди, словно очень сожалел о чём-то, и Ганька выстрелил во второй раз. Михаил упал на снег. Ганька шагнул к нему и для верности добил третьим выстрелом сверху вниз.

Затем он опять оглянулся на Катю.

— Запомни, мадмазель, — торжественно заявил он, — ты свидетелем стала, что Гавриил Мясников самолично закончил последнего царя!

Он переложил маузер в левую руку, взялся за хомут и повёл лошадь в арку. Лошадь послушно пошагала, мотая хвостом. Михаил лежал неподвижно.

Михаил лежал неподвижно, а Катя сидела в сугробе, стискивая револьвер. Великий князь получил свою свободу. И она тоже получила свободу.

Фронт рассыпался, всё перемешалось, и в деревнях не знали толком, под красными они или под белыми. После Вятки Хамзат Хадиевич двигался в стороне от железной дороги по большим волостным сёлам, в Ильинском пристроился в обоз до Полазнинского завода, а там опять вышел на магистраль и залез на поезд, идущий с Луньевских копей. Он чуть не замёрз в полувагоне с углём, и Нобелевский городок на берегу Камы стал для него спасением.

К удивлению Мамедова, городок работал бодро, хотя последние баржи с бакинской нефтью прибыли сюда уже давным-давно, в июне, то есть полгода назад. Возле белых баков с надписью «Бранобель» стояли железнодорожные цистерны, в мастерской тарахтело динамо, подавая электричество в дома, в затоне рабочие расчищали от снега буксиры и плавучую нефтеперекачку.

Ханс Иванович Викфорс, управляющий, словно бы обрусел: отпустил уездную бородку, носил стёганую поддёвку и обрезанные валенки. Он сразу принялся отпаивать Мамедова чаем из самовара, у него даже варенье было.

— Абсурд гражданской войны, Хамзат Хадиевич! — рассказывал он. — К нам в Пермь везут из Владивостока сингапурский керосин! Каждый фунт по цене золота! Зато какая прибыль Детердингу и «Шеллю»!

— Да, «Бранобэл» проиграл, — согласился Мамедов.

— Жаль, что Фегреус не успел наладить добычу на Арлане... Кстати, он обещал вернуться по завершении полевого сезона, но пропал.

— Турбэрна расстрэляли ыжэвцы, — сухо сообщил Мамедов.

Ханс Иванович, поражённый, сел на табурет.

— Какой ужас! — прошептал он. — Анна Бернардовна так его любила!..

Мамедов плотнее прикрутил краник самовара, из которого капало.

— Компаньи конэц, Ханс Ыванович. Йоста йи Эмыль рэшили продать эё Рокфэллэру. Эманьил Людвигович нэ сможэт противостоять сэмые. У нас нэт ныкакой поддэржки от властэй.

Совэты национализируют наши прэдрпирятъя, брытанцы саботыруют. На Колчака надэжда, я понымаю, напрасна?

— Увы, Колчак не союзник Нобелям, — подтвердил Викфорс. — Его армия зависит от британских поставок, а Британия — это Детердинг.

Они оба помолчали.

— Неужели наш добрый старый «Бранобель» ниоткуда не может получить помощи, Хамзат Хадиевич? Мы сорок лет снабжали нефтью всю Россию, и неужели сейчас никому не нужны? Почему такая неблагодарность?

В гостиной было тепло от голландской печи; уютно пощёлкивали часы с маятником; на комодѣ и буфетѣ лежали кружевные накидки — хозяйкино рукодельѣ. Окна понизу заросли поблѣскивающими узорами изморози.

— А я ведь надеялся, что Нобели справятся... — печально признался Ханс Иванович. — Ещѣ позапрошлой осенью Хагелин предлагал мне хорошее место в сбытовой конторе Ганновера... Но я же русский! Я сам строил этот городок! — Ханс Иванович указал рукой за окно. — Это дело моей жизни!..

— Йи мозѣй, — подтвердил Мамедов.

— Мне целый год не платили жалованья, и я жил на иждивении супруги — Анна Бернардовна имеет небольшую медицинскую практику... Но мы с ней оба верили, что всё наладится, надо лишь потерпеть... А сейчас возле моих мастерских стоят цистерны «Шелля», и вы говорите, что Нобели нас предали!

Хамзат Хадиевич отвернулся.

— Скажите, Ханс Ыванович, — наконец спросил он, — вам что-нибудь ызвѣстно о Йекатэрыне Якутовой, дочери пароходчика?

— Да, — кивнул Викфорс, и Мамедов впился в него взглядом. — Я был дружен с Дмитрием Платоновичем... Катя наблюдается у Анны Бернардовны, эта милая девушка сейчас в тягости. Очень смело по нынешним временам...

— А брат эѣ?..

— Отчаянный мальчик! — улыбнулся Ханс Иванович. — Он здесь, в Перми. Каким-то чудом перебрался к сестре из Нижнего Новгорода. Насколько я знаю от Анны Бернардовны, они вместе живут при затоне в Нижней Курье. Заняли там дачу самовольно. Их опекает

Иван Диодорович Нерехтин, капитан, тоже друг Дмитрия Платоновича.

— Это далэко — Ныжная Курья?..

От Нобелевского городка до Нижней Курьи было семнадцать вёрст — немало, но Хамзат Хадиевич всё равно решил идти. Не для того он проделал такой огромный путь, чтобы медлить перед самой целью.

Ханс Иванович предлагал проводить его до разъезда и подождать какой-нибудь попутный поезд, но Мамедов отказался. Он вышел на ледовую дорогу по Каме и пошагал к Перми. Из снеговых брустверов кое-где торчали зелёные еловые ветви, чтобы дорогу было видно и в темноте. Стылое малиновое солнце, склоняясь к горизонту, повисло вдаль прямо в створе — как фарватерный знак. Оно словно бы хотело рассмотреть Мамедова повнимательней.

Хамзат Хадиевич шёл и шёл, шёл и шёл, один в этой бесконечной зимней протяжённости реки. Впереди, чуть левее, на фоне широкого багряного заката выросли сиреневые кучевые дымы сталепушечного завода. Хамзат Хадиевич думал о Нобелях. «Предали!» — сказал о них Викфорс. Это слишком жестокие слова. Нобелям не оставалось иного пути, кроме продажи компании... Однако Викфорс тоже прав: Хамзат Хадиевич и сам ощущал, что предан. Почему?.. Причина ведь не в собственности на предприятия. Причина в том, что Нобели утратили веру в будущее. С верой можно было надеяться на победу белых в гражданской войне, на какой-нибудь внезапный поворот истории, на чудо... А без веры надо просто продавать компанию, и всё. Но вера в будущее — это суть прогресса. Нобели отреклись не от Мамедова с Викфорсом и не от компании, они отреклись от прогресса. От того, на чём компания и стояла изначально.

На Мотовилихинском заводе светились ряды окон в длинных корпусах, что-то погромыхивало, всплывали клубы пара. Хамзат Хадиевич думал об Алёше Якутове. Алёша и есть будущее. При белых или при красных, не важно. Альоша не может предать прогресс, как не может отринуть себя. Альоша — вот для кого стоит жить и что-то делать. Конечно, он, Хамзат Мамедов, достанет Нобелям документы Турберна, спрятанные в поломанном локомотиве на Арланском промысле, но работать с Нобелями уже больше не будет. Ему это нэ ынтэрэсно. Он не охранник при коммерсанте. С большевиками мир

стал ещё хуже и злее, поэтому инженерам требуется защита. Он, Хамзат Мамедов, знает своё место в этой жизни, и у него уже есть свой инженер.

Хамзат Хадиевич прошёл мимо всей Перми: пристани с пакгаузами и эстакадами, церковь, особняки на высоком берегу, шпиль собора, фабрика, снова пристани с пакгаузами и эстакадами, трубы завода, товарные склады, огороды, железнодорожный мост через всю реку... День давно угас. В тёмно-синем небе висела мертвенная луна. И справа, и слева берега стали пустыми.

В конце концов Хамзат Хадиевич увидел справа низкую дамбу; на ней, как огромные валуны, лежали заснеженные бакены; за дамбой торчали мачты пароходов, сгрудившихся в затоне. Хамзат Хадиевич направился к берегу.

Он ещё снизу заметил эту дачу с тройным арочным фронтоном. Окна дачи тепло светились. Хамзат Хадиевич подумал, что Альоша непременно должен быть там — так радостно и по-доброму выглядел сказочный резной теремок.

Пыхтя, Хамзат Хадиевич вскарабкался на крутой склон. Оказывается, он очень вымотался... Он подошёл к забору перед дачей и остановился у калитки, чтобы рассмотреть двор. В сарае кто-то возился, сердито брякал там чем-то, споткнулся о ведро. Дверка сарая распахнулась от пинка. Алёшка, ругаясь вполголоса, тащил здоровенную охапку дров, обхватив её обеими руками.

— Альоша!.. — негромко окликнул Хамзат Хадиевич.

Алёшка, закинувшись назад, повернул кудлатую голову.

Дрова полетели в снег, Алёшка полетел к забору.

Он облапил Хамзата Хадиевича, такого толстого и неуклюжего в тулупе, и Хамзат Хадиевич тоже неловко обнял его.

— Дядя Хамзат!.. — упоённо выдохнул Алёшка.

— Альоша!.. — сдавленно ответил Мамедов.

В коридорах пульманов и в вагоне-ресторане, где сутки напролёт сидели господа офицеры, свет по ночам даже не убавляли, хотя из тьмы по горящим окнам могли стрелять бойцы атаманщины или красные партизаны, а двигался поезд Верховного правителя медленно, потому что опасался снеговых заносов и разобранных путей. Перед поездом в глухом завьюженном мраке катилась моторная бронеплощадка с пулемётами и грузом рельсов. Троицк и Курган, Челябинск и Златоуст... Машинисты подгадывали, чтобы Верховный прибывал в города по утрам. На перронах выстраивались комендантские роты и оркестры; Колчак выходил в серой солдатской шинели и принимал рапорты начальников гарнизонов, потом приглашал встречающих к себе в салон-вагон на завтрак. Обедать и ужинать он отправлялся к местным властям. Депутации подносили адреса, войска маршировали на парадах, в госпиталях раненые солдаты получали Георгиевские кресты, в театрах выступлениям адмирала рукоплескали земцы, на банкетах гремели бравурные тосты.

Разумеется, Роман в этих торжествах не участвовал. Ещё в Омске к поезду Колчака подцепили вагон военно-морской миссии commodора Мюррея; вагон ехал до Перми. Романа поселили в купе с Федосьевым, но Петька всё время пропадал у каких-то приятелей, возвращался пьяный и сразу валялся спать.

В вагоне-ресторане Роман встретил Костю Строльмана.

— Уже и не на реке, а всё ещё пересекаемся? — усмехнулся Роман.

— Дело не в реке, а в общей борьбе, — серьёзно ответил Костя.

Он чувствовал себя бывалым фронтовиком.

— Вы по-прежнему у Каппеля?

— Да, конечно. — Костя намазывал масло на хлеб. — В ноябре Владимир Оскарович произведён в генерал-майоры. Его части стоят в Кургане, а меня командировали в Пермь. Повезло, что адмирал направляется туда же.

— Послушайте, Костя, — Роман говорил осторожно, — а вам известно что-либо о судьбе Бориса Константиновича Фортунатова?

— Борис Константинович с нами ещё с Самары. Вместе отступали.

— И как он?..

Костя опустил нож и оглянулся. В ресторане никто на них не обращал внимания: офицеры за соседними столиками говорили о своём, тихо скользили в проходе официанты, вагон покачивался, позвякивала посуда.

— Вы же знаете, что Борис Константинович — учредиловец, — негромко сказал Костя. — А для членов КОМУЧа адмирал Колчак — реакционер. Многие из комитетчиков встали в оппозицию к нему, некоторые даже сбежали к красным. Адмирал издал приказ об аресте учредиловцев. Но Фортунатов — храбрый солдат. Каппель взял его под защиту и не позволил арестовать.

Роман почувствовал удовлетворение. Фортунатов отстранён от дел, и это главное. Золото КОМУЧа теперь у Колчака, и Фортунатову не узнать, все ящики получил Колчак или не все. След «Кологрива» затерян. Может, Фортунатова вообще убьют на передовой, тогда угроза разоблачения рассеется как тень.

— А вам зачем в Пермь? — спросил Роман, чтобы перевести разговор.

— Вы, похоже, забыли, что моя сестра — жена Владимира Оскаровича, — немного обиделся Костя. — Я должен забрать её, детей и своих родителей и привезти их в Курган. Так что я еду по личному поручению генерала Каппеля.

При упоминании о жене Каппеля, оставшейся в Перми, Роман подумал о Кате Якутовой. Если бы не гражданская война, он наверняка женился бы на Кате. Наверняка был бы счастлив. Наверняка сделал бы прекрасную карьеру и со временем заменил бы Дмитрия Платоновича в руководстве компании. Из капитанов — в собственники пароходства. Как Альфонс Зевеке. Или Владимир Глазенап, основатель «Самолёта». Но обрёл бы он себя? Сумел бы ощутить свою личную силу, а не силу огромного предприятия?.. Зато сейчас он знает, что выдержан и настойчив. Умён и предприимчив. Что он может убить, если потребуется. Что его успех — это его заслуга, а не удача и не чужая милость.

В тёмном купе пьяный Федосьев ворочался на узкой койке, пытаясь уснуть. За окном в непроглядной ночи плыли какие-то

тусклые огни.

— Скучный ты человек, Горецкий! — пробормотал Петька. — Ни выпить с тобой, ни поговорить!.. Чего тебе надо вообще?..

Вагон покачивался и поскрипывал, глухо стучали колёса.

В Екатеринбурге поезд застрял на три дня, потом на пути в Нижний Тагил Горецкого наконец вызвал к себе коммодор Мюррей — за Романом пришёл переводчик коммодора лейтенант Юинг, молодой человек в очках.

— Простите, что пришлось так долго ждать! — прокричал Юинг, когда они с Романом пробирались через грохочущий тамбур. — Коммодор и сам ждал ответа от руководства... Только в Екатеринбурге получил телеграмму!..

В своём купе коммодор Мюррей жестом пригласил Романа садиться и достал из дорожного бьюара записную книжку.

— Британский экспедиционный корпус обязался снарядить два судна для речной флотилии, — переводил слова коммодора Юинг. — Одно — плавучая батарея. Орудия она получит с крейсера «Суффолк», который ошвартован во Владивостоке, и команда будет набрана из добровольцев с этого корабля. Второе судно — канонерская лодка. Между Уфой и Златоустом действовал наш бронепоезд с моряками крейсера «Кент», его на днях выведут с позиций в Омск и расформируют, а экипаж и артиллерию отправят в Пермь.

Роман кивал, хотя не очень понимал, как всё это связано с его делом.

— Детердинг ответил на обращение генерала Нокса, — продолжал Юинг.

Роман напрягся. Разумеется, он рассчитывал, что после разговора с ним генерал Нокс, глава британской военной миссии, свяжется с Детердингом. Но ведь положительного результата никто не гарантировал.

Генри Детердинг был руководителем корпорации «Шелль» и бешено богатым человеком; в Лондоне к его словам прислушивался и Форин-офис, и само Адмиралтейство. В мире нефти и больших денег только Джон Рокфеллер с его корпорацией «Стандарт ойль» превосходил Детердинга по влиянию.

— Господин Детердинг был заинтересован предложением... — коммодор Мюррей глянул в записную книжку, и Юинг помедлил, —

господина Поляка. Видимо, вы знаете, кто это. — Роман кивнул. — Господин Детердинг желал бы, чтобы оборудование буровой станции было доставлено в Восточный отдел компании в Сингапуре. Необходимые расходы «Шелль» берёт на себя.

Это была полная победа. Роман даже не очень поверил.

— Вам, господин Горецкий, компания предлагает организовать перевозку вышеназванных грузов. На ваше имя в Русско-Азиатском банке будет открыта кредитная линия, чтобы вы имели средства для аренды парохода, на котором сможете переправить необходимые грузы по реке в Пермь, где это имущество будет принято британской железнодорожной миссией. Охрану вашего судна будет осуществлять канонерская лодка с экипажем из числа моряков крейсера «Кент», о чём коммодор проинформировал вас в начале встречи.

Роман не смог вернуться к себе в купе, где спал пьяный Петька Федосьев. Он пошёл в вагон-ресторан. В железных тамбурах всё грохотало от звонкого перестука колёс, а Роману казалось, что это грохочет у него в голове.

Он заказал графин зелёного шартрёза — наверняка шанхайская подделка, ну и ладно. Поезд адмирала Колчака мчался в глухой полночи по кособоким увалам Уральских гор; под луной сверкал синеватый снег, тянулись зубчатые тени ельников... А где-то на другой стороне земного шара в столице великой империи, империи, над которой никогда не заходит солнце, один из самых могущественных в мире людей сказал, что заинтересован в Романи Горецком — лично в нём, и не просто заинтересован, а готов вложить в него деньги. Это — путь наверх, в немыслимую высоту!.. Роман подумал, что никто в поезде, даже коммодор Мюррей, не понимает масштаба его триумфа. Да что там в поезде... Никто бы не понял в городе Перми, на реке Каме, на всей Волге, во всей России... Впрочем — если бы знала, то всё поняла бы Катя Якутова.

На дворе дачи Иван Диодорович и Хамзат Хадиевич двуручной пилой пилили бревно, уложенное на козлы. Они распарились и сбросили зипуны.

— Ты не толкай пилу вперёд, Хамзат, а на себя вытягивай! — ворчал Иван Диодорыч. — Чему вас там у Нобелей-то учат? Ни хрена не умеешь!

— Нычему нэ учат, Ванья, — соглашался Мамедов. — Зра хлэб эдим.

Оказывается, Хамзат Хадиевич и вправду ни хрена не умел: не знал, как разводить пилу, как насаживать топор на топорище, как топить русскую баню. А Ивану Диодорычу нравилось поддевать Мамедова. Ему вообще понравился этот нобелевец, особенно когда сбрил свою разбойничью бороду. В Мамедове Иван Диодорыч сразу увидел сильного человека — да, жестокого, но умного и надёжного. Хорошо иметь такого друга и очень плохо иметь такого врага.

Сегодня Иван Диодорыч объявил общий выходной: пора было заняться хозяйством. Вместе с Мамедовым Нерехтин взялся пилить брёвна, Федя Панафидин колот чурбаки, а Лёшка, не терпевший монотонной работы, лопатой разгребал снег. Бестолковый Перчаткин остался в доме: готовил обед и чистил самовар. Над фигурными крышами дач, над кронами корабельных сосен, над простором ледяной Камы горел ослепительный зимний день. Всё вокруг словно бы остро сверкало по краю зрения, на белизне сугробов лежали сиреневые тени. Беззвучно рвалась ввысь яростная синева мёрзлого неба.

Нерехтин и Мамедов допилили бревно и присели отдохнуть.

— Накинь зипун, — посоветовал Иван Диодорыч.

Мамедов натащил на плечи толстую одежду. Федя Панафидин, тяжело дыша, звонкими ударами забивал колун в свилеватый чурбак.

— Что делать думаешь, Хамзат? — негромко спросил Иван Диодорыч.

— Устал я бэгать, Ванья, — ответил Хамзат Хадиевич. — Дождус вэсны у тэбя, эсли нэ прогоньшь. Потом на Арлан. Сэчас промысэл под красными, но надэюсь, что бэлые к навывацьи отобьют Сарапул.

Алёшка уже всё рассказал Ивану Диодорычу о Мамедове и Арлане.

— Я за тобой смотреть буду, — честно предупредил Иван Диодорыч. — Лёшка и Катюшка — дети моего друга. Считай, что мои. Если не поверю тебе, то не отпущу Лёшку с тобой. Не обижайся. За Нобеля сгинуть я Лёшке не дам.

— Нэт болше Нобэлей, — мрачно произнёс Мамедов. — Нэзачем ныкому умирать за них, даже мнэ. Оны отказалысь от своэго дэла.

Иван Диодорович горько усмехнулся:

— Может, и мне от своего парохода отказаться, Хамзат? Чего я за него цепляюсь? Чай, не Гроб Господень.

Иван Диодорович хлопнул Мамедова по спине, встал и пошёл в дом. Он ждал к обеду гостей — начальника затона и караванного капитана. Караваном считались все суда, стоящие в затоне, и караванный капитан был адмиралом этой неподвижной армады — особенно при зимовке.

Хамзат Хадиевич тоже поднялся и направился к Феде: начал укладывать разбросанные по снегу поленья в поленицу. Федя с опаской покосился на него. Появление Мамедова неприятно удивило Федю; он рассчитывал, что дядя Ваня выставит прочь этого тёмного человека, однако Нерехтин сам предложил тому пожить в доме. А Федя слушался дядю Ваню. И ежели дядя Ваня признал Мамедова достойным, значит, это он, Федя, ошибался.

— Как твоя йикона, Федья? — спросил Мамедов. — Вэрнул ты ээ на мэсто?

Федя вспомнил минувшее лето — как Мамедов и Горецкий сгубили семью Стахеевых, как он хотел сбежать с «Русла», а Мамедов унёс образ к себе...

— Не вернул, — буркнул Федя.

Мамедов вздохнул.

— Просты, — сказал он. — Развэ я прэдолагал, что будэт так сквэрно?

Федя сердито сопел и махал топором.

— Как ты потэрял своэго Якорныка?

Федя с силой воткнул топор в чурбак.

— А вам не всё ли равно, Хамзат Хадиевич?

Мамедову было не всё равно. Всмотревшись в Алёшку, он вдруг начал видеть его черты и в других людях. И тогда понял, что наивный лоцьман Федья предан своей вере, как Алёшка — двигателям внутреннего сгорания.

— Нэ всё равно, — сказал Мамедов. — Для мэня бога нэт, но с тобой я нэ должен был так поступать. Просты, говорю.

Федя даже смутился от раскаянья грозного нобелевского лиходея.

— Ладно вам... — пробормотал он. — Бог велел прощать... Якорник мой — на «Русле», а «Русло» на Пещерском перекате затонувший лежит. Весной дядя Ваня пойдёт в Сарапул, и я заберу Николу.

Обедали, как всегда, в гостиной за общим столом. По стенам тянулись широкие полосы солнечного света, потрескивала высокая голландская печь, пахло дымом и гречневой кашей с маслом. Перчаткин порхал с поварёшкой.

— Если бы не карты проклятушие, не дьявольская эта страсть, душу мою снедающая, был бы я поваром, в лучших бы ресторациях служил в почёте, все бы мне кланялись и по имени-отчеству величали бы!..

— Красиво, Яшенька, выпевашь, — заметил старичок — начальник затона.

— Стряпня-то и есть мухлёж, — хмыкнул караванный капитан.

Иван Диодорович осторожно наблюдал за лестницей — спустится ли Катя?

Гибель Великого князя оглушила её. У всех остальных, включая самого Ивана Диодорыча, смерть Михаила вызвала странное недоумение: князь явно был предназначен для чего-то иного, однако судьба его вихляла сикось-накось и оборвалась внезапно и нелепо, словно бы там, наверху, кто-то понял, что ошибся, как ошибаются с письмом, в досаде скомкал лист и бросил в мусор. Для всех в этом доме князь остался посторонним. Исчез — и будто развеялась некая неловкость. Жаль, конечно, человека, но без тоски. А у Кати — не так.

Она несколько дней просидела взаперти у себя наверху. Потом всё-таки вышла — и была как чужая. Она не выдала своего горя ни жестом, ни словом; ожесточённо замкнулась в себе. Иван Диодорович чувствовал: у Кати в душе — не только боль от потери, а что-то сложное и противоречивое. Перепутанное в клубок. Иван Диодорович

боялся, что из всей этой мучительной сложности Катя выберет что-то одно — простое. Простое — и неправильное. Катя — дочь своего отца, а Дмитрий Платонович всегда выбирал то, что для него хуже, что труднее для его души. Иван Диодорович очень хотел поговорить, но Катя ни с кем не хотела разговаривать. Иван Диодорович так и не смог пробиться к ней.

А гречневая каша и вправду получилась превосходной, хитрец Перчаткин готовил лучше любой бабы. Стучали ложки, пыхтел самовар.

— К нам в затон, Диодорыч, комиссия приезжает, — рассказал караванный капитан. — Колчак управу восстановил, будут пароходы хозяевам возвращать.

— А я защиту потребую, — добавил начальник затона. — Жандарма надо.

— Зачем? — удивился Иван Диодорович.

— Самогонку не могу искоренить. Работники тащут и тащут откуда-то?

Иван Диодорыч молча вперился в Алёшку прожигающим взором. Алёшка обеспокоенно заелозил на месте и быстро сунулся к Мамедову:

— Дядя Хамзат, пойдёшь после обеда в картишки перекинуться?

— Пойду, — кивнул Мамедов. — Но эслы проыграю, то Яшку зарэжу.

Перчаткин подавился, каша поползла у него изо рта.

— Да как же это так, святые господи? — закудахтал он, утираясь. — Не зови его, Лёшенька! Ты же сам губителю моему нож в руку вложишь!..

Иван Диодорыч увидел, что из мансарды спускается Катя, и на сердце у него сразу потеплело.

В прихожей хлопнула дверь, раздались тяжёлые шаги, кто-то затопал ногами, сбивая с обуви снег, и в гостиную вошли три милиционера в шинелях с портупьями и с зелёными нарукавными повязками.

— Кто из вас гражданин Нерехтин?.. — спросил один из них, с подозрением оглядывая всех за столом. — Вставай давай. Ты арестован.

— А в чём мне оправдываться? — спросил Иван Диодорыч.

— Отвечайте на наши вопросы, гражданин Нерехтин, — ответил кто-то из членов комиссии. — А свои вопросы нам задавать не надо.

Колчаковские военные власти повсюду восстанавливали земства, управы и суды, отменённые большевиками. В городе работали военно-следственные комиссии: они разбирали дела тех, кого подозревали в сотрудничестве с Советами. Людей, чья вина доказана, передавали в суд. В Мотовилихе снова загремели расстрелы. Кто-то — неизвестно кто — написал донос и на капитана Нерехтина, потому Ивана Диодорыча взяли под арест.

Комиссия заседала в здании речного училища на Ирбитской улице. Всего в комиссии было шесть человек: Иван Диодорыч ни с кем из них не был знаком — какие-то учителя гимназии, фармацевты, присяжные поверенные.

— Большевики реквизировали моё судно, — просто сказал Иван Диодорыч, — а мне жалко стало. Я же его на свои кровные покупал. Кроме буксира, мне кормиться нечем. Я и остался как наёмный капитан. А во флотилию не меня записали, а пароход. Что мне было делать, господа?

— Уклониться, — непримиримо сказал кто-то.

— Чужой человек пароход не сбережёт. Он же понимания требует.

— И вы участвовали во всех злодеяниях большевиков, так?

— Так, — горько согласился Иван Диодорыч. — Без охоты, но участвовал.

Комиссия о чём-то посовещалась.

— Рассудите сами, гражданин Нерехтин, — заговорил секретарь. — Охотно или неохотно вы служили — вопрос вашей совести. Но ведь служили. Вы перевозили карательные отряды балтийских матросов, потопили воткинский буксир и разрушили мост у пристани Галёво. Разве это не преступления?

Заседание проходило в навигационном классе. По стенам висели большие схемы с изображением речной обстановки, в шкафах красовались тщательно выполненные макеты лучших судов —

буксиров «Редедя» и «Марк», танкера «Зороастр», знаменитого двухпалубника «Переворот», путейской «Межени», роскошного лайнера «Император Александр II», баржи «Марфа-посадница». Кате казалось, что дядя Ваня проваливает экзамен, хотя прекрасно знает билет. Катя смотрела на Ивана Диодорыча с отчаяньем. Она не могла потерять и его.

— Граждане свидетели, — обратился секретарь, — вам есть что сообщить?

На разбор дела пришла не только Катя. Пришёл Серёга Зеров, пришёл Осип Саныч Прокофьев, пришёл боцман Панфёров, Федя Панафидин, и даже Стешка откуда-то вынырнула. Иван Диодорыч был взволнован. Он не ожидал, что о нём помнят даже зимой — после навигации, что он нужен этим людям.

— Можно я скажу? — Высокий Серёга Зеров встал за партией как ученик. — Я помощник капитана. Я везде с дядей Ваней был...

— С гражданином Нерехтиным, — поправил кто-то из членов комиссии.

— Большевики ведь свой порядок ввели. Плавсостав они на службу не призывали, и мы присягу не давали. На каждом пароходе был свой красный командир, у него — бойцы, пулемётчики и канониры. А мы просто работали. Вы же не судите машинистов на паровозах, которые красные эшелоны водили!

— Мы не судим, — уточнил секретарь. — Мы определяем виновность. И ваши пояснения, гражданин помощник, внесём в протокол и учтём.

В окнах навигационного класса клубились снеговые февральские тучи.

— Я тоже хочу сказать! — поднялась и Катя.

— Представьтесь, барышня.

— Екатерина Дмитриевна Якутова! — чётко и весомо объявила Катя. — В Перми, я думаю, не надо объяснять, кто мой отец?

— Не надо, — смущённо согласилась комиссия.

— Мой отец застрелился в тюрьме, чтобы не давать показания на невинных людей. Для большевиков я стала врагом, и не только классовым. Но Иван Диодорович дал мне убежище и укрывал меня всё это время!

— И нашим, и вашим, — усмехнулся кто-то в комиссии.

— Нет, не так! И ваш сарказм, господин скептик, неуместен! Вы сами кого-нибудь пробовали спасти при красной диктатуре? Иван Диодорович рисковал собой ради меня и моего брата, хотя никто не обещал ему награды за это!

Иван Диодорыч отвернулся и стёр слезу. Катюшка... Катюшка...

— Да невиновен он! Невиновен! — загомонили свидетели.

— Большевики всех давили! — крикнула Стешка.

— К порядку, господа! — сердито рявкнул секретарь.

Федя Панафидин тоже встал и откашлялся.

— Я вот про буксир «Русло» хочу сказать... Я лоцманом на нём шёл, и это я штурвал держал, когда мы с «Лёвшино» сражались... Я дяде Ване главным супротивником был. Это он со мной воевал.

— Интересно, — притихла комиссия. — Весьма оригинально!

— Да, — кивнул Федя. — И тот бой был честным. Мы на «Лёвшине» пушку расстреляли. Мы его потопить хотели, и потопили бы, а дядя Ваня от отчаянья на таран двинулся и сам нас потопил. У него другого выхода не было.

— Как же вы попали на буксир Нерехтина?

— Нас двое уцелело, я и матрос. Дядя Ваня спрятал нас от красных.

Комиссия молчала. Федя требовательно сдвинул брови:

— Что ещё нужно для доброго имени? Хотите, перед богом поклянусь?

Комиссия принялась совещаться.

— Безусловно, ваши показания говорят в пользу гражданина Нерехтина, — признал секретарь, — но ведь имеются и обратные факты. Нерехтин перевозил продотряды и расстрельные команды. Куда от этого деться? И мост он тоже разрушил, а по мосту отступало гражданское население!

— На галёвский мост нас направил Бубнов, балтийский командир! — Федя еле сдерживал гнев. — Поздно было отворачивать! Я повёл буксир в просвет между баржами, чтобы повреждений нанести поменьше! А Бубнова дядя Ваня из револьвера уложил! Мы восстание начали и всех балтийцев перебили!

— Вся команда восстала, — подтвердил Осип Саныч.

— Меня ранили, я в лазарете два месяца валялся! — сердито буркнул Серёга Зеров. — И боцмана ранили! А двух матросов наших

насмерть ухлопали!

К сообщению о бунте комиссия отнеслась с сомнением.

— Как же вам удалось избежать возмездия со стороны большевиков?

— В тот рейс мы ушли одни, чтобы забрать десант. — Иван Диодорыч, похоже, уже не верил в оправдание. — Рейс был последним перед зимовкой. Потом я соврал, что десант весь погиб, и нам самим от ижевцев досталось.

— И кто свидетель?

— Так команда и свидетели, — вздохнул Нерехтин. — Толпой же дрались.

— Как адвокат, гражданин капитан, замечу вам, что это неубедительно, — возразил секретарь. — Вы все — заинтересованная сторона.

Иван Диодорович молча развёл руками.

Дверь классной комнаты в это время приоткрылась.

— Прошу прощения, господа, но я кое-что слышал из коридора...

Катя стремительно оглянулась на голос. В двери стоял Роман Горецкий.

— Я могу засвидетельствовать, что капитан Нерехтин и команда буксира «Лёвшино» действительно подняли мятеж и уничтожили красных бойцов на своём судне. Я находился на том мосту, который был разрушен буксиром.

— Назовите себя, пожалуйста, — попросили Романа.

— Горецкий Роман Андреевич, бывший сотрудник общества «По Волге», первый помощник на лайнере «Витязь», а сейчас полномочный представитель компании «Шелль».

Иван Диодорович не знал, что у Кати всё же был собеседник — Федя.

— Почему все повторяют: «не судите, и не судимы будете»? — как-то раз спросила его Катя. — Как можно не судить? Я сужу!

Федя чувствовал, что Кате нужны эти разговоры, у неё душа мучается.

— Господь не про наши сужденья говорил, — подумав, ответил Федя. — И не про людской суд. Он заповедал другое: дескать, прощайте — и вас простят.

И Катя думала о себе. О суде и прощении.

Она вспоминала тот угрюмый декабрьский день и тесный двор конторы «Бранобеля». Она могла выстрелить в Ганьку Мясникова и спасти Великого князя. «Катюша, умоляю тебя!..» — прошептал Михаил. Но она не выстрелила. Она осудила Михаила, а Ганька исполнил приговор.

И беда была не в том, что осудила. Она имела право на суд — древнее, ещё ветхозаветное право, дарованное женщине самой природой. Это грозное право уже порой шевелилось в ней — легко-легко, будто рыбка виляла хвостиком. Новая жизнь, очнувшаяся в глубине её тела, казалась Кате каким-то чудом, волшебной игрой, и Катя порой прижимала живот руками, будто боялась, что он убежит. Надо было сберечь то, что в ней появилось. Но беречь — означало судить. И она судила, пусть и против воли. А право суда угнетало её. Иногда она думала, что ни в чём не виновата — это какая-то чужая сила заставила её убить Великого князя. Право суда было адской бездной, и Катя не хотела стоять у неё на краю. Она хотела прежней безмятежности, когда всё решали папа, мама и «хаус мистрис», а её, Катю, тревожили только мысли о красивом помощнике капитана — влюблён в неё Роман Андреевич или ещё нет?

Катя вспоминала их встречу на военно-следственной комиссии. Встреча взволновала её больше, чем можно было предположить, и Катя держалась тогда отчуждённо. А Горецкий повёл себя как джентльмен.

— Я — человек посторонний, но благодарю вас за ту заботу, которую вы проявили к детям Дмитрия Платоновича, — вежливо сказал он Нерехтину и повернулся к Кате: — Как сейчас ваши дела, Екатерина Дмитриевна?

Катя не помнила, что ответила. А Горецкий посмотрел на неё — и ушёл.

И теперь Катя думала о Романа Андреевиче, чтобы не думать о Михаиле. Разумеется, она понимала, что Роман — при всём уважении к памяти Дмитрия Платоновича — спас Алёшу только из-за неё. При Михаиле эта мысль просто льстила, и не более того, а без Михаила стала спасением. И дело было не в Горецком; дело было в том времени, которое Горецкий собою означал.

Катя догадывалась, что Роман Андреевич непременно придет сюда, на дачу, и ждала его. И Роман Андреевич приехал. Он выбрал время, когда в доме наверняка не будет никого, кроме Кати. Он сам открыл ворота и завёл во двор свою кошёвку. Мартовский день ничем не отличался от февральского: сияние снежной пыли, небесная лазурь за кронами сосен и голубые тени. Длинный камский створ казался сплошным и мощным потоком слепящего света. Чуть отодвинув занавеску, Катя смотрела, как Роман укладывает на лошадь попону.

— Обед ещё не готов, — сказала Катя. — Могу угостить чаем, но сахара нет.

— Горячее — уже удовольствие, — улыбнулся Роман, снимая шинель.

Катя молча подставила чашку на блюдечке под краник самовара.

— Я даже не помню, Катя, мы на «вы» или на «ты», — признался Горецкий.

— Проще будет на «ты», — не глядя на него, ответила Катя.

— Хорошо. Ты... Удивительное обращение... Я часто вспоминал тебя.

Катя снова промолчала.

— Сколько жильцов в этом доме? — спросил Роман, чтобы разговорить её. — Четверо? Я имею в виду тебя, Алёшу, Ивана Диодоровича и Федю.

— Нас шестеро. Ещё матрос Яша и... — Катя затруднялась, как определить Мамедова. — И Алёшин друг, его зовут Хамзат Хадиевич.

Роман едва не расплескал чай из чашки.

— Всё-таки он здесь?

— Вы знакомы?

— Весьма неплохо... — Роман разгладил скатерть. — Должен предупредить, что Мамедов очень опасный человек. И нужен ему вовсе не Алёша.

Роман не сомневался, что Мамедов опять получил задание от Нобелей.

— Возможно, — пожала плечами Катя. — Но он очень внимателен к Алёше. Он хочет, чтобы Алёша стал учеником инженера Шухова. Это правильно.

— А как Мамедов вас нашёл?

— Через Викфорса. Ханс Иванович — управляющий Нобелевским городком.

— Знаю. До четырнадцатого года наши суда бункеровались у «Бранобеля».

Катя наконец посмотрела на Романа прямо. И её снова поразила красота Романа Андреевича. Казалось, что такой красивый мужчина — непременно хороший человек: твёрдый, добрый, умный и смелый. Надёжный — как папа.

— А как ты сам нашёл меня?

— Логика несложная, Катя, — опять улыбнулся Роман, отодвигая мысли о Мамедове: девушка есть девушка, и ей всегда важнее, как её любят. — Я искал не тебя, а пароход, на который к тебе запрыгн ул Алёша. Здесь, в Перми, я выяснил, что это был буксир капитана Нерехтина, а сам Нерехтин — в военно-следственной комиссии. Тогда я отправился на заседание.

— Надеюсь, ты доволен, что пароход в порядке? — ревниво сказала Катя.

Роман положил ладонь поверх её ладони, и Катя не убрала руку.

— Конечно, Катя, я доволен. Я сижу напротив тебя. Я достиг своей цели.

Катя опустила глаза. Впервые после гибели Михаила она ощутила, что ей нравится быть желанной. Память о Михаиле кольнула её укором совести, но Катя упрямо подумала: не важно, что она винит себя в гибели князя, — Михаил оказался малодушным и потерял свои права на неё, на Катю. Но она свободна. Чувство вины не заставит её жертвовать полнотой собственной жизни.

Она снова подняла взгляд — и в ответном взгляде Горецкого увидела то, что и ожидала: стремление обладать ею. Точнее, спокойную уверенность, что так и будет. Отношения мужчины и женщины подразумевали постепенное сокращение дистанции, но оба они, Роман и Катя, похоже, пережили нечто такое, отчего осторожность сближения превратилась в излишнюю церемонию. Всё ведь ясно. Они взрослые люди, и в стране — война. Незачем соблюдать обесценившийся для них ритуал. Однако она, Катя, должна быть честной.

— Роман Андреич, у меня будет ребёнок, — твёрдо объявила Катя.

В лице Романа ничего не дрогнуло. А потом взгляд его словно потеплел.

— Тебе, наверное, Катя, непросто будет освоиться с тем, что я скажу... — мягко произнёс Роман.

Катя напряглась и сжала кулаки. Она приготовилась опять услышать то, что уже слышала от Михаила, — чужое и страшное.

— Ребёнок — тоже ты, Катя. Когда я говорю «ты», я имею в виду всё.

— Как мне тебя понимать? — у Кати по рукам побежали мурашки.

— Так и понимать, — усмехнулся Роман.

Он встал — высокий, широкоплечий — и шагнул к двери, но не чтобы уйти. Из внутреннего кармана офицерской шинели, висевшей на гвозде, он извлёк какие-то скрученные в трубку бумаги и вернулся к столу и самовару.

— Я набрался дерзости и потребовал от городской управы постановление, что собственность Дмитрия Платоновича Якутова до судебного определения прав наследования временно передаётся его дочери Екатерине Дмитриевне.

Роман расправил перед Катей машинописные листы с печатями.

— Дом сейчас пустует. У меня есть средства, и я готов нанять людей, чтобы привести жильё в должный вид. Вы с Алёшей можете переехать домой.

— Почему ты это делаешь? — спросила Катя, глядя на Романа снизу вверх.

— А я эгоист, — улыбнулся Роман. — И мне тоже негде жить. Я бы поселился у вас где-нибудь сбоку... Это поможет нам, Катя, найти путь друг к другу. Но решать только тебе.

Работа не заладилась с самого утра. Не успели сесть завтракать, как от караванного капитана к Ивану Диодорычу прибежал растрёпанный работник:

— Диодорыч, в затон комиссия приехала!..

— Вроде недавно была комиссия из управы...

— Это другая! От армии! Будут обратно пароходы во флотилию забирать! Жми скорей, щас к «Лёвшину» приценятся!

Иван Диодорыч, чертыхаясь, ринулся к затону. За ним поспешили и Федя Панафидин с Перчаткиным. Алёшка и Мамедов сегодня на даче не ночевали — они ещё вчера днём уехали к Викфорсу за керосином и пока что не вернулись.

На ходу Иван Диодорыч думал о белых. Совсем недавно колчаковские войска отбили Уфу, потерянную в декабре: после этого создание флотилии на Каме стало делом очевидным. Но неужели белые снова заставят воевать?

Лёд в затоне набух водой и был непрочным, через тёмные и опасные проталины перебросили доски. Затон выглядел неопрятно и замусоренно — в общем, по-весеннему. Нерехтин издали увидел незнакомых людей, идущих к наливной барже, к которой был пришвартован его буксир. Незнакомцев сопровождали капитан каравана и несколько речников с зимующих судов.

Комиссия состояла из четырёх морских офицеров.

— Такой он, значит, ваш знаменитый «Лёвшин»? — скептически спросил один из них у караванного.

— «Лёвшино», — поправил караванный. — В честь села назван...

А вот и его хозяин. — Караванный кивнул на подоспевшего Ивана Диодорыча.

«Лёвшино», ободренный от краски, выглядел не ахти. Нос помят после тарана, в стенах надстройки — дыры от снарядов, половина окон заколочена, кожух рыжеет ржавчиной, под кромкой крыши кое-где висят ряды сосуллек.

— Я — капитан Федосьев, — назвалса моряк.

Лицо у него, конечно, было славное — русское, крестьянское, честное.

— Расскажите нам, как утопили флагман ижевцев?

— Нечем гордиться! — сразу ощетинился Иван Диодорыч. — Что вам надо?

— Подыскиваю суда для флотилии. В первую очередь хотел увидеть ваше.

— Ну дак вот он, буксир! — буркнул Иван Диодорыч.

— Тогда дозвоьте пройти на борт... Господа! — повернулся Федосьев к караванному и речникам. — Не таскайтесь за мной хвостом, я не оперная прима!

С наливной баржи-причала на «Лёвшино» перешли только Нерехтин, Федосьев и ещё один моряк. Моряки несли масляные фонари.

— Лейтенант Вадим Макаров, — представил своего товарища Федосьев. — Наш главный механик. Кстати, сын адмирала Макарова.

Адмирал Макаров, командующий Тихоокеанской эскадрой, погиб в 1904 году при обороне Порт-Артура — вместе с броненосцем «Петропавловск».

— Народ помнит вашего батюшку, — сказал Вадиму Иван Диодорыч.

— Благодарю, — кивнул лейтенант.

Федосьев деловито осмотрел пароход, поднялся в холодную рубку.

— Штурвал паровой?

— Паровой.

— И машинный телеграф есть?

— Чинить надо.

— Давайте лучше агрегаты поглядим, — предложил Макаров.

Моряки зажгли фонари и спустились в машинное отделение. Жёлтый свет зашевелился на низком заиндевелом потолке, и задвигались тени. Клёпаное железо, бимсы и пиллерсы, трубы, поршни в застывшей смазке, замершие на изломе рычаги, чёрная топка, блестящие стёкла манометров, копоть мазута...

Лейтенант Макаров сунулся в закуток за котлом, и там вдруг ожила куча грязной ветоши. В тряпье испуганно заворочался какой-то человек, пытаясь спрятаться в темноте. Этот бродяга спал, но голоса и лязг разбудили его.

— Ты кто ещё такой? — брезгливо осведомился Макаров.

Иван Диодорыч шагнул к лейтенанту и с изумлением узнал в бродяге Сеньку Рябухина. Сенька покинул пароход сразу после навигации — пошёл домой в Мотовилиху, и больше Иван Диодорыч о нём ничего не слышал.

— Дяденька, не трожь меня! — сидя в тряпье, жалко залопотал Сенька.

В этот момент Иван Диодорыч всё понял.

Сенька числился чекистом, и сейчас, похоже, скрывался от колчаковских властей, потому что чекистов колчаковцы расстреливали без суда и следствия.

— Он матрос мой, — сказал Иван Диодорыч. — Сенька Ря... Рябинин.

— Рябинин я... — быстро подтвердил Сенька.

— А почему он в трюме спит? — недоверчиво спросил Федосьев.

— Я его послал краску обдирать, а он, поганец, от работы отлынивает.

— Н-да, тут не военный флот, — заметил Макаров. — Пойдём наверх, Петя.

Федосьев и Макаров направились к трапу на палубу.

— Ты откуда свалился? — шёпотом рявкнул на Сеньку Иван Диодорыч.

— Дак бросила меня Чека в экувации! — плачуще объяснил Сенька. — Я у бабки в деревне два месяца в подполе мыкался, потом шурин выдал, я и убёг... А куды деваться-то, дядя Ваня? В Мотовилихе меня все знают!.. Я сюда...

— Я же пулю получу, коли тебя поймают!

Сенька поник, бессмысленно разгребая тряпки вокруг себя.

— Жди здесь, болван, пока офицеры не уйдут! — злобно распорядился Иван Диодорыч. — Потом заберу тебя. Вот же морока на мою башку!..

— Спаси тебя бог, батя! Спаси тебя бог! — утирая глаза, бубнил Сенька, пока Иван Диодорыч поднимался по трапу.

— Пароход хоть и неказистый, однако исправный, — шурясь на затон после темноты трюма, подвёл итог Федосьев. — Не желаешь, Нерехтин, во флотилию вступить? Боевые речники нам очень нужны. Только матроса этого не бери.

— Не хочу я, господин моряк, — подумав, уклонился Иван Диодорыч.

— Почему? — тотчас строго спросил Федосьев.

Иван Диодорыч не сумел бы растолковать почему. Он за белых? Да, конечно. Красных надо извести? Понятно, что надо!.. Но всё в нём, в капитане Нерехтине, словно отворачивалось от вражды. Не для этого он был создан. Необходимость ненависти вызывала глухую тоску, угнетала и утесняла душу, порождала ощущение тюрьмы. Ненависть лишала свободы.

Федосьев смотрел на Нерехтина с подозрением.

— Сам ты, конечно, для мобилизации староват, но твой буксир я могу и по военно-судовой повинности изъять, — недобро предупредил он.

— Рубишь как большевик, — огрызнулся Иван Диодорыч.

Федосьев вспыхнул от гнева. Мутный тип этот Нерехтин — из тех, что и нашим, и вашим, но все ему против шерсти. Себе на уме капитанишка. Однако ответить Федосьев не успел. С причала, с наливной баржи, раздалось:

— Петя, здравствуйте!.. Вадим, тоже здравствуйте!

На барже стояла Катя с большим узлом в руке.

Федосьев хлопнул Нерехтина по плечу, обещая продолжить разговор, и по сходне перешёл с буксира на баржу; Макаров последовал за ним. Федосьев снял перед Катей фуражку — мокрый мартовский ветерок взлохматил его светлые волосы, — и с шутливой галантностью поцеловал Кате варежку.

— Рады встрече, — пряча улыбку, произнёс Макаров.

Похоже, Катя вызывала у моряков умиление.

— Что вы делаете здесь, господа? — Катя была строга, как хозяйка.

— Это страшная военная тайна! — глухим голосом заявил Федосьев.

— Вам, Петя, только дай повод поважничать.

— Когда вас снова ждать в гости, Екатерина Дмитриевна? — всё-таки улыбнулся Макаров. — Мы дичаем без дамского общества. Вот вашего дядю чуть было не арестовали...

— Неостроумно, господа! — рассердилась Катя. — Ступайте лучше отсюда.

Моряки, смутившись, отдали честь Кате и послушно пошли с баржи прочь. Иван Диодорович проводил их длинным взглядом. Катя, неуклюжая со своим узлом и животом, осторожно перебралась на буксир.

— Я завтрак принесла. Котелок в одеяло укутала, так что всё горячее.

— Откуда ты знаешь этих красавцев? — поинтересовался Иван Диодорыч.

— Друзья Романа Андреича. Познакомилась, когда ездила домой.

— «Домой»? — непонимающе повторил Иван Диодорович.

— Да, дядя Ваня. — Катя с жалостью погладила его по локтю. — Домой.

Поездка с Горецким в пустующий особняк Дмитрия Платоновича очень взволновала её, растревожила душу смутными надеждами.

— Я хочу вернуться туда насовсем, дядя Ваня.

Иван Диодорович, обомлев, сморгнул. Ему нечего было возразить. Что ж, его дом — это речные пароходы, а её дом — бесконечное будущее.

— Не обижайся, пожалуйста. Я тебя сильно-сильно люблю. Но в том доме мне будет легче. Там всё напоминает о папе, а здесь... о нём.

Катя не назвала князя Михаила по имени. Не надо беречь рану.

— Ты ведь меня отпустишь, правда?

Катя вроде спрашивала разрешения, но только для того, чтобы смягчить свои слова. Разрешения ей не требовалось. Впрочем, Иван Диодорыч и не в силах был что-либо ей запретить. Катя, упрямая девочка, жила сама, а он лишь помогал ей, как получалось, и тайком мучился опасениями помешать.

— Как пожелаешь, Катюшенька, — покорился Иван Диодорыч.

— Мне не нужен визит к Анне Бернардовне! — строптиво заявила Катя.

Анна Бернардовна, конечно, ни в чём не была виновата, но с ней у Кати были связаны очень тяжёлые воспоминания.

— Она наблюдала за тобой с первых месяцев, так что не капризничай, — мягко, но непреклонно ответил Роман. — Иди собирайся поскорей.

Ханс Иванович Викфорс был загружен работой — теперь на «Шелль». Он жил в Нобелевском городке безвылазно, и Анна Бернардовна в конце концов переехала к нему. А у Романа была причина, чтобы увидеть Викфорса.

От особняка Якутовых до Нобелевского городка по ледовой дороге Камы кошёвка докатилась за полтора часа. Катя злилась и прятала лицо в капор.

— Чего ты на меня так смотришь? — бросила она Роману.

— Ты смешная.

Анна Бернардовна напоила гостей чаем и увела Катю в приёмную. Роман остался в гостиной наедине с Хансом Ивановичем.

— Расскажите мне о Хамзате Мамедове, — попросил Роман.

— О Хамзате Хадиевиче? — несколько наигранно удивился Викфорс. — Да я, в общем, и не знаю о нём ничего.

— Ханс Иванович, напомню вам, что «Бранобель» вас попросту бросил, а я дал работу в «Шелле». Я вправе рассчитывать на вашу лояльность.

Викфорс тяжело вздохнул.

— Хамзат Хадиевич пробирается на Арлан. Ему нужны спрятанные там документы инженера Турберна. Нобели обменяют их на двадцать шесть тысяч акций, которые сейчас в руках у большевиков. Без этих акций Нобелям не продать свои предприятия Рокфеллеру. Это секрет, Роман Андреевич.

— А как Мамедов планирует попасть на Арлан?

— Вот этого я действительно не знаю.

На обратном пути Роман думал о Мамедове и Нобелях. Март переломился на тепло. Зима незаметно распадалась, разрыхлялась изнутри, истлевала. Небо было завалено пухлыми, мокрыми, сопревшими облаками. Лошадка бодро фыркала, чуя близкую воду. Грязная ледовая дорога угрожающе потемнела.

Катя снова рассердилась — теперь на то, что Роман не поинтересовался результатами обследования, хотя сам же настаивал на визите к Викфорсам.

— Прости, — спохватился Роман. — Как твои дела?

— Всё хорошо, — ответила Катя. — А тебя что беспокоит?

— Думаю, мне пора подыскать пароход для рейса на промысел.

Мамедова нужно опередить. Он ещё служит Нобелям и вполне способен напоследок устроить какую-нибудь диверсию с буровым оборудованием.

— Зачем же искать? — удивилась Катя. — Арендуй «Лёвшино». Дядя Ваня давно сидит без денег, Алёшка и Яша продают самогонные аппараты.

— «Лёвшино»? — даже растерялся Роман.

Чёрт возьми, а это прекрасная идея! Если арендовать «Лёвшино», то Мамедов окажется на промысле под его, Романа, присмотром!

— Катя, ты гениальна! — искренне восхитился Роман.

— А ты чёрствый и совершенно неприятный.

...Конечно, Кате не нужен был весь большой дом Дмитрия Платоновича. Катя взяла себе только мансарду с квартирой папы, а сам особняк отдала под общежитие и штаб будущей речной флотилии — многих из офицеров-моряков Роман знал по миновавшей навигации. Для Алёшки Катя попросила прибрать папин кабинет, но этот негодяй ночевал в доме только один раз — из приличия, а потом усвистал обратно в затон к дяде Ване, Мамедову и Перчаткину. Роман разместился в библиотечной комнате Дмитрия Платоновича.

Вечером в гости пришёл Георгий Мейерер. Он руководил всеми работами по организации флотилии. За полгода войны он возмужал и обрёл уверенность в себе, но Роман видел, что Георгий по-прежнему завидует ему. Да, сейчас у мичмана Мейерера была ответственная должность — куда более значительная, чем первый помощник капитана на лайнере «Витязь», однако Горецкий всё равно оказался впереди. У него появилась красивая и умная женщина — дочь

знаменитого парходчика, и через три месяца родится ребёнок. Разумеется, полная правда Георгию была неизвестна. А Катя очень похорошела, и её маленький живот почему-то всегда вызывал невольные улыбки офицеров.

В одиннадцатом часу Роман попрощался с Георгием, уложил Катю спать и закрылся у себя в комнате. Вынул из-за книг припрятанную бутылку мартеля и налил на два пальца в стакан для карандашей — рюмок не имелось. Роман с трепетом сердца чувствовал, как его судьба мощно идёт на взлёт. У него уже, в общем, всё есть, он всё себе подготовил: молодую жену, капитал, карьеру, положение в обществе. Осталось только протянуть руку и взять.

Утром он поехал в Нижнюю Курью, в затон.

К Нерехтину Роман испытывал снисходительную симпатию, будто к доброму дворовому псу. Диодорыч — настоящий речной капитан, простой и крепкий. Такому можно доверять, он без подвоха, не подведёт, потому что у него нет стремления к мечте: он человек приземлённый. Всю жизнь дружил с магнатом Якутовым, а что в итоге? Владеет одним-единственным буксиром, на котором сам же и работает капитаном. Проворонил свою судьбу.

День был воскресный, и Нерехтина Роман застал на даче.

— Иван Диодорович, — сказал он, — у меня к вам предложение. С началом навигации мне нужно сходить на промысел Арлана, вывезти грузы. Знаю, что вы бывали на Арлане. Хочу зафрахтовать вас с парходом и командой.

— На промысле — большевики, — возразил Нерехтин.

— Весной начнётся наступление. Уверен, большевиков выбьют. Кроме того, нас будет охранять бронепароход с британской командой.

— Так на нём бы и вывезли, чего пожелаете...

— Это же военный корабль. Он уйдёт дальше вместе с флотилией.

Иван Диодорович размышлял.

— Фрахт выгодный, — неохотно согласился он, — да и жить нам не на что... Только вот от промысла этого одни беды мне. Предчувствие нехорошее.

— Не поддавайтесь суеверию, — посоветовал Роман. — Составьте смету для ремонта пархода и ведомость на команду. Смету я оплачу сразу, команде выдам аванс. Взвесьте всё как следует, Иван Диодорович.

Роман вышел на крыльцо. Он ощущал себя хозяином мира.

Во двор завернул Мамедов. Как баба, он нёс коромысло с вёдрами.

— Мы толком и не поговорили, Хамзат Хадиевич, — лукаво сказал Роман.

— Нэ слючилос, — прокряхтел Мамедов, снимая коромысло.

— Не примите за злорадство, но я, по-моему, переиграл вас на Арлане.

Мамедов усмехнулся:

— Эслы вы до сих пор ыграэте, то нэ пэрэыграылы.

Роман прищурился, оценивая соперника.

— Я нанимаю ваш буксир на рейс до Арлана в мае. Ситуация изменилась. «Бранобелю» больше не нужно оборудование Глушкова. Могу я попросить вас оказать мне помощь с извлечением этих механизмов? Я же не специалист. Но без меня они пропадут для общего дела, а вы — поборник прогресса.

Мамедов помолчал, испытующе рассматривая Романа.

— Хорошо, я помогу, — пообещал он так, словно бы угрожал.

— Тогда до встречи в мае, Хамзат Хадиевич.

Роман направился к кошёвке, спиной чувствуя взгляд Мамедова. Но это его не смущало. Он заставит Мамедова служить себе — а потом отнимет у него документы Турберна. Потому что он умнее и сильнее всех своих конкурентов. Он вынудит считаться с собой и Детердинга, и Нобеля, и Рокфеллера.

Иван Диодорыч принёс стул и уселся на крыше надстройки перед рубкой, наблюдая за работой команды. А команда готовила буксир к навигации.

Конечно, следовало бы завести пароход на судояму, чтобы подлатать и покрасить дно, и было бы неплохо переклепать бугели, дуги и тяги, подвесив гребные колёса на воробы, но это надо было начинать с осени, а осенью денег на ремонт у Ивана Диодорыча ещё не имелось. Придётся ограничиться лишь тем, что можно сделать сейчас. И оно по нынешним временам уже удача.

Нижняя команда явилась сама. В Осипе Саныче Нерехтин не сомневался: Осип Саныч считал себя частью машины, поэтому только поздоровался с капитаном и сразу полез в трюм; остальные, похоже, просто пронюхали, что «Лёвшино» получил фрахт. Верхней команде, точнее старпому Серёге Зерову и боцману Панфёрову, Иван Диодорыч послал записки. А штурвальный Дудкин ошивался в затоне с начала апреля; он каждый день таскался на дачу к Нерехтину пить чай и ныл, упрашивая взять его в навигацию.

Из трюма парохода доносились глухой лязг и пыхтенье камерона, Осип Саныч промывал трубы котла. Иногда оттуда вылезал мокрый, голый по пояс Павлуха Челубеев, по волосатому пузу у него стекал грязный ручей.

— Сдохну я там, а тебе нажива! — злобно ругался он с палубы на капитана.

Маслёнщик Митька Ошмарин в корыте с керосином отмачивал от старой смазки какие-то железяки, ковыряя их длинным гвоздём.

— Как — сдохнешь? — удивлялся он. — С чего?..

Иван Диодорыч рассматривал затон. На многих судах — и на буксирах, и на пассажирских пароходах, — тоже суетились люди; кое-где из труб валил настоящий большой дым: это вхолостую гоняли машины. Грязно-серый лёд, местами залитый мутной водой, выглядел обречённо, хотя в действительности оставался ещё толстым. Но пароходы не будут ждать, пока он распадётся сам собой. Когда Кама

стронется и расчистится, из Заозёрского затона выйдет путейский ледокол и поломаёт все прочие затоны в окрестностях Перми.

Рядом с Нерехтиным появился Мамедов, облокотился на планширь.

— Нэ боышься, Ванья, связываться с Горэцким? — негромко спросил он.

Иван Диодорыч помолчал, размышляя.

— А куда деваться, Хамзат? Команде заработок нужен. Да и военные уже примерялись буксир мобилизовать... Лучше фрахт у Горецкого.

— Нэпростой он человек, Горэцкий.

Иван Диодорыч снова помолчал.

— Может, ошибаемся мы в нём, Хамзат?

— Ты ошибаешься, я ошибаюс? Нэ так.

— Что ж, река покажет.

Мамедов возмущённо засопел: и без реки всё ясно!

— Зачем эму Катэрыну отдал?

— Ты ведь тоже ему Лёшку отдавал! — почти огрызнулся Иван Диодорыч.

— Нэ сравнивай! — отрезал Мамедов.

Иван Диодорыч задумался об упрёке Хамзата. Впрочем, он уже много раз думал об этом. Горецкий ему не нравился, как и князь Михаил. Но про князя он говорил Кате прямо — вернее, Дарья говорила, а про Горецкого — нет.

— Не знаю, почему отдал! — с досадой ответил Иван Диодорыч. — Потому что положено отдавать! Катись ты к чёрту, Хамзат!

— Дядя Хамзат! — закричал снизу, с наливной баржи, Алёшка. — Иди сюда!

Мамедов потряс спинку стула, на котором сидел Иван Диодорыч, словно хотел вразумить, и тяжело пошагал к трапу. Он обещал Алёшке помогать.

А Иван Диодорыч остался наедине с собой и с печалью. Он вспоминал Фросю, вспоминал Дарью. Он не принёс им счастья. Вроде старался, да как-то всё мимо... Ему верили, а он обманул... Горечь уже сточила свои когти, не рвала сердце, однако ведь в нём, в капитане Нерехтине, ничего не поменялось. Он не наловчился добывать того,

что нужно его любимым. Конечно, он не уступил бы Катю ни Михаилу, ни Горецкому. Но две светлых души он уже не уберёт, и теперь не имеет права на третью. Он должен убрать себя с пути.

Серёга Зеров, человек ответственный и аккуратный, стеклил окна в надстройке. По носовой палубе на четвереньках ползали Дудкин и Рябухин — они перестилали доски, треснувшие от взрывов. Командовал ими Панфёров.

— Чего тут непонятно, разве крышу не крыли? — поучал он. — Дудкин, тебе вот по этой стороне надо стесать на полвершка, а конец к брусу заподлицо!

Сам Панфёров слесарными клещами выдёргивал из палубы острые и гнутые железяки — осколки брони от разбитой орудийной полубашни.

— Рябухин, поддень эту доску и конец отпили — или не соображаешь? В дыру другую доску вставь по размеру, она же на бимсе лежать будет!

К Ивану Диодорычу осторожно приблизился Федя Панафидин.

— Дядь Вань, у меня разговор... — замялся он.

— Ну, валяй, — нехотя согласился Иван Диодорыч, предчувствуя просьбу.

— Знаю, ты без лоцмана управляешься... Но ведь годы-то жмут...

— Ты о чём? — насторожился Иван Диодорыч.

— Я видел, по пути сюда на Жулановском перекате ты днищем шаркнул и у Палёного осерёдка ходовую потерял... Может, забывать начал, может, глаза ослабели... Прими меня к себе лоцманом. Я пригожусь. Согласен на самую малую плату — по четвёртому разряду, как бакенщик. Но хочу с тобой.

Иван Диодорыч не полез в ревнивый спор: дескать, он ещё не старый, и сноровки ему хватает. Федя имел в виду совсем другое.

— Напрасно ты так ко мне, Федюня, — сказал он. — Я не Якорник.

— Не тебе судить, — тихо и убеждённо возразил Федя.

— Не возьму я тебя. — Иван Диодорыч глядел на затон, а не на Федю. — Ты — парень молодой. У тебя вся работа впереди. А лоцманов, сам понимаешь, ценят не по капитанам, а по судам. Чем богаче пароход, тем лучше лоцман. Таких, как «Лёвшино», — тысяча на Волге. Имени они тебе не сделают. Тебе нужен лайнер вроде

«Баяна», или «Витязя», или «Фельдмаршала Суворова», или «Великой княжны Ольги Николаевны». Слава — в пароходе.

— Разве я за славой гонюсь?

— Я тебе ответил, Федюня.

На берегу Стешка и Перчаткин занимались обедом: горел костёр, над ним висели котлы, Стешка кашеварила, а Перчаткин совал ломаные доски в огонь.

— Тебе солдатом кормить, Степанидушка, а не вдумчивых людей! — ворчал Яшка. — Пшено молочка поперёд маслица требует! Пустила бы меня к котелку, так от моей стряпни люди бы истинными христианами во благодати очнулись!

— Тебяпустишь — ты масло своруешь! — не сдавалась Стешка.

— Душа у тебя чёрствая, и добрых людей ты лаешь, и каша твоя хрустит!

Хитрый Алёшка выбрал себе самое интересное занятие — вывести краской на колёсном кожухе название «Лёвшино». Алёшка соорудил на барже-причале что-то вроде помоста, взгромоздился на него и обрисовывал процарапанные на кожухе буквы. Мамедов как подмастерье подавал ему банку с краской.

— Эслы со мной чьто случится, ты дэргис Дьодорыча, — сказал он.

— Да что с тобой случится-то? — пренебрежительно ответил Алёшка.

— Всякое можэт. Война.

— У дяди Вани — старый буксир! Лоханка! И сам дядя Ваня в прогрессе не смыслит ни шиша! Я ему говорю: давай к машине динамо присобачим, можно будет искрой топливо поджигать, а он мне говорит, что это корове седло!

Мамедов вздохнул. Альоша ещё глупый. Пока что он видит только то, к чему призван: машины, конструкции, идеи... Он даже не заметил, что грозный дядя Хамзат без сопротивления признал первенство дяди Вани. А почему? Посмотрел бы на сэстру, на лоцьмана Федю, на того же Сэньку Рябухина... Хамзат Хадиевич понимал: он умеет бороться за будущее, но Нерехтин умеет больше — умеет жертвовать. И такому человеку можно доверить Альошу.

— Дэргис Дьодорыча, — упрямо повторил Мамедов.

А Иван Диодорыч сидел на крыше своего буксира и смотрел на затон. Всё вокруг было как в молодости: парходы готовились к навигации. Волшебная сила весны отодвинула куда-то в сторону и горе, и заботы, и жизненный опыт, и душа расцветала наивной детской верой, что впереди — только счастье. Небо казалось живым, ярким, переменчивым. День сиял солнечный и ветреный, и высоко в облаках, влажно-сизых или слепяще-белых, медленно плыл зыбкий журавлиный клин. Птицы возвращались — значит, нашлось зачем.

Главный городской вокзал находился на Заимке, а здесь, на берегу реки, стоял вокзальчик второго класса, выстроенный в древнерусском стиле: арки в ряд, шатёр с башенкой, гребенчатая крыша с окошками-«слухами». Весна подпирала всей своей живой мощью, но пока что не случилось главного — Кама не стронулась. С перрона распахивался вид на пустое и плоское пространство речного створа. Лёд был серый, набухший водой, или сизый, залитый лужами. На крыше вокзала недовольно орали чайки, ещё не побелевшие к лету.

Кате хотелось дышать этим сладким воздухом апреля, хотелось видеть это синее небо, полыхающее от солнца, и она потянула Романа на платформу. Железная дорога терялась за кирпичными корпусами завода; по склону берега друг над другом громоздились дома; торчали голые деревья; размывая улицы, бежали вниз ручьи; всё вокруг посверкивало, и блестел шпиль колокольни.

— Катерина Дмитриевна? — услышала Катя и обернулась.

Сергей Алексеевич Стрельман, высокий и грузный, улыбаясь, приподнял фуражку. Он весь был из славной имперской старины: львиные бакенбарды, раздвоенная борода, зелёная шинель с двумя рядами золочёных пуговиц.

— А вы, гляжу, в положении? — с отеческой бесцеремонностью пророкотал он, рассматривая Катю. — Прелестно! Вот бы Дмитрий Платоныч порадовался!

Катя немного смутилась.

— Кого-то встречаете или уезжаете, Сергей Алексеич? — спросила она.

— Увы, уезжаем, — вздохнул Стрельман. — И я, и Еленушка, супруга моя, и внуки... Костик нас всем семейством куда-то в Сибирь к зятю везёт.

На скамейке у стены вокзала возле кучи баулов и чемоданов сидела Елена Александровна, она издали ласково кивнула Кате. На коленях она держала хнычущую девочку полутора лет, а рядом, скучая, нетерпеливо топтался мальчик постарше. Это были дети полковника — вернее, генерала — Каппеля.

— Оленьку-то нашу большевики под арестом в Глазов угнали. — Сергей Алексеевич сокрушённо покачал головой. — Что с ней — одному богу ведомо...

Из дверей вокзала торопливо выскочил Костя Стрельман, повертелся и почти побежал к отцу и Кате.

— Как я рад вам! — Он бережно пожал Кате обе руки.

— Тесен же мир, Костя, — заметил Горецкий.

— Берегите своих любимых, молодой человек, — наставительно сказал ему Стрельман-старший, поклонился Кате и пошагал к жене.

— Екатерина Дмитриевна, давно хотел узнать, а что с Великим князем? — негромко, будто заговорщик, спросил Костя.

Катя покосилась на Романа. Горецкий сохранял невозмутимость.

— Он погиб, — просто ответила Катя.

Она впервые смогла произнести эти слова спокойно, без волнения — и поняла, что на душе у неё легко. Князь Михаил окончательно ушёл в прошлое, где не было ни гнева, ни боли, ни сожаления — только добрая память.

Из-за корпусов завода донёсся свисток паровоза; пассажиры на перроне засуетились, подхватывая вещи. Костя поспешил к родителям.

— Что ж, Катя, готовимся принимать союзников, — предупредил Роман.

На вокзал он взял её с собой как переводчицу.

Из добровольцев с крейсеров «Кент» и «Суффолк» британская военно-морская миссия сформировала два экипажа для речной флотилии. Эти моряки ехали в Пермь эшелонном через Екатеринбург и Нижний Тагил. Контр-адмирал Смирнов попросил Романа встретить их и доставить к месту проживания — в особняк парходчика Якутова. Особняк находился совсем близко к станции, уже с перрона был виден его угол и мезонин.

Испуганные паровозным дымом, чайки галдящей тучей взмыли с крыши вокзала. Клацающая колёсами и двигая длинными шатунами, мимо Кати и Романа тяжко проплыл могучий локомотив; он зашипел и замер, отдуваясь белым паром. Помедлив, из вагонов повалили пассажиры. Британцев легко было узнать по непривычным чёрным шинелям, подаренным канадской армией. Моряки выгружались с мешками, саквояжами и окованными сундучками.

— Господа союзники! Господа союзники!.. — закричала Катя по-английски.

Моряки удивлённо оглядывались и одинаково начинали улыбаться.

...Остаток дня и весь вечер Горецкий провёл с офицерами — русскими и британскими.хлопот было много: размещение, знакомство, торжественный ужин. Британцами командовал капитан Томас Генри Джеймсон. Адмирал Смирнов потребовал, чтобы с российской стороны всё было организовано не хуже, чем в «Сафэйс флит». Роман вырвался уже только в одиннадцатом часу.

Он тихонько заглянул к Кате, чтобы пожелать спокойной ночи, если Катя ещё не спит. Катя не спала — сидела в полумраке возле окна. — Побудь со мной, — предложила она.

Роман опустил в кресло напротив. Катя молчала, смотрела на широкую равнину ледяной Камы, бледно освещённую зеленоватой незрелой луной.

— От Кости Стрельмана ты услышал о Великом князе, но ни о чём меня не спросил, — сказала Катя. — Почему, Рома?

Роман подумал и пожал плечами:

— А зачем? О твоём желании спасти князя Михаила Костя сообщил мне ещё год назад — на борту «Фельдмаршала Суворова».

Я всё понял.

— И тебе было безразлично?

— Нет. Мне было больно.

— Но ты всё равно здесь... — отрешённо произнесла Катя. — Со мной.

— Мы — живые люди, Катюша, — ответил Роман. — Ты должна была совершить свои ошибки, а я — свои. А теперь мы можем делать всё правильно.

— Иногда я не верю в твоё великодушие...

— Иногда я и сам в него не верю.

Катя чувствовала, что Роман не лжёт. Он и вправду такой — сильный, щедрый, смелый. Он не боится настоящей полнокровной жизни с её опасной энергией; Роман Горецкий — не князь Михаил. И она, Катя, сумела оставить Михаила, хотя тот уже давно мёртв. Серые глаза Кати потемнели.

— А как же ребёнок, Рома?

Роман расслабленно откинулся на спинку кресла.

— У него нет отца. Значит, он мой. Я ничего ни у кого не отнял. И я ни в чём тебя не виню. Если женщина нужна мужчине, он берёт её вместе с её прошлым. Я тебе уже говорил это. А ты мне нужна. Так что всё очевидно.

Катя искала слабое место в обещаниях Романа — и не находила.

— Хочу, чтобы ты знала, Катя, — в полумраке негромко произнёс Роман. — После рейса на промысел у меня появится внушительный капитал.

— Меня не интересуют деньги! — тотчас возразила Катя.

— Но они будут, — усмехнулся Роман. — А потом нам с тобой потребуется уехать. Далеко. Очень далеко. В Сингапур или в Лондон. Я должен выбить серьёзные позиции в «Шелле». И это, уверяю тебя, только первая ступень моей карьеры. Я затеял сложную и рискованную игру, однако сумею победить.

На примере папы Катя знала, насколько важна для мужчины такая борьба. И её взволновало, что в стремлении к борьбе Роман очень похож на папу.

— Оставайся сегодня здесь, — тихо попросила она. — У меня.

— Я давно ждал этих слов, — мягко признался Роман.

Голос у Кати дрогнул.

— Я не могу сейчас дать того, что тебе нужно, но ведь всё изменится...

— Да, Катюша, всё изменится.

...И Катя, устроившись, чтобы не мешал живот, уснула у него на плече, а он лежал и смотрел в потолок мансарды. Дом затих, и город тоже затих. И в пустоте за окном Роман вдруг различил длинный и просторный шум — сразу и скрежет, и треск, и перестук, и шорох, будто земной шар с натугой повернулся на оси и посыпалась ржавчина. Это на всём протяжении Камы лопался и крошился лёд. Река словно бы вздохнула так, что ветхая рубаха порвалась у неё на груди. В бледной апрельской полночи над Камой смутно замелькали отсветы и тени; река зашевелилась, заворочалась и дробно заблестела; сквозь изломы тусклой белизны хлынули чёрные потоки. Начинался ледоход.

Часть девятая
ПРОЗРЕТЬ

Кате казалось, что она влюблена во всех и все влюблены в неё. Какие это были хорошие люди — офицеры флотилии: молодые, красивые, воспитанные, весёлые! При виде Кати они оживлялись, поправляли фуражки, говорили чуть громче. Адмирал Смирнов прищурился, пряча улыбку, и отдавал честь — он ведь жил в доме Якутовых. Надменный и холодный адмирал Старк, тоже Катин гость, неуловимо теплел взглядом. Коля Фомин, начальник штаба, подарил ей маленький букетик подснежников. Гера Мейерер, по-юношески ушастый и губастый, всегда взволнованно краснел и напускал на себя очень озабоченный вид. А простецкий Петька Федосьев расплывался от уха до уха.

Катя не сомневалась, что умный и сдержанный лейтенант Вадим Макаров, начальник технического отдела флотилии, только ради неё возится с Алёшкой, безусловно отъявленным негодяем. Алёшка приехал от дяди Вани навестить Катю и надолго застрял у сестры, захваченный разными работами по оборудованию судов. Светлыми вечерами Алёшка с Вадимом в гостиной обсуждали какие-то схемы бронирования, аппарели и палубные крепления. Катя искренне удивилась, что её брат умеет понимать головоломные чертежи.

— А если орудия устанавливать на твоих тумбах вверх ногами?..

Алёшка уже бесцеремонно тыкал Макарову. Макаров задумался.

— Это крайне глупо, Алёша... и гениально! Если мы перевернём системы Канэ вверх компрессорами, то угол подъёма даст нам увеличение дальности стрельбы кабельтовых до сорока... У красных артиллерия дальнобойнее нашей, но мы сможем хотя бы отчасти компенсировать это... Надо посчитать!

— Считай, — снисходительно дозволил Алёшка.

Катя не ожидала, что флотилия будет такая большая. Она распознала по Каме от Мотовилихи до Заимки, до завода «Старый бурлак». Из окна своей мансарды Катя видела на реке серые и суровые канонерки, вспомогательные буксиры и плоские баржи; видела громоздкие пассажирские суда — они были плавучими госпиталями и

ремонтными базами; видела мелкие «фильячки»-тральщики и узкие бронекатера. Всё это дымило и сложно двигалось.

Дружба с Вадимом Макаровым не затянулась у Алёшки надолго. В один прекрасный день Алёшку доставили домой под конвоем. Вечером Вадим в полной морской форме официально объяснял Кате и Роману:

— Шестидюймовые снаряды мы привезли из Иркутска, но по калибру они оказались немного велики. Мы обтачиваем их в Мотовилихинском заводе на станках, не разряжая. Это очень опасно. Рабочие рискуют жизнью. В токарную фабрику посторонним входить запрещено. Однако Алексей солгал часовому и вошёл. Более того, потребовал пустить его к станку. Я пресёк его инициативу.

— Алёша, есть вещи, которые тебе необходимо выполнять, — назидательно сказал Роман. — Например, подчиняться старшим.

Алёшка злобно сопел и смотрел куда-то в сторону.

— Я тебя своими руками задушу! — пообещала ему Катя. — Позоришь меня!

Катя сама часто бывала в Мотовилихе — сопровождала британцев.

В честь крейсеров, оставшихся во Владивостоке, британцы назвали свою канонерку «Кентом», а плавбатарю — «Суффолком». Оба судна подогнали под краны к причалам Мотовилихи: требовалось установить орудия и броню. Юинг, переводчик, не успевал и в цеха, и на пирс, работа тормозилась, и Роман попросил Катю помочь. «Кент» должен был охранять «Лёвшину» на Арлане, поэтому коммодор Мюррей поручил Роману курировать британцев. Впрочем, Роман часто уезжал в Нижнюю Курью к Нерехтину, и Катя управлялась одна.

— Откуда вы так хорошо знаете язык? — спросил Катю капитан Джеймсон.

— Я долго жила в Дорсете, — улыбнулась Катя.

Британцы почему-то смешили её. Конечно, они были мужественными людьми, добровольцами, но эти шапочки с высокими околышами и без лент, эти широкие полосы на тельняшках, эти хлопающие клёши... После жестоких балтийцев, красных военморов, дружелюбные британцы выглядели как дети.

На Мотовилихинском заводе среди причудливой архитектуры его цехов, сразу и угрюмых, и артистичных, среди шипящих и лязгающих

машин с рычагами и поршнями, среди бегущих трансмиссий и вращающихся колёс, под решётчатыми фермами, проплывающими над головой, рядом со свежим пространством реки, на котором дымили пароходы, Катя начинала понимать, что такое завод и что такое навигация. Начинала понимать, что увлекало тех людей, кого она любила: папу, дядю Ваню и негодяя Алёшку.

А открытие навигации наметили на 3 мая.

Накануне вечером в гости зашёл Петька Федосьев. Роман ещё не вернулся из затона, но Федосьев не смутился. Дружбой с Горецким он пользовался, чтобы получить удовольствие от общения с Катей. А Катя относилась к нему покровительственно-строго — как к Алёшке. Федосьев был пьян.

— Ромка — хитрый жук! — заявил он. — Столько времени вас скрывал!

— А вы давно знакомы? — строго поинтересовалась Катя.

— С прошлого лета, с Казани. — Федосьев поудобнее развалился в кресле. — Мы вывозили ценности Госбанка, взятые у большевиков. Пароход Горецкого под обстрелом затонул вместе с золотом. А я снимал с него команду. Ромка с крыши своего судна последним ко мне перебрался. Тогда я его и зауважал.

Федосьев слукавил про отвагу Горецкого на крыше парохода «Боярыня» — лишь бы Катя увлеклась и не выпроводила его.

— Пароход с золотом? — удивилась Катя. — Рома мне этого не рассказывал!

— А чего рассказывать-то? — хмыкнул Федосьев. — Не довели ведь.

— И потом вы вместе воевали?

— Не-а, — помотал головой Федосьев. — Я — воевал, когда мы с флотилией Старка отступали вверх по Каме. А Ромка среди гражданских капитанов был. Вёл винтовой буксир с каким-то секретным грузом.

— Золото, секретный груз — это очень романтично, — заметила Катя.

Ей понравилось, что у Романа такая необычная история, хотя было немного обидно, что Роман умолчал. Впрочем, понятно: военная тайна.

— У Ромки и поромантичнее сюжет был. — Польщённый вниманием Кати, Федосьев хотел произвести ещё большее впечатление. — Мятеж на борту!

— Мне страшно любопытно! — призналась Катя. — Петька, вы искуситель!

— Ромка рвался на Арлан, на нефтепромысел, а там у него случился бунт, и команда угнала его катер вместе со всеми секретами. Такая вот пиратская история! Потому Ромка и явился в Сарапул, где мой пароход стоял.

— Странно судьбы переплетаются...

— Да уж, — согласился Федосьев. — Давайте выпьем, Катя?

Катя с сожалением покачала головой:

— Мне нельзя, Петя. Да и вам не следует. Завтра у всех у нас важный день. Ступайте спать.

Роман приехал уже ночью; Катя слышала, как он, чтобы не беспокоить, укладывается на диване в гостиной. Но Катя не спала — думала о Горецком. За окном в недалёком Козьем Загоне отчаянно заливались соловьи. На пароходах тихо горели ночные огни. Да, размышляла Катя, Роман проделал большой путь, чтобы оказаться рядом с ней. Он не раз мог свернуть в сторону, но не свернул. В прозрачной темноте весенней полночи Катя вспоминала и о других чудесных людях, которых тоже полюбила всем сердцем. Она ничего не сделала для этого, но в том, наверное, и заключалась удивительная загадка её судьбы: все, кто пришёл к ней, не свернули с правильного пути.

Просторная каюта командующего флотилией была обставлена хорошей мебелью; они находились здесь вдвоём — адмирал Смирнов и адмирал Старк.

— Вы поговорили с Гайдой, Михаил Иванович? — спросил Старк.

Генерал Гауда возглавлял Сибирскую армию.

— Бесплезно! — раздражённо ответил Смирнов. — Наша флотилия — это огромная сила, однако же эффективна она будет лишь тогда, когда река станет главной линией наступления. Но этот пехотный недоучка назначил главной линией дорогу на Вятку и Казань. Мы будем действовать на стыке флангов Сибирской и Западной армий, то есть с военной точки зрения — нигде! Гауда слишком самоуверен и не желает делиться успехом с генералом Ханжиным!

Генерал Ханжин возглавлял Западную армию, которая вела наступление на Оренбург и Самару.

— Теперь я понимаю, Юрий Карлович, почему вы взяли себе бригаду морских стрелков, а не дивизион во флотилии. Признаться, раньше это ваше решение я относил на счёт вашего недовольствия моим командованием.

— Я хочу делать дело, хочу сражаться, — скупо усмехнулся Старк. — И я никогда бы не унизил вас, Михаил Иванович, своими сомнениями.

Оба адмирала были в белых парадных кителях. Смирнов протянул руку, и Старк пожал её.

— Надо идти, Юрий Карлович. Наверное, ждут только нас с вами. Действительно, ждали только адмиралов.

Штаб флотилии белые, как и большевики, разместили на пассажирском лайнере «Аршаулов», но переименовали его в «Волгу». На длинной тентовой палубе за рулевой рубкой уже собрались моряки — офицеры, мичманы и старшины. Здесь под навесом был сооружён походный алтарь, священник о чём-то негромко говорил с

иеродьяконом, стояли соборные певчие. Над теплоходом, над дебаркадером и над рекой летали и кричали чайки.

К Федосьеву, командиру второго дивизиона, сквозь толпу вежливо протиснулся Митя Уайт — молодой русский офицер, ушедший с британского флота, чтобы воевать в России. Сейчас он руководил разведывательным отделением Оперативного отдела; отделение находилось на канонерке «Кент».

— Пётр Петрович, капитан Джеймсон интересуется порядком убийства на фронт. Я понимаю, что всё будет объявлено приказом, но местное общество пригласило его на пикник, и он хотел бы знать, располагает ли собой...

Федосьев глянул на Джеймсона, тот приложил два пальца к козырьку.

— Вам бы одни увеселения! — буркнул Федосьев, надеясь, что Уайт не уловит его винного перегара.

— Отнюдь. Общество заинтриговано участием Британии в русской войне.

Флотилия была разделена на два дивизиона; каждый включал в себя шесть канонерок, плавбатарею, четыре катера и вспомогательные суда. «Кент» и «Суффолк» числились в дивизионе Федосьева. Разумеется, привести себя в порядок в полном составе флотилия ещё не успела — задержал ледоход.

— Суда будут отправляться по мере готовности, — сообщил Федосьев. — У «Кента» есть не меньше недели. Наша цель — Елабуга.

В апреле Сибирская армия Гайды взяла Воткинск, Ижевск и Сарапул; войска упёрлись в сопротивление красных на рубеже реки Вятки.

— А Елабуга наша или нет?

— Не знаю. — Федосьев в досаде сморщил обветренный нос. — Поговорим потом, Дмитрий Николаич, я пришёл на богослужение, и это — святое.

— Простите, Пётр Петрович, — наклонил голову Уайт.

...Весна уже набрала силу; река могуче вздулась и широко разлилась, затопив низины. Берега дымно зеленели молодой листвой. Волны с грязной пеной шлёпали в сваи амбаров и складов. По стрежню несло мусор и брёвна — где-то выше по течению Кама

размыла какие-то штабеля. В синем небе быстро плыли мелкие облака — их словно бы тоже тащило половодьем.

К началу навигации на свои места вернулись и дебаркадеры. Штабной теплоход «Волга» был пришвартован к самому красивому из них — с вывеской «„Былина“». Соединённое коммерческое пароходство Д. П. Якутова». Романа это странно поразило, хотя стоило бы понять и раньше: если Колчак победит, Катя унаследует свою часть речной империи отца. У неё — то есть у него, у Романа, — появится своя собственная судоконпания. И он окажется равновелик братьям Полякам, совладельцам «Мазута». Если сыграть правильно с акциями Нобелей, он сам или с помощью Кати сможет превратить «Былину» в такую же мощную конпанию при «Стандарт ойле», как «Мазут» при «Шелле». От перспектив у Романа что-то преворачивалось в груди.

Роман и Катя сидели в открытом фээтоне, который остановился на спуске с высокого берега, и наблюдали за богослужением на штабном теплоходе. Голоса священника и певчих сливались, а чайки вопили даже громче, чем звучала литургия, и всё равно настроение было праздничным, возвышенным.

— Когда вы с дядей Ваней уходите на Арлан? — спросила Катя.

— От нас не зависит. Когда пойдёт «Кент», когда разрешит начальство.

— Послушай... — Катя мягко взяла его руку, — мне ведь придётся рожать в пути, когда мы поедем во Владивосток?

— Да, родная, — виновато подтвердил Роман. — Я не вправе задерживать отправку груза британской железнодорожной миссии.

На самом деле Роман просто не хотел ждать. Отношения с «Шеллем» ему надо выстраивать быстрее. Он и так затянул. А теперь вот и Нобели вступили в переговоры с Рокфеллером... Вершится большой передел, а он бездействует.

Он мог оставить Катю в Перми и уехать один — но сколько времени займёт деловая поездка? Полгода, год? Если он покинет Катю, то неизбежно потеряет её: разочарует, будет вытеснен в прошлое. Катю надо брать с собой. Она ему нужна. Особенно сейчас, когда он понял про «Былину».

Романа не уязвило признание Кати, что князь Михаил — отец её ребёнка. Наоборот, даже как-то удовлетворило. И вовсе не потому что он изначально угадывал правильно. Великий князь — это Великий

князь. Кто же устоит перед магической властью такого титула? Беременность — тривиальная расплата за победу девичьей природы. А прозвучавшее признание — согласие подчиняться, ведь Катя открыла свою уязвимость. И при всей опытности Романа тянуло к ней, к Кате Якутовой, строгой и требовательной даже в поражении; её любовь умножала его веру в себя. А ребёнок Великого князя — это упряжь, с помощью которой Катю можно держать под контролем. Но Катя должна быть рядом.

— У меня появилась мысль... — задумчиво начала Катя. — Помнишь, я говорила, что в Сарапуле живёт подруга моей мамы?.. «Лёвшино» пойдёт на промысел через Сарапул. Мне вполне по силам это небольшое путешествие. Я уверена, что тётя Ксения согласится отправиться с нами во Владивосток и дальше. Она приезжала к маме в гости в Канны, это было ещё до войны. Она и примет у меня роды. С ней я буду спокойна.

— Тётя Ксения?.. — осторожно переспросил Роман.

— Ксения Алексеевна, жена паромщика Ивана Сергеевича Стахеева. Вернее, вдова. У них сын Иннокентий.

Прошлое беззвучно и незримо обрушилось на Романа, будто тьма. Та ночь в Святом Ключе, веточка шиповника, брошенная на пол, — и потом два гроба в гостиной с занавешенными окнами... Роман понял, что здесь, в России, опасность подстерегает его везде, ведь всё, на чём он основал свои планы, принадлежало не ему. Прошлое надо выпалывать из жизни, как сорняк.

— Катюша, нет, — мягко произнёс он. — Ни в какой Сарапул я тебя не возьму, и никакая тётя Ксения с нами не поедет. Это лишнее.

Катя выпустила его руку и внимательно посмотрела на него.

— Полагаю, решать должна я.

— Извини, но сейчас я тебе запрещаю.

— Ты объяснишь мне причину?

— Ответ «нет» — не повод для вопроса «почему?», — твёрдо сказал Роман.

7 мая «Кент» отправился на фронт, а «Лёвшино» застрял в затоне — Осип Саньч и трюмная команда всё возились с машиной. Иван Диод орыч не переживал: никуда Арлан не денется. Горецкому тоже было чем заняться. Под его наблюдением на корме буксира закрепили лебёдку с поворотной стрелой и бензиновый мотор нагнетательной системы; Горецкий брал с собой водолаза и сигналиста из британской железнодорожной миссии. Иван Диодорыч не спрашивал, какие грузы Горецкий собирается поднимать со дна реки, а Роман не объяснял. Британцы вообще не говорили по-русски.

В рейс «Лёвшино» вышел только в середине мая вместе с последним караваном флотилии. Караван состоял из плавучего госпиталя, самоходной авиабаржи «Данилиха», нескольких буксиров и десантного судна морских стрелков. Сопровождали их канонерские лодки «Смелый», «Страшный» и «Стройный». Корабли второго дивизиона назывались на букву «С», а первого — федосьевского — на букву «Г». Свой вымпел Федосьев поднял на канлодке «Гордый», и его дивизион давно уже бабахал из пушек где-то под Елабугой.

Многие чувства в душе Ивана Диодорыча с годами угасли, превратились в обыденность, однако начало навигации будоражило, как в молодости. Эта река, эти солнечные блики, пляшущие на волнах, эти зелёные берега — холмы над плёсами, леса, вёрсты, церковки... Эта свежесть створа, чайки и белые пароходы с дымом из труб... Такого не будет ни в каком раю — зачем там речной флот?.. Иван Диодорыч прогуливался по крыше надстройки, делая вид, что занят какими-то соображениями, и просто тихо млеет. Жаль, что рядом нет Катюши, оставленной дома: он очень хотел бы порадовать её этим счастьем.

Все, кто был свободен от дел, потихоньку собрались на носовой палубе, расселись или развалились на солнечном пригреве, будто коты на крыше. Сам собой завязался разговор — ни о чём, и в то же время о самом главном. Иван Диодорыч знал, что в таких беседах и заключается негрешное блаженство дороги, и никого не гнал на работу, хотя боцман Панфёров проскрипел:

— Точите ляды-то, ребяташки, а судно пуцай само плывёт как получится.

На укоры боцмана никто не обратил внимания.

— Ну как ты, Федька, веришь в чудеса? — неугомонный Алёшка напал на Федю Панафидина. — Кругом электричество, дизели, аэропланы летают! Есть физика и химия, а чудес никаких нету, они от глупости! Это Стешка вон считает, что в динамо-машине чёрт сидит, а ты же поумнее будешь!

Завтра к вечеру «Лёвшино» должен был дойти до затопленного «Русла», и Федя намеревался наконец-то забрать чудотворный образ Якорника.

— Да знаю я, что там не чёрт, а кто-то другой! — возмутилась Стешка.

— Чертям машины не нужны, — влез Перчаткин. — Машину-то в пекло не утащишь! Чертям нужны души — светлые и чистые!..

— Вроде твоей, да? — скептически хмыкнул матрос Колупаев, которого Яшка недавно ободрал в карты.

— Вроде моей, — охотно согласился Яшка. — Я ведь добрый человек, даже нежный. Никому зла не желаю! А чёрт сядет на плечо и шепчет: гляди-ко, Яша, на вон того купчину, он бахвалиться жаждует, ну дак и обмишуль его, угоди гордыне... Или же указывает мне перстом на офицера: этот себя героем мнит, никогда не отступает, дак и распатронь его до исподнего... Задача-то у чёрта в чём? Приумножить грех, который и без него душу ел! В чёрте чуда нет!

— Чудо — творенье божье, — согласился Федя. — Есть бог — есть и чудеса.

— Бога нету! — упорствовал Алёшка.

— Кого нету? — испугался Митька Ошмарин. — Где?

— А ты вокруг-то посмотри, Лексей, — с укором посоветовал Серёга Зеров. — Красота же какая... Чего спорить-то? Всё же ясно, что бог есть.

— Эх, дядя Серёжа! — обиделся Алёшка. — А ещё в училище учился!

— Бог науке не противоречие, — примирительно заметил Федя.

— А чудеса? Они по науке невозможны!

— Разве ты все науки превзошёл? — Федя мягко улыбнулся.

— Не все, но суть-то понимаю!

— Чудеса не в том, чтобы из-за уха туза трэф доставать. Это фокусы.

— Фокусы, — важно кивнул Яшка.

— Чудеса в простых деяниях. У меня дедушка Финоген за всю свою жизнь ни разу на мель судно не посадил, а такого быть не должно! Любой лоцман, даже самый лучший, промахивается. Любому рано или поздно не везёт. Так что удача дедушкина и есть чудо. И науку оно не попирает. Оно — другая наука.

— Совпадение! — упрямылся Алёшка.

— Тогда и в динамо — чёрт.

Роман слушал и посмеивался. Он помнил свои споры с Федей на борту «Русла» — Федю не переубедить. А дедушка Финоген просто врёт.

Ночевать караван встал на рейде села Частые — на полпути между Пермью и Сарапулом. Голубая майская полночь даже не попыталась посинеть — на востоке уже светилась бледно-жёлтая полоса нетерпеливого рассвета. В каюту Ивана Диодорыча осторожно постучал Мамедов.

— Тебе чего не спится, Хамзат? — проворчал Иван Диодорыч.

Мамедов притулился сбоку на краешек его койки.

— Дэло у мэня, Ванья, — негромко сказал он. — Нэ хотэл тэбе дэн портыть...

— Ну, порти ночь.

— Говорю, Горэцкий знает, зачем я ыду на Арлан. Эму Выкфорс сказал.

— И что?

— Он захочет отнять у мэня докумэнты. Будэт драка. И я эго убью.

Нерехтин закричал, вытаскивая ноги, и тоже сел.

— Вы же вроде примирились, Хамзат.

Мамедов скривился и пренебрежительно махнул рукой:

— Какая разныца? Пустые слова. Повэрь мэня, Ванья, он дурной чьеловэк.

— Да сам чую, — вздохнул Иван Диодорыч.

Его охватила тоска. Прошлое не отпускало — тянулось к будущему.

— Горецкого Катюша выбрала. А я для неё печали не хочу. Не убивай его.

Мамедов недовольно засопел:

— Неправильное решение, Ванья. И для Каты тоже.

— Ты спросил — я ответил.

Мамедов хлопнул Нерехтина по плечу и тяжело поднялся.

— Ладно. Не убью.

Наутро караван двинулся дальше. Пароходы бодро дымили и работали колёсами; «Лёвшино» шёл последним в колонне, рассекая извилистые полосы пены на стрежне. Змиевский перевал, пристань Ножовка, остров Толстик, село Бабка, коса Удобная, пристань Усть-Речка и пристань Галёво, Костоватовский узкий ход, Сайгатский осередок, село Сайгатка с храмом, и на отшибе — погост, где лежит Дарья... Иван Диодорович снял фуражку, перекрестился на колокольню и поклонился, приветствуя Дашу. А потом Банный лог, пристань Гольяны, село Нечкино, и вот он — злополучный Пещерский перекаат.

...На левый борт выбрались почти все, кто участвовал в том сражении с буксиром «Русло»: Сенька Рябухин, Серёга Зеров, Павлуха Челубеев, Митька Ошмарин, Колупаев, Стешка... Они молча смотрели на обломки мёртвого буксира. Среди искристой ряби переката чернел задранный угол надстройки, торчала безглазая, дырявая, помятая рубка. Дымовой трубы уже не было — её снесло весенним ледоходом. С крыши рубки взвились две чайки. «Русло» казался выброшенной на мель железной корягой, огромной и уродливой.

— Упокой всех, господи, — сказал Серёга Зеров. — Не мы это начали.

Колёса «Лёвшина» затихли в кожухах, с крамбола бултыхнулся якорь, и судно неспешно развернулось задом наперёд. Федя Панафидин, ни на кого не глядя, за верёвку подтянул разъездную лодку, что волочилась за кормой. Он решил плыть к утонувшему буксиру один. Там, на «Русле», только его призраки — больше ничьи, и чужакам не надо их тревожить. У всех свои тени.

Иван Диодорыч смотрел, как Федя добрался до «Русла», привязал лодку к какой-то зазубрине рубки, слез в воду, погрузившись до колен, и с силой отволок дверь. Изогнулся и проскользнул внутрь. Безмятежно сияло небо.

На «Лёвшине» ждали. Почему-то было боязно, хотя ничего опасного случиться не могло. Наконец перекошенная дверь снова затряслась, и Федя боком вылез наружу. В руках у него была икона. Федя издалека показал её людям на «Лёвшине», и ярко стрельнул золотой блик на нимбе Якорника.

На «Лёвшине» загомонили, словно Федя выиграл в состязании.

— Ты только не ругайся, дядя Ванечка... — услышал Иван Диодорыч у себя за спиной и медленно поворотил голову, ошалевав от изумления.

На мостике буксира, улыбаясь, стояла Катя.

Придумала это, конечно, сама Катя, но всё организовал Алёшка. В ночь перед отплытием он в лодке перевёз Катю из дома на «Лёвшино». Вахтенный Сенька Рябухин тоже был в сговоре. Стешка спрятала Катю у себя в каюте.

— Спасибо, Стешенька, — сказала Катя, неловко пристраиваясь на койке. — И тебе, Алёшка, спасибо. Не совсем ты, значит, пропащий человек.

Катя укрывалась у Стешки полтора дня — и размышляла о своём поступке. Не каприз ли это? Может, она взбалмошная дура? Нет. Тётя Ксения нужна ей, а отказ Романа прозвучал оскорбительно. Однако спорить Катя не хотела, и потому решила просто поставить Романа перед свершившимся фактом. Роман обязан считаться с ней. Она не кукла. И это она делает Роману одолжение, соглашаясь ехать с ним на край света и рожать в поезде.

Катя вышла, когда до Сарапула оставалось с десяток вёрст.

Дядя Ваня нелепо хлопал себя по бокам, точно курица крыльями. Он обнял бы Катю, да боялся её живота. Катя сама обняла его.

— Ну ты даёшь, Катюшенька! — квохтал дядя Ваня. — Ну ты даёшь!..

Алёшка ухмылялся во всю физиономию. Стешка надменно сложила руки на груди, глядя на Нерехтина так, будто свергла его из капитанов.

— А вам не поздоровится! — пообещал Иван Диодорыч Алёшке и Стешке.

На мостик на спеша поднялся Роман. Он словно бы ничему не удивился и поцеловал Катю спокойно и ласково.

— Ты всех победила, — шепнул он.

У Кати отлегло от сердца.

Машина стучала, колёса взбивали пену, и вскоре за поворотом показалась покатая Старцева гора с остриём колокольни. Это уже был Сарапул.

Пароходы флотилии заняли все пристани города, у лучшего дебаркадера — дебаркадера КАМВО — пришвартовался штабной

лайнер «Волга». Буксиры уткнулись носами в берег. На рейде бросили якоря те, кому не хватило места у причалов: авиабаржа «Данилиха» и товарно-пассажирское судно «Ревель», на котором размещалась бригада морских стрелков адмирала Старка. «Лёвшино» тоже остановился на рейде — возле косы напротив Девятовской мельницы.

Поскольку делать пока было нечего, Иван Диодорыч задумал провести разбирательство и суд — строгий, но справедливый. Всё-таки тайный человек на борту — это непорядок, и немалый. Неуважение к капитану. Иван Диодорыч выставил перед рубкой стул и вызвал первого преступника — Алёшку.

Алёшка сразу учуял, что ему прилетит, и как-то весь скорчился.

— Я Катюшу люблю, и рад, что она с нами, — веско сказал Иван Диодорыч, — и тебя, Лексей, люблю. Но творить такие дела на судне никак нельзя.

— А чё такого-то? — всё-таки встопорщился Алёшка. — Нас она не обожрёт!

— Ты меня как капитана дураком показал.

— Да все и так знают, какой ты! — возмутился Алёшка. — И вообще это Катька всё затеяла! Я тут ни при чём!

— Я от тебя не оправданий жду! — рассердился Иван Диодорыч.

— Ладно-ладно! — сдался Алёшка. — Ну, прости, дядь Вань.

Иван Диодорыч понял, что большего из этого лиходея не выжать.

— Ступай, и Рябухина сюда пришли.

— А чё Рябухин-то сразу? — опять заупрямился Алёшка. — Он же чурбан, он не виноват! Ему Катька скажет утопиться — так он утопится!

— Я вас обоих щас утоплю!

Алёшка убрался, и вскоре на суд прибыл трепещущий Сенька.

— Я тебя спас, а ты чем мне отвечаешь? — снова начал Иван Диодорыч.

Сенька готов был бухнуться на колени.

— Каюсь, дядя Ваня! Помилуй! Не мог я тебе во всём признаться, Катерина Митревна не велела! Как мне ей перечить, сам посуди?

Воспитывать Сеньку, в общем, было бесполезно.

— Проваливай, и Стешку ко мне пришли!

Сенька в отчаянье замотал нестриженными вихрами.

— Не буду я её звать! Боюсь! Лучше своей рукой меня убей! Она и так на всех орёт! Она у Перчаткина карты отняла!

Иван Диодорыч в ярости топнул.

Стешка явилась в кухонном фартуке, в руке она сжимала поварёшку.

— А ты своей пустой башкой потряси-ка! — нагло заорала она. — Девка первый раз рожать будет! Ей страшно! Ей рядом умелая баба нужна! Токо стрелять по друг другу и умеете, остолопы! А кто о Катюшке позаботится? Учить меня ещё взялся, старый хрен! Ты сам-то рожал хоть раз? Нет? А я рожала! Вот дам половником по лбу, авось в уме-то прояснеет!

Под таким напором Иван Диодорыч еле усидел на своём стуле.

Стёшка, ругаясь, ушла на камбуз. Иван Диодорыч осторожно поправил фуражку. Затея с судом лопнула... Зато Иван Диодорыч осознал нечто важное. Незаметно для него, для капитана, люди на его буксире срослись невидимыми корешками, и получилась команда. Конечно, капитан управляет ею — но и команда тоже управляет капитаном. И поэтому на неё можно положиться.

А город Сарапул на длинном и высоком берегу на фоне пунцового заката уже слился в сплошную чёрную массу, очерченную поверху ломаной линией крыш. В посиневшем небе плыли алые перья лёгких облаков.

Каюту Романа заволакивал мягкий багровый полумрак — словно от огня в печи. Катя и Роман сидели рядом на аккуратно застеленной койке.

— Катюша, нам надо поговорить, — сказал Роман.

— Не вздумай отчитывать меня, — холодно предупредила его Катя. — Я не нашкодивший ребёнок.

Роман покачал головой и положил руку ей на колено:

— Нет, я вовсе не о твоей уловке.

— Тогда о чём?

— Видишь ли, дорогая... Я не хотел брать тебя в Сарапул по той причине, что твоя тётя Ксения погибла.

Катя дёрнулась как от пощёчины. Роман отвернулся к окошку. За вечер он успел приготовиться к объяснению: предугадал вопросы и подобрал ответы, и сейчас нужно было всего лишь терпеливо отыграть неприятную сцену.

— Откуда тебе это известно, Рома?

Для Кати всё вокруг словно бы наливалось гнетущей тяжестью: красный свет над городом, синие тени в каюте, рука Романа на её колене, собственный живот — и сама жизнь, в которой вдруг не стало милой и славной тёти Ксении.

— Я же рассказывал тебе, что в прошлую навигацию был капитаном на буксире Мамедова. Мамедов искал баржу с оборудованием, которую захватил Иннокентий Стахеев... В пути мы встретили пароход большевиков. Мамедов заключил с ними сделку и выдал им Ксению Алексеевну, чтобы Иннокентий отдал баржу в обмен на свободу мамы. А большевики расстреляли Стахеевых. Это случилось в Святом Ключе. Пока ты не назвала Ксению Алексеевну, я не догадывался, что твоя тётка из Сарапула и есть та самая женщина.

Катя молчала, уставив в стену потемневший взгляд.

— Я не сообщил тебе об этом сразу, потому что у меня деловые отношения с Мамедовым, — завершил Роман. — Он нужен мне на промысле. Я понимаю, что действую цинично, однако поступить иначе у меня нет возможности.

Сейчас Роман не испытывал сочувствия к Кате: Катя подвергла опасности его план действий, и он просто наблюдал, сработала ли его стратегия защиты. На Катю он не злился — что ж, Катя такая, какая есть, и её не изменить. Но этим она и привлекает. Добрая простушка ему не интересна. Ему интересна сильная и сложная женщина. И он справится с Катей, как справился с Мамедовым.

— Наверное, тебе лучше освоиться с новыми обстоятельствами без меня, — сказал Роман. — Оставайся здесь, а я переночую в кубрике у водолазов.

— Да, так будет лучше, — прошептала Катя.

«Грозному» не повезло. Он стоял под парами в дозоре на устье Вятки, а день выдался пасмурным: морозящий дождик скрадывал горизонты. Снизу по реке поднималась колонна судов большевистской флотилии. Первой шла дизельная канлодка «Волгарь», и наблюдатель «Грозного», привыкший к чёрному мазутном дыму пароходов, не увидел за островом синего выхлопа от дизеля. «Волгарь» вlepил снаряд «Грозному» в машинное отделение.

Вызвав по радио подкрепление, тонущий «Грозный» отполз к левому берегу и выбросился на отмель. Большевики не успели добраться до него — сверху появились суда дивизиона Федосьева, идущие в строе пеленга. Кама на устье Вятки расплеталась на рукава, и под огнём противника дивизион сразу рассыпался по протокам. Большевики попятнулись за поворот и продолжали обстреливать суда Федосьева через мыс. «Грозный» горел и дымил.

Федосьев командовал пароходом «Гордый», разумеется, буксиром; с ним сблизился пассажирский пароход «Ревель» — транспорт морских стрелков, которыми командовал адмирал Старк. Радио на «Ревеле» не было, и Старк в лодке сам отправился к Федосьеву за указаниями.

Федосьев и юный мичман Знаменский, первый помощник на «Гордом», стояли на мостике с биноклями и разглядывали, как далеко впереди, на ходу огрызаясь из обоих орудий, возле «Грозного» для спасательных работ умело разворачивается британский «Кент».

— Смотри, Знаменский, что значит их выучка, — сказал Федосьев.

Моряки на «Кенте» готовили для «Грозного» швартовы и сходни; боцман руководил пожарной командой с ручными помпами; артиллерийский офицер побежал от носового орудия на корму — корабль изменил положение, и цели тоже поменялись. Экипаж «Кента» одновременно решал несколько задач.

Знаменский хмыкнул, не соглашаясь с превосходством британцев.

— Капитан Джеймсон дрался у Фолклендов и при Галлиполи, — с лёгкой завистью добавил Федосьев. — Ты не морщи физиономию, а

учись.

Федосьев ощущал себя наставником Знаменского.

— Я у тебя учусь, Петька, — ответил Знаменский. — Что мне британцы?

Федосьеву приятно было это слышать, он сам себе казался и старше, и мудрее. Хотя, конечно, Джеймсон или Старк посмеялись бы над его опытом.

Старк поднялся на мостик.

— Здравствуйте, господа офицеры, — сказал он. — Увидел ваш сигнал, Пётр Петрович. Что вы хотели?

— Хотел услышать ваше мнение, Юрий Карлович.

Старк задумчиво повернулся к реке. Серые бронепароходы расплывались в мороси, но всё-таки было видно, что вокруг судов то и дело подсакивают фонтаны разрывов. Красные обстреливали дивизион, а дивизион не отвечал — слишком далеко до противника. Низкий берег слева, докуда хватало глаз, был залит половодьем, из воды торчали затопленные рожицы.

— Надо атаковать! — вдруг горячо заявил Знаменский.

Федосьев нахмурился, хотя явно был доволен.

— Простите, господин адмирал, виноват! — спохватился мичман.

Старк спокойно посмотрел на Знаменского. Похоже, мичман чувствовал, что командир благоволит к нему, и подыгрывал, чтобы понравиться ещё больше. Что тут было — желание выслужиться или поклонение кумиру? Старка это не интересовало. Сейчас его вообще мало что интересовало.

— Не забывайте, господин Знаменский.

— Молод ещё. — Федосьев попытался оправдать помощника. — Рвётся в бой. Я и сам таким был, Юрий Карлович, помните?

— Не помню, Пётр Петрович, — отрезал Старк. — И в нынешней ситуации полагаю, что атаковать — опрометчиво. Без воздушной разведки мы не знаем сил противника. А флотилия у большевиков серьёзная.

Всю зиму в затонах Нижнего Новгорода большевики готовили флотилию из четырёх дивизионов: оборудовали двадцать один бронепароход, не считая штабных, сторожевых и вспомогательных судов. Пятый дивизион из девяти вооружённых пароходов они собрали

на Вятке. Но главным преимуществом большевиков было не число кораблей, а дальнобойные морские орудия.

— К тому же у противника стоит батарея в деревне Грахань, — добавил Старк. — Их отряд отойдёт назад, заманивая вас под расстрел артиллерией.

— А если высадить вашу бригаду на берег, чтобы вы взяли эту Грахань? — предположил Федосьев.

Ему нравилось советоваться со Старком. Во-первых, тот говорил дельные вещи. Во-вторых, обращение к адмиралу подчёркивало его великодушие, ведь Старк проиграл в соперничестве за командование флотилией.

— Я в вашем оперативном подчинении, Пётр Петрович, и обязан выполнить любой ваш приказ, но десант в Грахань считаю ошибкой. В деревне наверняка размещён сильный гарнизон. Комиссары давно уже не дураки.

— Выходит, мы никак не можем развить наш успех?

— Какой успех? — удивился Старк. — Мы потеряли канлодку, и всё. То, что мы отогнали корабли врага от подбитого «Грозного», в лучшем случае лишь правильное тактическое действие.

Знаменский принял надменный вид, показывая своё несогласие.

— К сожалению, господа, кампания на реках определяется не сражениями флотилий, — Старк не удержался от дидактического тона, — а продвижением сухопутных сил на берегу. И вы знаете, что на берегу мы отступаем.

Отступление было болезненным ударом для войск адмирала Колчака. Газеты всю весну восторженно вопили о «полёте к Волге». Сибирской армии генерала Гайды оставалось всего сто вёрст до Казани — и сорок вёрст до Волги. Западная армия генерала Ханжина освободила почти всё левобережье Камы до Чистополя и нацеливалась на Самару. Но «полёт» оборвался. Началось половодье, реки разлились, дороги раскисли, и обе армии потеряли тылы, завязшие в непролазной грязи. А красные мобилизовались, накопили силы и начали контрнаступление, неумолимо вытесняя белых обратно к Уфе и Перми. Чистополь и Мензелинск пали, угроза нависла над Елабугой.

— Что ж, всё понятно, Юрий Карлович, — вздохнул Федосьев. — Скоро сюда подойдёт «Суффолк», британская плавбатарея, и мы разбомбим Грахань, а там будет видно, преследовать ли большевиков.

С мостика «Гордого» Знаменский и Федосьев смотрели, как лодка со Старком скользит под дождём к борту парохода «Ревель».

— Только настроение испортил, — пробурчал Знаменский.

— В Сарапуле ему принесли телеграмму, что у него умерла жена, — пояснил Федосьев. — Не суди строго, Знаменский.

«Кент» пришвартовался к потерпевшему крушение «Грозному». Моряки перебирались с «Грозного» на борт к британцам, британцы из брандспойтов поливали горящую надстройку бронепарохода. Надо было погасить пожар, чтобы снять с «Грозного» вооружение. На широкой реке ещё плясали фонтаны разрывов. Мокрое, неприятное пространство дышало талой свежестью.

— Адмирал Старк — трус! — вдруг заявил Знаменский с той убеждённой уверенностью, когда не надо отвечать за свои решения. — Ты благородный человек, Петька, и ты спас адмирала на суде, но те обвинения в Уфе были справедливыми!

А Федосьев почувствовал себя на месте Старка: в прошлой навигации он вот так же нападал на адмирала, требуя решительной битвы. А Старк упрямо примерялся к общей картине войны и к своей главной задаче. И ему хватало твёрдости не идти на поводу у желаний своих офицеров.

— Помолчи-ка лучше, флотоводец ты бесхвостый, — сказал Федосьев мичману. — Сейчас «Суффолк» отмолотит по красным, и мы отступим.

«Лёвшино» торчал в Сарапуле уже неделю. Боевые корабли флотилии находились возле Елабуги, и Горецкий ждал, когда за ним придёт «Кент». Без британской канонерки миссия на промысел могла провалиться. Каждый день Роман забирался в лодку и плыл к штабному теплоходу. У адмирала Смирнова была радиосвязь со своими дивизионами. Уважая просьбу коммодора Мюррея, Смирнов держал Горецкого в курсе событий на фронте.

Катя видела, в каком напряжении пребывает Роман, но помочь не желала. Она впервые смотрела трезво, без любви и благодарности. Вроде бы Роман не совершил ничего дурного, — но в нём ощущалось что-то потаённо-недоброе, поэтому и доброе у него казалось дороже, чем стоило на самом деле.

Смерть тёти Ксении поразила Катю даже глубже, чем смерть папы. Папа был борец, и гибель входила в круг вероятности его судьбы. А тётя Ксения была совершенная душечка. Кому она могла помешать?.. Катя вспоминала, как тётя Ксения с сыном приезжала к маме в Канны, и они вчетвером гуляли по бульвару Круазетт. Мужчины косились на молодых и красивых дам с белыми зонтиками от солнца... Иннокентий тогда был сердитым мальчиком, и у Кати не получилось с ним подружиться... А тётя Ксения дружила со всеми. Ей все хотели сделать что-то приятное, и мама ревновала.

Катя чувствовала себя очень одинокой. Роман казался ей чужим, а дядя Ваня был слишком прост. Алёшка всё время чем-то занимался с Мамедовым, и Катя считала брата предателем: как можно относиться к этому убийце по-человечески? Впрочем, Алёшка не знал тётю Ксению лично, и про Святой Ключ ему никто не рассказал... Но неужели он сам не ощущает, что Мамедов — зверь?.. Катя сдружилась со Стешкой: снова сидела в камбузе, будто по-прежнему работала посудницей. А Стешка была рада Кате.

— Не бойся! — заявила она. — Пузо вынашивать я тебя сама научу!

Наука у Стешки отличалась своеобразием.

— Много не спи, Катюшка, не то дитя ленивым будет. Тайком не ешь, токо в открытую, иначе дитя будет вором. На верёвки тебе наступать нельзя, поленья перешагивать нельзя, волосы стричь тоже нельзя. Из ведра пить не лезь, чашку бери, или ребёнок изжогой будет мучиться. Ноги не скрещивай, косолапого родишь. Главное — веником не стучи, когда мусор стряхиваешь.

— А веником-то почему? — испугался Яшка Перчаткин.

Он помогал Стешке на камбузе вместо Кати.

— В венике домовый живёт. Обозлится, что его колотят, и накажет: выкидыш устроит или роды тяжёлые.

— Страх-то какой, девушки! — ужаснулся Яшка.

— А ты вот слушай, слушай меня, двоеженец, — назидательно посоветовала ему Стешка. — Поймёшь, как нам, бабам, из-за вас, кобелей, живётся!

Внезапно с палубы донеслись какие-то невнятные крики и топот, потом где-то вдалеке затрещали пулемёты.

— Что за война? — удивилась Стешка. — Пойдёмте узнаем!

Над Сарапулом и над Камой, стрекоча, кружили три гидроплана — по ним и лупили с пароходов. Авиаторы вручную сбрасывали бомбы на суда, но всё мимо: редкие всплески небольших разрывов выскакивали где попало. Глядя вверх против слепящего солнца, Стешка заслонила глаза ладонью.

— Да улетайте, дураки! — страдальчески сказала она. — Пули же вокруг!..

— Думаешь, там твой лётчик? — догадалась Катя.

— У него такой же эроплан... Два крыла и лапти внизу... Может, и он...

Катя вдруг поняла, что завидует Стешке. Пускай её возлюбленный сейчас сражается на стороне врага, но на душе у Стешки нет никакой смуты. Лётчик Свинарёв — хороший мужик, прямой и честный: он не прячет компромиссов.

Команда высыпала на палубу и глазела в небо, не думая об опасности.

— Слишком высоко забрали, — щурясь, проворчал боцман Панфёров. — Надо им пониже спуститься, тогда бомбой и попадут в аккурат.

— А где аккурат? — всполошился Митька Ошмарин.

— Нижей их самих подстрелють, — заметил Сенька Рябухин.

Самолёты потянулись к югу и растаяли в синеве. Разочарованная команда начала расходиться, остался только Федя Панафидин, который всё смотрел на горизонт в бинокль Ивана Диодорыча, будто надеялся, что самолёты вернутся.

Катя увидела, что Алёшка за верёвку подтаскивает лодку, привязанную к борту буксира. Рядом с Алёшкой с вёслами в руках топтался Мамедов.

— Куда ты намерен плыть, Алёша? — спросила Катя.

— Да на «Данилиху», — пояснил Алёшка. — Может, гидроплан покажут.

Алёшку явно воодушевило зрелище воздушной атаки. «Данилиха» была авиабаржей флотилии, она стояла на рейде неподалёку от «Лёвшина».

Катя разглядывала Мамедова, словно в первый раз. Какой он неприятный тип... Неспешно-самоуверенный, кряжистый, будто грузчик, с толстым носом и грязной щетиной... Наверное, совесть у него такая же неповоротливая, как и тело. Катя почувствовала, что ненавидит Мамедова. В эту ненависть слилось всё, что её мучило: горе по тёте Ксении и обида на Романа.

— Алёша, ты никуда с ним не поплывёшь! — вырвалось у Кати.

Мамедов бросил на неё тяжёлый взгляд.

— Мне дядя Ваня разрешил! — отмахнулся Алёшка. — Он капитан, а не ты!

— Алёша, как старшая сестра я запрещаю тебе общаться с этим человеком!

— С дядей Хамзатом, что ли? — изумился Алёшка.

Федя Панафидин с тревогой покосился на Катю.

— Он тебе не дядя и не друг! Он убийца! Это он погубил тётю Ксению!

Алёшка глупо открыл рот.

— Господин Мамедов — жестокий и корыстный лжец! — ледяным голосом чеканила Катя. — У него руки в крови! Чужая жизнь для него — ничто!

Над палубой повисло оглушённое молчание.

Хамзат Хадиевич должен был вскипеть от гнева — но, лишая всех сил, его охватила глухая тоска. В Сабунчах или Балаханах он не раз

сталкивался с бешеной яростью женщин, у которых убил мужей или братьев — террористов из «Гнчака» или «Гуммета», а то и просто хищных бандитов. Спорить с такими женщинами было бессмысленно. К тому же они были правы. Он, Мамедов, не раскаивался в том, что сделал, но жизнь есть жизнь, а смерть есть смерть, и судьба не спасёт его от возмездия. Судьба ударит с той же беспощадностью.

Мамедов положил руку Алёше на плечо.

— Всё так, — сказал он. — Я виноват в смерти твоей тётки, Альоша.

Он повернулся и пошагал прочь. Алёшка потрясённо застыл.

— Дура! — наконец крикнул он сестре и кинулся вслед за Мамедовым.

Катя кусала губы, чтобы не заплакать.

Федя Панафидин поневоле слышал всю эту ссору, и ему вдруг стало жаль Мамедова. Катерина Дмитриевна судила слишком жестоко — в сердцах. Да, Хамзат Хадиевич — злодей, но Федя не считал его потерянным для бога. Не было в Мамедове корысти и гордыни. Он ещё мог стать добрым.

— Напрасно вы это, Катерина Дмитриевна, — негромко сказал Федя.

Он вспомнил закат над Святым Ключом и зелёную аллею от барской дачи до пристани; вспомнил, как по аллее перед ним шли Мамедов и Горецкий — и оба отбрасывали на кусты длинные, козлоногие тени.

— Не один Мамедов там был... И не он у вашей тётки тайны выводывал...

Федя знал, что причинит Катерине Дмитриевне боль, знал, что милосердие превышает правды, но не было милосердия в том, чтобы оставить Катерину Дмитриевну в потёмках обмана. И Горецкий Феде не нравился. Мамедов своё зло творил как зверь: он для того и создан был. А Горецкий не боялся греха, потому что просто умел жить дальше — так, будто ничего и не случилось.

— Роман Андреич тогда на пароходе-то не ночевал, — завершил Федя.

Катя не сразу сообразила, о чём говорит ей Федя, но потихоньку смысл сказанного добрался до неё. Рома... Роман тоже виноват?.. Он лёг в постель с тётей Ксенией, чтобы узнать какие-то секреты

Стахеевых?.. Возможна ли подобная низость?.. Но Катя поняла, что душа её почему-то не сопротивляется такой правде. Ведь в Романе не было ничего, что могло бы противоречить этому поступку. Горецкий был ничем не лучше ненавистного ей Мамедова.

«Кент» пришёл в Сарапул под вечер, и вслед за ним, как слепни за быком, прилетели четыре красногвардейских самолётка. Они кружили над городом и рейдом, бестолково сбрасывая мелкие бомбы, и с «Кента» по ним лупили из пулемётов британские моряки. Команда «Лёвшина» с палубы наблюдала за сражением. Вслед за Стешкой команда сочувствовала самолётам.

— Так в Мотовилихе пацанята голубей гоняют, — сказал Серёга Зеров.

— Зачем? — удивился Митька Ошмарин.

— Надо тыщу аэропланов, чтобы всё у нас разбомбить, — заявил Алёшка.

— Зря морячки пули тратят, бог — он за лётчиков, — убеждённо сообщил Яшка Перчаткин. — Лётчики среди ангелов парят, потому ангелы быстрее ихние просьбы до светлого престола доносят. От нас-то дотуда не доорёшься.

— Глупости болтаешь, — буркнул Федя Панафидин.

Стешка смотрела в небо и прижимала кулаки к груди. Она почему-то была уверена, что в одном из самолётов непременно сидит военлёт Свинарёв.

Но кому-то из авиаторов там, в небе, близость к ангелам так и не помогла: за аэропланом потянулась синяя ниточка дыма из повреждённого мотора.

— Не всё коту масленица!.. — назидательно проскрипел боцман Панфёров.

Подбитый самолёт быстро снижался, увеличиваясь в размерах, дырявой птицей промчался над «Лёвшином», промахнув по нему невесомой тенью, и с плеском приводнился неподалёку, разворачиваясь на ходу. Мотор его умолк. — Это он! — охнула Стешка.

— Серёга, лодку! — властно крикнул с верхней палубы Иван Диодорыч.

А Катя ни о чём не знала. В эту ночь она спала плохо, мешал большой живот, и с утра её тошнило, так что днём Катя осталась в

каюте. К ней пришёл Роман. Окошко было задёрнуто занавеской, и в каюте царил полупрозрачный сумрак. Катя забралась на койку с ногами и сжалась, преодолевая дурноту. По совету Стешки, она дышала через платок, слегка смоченный в уксусе.

— Наверное, тебе не до беседы? — осторожно поинтересовался Роман.

— Ну, если о чём-то важном... — глухо ответила Катя.

Соблюдая дистанцию, Роман опустился на дальний угол койки.

— Катюша, у меня сложилось ощущение, что ты избегаешь меня...

Катя смотрела на него поверх платка. Как же всё-таки Рома по-мужски красив и убедителен... Однако на самом деле она его совсем не знает.

Говорить откровенно Кате почему-то было легче сквозь платок.

— Мне известно, Рома, что случилось между тобой и тётёй Ксенией.

Роман не смутился. Он утомлённо покачал головой и спросил:

— Тебе сказал Мамедов?

По мнению Романа, такое коварство было вполне в его духе.

— Какая разница, кто?

Роман вздохнул, закинул ногу на ногу и сцепил руки в замок на колене. Он не испытывал вины за ту близость, не испытывал стыда от разоблачения. Ему просто надоело наткнуться на воспоминания о Ксении Алексеевне. Он понял, что устал держать Катю в полуправде. Полуправда требовала слишком много напряжения. Не лучше ли наконец расставить всё по своим местам?

— Ту связь трудно счесть изменой, Катюша, — заметил Роман. — Мы с тобой были далеки друг от друга и не представляли, случится ли встреча.

Конечно, Роман был прав. Он всегда был прав — и его неопровержимая правота теперь отталкивала Катю. Папа — главный мужчина её жизни — часто оказывался неправым, например, когда бросил её маму ради другой любви, но это почему-то и делало папу настоящим человеком, которому можно верить.

— Мы взрослые люди, — мягко продолжал Роман. — Я — мужчина. У меня есть определённые потребности. Порой можно уступить им.

Умом Катя принимала его доводы, а душой — нет. И причиной была именно тётя Ксения. Кокетливая и чувственная тётя Ксения, вышедшая замуж за мужчину в годах, имела, видимо, немало адюльтеров... Но Роман разрушил милую детскую сказку о доброй тётушке, которая с Катей была куда более ласкова, чем мама, и вместе со сказкой разрушилось и что-то другое.

А Роман верил, что ещё немного — и он принудит Катю к покорности.

— Я не хочу осуждать тебя, Катюша, но ты ведь тоже в некотором смысле изменила мне. Моя измена безвозвратно осталась в прошлом, а твоя...

Роман не закончил.

Катя едва не выронила платок. Она уже не пыталась размышлять — её душу до края мгновенно переполнил гнев. Пускай Роман прав хоть тысячу раз — есть какой-то предел, перешагивать который — низость!

— Я не желаю больше тебя видеть, Рома! — тихо выдохнула Катя.

В это время на палубе от восторга по-девчоночьи визжала Стешка: в гидроплане, приводнившемся возле их буксира, действительно находился лётчик Свинарёв! Задрав на лоб очки-«консервы», он махал из кабины рукой.

Лодка Серёги Зерова ткнулась в поплавок гидроплана. Свинарёв спустил к Серёге второго пилота — раненого, потом сам выбрался на нижнее крыло и, неуклюже протискиваясь между стойками, перелез в лодку.

На «Лёвшине» его встретили как брата: жали руку, смеялись, обнимали, хлопали по широкой кожаной спине. И Свинарёв тоже улыбался и жал руки — он рад был этим речникам, ради которых в прошлом году встал к пулемёту, когда «Лёвшино» рванулся на гибельный таран вражеского буксира.

— Сеня... Сергей... Паша... Митя... Иван Диодорыч... — Свинарёв помнил всех. — Я ещё третьего дня при налёте вас определил, товарищи, хотя и броню вы сняли... Думал, как приветствие вам оказать, дак с высоты бесполезно...

Стешка повисла у Свинарёва на шее и целовала его куда-то в ухо.

— Степанида Лексеевна, вокруг ротозейство общественное... — смущённо бормотал Свинарёв. — Я тоже о вас подразумевал

значительно...

Второго авиатора уложили на лавку. Яшка Перчаткин, ужасаясь, стащил с него куртку, мокрую и тяжёлую от крови, а штурвальный Дудкин дрожащими руками совал к серым губам раненого кружку с водой.

Иван Диодорыч оглядывался на «Кент». Решительно дымя трубой, «Кент» разворачивался, чтобы подойти к «Лёвшину».

— Слышь, военлёт, — окликнул Свинарёва Иван Диодорыч, — за вами моряки лезут. Садись в лодку и гребь к берегу, иначе в плен попадёшь.

Стешка ошарашенно посмотрела на Нерехтина, потом на «Кент».

— Беги, родименький! — сообразив, взмолилась она.

— Беги, дружище! — сказал и Серёга Зеров. — На берегу не словят!

Свинарёв ласково погладил Стешку по голове.

— Нельзя, товарищи хорошие, — сказал он. — Сознательность не позволяет. Как я своего революционного соратника оставлю?

— Дурак! — с досадой бросил Иван Диодорыч.

Свинарёв чуть отстранил Стешку, расстегнул сумку на боку и достал служебную планшетку в обложках из толстой кожи.

— Возьмите, Степанида Алексеевна. — Он протянул планшетку. — Послание вам писал вчера, найдёте там в страницах... При изъяснении на письме я по отдельности ослаблен, однако ж общий обзор поймёте сердечным участием...

Стешка кусала губы и цеплялась за куртку Свинарёва. Взгляд её плавал в слезах. Как же так — только прилетел, и сразу отнимут?!

Громада «Кента» придвинулась вплотную, и дым канлодки потянуло над палубой «Лёвшина». Железной скулой «Кент» гулко брякнул в кранец — в обрубок бревна, привязанный к борту. Британский матрос что-то крикнул по-своему, но и без перевода было понятно, что он требует принять швартов.

С «Кента» на «Лёвшину» через фальшборты по-спортивному пружинисто перескочил молодой офицер в британской форме; он придерживал фуражку.

— Лейтенант Дмитрий Уайт, — представился он, — начальник разведки оперативного отдела. Я беру под арест пилотов гидроплана. Надеюсь, мне не придётся применять силу, господа?

— Я сдаюсь, — ответил Свинарёв. — Команду не трогайте.

Стешка сдавленно зарыдала. Свинарёв обнял её за плечи, прижал к себе и поцеловал в макушку. Лейтенант Уайт удивлённо хмыкнул.

— Вот закончатся битвы за свободу пролетариата, и мы по всем правилам объединимся, — шепнул Свинарёв Стешке. — Обожди немного, любезная...

— Переходите на «Кент», — распорядился Уайт. — Раненого мы вынесем.

Свинарёв грузно полез через фальшборт.

В толпе речников вдруг появился Горецкий с небольшим чемоданом.

— Здравствуй, Митя, — сказал он. — Я тоже к вам переселяюсь. — Он шагнул к фальшборту, но помедлил и обернулся к Нерехтину: — Иван Диодорович, Катю я доверяю вашему попечению. Позаботьтесь о ней, прошу.

— Ну хватит, не плачь, — с досадой попросил Алёшка. — Хочешь, завтра начну тебя грамоте учить?

Стешка, оказывается, была неграмотной. Вечером она затащила Алёшку к себе в каюту и заставила читать ей письмо Свинарёва из планшетки, а сама сидела на койке, слушала, закрыв лицо руками, и тихо, безутешно рыдала.

— Да бог с ней, с этой грамотой, Алёшенька... — всхлипывая, ответила Стешка. — Лучше ещё разик прочти...

— Сколько нужно-то? Сто кругов? Наизусть, что ли, зубришь?

Стешка беззвучно затряслась, и Алёшка тотчас сдался:

— Ладно-ладно... «Уважаемая душевно моя Степанида Алексевна...» Свинарёва Алёшка не знал, но Стешу ему было очень жалко. Как же так всё перевернулось, и стало плохо? Лётчика арестовали, а Горецкий сбежал — теперь Стешка воеет, а Катька осатанела!.. И с дядей Хамзатом тоже...

Стешка вытирала слёзы и не смотрела на Алёшку, и он осторожно вырвал из планшетки листок — не тот, на котором было письмо, а соседний.

— Ложись спать, — сердито сказал он Стешке и прикрутил керосинку.

По пути к Ивану Диодорычу он думал о листочке Свинарёва. Похоже, лётчик набросал свой чертёж прямо в полёте. Алёшка не догадался бы, что за место изобразил Свинарёв, но увидел подпись: «промыс. арл.» Это была схема извилистой протоки, пристани и дороги к Арланскому промыслу. На протоке Свинарёв поставил значок, напоминающий кораблик, и указал: «затопл».

Дядя Ваня пил чай с Серёгой Зеровым и Федей Панафидиным. Самовар у них почти остыл — наверное, долго разговаривали, а лампа еле тлела.

— Может, пригодится? — Алёшка протянул дяде Ване листочек.

Иван Диодорыч нехотя поглядел на чертёж.

— Свинарёв мне в прошлую навигацию такой же нарисовал, — проворчал он. — Да я и без него тамошний фарватер давно выучил.

Листочек забрал Серёга Зеров.

— А что за пароход на дне? — поинтересовался он. — При нас его не было.

— Дак после нас упокоился! — буркнул Иван Диодорыч.

Но Серёга всё смотрел на чертёж и мял рукой подбородок.

— Дядь Вань... — неуверенно заговорил он, — а ты прикинь: вот на кой чёрт Горецкий водолазов взял? Куда им нырять?..

— Неужто Роман Андреич знает про этот пароход? — удивился Федя. — Получается, ему оттуда что-то достать надо?

Иван Диодорыч ревниво отнял листок и снова вперился в рисунок. Все в каюте молчали и ждали мнения капитана. Чертёж лётчика указывал на какую-то тайну Горецкого. За окошком густо синела ночь, буксир чуть покачивался.

— И так и сяк верчу, но по-другому не истолковать, — наконец подытожил Нерехтин. — Да, братцы: Ромка хочет вынуть груз из потопленного судна.

— Какой груз? — тотчас наивно спросил Алёшка.

Никто, конечно, не ответил.

— Важный груз, — веско произнёс Серёга. — Очень важный.

— А вдруг Хамзату Хадиевичу что-нибудь известно? — предположил Федя. — У него с Романом Андреичем история долгая...

— Лёш, сбегай за Хамзатом в кубрик! — поколебавшись, решил Нерехтин.

— Не побегу я за ним! — отпёрся Алёшка.

— Да я сам схожу. — Серёга, ворочаясь, полез из-за стола.

После обвинений Кати у Алёшки что-то случилось в отношениях с дядей Хамзатом. Алёшка ни в малости не усомнился, что дядя Хамзат — хороший, но всё же, но всё же... Сейчас ему тяжело было общаться с Мамедовым один на один. При посторонних они дружили как прежде, а наедине Алёшка не мог преодолеть какое-то странное препятствие, отделяющее его от дяди Хамзата.

Мамедов явился хмурый и насторожённый.

— Я нэ знаю, чьто Горэцкый вёз на своём катэре.

— На катере? — вскинулся Федя.

— У нэго был дызэлный катэр «Кологрыв».

Федя нервно оживился:

— Там, где у Свинарёва пароход обозначен, в протоке омут! И катер как в колыбельку туда поместится! Труба у дизеля низкая — торчать не будет!

Мамедов испытующе прищурился на Федю:

— Ымэешь в выду, что Горэцкий спрятал там свой «Кологрыв»?

— Нет, не может быть! — возразил Феде Иван Диодорыч.

— Почему же? — не понял Серёга.

— Если там даже труба не торчит, как Свинарёв катер с неба углядел?

Теперь заволновался Алёшка — вспомнил, как он сам летал на аэростате.

— Дно с высоты сквозь воду бывает видно! — горячо заявил он. — Когда я на «персивале» поднимался, то даже брёвна на дне различал!

Иван Диодорыч хмыкнул.

— Судя по делу, катер не утоп, а с умом укрыт! — изрёк Серёга.

Листочек из планшетки Свинарёва желтел на столе под тусклым светом керосинки. Иван Диодорыч, Алёшка, Серёга, Федя и Мамедов разглядывали чертёж, пытаясь угадать, что же спрятал Горецкий на дне протоки.

— Позову Катюшу, — тяжело сообщил всем Иван Диодорыч.

Катя куталась в платок и ни на кого не смотрела, словно была виновата. В каюте стало совсем тесно, на стенах и потолке шевелились большие тени.

— Садись, Катюшенька. — Иван Диодорыч подвинул стул. — У нас тут с ребятами целое следствие про твоего Романа... — Он не мой, — негромко и твёрдо ответила Катя.

— Да мы уж и не ведаем, чей он, — вздохнул Иван Диодорыч. — Вот гляди... — Иван Диодорыч похлопал ладонью по листку с чертежом. — Это протока и пристань, а это — затопленный катер. Так ловко пристроен, что не почувешь...

— Роман сказал, что команда угнала у него катер из-за секретного груза.

— Не угнала — это уж точно. И груз, скорее всего, в трюме. А что за груз?

Катя задумалась. Какой груз был у Романа прошлой осенью?.. Раньше Кате и в голову не приходило задаться этим вопросом —

военные дела, и всё. Её, Катю, ослепляло доверие к Роману. А сейчас доверие исчезло.

Катя пыталась вспомнить, откуда она услышала о мятеже у Романа... Сам Роман об этом ей ничего не говорил... «Пиратская история»... Так выразился подвыпивший Петька Федосьев... Он всё и рассказал!.. Роман участвовал в эвакуации ценностей Госбанка из Казани, и его пароход подбили... Часть ценностей осталась на борту... Но ведь их всё равно надо было переправить в Самару... А потом Роман присоединился к флотилии адмирала Старка уже с каким-то секретным грузом! И флотилия тоже шла в Самару, как и пароходы с золотом, но на полпути повернула к Уфе... А в Уфу Роман не попал!..

На Катю нахлынули чувства той ночи, когда Роман впервые лежал рядом с ней, а за окном отцовского дома просторно и гулко ломалась Кама — начался ледоход... И Роман тогда признался Кате: «После рейса на промысел у меня появится внушительный капитал». Вот, значит, в чём суть его замысла...

Роман просто присвоил те ценности, которые должен был доставить в Самару или в Уфу. Он не имел возможности их вывезти, потому и затопил на своём катере. Гибель катера списал на мятеж команды. А у белых некому стало спросить с капитана Горецкого: Колчак отстранил руководителей КОМУЧа от власти... И сейчас Роман планирует достать свою добычу и переправить её за границу вместе с оборудованием промысла!.. Роман — мошенник!..

— Я догадалась, что спрятано на дне... — почти без голоса произнесла Катя. — Там — часть ценностей из Государственного банка. Рома — вор.

В каюте все оцепенели. Алёшка вытаращился на Катю, Мамедов криво усмехнулся, Федя Панафидин простодушно открыл рот, а Серёга Зеров закричал, как старик. Иван Диодорыч сморщился и брезгливо сплюнул.

Кате захотелось заплакать. Даже не заплакать, а зареветь, как девчонке. Она так искренне поверила Роме, так искренне поверила в своё будущее!.. Но Горецкий украл и его тоже... Он подлец. Холодный и расчётливый подлец.

...В дверь каюты, постучав, сунулся Сенька Рябухин — вахтенный. Он ничуть не удивился, что у капитана посреди ночи в

гостях полным-полно народу: Сенька был потрясён чем-то своим, и губы у него дрожали.

— Дядя Ваня... — плачуще сказал он. — Там нашего лётчика сейчас будут расстреливать...

Широкая река затихла перед рассветом, замерла, а в роще у Девятовской мельницы вовсю заливались соловьи. За плоскими тёмно-синими тучами небо уже нежно голубело. Всё казалось зыбким, ненастоящим, и рубаха Свинарёва белела в сумраке как привидение. Пленных лётчиков привезли в лодке на длинную травянистую косу. С борта «Лёвшина» было видно, что Свинарёв поддерживает раненого товарища: умирать следует стоя. Британские моряки курили поодаль, а лейтенант Уайт о чём-то говорил со Свинарёвым. Конечно, там, на косе, и моряки, и лётчики слышали Стешкин волчий вой с парохода.

Стешка металась, вырываясь из рук Серёги Зерова. Команда «Лёвшина» столпилась на корме под стрелой подъёмного крана. Ощущения были почти невыносимыми: Свинарёв ещё жив, беда ещё не обрушилась на Стешку, можно вроде бы отыграть назад — и ничего нельзя предотвратить.

Уайт отошёл в сторону, чтобы не зацепило пулей; Свинарёв выпрямился, выпрямляя и товарища; моряки выстроились шагов за двадцать перед ними и подняли винтовки. Всё произошло обыденно. Трескучий залп эхом хлопнул по реке. Лётчики упали. У Девятовской мельницы замолчали соловьи. Серёга прижал Стешку лицом к себе, и Стешка, хрипя, словно зверь грызла его плечо.

Не поворачиваясь к Мамедову, Алёшка негромко спросил:

— А Катькину тётку так же расстреливали?

Кати на палубе не было. Она не захотела смотреть на казнь.

— Эё нэ пры мнэ... — ответил Мамедов.

Мёртвых лётчиков бросили на косе как ненужный уже инвентарь. Лодка с Уайтом и британцами почему-то направилась к «Лёвшину». Она стукнулась носом в привальный брус, но никто из команды не открыл перед Уайтом дверку в фальшборте. Лейтенант забрался на палубу буксира сам.

— Господин Нерехтин, — сухо обратился он к Ивану Диодорычу, — капитан Джеймсон приказывает вам разводиться и выдвигаться к нефтепромыслу. «Кент» пойдёт у вас в кильватере.

Вопросы есть? — Есть! — проскрипел Иван Диодорыч. — Совесть у тебя осталась, или как?

Уайт вздохнул. Он допрашивал Свинарёва и знал, что красный лётчик в прошлом году сдружился с командой буксира «Лёвшино». И сейчас лейтенант видел, что речники раздавлены расстрелом, видел и бабу, ополоумевшую от внезапной потери, — Свинарёв ничего о ней не сообщил, но всё понятно.

— Приказ по армии — расстреливать комиссаров и лётчиков, — пояснил Уайт. — Не в моей компетенции судить.

Иван Диодорыч разглядывал Уайта. Эти белогвардейцы, наверное, были хорошими людьми, но их стремление к справедливости по итогу своему ничем не отличалось от большевистской жажды власти.

— Что Свинарёв сказал перед смертью?

Иван Диодорыч надеялся что-нибудь передать Стешке.

А лётчик Свинарёв перед смертью спокойно посмотрел лейтенанту Уайту в глаза и произнёс: «Мы — вас, вы — нас. Война — позиция обоюдная». Он не подпустил врага к тому, что было в его душе. Не удостоил.

— Чушь какую-то, — холодно ответил Уайт. — И довольно сантиментов. Мне нужен господин Мамедов. Он будет арестован как агент Нобелей.

Расстрел Свинарёва будто отбил у команды все чувства, и речники никак не отозвались на арест, только Иван Диодорыч вдруг непривычно дрогнул челюстью, и Алёшка подался ближе к Мамедову. Но Мамедов шагнул вперёд, отстранив и Алёшку, и Нерехтина.

— Горэцкому прыслуживаэш? — угрюмо бросил он лейтенанту.

Уайт поневоле положил руку на кобуру нагана.

— Нобели намерены вступить в сделку с Советами, — повторил он аргумент Романа. — А спорить я не буду. Переходите в шлюпку, Мамедов.

— Мы тебя выручим, Хамзат! — с вызовом пообещал Иван Диодорыч, хотя понятия не имел, чем можно помочь Хамзату Хадиевичу.

— Спасибо, Ванья, — усмехнулся Мамедов и грузно повернулся к Алёшке: — А ты просты мэня, Альоша, за ту джэнчину.

Он горестно махнул рукой и пошёл к фальшборту.

За Девятовской мельницей уже широко алело зарево рассвета.

...Пока машина разогревалась, они похоронили лётчиков прямо там же, на косе. В одиннадцатом часу Иван Диодорыч приказал поднимать якорь. Из Сарапула по реке доплывал тихий и переливчатый звон церковных колоколов — забытый уже звук старой жизни, когда пароходы были мирные.

«Лёвшино» шёл в непривычном молчании: ни ругани боцмана, ни смеха матросов, ни команд капитана в трубу — только лязг рычагов и сопение котла в трюме да плеск гребных колёс в кожах. Палило яркое майское солнце, река словно терялась в слепящем забытьё горячего полдня.

Новый железнодорожный мост, перекинутый через Каму в пяти верстах ниже Сарапула, был взорван красными при отступлении. Загораживая весь фарватер, в воде лежала длинная решётчатая ферма: мучительно было видеть неестественный прогиб её сломанного позвоночника. Половодье набило в стальные конструкции всякий плавучий мусор — коряги, смытые с обрывов кусты и трухлявые доски. Журчало течение. Пройти можно было только под левым пролётом. На малом ходу «Лёвшино» осторожно пробрался мимо высокого устоя, волна плеснула на каменную стену.

Алёшка вышел на корму и устало облокотился о фальшборт, огибающий круглый кормовой подзор. Растворяясь в солнечном сиянии, «Кент» дымил за версту от «Лёвшина» — неотступный, как конвоир. Алёшка размышлял о Кате и Романе Горецком, о дяде Ване и Мамедове... Рядом незаметно пристроился Перчаткин. Он сочувственно вздыхал и косился на Алёшку.

— Чего пыхтишь тут? — раздражённо спросил Алёшка. — Без тебя тошно.

— Я знаю, Лёшенька, почему у Хамзата фарт пропал...

— Почему?

— Бывает так в картах, что всё ладно вроде бы — и хлоп: игра посыпалась... А это ты чёрта спугнул. Чёрт всегда на плече сидит. Но как задумаешься о душе своей бессмертной — он сразу в обиду, и прыг с плеча. И карта твоя бита... Словом, Хамзат добрым стал, а добрым не везёт. Мне-то ведомо.

Алёшка едва не заплакал. Он чувствовал какую-то свою вину. Он хотел что-то сделать — то ли для дяди Хамзата, то ли для себя. И

отправился к Кате.

А Катя всё утро провела со Стешкой. Стешка будто тронулась умом: она лежала в каюте на койке и монотонно мотала головой из стороны в сторону, разбросав волосы, порой начинала корчиться или пыталась царапать лицо. Катя заставила её выпить водки. Она не утешала Стешку, даже ничего не говорила — просто караулила и ловила за руки. Наконец Стешка уснула. Катя ещё подождала для уверенности, укрыла Стешку одеялом и ушла к себе.

Она сидела у окна и смотрела на плывущий мимо берег: ельники, бурые откосы, песчаные отмели, займища, деревеньки с церквушками... Катя уже не казнилась за былую требовательность к Роману. Она узнала, что Роман — вор, и ей почему-то стало легче, проще, безнадежнее. К тому же её опустошающее отчаянье не могло даже сравниться с бездонной бедой Стешки.

Алёшка плюхнулся рядом, привалился к Кате, и Катя обняла его.

— Дяде Хамзату самому плохо от того, что так с твоей тётёй получилось, — негромко сказал Алёшка. — Ты не права про него, Катя. Катя не ответила.

Сверкали гладкие волны, пароход упрямо работал колёсами, тянулись мимо берега — правый крутой, левый пологий... Иван Диодорыч стоял в рубке, насквозь пронзённый ярким солнцем, и глядел вперёд. Он не слушал, какие команды лоцман Федя отдаёт штурвальному Дудкину, и не вспоминал ни о Свинарёве, ни о Стешке, ни о Хамзате: бессилие причиняло слишком тяжёлую боль. Он всегда лечил душу только этим — иди по фарватеру, и всё.

После Галановского переката Федя указал Дудкину:

— Дале вдоль правого берега, и остров обегай тоже справа.

— Рази ты домой не соскочишь? — удивился Дудкин.

На левом берегу за луговым островом появились дома Николо-Берёзовки, над крышами выросла колокольня. У причалов и дебаркадера громоздились суда флотилии адмирала Смирнова — не боевые, а вспомогательные: плавучие госпитали, ремонтные базы, буксиры, баржи. Федя с печалью посмотрел на родное село — вон блестит жостью игрушечный пароходик над подворьем дедушки Финогена... Дедушка, наверное, сидит на лавочке у ворот, выставив напоказ дорогие калоши на обрезанных летних валенках, гладит лохматого пса Меркушку, шуруется на плёс и ждёт внука, обещавшего

вернуть Якорника... Но дяде Ване нужна помощь. И всем на «Лёвшине» нужна помощь.

— Я остаюсь, — вздохнул Федя. — Без меня вам нельзя.

«Кент» дал гудок и вслед за «Лёвшином» повернул в устье Белой.

Роман ощущал себя триумфатором. Год назад он сидел в Самаре без работы и без надежды, а сейчас готовился атаковать повелителей мирового нефтерынга, и ему помогает британская военно-морская миссия. Он забрал себе часть ценностей Госбанка России, и главный его соперник — Мамедов — заперт в пароходном карцере. Нобелевский головорез не сбежит и не подобьёт «Лёвшину» на мятеж. Роман заставит его отдать документы Турберна, а потом застрелит — так будет проще и надёжнее; для этой цели ещё в Перми Роман обзавёлся браунингом. В общем, до победы остаётся только один шаг, и никто не помешает Роману Горецкому сделать его.

Бронированный «Кент» с орудийными полубашнями выглядел на тихой реке весьма внушительно. Роман стоял на мостике и глядел на лесистый берег, словно принимал парад. Впереди покорно дымил трубой буксир Нерехтина, волны раскачивали отражения сосен. Митя Уайт дружески усмехнулся:

— Если глаз прижмуришь, будешь как Нельсон.

За версту до устья протоки, ведущей к промыслу, «Кент» ещё раз дал гудок, приветствуя «Ревель», пароход адмирала Старка. Обширная луговина была заполнена солдатами и обозами; судно адмирала приткнулось к шатким мосткам; ездовые с руганью загоняли в багажный отсек лошадей с подводами.

— Как Елабугу сдали, так фронт и покатился, — сказал Уайт. — Солдаты бегут. Надо бы стрелять по отступающим, а Старк эвакуирует их на правый берег. Пусть идут в Николо-Берёзовку.

— Юрию Карловичу не хватает жестокости, — согласился Роман.

Он не сомневался, что ему самому жестокости хватит.

Протока показалась Роману совсем не такой, какой была осенью, но Роман понимал, что это обман чувств: осенью он потерпел здесь поражение, а сейчас возвращался, чтобы победить. Сбросив ход, «Кент» неспешно прошёл мимо тёмного омута, на дне которого лежал «Кологрив»: Роман не мог отвести взгляда от безмолвной воды, замусоренной облетевшим черёмуховым цветом. За изгибом русла

открылась пристань нобелевского промысла — причал, жерди оцепов, сарайчики... «Лёвшино» уже швартовался к борту старой баржи.

...Роман всё рассчитал так, чтобы не тратить время и усилия напрасно, впрочем обстоятельства оказались куда более благоприятными, чем он думал.

С пристани он отправился к нефтьвышкам, размышляя, уцелел промысел или нет. Конечно, Роман понятия не имел, как устроена буровая с её штангами, трубами и механизмами, однако этого и не требовалось. Если оборудование инженера Глушкова находится в скважине, то его извлечёт Мамедов — Роман заставит нобелевца сотрудничать. Капитан Джеймсон пришлёт матросов и машинистов «Кента»; они развинтят железяки, разложат по ящикам и притащат на пристань. На эту часть операции Роман отводил два дня.

А промысел уже закрылся. Дощатые вышки ещё стояли, но колёса на их верхушках не крутились, локомобили не дымили, обсадные трубы заржавели в штабелях. Через поляну промысла из леса хаотичным потоком тянулись отступающие воинские части — с парохода «Ревель» они двигались к Николо-Берёзовке. Солдаты явно не торопились снова попасть к командирам: многие располагались на привал. Горели костры, выпряженные лошади рвали свежую траву, в домиках рабочих гудели голоса и даже наяривала гармошка. Роман обошёл весь промысел и отыскал сторожа — хмельного старичка в ушанке.

— Дык на первый снег ишо тут порешили, — сообщил сторож. — Нефтя не показала, надоело впустую валандаться. Свёрла подземные мастер велел в яшшики покласть, обещшал на Кузьминки увезти. Меня приткнул караулить, а сам провалился. Вишь — по сю пору кукою. Бабка-то моя, поди, померла уже.

Не веря своим глазам, Роман осмотрел ящики под навесом. В них и вправду хранилось буровое оборудование — самое совершенное в мире! За него агент «Шелля» убил инженера Глушкова!.. То, что ценилось дороже золота, здесь, в глухомани, никому не было нужно — его даже украсть не пытались.

Роман не стал откладывать дело: удача не любит промедления. Здесь всё находилось под рукой — люди, лошади, повозки... За несколько минут Роман собрал артель, и вскоре солдаты уже с матом волокли первый ящик в телегу.

— Дык как же это? — удивлялся сторож и чесал голову под треухом. — У меня и ружжа-то нету, штоб по вора́м пулять...

К вечеру на пристани вырос штабель из ящиков. Старую баржу, чтобы не мешала, сплывили ниже и зачалили за деревья.

В ту ночь Роман не мог заснуть: неотступно думал о предстоящем дне. Он попытался переключиться на другие мысли, например о Кате. Катя выгнала его, как надменная барыня выгоняет неугодного лакея. Это оскорбительно. Он же так много сделал для Кати... А кто она? Дочь богатого отца, и всё. Она ничего в жизни не доби́лась — кроме беременности от вельможи. Он, Роман, обойдётся без её фирмы. После гражданской войны в России будет немало бесхозных пароходств. Катя Якутова — не единственный путь к монополии. Главное — не упустить момент между окончанием войны и появлением новых правил... Роман удивился: планы на будущее легко заглушили разъедающую боль унижения. Что ж, он дал Кате шанс — Катя этот шанс отвергла. Ну, пусть живёт как хочет. Ему до неё больше нет дела. Видимо, Катя была нужна ему только до тех пор, пока он не прорвался к победе.

...Рано утром Роман в лодке переплыл с «Кента» на «Лёвшино».

Будто по какому-то волшебству, «Лёвшино» стал для него совершенно чужим. Роман не испытывал никакой неловкости, разговаривая с Нерехтиным и Федей. Это просто некие люди, выполняющие его приказы, и не более того. Плевать, что они думают и чувствуют. Они — инструменты.

«Лёвшино» долго и хлопотно маневрировал, пристраиваясь к омуту, и наконец сбросил якорь. Роман приказал команде парохода обратиться в кубрик или в каюты: свидетели ему не нужны. Он сам открыл трюм и занял место у лебёдки, развернув стрелу над водой. Водолаз облачился в свой чудовищный костюм, сигналист завёл нагнетательный аппарат. Работа началась.

Роман не вспоминал, как он затопил здесь «Кологрив». Не было ничего — ни удара топором матросу по голове, ни взрыва, ни катера на дне. Тяжёлые ящики всплывали на стропах, шумно обтекая водой; они появлялись из омута как из ниоткуда, из пустоты. Роман двигал стрелу крана и крутил рукояти, аккуратно опуская ящики в трюм буксира. Действия были однообразными, не требующими размышлений: вперёд

— назад, вверх — вниз, влево — вправо, но в этом механическом повторении и заключалась неотвратимость успеха.

— Зис бокс ис зэ ласт, — сказал сигналист, читая по толчкам фала в руке.

Роман понял его, хотя и не говорил по-английски.

Он поднял водолаза на борт, затем слез в трюм, закинул мокрые ящики рогожами и лишь потом дозволил команде «Лёвшина» выйти на палубу.

— Сейчас, Иван Диодорович, перемещаемся к пристани, — распорядился он. — Надо принять на борт грузы с причала.

Он чувствовал, что Нерехтин будто что-то ищет в нём взглядом. Похоже, капитан полон гнева, ведь Роман бросил Катю. Но Роману были безразличны переживания Нерехтина. Капитан волен осуждать его сколько угодно.

Буксир вытянул якорь на крамбол, донёсся звон машинного телеграфа, с шумом провернулись в кожухах колёса. Пыхнув чёрным дымом, «Лёвшина» грузно заскользил вперёд, за изгиб протоки, и вскоре мягко подъехал боком к сваям пристани; один матрос перепрыгнул на причал, другой перекинул канат.

Роман наблюдал за погрузкой со стороны. Теперь рукояти лебёдки крутил старпом, матросы цепляли стропы к ящикам с оборудованием нефтепромысла. Ящики один за другим проплывали по воздуху и опускались в прямоугольный провал трюма. Железяки Нобелей укладывались поверх золота Госбанка.

Роман захлопнул крышки трюма и потоптался на них, будто закопал клад и утрамбовал землю. Это его добыча. Это его победа. Он всё сделал идеально.

А вдалеке, предупреждая о чём-то, загудел «Кент».

«Кент» стоял под парами немного выше пристани и теперь, выбрав якорь, тихо сплывал по течению кормой вперёд. Мимо «Лёвшина», как поезд, медленно ехали кормовой подзор, кормовая орудийная полубашня, пулемёт на турели, длинная надстройка с дымовой трубой и выгнутыми дефлекторами, бронированный колёсный кожух с крылом мостика, барбетом и рубкой...

— Эй, на буксире, готовься к швартовке! — крикнул из барбета Митя Уйат.

Стешка смотрела на него с палубы «Лёвшина».

— Ненавижу... — сощурившись, сдавленно процедила она сквозь зубы. — Он расстрелом командовал... Зарежу, когда смогу!

Катю неприятно удивило: неужели Митя мог быть таким?.. Честный, принципиальный Митя, который в гостиной папиного дома так увлечённо рассказывал о службе на британском флоте?.. А почему бы и нет? Кто-то ведь должен был командовать расстрелами... У всех славных молодых людей из флотилии, как у Ромы, есть и тёмная сторона. И у неё, у Кати, тоже есть. Только для неё это сходство не повод для прощения других и себя.

— Спрячься, Стеша, — попросила Катя. — Так будет лучше.

Стешка ушла с палубы, но появились британские водолазы.

— Мисс Кэйт, — обратился один из них по-английски, — не могли бы вы перевести нашу просьбу мистеру Горецкому?

Роман ходил по мостику — ждал швартовки с «Кентом». За то время, пока перегружали ящики, он не поискал Катю хотя бы взглядом. Он был занят.

— Пройдём наверх, господа, — сказала Катя водолазам.

Поддерживая большой живот, она направилась к трапу. Роман встретил Катю и моряков с вежливой улыбкой — общей для всех.

— Моряки просят разрешения вернуться на «Кент». Их миссия закончена.

— Разрешаю, — ответил Роман.

Они с Катей остались на мостике наедине — хотя, конечно, в рубке сидел вахтенный. Вдали сплывший к повороту «Кент» наконец

заработал колёсами. С берега доносилось густое птичье чириканье. Солнце висело в зените.

Роман рассматривал Катю будто заново. А ведь красивая девушка. Неброско, строго — но красивая. Особенно сейчас, когда вьющаяся прядь упала на лицо. Роману вдруг захотелось расстаться с Катей по-хорошему.

— Печально, что у нас не получилось, — негромко сказал он.

Однако сожаления в глазах Кати он не увидел. Катя чувствовала, что в ней расправляется сжатая пружина гнева и обиды за несбывшиеся надежды.

— Мне горько, но я рада, — ответила она. — Потому что ты, Рома, — вор.

— Прости?.. — изумился Роман.

Катя догадывалась, что не надо было этого говорить — но она хотела уничтожить торжество Романа, как он уничтожил её веру в будущее.

— Я знаю, что твои ящики — из груза «золотого каравана».

Роману почудилось, будто в нём что-то сотряслось, расколосось, и он изнутри разваливается на глыбы. Откуда Кате известно?! Он ведь намертво похоронил те события — «золотой караван», гибель парохода «Боярыня», приказ Фортунатова... Он перекрыл тайну сверху тремя накатами лжи, он и сам забыл напрочь — а правда внезапно воскресла всей своей жуткой громадой.

— С чего ты взяла? — спросил Роман, точно превозмогал немоту.

Слова были огромные и неповоротливые.

— Ты сам сказал мне, — бесстрашно усмехнулась Катя, — но не понял этого.

Роман не поверил. Такого не может быть. Наверное, Катя что-то увидела из окна своей каюты, когда нырял водолаз, и сделала верные выводы. Роман ощутил, что перерождается, как оборотень, только не в зверя, а в железное орудие: кровь остывает, руки тяжелеют, сердце клацает зубцами шестерней.

А Катя нанесла последний удар:

— Ты вообще украл всё, что у тебя есть!

Роман не изменился в лице, но Катя уловила его ледяное ожесточение: оно означало, что Роман не отступит — ни за что и ни на вершок.

— Не вздумай говорить о моих делах! — глухо предупредил он.

Лязгнуло, и мостик дрогнул — к «Лёвшину» кожухом к кожуху подчалил «Кент». Роман, пошатнувшись, вцепился в планширь.

— Эй, Ромка, тревога! — весело окликнул Уайт. — Большевики прорвались к Белой в Дюртюлях! Приказ двигаться туда на подмогу пехоте!

«Кент» был оборудован радиостанцией и поддерживал связь со штабом.

— Если что — на «Ревеле» Старк в двух верстах отсюда, он вас выручит! Арестанта твоего к тебе высаживаю!.. Слышишь меня, Горецкий?

— С-слышу, — плохо соображая, обернулся Роман. — Благодарю, Митя...

— Екатерина Дмитриевна? — всё улыбался в барбете Уайт. — Не знал, что вы с нами! Как ваше бесценное здоровье?

Глаза у Кати блеснули, а голос зазвенел.

— Как вам не стыдно, Митя, командовать расстрелами?

Улыбка соскочила с лица лейтенанта Уайта.

— Вы чудовище, Митя! А ваш приятель, — Катя указала на Романа, — лжец и мошенник! Он похитил государственные ценности!..

Роман странно пошевелил плечами, будто ему было тесно в одежде.

Из бронированной рубки «Кента» вышел капитан Джеймсон. Заметив Романа и Катю, он приложил два пальца к козырьку фуражки.

— Господин капитан! — закричала Катя Джеймсону по-английски. — Вы содействуете преступлению! Вы должны остановить человека, который...

Роман не понимал языка — но угадал суть. Не размахиваясь, он отвесил Кате пощёчину. Катя мгновенно замолкла, схватившись за лицо. Она смотрела на Романа широко раскрытыми глазами. Её никто никогда не бил.

— Не смей! — мёртво произнёс Роман.

— Горецкий, это низость... — в ошеломлении сказал Уайт.

Капитан Джеймсон что-то спросил издали.

— Я здесь — полномочный представитель компании «Шелль»! — бешено-спокойно отчеканил Роман. — Я никому не обязан объяснять

свои поступки! Передайте капитану, чтобы исполнял приказ коммодора Мюррея!

Уайт распрямился и одёрнул китель.

— Капитан знает, какие приказы исполнять, — ответил он. — Мы уходим! Твоя охрана теперь — Старк.

Уайт развернулся и двинулся к рубке, к Джеймсону, а Роман за плечо развернул Катю и подтолкнул к трапу с мостика. Ему было немного страшно и очень легко. Он чувствовал себя освобождённым от необходимости искать окольные пути и считаться с людьми, которые ничего для него не значат. Он вступил в последний бой: осталось только добыть документы Турберна.

На кормовой палубе команда окружила Мамедова. Никто из речников не видел того, что случилось на мостике.

— Как харчи у британцев? — любопытствовал боцман Панфёров.

— Небось, посытнее наших щей! — сразу рассердился Павлуха Челубеев.

Мамедов за руку поздоровался с Нерехтиным и хлопнул Алёшу по плечу.

На «Кенте» вытягивали швартовы, рывкнул гудок, из-под обноса полезла пена закрутившихся колёс, просвет между пароходами увеличивался.

Роман равнодушно растолкал речников.

— Мамедов, теперь и нам пора прогуляться на промысел, — сообщил он.

— Я могу один сходить, — небрежно возразил Хамзат Хадиевич.

— Не будем спорить, — отрезал Горецкий.

Мамедов всё прекрасно понял. Опытным взглядом он определил пистолет в кармане кителя у Романа.

— Дождысь мэня, Ванья, — попросил он Нерехтина.

— Дождусь, Хамзат, — спокойно пообещал Иван Диодорыч.

Едва только ветви деревьев закрыли протоку и пароход, Роман достал из кармана кителя браунинг. Без свидетелей можно было и не стесняться.

— При попытке к бегству я вас просто застрелю, — предупредил он.

Мамедов шёл чуть впереди и даже не оглянулся:

— А я нэ побэгу.

Горецкий ему надоел. Этот выскочка оказался исключительно цепким, упорным, изобретательным. С ним пора было покончить.

Зарастающий просёлок превратился в двойную тропу, поджатую с обеих сторон молодыми осинами, вербами и цветущими черёмухами; в шевелящейся под ветерком чаще порой с шумом вспархивали птицы; солнце, просеянное сквозь листву, рассыпалось в прозрачно-зелёной тени лоскутами радостного жёлтого сияния. Бурые колеи, набухшие почвенной водой, спотыкались на скользких корнях, а порою проваливались в мягкую, податливую землю.

— Гдэ гарантыя, что вы нэ застрэлытэ мэня, когда я отдам докумэнты? — спросил Хамзат Хадиевич.

Он знал, что Горецкий всё равно постарается его убить. Это Мамедова не пугало. Ему было интересно, что скажет Горецкий. Что солжёт. — Гарантии нет, но лично вы мне не нужны. Я могу и отпустить вас.

— Бэз мэня Ванья нэ стронэтэ с мэста.

Горецкий пренебрежительно хмыкнул:

— На промысле полным-полно отступающих солдат. Многие пожелают плыть в Николо-Берёзовку на пароходе, а не тащиться пешком через леса. Под моим командованием они принудят Нерехтина силой оружия.

— А ждэть «Кэнт» у вас уже нэт нэобходымосты?

— Ни малейшей. Выше устья Белой вся Кама под контролем флотилии Смирнова. Вы же сами, наверное, видели её суда в Николо-Берёзовке. Так что на прогоне до Перми я обойдусь и без охраны.

В других обстоятельствах Хамзат Хадиевич восхитился бы умением Горецкого использовать сложившееся положение.

— Надэюс, что убийство эщё нэ вошло у вас в привычку.

Мамедов сказал это, чтобы Горецкий поверил, будто контролирует врага.

Они шагали не спеша и переговаривались совершенно спокойно — вряд ли кто подумал бы, что они готовятся убивать друг друга.

Поляна по-прежнему была заполнена солдатами. Дымили костры — огонь лизал днища котелков; люди, разувшись, лежали в траве; бродили лошади; какой-то молодой офицер сердито кричал на своих рядовых. Над ленивой и неспешной суетой полевого лагеря возвышалась дощатая громада буровой.

— Когда забросыли работы? — спросил Мамедов у Горецкого.

— Примерно в ноябре.

— Такое дэло загубылы...

— Не отвлекайтесь, Хамзат Хадиевич, — посоветовал Горецкий.

Никто не обращал на них внимания.

Мамедов направился к домику начальника промысла; его окна были распахнуты, из камералки доносились весёлые голоса, у коновязи стоял конь. Мамедов обогнул домик слева по бурьяну, хотя мог бы и справа, — он надеялся, что Горецкий не заметит этой уловки. Подход слева Мамедову был нужен для того, чтобы одним рывком очутиться в укрытии, когда Горецкий начнёт стрелять. На задворках домика в чертополохе ржавела туша брошенного локомотива. Повсюду на полуденной жаре яростно стрекотали кузнечики.

Хамзат Хадиевич вспомнил холодный трюм «баржи смерти», хватку Турберна на своём локте и лихорадочный шёпот инженера перед казнью...

— Сэчас достану докумэнты, — пообещал Мамедов.

— Уж извольте, — ответил Горецкий и поднял браунинг стволом вверх.

Мамедов присел перед круглым клёпаным рылом локомотива, откинул взвизгнувшую чугунную дверцу и до плеча засунул руку в зев закопчённой топки. Найти то, что спрятал Турберн, было несложно. Хамзат Хадиевич разгрёб угли и нашарил наган, замотанный в чёрствую тряпку. Пальцами он принялся разворачивать и ощупывать пистолет. Локомотив раскалился на солнцепёке, прогрелся изнутри, и

смазка нагана должна была подтаять... Мамедов переместил наган рукоятью в ладонь, положил палец на спусковой крючок и осторожно взвёл выгнутый курок. Курок хоть и туго, но поддавался.

— Что вы копаетесь? — раздражённо спросил Горецкий.

— Застэряло... — прокряхтел Мамедов.

Он сунул в топку и левую руку, а потом вытащил обе руки обратно, заслоняя пистолет буровыми журналами Турберна. Горецкий не понял, что враг теперь вооружён. Вскинув наган, Мамедов нажал на спусковой крючок — но загустевшая смазка всё же подвела: наган выстрелил чуть позже, чем следовало. Горецкий успел нырнуть в сторону и сам выстрелил в Мамедова — а тот уже откатился за ржавую тушу локомотива. Горецкий метнулся к дому Турберна и скользнул за угол, вторая пуля Мамедова выбила щепу из стены.

Мамедов посмотрел барабан — у него оставалось три патрона.

Задняя дверь дома приотворилась.

— Что за чёрт?.. — проорал кто-то из щели.

Мамедов подумал, быстро выглянул из-за локомотива и пальнул в косяк. Дверь испуганно захлопнулась. Патрона было жаль, однако солдаты должны сидеть в доме — иначе Горецкий может использовать их как прикрытие. Но и на поляне начался переполох. От нефтевышки к дому Турберна уже бежал какой-то пехотный офицер с маузером. Мамедов услышал крик Горецкого:

— Господин прапорщик, нужна помощь!..

Мамедов понял, что солдаты, не раздумывая, примут сторону Горецкого: тот в капитанском кителе и явно не большевик... Необходимо срочно выманить Горецкого на линию огня... Как это сделать? Разозлить его?..

Хамзат Хадиевич выставил из-за локомотива плечо и половину лица, чтобы Горецкий соблазнился выгодной целью.

— Горэцкый! — позвал он. — Горэцкый!.. Знаэш, что тэбя погубыт?

Горецкий не показывался.

— Ты нэ ынженэр! Ты нэ умээшь выбырат главноэ!..

Горецкий не показывался.

— Дэтэрдынга тэбе мало? К Рокфэллэру захотэл? Да эщо и золото к рукам прыбрал!.. Подавышься лышным, лубэзный!

Расчёт был верным: слова о золоте взорвали Горецкого. Он дёрнулся из-за угла и выстрелил — от его пули локомотив громыхнул пустой утробой. Мамедов выстрелил в ответ, но опять не попал, и едва не зарычал от злости.

Испытывать удачу с последним патроном уже не стоило. Пора отступать. Мамедов аккуратно и быстро убрал под потёртую кожаную куртку буровые журналы Турберна и, пригибаясь, бросился к близкому лесу. Возле домика запоздало бабахнул маузер — видимо, пехотный офицер заметил Мамедова, однако чёрно-рыжая куртка беглеца растворилась в зелёных кустах облепихи.

...Хамзат Хадиевич торопливо продирался сквозь густой пойменный лес с его непролазными зарослями, тонким гнилым буреломом и мокрыми ямами. По лицу хлестали гибкие ветви, за куртку цеплялись острые сучки. Никто бы не смог преследовать его в этих дебрях... Хамзат Хадиевич ломился напрямик к дороге на пристань. Он надеялся, что успеет на пароход раньше, чем Горецкий соберёт и приведёт солдат для захвата «Лёвшина».

На просёлок он вывалился где-то на полпути; не переводя дух, он тяжко побежал дальше по мягким колеям. Вокруг по-прежнему звенело безмятежное чириканье птиц, в глазах мельтешили зелёно-жёлтые солнечные пятна, сердце лопалось от напряжения. В просветах листвы Мамедов наконец увидел берег и пароход под парами, пришвартованный к пирсу. Пароход показался Хамзату Хадиевичу и спасением, и домом родным, и верой истинной.

Пошатываясь, Мамедов поднялся по трапу на борт, и его сразу подхватил Алёшка. А Нерехтин стоял на крыше надстройки со странным выражением лица. Прошлой осенью у этой же пристани он вот так же ожидал красных военморов и матроса Бубнова... Но сейчас дождался того, кого стоило ждать.

— Уплывай, Ваня!.. — измученно прохрипел Хамзат Хадиевич.

Нерехтин тотчас молча исчез в рубке, и там звякнул машинный телеграф.

Когда солдаты толпой выкатились из леса на пристань, «Лёвшино» уже отодвинулся от причала. В досаде затрещали винтовки: пули бессмысленно забарабанили по надстройке и колёсному кожуху, со звоном посыпались оконные стёкла. Без брони под обстрел лучше было бы не подставляться — не разворачиваться на

виду у солдат, и буксир, дымя, пошёл вверх по протоке; волна шлёпнула в сваи и закачала притопленные кусты у берега. Мамедов спрятался за лебёдкой подъёмного крана. Стискивая наган, он высматривал на пристани Горецкого — но Горецкого на пристани почему-то не было.

Юрий Карлович не ожидал, что бегущие с фронта солдаты окажутся вот такими — грязными и голодными, конечно, однако вполне довольными своим положением. Ударный корпус был разгромлен, беспорядочно отступал из-под Мензелинска к реке Белой, бросая обозы в полях и перелесках, но израненных и озлобленных людей адмирал не увидел. Наоборот, сибирские «ударники» чувствовали себя так, будто им повезло, и они возвращаются домой.

...19 мая бригада морских стрелков высадилась на левом берегу Камы, где на десятки вёрст не было никаких деревень. «Ревель» ушёл на устье Белой, на Дербешский перевоз, а стрелкам Старка предстояло отыскать «ударников» и стабилизировать фронт. Юрий Карлович воспринял приказ командования как избавление от непереносимой боли и неискупимой вины. Его сокрушило известие о смерти Лизы. Это ведь он стал причиной гибели жены.

С Лизой, дочерью адмирала Развозова, Юрий Карлович познакомился в Кронштадте на вечере в офицерском собрании. А где ещё молодым морякам находить себе жён? Обычная флотская история... У них было двое детей — Боря и Таня. Летом 1917 года Александр Развозов, брат Лизы, возглавил весь Балтийский флот. Его тоже произвели в адмиралы. Лиза прекрасно знала, что такое военная служба, честь офицера и долг перед родиной. Она ни слова не возразила мужу, когда тот минувшей весной решил пробраться на Волгу и вступить в армию КОМУЧа. Юрий Карлович поцеловал жену — и ушёл. А месть большевиков обрушилась на Лизу. Её арестовали и бросили в тюрьму «Кресты». Там, в тесной и смрадной камере, Лиза и умерла.

Александра Развозова тогда уже отстранили от командования, и он работал в Морском архиве. Он был под надзором большевиков, но сумел упросить товарища переправить осиротевших племянников через границу к родственникам в Гельсингфорс. Оттуда в ставку Верховного правителя России полетела телеграмма. Когда-то Развозов дружил с Колчаком, и судьбу племянников Развозова Александр Васильевич принял близко к сердцу. Он телеграфировал адмиралу

Смирнову просьбу сообщить Юрию Карловичу о смерти жены и спасении детей.

Юрий Карлович был оглушён трагедией Лизы. Он надеялся, что его убьют в бою — но его не убили, потому что и боёв-то настоящих не случилось. Междуречье Камы и Белой кишело хаотичным передвижением разрозненных воинских частей, больших и малых. Линии фронта не существовало. Ударный корпус превратился в мешанину батальонов и рот, которые как попало сами по себе через леса пробирались на Белую к пристаням Азякуль и Дюртюли или к Дербешскому перевозу. Красные войска тоже рассыпались на отдельные отряды, преследующие «ударников». Изредка вспыхивали стычки.

Первый раз морские стрелки Старка столкнулись с «ударниками» только на какой-то луговине, пересечённой длинным окопом. «Ударники» палили из винтовок по опушке леса, где укрывались красные. Бойцы Старка спрыгнули в окоп, чтобы поддержать пехоту, а «ударники» тотчас полезли из окопа и побежали прочь — сдали рубеж морякам, и гори всё синим пламенем.

Потом Юрий Карлович понял: отступление «ударников» — не трусость и не паника. «Ударники» искренне полагали, что надо отступать, если идти вперёд невозможно или если враг нажимает слишком сильно. Они сделали всё, что могли, и незачем упорствовать. Война для этих солдат была как драка деревня на деревню: подрались — и по домам. «Ударники» были крестьянами, мобилизованными против воли и обученными наспех. Провал наступления они не считали катастрофой, бегство не считали позором.

На одной из ночёвок, сидя у костерка возле пастушьего балагана, Юрий Карлович разговорился с пехотным офицером, командиром разбитого под Чистополем полка. По синему ночному лугу низко стелился молочный туман, в нём как в озере стояли стреноженные лошади.

— Нам не переломить подлый характер мужиков, — сказал офицер. — Если им выгоднее удирать, они удирают. Не солдаты, а сброд. Отребье.

Юрий Карлович не возразил, но и не согласился. Он знал, как долго надо воспитывать матроса — и солдата, наверное, не меньше. «Ударники» — не отребье, а простые мирные люди. Бесплезно гнать

их на фронт. Воевать должны только те, кто сам выбрал и освоил это жестокое ремесло. Втягивать в войну гражданских — преступление. В прошлом году он ожесточённо спорил об этом с Фортунатовым, а сейчас, когда Лиза умерла, понял правоту Бориса Константиновича. Его Лиза была гражданским человеком — милой домашней женщиной, не умеющей бороться и ненавидеть, как должно бойцу...

— У вас ведь есть пулемёты? — Пехотный офицер смотрел на адмирала со злой решимостью. — Поставьте у нас за спиной! Если моя сволочь побежит с позиций — косите под корень всех дезертиров!

— Нет, — ответил Старк.

И морские стрелки отступали вместе с «ударниками», изредка отбивая атаки самых рьяных преследователей. За неделю моряки подобрали в лугах больше тысячи выброшенных «ударниками» винтовок.

Обогнув Дербешский затон, бригада вышла к переправе через Белую, здесь ждал пароход «Ревель». Возле переправы на пологом выпасе раскинулся обширный и бестолковый военный лагерь. Юрий Карлович понимал, что Белая должна стать естественной линией обороны, поэтому «ударников» надо перебросить на правый берег. И «Ревель», словно паром, начал перевозить солдат с обозами — пусть идут на формирование в Николо-Берёзовку, где находится штаб флотилии и есть связь с генералами Гайдой и Ханжиным.

30 мая мимо «Ревеля» вверх по Белой прошёл буксир «Лёвшино», а за ним — канлодка «Кент». Юрий Карлович знал, что у британцев есть какие-то интересы на Арланском нефтепромысле, и руководить работами уполномочен капитан Горецкий. Это было известно всем офицерам, которые весной в Перми квартировали в доме пароходчика Якутова. И адмирал очень удивился, когда на следующий день капитан Горецкий постучал в дверь его каюты.

«Ревель» стоял у правого берега, у причала бывшего парома, и выгружал очередную партию «ударников»: солдаты по сходням скатывали телеги. Горецкий держался спокойно, однако явно был взволнован, даже взбешён.

— Господин адмирал, мне нужна ваша помощь, — заявил он.

Горецкий Юрию Карловичу не нравился. Ещё в прошлую навигацию он постоянно требовал особого внимания к своим делам, связанным с крупными нефтекомпаниями. Решать вопросы

собственности, когда армия, истекая кровью, решает вопросы власти, адмиралу казалось не просто эгоизмом промышленников, а полной потерей нравственности. Это было совсем по-большевистски — бороться за свои выгоды прямо во время войны.

— Слушаю, — холодно сказал Старк.

— На борту буксира «Лёвшино» мятеж. Команда уводит буксир с грузом британской военно-морской миссии. На «Ревеле» есть пулемёты, я прошу вас остановить «Лёвшино» и принудить к сдаче.

— А чем занят «Кент»?

— Его отослали в Дюртюли.

— «Лёвшино» вооружён? — уточнил Старк.

— К счастью, нет, — улыбнулся Горецкий. — Даже винтовок не имеется.

Старк отвёл взгляд. На потолке его каюты мягко шевелились и качались пятна солнечного света — отблески лёгких речных волн.

— То есть вы, Роман Андреевич, предлагаете мне открыть огонь по невооружённому гражданскому судну, команда которого вам не подчинилась?

Горецкий молчал, улыбка его исчезла.

— Я не разбираюсь, кто прав, кто виноват, — задумчиво произнёс адмирал Старк, — но не подчиняюсь британской миссии и не воюю с народом.

Роман закрыл за собой дверь адмиральской каюты. Что ж, он ещё заставит этого флотоводца-неудачника заплатить за свои высокопарные принципы — но потом, попозже... Стискивая кулаки от ненависти к Старку, Роман завернул на прогулочную галерею. Отсюда, с галереи, он молча наблюдал, как мимо «Ревеля», дымя, проходит буксир «Лёвшино». А вслед за ним — неожиданно для Романа — вскоре на всех парах пролетел и британский «Кент».

С прошлой навигации Федосьев хорошо запомнил участок Камы на устье Белой и ясно представлял, как пойдут большевики: на Дербешских огрудках они вытянут флотилию кильватерной колонной и не станут перестраиваться, готовясь войти в узкий ход у Чегандинского осерёдка. За деревней Чегандой, где кильватерная колонна откроется на три четверти, и надо их встретить.

Федосьев простодушно радовался, что именно в этот день генерал Гайда вызвал адмирала Смирнова к себе в Сарапул: значит, командовать сражением будет он — капитан Пётр Федосьев! Авиабаржа «Данилиха» стояла в Николо-Берёзовке; гидропланы слетали на разведку и по радиотелеграфу сообщили на «Гордый» — на пароход командира, — что у красных одиннадцать канлодок.

— У них преимущество в числе судов и в дальноточности орудий, — сказал Федосьеву лейтенант Макаров. — Но дальноточность можно компенсировать выгодой нашей позиции, а число судов — сплочённостью огня.

Вглядываясь в лоцманскую карту, расстеленную на столе штабного салона, разговор старших товарищей жадно слушал мичман Знаменский.

— Сошвартуем пароходы с одинаковой артиллерией в пары, — согласился Федосьев, — чтобы орудиями командовал один офицер. Учись, Знаменский!

Макаров посмотрел на большие наручные часы:

— «Кент» вполне может успеть к драке и атаковать красных с фланга.

— Шилов, радиотелеграфиста сюда, — приказал Федосьев вестовому.

Знаменский был взволнован подготовкой к бою, в котором он поведёт флагман, пусть даже и под контролем Федосьева. Петька оживлённо потирал кулаки, и Знаменскому хотелось быть таким же — хотелось с удовольствием предвкушать сражение, ничуть не заботясь риском проиграть или погибнуть.

Сошвартованные «Страшный» и «Статный» заняли позицию на повороте реки под крутым и длинным Чегандинским яром, «Гневный» и «Губительный» — в четырёх кабельтовых выше по течению и прямо на фарватере. «Гордый» расположился между ними. Ветер был встречным, низовым, дым волокно по воде вдоль берегового откоса, и Федосьев не сомневался, что большевики увидят засаду только тогда, когда им будет уже поздно менять ордер.

— Смотри, Знаменский, — похвастался он, — первыми откроют огонь суда нашего дивизиона. Красные не испугаются двух пароходов и продолжат движение, тут-то им в скулу и влепят «Страшный» и «Статный».

— Здорово придумано, Петька! — искренне восхитился Знаменский.

Федосьев добродушно хмыкнул.

На огромном водном пространстве слияния Камы и Белой бронепароходы терялись, как зайцы в поле, но ощущение безопасности было обманчивым: расстояния сейчас не имели значения, орудия накрывали оба речных створа. У большевиков головной шла канонерка «Терек» — бывший балтийский сетевой заградитель, дизельный корабль с двумя пушками. К рекам моряки относились с пренебрежением, не уважая силу колёсных буксиров; Федосьев знал это по себе. Он был уверен, что чувство превосходства и загонит «Терек» в ловушку.

Первый пристрелочный залп «Гневного» и «Губительного» ожидаемо оказался промахом. Фонтаны разрывов подскочили в стороне от «Терека». Тот ответил впопыхах — с перелётом. Колонна большевистской флотилии упрямо продвигалась вперёд, вытягиваясь, как бусы, из-за поворота — судно за судном. И тогда из укрытия ударила спарка «Страшного» и «Статного».

«Терек» вдали будто споткнулся, качнув мачтой. На мостике «Гордого» Федосьев тотчас вздёрнул к глазам бинокль. В окуляры он чётко увидел, что из трюма у «Терека» попёр дым, и на палубе заполошно замелькала команда.

— Номер один готов! — удовлетворённо сказал мичман Знаменский так, словно собирался отсчитать все корабли противника.

Прекратив огонь, оседая бортом, «Терек» подался к ближайшему берегу. Обе флотилии продолжали долбить друг друга из орудий. Над

устьем Белой справа налево и слева направо широко металась канонада.

...Иван Диодорыч на «Лёвшине» услышал этот гром ещё за версту до Камы, но не поверил, что бой идёт на реке, ведь два дня назад флотилия адмирала Смирнова воевала где-то возле Пьяного Бора. Впрочем, отступить или остановиться Иван Диодорыч не мог — за «Лёвшином» шёл «Кент». Может, Горецкий как-то сумел радировать британцам, что «Лёвшину» взбунтовался, а может, возвращение британцев и не было связано со схваткой на промысле, но в любом случае от «Кента» следовало бежать. Здесь, на Белой, британцы охраняли Горецкого: если он исчез, значит, команду буксира надо арестовать.

— Это корабельные пушки палят, а не пехотные! — уверенно заявил Ивану Диодорычу Алёшка. — Там пароходы сражаются, зуб даю, дядя Ваня!

Алёшка, Федя, Серёга Зеров и Мамедов топтались возле рубки рядом с Иваном Диодорычем. Даже Катя со Стешкой поднялись на крышу надстройки. Всех беспокоил зловещий грохот впереди.

— Дурное дело туда лезти... — заметил Серёга.

— Хуже не будет! — зло бросила Стешка.

Иван Диодорыч молча размышлял: впереди — пушки, позади — «Кент»...

— Нэ вэды ыз-за мэня лудэй под огон, Ванья, — негромко попросил Мамедов. — Давай я в лодку сяду и уплыву на бэрэг. Сдайса «Кэнту», объясны, что я тэбя оружьем заставыл уйты от прыстаны...

Катя не изменила своего мнения о Мамедове — он зверь, и всё, но сейчас бегство Мамедова ничего бы не решило, и виновата в этом была она, Катя.

— Дядя Ваня, «Кенту» сдаваться нельзя, — сказала она. — Я проговорила Роману о том, что мы знаем про его груз... Роман вас не пощадит. Он добьётся, чтобы всех, кто знает о ящиках, посадили в тюрьму. Или расстреляли.

Иван Диодорыч тяжело закричал: эх, Катюша, Катюша...

— А если мы сами сдадим Горецкого британцам? — предположил он.

Катя вспомнила пощёчину, полученную от Романа. Вспомнила, как Митя Уайт и Джеймсон просто отвернулись, чтобы не связываться

с Горецким.

— Я уже попробовала, дядя Ваня... Им нет дела до нас.

Иван Диодорыч внимательно посмотрел на Катю — и догадался, что Катя, как и он сам, уткнулась в тупик: никто их не выручит, кроме своего парохода.

— Так, все в машинное! — скомандовал Иван Диодорыч. — Идём на прорыв!

...А к устью Белой на тихом ходу придвигались обе флотилии.

У левого берега ярко горела и дымила брошенная канонерка, но она уже никого не интересовала. Большевики вели огонь вразнобой: дальние пароходы — навесной, ближние — настильный. Спаренные суда Федосьева отвечали мощными залпами, будто плавучие артиллерийские форты. С шумом взлетали водяные столбы разрывов, по взбаламученной Каме плыла кипящая пена.

С мостика «Гордого» за сражением увлечённо наблюдал Федосьев.

— Речной бой, брат, — не морской! — пояснял он Знаменскому. — Тут чаще сшибаются на встречных курсах, и всё зависит от характера: кто дрогнул и оставил позицию, тот и проиграл, а потери не важны!.. Да т-щёрт его подери!..

Федосьев увидел, что с Белой на Каму выходит буксир.

— Это же Горецкого посудина! — глядя в бинокль, определил Федосьев. — Куда в пекло-то суётся, дурак?! Зла не хватает на этих гражданских!..

«Лёвшино» очутился между флотилиями, и над ним хищно засвистали снаряды. Буксир чуть помедлил, словно колебался, выбирая защитника, и повернул в сторону кораблей Федосьева. И тотчас же рядом с ним взметнулся фонтан: для большевиков «Лёвшино» мгновенно стал врагом. Яростно работая колёсами, буксир устремился прочь из-под обстрела — вверх по реке.

Снаряд взорвался у него на корме, раскурочив угол надстройки. Полетела щепка от лодки, лежащей на трюмном люке, упал набок дефлектор, за борт с плеском обрушилась стрела подъёмного крана. Окна рубки вмиг почернели — в них вынесло все стёкла. Впрочем, буксир вроде бы сохранил ход.

— Утопят его, честное слово... — с досадой пробормотал Федосьев.

— Давай атакуем комиссаров! — загорелся Знаменский. — Отвлечём!

Федосьев широко улыбнулся мичману — соображает юнец, и не трус!

— Шилов! — крикнул он вестовому. — Пусть радируют на суда, чтобы расцепляли спарки! Идём на красных!

Тем временем флотилия большевиков переместилась вперёд, и Бельское устье было уже на правом траверзе головных пароходов; на одном из них — на канлодке «Рошаль» — развевался вымпел флагмана. Но большевики слишком увлеклись охотой на «Лёвшино» и перестрелкой с противником: их дозорные не заметили на Белой дым приближающегося «Кента». Канлодка «Рошаль» вылезла прямо под носовое орудие британцев, и британцы сразу же всадили снаряд в борт флагмана — у него раскурочило надстройку. Вторым снарядом британцы успели сбить трубу. «Рошаль» окутался дымом и паром, и сквозь чёрно-белую тучу вверх ударил столб огня — взорвался мазутный бункер. Эхо гулко прокатилось по створу, вода потемнела от мелкой зыби.

Гибель флагмана решила исход битвы: суда красных начали разворот.

— Неужто отпустим их? — разгорячённо спросил у Федосьева Знаменский.

— Не-а, надо и под хвост насыпать! — азартно ответил Федосьев. — Шилов, радируй «Кенту», что он вместе с нами преследует противника! Остальным заняться буксировкой подбитых судов на базу, трофеи всегда пригодятся!

Рядом с таким командиром Знаменский чувствовал себя счастливым.

Набирая скорость, «Гордый» прошёл мимо «Лёвшина» и дал гудок.

«Ревель» работал на переправе до вечера, и табор «ударников» опустел. Когда тень соснового бора накрыла отмель у правого берега, на реке появился бронепароход — это был «Статный» из первого дивизиона. Он пришвартовался к борту «Ревеля». Роман, конечно, не знал, какие известия получил Старк, но на «Ревеле» объявили отвал. Судно возвращалось в Николо-Берёзовку.

Неудача и нерастраченная энергия словно парализовали Романа — он не мог уйти в салон с прогулочной галереи и бессмысленно торчал у ограждения из верёвочной сетки, вцепившись руками в планширь. «Ревель», дымя, вышел на Каму и мирно зашлёпал плицами вверх по течению. Долгий светлый вечер раннего лета всё никак не угасал, хотя в небе стеклянно заблестела луна, и казалось, что никакой войны нет, всё как обычно: тихая река, леса, деревушки и уездный пароход, набитый подгулявшими на ярмарке крестьянами.

Оцепенение слетело с Романа как по волшебству: за Каракулинским островом у правого берега в дымке он вдруг увидел буксир Нерехтина. Буксир стоял на якоре, труба едва курилась... Роман взбежал на тентовую палубу к рубке и попросил у лоцмана бинокль. На «Лёвшине» что-то чинили: суетилась команда, сам Нерехтин ходил по крыше надстройки, с борта свешивалась сломанная стрела крана... Значит, весь груз — рядом, никуда не делся?! По спине у Романа промахнул озноб, Роман ощутил, что его снова упруго наполняют силы. Ничего не потеряно, борьба продолжается! В Николо-Берёзовке он перехватит «Кент» и заставит взять «Лёвшино» под арест!

Двадцать пять вёрст до Николо-Берёзовки «Ревель» пробежал за полтора часа. Роман шурился, издалека пытаясь разобраться в сплошной массе судов у пристаней: где очертания «Кента» с его артиллерийскими полубашнями, где угловатый «меркурьевский» силуэт «Аршаулова», нынешней «Волги»? Всё слилось в синем полумраке, не разглядеть по отдельности!

Несмотря на поздний час, флотилия была взбудоражена: горели огни, пароходы поднимали пары, команды проверяли исправность механизмов.

На берегу Роман встретил Вадима Макарова.

— «Кент» и «Гордый» задержались в рейде, скоро будут здесь, — ответил Вадим на вопрос Романа. — Адмирал Смирнов идёт на «Волге» из Сарапула. Гайда отступает, красные уже атакуют город. По радио объявлена тревога, Рома, флотилия перебазируется в Гольяны, там наш новый рубеж обороны.

Роман разозлился: суматоха может помешать ему.

— Где «Кент» обычно швартуется?

— Вон у того дебаркадера, — указал Вадим. — «Самолётковский» вроде.

Караул пропустил Горецкого на маленький дебаркадер; в обшарпанной комнате ожидания Роман сел на деревянную лавку и вытянул ноги. Он устал — но ничего, можно отдохнуть, пока британцы в пути. Дебаркадер чуть покачивался и поскрипывал, караульные курили на галерее, сквозь разбитое окно веяло свежестью реки. Роман закрыл глаза. Почему-то он вдруг вспомнил Лялю Рейснер... Наверное, потому что большевистская флотилия была где-то близко, и Ляля, возможно, снова командовала военморами... Она считала себя самой главной в мире и без колебаний присваивала всё лучшее и ценное... Насколько было бы проще, если бы Катя Якутова была такая же, как Ляля...

...А на «Лёвшине» в это время наконец-то запустили повреждённую взрывом машину. Осип Саныч снял погнутые шатуны и с матросами отправил их в кузницу ближайшей деревни Новосёловки; кузнец всё отколотил обратно.

— Хорошо вышло? — поинтересовался Иван Диодорыч.

Он смотрел, как двигаются блестящие от масла штоки и рычаги. Осип Саныч положил ладонь на цилиндр поршня и закрыл глаза, слушая вибрации. Матрос Колупаев, Алёшка и Перчаткин держали повыше керосиновые лампы.

— Вручную хорошо не выйдет, — вздохнул Осип Саныч. — Надо прессом давануть, но это только на заводе. А сейчас будет бить по горловине, и ничего не поделает. Хомут наложу для прочности, только он не спасёт надолго.

— А если винты чуть ослабить, чтобы цилиндр сам играл? — влез Алёшка.

— Тогда паропровод отскочит — не запаяешь... Словом, капитан, нельзя из машины полную силу выжимать, иначе поршни вывернет.

— Ясно, — сказал Иван Диодорыч. — Как-нибудь доскребёмся.

— А куда идём, батя? — осторожно спросил машинист Подколзин.

— Домой — в Нижнюю Курью.

— Дома нас белые прищучат, что мы с промысла сбежали и груз утащили... Может, ночью-то к красным переметнуться?

— Я давно в тебе, Подколзин, эту слабину большевистскую чую, — буркнул Колупаев, качнув фонарём. — Прогони его, капитан, прямо щас, или он нам подлость какую в машине подстроит!

— За машину я руки-то живо пообрываю! — пообещал Осип Саныч.

— Большевики рабочую правду несут! — разозлился Подколзин. — А ежели ты балтийцев тех припомнишь, дак они банда, а не большевики!

— Ну-ка заткнитесь! — оборвал спор Иван Диодорыч. — На борту одна власть — моя! У кого другие командиры — шуруй на берег!

Иван Диодорыч не хотел разговоров о белых и красных, не хотел ни свар, ни сравнений, ни сомнений. Конечно, он понимал, кто прав, а кто не прав, но в жизни были вещи выше правоты. Как они восторжествуют — неведомо, это божья тайна, про которую Федя талдычит. Но единственное достойное дело — освободить в миру место для божьей тайны. Место для будущего. И у него, у капитана Нерехтина, есть только одно такое место — свой пароход.

Осип Саныч поднял пары, Серёга Зеров с Рябухиным сбросили с кормы в воду искорёженные обломки крана, Федя подмёл в рубке разбитое стекло, Дудкин взялся за штурвал, боцман Панфёров с Девяткиным шпилем вытянули якорь на крамбол. Закрутились колёса, и «Лёвшино» двинулся на стрежень.

До Николо-Берёзовки они добрались уже глубокой ночью, но флотилия бодрствовала. Перед селом дорогу «Лёвшину» перегородил сторожевой катер. Дежурный офицер не захотел подниматься на борт буксира.

— Мост под обстрелом, в Сарапуле — бои! — крикнул он. — Флотилия готовится на прорыв, броневые суда прикрывают

гражданских! Капитан, двигай в колонну первого дивизиона, она у хлебных амбаров!

...Роман проснулся от толчка дебаркадера и голосов: это швартовался пароход. Роман вскочил на ноги — ну слава богу!.. Громыхнули кранцы, брякнула сходня. В комнату ожидания, переговариваясь, вошли британские моряки, впереди — капитан Джеймсон. В полумраке он не узнал Романа.

Роман остановил Митю Уайта:

— Послушай, переведи, пожалуйста, капитану мои слова...

Британцы уже уходили с дебаркадера по мосткам на берег.

Митя ответил холодным взглядом:

— Я не переводчик.

— Прости за бесцеремонность, но я по важному делу! — Роман мягко взял Митю за локоть. — У меня на борту — бунт, команда гонит судно в Пермь! Мне нужна вооружённая помощь, чтобы вернуть порядок! Британская миссия несёт ответственность за моё предприятие!

Митя вежливо высвободил руку.

— Я служу на русской флотилии, а не в британской миссии, — сухо сказал он, — и не обязан вникать в авантюры командования союзников. Объясняйся с капитаном сам, как сумеешь, без моего участия.

— В чём дело, дружище?! — изумлённо спросил Роман.

Митя одёрнул китель, спокойно глядя Роману в глаза:

— Горецкий, у меня нет друзей, которые бьют женщин.

Армада шла в предрассветной мгле, растянувшись на две версты. Суда без вооружения старались держаться возле бронепароходов, но правее — чтобы отгородиться от берега, уже занятого частями Красной армии. Река угрюмо затихла; над зыбкой туманной пеленой плыли рубки, дымящие трубы и мачты.

— Глотнёшь для бодрости? — спросил Федосьев, побултыхав фляжкой. — Шотландский скотч! Хоть в дизель заливай! Союзники отблагодарили!

— Не хочу, — отказался Роман. — А чем ты британцам угодил?

— Под огнём с Дербешского огрудка их снял, как тебя в прошлом году.

На огрудок «Кент» выскочил во время преследования большевистской флотилии после боя на устье Белой. Большевики были готовы развернуться и обрушиться на обездвиженного противника, но подоспел «Гордый». Федосьев приказал скачать сотню пудов мазута из бункера в воду и поджечь; под защитой дымовой завесы «Гордый» стянул британцев с мели.

— Если бы не «Кент», мы ещё пару канонерок бы утопили, — с сожалением заметил Федосьев. — Вот Джеймсон нам и посочувствовал.

— Одну мы уж точно подбили так, что можно считать потопленной, — заявил мичман Знаменский.

Федосьев, Знаменский и Горецкий стояли на мостике «Гордого». Роман сам исхитрился добраться до парохода Федосьева: подплыл к борту в Николо-Берёзовке на крестьянской лодке. Петька был рад помочь товарищу. Ему даже льстило, что Ромка, такой представительный, да ещё и жених милой Катеньки Якутовой, не может справиться с командованием. Рядом с Романом Горецким, аристократом реки, он, Петька Федосьев, всегда выглядел каким-то нижним чином, однако жизнь сама определяла, кто подлинный капитан, а у кого — не получается. И приятно, что Знаменский видит эту разницу.

Светало. Над низким левым берегом разливалась широкая пунцовая заря. Шума судов не было слышно, его поглощало пространство. Казалось, что флотилия идёт не мимо восхода над пойменным лесом, а мимо вечности.

— Не везёт тебе, Ромка, с этим промыслом, — усмехнулся Федосьев. — В прошлую навигацию катер угнали, нынче — целый буксир...

— В моей игре, Петька, ставки очень высокие, потому и борьба отчаянная, — спокойно возразил Роман. — Помнишь нобелевского агента, азиата, которого ты вёз в Сарапул? Он ведь опять здесь.

И вот результат его махинаций.

Федосьев удивлённо присвистнул.

— До войны половина буксиров на Волге работала на «Бранобель», и «Лёвшино» тоже. Так что Мамедову несложно было сбить Нерехтина с пути.

— Встречал я твоего Нерехтина, когда весной затоны инспектировали, — подтвердил Федосьев. — Он мне сразу не понравился. Уклончивый мужик. Пароходчики-единоличники все такие. За копейку родину продадут.

— По сути, он на комиссаров работает. Как и Нобели. Спрячет украденное оборудование, дождётся красных и получит деньги. Так что, Пётр Петрович, не только ты на войне сражаешься. Я — тоже, хоть и без стрельбы.

Роман лгал уже совершенно свободно, не напрягаясь. Главная цель была настолько важна для него, что решение попутных задач не требовало усилий. И простодушный Федосьев почувствовал себя сконфуженным: он ведь думал о делах Горецкого пренебрежительно — а Ромка молодец!.. Мыслит глубже!

Река медленно изгибалась, и за поворотом поперёк створа выплыл длинный железнодорожный мост с упавшей в воду решётчатой фермой. Для судов годился только пролёт справа, и это было самое опасное место. Красные могли установить на берегу батарею, пристреляться — и перетопить пароходы флотилии, но, видно, не разобрались в ситуации, и берег остался пустым. Возле моста несла дозор канонерка из первого дивизиона.

Пароход за пароходом проскальзывали под мост, как патроны в пулемёте. Знаменский наблюдал с мостика в бинокль.

— Могу радировать Степанову, чтобы после Сарапула он арестовал твой буксир, — предложил Горецкому Федосьев.

Лейтенант Степанов, командир первого дивизиона, держал свой вымпел на бронепароходе «Сильный».

— Буду благодарен, Петя, — с чувством ответил Роман.

Однако Сарапул надо было ещё суметь пройти.

Красные уже заняли почти весь город; винтовочная и пулемётная пальба яростно трещала только у реки, у пристаней, где оборонялись остатки белых. Люди плыли через Каму на лодках, на брёвнах, на связках дров. Большевики разместили батареи на Соборной и Покровской площадях и стреляли по реке, словно из театрального партера по сцене. Вся флотилия была как череда мишеней. Кама напротив города вздыбилась частоколом водяных столбов.

Бронепароходы двигались ближе к вражескому берегу, чтобы заслонить собою гражданские суда. Орудия развернулись на Сарапул. Беспорядочная канонада непримиримо грохотала по реке, то сгущаясь, то разрежаясь. Серые, облитые водой канонерки блестели на низком утреннем солнце. Дым из труб развеивало разрывами. По фарватеру, изгибаясь, ползли полосы пены.

Федосьев и Горецкий укрылись в рубке, а Знаменский остался на мостике — напоказ команде и командиру: ему хотелось выглядеть бесстрашным. Федосьев понимающе усмехнулся, но не потащил мичмана в рубку.

Сарапул трясло и колотило, как телегу на ухабах. В уютных городских кварталах лопался огонь; взлетали доски, стёкла, кирпичи и срубленные ветви деревьев; падали заборы; по улицам металась люди и собаки; арки ворот и выбитых окон будто вопили от ужаса. Война, которая издавека выглядела противоборством идей и общественных сил, вблизи была хаосом тупых и беспощадных ударов, ломающих, калечащих и уродующих то, что не имело никакого отношения к идеям и общественным силам, точно бушевал вусмерть пьяный великан, который забыл, из-за чего напился.

Ровная колонна флотилии распалась. Гражданские суда спешили уйти вперёд, за Старцеву гору, а бронепароходы сбрасывали скорость, пропуская самых медлительных. «Данилиха» и «Суффолк», плавбатарей, еле ползли за своими буксирами, неумолчно громяхая орудиями. «Кент», развернувшийся на Покровскую площадь

форштевнем, получил снаряд в борт и задымил; на выручку британцам ринулся «Губительный», его матросы кинули на «Кент» швартовы. Хуже всего дела обстояли у «Статного»: он горел, погружаясь в воду кормой. Два бронепарохода из первого дивизиона — «Стерегающий» и «Страшный» — по широкой дуге вернулись к товарищу и снимали команду. Фонтаны разрывов плясали между кораблями как сумасшедшие.

«Ревель» — транспорт адмирала Старка — вдруг двинулся со стрежня к берегу, к пристаням, с которых отстреливались отступившие солдаты. На крыше парохода появились морские стрелки с пулемётами, они секли очередями по городским спускам, где мелькали красноармейцы. «Ревель» грубо привалился к дебаркадеру пароходства «Былина». Моряки соскочили на галерею, солдаты зачем-то принялись рубить якорные тросы пристани. Толчок — и «Ревель», надсаживая машину, потащил с собой сразу весь дебаркадер, переполненный людьми. С огромным грузом, пришвартованным к борту, изрыгая чёрный дым, судно адмирала тяжко попёрло обратно на фарватер.

Оставив «Статный», затонувший у Девятовской мельницы, флотилия прорвалась мимо Сарапула. Ошеломление битвы потихоньку отпускало, на кораблях зазвенели рынды — отбой тревоги, и вдруг стали слышны крики чаек и плеск волн под форштевнями. Горецкий и Федосьев вышли на мостик.

— Разрешить? — Горецкий взял у Петьки бинокль.

О своей цели он не забывал ни на миг.

— А где «Лёвшино»?..

Пароходы рассыпались по всему створу — буксиры, баржи, пассажирские суда, канонерки, катера... Но «Лёвшина» среди них не было.

— Видно, удрал вперёд, — сделал вывод Федосьев. — А кого ему тут ждать?

Роман побледнел.

— Да ладно тебе, Ромка, — примирительно сказал Федосьев. — Куда судно с реки денется? Заберёшь свой груз уже в Перми. Поди, заныкать не успеют...

Роман не потерял самообладания — но Федосьев должен был увидеть, что друга понесло во все тяжкие.

— Ты дурак, Петька?! — рявкнул Роман. — Думаешь, меня как мальчишку с «Лёвшина» шуганули?! Да у них и оружия-то нет! У них Катя в заложницах, понял?! Потому я и рвусь за ними, как бешеная собака!

Лицо у Федосьева стало простым-простым, совсем крестьянским.

— Катя? — глупо повторил он.

Роман, конечно, видел в доме Якутовых, что Петька наивно восхищён Катей — как женой друга, конечно, по-честному.

— Да! Катя! И чёрт знает, что они с ней сделают, когда спрячут груз!

Роман стукнул кулаком в стальную стену рубки и отвернулся — не знал, какое выражение должно быть у человека, потерявшего веру в судьбу.

Федосьев молчал, сопел, топтался за спиной у Романа, а потом вздохнул и положил руку ему на плечо:

— Слышь, Ромка, я это на себя беру! Объясню адмиралу — он разрешит на «Гордом» догнать этих гадов! Мы же все твою Катю любим!

Сарапул и гражданская война остались позади — за плёсами, за отмелями, за поворотами реки. В покое жаркого полдня мир возвращался к своему извечному укладу: в жгуче-синем небе — сверкающие облака, и зелёные леса на увалах, и чайки на волнах, и плеск гребных колёс. Ускользнув от всех, «Лёвшино» шёл вверх по Каме средним ходом, чтобы не угробить машину. В Гольянах стояли ремонтные суда флотилии; Иван Диодорыч поприветствовал их гудком — не следует вызывать подозрений. Дальше начиналась свобода.

В каюту капитана Стешка притащила горячий самовар. Солнечный свет полз по стене каюты, повторяя движение парохода, и пылал на медном боку самовара. Иван Диодорыч смотрел на собеседников — на Хамзата и Серёгу.

— Что делать будем, ребята? Скажи ты, Серёжа, я твоё мнение уважаю.

— Все наши беды от этих ящиков, дядя Ваня, — признался старпом. — Я бы их утопил, но без крана груз из трюма не вынуть. Придётся в Пермь его везти.

— А в Перми как быть?

— Да чёрт его знает!.. — с досадой закричал Серёга.

— Про Горэцкого нэ забывайтэ, — сказал Мамедов. — Он вэрнётся за своим.

Иван Диодорыч дул в стакан и размышлял. Серёга и Мамедов ждали.

— Не жалко ли тебе, Хамзат, если оборудование к «Шеллю» попадёт?

Хамзат Хадиевич поскрёб чёрно-седую щетину на скуле.

— Мнэ обыдно это, Ванья... Но оборудованье — оно для общего дэла. Сэгодня — у Нобэлэй, у Дэтэрдынга, у Рокфэллэра, а завтра — у всэх. Пускай «Шэлль» забыраэт, лышь бы нэ пропало... Эманьилу Людвиговычу я толко докумэнты Турбэрна должен достат. Оборудованье эму болше нэ нужно.

Хамзат Хадиевич понимал, что накал промышленной борьбы для него угас. Роман Горецкий — он за деньги, а не за прогресс. Нет уже

соперничества за лидерство, потому что нет предприятия, и не за кого биться. Горько, что так получилось, однако сдались Нобели, а не он, Мамедов. А жизнь продолжается. И по всему миру от Пенсильвании до Борнео, и на Апшероне тоже, упрямые нефтяники не перестанут бурить неподатливую древнюю землю, чтобы извлечь из недр ископаемый огонь для могучих машин своей эпохи.

— Тогда вот как мы поступим, братцы, — решил Иван Диодорыч. — В Перми на Заимке выгрузим ящики на причал, и я скажу охране, что это имущество британской миссии. А сами усвистаем в Усолье. Там Горецкий нас не отыщет. Да и не будет искать. Заберёт своё и укатит по железной дороге. Согласны?

— Ты — капытан, Ванья, — ответил Мамедов за себя и за Серёгу Зерова.

Они допили чай и ушли, а Иван Диодорыч сидел и смотрел в окно. Думал он о том, что большевики, возможно, скоро доберутся до Перми, и всё опять полетит кувырком, и ему надо будет прятать Катю, а Кате — рожать...

За самоваром явилась Стешка.

— Степанида, куда пойдёшь после рейса? — спросил Иван Диодорыч.

— Или не помнишь, старый, что я арфистка? — зло бросила Стешка. — И без тебя есть каким местом заработать.

— Я с тобой добром говорю! — одёрнул её Иван Диодорыч.

Стешка распрямилась и вытерла руки о замасленный передник.

— За сыном поеду. Он уж мамку и не узнает. А дале — как бог даст.

— Возвращайся с дитём ко мне, Степанида, — предложил Иван Диодорыч. — Я при Катюше буду. Вместе станем держаться. Ты баба хорошая.

Стешка быстро утёрла глаза уголком платка:

— Один уже обещал, да в песок лёг! И он не первый был такой!

— Спорить мне незачем, — вздохнул Иван Диодорыч. — Но я тебя позвал.

«Лёвшино» всё пыхтел и пыхтел машиной, неумоимо крутил колёса, тянул за собой полосу дыма по небу и полосу пены по воде. У штурвала стоял Дудкин, Федя Панафидин следил за фарватером. Мимо проплыли Галёво и Усть-Речка. Матросы на корме играли в карты,

пытаясь победить Перчаткина. Боцман Панфёров звякал железками в каптёрке.

Хамзат Хадиевич обнаружил Алёшку на камбузе. Алёшка ожесточённо выстругивал кухонным ножом из полена корпус кораблика.

— Мне к Шухову надо, дядя Хамзат! — заявил он, словно Шухов ожидал где-то на ближайшей пристани.

— Ыз Пэрмы на Котлас попробуэм пробыраться, — ответил Мамедов.

— Только побыстрее! — Алёшка нетерпеливо поёжился. — Я для теплоходов подъёмные плавники изобрёл! Шухов треснет пополам от зависти!

— Что за плавники? — Мамедов постарался не улыбнуться.

— Штуки такие, вроде лыж. Присобачиваются к днищу. На судне должен быть бензиновый мотор! Винт на длинной оси в воду опускается! Сначала судно как обычно идёт, а скорость накопит — и выскакивает из воды целиком, и дальше мчится на лыжах! Речные суда как авто будут шпарить, понял?

— Здорово, Альоша! — восхитился Мамедов, легко уловив суть замысла.

— Щас из жести вырежу плавники и приделаю к этой балде! — Алёшка повертел своё полено перед глазами. — Модель будет! На верёвке испытаю!

— Ызобрэтай эщо, Альоша, — сказал Хамзат Хадиевич. — А я всо сдэлаю.

Он не подавал вида, но ощущал к Алёшке благоговейную нежность. В Алёшке таился удивительный механизм, производящий идеи из ничтожных мелочей обыденности, из ничего. Алёшка поражал Хамзата Хадиевича даже больше, чем Шухов. Владимир Григорьевич видоизменял уже существующие конструкции, а Алёшка выдёргивал свои чудеса из пустоты, как волшебник.

Пароход неспешно миновал Бабку, Елово и Змиево. Иван Диодорыч рассчитывал, что завтра утром они ошвартуются в Перми.

Ближе к вечеру Иван Диодорыч встал вместо Феи сам, а вместо Дудкина поставил матроса Девяткина — лоцману и опытному штурвальному надо отдохнуть перед ночной вахтой. Фея отвёл капитана в сторону.

— Я трижды видел дым позади, — негромко сказал он. — Какое-то судно за нами увязалось... Наверняка буксир — пассажирский пароход давно бы догнал.

— Горецкий? — тотчас спросил Иван Диодорыч.

Федя вздохнул и пожал плечами: всё может быть.

Долгий летний вечер, казалось, не закончится никогда; плёсы сменялись перекатами, лесистые кручи — низинами, в тиховодьях отражался золотой закат. На завершении длинных створов Иван Диодорыч с биноклем выбирался на край надстройки и пытался разглядеть преследователя, но было слишком далеко. Однако лёгкая кисточка дыма не исчезала, и тревога не развеивалась.

Ивана Диодорыча это угнетало: он старался жить по совести, и вот до чего дошло — он любого парохода боится!.. И красные ему чужие, и белые — не свои. Почему? Иван Диодорыч отлично понимал причину. Каждый человек в душе немного белый, немного красный, и гражданская война безжалостно рвёт душу пополам. А если ты не позволяешь войне разорвать себя и уничтожить, то ты — против всего мира. Значит, нужно сражаться в одиночку.

В прозрачном сумраке июньской полночи Иван Диодорыч сам провёл «Лёвшино» по протокам Частых островов — есть ещё зрение, напрасно Федя Панафидин ловил его на старческой подслеповатости!.. А взъерошенный Федя примчался в рубку только на Зуйковском перекате, почти перед городом Осой.

— Прости, дядя Ваня, проспал!.. — повинулся он. — Грех на мне!..

— Да ничего, — усмехнулся Иван Диодорыч. — Принимай командование.

Тихо сопела машина, пароход форштевнем рассекал лунную дорожку.

А в тёмной капитанской каюте на койке как-то странно и неловко сидела Катя. Она опустила голову, держась рукой за край стола. Иван Диодорыч обомлел от ужаса. Катя взглянула на него с мольбой и надеждой, в лунном блеске из окошка её лицо сверкало от слёз. Катя тоже была смертельно испугана — и прибежала к тому, кому верила и на кого уповала.

— Что случилось, доченька? — еле выговорил Иван Диодорыч.

Губы у Кати тряслись. Глаза были беззащитные.

— У меня воды отошли, дядя Ваня... — прошептала Катя. — Я
рожаю!

Финал
ВОЗЗВАТЬ

Рукоять машинного телеграфа стояла на делении «полный ход», но Иван Диодорыч то и дело спохватывался, что забыл скомандовать в машину, и тревожно проверял рукоять — до упора ли сдвинута. Дудкин держал штурвал, Федя смотрел на фарватер. В разбитое окно рубки влетал тёплый и свежий ветер. «Лёвшино» шёл ровно, как по натянутой струне.

— За час добежим, дядя Ваня, — успокаивал Нерехтина Федя.

Но зелёные берега уползли назад медленно, будто каторжники на этапе.

Иван Диодорыч гнал свой буксир в Пермь. На длинных створах по-прежнему позади было видно пёрышко дыма от неизвестного преследователя, однако Нерехтина это уже не волновало. Плевать на Горецкого и на его ящики, плевать на планы бежать в Усолье... Только в Пермь, в больницу!

— Рябухин! — крикнул Иван Диодорыч в открытую дверь на мостик. — Шуруй к Степаниде! Спроси, как там...

Стешка сидела с Катей в капитанской каюте, а Сенька, посыльный Ивана Диодорыча, прятался от капитана за дверью рубки.

— Дак десять же минут назад спрашивал!.. — проскулил он, не появляясь. — Я же токо мешаю! Стешка обещала прибить меня, коли дёргать её буду...

— А не будешь — я прибью!

— Сходи сам, — миролюбиво посоветовал Федя. — Мы с Дудкиным и без тебя хорошо поштурвалим.

Но Иван Диодорыч не хотел идти к Стешке. Он уже слышал крик Катюши и боялся услышать его снова. Он такого не вынесет. Пускай Сенька идёт.

Сенька покорно потащился с мостика на палубу.

А в тёмном машинном отделении ожесточённо сновали машинисты и кочегары. Павлуха Челубеев у котла то и дело толкал брюхом Сивакова, но тот только шипел. Подколзин вручную качал воду в трубы охлаждения. Митька Ошмарин и Алёшка ползали вдоль агрегатов с маслёнками в руках. Маленький Осип Саныч восседал на

своей откидной скамеечке и следил за циферблатами; его очки отражали огонь топки. Все понимали, что машина должна работать безупречно. Алёшка порой вытирал глаза грязным подолом рубахи. Он всё был готов сделать, сгореть был готов, лишь бы Катьке стало полегче.

В рубке Иван Диодорыч вдруг сказал Феде:

— Федюня, ты лучше поди в кубрик и помолись Якорнику... Знаю, он не про бабьи дела, но авось где-то там Богородица с ним рядом?.. Он ей шепнёт...

— Ты сам её попроси, дядя Ваня.

Иван Диодорыч в отчаянье замотал головой: он не мог молиться. Едва он произносил про себя «Катюша!..» — его начинало трясти как в лихоманке. Куда ему соваться к Богородице? Он и без того виноват перед ней за Фросю и за Дарью... Но он придумал: отвернулся от Феди и Дудкина и забормотал:

— Фросенька... Дарьюшка... Спасите Катеньку!..

«Лёвшино» упрямо проходил поворот за поворотом. Деревня Конец-Бор, перевал, село Дворцовая Слудка, дальняя Гляденовская гора... Синева небес, облака, блеск волн на приплёске и сосновый бор на яру... Слева показались городские дачи с резной колоколенкой архиерейского терема, потом — устье затона Нижняя Курья с фарватерным знаком на дамбе. И вот уже мост...

Видимо, натиск большевиков на фронте был таким свирепым, что белые готовились к обороне Перми. На мосту стояла дрезина с платформой, а рядом на одном из каменных быков копошились солдаты — укладывали под опору мостовой фермы ящики с динамитом. Ивану Диодорычу на это было плевать. «Лёвшино» прошёл в пролёт стороной, и мост остался позади.

Проплыла мимо Заимка с товарными пристанями, и дальше вдоль всего городского берега растянулась длинная вереница пароходов — пассажирских и буксирных. Иван Диодорыч жадно высматривал место, где можно причалить, и вдруг понял, что швартоваться здесь не надо. Куда ему везти Катю с берега? В хирургическую клинику с родовспомогательным отделением? Это далеко, к тому же надо искать бричку... Долго! Час или два!.. Но за час, а то и быстрее, он дошпарит до Нобелевского посёлка, где Катю примет Анна Бернардовна!..

— Дудкин, идём к Нобелям! — решительно распорядился Иван Диодорыч.

Не сбавляя скорости, «Лёвшино» миновал городские пристани, зелёный Егошихинский лог, бесконечные корпуса и пирсы Мотовилихинского завода, сумрачную хвойную кручу горы Вышка... Иван Диодорыч торчал в рубке; взглядом он словно бы жадно пожирал пространство, чтобы невыносимые расстояния стали покороче. В рубку поднялся Мамедов, но ничего не сказал, только сочувственно похлопал по штурвалу: «Всё будет хорошо, Ванья».

Нобелевский городок выехал из-за поворота, как исполнившаяся мечта: аккуратные кирпичные домики и мастерские, крашенные заборчики, тополя, электрические столбы. На железнодорожной ветке замерли цистерны в чёрных потёках. Огромные клёпаные резервуары казались кряжистыми башнями. На их белых стенках виднелись надписи «Бранобель», однако — Иван Диодорыч знал это — и нефть, и мазут, и керосин давно уже привозил сюда «Шелль». От баков к реке тянулись трубы для аварийных сбросов. Весь обширный участок нефтехранилища был обведён противопожарным рвом, обсаженным акацией. Возле рва Иван Диодорыч заметил брустверы из мешков с песком, полевое орудие и два пулемётных гнезда. Если бронепароходы большевиков доберутся до Нобелевского городка, здесь их встретят огнём.

Иван Диодорыч направил «Лёвшино» к затону.

В небольшом затоне скопилось десятка три судов — буксиров, товарных пароходов, катеров, «фильячников» и наливных барж. Задрав трубы и мачты, они выстроились в две линии вдоль дамбы и вдоль коренного берега.

— Вон там, дядь Вань, промежуток свободный! — оживился Дудкин. — Между купцом и нефтеперекачкой! Как раз нам приткнуться!..

«Купцом» Дудкин назвал старый двухпалубный пароход «Скобелев».

— Рули, — согласился Нерехтин.

Нефтеперекачкой служил плашкоут с двумя баками и будкой насоса при камероне. Обычно плавучую нефтеперекачку буксировали по затонам и пристаням для бункеровки на местах. Сейчас, во время

войны, об удобствах навигации никто не думал, и нефтеперекачка осталась там, где и зимовала.

По неширокому свободному пространству между двумя рядами судов навстречу буксиру Нерехтина шёл другой буксир — «Еруслан».

Иван Диодорыч перебросил рукоять машинного телеграфа на «тихий ход» и взялся за стремя гудка — «Лёвшино» трижды коротко свистнул. Это означало «поворачиваю направо». На носовой палубе «Лёвшина» засуетились матросы: Колупаев подтаскивал трап, Девяткин расправлял петли каната.

— Прикидывай циркуляцию, как я учил, — напомнил Нерехтин Дудкину.

Дудкин напряжённо смотрел вперёд.

А штурвальнй на «Еруслане», видимо, был неопытным судоводителем: он испугался внезапного поворота встречного парохода, забыл все сигналы и правила и заполошно подался влево — в ту же сторону, что и «Лёвшино».

— Вот же болван!.. — вырвалось у Ивана Диодорыча.

Федя выскочил на мостик, заколотил в рынду, привлекая к себе внимание «Еруслана», и скрестил руки над головой — так в старину сплавщики на расшивах и дощаниках требовали от другого судна немедленно бросить якорь.

«Лёвшино» уже совсем повернул, встав перед «Ерусланом» поперёк пути. Понятно было, что «Лёвшино» целится причалить носом в берег сразу за пароходом «Скобелев», и надо огибать его со стороны кормы. Но «Еруслан» со своим одуревшим от страха штурвальным продолжил прежнее движение, заваливаясь влево ещё сильнее, чтобы не ударить в борт Ивану Диодорычу.

— Да по лбу тебя веслом бы!.. — рявкнул на него Иван Диодорыч. Уже ничего нельзя было изменить.

С лязгом и скрежетом «Еруслан» врезался в нефтеперекачку — проломил плашкоут и бок нефтяной цистерны. Плашкоут грузно колыхнулся; из рваной щели в цистерне крылом хлынула густая нефть; она щедро заливала палубу плашкоута и нос «Еруслана» и расплывалась по воде вокруг нефтеперекачки огромной чёрной лужей. Из будки на плашкоуте выскочили рабочие и заорали, махая кулаками, а на «Еруслане» по палубе заметались матросы.

Однако Ивану Диодорычу было не до них. Подрезая нефтяную лужу по краю, «Лёвшино» проскользнул мимо тупого и короткого носа парохода «Скобелев» и мягко выехал форштевнем на землю.

В рубку тотчас всунулся Алёшка, перемазанный машинным маслом:

— Дядь Вань, я к Бернардихе почешу! Пусть лазарет готовит!

— Давай, — согласился Нерехтин.

Алёшка скатился с мостика, спрыгнул с носа буксира на берег и помчался напрямик по зелёной траве к домикам Нобелевского городка.

А Иван Диодорыч всё не мог преодолеть себя и долго мялся возле рубки, наблюдая, как злосчастный «Еруслан», пыхая дымом, отползает назад.

— Не тяни, дядя Ваня, — сказал Федя. — Ты нужен Катерине Дмитриевне.

Иван Диодорыч тяжело вздохнул.

На робкий стук в дверь собственной каюты ему открыла Стешка. Она строго обозрела Ивана Диодорыча с головы до ног и с угрозой предупредила:

— Только сопли не распускай!

Катя лежала, укрытая потрёпанным одеялом. Лицо у неё побледнело, огромные глаза погрузились в синюю тень: Катя смотрела будто из глубины. Иван Диодорыч почувствовал, какая Катюша хрупкая и одинокая сейчас, беззащитная перед той неумолимой силой, что пробудилась в её теле.

— Ты потерпи немного, доченька, — присев, попросил Иван Диодорыч.

— Я справлюсь, дядя Ваня, — с благодарностью пообещала Катя.

Её опять скрутило изнутри, и она зажмурилась от боли, вцепившись руками в одеяло. Иван Диодорыч не знал, как ему быть. Лучше бы он сдох.

— Да всё она сдюжит! — грубо заявила Стешка. — Я тоже раньше срока опросталась! Вообще одна рожала! Валялась как сучка в кладовке на полу среди тараканов! Хозяин ресторации добрый был, на улицу меня не прогнал, но велел молчать, чтобы господ в зале ничем не беспокоить...

Иван Диодорыч убрался в соседнюю каюту и упал на койку. Он думал о Кате. О Кате, о сыне Саше, о Дарье и Фросе, о Мите Якутове,

обо всех. И все они словно разом говорили с Иваном Диодорычем, только он ни слова не слышал.

Серёга Зеров потряс Ивана Диодорыча за плечо:

— Дядь Вань, тебя зовут!..

Вслед за Серёгой Иван Диодорыч прошёл по коридору на переднюю палубу. Здесь, на ярком свете, почему-то столпилась половина команды. Люди молча раздвинулись, и показался Алёшка, нелепо застывший у сходни.

— Лазарет готов! — дерзко крикнул он, увидев Нерехтина.

Иван Диодорыч не сразу понял, в чём дело. Алёшку за шиворот держал Роман Горецкий. В затылок Алёшке он уткнул ствол браунинга.

... Там, на Каме, Роман не поверил своей удаче, когда увидел в бинокль, что «Лёвшино» не свернул в затон Нижней Курьи и не причалил к пристаням Перми. Роман догадался, что Нерехтин повёл буксир в Нобелевский городок. Скорее всего, поспешил к Анне Викфорс — из-за Кати. Но это не важно. В Нобелевском городке Роман чувствовал себя хозяином: ему там подчиняются все, он — полномочный представитель компании «Шелль»!

«Гордый» миновал вход в затон Нобелевского городка и въехал носом в берег поодаль от нефтяных баков. Роман проверил обойму в браунинге.

— Давай командой на нерехтинских двинем! — предложил Федосьев.

— Все вместе их задавим! — поддержал Знаменский.

— На «Лёвшине» — Катя! — возразил Роман. — Не надо штурма. Я пойду парламентёром. Мне там сейчас ничто не грозит. Подождите, пока вернусь.

— Не вздумай отпустить капитана и нобелевца! — свирепо предупредил Федосьев. — Их под военно-полевой суд отдадим!

— Не отпущу, — непроницаемо пообещал Роман.

Он уже обдумал ситуацию со всех сторон. Оборудование Глушкова и документы Турберна вряд ли кого интересуют, а вот ящики Фортунатова — уголовное преступление, и должны остаться тайной. Однако о них знают Катя и Мамедов, возможно, Нерехтин. Значит нельзя, чтобы Мамедова и Нерехтина допрашивали для суда. Эти двое должны умереть молча. Прямо сегодня, чего тянуть?.. Сумеет ли он, Роман, их застрелить? Без сомнения, сумеет.

А Катя? И на Катю найдётся управа. Её брат служил у красных.

От «Гордого» Роман пошагал в сторону затона.

Алёшу он поймал на полпути. Алёшка летел от Викфорсов, не разбирая дороги, и не узнал Горецкого — а тот оглянулся на топот за спиной и ловко схватил пробежавшего мимо мальчишку за шкирку.

— Отпусти, гадина! — вырываясь, орал Алёшка. — Там Катька рожает!.. Бери на хер своё золото и отцепись от нас!..

Алёшкины слова будто ударили Романа под дых. Выходит, Алёше тоже известно о грузе «Кологрива»?! А кому ещё известно?! Лоцману Феде? Старпому? Стряпухе? Всей команде?!

И вдруг Роман почувствовал, что на него нисходит просторное и мрачное спокойствие. Не такое, когда всё потеряно и остаётся только лечь и сдохнуть, а наоборот — когда рухнули преграды. Теперь всё можно. Теперь все враги. И Мамедов, и Нерехтин, и Катя, и Алёшка, и вся команда «Лёвшина» поголовно. Уничтожить их скопом — будто щенят в мешке утопить — гораздо проще, чем истреблять поодиночке. Проще и надёжнее. И никого не жалко — надоели!

Роман поволок Алёшку к буксиру Нерехтина. То, что у Кати начались роды, его не трогало. Прошло то время, когда он искренне переживал за Катю.

...Иван Диодорыч стоял среди своих людей и угрюмо смотрел на Романа.

— Чего ты хочешь, Роман Андреич? — спросил он. — Буксир — твой. Отпусти Лёшку и не мешай нам.

Иван Диодорыч понял, что пароход, который преследовал «Лёвшину», был пароходом Горецкого.

Роман взглядом отыскал Мамедова. Тот набычился, точно хотел кинуться в драку. Что ж, нобелевскому горцу не повезло. Чаша весов опять качнулась в другую сторону. Два дня назад у Мамедова было всё, включая свободу и буксир, а сейчас не осталось ничего — и жизни скоро не будет.

— Хамзат Хадиевич, мне нужны документы, — спокойно сказал Роман.

— Я прынэсу... — нехотя согласился Мамедов.

— Нет! — быстро возразил Роман; он не забыл о нагане Мамедова. — Я не намерен выпускать вас из виду. Рябухин, принеси ты.

— Под моим матрасом в кубрыке, — сказал Сеньке Мамедов.

Сенька суетливо поспешил к надстройке.

Роман ждал, и команда тоже ждала. Роман рассматривал хмурые лица речников. Совсем недавно это были почти друзья — а сейчас вдруг стали как на чужой фотокарточке, которую можно порвать без всяких чувств.

Над затоном кружились и вопили чайки. Мимо «Лёвшина» полз буксир «Еруслан»; капитан с мостика что-то зло кричал в рупор — он явно адресовался к речникам на «Лёвшине», однако те не обращали внимания. Роман отметил, что нос у «Еруслана» помят и залит чем-то чёрным, а вокруг накренившейся нефтеперекачки по воде растеклась широкая смоляная лужа, в которой ярко блестело солнце. Похоже, «Еруслан» протаранил нефтеперекачку... Рабочие на плашкоуте уныло наблюдали, как тонет их посудина.

Появился Сенька с пачкой тетрадей, перевязанных шпагатом.

— Положи на палубу, — приказал Роман.

Сенька, как собака, послушно положил документы возле ног.

— А теперь, Иван Диодорович, уведите всю команду в кубрик. И Катю туда с собой возьмите. Хамзат Хадиевич, вы пойдёте последним.

— Зачем в кубрик-то? — глухо спросил Нерехтин.

Роман для внушения просто встряхнул Алёшку как тряпичную куклу.

— Что ж ты за зверюга такой? — с тоской произнёс Иван Диодорыч.

Его душа ослабела от бессилия, даже ноги подгибались.

— Давайте за мной, братцы, — позвал всех Серёга Зеров.

Роман снова ждал, пока все речники уберутся с палубы, и Нерехтин вслед за ними. Из прохода в надстройке донеслись голоса — это уводили или уносили Катю. Мамедов не сводил пристального взгляда с Романа. Роман понимал, что хищный нобелевец ловит хоть малейшую возможность напасть.

— Не советую, — предупредил его Роман.

— Убью, если дядю Хамзата застрелишь! — бешено прошипел Алёшка.

Он решил, что Горецкий хочет застрелить Мамедова без свидетелей.

— Не застрелю, — усмехнулся Роман.

Мамедова он оставил просто для того, чтобы тот не ушёл в кубрик первым и не выскочил обратно с наганом. А вот пробитая нефтеперекачка и помятый «Еруслан» навели его на интересную мысль...

— Всё, наша очередь, — объявил Роман. — Теперь в кубрик, Мамедов.

Роман помнил, как устроены помещения в буксире. Коридор, переборка, дверь слева и трап вниз... Мамедов сгорбился в дверном проёме и ступил на трап. Роман толкнул Алёшу вдогонку за Мамедовым и сразу захлопнул железную дверь. Придавив её спиной, Роман стащил с себя брючный ремень и связал им скобы на двери и переборке — замка, разумеется, у него при себе не имелось. Но пару минут ремень выдержит.

В каптёрке боцмана среди ящиков с инструментами, обрезков досок, банок с краской и разных железяк он отыскал толстую проволоку, вернулся к двери в кубрик и заменил ремень обмоткой покрепче. Потом быстро обошёл весь пароход, проверяя, не спрятались ли кто в каюте или в машинном отделении. На передней палубе подобрал пачку тетрадей Турберна. И конечно, удостоверился, что груз в трюме лежит нетронутый.

Стоя на крышке трюмного люка, будто над закопанным кладом, Роман озирался по сторонам: суда у берега, суда у дамбы — крамболы, надстройки, ряды окон, колёса, трубы, дефлекторы, мачты, шлюпбалки... Слева — пароход «Скобелев», справа — погибшая нефтеперекачка: из обширного нефтяного разлива косо торчит верхушка цилиндрической цистерны... Роман подумал, что он всё-таки привёз свой груз туда, куда и стремился. Железная дорога — рядом. Однако оставалось последнее препятствие — команда «Лёвшина». Эти люди выведали его тайну. Значит, они должны исчезнуть. Но как?..

Перестрелять всех он попросту не сможет: это привлечёт внимание, да и патронов не хватит. Затопить «Лёвшино» он тоже не сумеет. Но сумеет сжечь. Пожар на пароходе — дело нередкое, особенно когда вокруг разлита нефть, а машину никто не догадался погасить. Если «Лёвшино» загорится, то люди в кубрике буксира погибнут, а груз, скорее всего, не пострадает.

Роман направился в каптёрку боцмана. Жестяной бидон — в нём фунтов десять керосина. Ворох промасленной ветоши. Нефть не загорится сама по себе. Легко воспламеняются нефтяные пары, а нефть требуется разогреть, но, разлитая по воде, она от воды и охлаждается. Необходим плавающий костёр. Роман помнил, как прошлым летом на борту «Русла» Мамедов объяснял ему эти тонкости, а неподалёку от них горела баржа Иннокентия Стахеева.

В коридоре Роман открыл техническую дверцу в стене колёсного кожуха и выглянул внутрь гребного колеса. Полумрак, толстые железные дуги, тяги, рычаги, шарниры, эксцентрики, заклёпки, плиты... Колесо было погружено в толстый слой нефти, приплывшей сюда от повреждённой нефтеперекачки.

Роман щедро облил ветошь керосином и пропихнул весь ворох в дверцу. Лёгкие тряпки упали возле обода колеса на поверхность нефти как на землю. Соблюдая предосторожность, Роман зажёл серную спичку и бросил вниз. Ветошь ярко полыхнула, осветив колёсный кожух изнутри, точно свод камина. Дальше огонь уже сам разбежится по нефтяной луже...

Главное теперь — чтобы никто на судах в затоне не заметил поджигателя.

Роман быстро вышел на правый борт буксира, перекинул трап на близкий нос парохода «Скобелев», перебрался на пароход и сбросил трап в воду. По галерее обогнул надстройку и сквозь багажный отсек выскочил к сходне. Если кто и увидел его, то он был на «Скобелеве», а не на «Лёвшине».

Он двинулся вверх на берег к белым башням резервуаров. На полпути он услышал гудок. В затоне вахтенный какого-то судна заметил дым, что повалил из-под колёсного кожуха «Лёвшина», и тотчас поднял тревогу. Что ж, всё как положено. Хотя для большого пожара разлитой нефти ещё не хватит. Нужна подпитка от основных запасов. Роман и это предусмотрел.

У караулки под громадой большого бака взволнованно топтался сторож.

— Вот беда-то, Роман Андреич!.. — растерянно охал он.

Горецкого — представителя «Шелля» — в Нобелевском городке знали все.

— Иди сообщи Викфорсу! — приказал Роман.

Сторож поспешил к домикам городка.

Роман нырнул в караулку. Для предотвращения взрыва все резервуары были оборудованы трубами аварийного сброса нефти в затон; чтобы не было соблазна воровать нефть, стравливая её потихоньку, горловины труб уходили под воду. Значит, вряд ли кто сразу поймёт, что пожар в затоне разрастается от поступления нефти

из гигантского бака. Роман с трудом повернул стальной штурвал, поднимая в трубе тяжёлую задвижку клинкета. Нефть пошла в трубу.

Дело сделано.

Роман стоял возле караулки и смотрел на пожар. Дымно-огненное озеро медленно и грозно расширялось, выползая к середине затона, и выпускало длинные щупальца. Затон заволакивало чёрной мглой, в ней металась чайки. С одних пароходов люди по трапам бежали на берег, на других пароходах — где машины были под парами — команды надеялись спасти свои суда и выбирали якоря; колёса начинали крутиться, и пароходы трогались с места. «Лёвшино» горел левым бортом. Рядом языки пламени лизали второй бак погибшей нефтеперекачки — тот, который ещё высывался из воды. В Нобелевском городке звенел тревожный колокол. На стрелковых позициях пулемётчики и артиллеристы вылезли на брустверы, сооружённые из мешков с песком, и потрясённо наблюдали за бедствием. Роман с содроганием подумал, что там, в разрастающемся хаосе пламени, железа и воды, затерялась Катя. Да, она умрёт. Умрёт мучительной смертью... Увы, Катя встала у него на пути, а этого делать нельзя: чужое противодействие превращает его в титана. Он сшибает любые преграды и способен на страшные вещи. С каким-то отстранённым уважением он ощущал тяжесть своих рук и сложность своей натуры. Несчастной Кате Якутовой не дано понимать таких людей, как он, поэтому Катя и обречена... Его поняла бы Ляля Рейснер. Ляля оценила бы его жадность к жизни, дерзость его замысла и даже чудовищность того, что он делает. Но Лялю он упустил, и никогда уже не встретит снова...

Из мрачного и горького упоения Романа вывел грохот: взорвался второй бак нефтеперекачки. Над затоном, бурля, взлетел клуб огня и дыма. И Роман, очнувшись, увидел, что с берега на «Лёвшино» карабкается какой-то человек.

Чёрт возьми! Он, Роман Горецкий, не вернулся на свой бронепароход, и честный Петька Федосьев, заметив дым, бросился выручать товарища.

На восемнадцать человек команды в тесной железной коробке кубрика не хватало воздуха, а разбить маленькие толстые иллюминаторы правого борта никак не получалось: не было ничего подходящего — ни лома, ни молотка. В иллюминаторах левого борта, как в линзах, полыхало чёрно-рыжее пламя, и на низком ржавом потолке между бимсами шевелились багровые отсветы.

— Господи, как в бане... — простонал Митька Ошмарин, сползая на стлань.

Сиваков и Девяткин уже бессильно распластались по стлани, но больше никто не хотел валяться на грязном полу. Умирать — так по-людски. Команда сидела и лежала на нижних ярусах двухэтажных коек.

— Падлы колчаковские... — выдохнул Подколзин, стаскивая робу. — Что ж я, остолоп, в декабре с мотовилихинцами не ушёл?..

— Ежели бы зимой вас, красножопых, добили всех до конца, так сейчас бы не мучились... — с ненавистью прохрипел в ответ матрос Колупаев. — Хотел я тебя подстрелить, когда мы балтийцев истребляли, да пожалел...

— Ну-ка заткнитесь! — устало, но властно приказал им Иван Диодорыч. — Нету на борту ни белых, ни большевиков.

— Какого же хрена тогда подышаем? — не унялся упрямый и злой Колупаев.

Иван Диодорыч промолчал.

— Потому что мы — как пароход, — вдруг ответил Осип Саныч Прокофьев.

Маленький, лысенький, в железных очках, он аккуратно сидел на нарах в глубине, будто ребёнок, который послушно дожидается маму. Без своей огромной и сложной машины он казался ненужным и бесполезным. Но все на «Лёвшине» знали, что незаметный Осип Саныч и есть сила его машины.

Алёшка и Мамедов привалились спинами к борту.

— Потэрпы, Альоша, — негромко сказал Мамедов. — Вырвэмса... Нас с тобой уже запырала в барже, толко там прохладнэе

было...

Алёшка улыбнулся. От раскалённой духоты в глазах у негоплыли бурые пятна, сознание было мутным, но страха он не испытывал. Дядя Хамзат здесь, дядя Ваня здесь, все здесь, значит, не может случиться ничего плохого...

Иван Диодорыч бросил на Мамедова тусклый взгляд: как Алёша? Хамзат Хадиевич чуть заметно покачал головой: не лучше остальных.

За плечом Ивана Диодорыча висела занавесь из простыни — это Стешка отгородила закуток, где помещалась Катя. Мокрая от пота, с прилипшими ко лбу волосами, Стешка время от времени обтирала Кате лицо тряпочкой, на которую экономно поливала из медного чайника — в нём была последняя вода. Кате казалось, что её неудержимо влечёт по какому-то кругу, и на одной из частей этого круга беспощадная сила вдруг проворачивает её в мясорубке. И жуткое механическое движение неторопливо ускоряется. Катя глухо скулила, когда становилось нестерпимо больно, и дрожала.

— Ничё-ничё, дева, — приговаривала Стешка. — Распускай себя от груди до коленей, будто бельё полощешь... — Стешка поглаживала Катю: — Вот так ра-а-аз... ра-а-аз... Родишь, не бойсь... Не ты первая муку принимаешь...

Павлуха Челубеев, вскарабкавшись на трап, тупо и упорно бил кулаком в железную дверь, и дверь лязгала. Никто из команды не просил Челубеева прекратить — лучше слушать его удары, чем стоны Кати за простынёй.

— Не угоришь там наверху? — окликнул Павлуху боцман Панфёров.

— Вышибу её... — бормотал, почти бредя, Челубеев. — Зубами прогрызу...

По кубрику ходил только Серёга Зеров, будто самый тоскующий арестант в каземате. Стараясь на наступить на лежащих Сивакова и Девяткина, он смотрел то в один иллюминатор, то в другой.

— Два буксира занялись и баржа деревянная, — сообщал он капитану. — Со «Стрепета» народ побежал... «Святитель», товарный купца Тырышкина, на выход из затона попёр, у него левый борт дымится...

Штурвальный Дудкин внезапно ударился головой в пиллерс — упал в обморок. Серёга шагнул к нему, приподнял и принялся шлёпать

по щекам.

Сенька Рябухин по койке робко придвинулся к Феде Панафидину. Федя прижимал к груди икону Якорника, отвернув её от кубрика, словно Николе не следовало видеть людские страдания.

— Феденька, — прошептал Сенька, — а ты исповедать сможешь?..

— Ты чего надумал, аспид? — в ужасе вскинулся рядом Яшка Перчаткин.

— Помираем же... — растерялся Сенька. — Покаяться бы перед исходом...

— Как помираем?! — едва не заплакал Яшка. — Не помираем вовсе! Меня рябинники на расстрел вели, а я не помер! И на «Русле» не помер! В морду тебе дам, Сенька!.. Господь нас видит! Мы же тут все вместе, как цыплятки у курочки! Нас ему легко спасти, только дунет с неба, и полетим на волюшку!..

— Бог нас спасёт, Сеня! — твёрдо ответил Федя. — Не вводи во грех!

За бортом буксира бушевал пожар, в душегубку трюма проникал запах нефтяного дыма. В густом и спёртом воздухе тихие голоса растекались, как масло. Челубеев унялся и сполз по трапу на стлань. Сдавленно подвывала Катя. Низкий железный потолок с отсветами огня был как отрицание бога, а роды в этом пекле словно бы означали, что надежды никогда и не было.

Иван Диодорыч тяжело передвинулся поближе к Мамедову.

— Хамзат, дай наган, — тихо попросил он.

Он помнил, что в нагане Хамзата Хадиевича имеется один патрон.

Мамедов покосился на Алёшку. Алёшка уже сомлел.

— Думаэш, не пэрэждом пожар? Желэзо вэдь кругом...

— Скоро мазутный бункер взорвётся, — спокойно пояснил Иван Диодорыч. — Обшивка лопнет. Мы утонем. Не хочу этого ужаса для Катюши...

Мамедов полез рукой за спину и вытащил наган.

— Лёшку... сможешь? — забирая оружие, еле выговорил Иван Диодорыч.

— Руками умэю.

Они смотрели друг другу в глаза.

— Справимся, Хамзат?

— Мы с тобой нэ малчики, Ванья.

Иван Диодорыч видел, что Мамедов сделает всё, как надо. Он сильный мужик. Правильный. Настоящий друг — таким был только Митя Якутов. Иван Диодорыч чувствовал: они с Мамедовым очень похожи. Оба — бобыли, оба стареют, оба выброшены из жизни гражданской войной. Оба приняли в сердце детей Дмитрия Платоновича и даже поверили, что стали отцами, а судьба решила по-своему. Однако им обоим хватит сил для последней милости.

В полутьме, духоте и зное кубрика Иван Диодорыч понял, что рухнула в пустоту опора под ногами — но в падении он возвращается к себе, ведь ничего, кроме себя, у него уже не осталось. Ещё недавно он корчился от невыносимой жалости, а сейчас был готов застрелить Катюшу, потому что в сострадании перешёл какой-то предел, и теперь надо вставать и вцепляться судьбе в глотку.

А Катя вдруг закричала — не так, как раньше, а в полный голос.

Ей показалось, что в ней, распирая её изнутри, ожила какая-то мягкая и жуткая клешня: она раскрывается, и невозможно это остановить. Затопляя, волнами накатывала боль. Собственное тело уже не принадлежало Кате — им управляло что-то инородное, беспощадное. Сознание у Кати меркло. Всё происходило само, без неё, и Катя была здесь лишней, мучительно чужой себе.

Иван Диодорыч сунулся за дырявую занавеску.

— Ну с богом, пошло! — говорила Стешка, что-то делая с Катей. — Тужься!

Катя повернула к Ивану Диодорычу мокрое, белое, сумасшедшее лицо.

— Больно!.. — простонала она. — Как больно, папа!..

Она не узнавала Ивана Диодорыча — или же он для Кати слился с отцом.

— Я привела Рому к дяде Ване!.. Я виновата!.. Скажи дяде Ване!.. Я умру!..

— Не умрёшь, доченька! — пообещал Иван Диодорыч, вытирая Кате слёзы.

И Катя снова закричала — свободно, во всю силу.

Этот дикий крик и услышал Петька Федосьев.

Он обшаривал пароход, искал Горецкого, но пароход был пуст: в рубке, в каютах, на камбузе, в машинном отделении — никого...

Левый борт полыхал, над затоном висел нефтяной дым, Федосьев кашлял. Куда исчезла команда? Где Ромка? Что случилось на судне?.. И вдруг из-за переборок донёлся женский крик. Федосьев сразу понял: это Катя, и она кричит в кубрике!

Скобы на двери в кубрик были обмотаны проволокой. Ломая пальцы, Федосьев отгибал толстые стальные нити. Кто их здесь накрутил? Ромка?.. Зачем?.. Запер кого-то в кубрике и побежал за помощью?.. Куда? Почему не на «Гордый»?.. Почему Катя в трюме вместе с пленниками? Она по-прежнему заложница?.. Почему Ромка не вывел её на берег?.. Она зовёт на помощь?..

Федосьев вытащил револьвер и распахнул дверь — из тёмной железной утробы трюма, как из чрева печи, его опалило пыточным жаром. В застойном дымном мареве Федосьев разглядел на трапе Мамедова.

— Стоять!.. — рявкнул Федосьев, наводя на него револьвер.

Но снизу, из удушливой глубины кубрика, внезапно грохнуло — это выстрелил Иван Диодорыч. Федосьев не был ему другом, к тому же целился в Хамзата — о чём тут размышлять?.. Петька Федосьев выронил револьвер и боком повалился в дверной проём — прямо на Мамедова.

...Команда выбиралась из трюма, и дымный воздух над затоном казался свежим и благоуханным, как в райском саду. Сомлевших Митьку Ошмарина и Дудкина вытащили под руки. Все дышали по-собачьи — открытыми ртами. Боцман Панфёров изнурённо сел на скамейку, будто завершил долгий путь, а Павлуха Челубеев опустился на карачки, отвесив брюхо, и сипел. Серёга Зеров взял на камбузе ведро на верёвке, черпал воду из-за борта, где не плавала нефть, и плескал на товарищей. Мамедов почти вынес Алёшку.

— Иди оклемайся! — выгнала Ивана Диодорыча Стешка. — Я тут сама!

Затон горел. От нефтеперекачки осталась лишь какая-то чёрная скорлупа, торчащая из плавучего костра. Пылающее озеро уже доползло до пароходов, стоящих вдоль дамбы, и пароходы тоже горели. «Лёвшино» горел левым бортом. Всё горело. Клубился глухой дым, в его разрывах сияло небо.

И вдруг надстройка буксира так знакомо дробно загрохотала, а носовую палубу взрыли фонтанчики щепок. Панфёров в изумлении

вскочил на ноги — поперёк груди у него зияла строчка из трёх кровавых дыр — и упал ничком.

— Пулемёт!.. — заорал Серёга Зеров.

Откуда-то с берега по «Лёвшину» стегали очереди.

Команда ошалело ломанулась обратно в надстройку, только Сиваков и Подколзин кинулись с носа буксира на берег — и тотчас покатались по траве, пробитые пулями. Пули прошивали насквозь тонкие стены надстройки.

А рядом вдруг взорвался пароход «Скобелев»: в его окнах блеснуло, и брызнули стёкла. В тёмную муть над трубой взлетели обломки досок, лоскутья железа от крыши и спасательные круги. По «Скобелеву» ударили из пушки. Точнее, ударили по «Лёвшину», однако попали в «Скобелева».

Мамедов пихнул остолбеневшего Нерехтина в проход надстройки.

— Альоша, в машину! — оглянувшись, крикнул он. — Ванья, это Горэцкий!

— Горецкий?.. — потрясённо переспросил Иван Диодорыч.

И сразу ему всё стало ясно. Горецкому не удалось уничтожить команду буксира в кубрике, и он приказал обстреливать «Лёвшину» из пулемётов и орудия — Иван Диодорыч видел эти пулемёты и пушку возле резервуаров. Как бритвой по горлу, Ивана Диодорыча полоснуло острой ненавистью. Какой же он настырный, этот подлец! Как бесстыжа его жажда обменять живых людей на золото — или что у него там в ящиках!.. Но он — Иван Диодорыч Нерехтин — капитан, и он никому не сдаст свою команду и свой пароход! Не сдаст Катю!

Иван Диодорыч оттолкнул Мамедова и бросился по трапу на мостик.

Где-то рядом по железу хищно барабанили пули. Над затоном волокно жирный смоляной дым. В рубке Иван Диодорыч схватился за стремя гудка. Машина ещё была под парами, гудок работал, и люди, рассыпавшиеся по буксиру в поисках укрытия, сквозь переборки слышали тройной басовитый рёв: это капитан сигнализировал своей команде, что пароход отваливает от берега.

Роман не сомневался, что Федосьев на «Лёвшине» непременно выпустит команду из кубрика: увы, Петька благородный.

— Ваша задача, господин подпоручик, — охранять этот нефтяной склад! — чеканил Роман. — Однако посмотрите, что творится под вашей охраной!

Молодой подпоручик Василенко очень волновался: то поднимал бинокль к глазам, то опускал. Уши его смущённо покраснели.

— Ваши артиллеристы ни на что не способны!

— Мы пристреливались к фарватеру! — с обидой возразил Василенко. — А до затона дистанция очень мала, господин Горецкий, и угол отрицательный!..

— Ну так бейте прямой наводкой!

— Этот пассажирский пароход загородил нам судно противника!

Василенко имел в виду пароход «Скобелев».

— Не оправдывайтесь, а ищите пути к достижению результата!

Подпоручик действительно провалил своё задание — затон был охвачен пламенем. В клокочущем дыму невозможно было понять, что там творится: в просветах мелькали борта пароходов, рубки, мачты, колёса и завихрения огня. Рушились какие-то конструкции. Одни суда погибали покорно, без попыток спастись, другие боролись за себя, пробираясь сквозь пожар к устью затона.

Пушка снова выстрелила, откатившись от бруствера из мешков с песком, но разрыв снаряда затерялся в хаосе катастрофы.

— Видимо, вы полагали, что будете отражать десант с бронепароходов, — зло усмехнулся Роман, — а вам устроили диверсию! Зайти в затон и поджечь нефть — весьма простой замысел! Так хотя бы утопите буксир большевиков!

— Вы тоже не смогли этого сделать! — огрызнулся Василенко.

Роман уже сказал ему, что «Гордый» гнался за «Лёвшином» от Сарапула.

— Не дайте врагу вырваться отсюда! — настойчиво повторил Роман.

Ему безразлична была гибель других пароходов и потеря ценной нефти — он стремился перебить команду Нерехтина и уложить его буксир на дно, чтобы потом достать груз. И подпоручик обязан был исполнить его замысел.

Василенко побежал к артиллерийской позиции.

— Рыжов, Коновалов, Сорокин!.. — на ходу закричал он артиллеристам. — Заряжайте осколочный!..

А на «Лёвшине» Нерехтин сам встал за штурвал. Сейчас от рулевого потребуется всё его мастерство — не время испытывать навыки Дудкина.

— Дудкин, за мной от пуля схоронись! — не оглядываясь, бросил Иван Диодорыч. — Ежели меня убьют, штурвалить дале ты будешь!

Испуганный Дудкин нелепо передвинулся за спину капитана.

Из нижней команды в машинном отделении осталось только трое, считая и самого Осипа Саныча. Но Осип Саныч взгромоздился на свою откидную скамеечку так уверенно, будто ничего не случилось, и выдернул пробку из переговорной трубы. Рядом с могучей и подвластной ему машиной он ощущал себя хозяином жизни. Телеграф указывал «полный назад».

— Челубеев, поднимай пары в котле, — спокойно распорядился Осип Саныч. — Митюня, теперь ты за машинистов. Будешь агрегат разгонять.

— Да как же я-то? — удивился Митька Ошмарин.

— А вот так, — ответил Осип Саныч. — Маслёночку из-под локтя убери, уронишь... И не суй куда попало, а в ящик поставь — она ещё пригодится!

Митька взялся за вентиль регулировки давления в поршнях и вперился в манометр. Павлуха лязгал рычагом на ручной подаче мазута к форсунке.

Колёса у «Лёвшина» начали вращаться в обратную сторону, загребая под левый обнос воду с пылающей нефтью. Нефть облепляла плиты, и в прорезях кожуха заблестел огонь, словно «сияния» и вправду могли излучать свет.

Левый борт буксира горел. Языки пламени плясали на планширях, на привальном бруске, на палубном настиле, на дощатых стенках надстройки; на железной обшивке вскипала пузырями краска. Борьбой с пожаром командовал Серёга Зеров. Из каптёрки выволокли обе

помпы — большую двуручную и малую. Брезентовые рукава перекинули на правый борт — нефть туда ещё не доплыла. Колупаев и Девяткин работали на коромысле, сам Серёга шарашил струёй воды по надстройке снаружи. Трещало, шипело, брызгали искры, валил пар. Яшка Перчаткин, охая, качал малую помпу, Сенька Рябухин, вытягивая шланг, бегал по каютам и поливал всё подряд — и переборки, и койки, и потолок. В дыму и в бешеной суете никто не замечал, стреляют по буксиру или нет. Наверное, стреляют. Где-то во мгле то и дело гремели по железу пули.

«Лёвшино», скрипя днищем, медленно стронулся с отмели.

В утробе стоящего рядом «Скобелева» опять взорвался снаряд, и опять полетели обломки. Мамедов чуть пригнулся в рубке, а Нерехтин не дрогнул.

— Что там Катя?

— Крычит, — просто сказал Хамзат Хадиевич.

— А Лёшка где?

— Вродэ в машину побэжал.

— Офицер-то жив? — Иван Диодорыч спрашивал о Федосьеве.

— Жив. Лэжит. Федья эго пэрэвазываэт, а колт я забрал сэбэ.

Иван Диодорыч покосился на Мамедова:

— Слышь, Хамзат, Горецкий от нас не отцепится.

— Мы же знаэм о грузэ из Госбанка, — согласился Хамзат Хадиевич.

Иван Диодорыч отвёл взгляд.

— Эта пушка добьёт нас на выходе из затона. Её надо заткнуть, Хамзат.

Хамзат Хадиевич помолчал.

— Кромэ мэнья — нэкому, да?

— Некому, — кивнул Иван Диодорыч.

«Лёвшино» тяжело дрожал от напряжения машины; колёса молотили почти вхолостую. Слева из-под кожуха выбрасывало огонь. Хрипели матросы у помпы. Шевелящийся густой дым пожара тащило с затона через пароход на берег, сверху сыпались жирные хлопья нефтяной копоти, и всё вокруг то вдруг освещалось солнцем, то меркло в дымной тени. Иван Диодорыч понимал, что отправляет друга на верную смерть. И Хамзат Хадиевич тоже это понимал.

— Ладно, Ванья, сдэлаю, — вздохнул он.

— Молиться буду, чтобы ты уцелел.

— Молись, — грустно усмехнулся Хамзат Хадиевич. — Альошу сбэрэги.

— Прости, обнять не могу.

Хамзат Хадиевич сам неловко обнял его сзади за плечи и прижал к себе.

— Вэрю тэбе, дорогой.

В усилии сойти на глубину «Лёвшино» сблизился правым обносом со «Скобелевым», Мамедов перепрыгнул на борт чужого парохода. И буксир Ивана Диодорыча, взбивая колёсами нефтяную пену, наконец оторвался от берега, словно только тяжесть Мамедова и не позволяла ему освободиться.

По заваленной обломками галерее «Скобелева» Хамзат Хадиевич пролез к багажному отсеку, сдвинул висящую на одной петле дверь и выбрался на сходню. Перед ним открылся покатый берег: сквозь дым проступали белые башни нобелевских резервуаров, поодаль сверкал окошками чистый городок.

Вдоль берега затона Мамедов побежал к противопожарному рву. Ров был широким и глубоким — у Нобелей всё делали правильно и надёжно. Никто по Мамедову не стрелял: похоже, его не заметили. По кромке рва тянулась шпалера акаций, покрытых мелкими жёлтыми цветками. Хамзат Хадиевич ничего не боялся и ни о чём не жалел, скорее наоборот: сейчас он чувствовал непривычную полноту своего существования. У него есть инженер, которого он бережёт, и есть друг, которому он помогает. Инженеры у него и раньше были, а друга не было никогда — не та работа... Однако надо торопиться!

Ров под прямым углом повернул налево. Хамзат Хадиевич остановился и проверил кольт Федосьева. Полный барабан — шесть патронов. Этого хватит. Мамедов хорошо запомнил планировку стрелковых позиций на площадке с резервуарами. Ближе всего к нему пулемётное гнездо. Разумно предположить, что охрана использует ров как ход сообщения между позициями: значит, слева появится окоп. За жёлто-зелёной шпалерой в небо поднималась тёмная туча. Где-то совсем рядом раскатился по склону берега тугой грохот орудия.

Так оно и есть — устье окопа. И никакого часового.

Пулемётчиков было трое. Один короткими очередями бил из «гочкиса», установленного на разлапистой треноге, второй подавал

патронную ленту, а третий просто сидел на бруствере из мешков, как рыбак на пирсе, и наблюдал: он ничего не опасался, потому что безоружные пароходы не могли ответить огнём. Хамзат Хадиевич хладнокровно выстрелил в пулемётчика, потом в заряжающего, потом в наблюдателя. Все трое одинаково повалились вперёд — никто из них не успел сообразить, что позиция атакована с тыла.

Хамзат Хадиевич посмотрел поверх бруствера. Из пулемётного гнезда, с возвышения, был виден весь затон — хоть и небольшой, но длинный, будто речная старица, и слегка изогнутый. И всюду в затоне, как дома вдоль дороги, стояли суда: затон казался какой-то затопленной и горящей деревней. Высокая стена из дыма отгораживала площадку с резервуарами от простора Камы. В клубящейся мгле Мамедов еле разобрал очертания «Лёвшина». Как там Ваня?.. О Нерехтине Хамзат Хадиевич сейчас почему-то беспокоился даже больше, чем об Алёше. Ваня должен вывести пароход из ловушки, должен спасти свою команду, и очень многое сейчас зависит от него, от Мамедова. Нужно, чтобы пушка нобелевской охраны молчала до тех пор, пока буксир Нерехтина не скроется вон за тем мысом, на котором торчит треугольник фарватерного знака. За мысом артиллеристы уже не достанут до «Лёвшина», и он, Мамедов, сможет уйти. Если, конечно, ещё будет жив.

Оттащив трупы пулемётчиков в сторону, Хамзат Хадиевич с натугой переместил тяжеленный растопыренный «гочкис» на бруствер справа — чтобы ударить по артиллеристам. Орудие находилось неподалёку. В прислуге было номеров пять. Снарядные суетились у ящиков с боеприпасами, заряжающий клацал замком, наводчик припал лицом к трубке панорамы. Хамзат Хадиевич проверил патронную ленту, прижался плечом к упору, прицелился, ворочая тонким стволом с воронкой пламегасителя, и нажал на спусковой крючок. «Гочкис» затрясся, полетели гильзы, мелкими толчками поехала лента.

Артиллеристов разметало — кто-то упал, кто-то шархнул за винтовкой. Наводчик бессильно сполз под деревянное колесо. Мамедов дал очередь по казённику орудия, надеясь повредить затвор — вспыхнули искры, блеснуло стекло разбитого прицела, затем подмёл позицию, и в воздухе повисла пыль. Брошенная прислугой трёхдюймовка замерла, как лошадь без седока.

Хамзат Хадиевич приподнял голову, оценивая обстановку. Пушку он заткнул. Теперь надо держать её под контролем, пока «Лёвшино» не выйдет из затона. Конечно, оставшиеся солдаты скоро откроют огонь по нему самому, попытаются отбить своё орудие и прикончить диверсанта. Скорее всего, они сунутся с тыла — из противопожарного рва по окопу. Значит, надо занять новое место, более удобное для обороны. Не теряя времени, Мамедов вскочил, опять поднял тяжеленный пулемёт и перебежал в окоп к шпалере акаций. Отсюда он сможет обстреливать пушку и время от времени выглядывать в ров, чтобы не прозевать нападение. Нужно забрать винтовки убитых пулемётчиков... Как всегда, в таких обстоятельствах Хамзат Хадиевич ощущал себя не бойцом в осаде, а рачительным хозяином, который подготовил всё, что требуется для выполнения задачи, и намерен спокойно выполнить сложную работу.

— Давай, дэлай свойо дэло, Ванья, — пробормотал он, заправляя в пулемёт новую ленту. — Я помогу, ты нэ пэрэживай...

На входе в окоп что-то мелькнуло... Хамзат Хадиевич одним движением выхватил кольт, протянул руку — и еле успел остановить себя. Пригибаясь, в окоп проскользнул Алёшка. Еле дыша, он приткнулся рядом с Мамедовым.

— Не ждал, дядя Хамзат? — весело спросил он, вытирая мокрый лоб.

«Лёвшино» медленно отползал от берега и разворачивался. Казалось, он попал в подземное пекло — в озеро с геенной. Над горящим затоном выгнулся тёмный дымный свод. По воде растекался огонь, и буксир шёл по нему, как железный бык по высокому адскому папоротнику: резал огненные заросли форштевнем и подминал корпусом, загребал их плицами колёс и раскачивал волнами. Вокруг царила мгла, душил густой запах нефти. Со всех сторон, как во время бури в лесу, доносился угрожающий гул, что-то трещало, раскатисто ахнул взрыв мазутного бункера, будто упало поваленное дерево.

Иван Диодорыч ничего не мог разобрать впереди, но сдвинул рукоять машинного телеграфа на «средний ход». Он должен спасти свой буксир... Они все должны что-то сделать. Серёга Зеров с матросами должен погасить пожар на борту. Осип Саныч с нижней командой должен обеспечить работу машины. Там, на берегу, Хамзат должен усмирить вражеское орудие; здесь, на судне, Катя должна родить, и Штешка должна принять роды... А лоцман Федя должен отмолить их всех от гибели, потому что господь, как и сам капитан Нерехтин, тоже, наверное, ничего не видит в кромешном мраке этой преисподней...

Но ветер с Камы вдруг расшевелил густую пелену дыма, и слева, как летняя эстрада в парке, открылась райская картина: солнечный зелёный луг с белыми цилиндрами резервуаров и красные кирпичные домики Нобелевского городка. Однако из райской благодати могла ударить пушка.

— Не подведи, Хамзат! — пробормотал Иван Диодорыч.

Он не просил Мамедова о помощи — он требовал. Сам-то он справится, он же старый речник, а Хамзат обязан выполнить его приказ — приказ капитана.

И Хамзат Хадиевич выполнял.

Он держал под прицелом всю территорию между пушкой и дальним пулемётным гнездом, изредка посылая короткие очереди — когда ловил взглядом фуражку над бруствером или просто для остротки. Вражеский пулемётчик отвечал наугад и не жалел

патронов: пули взрывали землю перед «гочкисом» Мамедова и секли акацию: в воздухе, как мелкие бабочки, порхали жёлтые лепестки. Солдаты копошились в своём окопе, но в атаку не лезли.

— Ты как мэнья выслэдил, Альоша? — спросил Хамзат Хадиевич. Алёшка притащил винтовки и контролировал ров.

— Заметил, как ты на «Скобелева» прыгнул. Ну, и погнался за тобой. Ясное же дело, что ты к пушке побежал. Только я потом потерял тебя на берегу. Не сообразил, куда ты провалился.

— Тэбэ здэс нэ мэсто! — грубо заявил Мамедов. — Убырайса к Выкфорсам!

— С какого шиша? — дерзко возразил Алёшка.

Хамзат Хадиевич посмотрел на него — Алёшка был решительный и злой.

— Это нэ ыгра!

— А я играюсь, да? — Алёшка клацнул затвором винтовки. — Катька рожает, а эти гады по судну из пушки лупят! Где я должен быть, дядя Хамзат?

Мамедов едва не зарычал и принялся скрести ногтями землю:

— Рады мэнья, Альоша, уходы!

Алёшка отлично понимал, что дядя Хамзат не очень-то надеется выжить. Понимал, что дядя Хамзат хочет его спасти... Ну и что? Там, на «Лёвшине», так жутко и дико кричала Катька... Она рожала в тёмном железном кубрике на засаленной матросской койке — а не в чистой и светлой больнице. Рожала как бродяга, а не его сестра — лучшая в мире!.. Их пароход попытались сжечь, теперь пытаются расстрелять!.. И дядя Хамзат тайком от него, от Алёшки, пошёл драться за Катьку, драться за всех... Разве Алёшка мог такое стерпеть?

— Тебя я тоже не брошу, дядя Хамзат! — устало сказал он. — Я же умею из пулемёта палить. Меня Волька Вишневский ещё в Свяжске научил...

Мамедов отвернулся, схватился за «гочкис» и засадил длинную очередь.

А в другом пулемётном гнезде песок из порванных мешков посыпался на головы сидящих под бруствером солдат. Роман брезгливо дёрнул плечами, подпоручик Василенко снял фуражку и похлопал ею об колено.

— Возьмите. — Роман протянул Василенко бинокль.

В окулярах он только что увидел Мамедова. Бессмертный тот, что ли?.. Роман не чувствовал гнева или ненависти к нобелевцу. Наоборот, Мамедов даже восхищал его своим азиатским умением выворачиваться из неудач и бороться дальше. Но это означало лишь то, что его надо убить своими руками.

— Диверсантов там в лучшем случае двое, — сказал Роман подпоручику. — Вы должны атаковать их, потому что у вас преимущество в живой силе. Речь идёт о считанных минутах, иначе судно большевиков выберется на фарватер, и ваше оружие станет совершенно бесполезно.

— Прошу не докучать мне советами! — уязвлённо ответил Василенко.

Однако Роман был прав.

«Лёвшино», дрожа, осторожно пробирался по затону, как по запретному миру мёртвых. Слева в дыму тихо обрисовался горящий буксир: угольно-чёрный, неподвижный, с пылающими иллюминаторами и вздыбленной львиной гривой пламени. Справа призрачно выступил из тьмы длинный бок пассажирского судна, вроде бы ещё целого, с ровной линией окон, но в их провалах метались багровые отсветы безумия. Сквозь полумрак проступил какой-то бесформенный изуродованный остов; вытянутым трупом проплыла мимо железная баржа; из чёрной воды угрюмо торчала какая-то рубка, будто покойник выглядывал из могилы.

— Давай, дружок, — попросил Иван Диодорыч и погладил штурвал. Он словно бы сам чувствовал страх и боль от ожогов.

Иван Диодорыч наконец различил во мгле горловину затона. Загромоздив собою всё пространство, здесь раскорячились буксир «Наследник» и товарно-пассажирский пароход «Святитель». Буксир врезался «Святителю» в скулу перед гребным колесом и не смог высвободиться — застрял, зацепившись за каркас прогулочной галереи. Суда расклинило поперёк пути, они горели, а их команды, похоже, уже сбежали. Пройти через горловину было невозможно...

Алёшка тоже это понял. Он мотался по окопу от противопожарного рва до пулемётного гнезда, из которого был виден затон, окутанный дымом.

— Да там целая баррикада! — возбуждённо сообщил он Мамедову. — Надо продержаться, пока дядя Ваня протаранит

пароходы!

— Надо так надо, — ответил Мамедов. — Продэржимся.

Он экономно и точно бил из «гочкиса», не позволяя врагам высунуться.

— Нэ бэгай под огном, Альоша.

— Да я быстро!.. — отмахнулся Алёшка и опять юркнул прочь.

Хамзат Хадиевич заметил, что вдали за бруствером пулемётного гнезда противника солдатские фуражки стали мелькать чаще. Наверное, подоспело подкрепление — смена, которая находилась на отдыхе. И вдруг разом началась плотная стрельба из винтовок и пулемёта. Пули засвистели над окопом и заплясали в пыли перед «гочкисом» Мамедова, как чёртики. Шпалера акаций разноголосо зашумела. Похоже, солдаты готовились идти в атаку.

— Альоша, в ров! — приказал Хамзат Хадиевич.

Алёшка пролетел за его спиной к противопожарному рву.

Хамзат Хадиевич не ошибся. Из-за бруствера храбро выскочил молодой офицер, за ним появились тускло-зелёные фигуры пехотинцев. Атакующих было немного — человек семь. Офицер, пригибаясь, бросился к орудию; он что-то кричал и грозно размахивал револьвером. Солдаты бежали за командиром с винтовками наперевес. Во рву захлопали выстрелы Алёшки — значит, враги пытались наступать сразу по двум направлениям.

Мамедов прищурился на атакующих и надавил на спусковой крючок. «Гочкис» затрясся. Пулемётные трассы, клокоча, вспарывали воздух. Солдаты мгновенно упали в траву на полпути до пушки, однако офицер успел нырнуть за квадратный орудийный щит. Хамзат Хадиевич дал очередь по щиту, но его пули срикошетили в сторону. Офицер быстро выглянул и яростно пальнул по Мамедову. Хамзат Хадиевич чуть-чуть опустил ствол и дал новую очередь, целясь ниже станины по спицам деревянного колеса. От спиц полетели щепки. Видимо, офицеру перебило ногу, — он вдруг вывалился из-за своего укрытия, потеряв равновесие. Мамедов тотчас прошил его третьей очередью. Солдаты ожесточённо бабахали из трёхлинеек, лёжа в траве, а затем начали отползать обратно к своей позиции. Атака захлебнулась.

В траве о чём-то стрекотали кузнечики, словно ничего особенного в мире не происходило. По небу с севера плыли лёгкие облака. За

косой кучей дыма над затоном искрила от солнца широкая и синяя река. У Ваньи теперь было ещё немного времени, чтобы вырваться и всех спасти.

Со своего поста вернулся встрёпанный Алёшка: бессильно выронив винтовку, плюхнулся на дно окопа, усыпанное гильзами, и привалился спиной к стенке. Дышал он хрипло и прижимал ладонь к груди.

— Альоша?.. — тревожно спросил Хамзат Хадиевич.

— Да всё в порядке, дядя Хамзат... Задело только чуть-чуть...

— Задэло?! — Хамзат Хадиевич опустился рядом на корточки. — Покажи!

— Не покажу! — Алёшка помотал головой. — Ты ругаться будешь.

— Ну-ка покажи!

Хамзат Хадиевич схватил его за руку, но Алёшка сопротивлялся:

— Не покажу!..

И Хамзат Хадиевич, срываясь душой в гудящую бездну, вдруг увидел, что загорелое лицо Алёшки словно бы стремительно иссыкает, как вода на песке, и остаётся только смертная бледность. Алёшка широко открыл глаза, серые и чистые — такие же были у его сестры. Рука, прижатая к груди, упала на колено. Немного выше сердца у Алёшки чернела мокрая дырка. Алёшка умер.

Хамзату Хадиевичу показалось, что вокруг всё замерцало, и воздух заметался, будто над ним взлетала в небо стая невидимых и бесплотных птиц. Это были Алёшкины корабли — огромные, многоярусные, могучие, сияющие электричеством, причудливые, как во сне, с перепончатыми крыльями: корабли-драконы, корабли-карусели, корабли-салюты, корабли-сказки...

Алёшка был жив ещё несколько мгновений назад — это ничтожный срок даже для крохотного мотылька!.. Хамзат Хадиевич навалился плечом на край окопа, словно хотел толкнуть Землю, попятить её и вернуть обратно такое близкое время: неужели нельзя отчаянной силой своей любви проломить настоящее, как первый тонкий лёд, и окунуться в недавнее прошлое, как в воду под этим льдом?.. Но время было самой прочной материей на свете, и его слой толщиной даже с крыло бабочки был крепче крупповской брони.

Хамзат Хадиевич поднял Алёшку на руки и понёс в пулемётное гнездо, а там, присев, бережно положил под бруствер. Потом встал и внимательно осмотрел затон. Потом снова присел и взъерошил Алёшке волосы.

— Ванья вывезёт твою сестру, — успокоил он мальчишку. — Йя эму помогу, обещаю тебе, Альошэнка... Ты спы, мой ынжэнэр.

В душе у него была только невыносимая пронзительная печаль.

Он тяжело пошагал в окоп и принялся заправлять в «гочкис» новую ленту с патронами. Алёшка умер, но работа Хамзата Хадиевича ещё оставалась незавершённой. Нельзя подпустить врагов к орудию. Нельзя. Ведь там, на пароходе, Ванья очень надеется на своего друга.

«Святитель» и «Наследник» перегораживали горловину затона, и огонь яростными всполохами словно бы перебегал с одного судна на другое, хотя, конечно, горели оба. Казалось, что обречённые пароходы не хотят выпускать из ловушки своего ещё живого собрата: погибать — так вместе. Но буксиру Ивана Диодорыча нельзя было погибать. «Святитель» и «Наследник» — без команд, пустые, а на «Лёвшине» — люди. Они оставались на борту, потому что здесь был Иван Диодорыч, их капитан, а Иван Диодорыч оставался здесь, потому что в кубрике была Катя. Значит, надо драться за свою жизнь.

Иван Диодорыч рассчитал движение до вершка. Машина мерно работала на средней тяге; колёса вспахивали воду, покрытую дымящимися комьями нефти. «Святитель» и «Наследник» неудержимо приближались: огонь на палубах высвечивал их сквозь мглу, словно суда были логовами демонов.

— Таранить будешь, как «Русло» таранил? — заморожённо спросил Дудкин.

— Нет, — кратко ответил Иван Диодорыч. — Распихну.

Поворачивая штурвал, он нацеливал буксир в треугольный зазор между «Наследником» и «Святителем». Серёга Зеров сгонял матросов на корму.

— Стоп машина! — приказал Иван Диодорыч в переговорную трубу и перекинул рукоять телеграфа.

Машина умолкла, в тишине был слышен только треск пожара. «Лёвшино» с набега вошёл чуть наискосок между горящих судов, мрачно озарённый и справа, и слева. Крамбол торчал, будто копьё. Мёртвые пароходы смотрели пламенными глазами окон. Казалось, что какие-то злобные силы сейчас набросятся на «Лёвшино» с двух сторон, примутся терзать и пожирать, словно стая голодных волков, однако неведомый страх удерживал их на привязи.

Иван Диодорыч не хотел, чтобы его буксир сцепился со «Святителем», как «Наследник», потому и сбросил ход. «Лёвшино» по касательной увесисто ударил форштевнем «Святителю» в бок — точно в ступицу колеса, прикрытую «сиянием». Лопнул и отскочил крамбол,

хруст каркаса пробежал по буксиру от носа до кормы. Влечением инерции морду «Лёвшина» потащило по борту «Святителя», сминая прогулочную галерею, будто картонную коробку. Но толчок, полученный от «Лёвшина», сдвинул «Святителя», и «Наследник» нехотя выломился из прорана, в котором застрял: два судна разделились.

— Полный ход! — тотчас скомандовал Иван Диодорыч.

Всё-таки у него был буксир — пароход, созданный как раз для того, чтобы сдвигать неподъёмный груз. Гребные колёса врылись в воду. «Лёвшино» пошёл вперёд — в узкую щель, открывшуюся между «Наследником» и «Святителем»; левым обносом «Лёвшино» скрёб по «Наследнику», правым — по «Святителю». От сотрясения горящие пароходы окутались облаками искр, на буксир Ивана Диодорыча полетели угли и тлеющие обломки.

Иван Диодорыч застыл за штурвалом. Он надеялся, что колёсные рамы выдержат напор. «Лёвшино» продирался на волю, словно собака сквозь дыру в заборе. Иван Диодорыч сердцем ощущал, как его буксир дрожит всей своей громадой, сопротивляясь давлению, будто его пытаются скомкать и раздавить в исполинском кулаке. Вокруг рвалось и гнулось железо. Что-то скрежетало и трещало, пустотело лязгало, взвивался отвратительный ржавый визг, и Дудкин от ужаса зажал уши. Волнами накатывал огонь, пытаясь перехлестнуть через палубу, и дышало жаром. Но чем было страшнее, тем спокойнее становилось Ивану Диодорычу. Пробуждённая враждебная мощь означала их собственную силу, а Иван Диодорыч верил в себя, в свою команду и в свой пароход.

В тёмном кубрике по-прежнему было душно от нефтяного дыма. Катя, измученная болью, всё же услышала за бортом грохот, напоминающий грозу.

— Что это гремит, Стеша?.. — выдохнула она.

Катя хотела, чтобы её убило, и страдания закончились.

— Да ничего там такого! Диодорыч управится! — успокоила её Стешка. — Тужься, дева, тужься и терпи! Не вечна бабья мука!

И Катя снова закричала, уповая на облегчение.

На другой койке зашевелился раненый Федосьев. Пуля навывлет пробила ему бедро; Федя Панафидин крепко замотал его ногу тряпками.

— Лежите, господин офицер, — мягко сказал Федя.

Он сидел рядом с Федосьевым, а образ Николы Якорника поставил перед собой на рундук. Нимб Якорника чуть мерцал в полумраке. Федосьев с трудом вспоминал, что случилось: пожар на буксире, дверь кубрика, нобелевец внизу, выстрел... А дальше?.. Что было потом?.. Почему так дико кричит женщина? Что за скрежет вокруг? Что за икона светит сквозь тьму? Может, это бред?..

— Где я? — спросил Федосьев.

— В чистилище, — просто ответил Федя.

— Кто кричит?

— Господь присудил Катерине Дмитриевне от бремени разрешиться.

Федосьев попробовал сесть, но острая боль пронзила ногу до живота, и он, застонав, повалился обратно.

— Я пленный?

— Нет у нас пленных, — сказал Федя.

И «Лёвшино» тоже освобождался из неволи, будто рождался заново.

Ободрав колёсные кожухи, он всё же протиснулся между «Святителем» и «Наследником». Горящие пароходы оставались за кормой: пылая, они точно скалились от злобы. Глухой дым над водой расслаивался и распадался; сквозь мглу впереди расцветали праздничные краски загустевшего дня: васильковое небо, зелёный мыс, бело-полосатый парус фарватерного знака на створе и блещущие волны... Повеяло блаженной свежестью большой реки. Горячее солнце безмятежно клонилось к лесам на дальнем берегу, словно бы на земле царили мир и покой. Но мира и покоя на земле не было.

Из пулемётного гнезда Мамедов увидел буксир Ивана Диодорыча — и почувствовал освобождение. Молодэц, Ванья. Хотя бы у него получилось... Хамзат Хадиевич ласково погладил мёртвого Алёшку по голове:

— Болше нэ бойса за сэстру, Альошэнка.

Уже не прячась от пуль, Хамзат Хадиевич прошёл в окоп, поднял одну из винтовок, проверил магазин, примкнул обойму, сдвинул патроны, дослал затвор и повернул рукоять. Наверное, пяти патронов ему будет лишку — не успеет расстрелять. Ну ладно... Хамзат Хадиевич неуклюже полез из окопа.

А Роман Горецкий рассматривал «Лёвшино» в бинокль, оставленный подпоручиком Василенко. Роман уже готов был бросить всё и бежать на свой пароход, но услышал, как рядом зло и радостно оживились солдаты.

— Не трогай «гочкис», дурень! — ругались они на пулемётчика. — Мы его, подлюку, из трёхлинеечек сами приголубим!..

Роман опустил бинокль.

По луговине к их позиции открыто шагал Мамедов — шагал и стрелял на ходу из винтовки. И было понятно, что он идёт под пули умирать.

«Лёвшино» разворачивался к фарватеру; участь Мамедова и захват пушки уже ничего не определяли, и Роману следовало торопиться на «Гордый», но его удержала ненависть, мстительное любопытство. Он не мог отвести взгляда от непобедимого нобелевца — грозного даже сейчас. Солдаты быстро бабахали из винтовок, словно соревновались, стараясь опередить друг друга, а Мамедов шагал и стрелял в ответ, шагал и стрелял, будто был неуязвим.

Он чувствовал тугие толчки вонзающихся в него пуль, и каждый удар словно утяжелял его руки и ноги, замедлял весь мир, но Хамзат Хадиевич тянул и тянул своё неумолимое движение, как перегруженный и тонущий буксир. Закончились патроны в винтовке, и он ещё сумел вытащить кольт, сумел пальнуть куда-то косо в землю, и лишь потом всем телом повалился в траву. В последнем вдохе он уловил запах этой травы, и ему не понравилось — он не хотел ничего: ни запахов, ни звуков, ни света, ни памяти. И это ничего неспешно наплыло на Хамзата Хадиевича, как избавление и пощада.

Роман выбрался из пулемётного гнезда и вместе с солдатами всё-таки пошёл к Мамедову. Миновал убитого подпоручика Василенко, покорёженное орудие, трупы артиллеристов... Мамедов лежал лицом вниз, массивный, будто большое животное. Солдаты разглядывали мертвеца. Роман поднял кольт Федосьева, выпавший из руки Хамзата Хадиевича, и не смог не сделать этого — выстрелил Мамедову в чёрно-седой затылок. Теперь уж всё точно.

А потом он побежал по склону к стоянке «Гордого».

Бронепароход под парами приткнулся носом в берег немного выше дамбы затона. У сходни топтался часовой. Ничего не объясняя морякам, которых встретил на палубе, Роман сразу поднялся на

мостик. Мичман Знаменский был откровенно рассержен тем, что командир пропал так надолго.

— Что там стряслось, Роман Андреевич? — спросил он. — Мы ждём уже чёрт знает сколько, и ни слуха ни духа, а у вас — пожар, стрельба, солдаты!..

— Диверсия, господин мичман, — ответил Роман; он решил, что для Знаменского сойдётся история, которая убедила и подпоручика Василенко: — На «Лёвшине» действительно были агенты большевиков. Начался мятеж. Его цель — уничтожение нашей топливной базы. Как видите, отчасти это удалось.

— Где Пётр Петрович?

Роман достал кольт Федосьева и протянул мичману рукояткой вперёд.

— Пётр Петрович убит.

Знаменский был потрясён. Он осторожно взял оружие Федосьева, будто какую-то удивительную и невозможную вещь.

— Да, на войне убивают даже кумиров, — мрачно сказал Роман.

Знаменский растерянно совал кольт в карман кителя и не мог попасть.

— Адмирал Смирнов хотел представить Петра Петровича к Георгиевскому кресту... — сдавленно произнёс он. — За тот бой на устье Белой...

— Я знаком с Петькой ещё с Самары. — Роман сделал вид, что на миг его тоже охватили воспоминания. — Но теперь командуете вы, господин мичман. А люди, которые убили Федосьева, уходят на «Лёвшине» без возмездия.

— Нет, возмездие будет! — со звоном в голосе пообещал Знаменский.

...Нагоняя обороты колёс, «Гордый» двигался мимо горящего затона, будто мимо огромного чёрного леса: дремучие дымы, багрово подсвеченные снизу, возносились как исполинские деревья, и тень от них дотягивалась до середины реки. Пожарище поневоле вызывало благоговение. Но Роману было не по себе. Ему навязчиво чудилось, что откуда-то вдруг может появиться Мамедов. Оглянешься — а он за спиной, и это страшно. Да, Мамедов мёртв, но его смерть, оказывается, ничего не значила, потому что оставался Нерехтин.

Роман щурился, с мостика всматриваясь в створ, где всё терялось в блеске волн и таяло в солнечном свете. Он ещё различал вдали маленький тёмный силуэт убегающего буксира «Лёвшино». Желание у Романа было только одно, зато простое и ясное, как клинок: утопить этот дьявольски упрямый пароход. Ни про Катю, ни про Алёшу Якутовых Роман уже не думал: дети Дмитрия Платоновича сами выбрали сторону, их судьба его теперь не касается. Романа заботил только груз, спрятанный в трюме у капитана Нерехтина.

Мичман Знаменский вышел из рубки, и Роман повернулся к нему:

— Какова дальность прицельной стрельбы из вашего орудия?

Знаменского, похоже, нужно было только слегка подтолкнуть, чтобы он согласился открыть огонь на поражение.

— Уверен, что дистанция приемлемая, — мрачно ответил он.

— Тогда чего же мы ждём?

«Лёвшино» вырвался из когтей дьявола, но ад оставил свои отметины. Старпом Серёга с матросами заливал последние очаги, и буксир был окутан паром, как баня. Краска на его бортах обгорела. Палубы и стены надстройки местами обуглились. Тонко дымили пулевые пробоины в трубе. Страшнее всего было видеть кожухи, на которых задрало листы обшивки: в чёрных прорехах, точно оголённые кости, двигались дуги колёс; железо топорщилось, словно вывихнутые крылья. Иван Диодорыч понял: эти изувеченные крылья проявили небесную суть парохода — его «Лёвшино» был ангелом-хранителем.

Иван Диодорыч вёл буксир в Нижнюю Курью, домой, — а куда ещё идти? Нобелевский городок и затон уползли за мыс на повороте, о пережитом ужасе напоминал только высокий столб дыма над прибрежным лесом.

— Узнай мне про Катюшу, — приказал Иван Диодорыч Дудкину.

Дудкин убежал. Поглядывая в разбитое окно, Иван Диодорыч заметил, что «Лёвшино» упрямо уклоняется влево. Неужели плицы левого колеса всё-таки повредило огнём и правое колесо теперь перегребаёт?.. Эх, нехорошо, хотя можно и поправить... В рубку вернулся запыхавшийся Дудкин:

— Степанида говорит, у них покуда без прибыли... А ещё вот, дядь Вань, Перчаткин божится, что Алексей за дядей Хамзатом с борта сиганул...

Иван Диодорыч молча стиснул рукояти штурвала.

— Пушка-то не тьякала, когда мы удирали, — заискивающе сказал Дудкин, — значит, дядя Хамзат живой! А коли он живой, так убережёт Алексея!..

— Беречь — это моё дело! — с досадой ответил Иван Диодорыч.

«Лёвшино» бежал по просторной реке, оставляя в воздухе след из дыма и пара. Сошедшее с зенита солнце слепило Ивана Диодорыча, но Дудкин не мог увидеть мокрого блеска в глазах капитана. Левый берег начал вздвигаться плавным подъёмом горы Вышка, и над ней висели кудлатые лёгкие облака.

А справа от буксира на стрежне вдруг с шумом взлетел столб воды, потом издали докатился гулкий звук артиллерийского выстрела. Иван Диодорыч и Дудкин тотчас обернулись. На повороте чернел маленький пароходик.

— «Гордый»! — сразу понял Нерехтин. — За нами, сволочь, гонится...

— Да чего же они привязались-то?! — плачуще воскликнул Дудкин.

Иван Диодорыч, конечно, знал причину. В трюме «Лёвшина» лежал груз Горецкого — он был как проклятье, которое никак невозможно сбросить. И капитан Нерехтин ощутил, что начинает сатанеть. Да будет ли избавление?.. Они только что вынырнули из пекла — и опять обратно?! Дайте же, суки, передышку, дайте Катюше родить — не в пожаре и не под обстрелом!..

— Все в машинное! — на палубе скомандовал матросам Серёга Зеров.

Перед надстройкой заметался Колупаев, не соображая, куда себя деть.

— Не могу!.. — закричал он Серёге. — Не могу больше!.. Сил моих нету!..

Чёрную копоть на его морде размывали слёзы.

— Ну-ка не раскисай! — рявкнул Серёга.

Колупаев едва не кинулся на Серёгу с кулаками:

— Сколько ещё под топором плясать? Хорош! Замордовали уже!..

Высокий Серёга схватил Колупаева за робу на груди и оттолкнул назад — охлонись! Колупаев стукнулся спиной в стену надстройки, встряхнулся, кинулся мимо Серёги к фальшборту и очертя голову прыгнул в воду. Серёга опешил. А на другой стороне палубы матрос Девяткин вдруг тоже скользнул к фальшборту. Ничего не объясняя, он тоже перемахнул планширь и вслед за Колупаевым бултыхнулся в пенную полосу от гребного колеса.

По правому борту взвился фонтан нового разрыва.

Глядя на матросов, уплывающих сажёнками к неблизкому берегу, Дудкин завистливо вздохнул:

— Спасаются мужики...

— Так шуруй за ними! — ревниво предложил Иван Диодорыч.

— Мне-то нельзя, — печально пояснил Дудкин, словно извиняясь перед капитаном. — Я же при тебе штурвальный...

— Тогда смотри, штурвальный! — Иван Диодорыч развернул Дудкина за плечо. — Говорю, ежели меня убьют... У нас на левом колесе плицы сожгло, и нас влево тянет. Руль углом надо держать, чтобы вперёд прямо идти! Понял?

Иван Диодорыч не сказал, что с косым рулём и ослабленным колесом «Лёвшино» потеряет в скорости, и «Гордый» от них не отстанет. Зачем парня страшать? Пусть борется изо всех сил, а уцелеет или нет — уж как бог даст.

На кормовой палубе перед надстройкой вдруг оглушительно рвануло и сверкнуло, вздыбились обугленные доски и лохмотья железа: это попал снаряд «Гордого». «Лёвшино» колыхнулся и закрипел; Дудкин испуганно схватился за Ивана Диодорыча, чтобы не упасть. Но машина работала как прежде.

— Осип Саныч, что у тебя? — крикнул Нерехтин в переговорную трубу.

А в машинном отделении было светлее, чем обычно: в потолке зияла дыра, перечёркнутая балкой, и в этой дыре за рваными краями весело синело небо. Как раз под дырой на своей откидной скамеечке, перекосившись, смиренно сидел маленький Осип Саныч Прокофьев, старший механик. Виском он уткнулся в ржавый пиллерс, очки с него слетели, лицо залила кровь. Митька Ошмарин и Сенька Рябухин, путаясь руками, заматывали ветошью медный паропровод, из которого свистела тонкая струя пара. Павлуха Челубеев — голый по пояс, с мазутной грязью на волосатом брюхе — орудовал у котла. Яшка Перчаткин, поскуливая, прятался за шевелящейся машиной. Серёга Зеров ошупал грудь старшего механика и сунулся к переговорной трубе:

— Дядь Вань, убитый Осип Саныч!..

В душе Ивана Диодорыча словно лопнула какая-то струна. Леденя, он понял: сколько он ни отбивался, смерть всё равно проникла на его пароход — как в том бою, когда погибла Дарья... Смерть — она здесь, на борту, и она хочет жрать. Но жуткое ощущение чужого злобного присутствия только ожесточило Нерехтина. Здесь командует он — капитан, а не какая-то приبلудная тварь!

В кубрике тоже услышали грохот взрыва и почувствовали толчок судна; железная коробка кубрика хрустнула, и с подволока посыпался мусор.

— Опять, что ли, по нам палят? — Стешка посмотрела вверх. — Вот бляди!

Катя цепко схватила Стешку своей истончившейся рукой.

— Стеша, я не рожу никогда!.. — прошептала она; огромные её глаза были обмётаны покойницей синевой. — Я не сумею!.. Я не выживу, Стеша!..

— Чего несёшь, дура? — остервенилась Стешка. — Ори, дева, но рожай! Там мужики за тебя умирают, а ты тут не смей у меня!..

— Уходите с Федей! — истоиво твердила Катя. — Скажите там всем, чтобы бежали с парохода! Не надо жертвы ради меня!..

Федя Панафидин подобрался к занавеске, за которой лежала Катя.

— Грех так говорить, Катерина Дмитриевна! Кто надежду теряет, тот в бога не верит, а без веры нет и спасения!

— А ты молись! — приказала ему Стешка. — Проси у господ! Кричи ему!

Кубрик опять качнулся, опять с подволока посыпался мусор.

— Мы все спасёмся! — с отчаянной убеждённостью пообещал Федя. — Я в рубку образ подыму, пусть команда видит — и к небу будет ближе!

Федя сгрёб икону и бросился вверх по трапу.

Федосьев смотрел на это и молчал. Он наконец-то начал понимать, что же происходит на борту «Лёвшина»: мысли у него смешивались и распадались, как у сумасшедшего, но он собирал их обратно — и картина получалась совсем не такая, как он полагал раньше. Ромка Горецкий лгал. Нет на буксире никаких мятежников. Есть беда, и люди тащат друг друга из этой беды, потому и не могут разбежаться, чтобы спастись поодиночке.

...По левому берегу уже громоздился Мотовилихинский завод: длинные корпуса цехов с рядами арочных окон и целым лесом труб, подъёмные краны, причалы, эстакады. Низкий правый берег был неровным и совершенно пустым — там располагался заводской артиллерийский полигон. С мостика своего бронепарохода мичман Знаменский разглядывал «Лёвшино» в бинокль.

— Я точно могу поручиться за два попадания! — твёрдо заявил он Роману. — Однако, судя по всему, пока мы ещё не нанесли противнику значительного урона. Я не наблюдаю ни перебоев машины, ни потери плавучести.

Перед мостиком «Гордого» на носовой палубе сноровисто сустились канониры орудийной полубашни.

— Почему «Лёвшино» прижимается к левому берегу? — спросил Роман. — Намерен причалить к заводскому пирсу?

— На заводе мятежникам не скрыться, — возразил мичман. — Предполагаю, что у них просто повреждено управление судном.

Иван Диодорыч, конечно, тоже заметил, что его буксир, не слушаясь руля, потихоньку сам собой сдвигается к мотовилихинской стороне. Причина была очевидна: снаряд, убивший старшего механика, заодно оборвал и правый штуртрос — цепь, связывающую механизм парового штурвала с румпелем. Намертво насаженный на баллер руля, румпель помещался в отсеке кормового подзора, а штуртросы были протянуты вдоль бортов под палубой.

— Дудкин, дуй в каптёрку за храпцами! — приказал Иван Диодорыч и наклонился над переговорной трубой: — Серёга, штуртрос надо срastить!

Храпцами называли особые крючки, которыми соединяли хвосты цепей.

Дудкин убежал, но появился Федя с иконой. И тотчас в надстройке с грохотом разорвался новый снаряд. Федя и Нерехтин едва не упали.

— Забыл о нас господь! — гневно бросил Иван Диодорыч.

— Совсем худо? — спросил Федя.

Он был подлинным речником, потомственным, а не матросиком из крестьян и не машинистом из мастеровых; лоцману Феде Панафидину капитан Нерехтин мог всё сказать честно.

— На левом колесе у нас пожаром половину плиц объело. При косом руле мы уравниемся по скорости с «Гордым»... Я знаю этот буксир. Не «Гордый» он никакой, а «Григорий» Добрянского завода. Делает шестнадцать вёрст в час, как и мы теперь, если только руль удержать сумеем...

— Сумеем! — ответил Федя.

Иван Диодорыч зло усмехнулся:

— У Горецкого пушка. Он от нас не отстанет, пока мазут не закончится, и всю дорогу будет бить... Не утопит, так в плен возьмёт, а плен — та же смерть. Спасайся, Федюня, с борта, я капитанским словом тебе позволяю.

Федя обшаривал взглядом простое лицо Ивана Диодорыча:

— Может, на «Лёвшино» мазута больше, дядя Ваня? Бог нас не выдаст!

Иван Диодорыч печально покачал головой:

— Благое дело — вера, но расчёт против нас. Бог не спорит с механикой.

А Федя вдруг понял, что дядя Ваня Нерехтин, такой земной и обыденный, с вечным своим самоедством и приступами слабости на полпути, на самом деле — могучий патриарх. Праотец Ной. А буксир дяди Вани — обожжённый, избитый, простреленный — это ковчег. Дядя Ваня собрал на нём самых разных людей: Катю Якутову — дочь пароходчика, чекиста Сеньку Рябухина, шулера Яшку Перчаткина, арфистку Стешу... На ковчеге у дяди Вани хватило места даже врагам, ведь сам он, Федя, был лоцманом вражеского судна, а Федосьев был вражеским капитаном. Все они в своём несовершенстве и есть дольний мир, несправедливый и страдающий; конечно, бог может погубить человека, но мир он не погубит. И не важно, что даже небо подчиняется механике!

— Ежели расчёт был бы за нас, так зачем тогда бог? — ответил Федя. — В том божья тайна и состоит, что нету ей причин, кроме высшего замысла! Она всегда как наперёд — так невозможна, а обернёшься — так неизбежна!

Иван Диодорыч лишь махнул рукой — о чём говорить с блаженным?

В рубку ввалился Дудкин, из носа у него текла кровь — его контузило.

— Не нашёл я храпцов! — плачуще сообщил он. — Каптёрка-то сгорела и всё снарядам порушено!.. Серёга велел мне с ним вручную штуртрос тянуть, и нам твоя команда нужна, дядя Ваня!

Иван Диодорыч мгновенно понял замысел Серёги Зерова.

— Идём! — заторопился он.

«Гордый» уже догонял «Лёвшино», мелкие фигуры людей на пароходе Нерехтина Роман различал теперь и без бинокля. Напрягая свои машины, два буксира мчались по реке: искалеченный — убегал, и его колёса выбрасывали пену из дырявых кожухов, а бронированный буксир настигал беглеца и бил из пушки. Мотовилихинский завод на левом берегу закончился крутой горой, гора оборвалась в глубокий лог, над логом выскочила колокольня, вдоль реки выстроились пристани с пришвартованными судами, а над ними вдоль по гребню откоса покатила бесконечная улица с торжественными фасадами. Казалось, что перед лицом губернского города убийство — дело немыслимое, но гражданская война давно отменила все приличия.

— Они безумцы... — с досадой заметил мичман Знаменский.

— Безумцы, — согласился Роман.

Он видел, что на кормовой палубе «Лёвшина» распахнули крышку трюма и вытащили наружу правую цепь штуртроса. Старпом Зеров и штурвальный Дудкин руками натягивают эту цепь, удерживая лопасть руля под нужным углом. На лопасть давит мощный поток воды из-под правого колеса, и держать цепь — адское напряжение, точно подъём якоря без брашпиля. «Лёвшино» спасался бешено — уже силой живых людей, а не бесчувственной машины. У Романа мурашки поползли по спине: это всё было чудовищно, как древняя казнь четвертованием. В упрямстве команды Нерехтина для Романа словно очнулось каторжное прошлое русских рек, когда бурлацкие артели, хрипя, волокли против течения огромные барки с невероятным грузом. И сам Нерехтин стоял на краю надстройки с рупором — следил за рулём и направлением буксира. А рядом с капитаном топтался и крестился глупенький лоцман Федя: конечно, дикари всегда взывают к богам. Свою дурацкую икону Федя прислонил к дефлектору: может, хотел, чтобы святой посмотрел на муки человеческие, а может, надеялся, что на «Гордом» оробеют от намалёванного Николая Якорника.

Роман подумал, что уничтожение «Лёвшина» подобно искоренению какого-то жестокого и бессмысленного обычая. Там, где властвуют «Шелль» и «Стандарт ойль», где синдикаты и концерны, где

дизеля и динамо, где прогресс и конкуренция, — там нет места косным суевериям вроде почитания Якорника. Выбросить его на свалку истории — и долг, и подвиг.

— Господин мичман, — окликнул Роман, — бейте из пулемётов!

«Лёвшино» шёл мимо товарных причалов Заимки, впереди поперёк реки на синеве небес обрисовался железнодорожный мост. Пулемётного треска никто на буксире не услышал, но грохот вдруг пробежал по стене надстройки. Иван Диодорыч пошатнулся от удара в бок, однако ему нельзя было падать — на палубе Серёга Зеров и Дудкин тянули цепь штуртроса, упираясь ногами в стойки фальшборта: они усмиряли пароход, как свирепого быка.

— Стра... страви немного!.. — еле крикнул в рупор Иван Диодорыч. Он нацеливал буксир в широкий пролёт моста.

По «Лёвшину» снова хлестнула очередь, и Серёга с Дудкиным разом как подрубленные повалились — Дудкин на Серёгу. Звякнула освобождённая цепь. Закидываясь на старпома, Дудкин странно ворочался, дрожал и елозил ногами, будто устраивался в смерти как в постели — поудобнее, а потом ослабел и затих. Серёга сдвинул с себя тело Дудкина, приподнялся, схватился за цепь и опять беспомощно распластался на обгорелых досках настила.

— Не могу!.. — выдохнул он.

Федя дёрнулся было к трапу, но Иван Диодорыч цапнул его за плечо:

— Нет! Лучше бога моли, Федюня!

От надстройки к штуртросу на четвереньках ползли Сенька Рябухин и Яшка Перчаткин. Яшка тихо причитал, точно приговорённый:

— Господи всемилостивый, не попусти аспидам, не губи, господи, не губи, не губи неповинного, не губи, пресветлый, душу чистую!..

Серёга повернул голову.

— Лёжа тяните... — прохрипел он. — Мной прикройтесь...

Перчаткин и Рябухин послушно легли на палубу рядом с Дудкиным и старпомом, упёрлись ногами во что получилось и натянули цепь. Поневоле они глядели в небо, где плыли облака, и Яшка продолжал беззвучно шептать.

— За меня тоже замолви, Яша, — сдавленно попросил Сенька. — Я Катерину Митревну обездолил, дак искупить надоть, а для того

живым быть потребно...

Раненый Иван Диодорыч кривился, зажимая бок, и смотрел то на мост перед буксиром, то на Сеньку с Яшкой. Федя подпёр капитана плечом.

— Выбирай на аршин... — просипел Иван Диодорыч.

— Выбирай на аршин! — крикнул Федя, повторяя команду.

«Лёвшино» неторопливо приближался к мосту. Машина его работала, в дырявых кожухах крутились колёса, бурун клокотал под форштевнем, но пароход шёл вперёд с пустой рубкой, словно обезумел от ужаса. С «Гордого» продолжали стучать пулемёты, однако расстояние было слишком велико для прицельного огня. Очереди, грохоча, вслепую прокатывались по надстройке.

Этот грохот в кубрике слышал Федосьев. За простынёй стонала Катя, Стешка и жалела, и ругала её, а Петька Федосьев думал, что обстрел буксира Нерехтина ведёт его бронепароход... На «Гордом» не знают, что их капитан жив, и мстят за его гибель. Мстят неповинным и безоружным людям, которых и без того уже пытались сжечь заживо!.. А эти люди спасают Катю Якутову, которую сейчас никак не вытащить из трюма!.. Горецкий — сука!.. Горецкий — сука! — скрипел зубами Федосьев. Чёрт, надо выбраться отсюда на палубу, чтобы его, капитана, увидели на «Гордом» и прекратили огонь!..

Федосьев вцепился в пиллерс и с трудом встал. В глазах всё плыло. Боль пронзала до подвздошья. Хватаясь за койки, Федосьев заковылял к трапу.

«Лёвшино» входил под мост, и решётчатая тень проползала через буксир от носа до кормы. Давясь слезами, Федя поддерживал всё тяжелеющего и тяжелеющего Ивана Диодорыча; лёгкий ветерок взвеял редкие волосы дяди Вани, словно уже что-то уносил от него куда-то вдаль. С высоты моста какие-то солдаты сердито кричали вниз на судно и махали руками, потом бросились прочь. Сенька и Яшка, лёжа, упрямо тянули цепь штуртроса. Серёга Зеров глядел на них, поднимая голову, и шептал:

— Не подкачайте, братцы...

Мимо борта поплыла могучая стена мостового устоя.

Словно бы дождавшись его, как пограничного столба, Серёга сник, и по его крупному телу скользнула последняя дрожь.

И в тёмном кубрике буксира Катя тоже словно бы пересекла границу. Она уже ничего не осознавала. Накаты боли стали просто как дыхание, как суть её природы, и в этой медленно испепеляющей колыбели Катя вдруг ощутила, что тает, плавится, тихо течёт вниз, как воск со свечи, наконец-то освобождая от себя и от своих страданий что-то другое, что-то живое, что-то лучшее...

— Давай, моя хорошая... — бормотала рядом Стешка. — Отпускай!..

...«Лёвшино» прошёл под мостом будто сквозь заколдованные тёмные ворота, и перед ним в бесконечность распахнулся светлый речной створ, в котором висело вечернее солнце. Дальше могло быть только избавление.

Но избавления не было. С крыши надстройки Иван Диодорыч и Федя видели бронепароход Горецкого — он тоже примерялся пройти в пролёт. Труба его дымила, возле пушки и пулемётов двигались люди. «Гордый» показался Феде злым чащобным чудищем, которое преследовало их в лесной глухомани и не отвязалось, когда лес закончился. Чудище пересекло поле, потоптало огороды, нагло протащило по улице деревни, вломилось во двор, влезло на крыльцо и теперь пробивается в дом, круша дверной проём косматым рылом.

Иван Диодорыч и Федя стояли на крыше надстройки на виду у «Гордого» — некуда больше было прятаться.

— Ещё раз попроси, — велел Иван Диодорыч. — Не за себя — не стыдно...

Федя перекрестился.

— Возбранный Чудотворче... — вкладывая всю душу, начал он, — радуйся, зол прогонителю, радуйся, чудес пучина, радуйся росо неботочная в зной трудов сущим, радуйся, от мятежа и брани соблюдаяй...

Древние причудливые слова звучали будто не из этого мира — будто Федя отыскал какую-то волшебную всемогущую машину, которая работала не на силе пара и не от нефтяного огня, а по ещё неизвестным законам вселенной.

— Сыне божиего укрепитель, от всяких мя бед огради! — всё отчаянней и громче требовал лоцман Федя Панафидин. — Скорый утешителю в беде сущих, останови судно, погибель сеюще! Избави рабы твои от греха и помилуй мя!

Слова летели над разгромленным пароходом, над изнемогающей командой, взмывали выше дымящей трубы, выше моста, выше любых колоколен, выше самых чистых облаков — эта неземная речь могла донести слабый голос человека до немыслимых пределов, и Федя знал, что такая сила молитвы дарована каждой душе — но лишь единожды, как рождение и смерть.

А на палубу, шатаясь, вывалился Петька Федосьев — он тоже стремился сюда, чтобы кричать.

«Гордый» вошёл под мост. Мичман Знаменский увидел Федосьева в бинокль — и в полном изумлении повернулся к Роману, однако не успел ничего сказать. Мост был заминирован, подготовлен к уничтожению, и там, наверху, ничто уже не могло отменить мерного отсчёта детонатора. На площадке каменного устоя вдруг ослепительно полыхнуло, и треснул такой взрыв, будто лопнуло солнце. Звук ударил по бронепароходу, осязаемо твёрдый, как доска. Огромная и длинная решётчатая ферма захрустела, словно кость, и струнулась со стальных оснований, выворачивая глыбы из мостовой опоры.

Увидев летящую на него громаду, Роман ещё молниеносно удивился: а как судьба сейчас сумеет уберечь его?.. Конечно, он не погибнет, потому что его жизнь не может обойтись без свершений, не может закончиться внезапно, без знака, без предчувствия... Он ещё столь многого должен достичь, так что глупо говорить, будто... А потом было крушение. Тысячетонной тяжестью стали конструкция полёта одним концом упала на бронепароход — на рубку и надстройку — и разможила «Гордому» голову, переломила хребет.

В исполинском фонтане, взметнувшемся вдоль обглоданного каменного устоя, вода и пена перемешались с дымом и паром; из месива жутко высунулся задранный нос парохода с якорем на крамболе; в сторону торчала мостовая ферма. Фонтан замер на миг в высоте, начал падать — и дико вознёсся снова: это взорвался ещё и котёл «Гордого». Полетели какие-то обломки, забурлили гигантские пузыри. Пространство зыбко вибрировало от гула.

Островерхая башня из воды и пены обвалилась, кольцом разбежалась погребальная волна, и «Лёвшино» качнулся на ней, словно поклонился тому, кто его спас. А Федя был потрясён: он воочию узрел божью тайну.

— Значит, будем жить... — прошептал Иван Диодорыч.

...Федя дотащил его до рубки и помог сесть на палубу, прислонив спиной к стене. Иван Диодорыч умер спокойно, хотя его буксир ещё не добрался до родного затона. Впрочем, до затона оставалось-то полторы версты. Полторы версты по тихой и пустынной реке, широко уходящей к далёкому повороту.

— Стоп машина! — скомандовал Федя в переговорную трубу.

Колёса постепенно замедлили движение, в дырявых кожухах замолк шум, и стало слышно, как в железной утробе парохода плачет младенец.

Сенька Рябухин и Яшка Перчаткин в последний раз потянули за цепь, и «Лёвшино», поддавшись, двинулся к близкой уже дамбе, мягко въехал носом на мель, словно умная лошадь, которая сама вернулась в своё стойло. На дамбе валялись ржавые бакены, вдоль приплёска ходили белые чайки.

В кубрике Катя приподнялась на взрытой постели, и Стешка подала ей ребёнка, уже обмытого и закутанного в тряпки. Катя с ненасытным вниманием впервые вглядывалась в личико своего сына, тёмное и сморщенное.

— Какой красивый... — зачарованно сказала она.

— Дак понятно, — хмыкнула Стешка. — Ну-ка отдай мне, народ ведь ждёт.

Катя, улыбаясь, отдала младенца.

Стешка осторожно вошла по крутому трапу, миновала разбитый коридор и очутилась на кормовой палубе. Здесь у фальшборта лежали Дудкин и Серёга Зеров. Стешка постояла возле них, нагнулась, прижимая младенца к себе, погладила Серёгу по скуле и направилась к трапу на крышу надстройки.

Они все были там — возле рубки, возле своего капитана. Приткнулись кто куда. Лица в чёрной саже, одежда прожжённая... Павлуха Челубеев. Митька Ошмарин. Яшка Перчаткин. Сенька Рябухин. Даже Петька Федосьев. Федя Панафидин сидел рядом с Иваном Диодорычем, а рядом у стенки мерцала икона Якорника, будто Никола тоже был из команды.

— Полнобуйся, старый, на внучека. — Стешка опустила младенца перед мёртвым Иваном Диодорычем. — О-о какой малец уродился, не зря ты воевал.

И на миг почудилось, что Иван Диодорыч ожил. Ненадолго-то можно.

Стешка распрямилась и задумчиво обвела взглядом и судно, и Каму, и берег. Вот же горе... Добрый буксир превратили в развалину — прострелили, ободрали, опалили... Что за жизнь беспощадная!.. Зато вечер — ангельский. И облака в лазоревой нежности такие цветные и яркие, словно выросли в райском саду: белые, рыжие, сизые, малиновые, золотые... Стешка взяла младенца обеими руками торчком и показала ему всё, что есть вокруг:

— Смотри, дитя, на божий мир, знакомься. Это солнышко светит. Это река блестит. Это люди. Это пароход.